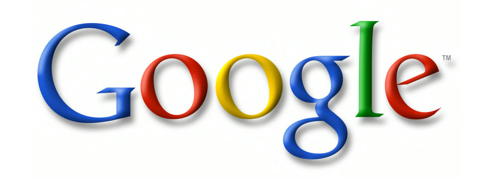

ВОСПОМИНАНІЯ
ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

„Wenn Einer eine Reise thut,
So kann er was erzählen“.

Matthias Claudius
(„Wandsbecker Bote“).

(„Кто путешествіе свершилъ,
тому есть что̀ повѣдать“).

ВЫПУСКЪ I.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ Ѳед. Адр. Богданова.
Петровскія линіи, № 5.
1892.

Изъ сочиненій Ю. К. АРНОЛЬДА изданы слѣдующія отдѣльными книгами и брошюрами:

А. На русскомъ языкѣ:

Теорія музыкальнаго сочиненія. С.-Петербургъ 1841, у Карла Гольцъ.

Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія, на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Выпускъ I. Теорія православнаго церковнаго пѣнія вообще, по ученію эллинскихъ и византійскихъ писателей. Москва, 1880. Изданіе редакціи журнала „Православное Обозрѣніе".

Продолженіемъ этой книги служитъ:

Гармонизація древно-русскаго церковнаго пѣнія по эллинской и византійской теоріи и акустическому анализу. Москва 1886. Изданіе псаломщика Мих. Дмитр. Разумовскаго.

В. На нѣмецкомъ языкѣ:

1867. Leipzig, Paul Rhode:
   1) **Der Einfluss des Zeitgeistes auf die Entwickelung der Tonkunst.**
   2) **Über Schulen für musikalische Kunst.**
   3) **Die Tonkunst in Russland bis zur Einführung des abendländischen Musik- und Notensystems.**
   4) **Betrachtungen über die Kunst der Darstellung im Musikdrama.**

1868. **Über Franz Liszt's Oratorium „Die heilige Elisabeth".** Leipzig Paul Rhode.

1878. **Die alten Kirchenmodi, historisch und akustisch entwickelt.** Leipzig, C. F. Kahnt.

Безчисленныя болѣе или менѣе пространныя статьи музыкально исторического, теоретическаго, эстетическаго и критическаго содержанія находятся въ разныхъ журналахъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Arnold, Iu. K.

ВОСПОМИНАНІЯ

ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

„Wenn Einer eine Reise thut,
So kann er was erzählen“.

Matthias Claudius
(„Wandsbecker Bote“).

(„Кто путешествіе свершилъ,
тому есть что̀ повѣдать“).

ВЫПУСКЪ I.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ Ѳед. Адр. Богданова.
Петровскія линіи, № 5.
1892.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. Лисснера.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ

и

БЫВШЕМУ УЧЕНИКУ

Петру Ивановичу

Серебрякову.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Имя Юрія Карловича Арнольда настолько извѣстно въ учено-музыкальной литературѣ (не только у насъ въ Россіи, но и за границей), что говорить о немъ излишне. Болѣе или менѣе полныя біографіи Ю. К. встрѣчаются въ русскихъ и иностранныхъ энциклопедическихъ и музыкальныхъ лексиконахъ.

Кому случалось слышать изъ устъ маститаго ученаго музыканта живые и занимательные разсказы изъ его юности или вообще изъ жизни его, тотъ давно уже зналъ, какимъ неисчерпаемымъ запасомъ интересныхъ и разнообразныхъ фактовъ обладаетъ авторъ предлежащихъ „Воспоминаній". Да и стóитъ только просмотрѣть приложенную къ первому выпуску общую программу, чтобы убѣдиться въ томъ, сколько въ этомъ обширномъ трудѣ находится интереснаго историческаго и другаго разнаго матеріала.

И такъ, собственно говоря, книга эта вовсе и не нуждается въ предисловіи. Не лишнимъ будетъ только замѣтить, что побужденіемъ къ письменному изложенію этихъ „Воспоминаній" послужили настойчивыя просьбы друзей, бывшихъ учениковъ и знакомыхъ глубокоуважаемаго старца-музыканта-литератора. И вотъ, наконецъ, такъ сказать, на закатѣ дней своихъ онъ предпринялъ этотъ нелегкій и обширный, но уже давно ожидаемый трудъ. Интересъ еще болѣе увели-

чивается неподдѣльнымъ юморомъ, оригинальной живостью и наглядностью разсказовъ и своеобразной силою языка.

Издатель „Воспоминаній“, сколько изъ душевно-глубокаго уваженія къ бывшему своему учителю, столько же и изъ убѣжденія, счелъ нужнымъ дать русской читающей публикѣ возможность познакомиться съ этимъ произведеніемъ. Онъ надѣется, что русскій интеллигентный міръ, по прочтеніи немногихъ уже главъ, единодушно примкнетъ къ тому мнѣнію, что мемуары нашего заслуженнаго маститаго музыканта-теоретика займутъ не послѣднее мѣсто въ литературѣ и надолго останутся цѣнными, какъ вѣрное отраженіе изображаемаго въ нихъ времени.

A-55

Общее содержаніе „Воспоминаній".

I.

Вступленіе. — Преданіе о нашемъ родоначальникѣ. — Мой взглядъ на предковъ. — Объ отцѣ и братьяхъ моихъ. — Нѣсколько словъ обо мнѣ.

II.

1813. Общая паника, напавшая на петербургскихъ жителей. — „Французы идутъ!" — Обдуманность плана завлеченія непріятельской арміи во внутрь нашей земли, и кому принадлежитъ основная мысль этого плана. — Плѣнные французы. — „Нашъ французъ" M-r Grrrosjean.

III.

1815. Возвращеніе гвардейскихъ полковъ въ Петербургъ. — Тамбуръ-мажоры и пѣсельники. Запѣвало Измайловскаго полка.

IV.

1815—1818. Петербургскіе петиметры и мюскадены. — Описаніе гардероба и принадлежностей франтовъ того времени.

V.

1816—1818. Старый Павловскъ. — Императрица-мать Марія Павловна и ея дворъ. — Поцѣлуй отъ Царицы и березовая кашица отъ моей бабушки.

VI.

1816—1818. Какъ Петербургъ веселился. — Обычное распредѣленіе дня въ „хорошемъ" обществѣ. — Торжественный обѣдъ въ день рожденія отца. — Jours fixes. — Балы. — Балы-маскарады. — Публичныя гулянья. — Оригиналъ бывшій комендантъ Башуцкій.

VII.

1816—1818. Состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургѣ. — Филармоническое Общество. — Тогдашній салонный репертуаръ. — Серьезной музыкою занимались въ немногихъ только домахъ. — Лучшіе фортепіанные учителя: Фильдъ, Арнольдъ, Мюллеръ. — Пріѣздъ знаменитаго Гуммеля. — Пѣніемъ много и охотно занимались. — Лучшіе преподаватели пѣвческаго искусства: Г-жа Линденштейнъ, гг. Затценгофенъ, К. К. Кавосъ и Джуліани. — На русской сценѣ лучшій пѣвецъ В. Самойловъ (отецъ трагика). — Репертуаръ тогдашнихъ оперъ. — Любимѣйшіе композиторы романсовъ. — Церковное пѣніе. — Частный хоръ богача Дубенскаго и пресловутый солистъ „Фрицъ".

VIII.

1819. Отецъ отправляетъ брата моего (Александра) и меня въ институтъ Д-ра Карла Лангъ близъ Дрездена. — О педагогическихъ принципахъ Песталоцци и Базедова. — Отправленіе насъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблѣ. — Ураганъ. — Штетинъ.— Дилижансы того времени.— Дрезденъ. — Г. коммерціи-совѣтникъ „Юлій Цезарь".

IX.

1819—1822. Ваккербартсрускій пансіонъ. — Пробужденіе барабаномъ. — „Онкель" Буккъ. — Туалетъ. — Завтракъ. — Классныя занятія. — Обѣдъ. — Препровожденіе времени послѣ обѣда. — „Vesperbrodt". — Музыкальные уроки, гимнастика, фехтованіе, домашній театръ. — Ужинъ и отправленіе въ дортуары. — Легкость, съ какою достигались успѣхи въ научныхъ занятіяхъ. — Личность и характеръ директора Д-ра К. Лангъ. — Д-ръ Карлъ Фогель.

X.

1820. Ежегоднія пѣшеходныя экскурсіи пансіона. — Педагогическая цѣль, польза и планъ ихъ. — Наше путевое снаряженіе. — Первая моя экскурсія: Лейпцигъ чрезъ 7 лѣтъ послѣ великаго всенароднаго сраженія. — Чернильный силуэтъ Вельзевула въ Вартбургѣ. — Гарцъ. — Подражаніе версальскимъ роскошнымъ диковинамъ въ лѣтней резиденціи миніатюрнаго монарха. — Замокъ Губертсбургъ и историческое его значеніе.

XI.

1821. Вторая экскурсія. — Саксонская Швейцарія и характеръ ея. — Дѣвственная дикость богемскихъ лѣсовъ. — Марія-Кульмъ. Памятникъ въ честь русскихъ воиновъ, павшихъ здѣсь въ 1813-мъ году. — Городъ Тѣплицъ. — Русскій богачъ Н. Н. Демидовъ и „придворный" его штатъ. — Первѣйшая въ мірѣ камера-обскура. — Г. Прага. — Плаваніе обратно до Дрездена по Эльбѣ.

XII.

1822. Возвращеніе въ Петербургъ. — Дюны Куришгаффа. — Крестовскій островъ того времени. — Каменный и Елагинскій острова. — Дача М. А. Нарышкиной. — Охотничья роговая музыка.

XIII.

1822. Тихая, примѣрная семейная жизнь Великаго Князя Николая Павловича и августѣйшей его супруги въ Елагинскомъ дворцѣ. — Лѣтнія празднества Императорскаго двора на Каменномъ островѣ и по Средней и Малой Невкѣ. — Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ. — Краткое мое пребываніе въ Горномъ Корпусѣ. — Мой фортепіанный учитель А. И. Черлицкій. — Случайно я имѣю счастіе попасть на глаза Императору Александру Павловичу.

XIV.

1823—24. Отецъ отправляетъ меня въ Дерптскую гимназію. — Физіономія тогдашняго города Дерпта. — Старшій учитель Вильг. Хахфельдъ. — Учитель латинскаго языка Т. Фрейтагъ. — Духъ гимназіи, какой обнаруживался уже въ младшихъ классахъ. — Развалины на Домбергѣ. — Рыцарскія игралища. — Сраженіе нашихъ младшихъ классовъ съ учениками уѣзднаго училища. — Методъ преподаванія въ гимназіи. — Учитель исторіи Т. Бубрихъ. — Декламація: старшій учитель нѣмецкаго языка Э. Германнъ. — Сынъ его Теодоръ, и наши упражненія въ метрическихъ формахъ. — Переходъ въ „Терцію". — „Борьба Юлія Цезаря съ Верцингеториксомъ" въ переводѣ восьмистишіями, и арестъ въ награду. — Мой учитель музыки и пѣнія Августъ фонъ-Вейраухъ. — Наводненіе въ Петербургѣ.

XV.

1825. Практическіе методы преподаванія старшихъ учителей: латинскаго языка — С. Мальмгрена, и исторіи — В. Хахфельда. — Я переѣзжаю къ другому содержателю пансіонеровъ, пастору Юл. Бубриху. — Эпизодъ: діэта больнаго пастора. — Наши домашніе музыкальные вечера: я знакомлюсь съ образцовыми твореніями Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта и другихъ лучшихъ композиторовъ какъ прошлаго, такъ и начавшагося вѣка. — Чтеніе классическихъ литературныхъ произведеній Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. — Вѣсть о кончинѣ Императора Александра Павловича, и всеобщая присяга новому Государю Императору Константину Павловичу. — Ради домашнихъ обстоятельствъ я ѣду домой (въ Петербургъ) раньше начатія рождественскихъ каникулъ, и, пріѣхавъ 13-го декабря, я на другой день случайно попадаю на Адмиралтейскомъ бульварѣ въ толпу народа. — Что я тамъ, до семи часовъ вечера слышалъ, видѣлъ и вытерпѣлъ.

XVI.

1826—27. „Секунда". Духъ старшихъ классовъ. Причины непріязненнаго ко мнѣ отношенія товарищей. — Отецъ мой переѣзжаетъ въ Дерптъ со всѣмъ семействомъ. — Приманеры и секунданеры произносятъ ночью „pereat" моему отцу. — Послѣдствія этого; коварство одного товарища. Личное мнѣ оскорбленіе, и послѣдствіе онаго. Я получаю требуемую сатисфакцію, но оттого долженъ бороться съ враждою двухъ классовъ въ теченіе полутора года. — Первая моя дуэль. — Я оставляю гимназію и приготовляюсь къ университетскому экзамену частными уроками. — Въ августѣ 1827-го года поступаю въ университетъ.

XVII.

1826—27. Общественная жизнь. — Черноморскаго флота мичманъ, впослѣдствіи докторъ медицины Вл. И. Даль. — Домашніе наши концерты. — Дѣвица Леонтина Тунъ. — Скрипачъ, студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Давидовъ). — Спектакли. — Баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергъ (прославившійся потомъ какъ выдававшійся писатель нѣмецкихъ романовъ

и повѣстей). — Лекторъ нѣмецкаго языка при университетѣ Эд. Раупахъ. — Студентъ медицины Н. Б. Анке. — „Представленіе великановъ". — Публичные концерты. — Академическая „мусса" (клубъ). — Пріѣзжія знаменитости: пѣвица Мара (нѣкогда примадонна берлинской оперы при Фридрихѣ Великомъ). — „Маркизъ де Контски" и его пять „дивъ музыкальнаго искусства". — Любитель-фортепіанистъ баронъ Пауль фонъ Вульфъ. — Квартетъ ратгофскаго помѣщика Карла фонъ Липгардтъ: Фердинандъ Давидъ; Чипріяно Ромбергъ.

XVIII.

Императоръ Николай Павловичъ всемилостивѣйше жалуетъ моего отца ежегодной стипендіею для университетскаго моего образованія. — Мои родители возвращаются въ Петербургъ. — Тогдашнее устройство надзора за студентами. Академическій сенатъ. — Rector magnificus. — Университетскій синдикъ. — Значеніе попечителя. — Университетская полиція. — Отношенія между педелями и студентами. — Студентскія шалости. — Любовь и уваженіе университетской молодежи къ ректорамъ: Густаву фонъ Эверсъ и Фридриху Парротъ. — Духъ дерптскаго студенчества. — Ландсманшафты (землячества) и благотворное вліяніе ихъ уставовъ на духъ тогдашней молодежи. — Значеніе и форма тогдашнихъ студентскихъ дуэлей. — Почему въ Дерптѣ не развилось бретёрство.

XIX.

Русское землячество „Ruthenia" и вообще русская колонія. — Карловскій помѣщикъ Ѳ. В. Булгаринъ и его другъ и покровитель Н. И. Гречъ. — Основатели Рутеніи. — Н. М. Языковъ. — Мои сверстники Порошинъ и графъ Вл. А. Соллогубъ. — „Профессорскій институтъ". — Медики: Н. Пироговъ и Иноземцевъ; юристы: Рѣдкинъ и Ивановскій; историкъ Мих. Куторга и естественникъ Степанъ Куторга; математики и астрономы Остроградскій и Филомафицкій. — Вольные слушатели: А. П. Загорскій, баронъ Ник. Штиглицъ и Геймбюргеръ. — Профессоръ русской словесности Перевощиковъ и его семейство. — Характеристика Булгарина и о томъ какъ проучили его дерптскіе студенты.

XX.

1827—1830. Обыкновенная домашняя обстановка студентской жизни. — Типы прислугъ: „лёффель" и „бэзенъ". — Отношеніе между хозяевами-филистерами и ихъ квартирантами-буршами. — Балы мѣщанской муссы. —

1829. Общее восторженное волненіе всѣхъ слоевъ дерптскаго общества по случаю трехдневнаго пребыванія въ Дерптѣ Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный караулъ изъ студентовъ. — Празднества. — Во время рождественскихъ вакацій 1830 г., которыя я, по обыкновенію проводилъ въ Петербургѣ у своихъ родителей, графъ Канкринъ, имѣя, по поводу царской стипендіи, нѣчто въ родѣ попечительства надо мною, исходатайствовалъ мнѣ счастіе быть представленнымъ Государю Императору.

XXI.

1831. — Польское возстаніе. — Обнародованіе Лифляндскаго генералъ-губернатора насчетъ желающихъ встать въ ряды защитниковъ правъ законнаго царя. — Изъ дерптскихъ студентовъ отправляются болѣе двухсотъ волонтеровъ, въ томъ числѣ и я. — Вильна. — Гродно. — Впервые я вижу тамошнихъ евреевъ. — Бѣлостокъ. Сборная команда. — Первый солдатскій походъ. — Сѣдльцы. — О томъ, какимъ образомъ, опредѣлившись въ 1-й Морской Невскій пѣхотный полкъ, я попадаю въ Стародубскій кирасирскій. — Ротмистры Авг. Ром. фонъ Дрейлингъ и братья Вячеславъ и Авксентій Петровичи Манассеины. — Полковникъ Густ. Ѳед. Пиларъ фонъ Пильхау и адъютантъ Рагозинъ. — Корнетъ Александръ Готовцевъ. — Духъ нашего полка. — Препровожденіе времени на бивуакахъ и стоянкахъ. — Фуражировки съ музыкою. — Библіотека въ разграбленномъ замкѣ графа Острожскаго. — Частные эпизоды: ночная поѣздка въ корпусный штабъ за приказаніемъ. — Корпусный командиръ и баритонъ съ физіономіею барышни.

XXII.

1831. Атака подъ Нурами. — Остроленко. — Мы проходимъ мимо гвардейскаго корпуса. — Смерть фельдмаршала графа Дибича. — Графъ Толль. — Стоянка близъ Пултуска. — Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ. — Переправа чрезъ Вислу, близъ Плоцка. — Какъ по случаю рожденія Великаго князя Николая Николаевича вся армія, обступивъ Варшаву со всѣхъ сторонъ, троекратно дружно прокричала „ура!“ при пальбѣ изъ всѣхъ собравшихся орудій и тѣмъ зѣло напугала мятежниковъ. — Штурмованіе укрѣпленій предмѣстья Волы и самаго города. — Бомба, упавшая предъ самымъ нашимъ фронтомъ на песчаный грунтъ, изволитъ съ полминуты вертѣться при блескѣ горѣвшаго фитиля. — Изгнаніе послѣдняго корпуса мятежниковъ въ Пруссію. — Конецъ войны. — Кантонирквартиры близъ Силезской границы. — Полковой штабъ находится въ г. Уніевѣ, и наше полковое общество даетъ тамъ же балы окрестнымъ помѣщикамъ.

XXIII.

1832—1835. Возвращеніе въ Россію на поселенія. — Ловичъ. — Послѣдняя наша съ корнетомъ Готовцевымъ шалость въ „милой Польшѣ“. — Походъ чрезъ Волынь и Кіевскую губернію до Абрамовки (или Новаго Стародуба) Херсонской губерніи. — Физіономія поселеній. — Новый полковой командиръ, полковникъ Рейтернъ и супруга его. — Служба и служебныя отношенія въ мирное время. — Скука: душа рвется на просторъ, въ міръ мысли и поэзіи. — Отставка. — Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Алупка. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Свиданіе съ бывшими сослуживцами въ Александріи. — Балъ, данный въ Харьковѣ тамошнимъ дворянствомъ маститому старцу-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Витгенштейну. — Москва — Петербургъ. — Прощеніе блуднаго сына ради св. Георгія.

XXIV.

1835. Оперы: „Фенелла“ на нѣмецкой сценѣ (г. Голландъ и Г-жа Дюръ); „Робертъ“ на русской сценѣ (г-жи Шелихова и Степанова 1-я; гг. Шемаевъ, Самойловъ и Петровъ). — Заслуги К. К. Кавоса. — Уроки музыкальной теоріи у Л. И. Фукса. — Минеральныя воды въ Новой деревнѣ: Излеръ. — Оригиналъ Сав. Сав. Яковлевъ. — Знакомство и дружба съ П. П. Ершовымъ и О. К. Гунке. — О. Ив. Сенковскій. — Моя фантастическая повѣсть „Любовь музыкальнаго учителя“, написанная подъ псевдонимомъ „Карло Карлини“, печатается въ „Библіотекѣ для чтенія“. — К. Рихтеръ издаетъ мой романсъ „Вечерній звонъ“ на слова А. Козлова. — Энциклопедическій словарь А. Плюшара. — Князь Влад. Ѳеод. Одоевскій. — Мнѣ удается хоть разокъ взглянуть на великаго Пушкина. — Л. И. Фуксъ представляетъ меня графу Мих. Юр. Віельгорскому.

XXV.

1836. Концерты: Леоп. фонъ Майеръ. — Струнный квартетъ братьевъ Мюллеръ (старшихъ). — Софія Бореръ. — Знакомство съ секретаремъ театральной дирекціи Н. П. Мундтъ. — Братъ его Ал. П. Мундтъ пишетъ для меня либретто оперы „Цыганка“. — Старшій капельмейстеръ К. К. Кавосъ. — Артиллеріи поручикъ Вл. Гр. Бенедиктовъ. — Воспитанникъ высшаго класса академіи художествъ (впослѣдствіи академикъ) П. П. Сѣмечкинъ. — Артисты русской оперы: О. А. Петровъ, В. В. Самойловъ, Смирновъ, Леоновъ (Léon Chargentier), А. Я. Воробьева, М. И. Степанова и др.

XXVI.

1836. Кавосъ знакомитъ меня съ М. И. Глинкою. — Репетиціи оперы „Жизнь за Царя“. — Благородство Кавоса въ отношеніи этой оперы. — Первое представленіе ея. — Общее впечатлѣніе. — Странные отзывы италіомановъ и дилеттантовъ. — Я иногда хожу къ Глинкѣ. — Куріозный случай. — 1837. Вѣсть о смерти Пушкина поражаетъ всѣхъ. — Имя Лермонтова выступаетъ. — Пріѣздъ Ад. Гензельта. — Въ маѣ мѣсяцѣ я даю первый свой концертъ, въ которомъ исполняются нумера изъ моей оперы „Цыганка“. — Картина К. Брюллова „Послѣдній день Помпеи“ и впечатлѣніе, произведенное ею на меня.

XXVII.

1837—39. Отправляюсь жениться въ Тамбовскую губернію. — Въ Тамбовѣ представляюсь преосвященнѣйшему Арсенію (впослѣдствіи бывшему Кіевскимъ митрополитомъ). — Переписка съ нимъ. — Въ деревнѣ я снова интересуюсь народными пѣснями. — Нашъ садовникъ Савельичъ, старикъ лѣтъ 60-ти, поетъ мнѣ пѣсни, „какъ онѣ пѣвались встарину, а не по-нонѣшнему“. — Настоящіе деревенскіе хороводы и настоящая великорусская (а не казацкая) пляска. — Музыкальное семейство сосѣда-помѣщика: *С. Абр. Баратынскій* и жена его Софья Михаиловна (бывшая вдова барона

Дельвига). — С.-Петербургское Филармоническое Общество чрезъ газеты приглашаетъ „природныхъ русскихъ“ композиторовъ на конкурсъ по написанію музыки на текстъ баллады В. А. Жуковскаго: „Свѣтлана“.

XXVIII.

1838. Поѣздка всѣмъ семействомъ на богомолье въ Воронежъ и Задонскъ. — Какъ встарину снаряжались въ дорогу „на долгихъ“. — Составъ каравана. — Путь до Воронежа по прямой линіи проселочными дорогами. — Воронежъ. — Соборъ и площадь передъ нимъ съ нарочитыми лавками, въ которыхъ богомольцы могли пріобрѣсти себѣ иконы св. Митрофанія, медальоны, на коихъ вычеканенъ ликъ его, освященныя головныя повязки и ленты и т. п. — Задонскій монастырь. — Бесѣда съ о. архимандритомъ. — Услужливость усердныхъ монаховъ. — Возвращеніе въ с. Хилково чрезъ Липецкъ и Тамбовъ.

XXIX.

1837—1839. Какъ живали „ваши“ дѣды. — Очеркъ тогдашняго веселаго помѣщичьяго быта и житья.

XXX.

1839—1840. Возвращеніе въ Петербургъ. — Первый изъ всѣхъ визитовъ отдаю М. И. Глинкѣ, — случайно въ тотъ самый день, когда онъ разъѣхался съ женою. — Рѣшеніе по конкурсу. — Нѣмцы присвоиваютъ себѣ право судить о значеніи слова „природный русскій“. — Русскіе литераторы заступаются за меня. — Государь Императоръ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ мою пользу. — Я отказываюсь отъ матеріальной награды и гг. нѣмцы довольны.— Знакомство съ Ѳ. А. Кони, который предлагаетъ издать мою „Свѣтлану“ въ видѣ приложенія къ вновь учреждаемому имъ журналу: „Пантеонъ русскаго театра“. — 1840. Появленіе 1-й книжки Пантеона празднуется торжественнымъ обѣдомъ у Кони. — Издатель Пантеона В. Поляковъ. — Столкновеніе Вис Гр. Бѣлинскаго съ Вас. Андр. Каратыгинымъ и Ѳ. В. Булгариномъ по поводу исполненія роли „Гамлета“ московскимъ трагикомъ Мочаловымъ. — Г. Печковскій.

XXXI.

1840—1854. Литературныя вечера у князя Вл. Ѳеод. Одоевскаго. — Я сближаюсь съ Бѣлинскимъ. — Его совѣты. — Ив. П. Мятлевъ впервые читаетъ (изъ рукописи) только что оконченныя имъ „Путевыя впечатлѣнія мадамъ де Курдюковой“. — Итальянскій импровизаторъ Giustiniani. — В. А. Жуковскій. — Князь П. А. Вяземскій. — А. А. Плетневъ. — Я возобновляю знакомство съ университетскимъ товарищемъ графомъ В. Ал. Соллогубомъ.— Евг. Пав. Гребенка. — Сближаюсь съ Ѳ. М. Толстымъ (Ростиславъ). — У Бѣлинскаго встрѣчаю А. В. Кольцова. — Духъ вечеровъ у князя Одоевскаго измѣняется.

XXXII.

1840—1842. Дружусь съ Кони и бываю часто у него. — Встрѣчаю у Кони, въ мужской одеждѣ, Над. Андр. Дурову, „дѣвицу-кавалериста“. — Знакомство и дружба съ поэтомъ-композиторомъ Дм. А. Струйскимъ, а чрезъ

него съ барономъ Е. К. Розеномъ и съ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. — Молодые писатели: Н. А. Некрасовъ, Н. П. Сушковъ и Григоровичъ. — Эпизоды съ Некрасовымъ. — Н. В. Кукольникъ.

XXXIII.

1840—1843. Михаилъ Ивановичъ Глинка.

XXXIV.

1841—1865. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

XXXV.

1841. Торжественный въѣздъ августѣйшей невѣсты Государя Великаго Князя Цесаревича Александра Николаевича. — 1841—1850. Гавр. Іоак. Ломакинъ. — „Великій композиторъ“ и „amico di Rossini“ Лазаревъ.

XXXVI.

1840—50. Два выдающихся типа высшаго нашего интеллигентнаго общества: графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій; каммергеръ Павелъ Ивановичъ Дубенскій.

XXXVII.

1842—1860. Алексѣй Өеодоровичъ Львовъ.

XXXVIII.

1843—1854. Звѣзды пѣвческаго искусства. — Графиня Росси (Генріетта Зонтагъ). — Сабина Гейнефеттеръ; Джудитта Паста; Марія Фреццолини; Р. Персіани-Таккинарди; Маріетта Альбони; Джулія Гризи; Анна де ля Гранжъ; Паулина Віардо-Гарціа; Джанъ-Баттиста Рубини; Антоніо Тамбурини; Люиджи Ляблашъ; Друзеппе Маріо (графъ ди Кандіа); Кальцоляри; Сальви; Эрнестъ Тамберликъ; Ронкони; Карлъ Формесъ и др. — Вновь поставленныя оперы.

XXXIX.

1843—1883. Францъ Листъ.

XL.

1840 1858. Русская опера послѣ смерти К. К. Кавоса. — Новыя оперы 1842. „Русланъ и Людмила“ М. И. Глинки; 1845. „Ольга, дочь изгнанника“ М. И. Бернарда; „Параша сибирячка“ Дм. А. Струйскаго; 1847. „Эсмеральда“ А. С. Даргомыжскаго; 1854. „Дмитрій Донской“ Ант. Гр. Рубинштейна; 1855. „Өомка дурачокъ“ его же. 1856. „Русалка“ А. С. Даргомыжскаго; 1857. „Ундина“ А. Ө. Львова; 1858. „Староста или встрѣча незванныхъ гостей“ его же.

XLI.

1835—1858. Состояніе музыкальной критики въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ. — Музыкально-теоретическая литература въ Россіи. — Публика.

XLII.

1849—1852. Венгерская кампанія. — Душное состояніе общаго настроенія. — Двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Николая Павловича. — Я имѣю счастіе поднести Его Величеству свою драматическую поэму „Августъ“ — Послѣдствія этого поднесенія. — Вл. Ив. Панаевъ (русскій Гесснеръ).

XLIII.

1854—1855. Турецко-англо-французская война. — Синопское сраженіе. — Австрійская благодарность. — Переворотъ военной фортуны. — Кончина Государя Императора Николая Павловича. — Знаменитый“ англійскій „герой“ сэръ Чарльсъ Неппиръ и финляндскіе крестьяне. — Севастополь.

XLIV.

1856—1858. Новое литературное знакомство: Л. А. Мей; Н. Ѳ. Щербина; Ап. Н. Майковъ; В. Ст. Курочкинъ. — Первая моя ученица по пѣнію — П. А. Лоди. — Исполненіе (безъ сценическаго представленія) 1-го дѣйствія моей оперы: „Послѣдній день Помпеи“, въ залѣ графа А. Гр. Кушелева-Безбородко. — Г. Минкусъ. — Маститый фортепіанистъ Генр. Герцъ. — Восхожденіе „новаго свѣтила“: А. Н Сѣровъ.

XLV.

1858—1860. Опять Тамбовскія степи. — Изученіе настоящаго строя и лада нашихъ народныхъ пѣсенъ. — Поѣздка въ Царицынъ, а оттуда медленнымъ рейсомъ до Нижняго Новгорода. — Приволжскіе крестьяне. — Нижній Новгородъ. — Ярославль. — Москва.

XLVI.

1860—1862. Н. Гр. Рубинштейнъ. — Князь Юр. А. Оболенскій. — Русское музыкальное Общество. — Антонъ Дооръ. — Профессоръ математики Н. Зерновъ. — Я читаю публичныя лекціи въ актовой залѣ университета. — А. А. Рахмановъ. — Директоръ Московскихъ театровъ Леон. Ѳеод. Львовъ. — М. Н. Катковъ и Леонтьевъ. — Мое участіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ„ и въ „Приложеніяхъ“ къ нимъ.

XLVII.

1860—1862. Школа моего брата Ивана для глухо-нѣмыхъ дѣтей. — Эксперименты наши относительно пріученія ихъ къ правильному, ясному выговору посредствомъ указанія на механизмъ органовъ рѣчи. — Попечитель Московскаго учебнаго округа, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ. — Съ его согласія я представляю проектъ основанія въ Москвѣ музыкальной академіи въ двухъ отдѣлахъ (мужской и женскій отдѣлы). Министръ отказываетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „отъ общаго для обоего пола учебнаго заведенія угрожаетъ опасность моральному состоянію учащихся“. — Въ 1862-мъ же году департаментъ исполнительной полиціи разрѣшаетъ Русскому музыкальному Обществу учредить музыкаль-

ныя консерваторіи и школы безъ всякаго раздѣленія по полу. — Любопытная исторія моей увертюры къ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ". — Віолончелистъ Карлъ Шубертъ (въ Петербургѣ).

XLVIII.

1862—1863. Петербургъ. — Итальянская опера. — Г-жи Барбо и Нантье-Дидье, гг. Тамберликъ, Граціани, Эверарди, Де-Бассини и др. — П. П. Усовъ, новый редакторъ газеты „Сѣверная Пчела" приглашаетъ меня въ музыкальные критики. — Въ частной залѣ г. Новосильцова я читаю четыре лекціи объ исторіи музыки. — Русская опера. Изъ стараго состава остался только О. А. Петровъ. — Въ промежуточную эпоху выдвигались Д. М. Леонова и basso profundo Васильевъ 1-й. — Изъ новыхъ были г-жа Біанки и Гг. Сѣтовъ, Никольскій и Саріотти. — Новыя оперы: „Чародѣй" князя Вяземскаго; „Мазепа" Барона Шеля-Фитинггофа; „Кроатка" Дютша; „Наташа" К. П. Вильбоа, и наконецъ „Юдиѳь" А. Н. Сѣрова. — А. Н. Сѣровъ, какъ типъ своеобразный. — Концертъ Рихарда Вагнера. — Я уѣзжаю за границу.

XLIX.

1870—1871. Возвращеніе въ Петербургъ. — Побужденія къ сему возвращенію раньше чѣмъ я намѣревался. — Я имѣю счастіе представиться Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. — Телеграмма Московской Консерваторіи. Послѣдствія. — Я пріѣзжаю въ Москву. — Мировыя условія. — 1871. Загадочное поведеніе гг. директора и профессоровъ Консерваторіи. — Я смѣло разсѣкаю гордіевъ узелъ. — Профессоръ консерваторіи, протоіерей о. Дм. Вас. Разумовскій. — Издатель-редакторъ журнала „Православное Обозрѣніе" о. П. А. Преображенскій.

L.

1873—1875. Открытіе мною самостоятельныхъ „музыкальныхъ классовъ", въ невольномъ присутствіи представителей Консерваторіи. — Любопытные факты доброжелательства гг. моихъ собратьевъ по Аполлону: „Тысяча и одна милая штучка", не арабскія, а московскія „волшебныя" сказки.

Къ третьему выпуску будетъ приложенъ портретъ автора.

Содержаніе перваго выпуска.

XVII.

XVIII.

XIX.

XX.

I.

Дерзаю на подвигъ повѣствователя о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. Стану „разсказывать не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтель въ жизни былъ“.

О себѣ, въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля, намѣренъ я говорить, когда это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, по какимъ и при какихъ имѣлъ я случай быть свидѣтелемъ того, либо другаго происшествія, говорить съ тою, либо съ другою личностью. Но вообще, когда будетъ рѣчь обо мнѣ, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, то всегда я окажусь лишь представителемъ того круга, къ которому я принадлежалъ и чьи обычаи и впечатлѣнія, слѣдовательно, я раздѣлялъ.

Отъ покойнаго отца моего слышалъ я про нашихъ предковъ, что родоначальникомъ Арнóльдовъ былъ одинъ изъ младшихъ сыновей (ихъ было 32 человѣка!), которыхъ графъ *Бабонъ Арко,* потомокъ Арнульфа или Арнольда Каринтійскаго, жившій въ X мъ вѣкѣ прижилъ съ своей единственной супругою Юдиѳью. Почему отецъ мой оставилъ свое отечество и, имѣвъ немалый для того времени достатокъ, переселился въ Россію, гдѣ тотчасъ вступилъ въ русское подданство, онъ намъ никогда не объяснялъ. Знаю я, однакоже, что въ ранней своей молодости онъ принадлежалъ къ тайному обществу „Розенкрейцеровъ“, какъ и позже онъ состоялъ членомъ въ Петербургѣ франкмасонской ложи „Востокъ“. Матушка моя была дочь обѣднѣвшаго внука славнаго петровскаго генерала Броуна. Впрочемъ думаю, что лично я

Предкамъ ничѣмъ не обязанъ.
Русскою сказкой вскормленъ я,
Русскою пѣсныю взлелѣянъ;
Русскому Богу молившись,
Русскою жизнью я выросъ.

А потому считаю настоящимъ родоначальникомъ своимъ отца моего, умершаго въ 1843-мъ году ст. совѣтника Карла Ива-

новича Арнольда, сочинителя многихъ книгъ и брошюръ (на русскомъ языкѣ) о государственной финансовой наукѣ. Онъ же былъ основателемъ и первымъ директоромъ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. Въ 1811 г. министръ финансовъ графъ Гурьевъ вызвалъ его изъ Москвы въ Петербургъ для преобразованія системы счетоводства въ департаментахъ этого министерства. Онъ болѣе 20 лѣтъ состоялъ также начальникомъ счетнаго отдѣленія Императорской Придворной Конторы; а позже ему было поручено преобразовать порядокъ счетоводства и въ министерствахъ Военномъ и Государственныхъ Имуществъ.

Старшій братъ мой, недавно умершій 86-ти лѣтъ, Иванъ Карловичъ Арнольдъ, уроженецъ Москвы, самъ со второго года жизни глухой, былъ основателемъ и первымъ директоромъ до сихъ поръ процвѣтающаго „Арнольдовскаго“ училища для глухо-нѣмыхъ дѣтей въ Москвѣ. Меньшій братъ Ѳедоръ Карловичъ Арнольдъ (нынѣ тайный совѣтникъ, членъ совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ) ознаменовалъ себя какъ одинъ изъ ученѣйшихъ писателей о лѣсоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Его обширный трудъ „*Русскій Лѣсъ*“ признанъ образцовымъ по этой части произведеніемъ.

Отецъ мой пріучилъ насъ, всею душою любить „мать-русскую землю“ и гордиться именемъ ея сыновей, и эту любовь-то мы свято передали своимъ дѣтямъ.

Родился я 1-го ноября 1811-го года, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ переселенія моей матушки изъ Москвы въ Петербургъ. Тѣлесное и умственное мое развитіе началось весьма рано: бѣгалъ я (какъ мнѣ говорили позже) уже по 7-му мѣсяцу, а говорить началъ, когда и полнаго года мнѣ еще не было. Съ самаго ранняго дѣтства родители и тетушки заботились о томъ, чтобы мы дѣти произносили каждое слово чисто и внятно. Отецъ мой хотя и былъ родомъ изъ нѣмцевъ, но домъ нашъ содержался на русскій ладъ, и у насъ была крѣпостная прислуга изъ великорусскихъ губерній. Матушка кормила меня сама; но приставлены были ко мнѣ еще няня и маленькая дѣвочка „подъ-няня“, должность которой состояла въ томъ, чтобы забавлять ребенка. Отъ этихъ двухъ личныхъ моихъ слугъ услышалъ я впервые разныя русскія простонародныя сказки и пѣсни, и на нихъ-то и выросъ.

II.

Первыя мои воспоминанія относятся къ набѣгу на Россію „двунадесяти языковъ". Должно быть, выступленіе французской арміи изъ Москвы навело большую панику на петербургское населеніе. Помню, что сестра и братъ (первая на 5, другой на 4 года старше меня) толковали съ няньками о французахъ, которые идутъ на Петербургъ; что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дѣтей. Послѣднее, конечно, ужасало меня болѣе всего, и я боялся французовъ пуще знакомой мнѣ изъ сказокъ Бабы-Яги-Костяной-Ноги. Сестра и братъ рѣшили, что, когда наступятъ французы, то намъ дѣтямъ слѣдуетъ попрятаться въ большой гардеробный шкафъ мамаши. Вотъ, однажды, выпорхнувъ изъ классной, они прибѣжали въ главную мою квартиру, т.-е. въ малую нашу дѣтскую, съ неистовымъ крикомъ: „Французы идутъ! Французы идутъ!" Я затрясся и заплакалъ. „Пойдемъ, мы запрячемъ тебя", сказали они, схватили подъ руки, потащили въ мамашину гардеробную и сунули меня въ шкафъ, который заперли на ключъ. „Смотри, нишкни! Чтобы французы тебя не услышали!" а сами убѣжали. Сначала я и впрямь сидѣлъ тихо, все прислушиваясь; но затѣмъ надоѣло, конечно, да и царившая кругомъ тишина стала пугать меня. Кончилось тѣмъ, что я заоралъ благимъ матомъ, пока не пришла сама матушка высвободить меня изъ неволи.

Упомяну кстати, что завлеченіе непріятельской арміи внутрь нашей земли, ради неминуемой погибели, было послѣдствіемъ предвзятаго, зрѣло обдуманнаго плана. Непріятель, въ полномъ смыслѣ, былъ *вынужденъ* держать путь по тракту, указанному ему медленно и стройно отступавшею главною арміею нашей; ибо побѣда графа Витгенштейна на сѣверѣ и безпрестанные набѣги нашихъ храбрыхъ партизановъ (Дениса Давыдова, Фигнера и др.) не давали французамъ свернуть съ предписанной линіи, а Смоленскъ, и въ особенности Бородино, были свидѣтелями скорѣе побѣдъ, чѣмъ пораженій русскаго воинства. Въ то время, конечно, я обо всемъ этомъ ровно ничего не слыхалъ. Чрезвычайно интереснымъ, однакоже, оказалось гораздо позже случайное открытіе, показывающее, что перво-

начальная мысль этого грандіознаго, по всѣмъ правиламъ высшей стратегіи выполненнаго отступленія принадлежала Бернадоту.

Въ 1841 году служилъ я помощникомъ столоначальника въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ. Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ въ то время, въ 1810 году королемъ и народомъ шведскимъ избранный наслѣдный принцъ, Карлъ Іоаннъ князь Понте Корвскій и Нефштательскій, бывшій маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ со Швеціею, или, по крайней мѣрѣ ея нейтралитетомъ, вслѣдствіе чего и возникла тайная корреспонденція между нашимъ царемъ и правителемъ Швеціи. Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона, быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совѣтъ, чтобы русская армія, избѣгая по возможности генеральнаго сраженія, вовлекла непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ.

Изгнавъ дерзкаго галла за предѣлы своей земли, Русь высказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о плѣнныхъ непріятеляхъ, которыхъ насчитывались десятки тысячъ. Рѣдкій былъ тогда домъ, въ которомъ не встрѣчался бы плѣнный французъ: имѣть у себя „своего“ француза, это установилось тогда само собою для каждаго „порядочнаго дома“. И у насъ, слѣдовательно, оказался „свой“ французъ, котораго возвели въ должность „m-r le gouverneur des fils de la famille“. Это былъ красивый брюнетъ 40 лѣтъ въ $2^3/_4$ аршина ростомъ и съ длинными крѣпко-нафабренными усищами. *M-r Grosjean* вступилъ въ предѣлы Россіи подъ звуки любимаго марша своего „Grand Empereur“ на мотивъ романса голландской королевы *Hortense* „Partant pour la Syrie“ и къ тому же во главѣ гренадеровъ старой император-

ской гвардіи, такъ какъ онъ былъ тамбуръ-мажоромъ полковой музыки. Онъ не всегда былъ главою музыкантовъ и не сразу попалъ въ гвардію. Сначала онъ вступилъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ восточной арміи (régiments de ligne de l'armée de l'Est) подъ командою Дюмурье, потомъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ *Бонапарта:* въ Египтѣ, въ Италіи, противъ австрійцевъ и противъ пруссаковъ.

Grosjean очень любилъ дѣтей, и я вскорѣ сдѣлался его любимцемъ. Всячески старался онъ меня забавлять, и мы другъ друга научали: онъ меня по-французски, а я его по-русски. Я весьма скоро былъ въ состояніи объясняться на чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ, сталъ привѣтствовать на немъ даже *Ma-ame* ma mère, *M-ssieur* mon père, *Ma-am-selle* ma tante, и восхищался вмѣстѣ съ *M-ssieur* Grrrosjean всѣми преимуществами *d'la Grrrande* nation и доблестью *d'la viéi-ye* garrrde! Само собою разумѣется, что я ознакомился со всѣми подробностями сраженій при Жемапѣ, подъ пирамидами, при Маренго, Прейсишъ-Эйлау и Аустерлицѣ; выучился пѣть: „Vive Henri quatre", „Au clair de la lune", „la Belle Gabrielle", „Malbrough s'en va-t-en guerre" и т. п.; да зналъ всѣ сорты барабанныхъ „appels", которые мой „gouverneur" великолѣпно выбивалъ на дѣтскомъ барабанчикѣ. Grosjean попалъ въ число вымѣненныхъ плѣнныхъ и отправился на родину; я горько плакалъ, разставаясь съ нимъ. Новый мой дядька, крѣпостной портной Василій, никоимъ образомъ не былъ въ состояніи, замѣнять мнѣ веселаго и добраго моего друга, тамбуръ-мажора Grosjean'a.

III.

Въ 1815 году возвращавшіеся гвардейскіе полки были встрѣчены Петербургомъ со всѣми почестями, подобающими освободителямъ Европы. При всеобщемъ громогласномъ ликованіи собравшихся на улицахъ сотенъ тысячъ жителей всѣхъ сословій и возрастовъ, избранныя войска русскаго царя вступали въ предѣлы сѣверной столицы черезъ нарочито-выстроенныя тріумфальныя ворота, которые и понынѣ красуются у начала Забалканскаго проспекта. Необозримыми, словно безконечными лентами тянулись по обоимъ краямъ дороги ряды экипажей, среди тѣсно суетившихся разнородныхъ и разно-

видныхъ пѣшеходовъ. Эта дѣйствительно грандіозно-эффектная картина и блестящій видъ гвардейскихъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, въ красивыхъ мундирахъ, церемоніальнымъ маршемъ дефилировавшихъ подъ звуки то полковой музыки, то барабановъ съ пикколами, съ великаномъ тамбуръ-мажоромъ во главѣ, то голосистыхъ пѣсельниковъ, предшествуемыхъ лихимъ запѣвалою-молодцомъ, — вотъ что прежде и болѣе всего бросилось мнѣ, 4-хъ лѣтнему мальчику, въ глаза, и что̀ единственно я и помню. И важные тамбуръ-мажоры (напоминавшіе мнѣ далеко улетѣвшаго друга моего Grosjean'а) и веселые запѣвалы: трудно было рѣшить, кому слѣдовало отдать преимущество, первымъ или вторымъ? Правда, тамбуръ-мажоры, безъ всякаго нарушенія маршеваго движенія, ловко повертывались бокомъ то направо, то налѣво, а то и совсѣмъ обернувшись лицомъ къ слѣдовавшимъ за нимъ барабанщикамъ, шагали задомъ впередъ, и при этомъ то выдѣлывали надъ головою быстрѣйшее „мулине" своей тяжелой палкой, то, въ тактъ подбрасывая ее высоко-высоко, ловили опять на ходу. Съ своей стороны и запѣвалы въ грязь лицомъ не ударяли. Весело, съ плутовскимъ смѣхомъ, разлитымъ по всему лицу, по временамъ слегка подергивая плечами, заливается истый солдатскій запѣвало звонкимъ, высокимъ теноркомъ и съ полнымъ, совершенно искреннимъ самодовольствіемъ мѣтко подчеркиваетъ знаменательнѣйшія слова юмористическаго текста пѣсни, нерѣдко собственной его импровизаціи. Иногда, весь углубившись въ свое дѣло, выкидываетъ онъ удивительныя колѣнца, добираясь полнозвучной фистулой даже до самыхъ почти предѣловъ высокаго сопрано. Но, не однимъ только голосомъ, не одною только мимикою работаетъ удалой нашъ запѣвало: все тѣло его, всѣ его члены въ непрерывномъ движеніи. Одною рукою потрясываетъ онъ звонкіе бубны, другою извлекаетъ разнородные звуки изъ нихъ: то, обмусливъ слегка большой палецъ, третъ имъ поверхность своего инструмента, и таинственный гулъ летитъ по воздуху; то бойко ударяетъ и постукиваетъ по бубнамъ обратною стороною руки, и свѣтлые барабанные звуки раздаются далеко. А между тѣмъ, живо повертываясь гибкимъ тѣломъ во всѣ стороны, выдѣлываетъ онъ ногами всевозможныя и даже невозможныя балетныя эволюціи, начиная отъ умѣреннаго, плавнаго поплясыванія до

самаго вакхическаго плетенія и выбрасыванія колѣнцъ настоящаго залихватскаго русскаго трепака. Описывать это недостаетъ ярко-картинныхъ выраженій: это непремѣнно нужно видѣть и прочувствовать русской душою; иностранецъ никогда не пойметъ, что именно въ этой удалой пляскѣ насъ, въ маститой даже старости, такъ горячо хватаетъ за сердце.

Въ особенности отличался одинъ запѣвало. Это былъ коренастый краснощекій унтеръ-офицеръ, лѣтъ 35, а можетъ быть и больше, съ Георгіевскимъ крестомъ и со знакомъ прусскаго Чернаго Желѣзнаго Креста на груди; знать, лихой нашъ молодецъ кое-что болѣе, чѣмъ пѣсни запѣвать умѣлъ. Я такъ и впился въ него глазенками и ушами. Славно, правда, пѣвала нянька Алена Ивановна, лихо отплясывалъ трепака 17-лѣтній нашъ форейторъ Тимошка; но куда имъ было противъ этого молодца! Оба, вмѣстѣ взятые, въ подметки ему не годились!

Лѣтъ черезъ 12 или 13, когда я уже порядочно игралъ на фортепіано, случай привелъ меня познакомиться съ многосторонне образованнымъ, пламеннымъ любителемъ музыки, а въ особенности русскаго народнаго пѣнія, столь извѣстнымъ въ высшемъ кругу Петербурга, маститымъ егермейстеромъ Юшковымъ, который содержалъ весьма хорошій собственный оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и таковой же хоръ пѣвчихъ*). Юшковъ объяснилъ мнѣ, что послѣ французской кампаніи дѣйствительно въ Измайловскомъ полку былъ храбрый унтеръ-офицеръ, славившійся какъ отмѣнный запѣвало лихихъ солдатскихъ пѣсень.

Захватило, однакоже, во время тріумфальнаго шествія гвардейцевъ дѣтское мое сердце не одно только залихватское пѣніе и ловкое солдатское плясаніе, а также и ясно раздававшійся текстъ пѣсни, съ извѣстнымъ припѣвомъ всего хора: „Ахъ, вы сѣни, мои сѣни“. Въ этой пѣсни изображалось, какъ „батька, славный князь Кутузовъ перехитрилъ антихриста, Французскаго Банапарта“.

Сколько ни налегаю нынѣ на свою память, но, при общей

---

*) Отъ него-же я впервые слышалъ также про славнаго русскаго скрипача екатерининскихъ временъ, *Хандошкина*.

еще свѣжести ея, все-таки не въ силахъ я припомнить болѣе двустишія:

„Тебѣ путь днесь, Банапарте,
По Кутузовской-де картѣ!"

Когда мы пріѣхали домой, собравшійся вечеромъ въ дѣтской ареопагъ нашъ много и долго трактовалъ о событіи дня. Разсказывали всѣ вперебивку остававшейся дома мамкѣ меньшаго брата про все видѣнное и слышанное. Старшимъ двумъ дѣтямъ болѣе всего понравились пышныя кареты и великолѣпные туалеты придворныхъ дамъ, да блескъ генеральскихъ мундировъ; няня восхваляла великолѣпіе высшаго священства и любовалась кирасирами и гусарами. Дѣвочкѣ подъ-нянькѣ нравились тамбуръ-мажоры, и она дерзнула даже сказать, будто они лучше бывшаго „нашего" француза Grosjean'а, за что я чуть-чуть не вцѣпился въ нее. Наконецъ, однакоже, мы съ форейтеромъ Тимошкою (котораго, ради его искусства плясать, иногда также допускали въ дѣтскую) рѣшили, что наилучшимъ во всемъ церемоніальномъ актѣ оказались пѣніе и залихватская пляска упомянутаго выше запѣвалы.

IV.

Возвращеніе гвардейскаго корпуса чрезвычайно подѣйствовало на петербургскіе моды и нравы. Во всякомъ случаѣ число нашихъ мюскаденовъ и петиметровъ необычайно умножилось вслѣдствіе даннаго гг. военнымъ (начиная съ оберъ-офицерскихъ чиновъ) разрѣшенія одѣваться въ штатское платье, когда они не на службѣ. Нѣкоторые изъ гг. генераловъ (въ особенности кто былъ помоложе, а молоденькихъ „превосходительствъ" тогда довольно оказалось) и гвардейцевъ запаслись даже въ Парижѣ платьемъ новѣйшихъ модъ. Обрадовались тому, конечно, всѣ портные и сапожники двухъ столицъ, которые въ то время большею частію были изъ нѣмцевъ. Адамы Адамычи и Готлибы Готлибычи стали быстро богатѣть, а цѣны на англійскія сукна, на итальянскій бархатъ, на манчестеръ и на батистъ да кружева голандскія возвысились. Быть петиметромъ „comme il faut" стоило не мало издержекъ. Это я соображаю нынѣ изъ воспоминаній о безчисленныхъ костюмахъ моего отца, который, пользовавшись тогда хорошимъ

состояніемъ и изряднымъ жалованьемъ по двумъ служебнымъ мѣстамъ, любилъ щеголевато одѣваться.

Главнѣйшими предметами мюскаденскаго гардероба были разные фраки, и единственно только они носили почетное названіе: habits. Сертуковъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, тогда вовсе не существовало; то, что̀ тогда именовалось surtout, дѣйствительно служило для надѣванія „сверхъ всего“, слѣдовательно соотвѣтствовало нынѣшнему пальто. Фраковъ надлежало петиметру имѣть не менѣе трехъ: одинъ для утренняго выхода по дѣламъ или съ визитами; это было „habit pour aller en ville“. Принятымъ для него цвѣтомъ, по законамъ моды, считался зеленый, оттѣнки котораго соображались преимущественно съ возрастомъ: людямъ солиднымъ приличествовало vert foncé de bouteille, болѣе молодымъ vert gris, а совсѣмъ молоденькіе носили vert de pomme. Къ dîner en ville нельзя было иначе явиться какъ во фракѣ синяго (indigo) или темно-лазуреваго цвѣта (azur de Naples). Для баловъ, а равно для траурныхъ церемоній, были обязательны фраки чернаго цвѣта; характеристическое различіе между одеждами двухъ этихъ назначеній состояло въ матеріи, употребляемой для подкладки и на отвороты (лацканы): для бальнаго костюма требовался атласъ, для траурнаго шерстяная матерія (mérinos). Исподняго платья (haut de chausses) было два разряда: одно подлиннѣе, pantalons, доходящее до щиколотокъ, а другое короткое, culotte, оканчивающееся на вершокъ ниже колѣнъ, гдѣ на обѣихъ ногахъ къ наружному боку застегивалось золотою или серебряною пряжкою, иногда украшенной дорогими каменьями. Culotte всегда шилось изъ плотнаго чернаго атласа: это считалось обязательнымъ для баловъ костюмомъ. Панталоны употреблялись двухъ родовъ: одни, изъ манчестера, носились, когда выходили просто по дѣламъ; другіе изъ тончайшаго, атласовиднаго чернаго сукна (drap à la française) употреблялись для визитовъ, но допускались также и при одеждѣ обѣденной. Того и другого рода панталоны шились въ обтяжку; ибо между наружными достоинствами петиметра первымъ считалось „avoir la jambe bien faite“. При входившихъ же въ моду длинныхъ и широкихъ панталонахъ à la marinière или à la jacobine, это достоинство, конечно, гораздо менѣе бросалось въ глаза. Къ манчестровымъ панталонамъ надѣвались прикры-

вавшіе ихъ снизу bottes à l'anglaise, т.-е. черные, глянцовитые сапоги, около щиколотокъ со множествомъ складокъ, кверху съ отворотами изъ глянцовитой же, но некрашеной кожи, по бокамъ которыхъ болтались сверху до половины сапога подобной же кожи ремни въ полвершка ширины. Къ чернымъ панталонамъ носили узорчатые носки изъ чернаго шелку и мало-вырѣзанные башмаки съ небольшими пряжками изъ золота, серебра или жета (вулканической плавки). Панталоны эти снизу (сверху носковъ, конечно) застегивались на наружной сторонѣ каждой ноги тремя пуговичками изъ соотвѣтственнаго пряжкамъ матеріала. При culotte обували ноги въ длинные шелковые чулки чернаго цвѣта къ обѣду, а на балъ преимущественно бѣлаго цвѣта. Башмаки къ этому костюму были болѣе вырѣзаны, а пряжки большаго формата, исключительно изъ металла, и весьма часто украшались каменьями.

Формою своею фраки не походили уже на придворные кафтаны времени императора Павла Петровича. Фалды сзади, правда, были еще довольно широкія, но заднія пуговицы помѣщались немного выше естественной таліи, а начало рукава отдѣлялось отъ плеча нѣсколько возвышавшимся буффомъ (какъ это нынѣ дѣлается на дамскихъ платьяхъ). Суживавшіеся къ концу рукава доходили только до кистей рукъ и застегивались тамъ тремя мелкими пуговицами. Довольно широкій отворотный воротникъ прикрывалъ почти плотно всю заднюю часть шеи; спереди красовались на груди довольно широкіе треугольной формы лацканы. Спереди фракъ доходилъ не ниже діафрагмы, такъ что изъ подъ прямой линіи его обрѣза виднѣлся, вершка на три, красивый изъ свѣтлой шелковой матеріи жилетъ, съ вышитыми на немъ (шелками же, а иногда золотомъ или серебромъ) цвѣточками. На цвѣтныхъ фракахъ употреблялись позолоченныя пуговицы, съ разными на нихъ вычеканными фигурками или арабесками; къ черному же фраку приличествовали только узорчатыя, изъ чернаго шелка, тканныя пуговицы. Но нѣкоторые крезы умудрялись и тутъ выказать свое богатство, вставляя въ средину каждой шелковой пуговицы по крупному брильянту.

На руки изъ подъ рукавовъ падали манжеты, а между лацканами изъ подъ жилета торчало, какъ бы раскинутый

вѣеръ, двойное жабо, прикрѣпленное дорогою, видною булавкою. Обыкновенно жабо и манжеты были изъ мелко-гофрированнаго тонкаго батиста; при бальномъ же парадномъ костюмѣ употреблялись иногда и весьма дорогія кружева.

Но, что всей фигурѣ петиметра придавало особенное aplomb и важность, соединялось въ воротникѣ рубахи. въ галстукѣ и въ прическѣ. Основаніе галстука образовала тоненькая „машинка" (инаго выраженія я нынѣ прибрать не могу), составленная изъ цѣлаго ряда безчисленныхъ узкихъ спиралей тончайшей мѣдной проволоки, покрытаго коленкоромъ и окаймленнаго тонкой козьей или заячьей кожею. Эта машинка, шириною до трехъ вершковъ, весьма аккуратно, но плотно завертывалась въ слабо-накрахмаленный, тщательно выглаженный платокъ изъ тончайшаго батиста, и въ такомъ видѣ представляла галстукъ, которымъ имѣла украситься шея петиметра. Эта нѣсколько массивная повязка прикладывалась серединою своею къ передней части шеи, покрытой широкимъ, кверху торчащимъ, крѣпко накрахмаленнымъ и до самыхъ ушей доходящимъ батистовымъ же воротникомъ рубахи, и, обвивъ довольно плотно всю шею, завязывалась спереди въ видѣ широкаго банта, концы котораго украшались иногда весьма искусною вышивкою. Такимъ образомъ голова, волею-неволею, принимала почти ненарушимую, важную позу, а лицо получало видъ полноты и цвѣтущаго здоровья. Прическа à la Titus, т.-е. либо самородный, либо искусственный парикъ, весь завитый въ легіонъ мелкихъ локончиковъ, увѣнчивалъ туалетъ франта тогдашняго времени. Пудрилась же голова только когда приходилось являться въ императорскій дворецъ или на балы высшаго круга. Относительно драгоцѣнностей, какими украшались мужчины тогдашняго „beau monde", кромѣ упомянутой уже булавки на жабо, кавалеры носили на пальцахъ по нѣскольку весьма солидныхъ перстней, и непремѣнно пару часовъ, т.-е. на каждой сторонѣ по одному экземпляру. Петиметру не приличествовало имѣть часы иные какъ славнаго парижскаго мастера Брегета, а эти часы были не дешевые: простѣйшаго сорта стоили не менѣе 300 франковъ, а цѣна богатыхъ часовъ доходила и до 3000 тогдашнихъ рублей. Часы носили подъ жилетомъ, въ особенно для того въ исподнемъ платьѣ придѣланныхъ карманахъ (sacs à montres), повыше и болѣе

впереди отъ обычныхъ, боковыхъ кармановъ (poches). Такимъ образомъ, и съ правой и съ лѣвой стороны торчали изъ подъ жилета довольно массивныя золотыя цѣпочки, изъ которыхъ обыкновенно на одной висѣло нѣсколько затѣйливыхъ brélоques, а на другой въ тяжелой оправѣ большой камень: либо карніоль, либо топазъ, либо аметистъ, съ вырѣзанною печатью фамильнаго герба. Въ настоящихъ же карманахъ штановъ носили деньги (portes monnaie тогда еще не существовали, а вязанныя bourses приличествовали только дамамъ). Въ одномъ карманѣ держалось золото: полуимперіалы, французскіе Louis d'or и голландскіе червонцы, въ другомъ серебро: рубли и полтинники. Мелкое же серербо помѣщалось въ жилетныхъ карманахъ (goussets).

Изъ двухъ родовъ шляпъ, цилиндръ или круглая шляпа употреблялась для утреннихъ выходовъ, между тѣмъ какъ для обѣдовъ и въ особености для баловъ требовалось имѣть клякъ-треуголку. И та и другая были немалаго объема и высоты. О формѣ послѣдней легко получается полное понятіе, когда возьмешь тонкій блинъ и, сложивъ его одною половиною на другую, вытянешь концы немножко книзу. Цилиндръ же тогдашней эпохи отличался отъ нынѣшняго тѣмъ во 1-хъ, что онъ былъ на полвершка выше; во 2-хъ, края его съ боковъ были болѣе еще подняты кверху и болѣе еще загнуты; въ 3-хъ, дно его имѣло гораздо большій объемъ, такъ что стѣна этого цилиндра восходила кверху согнутою линіею, на манеръ уланскихъ киверовъ.

О дамскихъ костюмахъ я несравненно менѣе и слабѣе припоминаю подробности; впрочемъ, достаточно будетъ сказать, что одежды, какія носили тогда моя матушка и ея сестра, а равно и другія дамы хорошаго свѣта, ничѣмъ не отличались отъ костюмовъ, какіе изображены на извѣстныхъ портретахъ прусской королевы Луизы и второй супруги Наполеона I, Маріи Луизы, въ эпоху съ 1807 по 1810 годъ.

V.

Нынѣшніе петербуржцы не безъ нѣкотораго, пожалуй, права восторгаясь широко-соціальной жизнью, какая въ теченіе всего лѣтняго сезона ежедневно кипитъ въ саду Павловскаго вокзала и на окрестныхъ широко и далеко распространяющихся

дачахъ, увѣряютъ, что отъ этого самый „городъ Павловскъ“ выигралъ относительно красоты, а дачная жизнь относительно наслажденія ею.

Съ этимъ я не согласенъ. Природная красота тогдашняго Павловска превышала искусственную только красу геометрически-стройныхъ улицъ, съ домами городскаго характера; а великолѣпный, на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ раскинутый паркъ, въ которомъ каждая отдѣльная группа роскошнѣйшихъ, иногда болѣе чѣмъ вѣковыхъ деревьевъ разнороднѣйшихъ видовъ, представляла увлекательно-пластичную картину, болѣе художественъ, чѣмъ тѣсный, словно въ тепличный цвѣтникъ превращенный уголокъ, называемый „садомъ“ вокзала.

Гуманный и привѣтливый характеръ августѣйшей владѣлицы стараго Павловска выказался весь также и въ загородномъ ея житьѣ-бытьѣ: при Павловскомъ дворѣ царила идиллическая почти простота, насколько вообще только таковая возможна была при разъ установленномъ и потому поневолѣ болѣе или менѣе строго соблюдаемомъ придворномъ этикетѣ. Это доказывалось уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ дачнымъ жителямъ Павловска, безъ какихъ-либо ограничивавшихъ условій, разрѣшалось во всѣ часы дня гулять по парку и даже свободно приближаться какъ къ самому дворцу, такъ и ко всѣмъ другимъ мѣстамъ, гдѣ государыня Марія Ѳеодоровна преимущественно любила гулять, а иногда и завтракать, обѣдать и вечерить или вообще проводить время со своимъ придворнымъ штатомъ и съ приглашенными гостями. Такимъ образомъ и я въ 1816—1818 гг. весьма часто имѣлъ случай близко видѣть все это царское житье-бытье. Къ тому же, въ то время я не былъ уже совершеннымъ незнайкою: благодаря стараніямъ мужа второй моей тетушки (чиновника Министерства Финансовъ), д-ра философіи Лейпцигскаго университета, Густава фонъ-Шпальте, умѣлъ я читать и писать на трехъ языкахъ (по-русски, по-нѣмецки и по-французски). Кромѣ того, къ намъ по два раза въ недѣлю пріѣзжалъ m-r Didelot, знаменитый тогда хореографъ и „premier maître de ballet“ императорскихъ театровъ. Собственно-то долженъ онъ былъ обучать старшихъ сестру и брата, но баловавшая меня матушка дозволила и мнѣ участвовать въ „воспріятіи граціозныхъ манеръ“. „Peut-être en deviendra-t-il plus docile

et plus supportable", рѣшилъ женскій ареопагъ, которому мы дѣти были подчинены. И дѣйствительно, помощью гдѣ „ласкательныхъ" словъ, въ родѣ „saperlot, faites donc attention!" или „ah, petit vaurien, voulez-vous rester tranquille!" а гдѣ и щипкомъ, m-r Didelot успѣлъ настолько, что я изрядно выдѣлывалъ каждой ногою всѣ пять позицій, да подъ команду: Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!" сумѣлъ исполнить правильный „révérence de jeune homme de bonne famille".

Въ ясную погоду, когда въ паркѣ зеленые листья деревъ трепетали подъ ласкающими ихъ лучами яснаго, улыбающагося солнышка, можно было, во второмъ часу дня и въ седьмомъ часу вечера, видѣть государыню со всѣмъ ея штатомъ или на террасѣ, выходящей въ направленіи къ верхнему пруду съ видомъ на каскадъ, спускавшійся изъ храма Аполлона, или около Павильона Розъ, обставленнаго оранжерейными деревьями (апельсинными, лимонными и миртовыми) такимъ манеромъ, что образовались отдѣльные уютные боскеты. Особенно любимымъ мѣстомъ Маріи Ѳеодоровны, кажется, былъ именно этотъ павильонъ. Въ обыкновенное время во внутренности его разстанавливалась мебель, которая въ тѣ часы, когда императрица желала завтракать или пить чай въ павильонѣ, размѣщалась по упомянутымъ боскетамъ. Мебель эта была изъ рѣзнаго дерева и выкрашена бѣлой масляной краскою подъ лакъ, съ золотыми бордюрами, и состояла (сколько я еще припоминаю) изъ 4 дивановъ, 12 креселъ, 12 стульевъ и нѣсколькихъ столиковъ. Но самымъ замѣчательнымъ въ этой мебели оказалось то, что подушки на нихъ, изъ бѣлаго атласа, были украшены необыкновенно богатыми и артистически исполненными вышивками прелестѣйшихъ рисунковъ, изображавшихъ розовые вѣнки и гирлянды. Говорили, что эти вышивки были трудомъ собственныхъ рукъ императрицы-матери и ея дочерей.

Иногда царица со своими придворными обѣдала подъ открытымъ небомъ. Тогда обѣдъ сервировался въ такъ называемомъ „лѣтнемъ" театрѣ, который (если не обманываетъ меня память) находился по другую отъ дворца сторону черезъ шоссе, и стѣны да кулисы котораго состояли изъ живой таксусной*)

---

*) Таксусъ — родъ грубой мирты.

изгороди. Бывало также, что подъ вечеръ императрица и штатъ ея отправлялись на большую лужайку, гдѣ устраивались либо танцы подъ звуки военнаго оркестра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, либо общественныя игры. Танцы состояли изъ матрадура, гавота, экосеза, альманды (т.-е. тихаго и плавнаго вальса) и англеза (нѣчто въ родѣ котильона); но случалось мнѣ видѣть иногда въ идеально-граціознѣйшемъ исполненіи также и русскій хороводъ, преимущественно (какъ говорили) по личному желанію царицы-матери. Изъ игръ я помню: игру въ горѣлки, à la barre, въ мячи и въ воланы (raquettes).

За исключеніемъ дней торжественныхъ выходовъ, дамы являлись безъ шлейфовъ, а кавалеры въ штатскихъ костюмахъ, такъ что въ мундирахъ въ Павловскѣ встрѣчались большею частью только гвардейскіе гусары, занимавшіе посты на гауптвахтѣ и прочихъ караульныхъ пунктахъ, да два лейбъ-пандура императрицы-матери.

Выше я упомянулъ, что дачной публикѣ Павловска былъ во всякое время дня дозволенъ свободнѣйшій входъ въ паркъ. Поэтому въ нашемъ домашнемъ регламентѣ значилось, что либо бабушка наша (m-me de Brown), либо одна изъ тетушекъ ежедневно ходила съ нами гулять въ паркъ послѣ обѣда отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Вотъ и отправились мы въ одинъ прекрасный день гулять съ бабушкою и, дошедши до фермы гдѣ отдохнули сколько положено было по регламенту, повернули опять домой. Путь же нашъ долженъ былъ повести насъ мимо Розоваго Павильона. Дошли до него и увидѣли, что тамъ сидѣла сама государыня со своимъ штатомъ. Вотъ и остановилась бабушка и шепчетъ намъ назидательно: „enfants, faites votre révérence!“

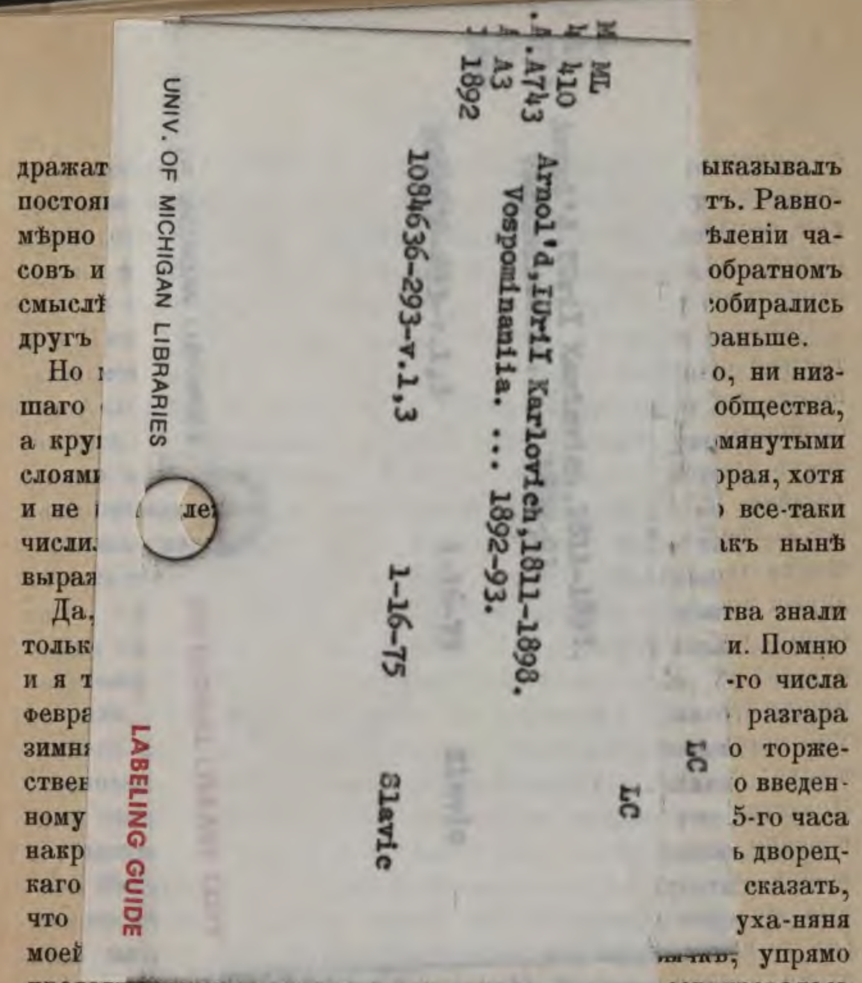
„Révérence!“ О злополучное слово! Какъ только оно прозвучало въ моихъ ушахъ, такъ и предсталъ предо мною въ воображеніи строгій m-r Didelot, и словно слышу я: „Saperlot! Petit vaurien! Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!“. И кажется мнѣ: вотъ, вотъ сейчасъ за ухо поймаетъ! Съ отчаянія выскочилъ я подобающими тремя шагами впередъ, сдѣлалъ три предписанныя позиціи и отвѣшиваю съ опущенными внизъ руками низкій révérence. Только шапку-то и забылъ я снять; ее сорвала съ меня уже сама быстро подбѣжавшая бабушка. Императрица и всѣ присутствовавшіе весело

засмѣялись. Государыня милостиво подозвала къ себѣ бабушку и насъ дѣтей и, разспросивъ, чьи мы, взяла меня на колѣни и погладила по головкѣ. А я смѣло глазѣлъ на нее. Всѣ видѣвшіе когда-нибудь въ Зимнемъ дворцѣ портретъ Маріи Ѳеодоровны, безъ сомнѣнія помнятъ истинно ангельскую доброту и гуманность въ выраженіи прекраснаго ея лица, а въ описываемую мною минуту къ этому прибавилась еще чистосердечная улыбка веселости, и мое дѣтское сердце невольно увлеклось этимъ идеальнымъ обликомъ. Отъ полноты охватившаго меня восторга, приложилъ я вдругъ лапки свои къ щекамъ императрицы и съ паѳосомъ воскликнулъ: „Oh madame, que vous êtes, belle!“ Всѣ окружавшіе насъ кавалеры и дамы пуще прежняго засмѣялись. И сама государыня также засмѣялась; но затѣмъ ласково поцѣловала меня и, приказавъ подать себѣ листъ бумаги и завернувъ въ него апельсиновъ и конфетъ, подарила мнѣ. Потомъ сняла она меня съ колѣнъ и милостиво дала бабушкѣ и всѣмъ намъ дѣтямъ поцѣловать свою руку и отпустила насъ.

Дорогою домой бабушка держала меня крѣпко за руку, не говоря, однакоже, ничего. Но когда мы пришли домой, то она позвала няню и шепнула ей что-то на ухо. Затѣмъ меня, раба Божьяго, повели въ дѣтскую; мѣшочекъ съ апельсинами и съ конфетами положили на столъ, а самого меня разложили на стулѣ, ну и угостили березовой кашицею!

VI.

Житейскій день въ описываемое время начинался рано. Съ интимными визитами нерѣдко являлись въ 10 уже часовъ, а „штатсъ-визиты“ отдавались начиная съ полудня, и не позже двухъ часовъ; потому что во многихъ домахъ обѣдъ, въ обыкновенные дни, сервировался въ три часа. Экстренные обѣды для приглашенныхъ гостей по случаю именинъ или дня рожденія, или инаго какого-либо событія, назначались въ пять часовъ. На вечера aux jours fixes съѣзжались съ семи часовъ, а балы открывались въ девять часовъ. Завтракали же въ 11 или въ 12 часовъ. Правда, что и тогда оказывались исключенія отъ общепринятаго распредѣленія дня; а именно порядокъ дня у такъ называемыхъ англомановъ, или рьяныхъ по-

дражат ыказывалъ
постоя тъ. Равно-
мѣрно ѣленіи ча-
совъ и обратномъ
смыслѣ собирались
другъ раньше.

Но о, ни низ-
шаго общества,
а кру мянутыми
слоям рая, хотя
и не ле все-таки
числи къ нынѣ
выраж

Да, тва знали
тольк и. Помню
и я т -го числа
февра разгара
зимн о торже-
ствен о введен-
ному 5-го часа
накр ь дворец-
каго сказать,
что уха-няня
моей упрямо
продолжала звать „барской сервировалась въ большомъ залѣ. Затѣмъ Никодимычъ, поставивъ въ передней двухъ выходныхъ лакеевъ, самъ важно становился у входа въ столовую изъ большаго зала. Пріѣзжіе гости и гостьи располагались кто поважнѣе въ гостиной, прочіе въ залѣ и въ бильярдной. (Иногда, бывало, собиралось человѣкъ до шестидесяти). Ровно въ пять часовъ (тогда всѣ придерживались еще старинной пословицы: „l'exactitude est la politesse des princes") отецъ и матушка приглашали гостей къ закускѣ, а черезъ полчаса голосъ Никодимыча провозглашалъ громко: „Кушанье подано". Тогда отецъ и матушка предлагали почетнымъ кавалерамъ вести къ столу такихъ-то дамъ, а наипочетнѣйшаго гостя сама матушка, равно какъ почетнѣйшую гостью отецъ, просили „сдѣлать имъ честь". У средины „покоя" помѣщалась матушка съ наружной, а отецъ напротивъ ея

засмѣялись. Государыня милостиво подозвала къ себѣ бабушку и насъ дѣтей и, разспросивъ, чьи мы, взяла меня на колѣни и погладила по головкѣ. А я смѣло глазѣлъ на нее. Всѣ видѣвшіе когда-нибудь въ Зимнемъ дворцѣ портретъ Маріи Ѳеодоровны, безъ сомнѣнія помнятъ истинно ангельскую доброту и гуманность въ выраженіи прекраснаго ея лица, а въ описываемую мною минуту къ этому прибавилась еще чистосердечная улыбка веселости, и мое дѣтское сердце невольно увлеклось этимъ идеальнымъ обликомъ. Отъ полноты охватившаго меня восторга, приложилъ я вдругъ лапки свои къ щекамъ императрицы и съ паѳосомъ воскликнулъ: „Oh madame, que vous êtes, belle!“ Всѣ окружавшіе насъ кавалеры и дамы пуще прежняго засмѣялись. И сама государыня также засмѣялась; но затѣмъ ласково поцѣловала меня и, приказавъ подать себѣ листъ бумаги и завернувъ въ него апельсиновъ и конфетъ, подарила мнѣ. Потомъ сняла она меня съ колѣнъ и милостиво дала бабушкѣ и всѣмъ намъ дѣтямъ поцѣловать свою руку и отпустила насъ.

Дорогою домой бабушка держала меня крѣпко за руку, не говоря, однакоже, ничего. Но когда мы пришли домой, то она позвала няню и шепнула ей что-то на ухо. Затѣмъ меня, раба Божьяго, повели въ дѣтскую; мѣшочекъ съ апельсинами и съ конфетами положили на столъ, а самого меня разложили на стулѣ, ну и угостили березовой кашицею!

VI.

Житейскій день въ описываемое время начинался рано. Съ интимными визитами нерѣдко являлись въ 10 уже часовъ, а „штатсъ-визиты“ отдавались начиная съ полудня, и не позже двухъ часовъ; потому что во многихъ домахъ обѣдъ, въ обыкновенные дни, сервировался въ три часа. Экстренные обѣды для приглашенныхъ гостей по случаю именинъ или дня рожденія, или инаго какого-либо событія, назначались въ пять часовъ. На вечера aux jours fixes съѣзжались съ семи часовъ, а балы открывались въ девять часовъ. Завтракали же въ 11 или въ 12 часовъ. Правда, что и тогда оказывались исключенія отъ общепринятаго распредѣленія дня; а именно порядокъ дня у такъ называемыхъ англомановъ, или рьяныхъ по-

дражателей англійскимъ обычаямъ и нравамъ, выказывалъ постоянное опаздываніе на цѣлыя шестьдесятъ минутъ. Равномѣрно существовала подобная разница въ распредѣленіи часовъ и у мѣщанъ, и у русскаго купечества, но въ обратномъ смыслѣ и въ двойной пропорціи, т.-е. обѣдали и собирались другъ къ другу въ гости двумя или тремя часами раньше.

Но мои разсказы не касаются ни самаго высшаго, ни низшаго слоя (ni la crême, ni la rôture) тогдашняго общества, а круга, составлявшаго средину между двумя упомянутыми слоями и въ особенности той части этого круга, которая, хотя и не принадлежала къ придворной аристократіи, но все-таки числилась въ разрядѣ de la bonne société, или, какъ нынѣ выражаются, въ разрядѣ интеллигентнаго общества.

Да, — въ то время въ кругу интеллигентнаго общества знали только слово „скука", но значенія его не испытывали. Помню и я такіе дни веселья. День рожденія моего отца, 7-го числа февраля, какъ разъ совпадалъ съ временемъ самаго разгара зимняго сезона. Онъ праздновался преимущественно торжественнымъ обѣдомъ. Столъ, образовавшій (по недавно введенному тогда порядку) букву „покой", съ начала уже 5-го часа накрывался въ парадной столовой подъ наблюденіемъ дворецкаго Никодимыча и экономки Сильверстовны. (Кстати сказать, что послѣднюю жившая тогда еще 90-лѣтняя старуха-няня моей матери, по вкоренившейся въ ней привычкѣ, упрямо продолжала звать „барской барынею"). Закуска сервировалась въ большомъ залѣ. Затѣмъ Никодимычъ, поставивъ въ передней двухъ выходныхъ лакеевъ, самъ важно становился у входа въ столовую изъ большаго зала. Пріѣзжіе гости и гостьи располагались кто поважнѣе въ гостиной, прочіе въ залѣ и въ билльярдной. (Иногда, бывало, собиралось человѣкъ до шестидесяти). Ровно въ пять часовъ (тогда всѣ придерживались еще старинной пословицы: „l'exactitude est la politesse des princes") отецъ и матушка приглашали гостей къ закускѣ, а черезъ полчаса голосъ Никодимыча провозглашалъ громко: „Кушанье подано". Тогда отецъ и матушка предлагали почетнымъ кавалерамъ вести къ столу такихъ-то дамъ, а наипочетнѣйшаго гостя сама матушка, равно какъ почетнѣйшую гостью отецъ, просили „сдѣлать имъ честь". У средины „покоя" помѣщалась матушка съ наружной, а отецъ напротивъ ея

съ внутренней стороны, и отъ нихъ направо и налѣво размѣщались гости по рангу. Молодые же люди, не осчастливленные честью вести дамъ къ столу, занимали мѣста у „подножья покоя", гдѣ сидѣли также и мы дѣти съ гувернеромъ и гувернанткою.

Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ 7—8 „entrées". Послѣ третьей перемѣны, встаетъ наипочетнѣйшій гость и возглашаетъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Царскаго Дома. Затѣмъ другой почетный гость желаетъ здоровья и счастья хозяину, третій пьетъ за здравіе хозяйки. Съ каждой перемѣною мѣняются и вина, а общество все болѣе воодушевляется; тосты растутъ; отецъ провозглашаетъ тостъ въ честь любезныхъ гостей, потомъ слѣдуютъ другіи тосты; а когда доходили до 5-й, 6-й перемѣны, то уже общій, смѣшанный гулъ идетъ по залу. Подымается одинъ изъ друзей дома и произноситъ въ честь „новорожденнаго" импровизацію въ стихахъ. Его примѣру слѣдуетъ другой, но уже поетъ веселые куплеты; третій продолжаетъ, либо возражаетъ: смѣсь русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Является послѣдняя перемѣна: встаютъ четыре пѣвца (обыкновенно изъ артистовъ нѣмецкой оперы или любителей*) и поютъ анти-наполеоновскія пѣсни Теодора Кёрнера, положенныя на музыку Карломъ-Маріею фонъ-Веберомъ. Мужчины (въ то время болѣе или менѣе знакомые съ воинственными этими напѣвами) подхватываютъ refrain; дамы подымаются тихо и незамѣтно уходятъ въ гостиную. Приносятъ свѣжаго рейнвейну. Мелодіи Кёрнера смѣняются русскимъ романсомъ подъ акомпаниментъ гитары; запѣвается русская народная пѣсня всѣмъ хоромъ; является форейторъ Тимошка, одѣтый казачкомъ и среди „покоя" залихватски отплясываетъ трепака. Затѣмъ наипочетнѣйшій гость встаетъ, а за нимъ и другіе, и всѣ отправляются въ гостиную и залу пить кофе; а курящіе (какихъ въ то время немного еще было) идутъ въ бильярдную, гдѣ приготовлены голландскія трубки изъ бѣлой глины, и фарфоровая ваза съ ароматнымъ виргинскимъ кнастеромъ. Часъ спустя (часу въ девятомъ) всѣ гости, чинно раскланявшись, разъѣзжаются. Я забылъ упомянуть, что какъ

---

*) Тогда между русскими еще не водился обычай правильнаго квартетнаго пѣнія.

хозяинъ, такъ и гости на подобные обѣды всегда являлись въ предписанныхъ обычаемъ костюмахъ и украшенные всѣми орденами, кто какіе имѣлъ право носить.

На jours fixes пожилыя дамы (какъ и прежде бывало, да и нынѣ вездѣ водится) занимались въ гостиной никогда неисчерпаемыми оборотными варіаціями на тему „люби ближняго яко самого себя", при чемъ одинъ-другой изъ „зрѣлыхъ селадоновъ" имъ поддакивали, изощряя свое остроуміе на потѣшные каламбуры, а иногда и на злые bons mots, да на двусмысленные анекдотцы. Другіе, серьезные, старички размѣщались въ кабинетѣ или въ бильярдной и трактовали между собою о политикѣ или о службѣ. Составлялись иногда также и партіи въ карты (но рѣдко болѣе двухъ столовъ): игрывали въ L'hombre, въ Boston и въ Écarté.

Молодые же люди обоего пола занимались, въ большомъ залѣ, попеременно то музыкою, то игрою въ дурачки, въ фофаны или въ фанты. Игры въ фанты были для всѣхъ занимательны, и не только ради поцѣлуевъ, которыми иногда вознаграждала слѣпая фортуна, но также ради возможности, которая въ нихъ представлялась, выказывать свою ловкость въ „деликатномъ" обращеніи, бойкую находчивость ума и степень образованія. А сколько и какъ неудержимо слышалось въ этомъ веселомъ кругу чистосердечнаго смѣха! Иногда же кто-либо изъ числа пожилыхъ дамъ или мужчинъ садился за флигель (тогда въ полномъ смыслѣ: piano à queue) и наигрывалъ какой-нибудь танецъ. Ремесленныхъ же таперовъ и тапершъ въ то время еще не существовало. Какого рода царили тогда танцы, я упомянулъ уже выше. Въ хорошемъ обществѣ того времени въ презентабельныхъ и ловкихъ молодыхъ кавалерахъ недостатка не было, и ужъ никакъ и никогда не приходилось (какъ въ нашъ теперешній сухой и вялый матеріальный вѣкъ) отыскивать ихъ повсюду съ фонаремъ, словно рѣдкихъ звѣрей, да почти насильно тащить въ гостепріимные семейные дома: молодые люди тогда сами всѣми силами добивались таковой чести, потому что это служило имъ лучшимъ атестатомъ въ обществѣ и довольно часто даже открывало имъ путь къ карьерѣ.

Балы отличались, конечно, отъ jours fixes, но преимущественно внѣшностью: залъ обыкновенно оказывался роскошно

убраннымъ цвѣтами, а иногда и гирляндами между стѣнными многоручными подсвѣчниками (тогда для освѣщенія употреблялись исключительно бѣлыя, восковыя свѣчи); музыка была оркестровая; костюмы соотвѣтствовали строгому этикету; занимались на балахъ единственно танцами. На этихъ самыхъ танцахъ каждый изъ участвующихъ сосредоточивалъ все свое вниманіе и стараніе: танцовали съ сознаніемъ, что танцы искусство естественно позироваться; танцовали граціозно, con amore, съ увлеченіемъ. Слѣдствіемъ же того неминуемо оказывалось общее оживленіе, entrain électrique de tout le monde. Стройно, въ истинно-художественномъ порядкѣ и ансамблѣ сходились, перевивались и расходились пары; не было путанія въ начинаніи и окончаніи фигуръ; не сталкивались безобразно другъ съ другомъ, не оттаптывали ногъ у дамъ и пр. и пр. Было весело и отрадно не только тому, кто самъ танцовалъ, но и тому кто глядѣлъ на эту поистинѣ красивую картину, создавшуюся по вдохновенію самой Терпсихоры. Еще великолѣпнѣе и привлекательнѣе представлялись маскерадные балы. Тутъ являлись заранѣе и тщательно подготовленныя кадрили (не нынѣшнія, конечно, contredanses françaises) въ 4 или въ 8 паръ, или въ аллегорическихъ эмблемахъ (напр. четыре возраста, четыре времени года, изящныя искусства и т. д.), или въ національныхъ одеждахъ (русскіе бояре, швейцарцы, неаполитанцы, шотландцы, англійскіе матросы, дикіе американцы и т. д.), или въ историческихъ костюмахъ (древняго рыцарства, à la Henri IV, à la Louis XIV и т. д.). Смотря по характеру костюмовъ, были также особенно придуманы не только музыка, но и туры и па. Подготовленіемъ таковыхъ кадрилей занимались долгое время, серьезно и съ любовію. Вообще на маскарадныхъ балахъ старались выказать эстетическій вкусъ и остроуміе. Являлись иногда и юмористическія маски, напримѣръ, Донъ Кихотъ на его боевой клячѣ „Розинантѣ“; „Schneider-Cacadu“ сидящій за работою на подвижномъ столѣ; Чортъ, несущій на спинѣ корзину, въ которой сидитъ вѣдьма гадающая на картахъ и т. п.

Еще бо́льшимъ оживленіемъ отличались ежегодныя публичныя гулянія: въ святочную и святую недѣлю на Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ Духовъ день въ большомъ Лѣтнемъ саду и 22 іюля (именины императрицы-матери) въ Петергофскомъ паркѣ.

Эти гулянія были типическія проявленія дѣйствительно народнаго русскаго празднества.

На этихъ гуляньяхъ, какъ припоминаю, появлялся иногда одинъ господинъ почтеннаго и даже „внушительнаго" вида съ двумя мальчиками (лѣтъ 15-ти и 12-ти), всѣ трое въ костюмахъ времени императора Павла Петровича. Гуляющая публика звала его обыкновенно то „комендантомъ", то просто „генераломъ", а по фамиліи Башуцкимъ. Кафтаны и исподняя одежда у нихъ, равно какъ и „камзолъ" (длинный жилетъ), были ярко-кармазиннаго цвѣта. У его превосходительства кафтанъ былъ украшенъ тройнымъ рядомъ золотыхъ позументовъ, у сыновей же его только однимъ рядомъ; на головѣ отца красовался напудренный парикъ съ боковыми, горизонтально лежавшими локонами и съ довольно-длинною косою, туго обвитою чернымъ гро-греномъ, а сверху большая треуголка съ золотымъ галуномъ, съ высокимъ, изъ коротенькихъ перьевъ, плюмажемъ и съ кокардою въ видѣ огромнаго банта. На мальчикахъ же надѣты были сверхъ натуральныхъ буклей маленькія треуголки, окаймленныя узкимъ позументомъ. Костюмъ генерала довершали широкій золотой шарфъ, ботфорты съ широкими раструбами, торчавшая изъ подъ кафтана огромная шпажища, большія перчатки (какія нынѣ только еще у кирасировъ) и огромная шпанская трость въ правой рукѣ. Отецъ еще тѣмъ отличался отъ мальчиковъ, что шея его была обвита кружевнымъ шарфомъ, широкіе концы котораго падали на грудь: а у мальчиковъ были широкіе отложные, гофрированные воротники рубашекъ. Эта оригинальная тройка, представлявшая живой протестъ противъ новаго вѣка, памятна мнѣ не только изъ эпохи 1816—1818 годовъ, но я встрѣчалъ ее и позже, въ 1822 и въ 1823 годахъ.

VII.

Что въ русскомъ обществѣ, относительно разныхъ видовъ проявленія музыки, преобладала любовь къ пѣнію, весьма понятно. Если уже само по себѣ признается неоспоримымъ, что вообще человѣку, какой бы ни былъ онъ націи, пѣніе ближе и къ понятію, и къ воспріимчивости его, то тѣмъ паче относится это къ русскому человѣку тогдашней эпохи, все еще слишкомъ мало освоившемуся съ инструментальной музыкою,

а главное, съ самаго почти рожденія своего „взлелѣянному“ русскою народною пѣснью. Правда, что съ 1802 года въ Петербургѣ существовало уже „Филармоническое Общество“, основанное преимущественно стараніями богатаго графа Юрія Віельгорскаго; правда, что въ концертахъ этого Общества (какъ я, конечно, гораздо позже узналъ) исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта и ораторіи Генделя, Грауна, Фр. Шнейдера и др.; но наша тогдашняя публика, видимо, не была еще достаточно подготовлена, чтобы вполнѣ понимать и „переварить“ эту серіозную музыку. Тò что она изъ всѣхъ, не преимущественно къ пѣнію относящихся, твореній въ состояніи была „понимать“, заключалось въ сочиненіяхъ „галантнаго“ (какъ тогда выражались), т.-е. легкаго, салоннаго стиля, передаваемыхъ „звуками унылыхъ клавикордовъ“, въ сочиненіяхъ, слѣдовательно, опять-таки преобладающаго лирическаго характера. Бывало, что тамъ и сямъ, въ видѣ исключенія, любители или любительницы занимались и сонатами Гайдна или Моцарта (даже и Бетховена*); но большею частію въ салонахъ петербургскаго общества слышались произведенія Іог. Вангалля, И. Плейеля, Дан. Штейбельта, Адальб. Гиворецa и. т. п. Послѣ 1815-го года (кажется) отважились перейти къ сочиненіямъ Клементи и его учениковъ: Людв. Бергера и Джона Фильда.

Скрипачи принимались уже за творенія Роде и Балльо, и находились даже смѣльчаки, которые отважились приступить къ композиціямъ Л. Шпора. Дилеттанты съ дилеттантками вздыхали надъ дуэтами Іос. Майзедера для скрипки съ флигелемъ. Квартетная игра считалась рѣдкостью: сколько знаю, исполнялись квартеты у Ѳ. П. Львова (отца Алексѣя Львова), у графовъ Віельгорскихъ, у А. Д. Улыбышева (тогда молодого чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), у полковника И. Ф. Ласковскаго и у немногихъ другихъ.

Не помню я, кто ознаменовалъ себя въ то время, какъ преподаватель на скрипкѣ, но хорошо помню трехъ лучшихъ тогда въ Петербургѣ фортепіанныхъ учителей: Джона Фильда, который въ 1820 г. переселился въ Москву, Егора (собственно

*) Напр. у князя Н. Б. Голицына.

Георга Эрнеста) Мюллера (ученаго контрапунктиста) и Карла Арнольда*), уроженца г. Дюссельдорфа (композитора салонныхъ пьесъ), впослѣдствіи выѣхавшаго въ Норвегію и умершаго капельмейстеромъ театра въ г. Христіаніи.

Всѣхъ трехъ я тогда лично видалъ и слыхивалъ играющихъ на флигелѣ, такъ какъ Арнольдъ обучалъ старшую мою сестру и, бывъ друженъ съ Фильдомъ и съ Мюллеромъ, познакомилъ ихъ съ моимъ отцомъ, большимъ любителемъ изящныхъ искусствъ. Отецъ когда-то въ молодости своей игралъ даже на „флютузѣ" (flûte douce)**), а знатокомъ все-таки онъ не былъ, да и самъ не считалъ себя таковымъ; но за то онъ радушно принималъ художниковъ и артистовъ, отъ всей души ихъ угощалъ и не скупился вознаграждать, когда приглашалъ ихъ участвовать въ домашнихъ нашихъ концертахъ.

Этому же обстоятельству я равномѣрно обязанъ тѣмъ, что около 1817 года, у насъ же въ домѣ, увидѣлъ и услышалъ я пріѣхавшаго въ Петербургъ для концертированія, знаменитаго Гуммеля. Въ памяти моей и по сію пору рисуется средняго роста мужчина съ полнымъ, здоровымъ, добродушнымъ лицомъ, съ маленькимь брюшкомъ, въ широкомъ черномъ фракѣ, съ высокими, тугонакрахмаленными воротниками рубахи и съ большимъ бѣлымъ шейнымъ платкомъ. Одно только меня смущаетъ: на гравюрѣ, какая находится при одномъ изъ изданій его концертовъ, у него надо лбомъ приглаженные волосы, тогда какъ я ясно и твердо помню, что у него была на головѣ плоская ермолочка (calotte) изъ чернаго бархату. Изображенъ ли Гуммель на той гравюрѣ въ парикѣ, или же этотъ портретъ относится къ болѣе раннему времени? По внѣшнему виду можно бы было Гуммеля скорѣе принять за добраго нѣмецкаго „шульмейстера", чѣмъ за такого великаго, поэтическаго художника-фортепіаниста, каковымъ онъ дѣйствительно былъ. Когда маэстро пересталъ играть, но еще не всталъ со стула, подошли къ нему матушка и „оба Арнольда" и стали разговаривать

*) Его въ нашемъ кругу, для отличія отъ моего отца, который былъ ниже средняго роста, звали «le grand Arnold», а по-нѣмецки «der lange Arnold».

**) Такъ и понынѣ многіе дилеттанты зовутъ большую флейту для отличія отъ квартъ-флейты и пиколло.

съ нимъ. Должно быть, рѣчь коснулась русскихъ народныхъ пѣсенъ.

О чемъ бы, однакоже, Гуммель ни спросилъ, только „долгій“ Арнольдъ вдругъ повернулся и, увидѣвъ меня, прятавшагося за стуломъ младшей тетушки, быстро подошелъ и взялъ меня за руку. „Komm' her, sei ein guter Junge, und sing' hier diesem lieben Onkel ein russ'sches Liedchen vor!“ *) Тутъ и матушка нагнулась ко мнѣ и шепнула: „будь паинька, спой пѣсенку!“ А меня и просить-то вовсе не нужно было; пѣсни пѣть я самъ по себѣ любилъ, а деревенскія и подавно, да и не впервые мнѣ приходилось распѣвать ихъ предъ чужими. Не помню нынѣ, конечно, что̀ именно такое я пропѣлъ; но Гуммель съ довольнымъ видомъ выслушалъ, а потомъ, погладивъ меня по головѣ, сказалъ матушкѣ: „Der Kleine hat musikalische Anlagen, Gehör und Stimme; er muss Musiker werden!“ **) — „Mein Mann, отвѣчала матушка, весело засмѣявшись, denkt aber daran, einen Finanzminister aus ihm zu machen“ ***). — „Nun, сказалъ Гуммель, улыбнувшись, das ist freilich *auch* keine schlechte Carrière!“

Пѣніемъ много и охотно занимались въ Петербургѣ, и встрѣчались между любителями и любительницами прекраснѣйшіе, и даже хорошо выработанные голоса. На русской же сценѣ, во второй половинѣ десятыхъ годовъ, должно быть, дѣйствительно было мало выдающихся пѣвицъ и пѣвцовъ, кромѣ высокаго тенора Василія Самойлова (отца знаменитаго впослѣдствіи трагика). Очень вѣроятно, что причиною этого недостатка въ хорошихъ пѣвицахъ и пѣвцахъ на сценѣ отечественной оперы были слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, большой недостатокъ вообще въ преподавателяхъ солистнаго пѣнія, а въ хорошихъ въ особенности; во-вторыхъ, непомѣрная дороговизна уроковъ у весьма немногихъ хорошихъ учителей (не дешевле 10 р. за cachet), такъ что пользоваться ими было доступно

---

*) Поди сюда, будь добрымъ мальчикомъ, и спой вотъ этому милому дядѣ русскую пѣсенку.

**) У мальчика музыкальныя способности, слухъ и голосъ; ему надо быть музыкантомъ.

***) Но мужъ мой о томъ думаетъ, какъ бы сдѣлать изъ него министра финансовъ.

†) Ну! это, конечно, *также* не дурная карьера!

только лицамъ привилегированнаго общества: въ-третьихъ, наконецъ, глупый, а все-таки общій предразсудокъ противъ касты сословныхъ сценическихъ артистовъ, что̀ и удерживало талантливыхъ членовъ общества поступать въ ряды артистовъ. А это предубѣжденіе до того сильно вкоренилось, что даже и либеральнѣйшіе люди, хотя вслухъ и порицали тупость этихъ взглядовъ, хотя весьма радушно принимали сценическихъ артистовъ въ семейныхъ своихъ кругахъ и даже дружились съ ними, но все-таки никоимъ образомъ не рѣшились бы дозволить сыну или брату поступить на сцену, а того менѣе дочери или сестрѣ выйти замужъ за „артиста-комедіанта".

Теноръ Самойловъ бывалъ у насъ въ домѣ, равно какъ и артисты нѣмецкой труппы: теноръ Затценховенъ и комикъ Линденштейнъ съ женою, примадонною. Давалъ ли Самойловъ уроки пѣнія, не знаю; Затценховенъ же и m-me Линденштейнъ занимались преподаваніемъ пѣнія. Кстати упомянуть, что дѣтское мое вниманіе останавливалось на томъ, что, когда m-me Линденштейнъ исполняла какую-нибудь „кудрявую" (какъ я выражался) оперную арію, у нея сильно и даже очень замѣтно напрягались шейныя мышцы. Самыми лучшими учителями пѣнія тогда считались К. К. Кавосъ, преподаватель при Смольномъ монастырѣ (впослѣдствіи генералъ-директоръ всей музыки императорскихъ театровъ и главный капельмейстеръ русской оперы), да нѣкто Джуліани, который не разъ пѣвалъ на нашихъ вечерахъ.

Вся обстановка нашего житья-бытья весьма рано возбудила во мнѣ влеченіе къ поэзіи и къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкѣ и къ театральнымъ представленіямъ. Да и самъ отецъ мой словно нарочно поощрялъ и развивалъ начинавшуюся уже тогда во мнѣ къ нимъ страсть. Онъ какъ бы радовался моей памяти и моему умѣнью довольно вѣрно копировать разныхъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ, и любилъ, когда послѣ обѣда онъ ложился на диванѣ въ кабинетѣ отдыхать, чтобы я, усѣвшись возлѣ дивана, убаюкивалъ его тихимъ напѣваніемъ какой-нибудь пѣсенки.

Въ устраиваемыхъ у насъ и у нашихъ знакомыхъ, дѣтскихъ спектакляхъ я постоянно участвовалъ, и раза два исполнялъ роли дѣтей въ спектакляхъ для взрослыхъ, а именно въ двухъ модныхъ тогда драмахъ Коцебу: „Ненависть къ людямъ

и раскаяніе“ и „Дитя Любви“. Отецъ мой часто посѣщалъ театры и почти постоянно возилъ меня съ собою. Вслѣдствіе сего я уже на 6-мъ, 7-мъ году хорошо познакомился съ моднымъ репертуаромъ нашихъ русскихъ и нѣмецкихъ сценъ.

Вотъ названія главнѣйшихъ изъ оперъ, какія приходилось мнѣ тогда видѣть и слышать.

а) На русской сценѣ: „Отецъ и дочь“ (Агнеса) Паера; „Титово милосердіе“ Моцарта, „Князь невидимка“ и „Дунайская русалка“ (2-я часть) Кавоса, „Прекрасная Татьяна на Воробьевыхъ горахъ“, „Филаткина свадьба“ и „Ямъ“ Алексѣя Титова, и „Мельникъ колдунъ, сватъ и хвастунъ“ Ѳомина.

б) На нѣмецкой сценѣ: „Zauberflöte“ и „Wie sie alle sind“ (cosi fan tutte) Моцарта, „Tancred“ Россини, „Der Kalif von Bagdad“ Бойельдьё, „Der unsichtbare Prinz“ Кавоса, „Das Donauweibchen“ (1-я часть) Ферд. Кауера, „Die Schwestern von Prag“ Венц.-Мюллера, „Doctor und Apotheker“ Диттерсдорфа, „Die zwei Gefangenen“ (Adolf und Clara) Далляйрака.

Въ частныхъ салонахъ распѣвались, конечно также аріи и дуэты изъ модныхъ оперъ, но гораздо больше еще романсы на русскомъ и французскомъ, рѣже уже на нѣмецкомъ языкѣ, хотя (а можетъ быть даже именно и потому что) жанръ послѣднихъ выказывалъ болѣе серьезную, но безспорно и болѣе художественную музыку. Изъ авторовъ русскихъ романсовъ преимущественно распространенными въ публикѣ оказались имена графа Мих. Віельгорскаго, К. Кавоса, Алексѣя и Николая Титовыхъ, Романуса, Кашина, Козловскаго. Сапіенцы; а изъ французовъ Louise Puget и Aug. Panseron*). Серьезные же любители распѣвали Lieder знаменитыхъ нѣмецкихъ авторовъ: Mozart, Hiller, Carl-Maria von Weber (изъ собранія „Leyer und Schwert“ и другія), Reichardt, Andr. Romberg и пр.

Что касается церковнаго пѣнія, то трудами и стараніями Д. С. Бортнянскаго оно, по крайней мѣрѣ въ образцовомъ хорѣ императорской придворной капеллы, получило снова приличествующій молитвенный характеръ. Но бывало, даже и въ описываемое мною время, много еще частныхъ хоровъ, въ которыхъ продолжала преобладать манера слащаваго, же-

*) Романсы Théodor'a Labarre появились только въ 20-хъ годахъ.

манно-драматическаго исполненія сочиненій, писанныхъ или самими капельмейстерами-итальянцами Елизаветинской и Екатерининской эпохи, или же ихъ слѣпыми подражателями. Между таковыми частными хорами въ особенности отличался своей манерностью хоръ пѣвчихъ милліонера Дубенскаго. Этотъ петербургскій богачъ, возлѣ своего палаццо по набережной Фонтанки близъ Аничкина моста, имѣлъ свою домашнюю церковь въ которую однакоже былъ открытъ свободный доступъ всѣмъ богомольцамъ. Пѣвчіе г. Дубенскаго (въ количествѣ, я думаю, около полусотни) качествомъ своихъ голосовъ и стройностью ансамбля дѣйствительно стоили общаго вниманія, а солисты, кажется, чуть ли не были учениками не то Галуппи, не то Сарти. Въ особенности замѣчательно-мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ отличался высокій теноръ „Фрицъ" (крѣпостной Ѳедька, либо камердинеръ, либо просто лакей г. Дубенскаго). Но выборъ сочиненій преимущественно „кудреватаго", самаго утрированнаго свѣтски-итальянскаго стиля (напр. пресловутыхъ концертовъ пресловутаго капитана Веделя, любимца свѣтлѣйшаго князя Потемкина), а еще болѣе манера исполненія изобличали совершенную безвкусицу и непониманіе молитвы какъ въ самомъ владѣльцѣ хора, такъ и въ притекавшихъ къ службамъ этой церкви членахъ аристократическаго круга. Дѣти инстинктивно чуятъ истину. Однажды съ матушкой мы были у всенощной въ той церкви, чтобы послушать знаменитый хоръ г. Дубенскаго и прославленнаго тенора Фрица. Пріѣхавъ домой, я обратился къ матушкѣ съ вопросомъ: „А зачѣмъ же больнаго Фрица заставляютъ пѣть? Вѣдь ему трудно и больно!" — „Да кто же тебѣ сказалъ, что онъ боленъ?" возразила матушка. „А какъ же, maman, развѣ ты не слыхала, какъ Фрицъ-то все охалъ, да всхлипывалъ и стоналъ; все охъ, охъ, охъ!" И я запѣлъ тутъ, подражая Фрицу: „Свѣ-ѣ-ѣ-ѣте-е, охъ! ти-и-и-охъ, охъ! хіііій, охъ!"

VIII.

Въ 1818 году отецъ мой самъ отвезъ старшаго (глухонѣмого) сына, Ивана, въ Берлинъ къ прославившемуся тогда педагогу по части воспитанія таковыхъ дѣтей, пастору Мёрингу. Когда же онъ, возвратился, то сообщилъ, что онъ побывалъ также и въ институтѣ д-ра Карла Лангъ, устроенномъ

въ „дворянскомъ имѣніи“ (Rittergut) Ваккербартсру на полдороги отъ Дрездена къ Мейссену; что это заведеніе ему по сердцу пришлось, и что онъ рѣшилъ отправить туда втораго (старшаго) брата моего, Александра, и меня въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1819 года. „Конечно (прибавилъ онъ, указывая на меня), вотъ этому-то мышенку потребуется года на два еще особеннаго присмотра; ну, такъ пошлемъ съ нимъ на это время и дядьку его Василія“. — Итакъ: alea jacta erat! Жребій былъ брошенъ!

Должно сперва вообще объяснить, что̀ собственно было это Ваккербартсруское учрежденіе.

„Воспитательное заведеніе доктора Карла Лангъ“ (Dr. Carl Lang's Erziehungsanstalt) пользовалось въ свое время европейскою извѣстностію до того, что о немъ упоминалось даже въ нѣкоторыхъ географическихъ учебникахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. И дѣйствительно, этотъ пансіонъ во всѣхъ отношеніяхъ выказывалъ нѣчто исключительное, да къ тому же въ хорошемъ смыслѣ исключительное. Но зато и ежегодная плата за воспитаніе мальчика доходила до весьма почтенной цыфры, и въ особенности когда сообразимъ относительную къ продуктамъ тогдашнюю высокую валюту металловъ. Въ годъ платилось по 1000 талеровъ или серебряныхъ рублей, не считая въ томъ числѣ экстренныхъ еще издержекъ на одежду и обувь, на книги, тетради, лѣкарства и пр. и пр. Изъ этого вытекаетъ, что Ваккербартсрускій пансіонъ никоимъ образомъ не былъ „общедоступнымъ“, а скорѣе „выборнымъ“, потому что помѣстить въ него своихъ сынковъ оказывалось доступнымъ богатымъ лишь людямъ.

Съ другой же стороны, однакоже, основные принципы института выказывались совершенно нивеллирующими всѣ сословія и всѣ вѣроисповѣданія. Помню я твердо, что были между нами не только англиканской, римско-католической, греко-россійской и въ преимуществѣ, конечно, лютеранской конфессіи, но также трое или четверо евреевъ; а про разность сословій такъ и подавно говорить нечего.

Такъ, напр., моими товарищами по классу были между прочими: Вильгельмъ фонъ Тюмплингъ (сынъ прусскаго генерала, и самъ впослѣдствіи, въ 60-хъ годахъ, военный министръ, а во время германо-французской войны 1870 года корпусный

командиръ прусской службы); графъ Фитцтумъ фонъ-Экштедтъ (сынъ оберъ-гофмаршала королевско-саксонскаго двора); Анатолій Николаевичъ Демидовъ (впослѣдствіи первый русскій Principe di San Donato); а изъ старшихъ классовъ помню еще: барона фонъ-Гризгеймъ (Griesheim, сына одного изъ тогдашнихъ наибогатѣйшихъ землевладѣльцевъ Тюрингіи) и какого-то Лорда Вилльяма (фамилію я забылъ), весьма симпатичнаго, но болѣзненнаго юношу, который въ 1821 году тамъ же, въ пансіонѣ и умеръ. Но находились между моими одноклассниками также и дѣти другихъ сословій, напр. Бернгардъ Таухницъ (сынъ собственника извѣстной фирмы книгопечатанія въ Лейпцигѣ, впослѣдствіи самъ представитель ея и прославившійся своей эрудиціею по части классическихъ языковъ); Бруно и Данкмаръ Винклеръ (сыновья фабриканта изъ г. Ошацъ); два сына кіевскаго банкира Кунце (помнится: евреи); сынъ сельскаго учителя Густавъ Лангъ (племянникъ содержателя пансіона); Гейнрихъ Боккъ (сынъ дрезденскаго портнаго); Оттонъ Кречмаръ (сынъ деревенскаго судьи (Dorfschultz) села Кёчинброде) и другіе.

Программа воспитанія въ Ланговскомъ пансіонѣ основывалась на принципахъ двухъ знаменитыхъ педагоговъ, жившихъ въ концѣ прошлаго вѣка: швейцарца Песталоцци, и Дессаускаго (кажется) уроженца, Базедова. Песталоцци, бывъ не только общесторонним ученымъ, но и спеціально еще врачемъ, проповѣдывалъ, что настоящее искусство воспитанія заключается въ умѣніи уравновѣшивать развитіе интеллигенціи ребенка съ развитіемъ тѣлесныхъ его силъ. Базедовъ же, кромѣ того, утверждалъ, что при толкованіи дѣтямъ научныхъ предметовъ должно не попросту налегать на одну лишь память, а развивать и укрѣплять ее стараніемъ о томъ, дабы ребенокъ получалъ сколь возможно полное и ясное, такъ сказать, „образное“ понятіе о каждомъ, не только осязательномъ, но также и отвлеченномъ предметѣ.

Самъ отецъ мой, а также и первый мой наставникъ (упомянутый въ 5-мъ письмѣ) дядя Шпальте были горячіе поклонники Песталоцци и Базедова, и почти нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря только этимъ принципамъ, столь раннее развитіе интеллектуальной моей силы не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, и въ особенности никакъ не пошатнуло богатырскаго,

Богомъ мнѣ дарованнаго, организма тѣла. Ибо между первыми моими игрушками находилась также и Базедовская коллекція гравированныхъ „картинъ для развитія въ дѣтяхъ ясныхъ понятій“. Для укрѣпленія же тѣла насъ, дѣтей, не только каждое утро и каждый вечеръ обливали свѣжей (такъ называемой „комнатной) водою, но мы должны были также, зимою дѣлать ежедневно простѣйшія гимнастическія упражненія (въ то время въ Россіи очень мало еще извѣстныя), а въ лѣтнее время на дачѣ, въ своемъ саду, намъ была дана полная свобода бѣгать босикомъ, даже послѣ дождя, по всѣмъ лужамъ, да лазить сколько угодно на крышу и на высокія деревья.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года все наконецъ къ нашему отъѣзду было подготовлено и приготовлено, а маршрутъ былъ назначенъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблѣ*) до Штетина, а оттуда въ почтовыхъ дилижансахъ чрезъ Берлинъ въ Дрезденъ. Такъ какъ никому изъ взрослыхъ нашего семейства не было возможно сопровождать насъ, то братъ Александръ и я были отданы на попеченіе нѣкоему д-ру Лихтенштедту и старшей его сестрѣ, отправлявшимся на родину свою, въ Берлинъ. Кромѣ того съ нами былъ отпущенъ, какъ съ самаго начала уже отецъ рѣшилъ, мой дядька, прихрамывающій, но сердечно привязанный ко мнѣ, портной Василій. Много заботившаяся, конечно, о насъ и всегда довольно баловавшая насъ матушка не забыла приготовить намъ на дорогу, и въ особенности для предстоящаго шести-дневнаго плаванія, огромный запасъ „провизіи“: шоколаду, апельсиновъ, лучшихъ вяземскихъ пряниковъ и такъ называемыхъ „корабельныхъ сухарей“, два (или даже три) отборныхъ окорока, нѣсколько фунтовъ свѣжей икры, и пр. да достаточное число бутылокъ мадеры, — конечно „по совѣту домашняго доктора“ согласно съ обычаемъ, установленнымъ для морскихъ путешествій. Родители проводили насъ до Кронштадта, гдѣ мы и простились съ ними. Весьма естественно, что было не мало горѳванія и пролитыхъ слезъ. Хотя и долженъ я опасаться, что я покажусь какъ бы безсердечнымъ, но увы! святой долгъ правдиваго лѣтописца вынуждаетъ меня признаться, что при всѣмъ, на самомъ дѣлѣ глубокомъ, гореваніи, меня не мало утѣшала мысль о пред-

*) Пароходовъ въ то время въ Европѣ не существовало.

стоящемъ мнѣ вволю наслажденіи прекрасными предметами сопутствующей намъ „провизіи“. Судьба, однакоже, въ видѣ д-ра Лихтенштета и въ особенности его старой дѣвы-сестры, горько разрушила всѣ мои надежды: намъ дѣтямъ „ради охраненія насъ (какъ было сказано) отъ излишняго обремененія желудка“ доставалось еле-еле что (какъ говорится) „на пустой зубокъ“, а какъ доѣхали мы до Штетина, то отъ всей „провизіи“ все-таки ничего не осталось. „Ишь, старая вѣдьма! (не разъ ворчалъ „Василій бѣдныхъ дѣтей обдѣляетъ! ажъ обижливо глядѣть!“

Зато, однакоже, и я — хотя и не преднамѣренно — ихъ наказалъ, т.-е. важнѣйшимъ образомъ напугалъ; а помогать мнѣ въ этомъ, такъ буря помогала. Вотъ какъ это происходило.

Къ концу перваго уже дня почтеннымъ членамъ фирмы „Лихтенштетъ и К°“ приходилось склониться предъ грозной силою, называемой „морской болѣзнью“: г. докторъ и милая сестрица его видѣли себя вынужденными оставаться въ своихъ койкахъ, и всѣ ихъ помышленія, конечно, были обращены лишь на чрезвычайно траги-комическое состояніе собственныхъ ихъ тѣла и души. Потому ли что, какъ нѣкоторые увѣряютъ, дѣти вообще менѣе подвергаются этому бичу непривыкшихъ къ морскому элементу „земныхъ крысъ“ (какъ выражаются моряки), или по индивидуальной нашей крѣпкой организаціи, только на самомъ дѣлѣ морская болѣзнь и не думала даже пристать къ намъ. Такимъ образомъ, къ счастію, — а разумѣется и къ полному удовольствію брата и моему, — попеченіе о насъ принялъ на себя самъ Богъ Господь. На хромаго дядьку Василія расчетъ былъ плохой: ради и безъ того уже малонадежной лѣвой ноги, также и правая его ходуля мало оказалась въ состояніи бороться съ качаніемъ корабля. Слѣдовательно мы оба, съ братомъ, нашлись въ полной свободѣ шляться по всему верхнему деку, сколько душѣ угодно, а избрали мы для пребыванія нашего верхній этотъ декъ какъ потому, что на вольномъ воздухѣ мы себя лучше чувствовали чѣмъ въ душной каютѣ; такъ и еще болѣе потому, что самая-то обстановка корабля и вся эта матросская жизнь и суета были совершенною для насъ новизною и весьма сильно подстрекали естественное наше дѣтское любопытство. Добрые матросы-

финны (корабль былъ финляндскій) шутливо отвѣчали на наши вопросы, и благодушно помогали Небесному Отцу въ дѣлѣ о насъ попеченія.

Первые два дня наше плаваніе пользовалось попутнымъ вѣтромъ; но на третій день, въ виду восточнаго берега острова Готланда, поднялась непогода. Вѣтеръ не только совершенно перемѣнился и сталъ валять съ противоположной стороны, но вскорѣ превратился въ настоящій „штормъ". Куда дѣвался братъ Александръ и какимъ образомъ онъ окончательно (какъ потомъ оказалось) все-таки очутился въ общей каютѣ, я не догадался въ свое время спросить его, а потому и понынѣ не вѣдаю. Помню только, что самъ-то я растерялся, замотался и попалъ какому-то матросу подъ ноги. Морякъ же схватилъ меня въ охапку и съ словами: „Эй, баршукъ! ни мишай!" (или въ родѣ того) сунулъ меня куда-то, да и покрылъ чѣмъ-то. Почувствовавъ, что я лежалъ на чемъ-то довольно мягкомъ и что я защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра, что мнѣ даже стало тепло, я вскорѣ успокоился и заснулъ, видно, очень да очень крѣпко, какъ подобаетъ заснуть здоровому, но сильно умаявшемуся ребенку. Это случилось уже къ самому вечеру. Спалъ я, видимо, довольно долгое время, да проснулся отъ какого-то шума извнѣ, только это былъ уже не ревъ урагана. Вдругъ что-то лежавшее на верху моей импровизированной „спальни" исчезло, проникли ко мнѣ свѣтлые лучи яснаго утренняго солнца да раздался хриплый голосъ съ чухонскимъ выговоромъ: „Во-те, твоя баршукъ!" Затѣмъ показались головы брата и дядьки, а между ними круглые, зеленые очки на большомъ семитскомъ носѣ почтеннаго моего „попечителя". Меня, конечно, вытащили изъ моего убѣжища, которое было ничѣмъ инымъ, какъ огромнымъ сверткомъ длиннаго якорнаго каната (то, что, кажется, моряки называютъ „кабелярингъ"), а снятая съ него крышка оказалась толстой циновкою. Прежде всего разразилась надо мной бѣглая брань д-ра Лихтенштета, распѣвомъ на высокихъ нотахъ весьма гнусливаго тенорино. Отъ худшихъ (легко возможныхъ) послѣдствій гарантировали меня, съ одной стороны, обнимавшіе съ радостнымъ рыданіемъ благополучно найденнаго „Іосифа", братъ Александръ и дядька Василій, а съ другой стороны, тутъ же стоявшій капитанъ корабля. Но самъ я ничего не слышалъ и ничего не замѣчалъ,

вытаращивъ глаза на красивую панораму, развернувшуюся предо мною далеко чрезъ спокойно плясавшія волны Ботническаго залива: освѣщенный яркимъ отливомъ свѣтлаго майскаго утра представился намъ широко-раскинутый по западному берегу острова Готланда, главный его городъ Висби. Столь далеко въ сторону отогналъ насъ отъ прямого пути ураганъ прошлой ночи.

На седьмой день нашего плаванія мы прибыли въ Штеттинъ, гдѣ отдохнули дня два или три. Затѣмъ дотянулись, общимъ въ то время порядкомъ, въ королевско-прусскомъ почтовомъ дилижансѣ до Берлина, гдѣ опять отдыхали три дня для реставраціи костей и нервовъ, сильно пострадавшихъ отъ всѣхъ „удобствъ", предоставленныхъ тогда путешественникамъ по красиво устроеннымъ казеннымъ шоссе въ биткомъ набитыхъ пассажирами, душныхъ и вовсе не diligemment двигавшихся каретахъ соломеннаго цвѣта. Единственно, что мнѣ тутъ понравилось, заключалось въ пѣсняхъ, играемыхъ на трубѣ самодовольнымъ „Schwager'омъ" т.-е. почтальономъ-возницею. (Сознаюсь: послѣднія фразы ужъ очень тяжелы и шероховаты; но позвольте не перемѣнить ихъ, такъ какъ онѣ лучше всего возбудятъ картинное понятіе о „пріятностяхъ" тогдашнихъ вояжей по сушѣ). Наконецъ-то мы, долго ли, скоро ли, а всетаки прикатили къ ближайшей цѣли нашего путешествія, въ столицу короля саксонскаго, въ славный своею мѣстной красотою г. Дрезденъ, гдѣ д-ръ Лихтенштетъ всѣхъ насъ троихъ, т.-е. брата Александра, меня и портнаго Василія сдалъ съ рукъ на руки уполномоченному довѣріемъ отца банкиру, носящему громкое имя „Julius Cäsar".

Брату Александру шелъ тогда 12-й уже годъ и онъ въ Петербурггѣ цѣлыхъ четыре уже года посѣщалъ школу реформатской церкви, учрежденную въ началѣ текущаго вѣка знаменитымъ въ свое время проповѣдникомъ-пасторомъ (швейцарцемъ) Іоанномъ фонъ Моральт'омъ, удостоеннымъ вниманія и уваженія какъ Государя Императора Александра Павловича и Августѣйшей Императрицы-матери, такъ и позже Государя Императора Николая Павловича. Слѣдовательно брату моему уже были извѣстны имя и историческое значеніе великаго римскаго покорителя древнихъ галловъ. Услышавъ, еще до отъѣзда нашего изъ дома, отъ отца имя Дрезденскаго

банкира, братъ, конечно, не преминулъ и мнѣ растолковать, ктò и чтò былъ герой, впервые носившій и столь прославившій имя Юлія Цезаря. Весьма естественно, что мы и въ продолженіе также нашего путешествія довольно часто возвращались къ той же темѣ и другъ другу сообщали наши фантазіи о ней, такъ что у насъ подъ конецъ сложилось полное убѣжденіе, что дрезденскій банкиръ „Herr Commerzienrath Julius Cäsar“ долженъ непремѣнно быть потомокъ того героя, статной и видной наружности, и что онъ предстанетъ предъ нами въ рыцарской одеждѣ римскаго императора да съ лавровымъ вѣнкомъ на главѣ!

Каково же было наше, почти на страшный испугъ похожее, разочарованіе, когда, введенные въ рабочій кабинетъ г. коммерціи совѣтника, мы увидѣли предъ собою тощаго мужчинку лѣтъ около сорока, съ худощавымъ, но розовымъ и пріятно улыбающимся лицомъ, ростомъ не многимъ только повыше брата Александра, да къ тому же въ свѣтло-сѣромъ фракѣ съ стальными пуговицами и такого же цвѣта въ узкихъ длинныхъ брюкахъ, а на головѣ, вмѣсто лавроваго вѣнка, рыжеватыя съ просѣдью букли, покрытыя черною тафтяною ермолочкою!

Супруга же „великаго“ Юлія Цезаря которой мы имѣли честь быть представлены не далѣе какъ чрезъ полчаса послѣ нашего прибытія, напротивъ того, была дама высокаго роста, весьма презентабельной, плотной формаціи, какою бы могъ гордиться даже любой поручикъ королевско-прусской гвардіи.

Спѣшу, впрочемъ, прибавить, что это были симпатичнѣйшіе и образованнѣйшіе люди, которыхъ невозможно было не уважать отъ всего сердца.

Мы съ братомъ прогостили у нихъ нѣсколько дней, во время которыхъ г-жа Цезарь насъ водила по всему Дрездену, чтобы познакомить со всемірно (и по праву!) славившимися достопамятниками древней резиденціи ярко блиставшихъ когда-то саксонскихъ курфюрстовъ. Мы проходили по „Шлоссбрюкке, посѣтили: Брюльскую террасу, Цвингеръ съ музеемъ (въ которомъ помѣщается знаменитая галлерея картинъ) и съ „Зеленой камерою“ (хранилище драгоцѣнностей) да „Большой садъ“ (der grosse Garten). Были мы также въ придворной католической церкви, чтобы слушать превосходное исполненіе

„мессы“ (обѣдни) съ музыкою (не помню чьей) и въ „оперномъ домѣ“ (Opernhaus), гдѣ давали „Das unterbrochene Opferfest“ (прерванное жертвоприношеніе) Петра фонъ-Винтеръ.

Въ послѣдующее же воскресенье г. Юлій Цезарь отвезъ насъ въ Ваккербартсру къ д-ру Карлу Лангъ.

IX.

Въ послѣднемъ письмѣ я уже указалъ на основные принципы воспитанія, какихъ придерживались педагоги Ланговскаго заведенія. Сообразно съ оными именно-то и распредѣлялись сколь возможно равномѣрно умственныя и тѣлесныя наши занятія. Будили насъ, конечно, довольно рано: зимою въ 6 часовъ, а въ лѣтнее время часомъ раньше, — барабаннымъ боемъ, что лежало на обязанности „Онкеля“ Букк'а.

Это былъ шуринъ директора, красивый, плотный блондинъ-холостякъ лѣтъ 36-ти съ кудрявой головою, и, какъ говорится, мастеръ на всѣ руки, за исключеніемъ, однакоже, наукъ. Жизненный его путь былъ самымъ пестрымъ, можно сказать: романтическимъ. Юношею еще (говорила молва) состоялъ онъ солистомъ по балетной части при какой-то странствующей труппѣ актеровъ; потомъ присталъ къ обществу молодыхъ людей, скучившихся, подъ названіемъ „Deutscher Turnverein“, вокругъ исторически-извѣстнаго германскаго гимнаста и рьянаго противъ французскаго ига поборника, „Vater Jahn“, подъ руководствомъ котораго Буккъ сдѣлался замѣчательнымъ гимнастомъ и фехтовальщикомъ; въ 1813-мъ году вступилъ онъ въ эскадронъ конныхъ егерей летучаго отряда, прозваннаго „чортовой охотою“ (Wilde Jagd), который тогда устроивался въ г. Лигницѣ (въ Силезіи) славнымъ прусскимъ партизаномъ маіоромъ Фонъ-Лютцовъ. За отличіе въ сраженіяхъ Буккъ, по окончаніи войны, былъ награжденъ знакомъ желѣзнаго креста. Насъ онъ обучалъ гимнастикѣ, танцамъ, фехтованію, плаванію, садоводству, картонажному искусству и декламаціи, при чемъ равномѣрно руководствовалъ онъ и нашими общими играми да театральными представленіями. Онъ былъ честнѣйшій и добродушнѣйшій, вѣчно веселый малый, и мы, дѣти, очень любили своего „Онкельхенъ“.

Барабанный réveil продолжался минутъ съ десять: кого послѣ

того застали еще въ постелѣ, того оставляли безъ завтрака. На одѣваніе и умываніе, — при чемъ требовалось ежедневное треніе губкою не только шеи, но и всего туловища, — опредѣлено было съ полчаса. Потомъ „односпальники“ (если позволите мнѣ такъ выразиться) каждаго дортуара выстраивались въ два ряда, и подъ предводительствомъ своего (тутъ же спавшаго) спеціальнаго гувернера, — изъ неженатыхъ младшихъ учителей, — спускались, — младшія отдѣленія впередъ, — по главной лѣстницѣ внизъ въ рефекторію (трапезную). Это былъ огромнѣйшій квадратный залъ въ нижнемъ этажѣ по срединѣ всего дома, наполовину выступающій за линію настоящаго фронта зданія, съ тремя дверьми въ садъ, и по обѣ стороны котораго находились классныя залы. Въ бельэтажѣ помѣщались музеи (физическій, естественно-историческій, географическій съ этнографическимъ), библіотека и музыкальные классы, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ также и рекреаціонными залами. Третій этажъ занимали самъ директоръ и его два зятя, отставной поручикъ артиллеріи Эмиль Гейнце и Д-ръ Карлъ Фогель съ своими семействами. Въ 4-мъ этажѣ, наконецъ, въ пространныхъ, хорошо устроенныхъ мансардахъ, находились наши дортуары. Отдѣльный же большой павильонъ, находившійся недалеко отъ дома, въ паркѣ, служилъ заломъ для танцованія и фехтованія и въ немъ же на зиму устраивалось нѣсколько снарядовъ для гимнастики. Настоящая же гимнастическая арена была на концѣ весьма пространнаго плаца между домомъ и рѣшетчатой чугунной оградою. По срединѣ этого пространства находился бассейнъ съ фонтаномъ, а по обѣимъ сторонамъ его тянулись ряды многочисленныхъ миніатюрныхъ садиковъ, удѣляемыхъ воспитанникамъ въ собственное ихъ распоряженіе.

Пришедши въ рефекторію, всю середину которой постоянно занимали длинные столы образовывавъ большую, широкую форму „покоя“, мы устанавливались, каждый на опредѣленномъ ему мѣстѣ, за табуреткою, приставленной къ столу. Д-ръ Лангъ занималъ средину, а его два зятя, равно какъ и прочіе учители размѣщались, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, между воспитанниками. Прежде чѣмъ садиться, директоръ читалъ молитву Господню, при чемъ протестанты по своему обычаю складывали обѣ руки, а православные и римскіе католики крестились, каждый по своему обряду. А за-

тѣмъ приступали къ завтраку, который состоялъ изъ большой кружки молока, съ порядочнымъ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Лѣтомъ давалось парное, зимою же теплое молоко. Въ теченіе зимняго сезона молоко иногда замѣнялось либо овсяной, либо крупяной, немного подмасленной похлебкою, а иногда „водянымъ супомъ“ (Wassersuppe). Это послѣднее произведеніе ультра-экономной нѣмецкой стряпни заключается въ жидкомъ отварѣ изъ кореньевъ, въ которомъ распущено немного масла, и которымъ обливаются поджаренные тоненькіе ломтики бѣлаго хлѣба. Предоставляю Вамъ, любезный читатель, судить, какое впечатлѣніе производилъ подобный режимъ на болѣе или менѣе избалованнаго русскаго барчука? Не знаю я навѣрное, подвергался ли Анатолій Демидовъ подобному завтраку? но думаю, что нѣтъ: ибо онъ съ своимъ французомъ-гувернеромъ, съ своимъ камердинеромъ и англійскимъ грумомъ да съ своими верховыми лошадьми, занималъ особое отдѣленіе въ двухъэтажномъ флигелѣ во дворѣ, насупротивъ задняго фасада главнаго зданія.

Завтракъ кончался зимою въ половинѣ восьмаго, а лѣтомъ въ половинѣ седьмого часа; ученіе же начиналось ровно въ 8 часовъ. Слѣдовательно зимою нашлось полчаса свободнаго еще времени, а лѣтомъ полтора часа. Зимою мы отправлялись въ рекреаціонные залы (каждое по возрасту отдѣленіе имѣло отдѣльный рекреаціонный залъ), а лѣтомъ въ „наши собственные“ садики. Но нимало не возбранилось, употреблять это же время на репетированіе уроковъ, лишь бы это производилось при движеніи тѣла, т.-е. на ходу.

Отъ 8-ми часовъ до полудня мы находились въ классахъ. По окончаніи ученія давалось четверть часа на уборку книгъ и тетрадей, для коихъ каждому воспитаннику опредѣлялись по ящику въ классныхъ столахъ и по особо запираемому отдѣлу въ общихъ вдоль стѣнъ стоявшихъ шкапахъ.

Послѣ того, мы тѣмъ же порядкомъ, какъ къ завтраку, собирались и устраивались къ обѣду, предъ которымъ и послѣ котораго директоръ опять говорилъ подходящія молитвы. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ: изъ супа или похлебки, изъ мяса съ овощами, да изъ „Mehlspeise“ (блюдо, изготовленное въ разныхъ видахъ, изъ муки, масла и яицъ или молока); послѣднее заступало мѣсто пирожнаго. Питьемъ служило конечно „Gänse-

wein“ (гусиное вино) сирѣчь вода, которая дѣйствительно оказалась необыкновенно чистою, потому что была родниковая и сверхъ того тщательно фильтрированная.

Въ часъ мы вставали изъ-за стола и опять препровождали время или въ рекреаціонныхъ залахъ или въ садикахъ, но заниматься репетированіемъ уроковъ послѣ обѣда запрещалось.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ происходило опять ученье. Въ 4 часа мы снова собирались въ трапезную, гдѣ намъ раздавали по большой „Бемме“ (два равныхъ ломтя хлѣба, между которыми намазано немного сливочнаго масла), но хлѣбъ на сей разъ бывалъ полубѣлый. Къ этому каждому доставалось: въ зимнее время по пятку сушеныхъ грушъ или яблоковъ, („Huzeln“) а въ лѣтнее время, глядя по сезону, либо по тарелочкѣ ягодъ (малины или бѣлой и красной смородины, или вишень, или крыжовнику), либо по парѣ большихъ яблоковъ или грушъ, либо по десятку сливъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время собиранія винограда, по грозду бѣлаго или синяго винограду. Это дѣйствіе удовлетворенія нашихъ желудковъ называлось: „vespern“ (вечерить).

До 5-ти часовъ мы снова были свободны, кромѣ тѣхъ, кто обучался музыкѣ. Время же отъ 5-ти до 6-ти часовъ посвящалось спеціальному развитію тѣла: два раза въ недѣлю бывало обученіе танцованію, два раза обученіе фехтованію, а остальные два раза занимались методической гимнастикою.

Съ 6-ти до 8-ми часовъ мы приготовляли наши уроки, затѣмъ ужинали въ 9-мъ часу и проводили потомъ еще часъ съ небольшимъ въ рекреаціонныхъ залахъ. Наконецъ, выслушавъ еще разъ, въ рефекторіи, прочитанную директоромъ или младшимъ его зятемъ Д-ромъ Карломъ Фогель молитву „на сонъ грядущій“, отправлялись въ 10 часовъ въ свои дортуары.

О подробностяхъ метода преподаванія я никакого отчета дать не могу. Это, вѣдь, на вовсе еще не разсуждающаго ребенка не производитъ такихъ живыхъ, а потому-то и глубокихъ, навсегда въ памяти остающихся впечатлѣній, какъ методъ ухода за его тѣломъ: ибо о подаваемой ему тѣлесной пищѣ да о порядкѣ, какому должны подчиняться его движенія, ребенокъ имѣетъ полныя и ясныя понятія. Но о томъ, какимъ порядкомъ и въ какомъ видѣ ему подносится интеллектуальная

пища, онъ никакихъ положительныхъ данныхъ уловить не въ состояніи, и развѣ только можетъ судить о нихъ въ совокупности по результатамъ, да только и сказать впослѣдствіи легко или не легко принимались и переваривались его головою поднесенныя ему интеллектуальныя яства.

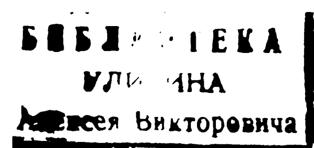
На этомъ основаніи и я также о методѣ преподаванія научныхъ предметовъ въ пансіонѣ Д-ра Карла Лангъ могу сказать только о дѣйствіи этого преподаванія на меня индивидуально. Мнѣ дѣйствительно въ теченіе проведенныхъ тамъ трехъ лѣтъ не стоило никакого головоломанія выучиться, сначала у младшаго учителя, кандидата теологіи, Карла Рейнгардтъ, а потомъ у Д-ра Фогеля, этимологіи и синтаксису латинской грамматики, у поручика Гинце ариѳметикѣ до пятеричнаго правила включительно, да въ географіи общему обозрѣнію пяти частей свѣта, и у г. Гейнриха Дрешеръ главнѣйшимъ событіямъ древней, средней и новой исторіи съ соотвѣтственными хронологическими данными. Что въ классѣ Д-ра Ланга по нѣмецкому языку, да у monsieur Mitchel по французскому языку я легко учился и даже иныхъ изъ старшихъ опереживалъ, объясняется, пожалуй, еще и тѣмъ, что дома уже я получилъ основательную подготовку, до того, что я съ первыхъ поръ замѣтилъ брату Александру, будто г. Митчель (родомъ альзасецъ) не такъ выговариваетъ по-французски, какъ выговариваютъ у насъ въ Петербургѣ, за что, однакоже, братъ прикрикнулъ на меня, да строго запретилъ, кому-либо говорить о томъ. Столь же легко успѣвалъ я у Рейнгардта на клавикордахъ, а у Букка мнѣ до того все шутя удавалось, что я сдѣлался его любимцемъ и протежѐ, и онъ потомъ во всѣхъ, даваемыхъ нашими воспитанниками въ извѣстные торжественные дни театральныхъ и балетныхъ представленіяхъ постоянно выбиралъ меня въ участники.

И вотъ почему я полагаю, что методъ тамошняго преподаванія безсомнѣнно былъ раціональный и превосходный. По крайней мѣрѣ я, индивидуально, охотно и съ благодарностію признаю, что ваккербартсруское ученіе послужило и позднѣйшему также научному моему развитію весьма прочнымъ основаніемъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей были, конечно, и другіе; но такъ какъ они не преподавали въ томъ отдѣленіи, въ ко-

торомъ я числился, то весьма естественно, что въ памяти моей даже и слѣда не сохранилось о нихъ; ни фигуръ, ни фамильныхъ именъ ихъ не помню.

Изъ мною названныхъ же лицъ двое только на самомъ дѣлѣ достойны нѣкотораго общаго нынѣ еще интересса: это — самъ учредитель и директоръ Ваккербартсрускаго пансіона и младшій его зять. Д-ръ Карлъ Лангъ въ свое время пользовался европейской репутаціею, какъ педагогъ Песталоцієвской школы, да былъ извѣстенъ еще въ Германіи не только своими сочиненіями о дѣтскомъ воспитаніи, но также нѣсколькими сантиментально-нравоучительными романами (à la August von Lafontaine). Спеціальною его наукою, кажется, было естествознаніе. Характеръ его оказывался въ уровень его профессіи: ровный, спокойный, добрый, ласковый. Онъ былъ строгъ, но справедливъ и не злопамятенъ; наконецъ онъ выказывалъ глубокую религіозность, безъ малѣйшей примѣси ханжества. Росту онъ былъ довольно высокаго, но скорѣе принадлежалъ къ сухопарымъ, чѣмъ къ плотнымъ. Лицо у него было продолговатое гладко выбритое; волосы цвѣта, какъ говорятъ французы: sel et poivre. Лѣтъ ему на видъ было не болѣе 55, хотя говорили, что ему даже много за 60 перевалило. Одѣвался онъ весьма прилично, въ сертукъ и длинныя панталоны — въ обыкновенные дни сѣраго, а въ праздники черного цвѣта; жилетъ и галстухъ бѣлые; жабо гофрированныя, а высоко изъ-за галстука высовавшіеся воротнички туго накрахмаленные. Лѣтомъ носилъ онъ костюмъ того же покроя, но изъ китайки золотистаго цвѣта. Голову его, когда онъ выходилъ (даже во время пѣшеходныхъ путешествій), покрывалъ высокій цилиндръ, на правой сторонѣ котораго красовалась кокардочка бѣлаго цвѣта съ свѣтло-зеленымъ кантомъ. Въ то время, конечно, я не размышлялъ о значеніи этой кокардочки, хотя и не скрылось отъ моей наблюдательности, что такого значка не было на шляпахъ другихъ лицъ. Гораздо позже только догадался я значенія этого украшенія на цилиндрѣ Д-ра Лангъ. Кокардочка гербовыхъ цвѣтовъ Саксоніи была политическая демонстрація: Эрфуртскій дистриктъ, въ силу Вѣнскаго конгресса (1815 г.) былъ отнятъ у Саксоніи и отданъ Пруссіи; но нашъ директоръ, бывъ родомъ изъ тѣхъ мѣстъ, не признавалъ этого насильственнаго отрыва своихъ

родныхъ мѣстъ отъ коренной общей отчизны, и носилъ саксонскую кокарду въ демонстрацію того, что онъ себя пруссакомъ никакъ не считалъ. Умеръ же Д-ръ Карлъ Лангъ еще при мнѣ, осенью 1821-го года, и былъ похороненъ въ Ваккербарстсру же близъ домашней капеллы среди верхняго сада.

Пансіонъ продолжалъ, однакоже, существовать еще нѣсколько лѣтъ подъ вѣдѣніемъ двухъ зятьевъ покойнаго, изъ которыхъ младшій, Д-ръ Карлъ Фогель, какъ имѣвшій ученую степень, считался офиціальнымъ директоромъ. Когда же именно и почему совсѣмъ прекратилось это воспитательное заведеніе, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822-го года мы съ братомъ воротились на родину.

Д-ръ Фогель, которому тогда было 29 или 30 лѣтъ, ознаменовалъ себя позже (какъ я узналъ въ 1863 г.) своей всеобщей эрудиціею и былъ долгое время директоромъ 1-ой гражданской школы въ Лейпцигѣ, въ какомъ званіи онъ и умеръ въ срединѣ 50-ыхъ годовъ. Одинъ изъ его сыновей знаменитъ своими учеными экспедиціями въ Африку, гдѣ и пропалъ безъ вѣстей о немъ, а старшая дочь Элиза Полько извѣстна въ Германіи какъ сочинительница повѣстей.

X.

Къ основнымъ установленіямъ нашего пансіона, по примѣру обычаевъ славившагося нѣкогда Песталоціевскаго заведенія, принадлежали также ежегодныя, въ сентябрѣ мѣсяцѣ совершаемыя, пѣшеходныя экскурсіи всего института in corpore т.-е. участвовали въ нихъ, подъ предводительствомъ самого директора и въ сопровожденіи большей части учителей, всѣ воспитанники, за исключеніемъ весьма немногихъ, по какимъ нибудь особеннымъ резонамъ отпущенныхъ къ своимъ родителямъ. Экскурсіи эти имѣли двоякую цѣль: развитіе тѣлесной силы пріученіемъ къ перенесенію трудностей и лишеній въ походахъ, и развитіе понятій о дѣйствительномъ мірѣ посредствомъ собственнаго смотрѣнія на житье-бытье людей въ разныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ. Кромѣ того маршруты этихъ пѣшеходныхъ путешествій опредѣлялись всегда такимъ образомъ, чтобы путь ихъ проходилъ черезъ такіе именно

города и мѣстечки, которые либо имѣли историческое значеніе, либо славились своими достопримѣчательными зданіями или заведеніями, или музеями, либо, наконецъ, просто особенною красотою своего мѣстоположенія. Все, что намъ встрѣчалось видѣть, служило во время самаго пѣшеходнаго пути предметомъ разговоровъ какъ самого директора, такъ и каждаго учителя съ группою окружавшихъ его воспитанниковъ. А когда посѣщались историческія мѣста или достопримѣчательныя зданія или музеи, тогда кто-либо одинъ изъ преподавателей бралъ на себя роль всеобщаго объяснителя-чичероне въ виду самаго предмета.

При проходѣ чрезъ горныя мѣстности или чрезъ лѣса, наши наставники обращали вниманіе наше на красоту Божіей природы въ безконечныхъ ея варіаціяхъ; толковали намъ, не мудрствующею, а дѣтямъ удобопонятною, рѣчью о чудесахъ міротворенія: о горахъ и ихъ подземныхъ тайнахъ, о законахъ растительнаго міра, выказывающихся равно какъ въ вѣковомъ дубѣ, вершины котораго нашъ глазъ едва лишь достигалъ, такъ и въ тоненькой травкѣ подъ нашими стопами; о разности породъ и птичекъ и бабочекъ, которыя мимо пролетали; указывали на различія въ характерахъ жилищъ, одежды и обычаевъ обывателей въ разныхъ мѣстностяхъ по мѣрѣ того, какъ мы проходили ихъ одну за другою, и т. п.

Эти чрезвычайно занимательные разговоры и толкованія не только коротавъ маленькимъ пѣшеходамъ время, но и заставивъ ихъ забывать про случившуюся иногда усталость, давали имъ богатую и здравую пищу для ума и сердца, потому что они развивали въ воспріимчивыхъ юношахъ какъ глубокое признаніе безконечныхъ чудесъ не имѣющей ни начала ни конца вѣковой природы, такъ и благотворную, во всякомъ дитяти самимъ Господомъ Богомъ вложенную, искру поэтическаго настроенія. Эти же два начала раціональнаго воспитанія не могутъ не привести къ искренно-душевному убѣжденію въ существованіи поистинѣ вѣчнаго, всѣмъ сердцемъ нашимъ прославляемаго „Единаго Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“. Узнавъ, что жизнь, болѣе или менѣе подобная нашей собственной жизни, одушевляетъ не только всякую движущуюся тварь, но и каждое деревцо, каждый цвѣтокъ, — отрокъ не-

вольно окомъ поэтическаго настроенія сознаетъ общую связь, общее сродство между собою и всей окружающею его Божьей природою; онъ невольно же обнимаетъ ее; въ нёмъ проснется сочувствіе и сострžаданіе къ каждой твари, къ каждому деревцу и цвѣтку; невольно же и все болѣе да болѣе наипаче „полюбитъ онъ ближняго своего яко самого себя“.

Да! настоящіе зачатки истинной вѣры человѣка могутъ единственно только основываться на развитіи въ ребенкѣ какъ признанія безконечныхъ чудесъ и безпредѣльныхъ красотъ Божьяго міротворенія, такъ равно и безпрекословно таящейся во всякомъ, „созданномъ по Божьему образу“, человѣкѣ божественной искры поэтическаго чувства. Истинная вѣра среди интеллигентнаго міра, по глубокому моему убѣжденію, лишь оттого начала исчезать, что мало-по-малу вообще изъ программы воспитанія стали вытѣснять поэтическое настроеніе, замѣнивъ его сухимъ и бездушнымъ матеріализмомъ.

Въ двухъ таковыхъ пѣшеходныхъ экскурсіяхъ, а именно въ экскурсіяхъ 1820-го и 1821-го года участвовалъ и я. Оба путешествія были разсчитаны на довольно ровныя дистанціи, т.-е. оба простирались приблизительно на 45 миль (315 верстъ). Отхаживали же мы ежедневно среднимъ числомъ отъ 2 до 2½ мили, къ тому жъ и съ привалами еще, да въ главнѣйше намѣченныхъ пунктахъ дневали, такъ что каждая экскурсія продолжалась отъ 26-ти до 28-ми дней.

Костюмъ и походная амуниція, для всѣхъ одинакіе, какими мы снаряжались въ эти экскурсіи, были весьма просты, но цѣлесообразны и удобны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно красивы. Одежда состояла изъ двубортной коленкоровой куртки зеленаго цвѣта съ карманами по бокамъ не только снаружи, но и внутри, изъ вырѣзнаго жилета и изъ довольно широкихъ панталонъ. У каждаго воспитанника было по два костюма, одинъ изъ болѣе грубой матеріи — для дороги, а другой парадный, получше. Жилетъ и панталоны, въ дорогу надѣваемые, были изъ сѣрой китайки, а для парада — изъ бѣлой, бумажной ткани, называвшейся „Englisch Leder“ (англійской кожею). Башмаки носились маловырѣзные, съ толстыми подошвами, края которыхъ оковывались вокругъ узкой, такъ сказать, лентою изъ тонкой стали. Рубашки употреблялись съ отложными воротниками, которые слегка подвязывались малиновымъ шелко-

вымъ шарфикомъ. Въ запасъ бралось съ собою по 2 рубашки, по 2 пары нижнихъ штановъ, по 2 пары чулковъ и парѣ башмаковъ, что̀ все вмѣстѣ съ параднымъ костюмомъ, равно какъ и все нужное для ежедневнаго туалета (въ томъ числѣ и маленькое зеркальце) укладывалось въ наплечный ранецъ, сверхъ котораго прикрѣплялся (какъ у солдатъ) скатаннымъ простой круглый плащъ изъ сѣраго сукна. Шапочка изъ сукна зеленаго цвѣта съ тоненькимъ золотымъ галуномъ вокругъ и съ маленькимъ козырькомъ да довольно крѣпкая палка съ темными пятнами (Ziegenhainer) съ желѣзнымъ оконечникомъ довершали путевой снарядъ.

Въ 1820-мъ году дальнѣйшею и главною цѣлью экскурсіи былъ Гарцъ и къ тому же именно вершина его Броккенъ. По пути къ нему было предназначено посѣтить города; Мейссенъ, Ошацъ (куда насъ въ гости ожидалъ отецъ двоихъ изъ упомянутыхъ уже товарищей моихъ, богатый фабрикантъ Винклеръ), Лейпцигъ, Галле да знаменитый замокъ Вартбургъ. А при возвращеніи отъ Броккена мы должны были знакомиться съ городами Дессау и Виттенбергомъ и съ знаменитой крѣпостью Торгау, откуда предположено было вернуться въ Ваккербартсру черезъ охотничій замокъ Губертсбургъ. Въ Мейссенѣ, конечно, осматривали мы славившуюся королевскую фабрику фарфоровыхъ издѣлій, а въ Лейпцигѣ какъ разъ поспѣли къ большой осенней ярмаркѣ (Michaelis-Messe), пользовавшейся тогда еще огромнымъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ средней Европы; нынѣ же, вслѣдствіе легкаго и скораго, а потому и гораздо болѣе удобнаго пути желѣзныхъ дорогъ, какъ торговое сообщеніе, такъ и отправленіе товаровъ измѣнилось во многомъ; а потому лейпцигскія ярмарки европейскаго значенія уже не имѣютъ. Самъ по себѣ Лейпцигъ тогда показался мнѣ очень непривлекательнымъ. Настоящій городъ, т.-е. главная или внутренняя его часть, былъ въ то время нерегулярнымъ многоугольникомъ, окруженнымъ высокою каменною оградою грязнаго цвѣта и довольно широкимъ рвомъ, на днѣ котораго лучи солнца отражались въ какой-то темно-зеленоватой жидкости. Въ эту крѣпостцу вели чрезъ ровъ, съ разныхъ сторонъ, нѣсколько подъемныхъ мостовъ (которые, впрочемъ, видимо никогда не поднимались) и столько же двойныхъ желѣзомъ обитыхъ во-

ротъ, у которыхъ снутри караулили солдаты въ желтыхъ мундирахъ какой-то смѣшной формы. Отъ однѣхъ воротъ до другихъ, напр. отъ Петровскихъ (Petersthor) до Ѳоминыхъ (Thomasthor), которыя выходятъ почти въ соотвѣтственно противоположную сторону, не болѣе полверсты. Улицы узкія, темныя отъ высокихъ старинныхъ домовъ въ 4 и въ 5 этажей. Понравились мнѣ только древнія зданія ратуши и собора св. Ѳомы. Близъ послѣдняго, примкнувъ къ городской стѣнѣ, у самого Thomasthor стоитъ 2-этажный домикъ, въ которомъ нѣкогда жилъ великій музыкантъ Себастьянъ Бахъ. Понравилось мнѣ также увеселительное заведеніе, называемое „Kuchengarten" (садъ пирожковъ), составившее тогда часть огромнаго парка, принадлежавшаго фабриканту Лургенштейну. Здѣсь угощалъ насъ Д-ръ Лангъ пирожками и вкуснымъ пивомъ золотистаго цвѣта (Weissbier). — Противъ Петровскихъ воротъ, на гла̀сисѣ, ради ярмарки, были устроены балаганы съ разными представленіями. Сравнивъ ихъ съ нашими балаганами въ Петербургѣ на пасхальной недѣлѣ, я нашелъ все это отвратительнымъ. Затѣмъ осмотрѣли мы поле Лейпцигскаго сраженія (1813 г.), гдѣ, отысканный въ близлежащемъ селѣ Конневицѣ какой-то инвалидъ-чичероне толковалъ намъ многорѣчиво о позиціяхъ соединенныхъ противъ французовъ трехъ армій (изъ чего, конечно, мы, младшіе воспитанники, ровно ничего не поняли) да повелъ насъ къ мѣсту, гдѣ, во время битвы находились будто нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, и австрійскій императоръ Францъ I, дочь котораго Марія-Луиза была супругою общаго ихъ врага — Наполеона, императора французовъ. Мѣсто это было прозвано „Dreiherrenstein" (камнемъ или скалою трехъ владыкъ); но я никакъ не помню, чтобы я увидѣлъ тамъ что̀-либо такое, что было бы похоже на камень или скалу. Въ совершенно противоположной сторонѣ окружностей Лейпцига намъ показали мѣсто, гдѣ происходило Лютценское сраженіе (въ 1632 г.), между королемъ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ и Валленштейномъ. Осматривали мы, наконецъ, еще двѣ достопримѣчательности Лейпцига: въ Дрезденскомъ форштадтѣ (т.-е. предмѣстьѣ) грандіозное (особенно для того времени) типографское заведеніе фирмы Таухницъ и въ селѣ Голисѣ домикъ, гдѣ жилъ

вымъ шарфикомъ. Въ запасъ бралось съ собою по 2 рубашки, по 2 пары нижнихъ штановъ, по 2 пары чулковъ и парѣ башмаковъ, что̀ все вмѣстѣ съ парадным костюмомъ, равно какъ и все нужное для ежедневнаго туалета (въ томъ числѣ и маленькое зеркальце) укладывалось въ наплечный ранецъ, сверхъ котораго прикрѣплялся (какъ у солдатъ) скатаннымъ простой круглый плащъ изъ сѣраго сукна. Шапочка изъ сукна зеленаго цвѣта съ тоненькимъ золотымъ галуномъ вокругъ и съ маленькимъ козырькомъ да довольно крѣпкая палка съ темными пятнами (Ziegenhainer) съ желѣзнымъ оконечникомъ довершали путевой снарядъ.

Въ 1820-мъ году дальнѣйшею и главною цѣлью экскурсіи былъ Гарцъ и къ тому же именно вершина его Броккенъ. По пути къ нему было предназначено посѣтить города; Мейссенъ, Ошацъ (куда насъ въ гости ожидалъ отецъ двоихъ изъ упомянутыхъ уже товарищей моихъ, богатый фабрикантъ Винклеръ), Лейпцигъ, Галле да знаменитый замокъ Вартбургъ. А при возвращеніи отъ Броккена мы должны были знакомиться съ городами Дессау и Виттенбергомъ и съ знаменитой крѣпостью Торгау, откуда предположено было вернуться въ Ваккербартсру черезъ охотничій замокъ Губертсбургъ. Въ Мейссенѣ, конечно, осматривали мы славившуюся королевскую фабрику фарфоровыхъ издѣлій, а въ Лейпцигѣ какъ разъ поспѣли къ большой осенней ярмаркѣ (Michaelis-Messe), пользовавшейся тогда еще огромнымъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ средней Европы; нынѣ же, вслѣдствіе легкаго и скораго, а потому и гораздо болѣе удобнаго пути желѣзныхъ дорогъ, какъ торговое сообщеніе, такъ и отправленіе товаровъ измѣнилось во многомъ; а потому лейпцигскія ярмарки европейскаго значенія уже не имѣютъ. Самъ по себѣ Лейпцигъ тогда показался мнѣ очень непривлекательнымъ. Настоящій городъ, т.-е. главная или внутренняя его часть, былъ въ то время нерегулярнымъ многоугольникомъ, окруженнымъ высокою каменною оградою грязнаго цвѣта и довольно широкимъ рвомъ, на днѣ котораго лучи солнца отражались въ какой-то темно-зеленоватой жидкости. Въ эту крѣпостцу вели чрезъ ровъ, съ разныхъ сторонъ, нѣсколько подъемныхъ мостовъ (которые, впрочемъ, видимо никогда не поднимались) и столько же двойныхъ желѣзомъ обитыхъ во-

ротъ, у которыхъ снутри караулили солдаты въ желтыхъ мундирахъ какой-то смѣшной формы. Отъ однѣхъ воротъ до другихъ, напр. отъ Петровскихъ (Petersthor) до Ѳоминыхъ (Thomasthor), которыя выходятъ почти въ соотвѣтственно противоположную сторону, не болѣе полверсты. Улицы узкія, темныя отъ высокихъ старинныхъ домовъ въ 4 и въ 5 этажей. Понравились мнѣ только древнія зданія ратуши и собора св. Ѳомы. Близъ послѣдняго, примкнувъ къ городской стѣнѣ, у самого Thomasthor стоитъ 2-этажный домикъ, въ которомъ нѣкогда жилъ великій музыкантъ Себастьянъ Бахъ. Понравилось мнѣ также увеселительное заведеніе, называемое „Kuchengarten" (садъ пирожковъ), составившее тогда часть огромнаго парка, принадлежавшаго фабриканту Лургенштейну. Здѣсь угощалъ насъ Д-ръ Лангъ пирожками и вкуснымъ пивомъ золотистаго цвѣта (Weissbier). — Противъ Петровскихъ воротъ, на глѧсисѣ, ради ярмарки, были устроены балаганы съ разными представленіями. Сравнивъ ихъ съ нашими балаганами въ Петербургѣ на пасхальной недѣлѣ, я нашелъ все это отвратительнымъ. Затѣмъ осмотрѣли мы поле Лейпцигскаго сраженія (1813 г.), гдѣ, отысканный въ близлежащемъ селѣ Конневицѣ какой-то инвалидъ-чичероне толковалъ намъ многорѣчиво о позиціяхъ соединенныхъ противъ французовъ трехъ армій (изъ чего, конечно, мы, младшіе воспитанники, ровно ничего не поняли) да повелъ насъ къ мѣсту, гдѣ, во время битвы находились будто нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, и австрійскій императоръ Францъ I, дочь котораго Марія-Луиза была супругою общаго ихъ врага — Наполеона, императора французовъ. Мѣсто это было прозвано „Dreiherrenstein" (камнемъ или скалою трехъ владыкъ); но я никакъ не помню, чтобы я увидѣлъ тамъ что̀-либо такое, что было бы похоже на камень или скалу. Въ совершенно противоположной сторонѣ окружностей Лейпцига намъ показали мѣсто, гдѣ происходило Лютценское сраженіе (въ 1632 г.), между королемъ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ и Валленштейномъ. Осматривали мы, наконецъ, еще двѣ достопримѣчательности Лейпцига: въ Дрезденскомъ форштадтѣ (т.-е. предмѣстьѣ) грандіозное (особенно для того времени) типографское заведеніе фирмы Таухницъ и въ селѣ Голисѣ домикъ, гдѣ жилъ

Шиллеръ, когда онъ писалъ свою трилогію „Валленштейнъ“ и „Пѣснь о колоколѣ“.

Объ университетскомъ городѣ Галле того времени я ничего не помню. Въ Вартбургѣ показали намъ комнату, въ которой жилъ Мартинъ Лютеръ, подъ именемъ юнкера (т.-е. барича, или дворянина) Георга, когда послѣ Вормскаго сейма (въ 1521-мъ г.) онъ скрывался отъ преслѣдованія католической партіи. Тутъ же занялся онъ переводомъ библіи на нѣмецкій языкъ. Во время этого труда, иногда къ Лютеру (по его же разсказу) являлся самъ нечистый духъ, чтобы помѣшать ему, и наконецъ до того раздосадовалъ реформатора, что сей послѣдній схватилъ огромную свою чернильницу да швырнулъ ею въ искусителя. Ловкій чортъ улизнулъ, а чернильница вдребезги разбилась объ стѣну, оставивъ на ней размашистое черное пятно, которое съ тѣхъ поръ тамошними кастелянами было тщательно охраняемо и до сихъ поръ еще охраняется какъ священная реликвія и всѣмъ посѣтителямъ всегда показывалась, какъ самая выдающаяся достопримѣчательность Вартбурга. Мы, т.-е. отроки Ланговскаго пансіона, съ внутреннимъ трепетомъ разсматривали этотъ въ извилистыя формы разлившійся чернильный кляксъ на бѣлой стѣнѣ, и помощію живой дѣтской фантазіи намъ таки удалось убѣдить себя, что это пятно похоже на силуэтъ фигуры съ рогами и съ конскими ногами.

На Броккенѣ встрѣтить восхожденіе солнца дѣйствительное наслажденіе. Лучами поднимающагося дневнаго свѣтила мало-по-малу разсѣваемые туманы принимаютъ столь различныя, до неимовѣрности фантастическія формы, какъ будто хотятъ подтверждать всѣ старинныя преданія о совершившихся на Броккенѣ вельзевулскихъ празднествахъ. Но эти волшебныя туманныя картины такъ много разъ уже описаны были, что мнѣ здѣсь нѣтъ никакой надобности о нихъ далѣе еще распространяться.

Равно я умалчиваю и о городахъ Дессау и Виттенбергѣ и о Торгауской крѣпости, потому что то, что, какъ новость, занимало 8 лѣтняго мальчика никакъ уже ни ново, ни занимательно для взрослаго, а тѣмъ паче для взрослаго нашей эпохи. Упомяну только еще про древнюю лѣтнюю резиденцію Ангальтъ-Дессаускихъ герцоговъ, замокъ Вёрлицъ, и про охот-

ничій замокъ нѣкогда могущественныхъ курфюрстовъ и ихъ потомковъ, довольно обезсиленныхъ королей Саксоніи: Губертсбургъ. Самымъ замѣчательнымъ представляются въ Вёрлицѣ великолѣпные паркъ и сады и въ особенности фонтаны; а между тѣмъ описывать ихъ можно немногими словами: это копіи съ парка, съ садовъ и съ фонтановъ стараго Версальскаго дворца,—монументальныя свидѣтельства о легкомысленной расточительности тщеславнаго владыки довольно маленькаго и бѣднаго княжества*), вздумавшаго соперничать съ самимъ по себѣ уже, конечно, также расточительнымъ, но все же могущественнымъ королемъ одного изъ обширнѣйшихъ тогда и богатѣйшихъ государствъ Европы.

Охотничій замокъ Губертсбургъ достоинъ упоминанія: во 1-хъ, какъ свидѣтель романа разыгравшагося въ началѣ XVIII-го вѣка между курфюрстомъ Августомъ II, прозваннымъ „мощнымъ" (бывшимъ союзникомъ императора Петра I противъ Карла XII шведскаго) и прекрасной графинею Авророю Кёнигсмаркъ. Плодомъ этого романа явился Морицъ графъ Саксонскій, впослѣдствіи маршалъ французской службы и авантюристъ-претендентъ на руку Анны Іоанновны, герцогини Курляндской, сдѣлавшейся потомъ императрицею Россіи. Во 2-хъ же, Губертсбургъ замѣчателенъ какъ мѣсто, гдѣ въ 1763 г. послѣ семилѣтней войны былъ заключенъ мирный договоръ между Пруссіею и Австріею. Намъ показали комнату, и столъ, на которомъ подписывался трактатъ, а равно и кресла, на которыхъ возсѣдали уполномоченные министры.

XI.

Вторая экскурсія, въ которой также принималъ я участіе, состоялась въ сентябрѣ 1821 года. Цѣлію ея назначалась древняя столица Богеміи, Прага, и предположено было добраться до нея чрезъ Саксонскую Швейцарію и Богемскіе лѣса (или горы) да по пути отдохнуть три дня въ Тёплицѣ, куда насъ всѣхъ пригласилъ русскій богачъ, г. Николай Никитичъ Демидовъ (отецъ нашего товарища, Анатолія Демидова), поселившійся въ Тёплицѣ на этотъ сезонъ. Изъ Праги же мы

*) Въ началѣ прошлаго вѣка Ангальтскія владѣнія распадались на три отдѣльныхъ княжества.

должны были возвратиться на рѣчномъ кораблѣ внизъ по теченію рѣки Эльбы до Дрездена.

По своему характеру это второе путешествіе во многомъ отличалось отъ перваго. Правда, что при первой экскурсіи дорога наша отъ низменныхъ лейпцигскихъ равнинъ чрезъ Галле къ Гарцу постоянно поднималась въ горы и наконецъ достигла до значительной высоты; правда что и на этомъ пути мы проходили чрезъ довольно густыя (преимущественно дубовые и буковые) лѣса; что обыватели этихъ сѣверо-германскихъ возвышеній, прямые потомки древнихъ тюрингійцевъ, выказывали нѣкоторое племенное различіе отъ обывателей равнинъ между Эльбою и Одеромъ, но общая, все нивеллирующая европейская культура значительно уже поработала и надъ этими также мѣстностями; въ жилищахъ, въ одеждѣ и въ обычаяхъ тюрингійцевъ ничто не поражало насъ ярко выдающимся различіемъ, да къ тому же и нарѣчіе казалось совершенно одинаковое. Даже самыя горы-то казались подчинившимися культурѣ; лѣса, заботливо вычищеные, походили болѣе на парки, а между ними красовались частыя селенія да тщательно насаженные виноградники, и только самъ Брокkенъ съ ближайшею его окрестностью сохранили довольно еще слѣдовъ первобытной, нѣкогда здѣсь царившей буйной, дикой природы.

Совсѣмъ иной характеръ выказывали горы между Дрезденомъ и Тёплицемъ. Безспорно что въ самой-то Саксонской Швейцаріи затѣйливые труды трактирщиковъ-спекулянтовъ тогда уже (а нынѣ и подавно) все болѣе и болѣе придавали этой горной мѣстности физіономію художественно-устроеннаго парка; но, такъ какъ наиглавнѣйшимъ художникомъ-строителемъ этого парка все-таки была сама недостигаемая въ своихъ твореніяхъ волшебница-природа, то даже излишнія ухищренія мѣлкаго людского расчета не въ состояніи были уничтожить всей первобытной красоты представляющихся взору безчисленныхъ фантастическихъ картинъ могущественной природы. Несмотря на досадливую облизанность, которая иногда придана видамъ Саксонской Швейцаріи слишкомъ изысканно выстроенными реставраціями, нельзя не восхищаться такими чудными панорамами, какія представляютъ: Фельзенторъ, Бастей, Кушталь, Винтербергъ, Пребишторъ и т. д.

Напротивъ же того, горная мѣстность за культурною частію Саксонской Швейцаріи до высоты Богемскихъ лѣсовъ и самые эти Богемскіе лѣса почти вплоть до Тёплица сохранили, — по крайней мѣрѣ еще въ 1821 г., всю дѣвственность первобытнаго состоянія. Толстые, мохомъ обросшіе стволы и густыя вѣтви сплетавшихся въ темныя куполы вѣковыхъ сосенъ и елей, между которыми иногда попадались также и старыя буковыя деревья, приводили насъ, дѣтей, въ неописанный восторгъ. Какъ вольно и полно дышалось на этомъ широкомъ раздольѣ, среди вольной и широкой природы, далеко-далеко отъ оковъ и стѣсненій мизерной людской суеты. Переходы дѣлывались самые маленькіе, и поэтому намъ не запрещалось разсыпаться по сторонамъ и собирать лѣсные цвѣточки, да гнаться за бабочками или жучками: это было уже не путешествіе, а безпрерывныя игры дѣтей при постоянно мѣнявшихся декораціяхъ.

Въ этихъ лѣсахъ я впервые увидѣлъ угольщиковъ за работою около углежигательныхъ ямъ (Meiler). На самой же границѣ Богемской мы дневали на большомъ казенномъ горномъ заводѣ, Берггисгюбель, и я съ большимъ любопытствомъ глазѣлъ на закоптѣлыя фигуры рудокоповъ въ оригинальныхъ ихъ костюмахъ. Директоръ, нѣсколько учителей и воспитанники старшаго отдѣленія, нарядившись въ одежду рудокоповъ, спустились въ шахту, а намъ остальнымъ, напрасно надѣявшимся на участіе въ этомъ вояжѣ въ преисподнюю, — оставалось только вздыхать!

Дорога, по которой мы спускались въ Богемію, вела мимо селенія Марія-Кульмъ (если не ошибаюсь, то въ ономъ или близъ онаго монастырь); тамъ въ 1813 году соединенные отряды русскихъ и прусскихъ войскъ въ пухъ и прахъ разбили французскій корпусъ, пробиравшійся изъ Богеміи въ Саксонію для подкрѣпленія главной арміи Наполеона, стоявшей въ окрестностяхъ Дрездена. При этомъ самъ командиръ французскаго корпуса *) былъ взятъ въ плѣнъ русскими казаками. Намъ показали чугунный памятникъ (въ видѣ небольшой пирамиды изъ гирляндъ) въ честь павшихъ здѣсь русскихъ воиновъ.

Какъ только мы вышли на Чежскую территорію, то съ

*) Маршалъ Вандамъ.

перваго уже [illegible] съ первыхъ уже встрѣчаемыхъ [illegible] уже отъ нихъ услышанныхъ [illegible] раз- личія между [illegible] и той страною, въ которую [illegible] лишь и языкъ — [illegible] находились среди совершенно [illegible] вторая экскур- сія [illegible] въ этнограф[illegible] весьма много способ[illegible] наставниковъ.

Въ *Т[illegible]* — [illegible] — насъ, дѣтей [illegible] стороны г-на *Дем[illegible]* [illegible] разныя уве- селе[illegible] былъ нанятъ весь [illegible] самаго парка. Въ [illegible] въ Теплицъ, мы [illegible] съ ранцами на [illegible] строю [illegible] владѣтельницы [illegible] гостей, возсѣ- [illegible] въ то время *изъ русскихъ* [illegible]. Затѣмъ усадили насъ въ [illegible] рядъ столовъ и угощали роскошнымъ [illegible] раздѣли- лись на группы, каждая своего [illegible] наставника, и отправлялись осмотрѣть курзалъ и паркъ. Въ это же время прибѣжалъ Анатолій Демидовъ съ своимъ гувернеромъ, звать къ своему отцу чай пить г-ра Ланга и своихъ „земляковъ“, т.-е. меня и двоихъ моихъ братьевъ, ибо съ полгода тому назадъ также и старшій братъ (глухо-нѣмой) Иванъ былъ изъ Берлина переведенъ къ намъ въ Ваккербартеру. О чемъ г. Демидовъ съ нами говорилъ, конечно, я нынѣ не помню. Но что онъ самъ и всѣ окружающіе его лица меня крайне интересовали, и что я съ большимъ любопытствомъ за всѣмъ, что дѣялось въ этомъ обществѣ, слѣдилъ и все высматривалъ, такъ это вѣрно, и тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе два дни Анатолій *) — болѣе всего, вѣроятно, чтобъ не скучать

*) *Самъ по себѣ*, Анатолій Демидовъ, хотя и крайне избалованный, а потому и *пустой барчукъ*, *былъ*, впрочемъ очень ласковый и сердцемъ добрый мальчикъ.

одному между взрослыми — раза по два къ себѣ тащилъ меня въ качествѣ земляка и однолѣтка. Но мы два *русскихъ* земляка, разговаривали между собою *по-французски,* потому что Анатолій Демидовъ не зналъ по-русски. Меня же, во всѣ истекшіе два года моего пребыванія въ Германіи, въ незабываніи роднаго языка поддерживали (кромѣ чтенія иногда присылаемыхъ мнѣ отцомъ русскихъ дѣтскихъ книгъ) разговоры съ братомъ Александромъ, да въ особенности съ моимъ дядькою, хромымъ Василіемъ, грамотнымъ портнымъ и новгородскимъ уроженцемъ, котораго, однакоже, къ крайнему моему сожалѣнію, недавно тогда потребовали назадъ въ Петербургъ.

Какихъ лѣтъ былъ *г. Демидовъ,* я не помню; да и трудно было бы отгадать по болѣзненному его виду: онъ страдалъ, кажется, подагрою. Сидѣлъ онъ все на большомъ, мягкомъ креслѣ-самокатѣ, одѣтый въ сюртукъ темно-коричневаго цвѣта, но съ ногами, закутанными въ теплое шелковое одѣяло малиноваго цвѣта. На головѣ носилъ онъ картузъ изъ темнаго бархата. Черты лица были пріятны (Анатолій очень походилъ на него), выраженіе ласковое, но крайне гордое. Кажется, что были у него небольшія сѣдоватыя баккенбарды.

Прислуга окружала его безчисленная. За кресломъ его торчалъ всегда дѣтина огромнаго роста, въ мундирѣ „егеря", въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ у иностранныхъ посланниковъ, да у каждыхъ проходныхъ дверей стояло по парѣ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ. Болѣе приближенными лицами оказались трое. Во 1-хъ, полный, солидный старикъ лѣтъ около 50-ти въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ и въ чулкахъ да башмакахъ, съ напудренными волосами à la Titus. Во 2-хъ, господинъ лѣтъ 33—36, съ наружностью „very becoming", съ остроумнымъ выраженіемъ въ тонкихъ красивыхъ чертахъ лица, съ густыми, тщательно расчесанными баккенбардами и слегка завитыми спереди волосами каштановаго цвѣта; на немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами и черныя длинныя панталоны при башмакахъ. Носилъ онъ золотые очки, а въ рукахъ держалъ цилиндръ. Третье, наконецъ, лицо оказалось молодымъ человѣкомъ никакъ не болѣе 25-ти лѣтъ, съ полнымъ, здоровымъ, но совершенно безвыразительнымъ лицомъ и съ вѣчной улыбкою на толстыхъ губахъ; въ своемъ костюмѣ онъ представлялъ копію съ только что описаннаго

перваго уже попавшагося намъ на глаза селенія, съ первыхъ уже встрѣчаемыхъ нами поселянъ, съ первыхъ уже отъ нихъ услышанныхъ словъ, мы могли убѣдиться въ огромномъ различіи между той страною, откуда мы пришли, и той страною, въ которую мы вступили: жилища, одежда, складъ тѣхъ лицъ и языкъ — все, все обличало, что мы теперь находились среди совершенно другаго племени. Слѣдовательно эта вторая экскурсія наинагляднѣйшимъ образомъ обогатила наши познанія въ этнографическомъ даже отношеніи, чему конечно весьма много способствовали указанія и разъясненія нашихъ наставниковъ.

Въ *Тёплицѣ,* — какъ сама собою разумѣется, — насъ, дѣтей преимущественно занимали богатое угощеніе со стороны *г-на Демидова* и нарочито имъ для насъ устроенныя разныя увеселенія. Для трехдневнаго помѣщенія пансіона былъ нанятъ весь нижній этажъ отеля, находящагося противъ самаго парка. Въ тотъ же самый день, какъ мы прибыли въ Теплицъ, мы нарядившись, конечно, въ парадные костюмы, но съ ранцами на спинѣ и съ палками въ рукахъ да въ путевомъ строю продефилировали мимо г. Демидова и тогдашней владѣтельницы Теплица (какой-то старухи-княгини) и ихъ гостей, возсѣдавшихъ на террасѣ дома, служащаго богатѣйшему въ то время изъ *русскихъ* набобовъ сезонной резиденціею. Затѣмъ усадили насъ въ ближайшей аллеѣ за длинный рядъ столовъ и угощали роскошнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда всѣ раздѣлились на группы, каждая около обычнаго своего наставника, и отправились осмотрѣть курзалъ и паркъ. Въ это же время прибѣжалъ Анатолій Демидовъ съ своимъ гувернеромъ, звать къ своему отцу чай пить д-ра Лангъ и своихъ „земляковъ", т.-е. меня и двоихъ моихъ братьевъ, ибо съ полгода тому назадъ также и старшій братъ (глухо-нѣмой) Иванъ былъ изъ Берлина переведенъ къ намъ въ Ваккербартсру. О чемъ г. Демидовъ съ нами говорилъ, конечно, я нынѣ не помню. Но что онъ самъ и всѣ окружающіе его лица меня крайне интересовали, и что я съ большимъ любопытствомъ за всѣмъ, что дѣялось въ этомъ обществѣ, слѣдилъ и все высматривалъ, такъ это вѣрно, и тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе два дня Анатолій*) — болѣе всего, вѣроятно, чтобъ не скучать

*) Самъ по себѣ Анатолій Демидовъ, хотя и крайне избалованный, а потому и пустой барчукъ, былъ, впрочемъ очень ласковый и сердцемъ добрый мальчикъ.

одному между взрослыми — раза по два къ себѣ таскалъ меня въ качествѣ земляка и однолѣтка. Но мы два *русскихъ* земляка, разговаривали между собою *по-французски,* потому что Анатолій Демидовъ не зналъ по-русски. Меня же, во всѣ истекшіе два года моего пребыванія въ Германіи, въ незабываніи роднаго языка поддерживали (кромѣ чтенія иногда присылаемыхъ мнѣ отцомъ русскихъ дѣтскихъ книгъ) разговоры съ братомъ Александромъ, да въ особенности съ моимъ дядькою, хромымъ Василіемъ, грамотнымъ портнымъ и новгородскимъ уроженцемъ, котораго, однакоже, къ крайнему моему сожалѣнію, недавно тогда потребовали назадъ въ Петербургъ.

Какихъ лѣтъ былъ *г. Демидовъ,* я не помню; да и трудно было бы отгадать по болѣзненному его виду: онъ страдалъ, кажется, подагрою. Сидѣлъ онъ все на большомъ, мягкомъ креслѣ-самокатѣ, одѣтый въ сюртукъ темно-коричневаго цвѣта, но съ ногами, закутанными въ теплое шелковое одѣяло малиноваго цвѣта. На головѣ носилъ онъ картузъ изъ темнаго бархата. Черты лица были пріятны (Анатолій очень походилъ на него), выраженіе ласковое, но крайне гордое. Кажется, что были у него небольшія сѣдоватыя баккенбарды.

Прислуга окружала его безчисленная. За кресломъ его торчалъ всегда дѣтина огромнаго роста, въ мундирѣ „егеря", въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ у иностранныхъ посланниковъ, да у каждыхъ проходныхъ дверей стояло по парѣ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ. Болѣе приближенными лицами оказались трое. Во 1-хъ, полный, солидный старикъ лѣтъ около 50-ти въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ и въ чулкахъ да башмакахъ, съ напудренными волосами à la Titus. Во 2-хъ, господинъ лѣтъ 33—36, съ наружностью „very becoming", съ остроумнымъ выраженіемъ въ тонкихъ красивыхъ чертахъ лица, съ густыми, тщательно расчесанными баккенбардами и слегка завитыми спереди волосами каштановаго цвѣта; на немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами и черныя длинныя панталоны при башмакахъ. Носилъ онъ золотые очки, а въ рукахъ держалъ цилиндръ. Третье, наконецъ, лицо оказалось молодымъ человѣкомъ никакъ не болѣе 25-ти лѣтъ, съ полнымъ, здоровымъ, но совершенно безвыразительнымъ лицомъ и съ вѣчной улыбкою на толстыхъ губахъ; въ своемъ костюмѣ онъ представлялъ копію съ только что описаннаго

госпо[illegible]ина [illegible]ъ не носилъ. Порядочный господинъ на-[illegible]ся, всегда [illegible]ко возлѣ г. Демидова, по правую руку его, и иногда возсѣдалъ даже на стулѣ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лѣвую его сторону. Къ нему послѣдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себѣ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромѣ: „Oui, monseigneur!“ и „non, monseigneur!“

Старикъ же держался совсѣмъ поодаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болѣе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ.

„Le vieux (сказалъ онъ) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de „grand-maître“ (оберъ-гофмейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé „gentilhomme de la chambre“ (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant „m-r Isidor“; mais moi, — voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que „Sidiorkà“. Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme „chambellan“ (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse“ *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропѣлъ ему „Er lebe hoch! hoch! hoch!“

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

---

*) Само-собою разумѣется, что чрезъ 70 истекшихъ послѣ того лѣтъ я могъ передать, *хотя и точный смыслъ сообщеній* Анатолія Николаевича, а никакъ *не точныя слова* его. Но выраженія „grand maître“, „gentilhomme de la chambre“ и „chambellan“ — *остались неизмѣненными*.

устроенную тогда въ домикѣ на несовсѣмъ маломъ пригоркѣ *Шлакенбергѣ* самую большую *камеру-обскуру,* какой другой мнѣ уже не встрѣтилось. Въ мезонинѣ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бѣлымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый желѣзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышѣ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всѣхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нѣсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвѣтственно помѣщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодѣ) на означенномъ выше кругломъ столѣ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюрѣ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Прагѣ,* какъ само-собою разумѣется, мы ходили посмотрѣть на знаменитый мостъ черезъ рѣку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодѣтеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, *епископа Іеронима Пражскаго.* Легенда повѣдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мѣстѣ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелѣнію *короля Венцеля* (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въ ратушѣ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совѣтниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лѣтней войны.

Изъ Праги мы прошли до мѣстечка *Аусситъ,* гдѣ *Молдава* впадаетъ въ *Эльбу,* а отсюда по этой уже рѣкѣ доѣхали до Дрездена на рѣчномъ кораблѣ (Fluss-Schiff) или, вѣрнѣе сказать, на большой парусной лодкѣ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка *Шандау,* крѣпости *Кёнигштейнъ,* и замка *Пилльницъ,* лѣтней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мѣстности хорошо извѣстны всѣмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

госп[illegible]ина[illegible]ъ не носилъ. Порядочный господинъ на-х[illegible]ся, всегда [illegible]о возлѣ г. Демидова, по правую руку его, и иногда возсѣдалъ даже на стулѣ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лѣвую его сторону. Къ нему послѣдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себѣ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромѣ: „Oui, monseigneur!“ и „non, monseigneur!“

Старикъ же держался совсѣмъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болѣе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ.

„Le vieux (сказалъ онъ) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de „grand-maître“ (оберъ-гофмейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé „gentilhomme de la chambre“ (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant „m-r Isidor“; mais moi, — voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que „Sidiorkà“. Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme „chambellan“ (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse“ *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: про-дефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропѣлъ ему „Er lebe hoch! hoch! hoch!“

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

---

*) Само-собою разумѣется, что чрезъ 70 истекшихъ послѣ того лѣтъ я могъ передать, *хотя и точный смыслъ сообщеній* Анатолія Николаевича, а никакъ *не точныя слова* его. Но выраженія „grand maître“, „gentilhomme de la chambre“ и „chambellan“ — *остались неизмѣненными*.

устроенную тогда въ домикѣ на несовсѣмъ маломъ пригоркѣ *Шлаккенбергѣ* самую большую *камеру-обскуру,* какой другой мнѣ уже не встрѣтилось. Въ мезонинѣ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бѣлымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый желѣзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышѣ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всѣхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нѣсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвѣтственно помѣщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодѣ) на означенномъ выше кругломъ столѣ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюрѣ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Прагѣ,* какъ само-собою разумѣется, мы ходили посмотрѣть на знаменитый мостъ черезъ рѣку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодѣтеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, *епископа Іеронима Пражскаго.* Легенда повѣдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мѣстѣ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелѣнію *короля Венцеля* (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въ ратушѣ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совѣтниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лѣтней войны.

Изъ Праги мы прошли до мѣстечка *Аусситъ,* гдѣ *Молдава* впадаетъ въ *Эльбу,* а отсюда по этой уже рѣкѣ доѣхали до Дрездена на рѣчномъ кораблѣ (Fluss-Schiff) или, вѣрнѣе сказать, на большой парусной лодкѣ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка *Шандау,* крѣпости *Кёнигштейнъ,* и замка *Пилльницъ,* лѣтней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мѣстности хорошо извѣстны всѣмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

XII.

Послѣ смерти *д-ра Карла Лангъ* мы, съ братомъ Александромъ, не долго оставались въ пансіонѣ.

Весною 1822 г. мой дядя *Иванъ Андреевичъ Броунъ* возвращался въ Россію изъ Франціи, гдѣ онъ состоялъ при военно-интендантской коммиссіи нашихъ войскъ, оставленныхъ тамъ съ 1815 года въ качествѣ окупаціоннаго корпуса. Воспользовавшись этимъ случаемъ, отецъ мой поручилъ ему, привести и насъ съ собою. Братъ же Иванъ незадолго предъ тѣмъ былъ уже переведенъ въ Дрезденъ, гдѣ онъ поступилъ въ тамошнюю академію живописи въ классъ знаменитаго пейзажиста *Карла фонъ-Кюхельгенъ*.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца мы простились съ нашимъ Ваккербартсру, съ нашими добрыми наставниками и веселыми товарищами.

На этотъ разъ миновало насъ счастіе тащиться въ пресловутыхъ королевско-саксонскихъ и королевско-прусскихъ дилижансахъ. У дяди была собственная своя дорожная коляска (dormeuse), въ которую запрягались 4 лошади „цугомъ", т.-е. по парѣ въ 2 ряда, управляемыя однимъ возницею. Къ тому же дядя, какъ военный коммиссаръ, бывалый въ походахъ, отлично умѣлъ обходиться съ „швагерами-почтальонами", которымъ хорошо извѣстный *русскій* военный сюртукъ также внушалъ свою долю „почтительнаго" вниманія. Такимъ образомъ мы прокатились гораздо успѣшнѣе даже обычныхъ туристовъ, которымъ въ то время приходилось проѣзжать по тщательно-сберегаемыхъ со стороны почтовыхъ вѣдомствъ шоссейнымъ дорогамъ германскихъ владѣній.

Путь намъ лежалъ изъ *Дрездена* чрезъ *Берлинъ, Торнъ* и *Маріенбургъ* (гдѣ нѣкогда резидировали гроссмейстеры Тевтонскаго Ордена) въ *Кенигсбергъ;* оттуда по *Куришгаффу* въ *Мемель;* а затѣмъ извѣстнымъ трактомъ, чрезъ *Митаву, Ригу, Дерптъ* и *Нарву* до роднаго нашего *Петербурга*. Дядя былъ веселаго нрава, любилъ дѣтей, да и самъ по себѣ ненавидѣлъ сидѣть въ дорогѣ насупившись, молчкомъ, и потому постоянно съ нами разговаривалъ; а такъ какъ онъ былъ весьма образованный и многоначитанный человѣкъ, то и находился въ со-

стояніи вполнѣ удовлетворять отвѣтами любознательныхъ своихъ племянничковъ. А разспрашивать было намъ и впрямь о многомъ да многомъ, такъ что и это также путешествіе не преминуло оставить въ моей памяти глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія. Названные выше города, однакоже, кому же нынѣ не извѣстны? Да и цѣль-то моихъ воспоминаній не клонится къ тому, чтобы распространяться о всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ безъ разбора. По этой причинѣ я упомяну здѣсь только о томъ, что къ особенно выдающимся путевымъ впечатлѣніямъ, какія въ то время получались мною отъ поѣздки по означенной выше линіи, должны безсомнѣнно относиться тѣ, которыя воспринимались отъ проѣзда по знаменитымъ „дюнамъ“ *Куришгаффа*.

Такъ называется заливъ въ сѣверо-восточной Пруссіи, отдѣленный отъ Балтійскаго моря узенькой земляной косою. Сама же эта коса, именуемая „Куришъ-Нерунгъ“, начиная въ верстахъ около 30-ти къ сѣверу отъ Кенигсберга, тянется верстъ на семьдесятъ съ чѣмъ-то въ томъ же направленіи такъ, что конецъ ея лежитъ какъ-разъ насупротивъ г. Мемеля, путевое сообщеніе съ которымъ производится помощію парома. Твердое основаніе этой косы несомнѣнно незначительное; главный составъ ея заключается въ разсыпчатомъ пескѣ, нанесенномъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ буйными волнами моря и залива. Изъ этого само собою вытекаетъ, что послѣ каждой бури песчанные берега *Куришгаффа* оказываются болѣе или менѣе подмытыми, рыхлыми, иногда до того, что нечаянно вступающій на поверхность ихъ человѣкъ или животное словно утопаютъ въ этихъ пескахъ, а случается даже и совсѣмъ насквозь проваливаются. Когда, бывъ уже дерптскимъ гимназистомъ, я читалъ романъ Вальтеръ-Скотта „Антикварій“, а равно когда гораздо позже еще (лѣтъ чрезъ пятьдесятъ почти) появился романъ Виктора Гюго „Les travailleurs de la mer“, описанныя въ нихъ сцены на морскихъ дюнахъ представились мнѣ съ картинной ясностію, благодаря воспоминанію о поѣздкѣ по дюнамъ Куришгаффа.

Послѣ краткаго отдыха съ дороги, отецъ отвезъ насъ на Крестовскій островъ, гдѣ онъ на этотъ лѣтній сезонъ въ первый разъ нанялъ дачу. Между Крестовскимъ островомъ того времени и нынѣшнимъ огромное различіе. Въ то время, о ко-

XII.

Послѣ смерти *д-ра Карла Ланг* мы, съ братомъ Александромъ, не долго оставались въ пансіонѣ.

Весною 1822 г. мой дядя *Иванъ Андреевичъ Броунъ* возвращался въ Россію изъ Франціи, гдѣ онъ состоялъ при военно-интендантской коммиссіи нашихъ войскъ, оставленныхъ тамъ съ 1815 года въ качествѣ окупаціоннаго корпуса. Воспользовавшись этимъ случаемъ, отецъ мой поручилъ ему, привести и насъ съ собою. Братъ же Иванъ незадолго предъ тѣмъ былъ уже переведенъ въ Дрезденъ, гдѣ онъ поступилъ въ тамошнюю академію живописи въ классъ знаменитаго пейзажиста *Карла фонъ-Кюхельгенъ*.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца мы простились съ нашимъ Ваккербартсру, съ нашими добрыми наставниками и веселыми товарищами.

На этотъ разъ миновало насъ счастіе тащиться въ пресловутыхъ королевско-саксонскихъ и королевско-прусскихъ дилижансахъ. У дяди была собственная своя дорожная коляска (dormeuse), въ которую запрягались 4 лошади „цугомъ", т.-е. по парѣ въ 2 ряда, управляемыя однимъ возницею. Къ тому же дядя, какъ военный коммиссаръ, бывалый въ походахъ, отлично умѣлъ обходиться съ „швагерами-почтальонами", которымъ хорошо извѣстный *русскій* военный сюртукъ также внушалъ свою долю „почтительнаго" вниманія. Такимъ образомъ мы прокатились гораздо успѣшнѣе даже обычныхъ туристовъ, которымъ въ то время приходилось проѣзжать по тщательно-сберегаемыхъ со стороны почтовыхъ вѣдомствъ шоссейнымъ дорогамъ германскихъ владѣній.

Путь намъ лежалъ изъ *Дрездена* чрезъ *Берлинъ, Торнъ* и *Маріенбургъ* (гдѣ нѣкогда резидировали гроссмейстеры Тевтонскаго Ордена) въ *Кенигсбергъ;* оттуда по *Куришгаффу* въ *Мемель;* а затѣмъ извѣстнымъ трактомъ, чрезъ *Митаву, Ригу, Дерптъ* и *Нарву* до роднаго нашего *Петербурга*. Дядя былъ веселаго нрава, любилъ дѣтей, да и самъ по себѣ ненавидѣлъ сидѣть въ дорогѣ насупившись, молчкомъ, и потому постоянно съ нами разговаривалъ; а такъ какъ онъ былъ весьма образованный и многоначитанный человѣкъ, то и находился въ со-

стояніи вполнѣ удовлетворять отвѣтами любознательныхъ своихъ племянничковъ. А разспрашивать было намъ и впрямь о многомъ да многомъ, такъ что и это также путешествіе не преминуло оставить въ моей памяти глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія. Названные выше города, однакоже, кому же нынѣ не извѣстны? Да и цѣль-то моихъ воспоминаній не клонится къ тому, чтобы распространяться о всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ безъ разбора. По этой причинѣ я упомяну здѣсь только о томъ, что къ особенно выдающимся путевымъ впечатлѣніямъ, какія въ то время получались мною отъ поѣздки по означенной выше линіи, должны безсомнѣнно относиться тѣ, которыя воспринимались отъ проѣзда по знаменитымъ „дюнамъ" *Куришгаффа*.

Такъ называется заливъ въ сѣверо-восточной Пруссіи, отдѣленный отъ Балтійскаго моря узенькой земляной косою. Сама же эта коса, именуемая „Куришъ-Нерунгъ", начиная въ верстахъ около 30-ти къ сѣверу отъ Кенигсберга, тянется верстъ на семьдесятъ съ чѣмъ-то въ томъ же направленіи такъ, что конецъ ея лежитъ какъ-разъ насупротивъ г. Мемеля, путевое сообщеніе съ которымъ производится помощію парома. Твердое основаніе этой косы несомнѣнно незначительное; главный составъ ея заключается въ разсыпчатомъ пескѣ, нанесенномъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ буйными волнами моря и залива. Изъ этого само собою вытекаетъ, что послѣ каждой бури песчанные берега *Куришгаффа* оказываются болѣе или менѣе подмытыми, рыхлыми, иногда до того, что нечаянно вступающій на поверхность ихъ человѣкъ или животное словно утопаютъ въ этихъ пескахъ, а случается даже и совсѣмъ насквозь проваливаются. Когда, бывъ уже дерптскимъ гимназистомъ, я читалъ романъ Вальтеръ-Скотта „Антикварій", а равно когда гораздо позже еще (лѣтъ чрезъ пятьдесятъ почти) появился романъ Виктора Гюго „Les travailleurs de la mer", описанныя въ нихъ сцены на морскихъ дюнахъ представились мнѣ съ картинной ясностію, благодаря воспоминанію о поѣздкѣ по дюнамъ Куришгаффа.

Послѣ краткаго отдыха съ дороги, отецъ отвезъ насъ на Крестовскій островъ, гдѣ онъ на этотъ лѣтній сезонъ въ первый разъ нанялъ дачу. Между Крестовскимъ островомъ того времени и нынѣшнимъ огромное различіе. Въ то время, о ко-

торомъ я говорю, этотъ островъ, составлявшій имѣніе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, далеко не имѣлъ нынѣшняго вида. Барскій „дворецъ“, конечно, и тогда уже находился на берегу Малой Невки противъ весьма малонаселеннаго Петровскаго острова, съ которымъ, однакоже, Крестовскій островъ не соединялся еще мостомъ. Шоссе отъ барской усадьбы до Елагинскаго моста (чрезъ Среднюю Невку) существовало и тогда; но изъ четырехъ просѣкъ, тянущихся нынѣ поперекъ Крестовскаго острова отъ востока къ западу, существовали только двѣ: сѣверная, ведущая до деревни, и большая, нынѣ доходящая до самого взморья на западномъ концѣ, а въ то время только до рѣчонки, образовавшей пруды около холмика, прозваннаго „Куллербергомъ“. Деревня, раздѣленная вышеупомянутымъ шоссе (превратившимся предъ Елагинскимъ мостомъ въ полукруглую площадь) на двѣ неравныя части, тянулась въ одинъ только рядъ, вдоль дороги, которая, по набережной Средней Невки, служила какъ бы продолженіемъ сѣверной просѣки. Къ востоку было только 33 крестьянскихъ двора, къ западу не болѣе 6 или 7. Напротивъ послѣднихъ, черезъ дорогу, на самомъ берегу, было три или четыре строенія, изъ которыхъ двухъ-этажный домъ, выходящій главнымъ фасадомъ на площадь предъ мостомъ, помѣщалъ въ себѣ кабакъ и трактиръ для чернаго народа, а въ остальныхъ строеніяхъ обрѣтались мелочная лавка, мучные лабазы и т. п. Предъ началомъ деревни (противъ конца сѣверной просѣки) была большая площадь, на которой по праздничнымъ днямъ играла военная музыка и давались, на вольномъ воздухѣ, представленія фокусниковъ и канатныхъ плясуновъ и плясуній. Эти зрѣлища устраивались содержателемъ трактира „для благородныхъ господъ“. „Ресторанъ“ въ то время имѣлъ исключительное назначеніе для обжорныхъ заведеній высшихъ разрядовъ подъ иностранной, преимущественно французской, фирмою. Самое же зданіе трактира въ два этажа находилось къ югу отъ Средней Невки и примыкало къ лѣсу.

Отъ вышеупомянутой рѣчонки, близъ Куллерберга, вплоть до западнаго взморья, тянулся дикій, словно дѣвственный, еловый лѣсъ, въ который проникнуть не было никакой возможности, такъ какъ самый грунтъ этого лѣса былъ страшно болотистый. Тамъ же, гдѣ нынѣ находятся „Крестовскій садъ“

и красивыя усадьбы богатыхъ дачниковъ-собственниковъ, по берегу Малой Невки, у перевоза съ Петербургской стороны, напротивъ Аптекарскаго и Каменнаго острововъ, въ 1822 г. растилался почти необозримый лугъ, среди котораго росли кое-какія деревья, большей частію ивовыя, равно какъ и немногія другія, низко наклонявшіяся съ берега къ волнамъ Малой Невки. Самое прибрежье этого конца Крестовскаго острова было нѣсколько возвышенное, такъ какъ оно состояло изъ плотинообразно-насыпнаго вала, по которому вела довольно широкая пѣшеходная дорога вплоть до рукавца, соединяющаго Малую Невку со Среднею. Чрезъ сказанный рѣчной рукавецъ велъ пѣшеходный мостикъ непосредственно на Каменный островъ. По этой дорогѣ ходили всѣ, кто съ Петербургской стороны пробирался на послѣдне-упомянутый островъ. Близъ перевозной пристани стоялъ довольно мрачнаго вида трактиръ.

Вышеупомянутые крестьянскіе дворы отдавались „господамъ" подъ дачи, и уже самимъ наемщикамъ предоставлялась забота о томъ, чтобы сдѣлать эти жилища болѣе или менѣе удобообитаемыми и по возможности комфортабельными. По таковой причинѣ эти „дачи" нанимались обыкновенно лѣтъ на пять. Наша „дача" находилась по срединѣ, отдѣльно (къ западу) отъ дворовъ, и на воротахъ ея красовалась простая, некрашенная дощечка съ неуклюже-писаннымъ нумеромъ 35. Она состояла изъ дома въ шесть комнатъ, съ мезониномъ въ три комнатки, и изъ хозяйственныхъ принадлежностей съ большимъ сомкнутымъ дворомъ. Спереди, лицомъ къ улицѣ, имѣлся небольшой садикъ, и позади двора простирался огромнѣйшій общій лугъ.

Равномѣрно также и Каменный и Елагинъ островъ въ то время имѣли иной видъ. На послѣднемъ только что приступлено было къ отдѣлкѣ взморья на западномъ концѣ, прозваннаго потомъ „стрѣлкою"; а на Каменномъ аллеи внутренней и сѣверной части не были еще вырублены ради уступки мѣстъ подъ дачи набобовъ изъ среды „случайныхъ" людей. Тогда въ этомъ грандіозномъ паркѣ, отличавшемся именно-то вѣковыми своими липами и березами, между которыми встрѣчалось не мало также и старыхъ дубовъ и кленовъ, — мѣста подъ дачи какъ бы исключительно были пожалованы только придворнымъ чинамъ, несомнѣнно съ цѣлію облегченія имъ исполняемой службы, когда Императорскій Дворъ находился во дворцѣ

Каменнаго острова. Къ тому же эти дачи не были выстроены въ ущербъ самому парку, такъ какъ всѣ онѣ находились на южномъ его краѣ, вдоль шоссе, ведущаго отъ Каменно-островскаго моста на Елагинъ островъ. Изъ числа ихъ памятны мнѣ красивыя дачи графовъ Дашковыхъ и гг. Бутурлиныхъ, первая неподалеку отъ дворцовыхъ флигелей, другая на поворотѣ шоссе къ сѣверу. Помню я еще роскошную дачу, садъ которой тянулся отъ Елагинскаго моста между шоссе и рукавцомъ Невки, отдѣляющимъ Каменный островъ отъ Крестовскаго. Буде не ошибаюсь, то эта дача принадлежала гг. Нарышкинымъ.

Изъ этого стариннаго боярскаго рода тогда при Императорскомъ Дворѣ особливо выдавались два брата: Александръ и Дмитрій Львовичи Нарышкины; первый занималъ постъ оберъ-гофмейстера, другой — оберъ-егермейстера.

Д. Л. Нарышкинъ, въ ту пору, во время пребыванія царскаго Двора на Каменномъ островѣ, занималъ дачу, пожалованную, какъ разсказывали, Государемъ Императорамъ Александромъ Павловичемъ супругѣ его, Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Пространная эта дача (близъ Колтовской) отличалась своимъ роскошнымъ паркомъ и въ особенности прелестнѣйшимъ цвѣтникомъ, и ее часто сравнивали съ знаменитымъ островомъ Книдомъ, очаровательнымъ, по миѳологіи древнихъ грековъ, обиталищемъ Афродиты, богини красоты и любви. Находилась дача г-жи Нарышкиной напротивъ Крестовскаго острова, на берегу Малой Невки. Ѣхавшимъ въ то время по рукаву нашей многоводной Невы мимо Крестовскаго острова вверхъ, въ направленіи къ Каменному острову, долженъ былъ непремѣнно бросаться въ глаза устроенный близъ берега граціозный открытый храмикъ съ бѣлыми колонками, по срединѣ котораго на бѣло-мраморномъ пьедесталѣ красовалась статуйка Амура Не знаю, кому нынѣ принадлежитъ эта дача и что̀ осталось отъ прежней ея роскоши; въ концѣ 30-хъ годовъ я слышалъ, будто она перешла во владѣніе графини Лаваль.

Императоръ подарилъ Нарышкину въ собственность также и знаменитый царскій хоръ роговой музыки.

О первоначальномъ устройствѣ этого хора я слышалъ слѣдующее*). Придворная охотничья команда, подобно хору при-

*) Отъ упомянутаго уже егермейстера Юшкова.

дворныхъ пѣвчихъ, образовывалась и ежегодно пополнялась изъ молодыхъ крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ имѣній. Этихъ парней старые опытные егеря должны были обучать разнымъ частямъ охотничьей службы; а такъ какъ къ ней принадлежало также и знаніе охотничьихъ сигналовъ и умѣніе выводить оные на употреблявшихся искони въ Россіи охотничьихъ рогахъ, то обучали охотниковъ-парней также и этой „музыкальной" части ихъ ремесла. Но весьма понятно, что звуки, выведенные этими слишкомъ мало отесанными медвѣжатами, да къ тому же на весьма примитивно-устроенныхъ рожкахъ, звучали вовсе немузыкально. При Елизаветѣ Петровнѣ командою придворныхъ охотниковъ завѣдывалъ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, внукъ одного изъ братьевъ царицы Наталіи Кирилловны. Это былъ вельможа, выдававшійся въ ту эпоху своимъ европейскимъ образованіемъ. Слишкомъ неуклюже и дико выдѣлываемые сигналы егерей не могли не оскорблять его слуха и вкуса, и онъ рѣшилъ преобразовать сигнальную команду придворной охоты на манеръ горнистовъ въ иностранныхъ придворныхъ охотничьихъ управленіяхъ. Для этой цѣли выбралъ онъ молодыхъ охотниковъ, наиспособнѣйшихъ парней, замѣнилъ старинные русскіе рога иностранными охотничьими или „лѣсничьими" рогами, вальторнами*), а для обученія парней правильной на нихъ игрѣ пригласилъ онъ особаго капельмейстера, чеха Мареша. Этотъ музыкантъ хорошо зналъ свое дѣло, а сверхъ того былъ одаренъ смѣтливостью. Обучать на вальторнахъ онъ егерей обучалъ, вслѣдствіе чего добился у своихъ учениковъ самаго нужнѣйшаго, т.-е. правильнаго „анзатца" или „амбушюра"; но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма заинтересовавшись своеобразнымъ стариннымъ русскимъ рогомъ, онъ задался также мыслію извлечь изъ него дѣйствительную пользу. И достигъ-таки Марешъ своей цѣли: появился крайне любопытный и оригинальный „инструментъ" русской роговой музыки, на которомъ, помощію капельмейстерскаго своего жезла, онъ превосходно разыгрывалъ весьма сложныя музыкальныя сочиненія. Этотъ „инструментъ" состоялъ изъ живыхъ людей, вмѣсто клавишей; числомъ ихъ было 42 человѣка. У двадцати четырехъ было на рукахъ по одному, а у восемнадцати чело-

*) Wald-Horn.

вѣкъ по два рога, другъ отъ друга на полутонъ различные. Самые большіе рога, до 2-хъ аршинъ длиною, имѣли форму первобытныхъ (какъ у древнихъ народовъ) басовыхъ тромбоновъ и поддерживались подставками; средней и меньшей же величины рога сохраняли первобытную свою форму. Вся серія различныхъ звуковъ, какіе получались отъ всѣхъ роговъ съ самого низшаго до самого высшаго, обнимала пять октавъ съ большою секстою, а именно: отъ нижней октавы контра — *до* до верхней октавы отъ ноты *ля,* изображаемой на первой сверху придаточной линіи по системѣ скрипичнаго ключа. Изъ числа всѣхъ роговъ восемнадцать меньшихъ оказывались въ двойномъ комплектѣ.

По естественному свойству металла (желтая мѣдь), изъ котораго сдѣланы были рога, и по прямой формѣ ихъ, звуки этого хора имѣли сильно-вибрирующій, рѣзкій тембръ, а потому, конечно, производили издали гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ вблизи. Это и служило, вѣроятно, причиною тому, что когда къ оберъ-егермейстеру Нарышкину на дачу изволилъ пріѣзжать въ гости Государь Императоръ со свитою придворныхъ, то хоръ роговой музыки помѣщался, хотя и на томъ же лѣвомъ берегу Малой Невки (противъ Крестовскаго острова), но нѣсколько поотдаль отъ Нарышкинской дачи, на Петербургской сторонѣ около мѣста перевоза. Такіе случаи, конечно, были экстренными праздничными событіями для всей окрестности, и тогда со всѣхъ концовъ собирались безчисленными толпами слушатели всѣхъ сословій и возрастовъ, покрывая собою берега Малой Невки, какъ на Петербургской сторонѣ, такъ на Крестовскомъ островѣ, вдоль прибрежнаго вала.

Не только въ лѣто 1822-го года, но и въ послѣдующіе два мнѣ довольно часто приходилось слышать исполненіе хора. Разумѣется, я тогда ни малѣйше не разсуждалъ ни о манерѣ исполненія, ни о системѣ состава хора; объ этомъ я догадался не ранѣе какъ лѣтъ черезъ сорокъ, когда, по волѣ судьбы, я сдѣлался музыкальнымъ теоретикомъ.

Очень живо помню я еще про многія пьесы, которыя своимъ эффектомъ восхищали слушающую публику, а знатоковъ даже просто поражали непостижимой аккуратностью въ исполненіи самыхъ быстрѣйшихъ пассажей. Къ числу таковыхъ пьесъ принадлежали увертюры изъ оперъ: „Калифъ Багдадскій“

Бойельдье, „Семирамида“ Россини, „Іосифъ въ Египтѣ“ Мегюля, „Водовозъ“ Керубини, „Весталка“ и „Фердинандъ Кортецъ“ Спонтини. Но верхъ своего искусства выказывалъ хоръ русской роговой музыки въ шикарномъ исполненіи одной блестящей новинки той эпохи, а именно, увертюры изъ оперы „Волшебный стрѣлокъ“ Вебера, года за два или за три предъ тѣмъ въ первый разъ данной на королевской оперной сценѣ въ Берлинѣ.

XIII.

Елагинскій дворецъ въ то время представлялся блаженнымъ пріютомъ тихаго семейнаго счастія. Тамъ проводили лѣтнее время молодой великій князь Николай Павловичъ съ супругою, великой княгинею Александрой Ѳеодоровной.

Маленькому великому князю Александру Николаевичу только что минуло 4 года, а Маріи Николаевнѣ пошелъ 3-й. Въ это же самое лѣто великая княгиня вела отшельническую почти жизнь по причинѣ вскорѣ ожидавшагося умноженія августѣйшаго семейства*).

Мнѣ не помнится, чтобы въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ много говорили о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, ровно какъ и о младшемъ братѣ царя, Михаилѣ Павловичѣ. Когда же изрѣдка заходила рѣчь о молодыхъ великихъ князьяхъ, то всѣ хвалили ихъ скромность и привѣтливость, отзывались о нихъ какъ объ образцовыхъ офицерахъ-служакахъ и искренно негодовали на то, что имъ обоимъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всесильнаго временщика, графа Аракчеева.

Какъ нынѣ, такъ и тогда аллеи Елагина и Каменнаго острововъ служили дачникамъ Крестовской деревни лучшими мѣстами гулянія; въ особенности хорошо было прогуливаться по нимъ въ утренніе часы, до наступленія полуденнаго жара, потому что тогда эти аллеи не наводнялись, какъ подъвечеръ, нахлынувшими со всѣхъ сторонъ, и преимущественно изъ города, массами гуляющихъ всѣхъ возможныхъ разрядовъ и сортовъ. Въ указанные утренніе часы „променировались“ и мы, т.-е. я и меньшій братъ (9-лѣтній мальчуганъ), иногда „подъ

*) Королева Виртембергская Ольга Николаевна родилась 30-го августа 1822 г.

эгидою“ нашего гувернера m-r Myrtille, а чаще всего безъ него. „Сей менторъ“ нашъ, вполнѣ надѣявшись на нашу „bienséance de jeunes gens de bonne famille“, большею частію, ради „своей“ прохлады, предпочиталъ атмосферу виннаго погреба „слишкомъ обыкновенной“ прохладѣ тѣнистыхъ деревъ Елагина и Каменнаго острововъ*).

Во время утреннихъ прогулокъ я довольно часто имѣлъ счастіе поклониться молодому шефу инженеровъ, когда онъ катался въ легкомъ двумѣстномъ фаэтонѣ, запряженномъ обыкновенно парою лошадей, которыми правилъ самъ. Иногда сопутствовала ему великая княгиня, но чаще всего, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, маленькій шефъ этого полка Александръ Николаевичъ.

Не разъ также случалось мнѣ видѣть черезъ невысокую рѣшетчатую чугунную ограду Елагинскаго дворца, какъ дѣти великокняжеской четы, окруженныя своими товарищами, подъ надзоромъ гувернантокъ и нянюшекъ, рѣзвились на мягкомъ коврѣ гладко подстриженнаго пространнаго сквера предъ дворцомъ, напротивъ гауптвахты.

Сама же великая княгиня, съ двумя-тремя придворными дамами, располагалась на террасѣ дворца, обращенной къ скверу. Обыкновенно она была одѣта въ простенькій капотецъ изъ легкой бѣлой матеріи, съ накинутымъ на плеча большимъ кружевнымъ платкомъ на манеръ шали, и въ легонькомъ кружевномъ чепцѣ. Хозяйка Елагина дворца сидѣла на небольшой софѣ и такъ же, какъ и ея компаньонки, почти всегда была занята какою-нибудь дамскою работой; великій князь сиживалъ близъ нея на дачномъ стуликѣ у стола, съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ прилежно чертилъ что-то на листѣ бумаги. Всѣ знали и говорили, что великій князь очень любилъ рисованіе и военное зодчество и что онъ въ нихъ большой знатокъ.

Ему въ то время шелъ двадцать седьмой годъ. Это былъ статный, высокаго роста, красавецъ, хотя нѣсколько сухощавъ. Лицо, немного продолговатое, а свѣтло-каштановые волосы, хотя подстриженные и приглаженные по строгой формѣ тогдашняго военнаго регламента, выказывали натуральную наклон-

---

*) Узнавъ, недѣли чрезъ 2 или 3, о „прохлажденіяхъ“ m-r Myrtille, отецъ мой конечно его прогналъ. Тогда такіе гувернеры были не рѣдкостію.

ность къ образованію легкихъ кудрей. Послѣднее обстоятельство, по указаніямъ физіогномики, свидѣтельствуетъ обыкновенно о врожденной мягкости и добротѣ сердца. Большіе, твердо глядѣвшіе, иногда какъ бы насквозь проницающіе, темно-лазуревые глаза подъ красиво и смѣло начерченными бровями, уже тогда живо напоминали величественныя черты державной его бабушки, Екатерины Второй. Въ этомъ поистинѣ идеальномъ, мужественно-красивомъ обликѣ сразу выказывались рыцарское прямодушіе, сосредоточеніе мышленія и непреклонная твердость воли; но эту, на первый взглядъ поражающую, будто суровую, строгость смягчала улыбка, не только игравшая около угловъ тонко-очерченныхъ губъ, но невольно сіявшая сквозь орлиные взгляды, если они въ глазахъ собесѣдника встрѣчались съ выраженіемъ душевной прямоты и чистой совѣсти.

Между тѣмъ какъ въ Елагинскомъ дворцѣ господствовало идиллическое настроеніе, по другую сторону Средней и вдоль Малой Невки, одни празднества смѣнялись другими. Въ кругу крестовскихъ дачниковъ тогда много и съ восторгомъ разсказывали удивительныя чудеса про очаровательные маскированные балы въ Каменно-островскомъ дворцѣ, и про изумительно-блестящія карусели въ костюмахъ; говорили даже, что въ послѣднихъ участвовалъ великій князь Николай Павловичъ и что онъ отличался ловкостью въ этомъ рыцарскомъ искусствѣ. Случилось мнѣ въ теченіи этого лѣта два раза видѣть, какъ по всѣмъ тремъ Невкамъ прокатывались многочисленныя, фантастически устроенныя, гирляндами, цвѣтными вымпелами и фонариками украшенныя гондолы. Каждая гондола была ведена группою гондольеровъ подъ командою рулеваго, въ итальянскихъ народныхъ костюмахъ. Менѣе четырехъ гондольеровъ, кажется, въ группѣ не было; но въ нѣкоторыхъ гондолахъ число ихъ доходило, вѣрно, до восьми. Въ самыхъ же гондолахъ на скамеечкахъ, покрытыхъ богатыми коврами, возсѣдали дамы и кавалеры въ костюмахъ времени императрицы Екатерины. Когда становилось темнѣе (эти празднества были устраиваемы въ началѣ августа мѣсяца), то вся флотилія располагалась на Средней Невкѣ, близъ моста, соединяющаго Театральную площадь Каменнаго острова съ Елагинымъ островомъ. По данному сигналу вдругъ на всѣхъ гондолахъ засвѣчивались разноцвѣтные фонарики, а съ береговъ то Елагина,

то Каменнаго острова, попеременно раздавались звуки полковой музыки. Въ это же самое время начинался блестящій фейерверкъ, всегда устраиваемый на берегу Крестовскаго острова, передъ лѣсомъ, лежащимъ между деревнею и пѣшеходнымъ мостикомъ, что велъ на Каменный островъ, т.-е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ то время находились хижины рыбаковъ. Около половины августа мѣсяца празднества эти прекратились, потому что Государь и весь Дворъ пересилились въ Царское Село; а въ сентябрѣ Императоръ съ великими князьями уѣхали куда-то на маневры. Гвардейскіе же полки еще ранѣе были отправлены. Такимъ образомъ Петербургъ къ осени притихъ.

Эти роскошныя придворныя празднества тогда подготовлялись и устраивались по планамъ лучшихъ художниковъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина, человѣка образованнаго, любителя изящныхъ искусствъ и знатока въ нихъ. Личное благорасположеніе Государя къ Александру Львовичу придавало послѣднему исключительное значеніе въ придворномъ кругу.

Нарышкину (по теперешнему моему соображенію) вѣроятно было тогда около 60-ти лѣтъ, но на видъ онъ казался никакъ не старше 45-ти. Средняго роста и, несмотря на нѣкоторую, при этомъ возрастѣ неизбѣжную, дородность, стройный собою, Александръ Львовичъ по праву считался „bel-homme", и тѣмъ болѣе, что „внушительный" этотъ внѣшній его видъ не только поддерживался, но даже еще болѣе украшался самыми округленными, отборно мягкими, плавно-спокойными и къ тому же весьма естественными движеніями тѣла и рукъ. Самой же выдающейся частію всей его фигуры оказывалась нормальнѣйшей формаціи красивая голова и крайне выразительное лицо, не то чтобы полное, но и не худощавое, обрамленное тщательно расчесанными впередъ бакенбардами, съ тонкимъ, нѣсколько остроконечнымъ носомъ, съ кокетливо очерченными губами и съ весьма умными и веселыми (такъ и хочется сказать: „плутовски улыбающимися") свѣтло-коричневыми глазами. Въ позднѣйшіе годы случилось мнѣ видѣть гравированный портретъ французскаго поэта Альфреда де Виньи, который мнѣ живо напоминилъ тонкія, остроумныя черты Александра Львовича. Говорилъ онъ отлично по-французски, по-англійски

и по-нѣмецки да конечно и по-русски, хотя въ отношеніи послѣдняго говоръ его нѣсколько отзывался преимущественной привычкою къ иностраннымъ нарѣчіямъ. Начитанность и знакомство его съ литературными произведеніями на упомянутыхъ четырехъ языкахъ были изумительны.

Сердцемъ онъ былъ очень добръ, и подчиненные его очень любили за привѣтливость и снисходительность. Съ выдававшимися же изъ числа ихъ особенною способностью и образованностью (какъ напр. съ моимъ отцомъ) Александръ Львовичъ обходился даже какъ съ личными, близкими друзьями. У насъ бывалъ онъ запросто и иногда оставался обѣдать. Отецъ мой состоялъ начальникомъ счетнаго отдѣленія, этого, такъ сказать, главнаго нерва всего дворцоваго управленія. Оттого-то онъ и былъ словно какъ бы правою рукою главноуправляющаго придворной конторы. Поэтому же, вѣроятно, и размѣщеніе отдѣленій этой конторы въ верхнемъ этажѣ зимняго дворца было распредѣлено такимъ образомъ, что собственный кабинетъ оберъ-гофмаршала отдѣлялся отъ комнаты, гдѣ засѣдалъ начальникъ счетнаго отдѣленія, только пріемною залой. А такъ какъ матушкѣ или намъ дѣтямъ не возбранялось заѣзжать за отцомъ къ концу засѣданія, то я имѣлъ довольно часто случай видѣть Александра Львовича вблизи и даже разговаривать съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ вообще очень любилъ дѣтей. Въ особенности привлекала насъ къ нему его шутливость, которою онъ умѣлъ оживлять свои разговоры. А. Л. Нарышкинъ, какъ извѣстно, славился своимъ острословіемъ, и мѣткія слова его повторялись повсюду.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1822-го года отецъ мой помѣстилъ меня въ Горный Институтъ*); но я не долго пробылъ

*) Въ то время назывался онъ „Горнымъ корпусомъ“, а ученики „кадетами“. У насъ также все было устроено по военному регламенту, и мы носили форму военныхъ нижнихъ чиновъ, отличавшуюся отъ формы прочихъ кадетовъ только цвѣтомъ мундира, воротника и погоновъ, а именно: мундиръ былъ изъ темно-синяго сукна, воротникъ же и погоны изъ черняго бархата съ краснымъ кантомъ. На киверѣ, такой же формы какъ и у другихъ кадетовъ, былъ также полукруглый щитъ съ лучами, только вмѣсто военныхъ атрибутовъ на немъ, были изображены эмблемы горнозаводства. Щитъ этотъ, равно какъ и пуговицы, былъ изъ желтой мѣди. Солдатскій кривой тесакъ съ бѣлымъ бумажнымъ темлякомъ, висѣвшій на широкомъ бѣломъ кожаномъ банделирѣ чрезъ правое плечо, торчалъ сзади и исправно колотилъ попеременно то лѣвую ляшку, то правую икру.

въ немъ: вслѣдствіе полученной въ Ваккербартсру классической подготовки оказался я, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ предметахъ болѣе подвинутымъ впередъ чѣмъ мои сверстники, но зато, съ другой стороны — во многихъ другихъ предметахъ до того отставшимъ, что мое ученіе шло весьма плохо и неровно, и всѣ мои старанія и усиленное мое прилежаніе привели только къ сильному разстройству всей нервной моей системы. Слѣдствіемъ того было, что при первой случайной простудѣ отъ быстро наступившихъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ морозовъ, само по себѣ вначалѣ незначительное горловое воспаленіе перешло въ сильнѣйшій крупъ (по-нынѣшнему: дифтеритъ), къ которому вскорѣ присоединилась еще злѣйшая тифозная горячка. Такимъ-то образомъ къ концу ноября я умеръ, т.-е. совершенно пересталъ дышать, и не только всѣ домашніе, но и сами доктора Авенаріусъ и Вольфъ дѣйствительно считали меня настоящимъ покойникомъ. Одна только матушка не вѣрила факту моей смерти и въ теченіе цѣлыхъ четырехъ сутокъ неусыпно продолжала вмѣстѣ съ бывшей моей нянькою втиранія разныхъ средствъ. И впрямь, старанія матушки и крѣпкая моя натура восторжествовали, и на 5-ый день послѣ прочитанной надо мною отходной я воскресъ изъ мертвыхъ.

Само собою разумѣется, что при самомъ началѣ моей болѣзни отецъ меня тотчасъ взялъ изъ Горнаго Института и что я туда болѣе не возвратился. Изъ эпизодическаго моего пребыванія въ сказанномъ заведеніи достойно упоминанія только то, что унтеръ-офицеромъ того дортуарнаго отдѣленія, въ которомъ я состоялъ, былъ сынъ опернаго пѣвца *Самойлова, Василій Васильевичъ,* ознаменовавшій себя, черезъ четверть вѣка послѣ того, какъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ сценическихъ художниковъ нашего времени*).

Отецъ мой рѣшилъ наконецъ, чтобы дальнѣйшее мое образованіе продолжало быть классическимъ, почему и намѣревался отправить меня въ Дерптъ, такъ какъ въ то время не только тамошній университетъ, но и тамошняя гимназія пользовались вполнѣ заслуженной высокой репутаціею. Но предварительно

*) Въ 1836-мъ году мы опять съ нимъ встрѣтились, о чемъ и будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

нужно было отцу узнать, кому изъ тамошнихъ профессоровъ или гимназіальныхъ учителей можно бъ было поручить специальный надзоръ не только за научнымъ, но и за моральнымъ и матеріальнымъ моимъ благосостояніемъ. По этому вопросу отецъ мой адресовался письменно къ дерптскому профессору *Парроту* (отцу).

Въ ожиданіи же отвѣта отъ послѣдняго, мнѣ было дозволено прилежнѣе прежняго заниматься музыкою, вслѣдствіе чего мой учитель фортепіанной игры сталъ пріѣзжать къ намъ ежедневно, вмѣсто того, что до тѣхъ поръ онъ давалъ мнѣ уроки по одному только разу въ недѣлю, т.-е. по воскресеньямъ. *Александръ Ивановичъ Черлицкій* считался однимъ изъ лучшихъ бывшихъ учениковъ *Джона Фильда,* переселившагося года за два предъ тѣмъ въ Москву, и состоялъ преподавателемъ фортепіанной игры при Смольномъ монастырѣ. Онъ заставлялъ меня повторять начатые еще въ Ваккербартсру этюды Крамера, которые я, благодаря его стараніямъ, очень скоро себѣ усвоилъ, такъ что къ Новому году онъ далъ мнѣ уже разучивать Фильда „Concert militaire". Такимъ образомъ, въ нашемъ кружкѣ я вскорѣ прослылъ (едва ли, однакоже, по заслугамъ) за „многообѣщающаго мальчика-артиста", и знакомые родителей моихъ стали просить ихъ приводить меня съ собою на ихъ музыкальные вечера.

Къ таковымъ знакомымъ принадлежало между прочимъ и семейство банкира *Переца.* Разъ (это было въ срединѣ января мѣсяца 1823 года) *m-me Перецъ* желала, чтобы я на ихъ вечерѣ сыгралъ Рондо изъ упомянутаго „военнаго концерта" Фильда, а для того, чтобы мнѣ напередъ привыкнуть къ новому флигелю изъ недавно вновь открывшейся тогда мастерской *Тишнера,* она просила отца пріѣхать со мною въ тотъ же день къ обѣду къ нимъ въ 5-мъ часу. Вслѣдствіе того я въ назначенный день, по приказанію отца, въ 3 часа отправился въ каретѣ за нимъ въ придворную контору, гдѣ по обыкновенію я долженъ былъ дожидаться окончанія засѣданія въ пріемной залѣ, прилегающей (какъ выше уже объяснено) къ кабинету оберъ гофмаршала. Когда отецъ покончилъ свой докладъ, онъ вышелъ ко мнѣ, чтобы отправиться внизъ. Въ этотъ моментъ дежурный курьеръ при пріемной широко растворилъ входную дверь, и въ залу неожиданно вошелъ самъ Государь.

„Ah!“ воскликнулъ Императоръ, увидѣвъ насъ низко ему поклонившихся, и остановился. „Nun, wie geht's, lieber Arnold? Das ist wohl Ihr Söhnchen?“

Отецъ, еще разъ поклонившись, отвѣчалъ: „Zu Gnaden, Majestät!“

Государь, посмотрѣвъ на меня съ благосклонной улыбкою, потрепалъ меня ласково по щекѣ и сказалъ: „Fixes Kerlchen, wie? — Nun Adieu!“ затѣмъ милостиво махнулъ отцу рукою, и отправился съ вышедшимъ между тѣмъ навстрѣчу монарху, оберъ-гофмаршаломъ въ кабинетъ послѣдняго*).

„Ну, мышенокъ!“ сказалъ отецъ, когда мы спускались внизъ по извѣстной круглой лѣстницѣ: „послѣ такого необычайнаго счастія ты долженъ сегодня особенно отличиться!“

И впрямь я въ тотъ вечеръ сыгралъ Фильдово рондо съ большимъ увлеченіемъ!

XIV.

Наконецъ-то въ мартѣ мѣсяцѣ профессоръ Парротъ сообщилъ, что г. *Вильгельмъ Хахфельдъ* (Hachfeld), „Gymnasial-Oberlehrer“ (старшій учитель гимназіи), квартирующій въ самомъ зданіи училища, готовъ принять меня пансіонеромъ, вслѣдствіе чего меня тотчасъ же и отправили.

Благополучно пріѣхавъ въ Дерптъ и бывъ какъ слѣдуетъ водворенъ къ очагу новыхъ пенатовъ, я на другой же день былъ подвергнутъ пріемному экзамену и, благодаря основательной ваккербартсруской подготовкѣ, принятъ въ „Кварту“, т.-е. въ 4-ый сверху классъ**).

Поговоримъ сначала о самомъ городѣ, какъ онъ представлялся въ то время, тѣмъ болѣе, что это можетъ служить какъ бы фондомъ для нѣкоторыхъ изъ описуемыхъ картинъ нравовъ и обычаевъ тогдашнихъ гимназистовъ и студентовъ.

Обычная почтовая дорога отъ Петербурга въ Ригу, по моему убѣжденію, вѣроятно и нынѣ еще, прилегая съ сѣвера

---

*) Вообще государь императоръ, какъ не разъ тогда поговаривали въ петербургскомъ обществѣ, по возвращеніи съ Веронскаго конгресса, выказывалъ себя особенно милостивымъ и ласковымъ.

**) Въ Дерптской гимназіи тогда, по примѣру германскихъ гимназій, было всего пять классовъ, изъ которыхъ старшій или высшій именовался: *первымъ, Prima* (т.-е. classis), а младшій или низшій: *пятымъ*, *Quinta*.

мимо лежащей предъ самымъ городомъ мызы Ратхофъ (Rathof), спускается внизъ въ долину, образованную прибрежьемъ Эмбаха и точно такъ же, какъ „во время оно", полуоборотомъ къ востоку, ведетъ къ главному тогда такъ-называемому „каменному" мосту. Это названіе ему дано было весьма логически, по самому матеріалу, для отличія его отъ другаго, далѣе къ западу (кверху противъ теченія Эмбаха) находящагося моста, который былъ и именовался „деревяннымъ", и къ которому съ сѣвера вела улица, отвѣтвлявшаяся отъ почтовой дороги. Означенный каменный мостъ тогдашняго времени представлялся точнѣйшею копіею тѣхъ пяти мостовъ, которые, будучи сооруженными въ эпоху (кажется) императрицы Екатерины Великой чрезъ Фонтанку, въ 60-ыхъ еще годахъ соединяли противоположные берега этой рѣчки. Перешедъ этотъ мостъ, мы очутились на довольно большой „ярмарочной площади" (Marktplatz), у южнаго предѣла которой съ средневѣковой, сумрачною, патриційскою спесью красовалась, — небольшая впрочемъ, — ратуша. Повернувъ круто вблизи послѣдней налѣво къ востоку, почтовый трактъ черезъ коротенькую улицу повелъ насъ на другую площадь, по правую сторону (къ югу) которой была недлинная, липовая аллейка, а по лѣвую руку миніатюрная имитація петербургскаго гостинаго двора (Kaufhof), но безъ верхняго этажа. Нѣсколько далѣе мы проѣхали чрезъ третью, опять вплоть до Эмбаха простиравшуюся, „рыбную" площадь (Fischplatz), а оттуда проѣхавъ десятокъ (или около того) домовъ, снова круто повернули къ югу (направо), поднимаясь на гору, къ почтовой станціи (Posthalterei), предъ которой опять-таки простиралась площадь пятиугольной формы. Оттуда вела почтовая дорога прямо на югъ къ Рижской заставѣ, а другая улица, налѣво, за-городъ къ дорогѣ на близъ лежащую мызу Карлово.

Позади ратуши пролегала длинная улица*), отъ рыбнаго рынка къ западу вплоть до линіи ботаническаго сада, гдѣ она встрѣчалась съ улицею, ведшей мимо онаго сада отъ Деревяннаго моста. На первоупомянутой улицѣ, къ западу отъ ратуши, находились прежде всего, по лѣвую руку, главное уни-

---

*) Послѣ 60-лѣтняго промежутка времени, память моя не сохранила наименованій описываемыхъ мною улицъ.

верситетское зданіе, затѣмъ нѣсколько далѣе, по правую сторону, гимназія, а возлѣ нея лютеранская церковь св. Іоанна. Русская же церковь во имя св. Николая Чудотворца находилась не очень далеко отъ гимназіи по направленію къ Эмбаху, вблизи военно-экзерциціонной площади (Exerzirplatz).

Позади университета возвышалась гора, названная „соборною“ (Domberg) ради красовавшагося нѣкогда на ней, во время владычества ордена „Меченосцевъ“, римско-католическаго каѳедральнаго собора св. Дениса. Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что до вторженія „меченосцевъ“ въ Ливонію, на мѣстѣ нынѣшняго *Дерпта* стоялъ русскій городокъ *Юрьевъ,* основанный въ XI вѣкѣ великимъ княземъ *Ярославомъ Мудрымъ.* Позже, однакоже, въ XVI вѣкѣ, царь *Іоаннъ IV Грозный,* пожелавъ возвратить себѣ прежнія русскія владѣнія въ чудской землѣ, началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, и между прочимъ напавъ на Дерптъ, разгромилъ его, при чемъ болѣе всего пострадалъ упомянутый соборъ, который съ тѣхъ поръ такъ и простоялъ въ развалинахъ.

Когда въ 1802 г. былъ учрежденъ Дерптскій университетъ, тогда вскорѣ послѣ того, для помѣщенія университетской библіотеки была возстановлена (въ первобытномъ же, готическомъ стилѣ) восточная часть древняго собора, между тѣмъ, какъ средняя часть его (нефъ) и двѣ огромныя башни у западнаго входа такъ и оставались въ развалинахъ. Самая же гора была засажена липовыми аллеями въ разныхъ направленіяхъ, между которыми красовались скверы съ цвѣтниками и извилистыми дорожками. Отъ университета до задняго (южнаго) предѣла горы была проведена правильная улица, для чего сѣверная, круто-поднимавшаяся сторона Домберга была прорыта, а надъ образовавшимся оттого дефилеемъ выстроенъ красивенькій, деревянный, бѣлой краской выкрашенный мостикъ для пѣшеходовъ, прозванный „Musenbrücke“ (мостъ музъ). Улица вела къ большому 2-этажному дому на южной сторонѣ горы, въ которомъ помѣщалась университетская клиника съ квартирами для состоящихъ при профессорахъ-докторахъ молодыхъ ассистентовъ изъ студентовъ-медиковъ высшаго курса. Полѣвѣе отъ клиники, у восточнаго края горы находилось круглое зданіе анатомической аудиторіи (theatrum anatomicum).

Упомянуть слѣдуетъ наконецъ еще о находившейся напротивъ башенъ собора, къ востоку, отдѣльной возвышенности квадратной формы (остатокъ древнихъ укрѣпленій), которая вполнѣ предоставлялась городскому юношеству для гимнастическихъ игръ, а потому и называлась „Spielberg" т.-е. горою игръ.

Г. *Хахфельдъ* и его семейство могли вполнѣ служить типическими представителями семейства изъ среды германскаго учительскаго круга тогдашняго времени. Самъ онъ, г. Хахфельдъ, родомъ изъ города Гёттингена, былъ человѣкъ съ обширнымъ запасомъ знаній не только по своей учительской спеціальности (исторія и географія), но также и по части какъ нѣмецкой литературы, такъ и древнихъ языковъ. Относительно характера онъ выказался смѣсью нѣмецкаго „филистера" и нѣмецкаго „студента-бурша": въ обращеніи своемъ съ женою и съ дѣтьми (а оттого, конечно, и со мною) онъ былъ полнѣйшій педантъ-филистеръ самой деспотической окраски, при чемъ, однакоже, обнаруживалъ также хорошія качества истаго бурша: чувство справедливости, сердечной доброты и остроумной шутливости. Изъ студенческихъ же слабостей сохранилъ онъ, къ сожалѣнію, вспыльчивость и „amor liquorum nonnullae efficacitatis". Г-жа Хахфельдъ, съ своей стороны, владѣла всѣми пассивными и активными добродѣтелями идеальной нѣмецкой женщины: она была молчаливо-послушной супругою, превосходной экономкою и заботливой матерью многочисленнаго семейства.

Надъ отдѣленіемъ, которое занимало семейство Хахфельда, была квартира кандидата теологіи г. *Фрейтага,* младшаго учителя латинскаго и греческаго языковъ, молодаго еще человѣка лѣтъ 26 или 27. Онъ былъ пріемышемъ знаменитаго въ свое время проповѣдника, старшаго совѣтника рижской консисторіи (Ober-Consistorialrath) *Зонтага,* и намѣревался, по окончаніи университетскаго курса поступить въ пасторы. Но, будучи довольно пылкаго характера, онъ, какъ молодцоватый „буршъ", нажилъ себѣ вызовъ на дуэль, въ которой злой его противникъ разсѣкъ ему такъ сильно лѣвую щеку и уголъ губъ, что остался весьма видный шрамъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось отказаться отъ священнической карьеры и поступить въ ряды учителей.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ избранъ профессоромъ древнихъ языковъ при Главномъ Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ.

Въ тѣхъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ имѣются университеты, господствующіе между студентами духъ и обычаи болѣе или менѣе переходятъ также и на гимназистовъ, которые, вѣдь, готовятся же раньше или позже поступить въ тотъ же университетъ. Конечно бываютъ разныя степени и виды этого подражанія, смотря по возрасту и по интеллектуальному развитію юношей. Главной чертой духа тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ было нѣкое рыцарское молодечество съ маленькимъ оттѣнкомъ, пожалуй, нѣкотораго донкихотства; а между обычаями, перенятыми отъ иностраннаго (германскаго) студенчества, однимъ изъ наиболѣе выдававшихся былъ обычай подшучивать надъ вновь поступившими въ университетъ и испытывать ихъ насчетъ таившейся или отсутствовавшей въ нихъ „порціи“ храбрости и молодечества. Таковыхъ новичковъ почему-то называли (и понынѣ еще называютъ) „фуксами“ (Fuchs, лиса). И въ Дерптской гимназіи слѣдовательно господствовалъ обычай „die Füchse zu schrauben“, прессовать лисъ, т.-е. подтрунивать надъ ними. Наилюбимѣйшимъ пріемомъ таковаго „прессованія“ было извѣстное и на Руси „чествованіе“ качаніемъ на рукахъ, только съ тою разницею, что „фукса“ не просто только качали съ должной осторожностію, а наоборотъ, безъ всякой осторожности по нѣскольку разъ неровно и высоко подбрасывали на воздухъ, такъ что подбрасываемый того и жди, что ударится объ полъ.

Въ первый день моего появленія въ обществѣ „квартанеровъ“ *), они только искоса посматривали на меня, а въ паузахъ между лекціями разспрашивали: кто и откуда я? сколько мнѣ лѣтъ? гдѣ я прежде учился? и т. п. Иногда только кое-гдѣ слышалось: „Solch ein Knirps!“ — „Wie hat man den zu uns gelassen?“ (Такой мальчуганчикъ! Какъ это его къ намъ-то допустили!)

Но на другое утро, когда я, какъ и другіе, по установленному порядку, пришелъ въ классъ четверть-часомъ раньше начатія лекцій, всѣ прочіе ученики были уже собравшись и,

---

*) Quartani, Quartaner, ученики 4-го класса.

увидѣвъ меня, закричали: „den Fuchs prellen! den Fuchs prellen!“ *) Мое мѣсто, какъ послѣдне-поступившаго, было на самой задней скамейкѣ, близъ боковой стѣны, но отъ скамейки до задней стѣны оставалось много пространства. Едва успѣлъ я положить на столъ свой ранецъ, какъ нѣсколько рукъ сразу меня подхватили и подняли, другіе схватили ноги и подбрасывали. Но къ удивленію ихъ я не полетѣлъ кверху, а напротивъ, сталъ сильно размахивать ногами во всѣ стороны, такъ что державшіе ноги, не ожидая такого дѣйствія, невольно отступили. Дѣло было въ томъ, что когда меня схватили за туловище, чтобы поднять, я, какъ бывшій ученикъ ваккербартсрускаго гимнаста „онкеля Букка“, успѣлъ быстро обернуться и крѣпко обхватить обѣими руками шею ближайшаго противника, такъ что, когда прочіе подбрасывали мои ноги и тѣло, я, повиснувъ у него на шеѣ, началъ невольно прижимать ее и въ то же время брыкаться ногами. Когда же озадаченные квартанеры отступили и оттого мои ноги сами собою очутились на полу, тогда я расплелъ руки и выпустилъ шею совершенно обомлѣвшаго отъ испуга и боли товарища. Затѣмъ мигомъ вытащивъ изъ своего кармана ножикъ и раскрывъ его, я проскочилъ въ близкій отъ меня задній уголъ, сталъ къ нему спиною въ твердую позицію, и закричалъ (конечно по-нѣмецки): „Подойдите-ка только! Перваго, кто меня тронетъ, пырну ножемъ!“ — Все это произошло въ теченіе не болѣе одной минуты.

Въ этотъ самый моментъ раздался низкозвучный энергичный голосъ: „Оставить фукса въ покоѣ! Я беру его подъ свою защиту!“ — Всѣ, повинуясь, отошли отъ меня.

Это былъ самъ *Primus* (старшій по классу) *Грегоръ фонъ Гельмерсенъ* **), брюнетъ лѣтъ шестнадцати, высокій и полный, съ выдающимся на смугломъ лицѣ ястребинымъ носомъ. Онъ протянулъ мнѣ руку, въ которую я смѣло положлъ свою, и похвалилъ меня за находчивость, ловкость и силу.

Послѣ того подошли и прочіе, также протягивали руки и также хвалили находчивость фукса.

---

*) «Подбрасывать лису!»

**) Григорій фонъ Гельмерсенъ позже поступилъ въ Горный институтъ въ С.-Петербургѣ.

Когда же въ свое время явился учитель, всѣ мы спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Съ тѣхъ поръ меня фуксомъ уже не считали, а относились ко мнѣ, какъ къ равному товарищу. Вообще должно признаться, что господствующій тогда въ нашей гимназіи духъ никакъ не былъ такого свойства, чтобы усмирять врожденныя мои наклонности къ воинственности, а напротивъ, еще пуще ихъ развивалъ. Когда по воскреснымъ или другимъ праздничнымъ днямъ наша „Кварта", по предварительному соглашенію, собиралась на „Шпильбергѣ", насупротивъ башенъ собора, то любимѣйшими нашими играми были или „атака" или „турниръ". Первая исполнялась слѣдующимъ порядкомъ. Раздѣлялись по жребію на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая выбирала себѣ предводителя. Партіи эти, ставши другъ противъ друга, на разстояніи десяти шаговъ, выстраивались въ плотныя шеренги, а каждый отдѣльный „воинъ" скрестивъ руки на груди, выдвигалъ правое плечо впередъ. По данному предводителями сигналу, обѣ „боевыя" линіи плавно сходились и начинали другъ друга пихать плечами. Задача состояла въ томъ, чтобы одна шеренга вытѣснила другую съ позиціи и отбросила ее шаговъ на пять назадъ. Руками тутъ дѣйствовать не дозволялось; члены воевавшихъ колоннъ должны были единственно дѣйствовать правымъ плечомъ. Побѣдители имѣли право садиться верхомъ на побѣжденныхъ, и тріумфальной кавалькадою объѣзжать кругомъ все пространство Шпильберга.

Когда же рѣшено было играть въ турниръ, тогда старшіе, слѣдовательно болѣе плотные и сильные, товарищи выбирали себѣ партнеровъ изъ младшихъ, которые должны были сѣсть первымъ на плечи; ноги сѣдока крѣпко поддерживались руками несшаго его. Сѣдокъ представлялъ „рыцаря", несущій его — „боеваго коня". Выбиралось трое судей и четыре „герольда": судьи должны были рѣшать, на чьей сторонѣ побѣда, а герольды наблюдать за правильностью и честностью турнира. Порядокъ состязанія опредѣлялся по жребію, нумерами на билетикахъ, которые „рыцари" вынимали изъ шапки старшаго судьи. Получившіе №№ 1-й и 2-й „рыцари", выѣхавъ гордо на своихъ „коняхъ", были поставлены герольдами такъ одинъ противъ другаго, чтобы солнечные лучи равною долею падали

на того и на другого бойца, а затѣмъ старшій судья маханіемъ платка подавалъ знакъ къ начатію состязанія. Тогда бойцы приближались другъ къ другу: каждый „конь“ толкалъ другаго плечами и тѣломъ, стараясь выбить его съ позиціи, а „рыцари“ схватывались руками и силились сбросить одинъ другаго съ коня. Послѣ №№ 1-го и 2-го, вступали въ бой №№ 3-й и 4-й, а потомъ №№ 5-й и 6-й и т. д. Дозволялось только схватываться руками, а толкать кулаками или же бить строго запрещалось. Когда что-либо подобное было пущено въ дѣло, то всѣ четыре „герольда“ тотчасъ бросались разнимать бойцовъ, и судьи „нечестно турнировавшаго рыцаря“ въ 1-й разъ объявляли побѣжденнымъ, а за 2-й разъ лишали права участвовать въ турнирахъ.

Случалось однакоже иногда, что уединенный Шпильбергъ служилъ не только ристалищемъ для рыцарскихъ турнировъ и воинственныхъ игръ, но также и полемъ дѣйствительныхъ сраженій, въ видѣ кулачныхъ боевъ между соединенными арміями Кварты и Квинты „классической“ гимназіи съ одной стороны и соединенными силами представителей „реальнаго направленія“, т.-е. учениковъ двукласснаго уѣзднаго училища (Kreisschule) съ другой стороны. Изъ этого видно, что горячій „споръ о преимуществѣ классической или реальной системы образованія юношества“ - весьма уже старый. Разница только въ томъ, что доводы и аргументы на Шпильбергѣ излагались съ каждой стороны гораздо горячѣе, а къ тому же въ весьма вѣскихъ и чувствительныхъ формахъ.

Нельзя не отдать справедливости основно-установленному тогда вообще въ Дерптской гимназіи методу преподаванія научныхъ предметовъ въ томъ, что послѣднее не налегало преимущественно и непосредственно на память, а старалось, сколь возможно удобопонятнымъ для юной еще силы уразумѣнія изложеніемъ и толкованіемъ вызвать въ обучаемыхъ живое воспринятіе. Большое, конечно, значеніе имѣетъ также индивидуальная оживленность самого преподавателя, потому что она невольно возбуждаетъ интеллектуальную силу учащихся къ дѣятельности, между тѣмъ какъ сухое, педантическое преподаваніе нѣсколько усыпляетъ, слѣдовательно ослабляетъ эту силу.

Г. Фрейтагъ, хотя и придерживался метода яснаго, удобо-

понятнаго толкованія, но не умѣлъ насъ достаточно оживлять: преподаваніе его отзывалось нѣкоторой педантической сухостью. Зато гг. *Хахфельдъ* (по географіи) и *Бубрихъ* (по исторіи) своими весьма оживленными, словно картинными изложеніями заставляли, какъ бы шутя, мое воображеніе отчетливо работать, такъ что все ими разсказанное, само собою, безъ труда укладывалось въ памяти. Не менѣе успѣшно шли уроки высшей ариѳметики и планиметріи у старшаго учителя г. *Соколовскаго*, потому что для этихъ предметовъ требуется работа не памяти, а соображенія, т.-е. здраваго смысла. Довольно оживленно также преподавалъ старшій учитель г. *Германнъ* уроки нѣмецкаго языка и въ особенности декламаціи; но у него былъ одинъ большой порокъ: онъ былъ уроженецъ города Дрездена, и выговаривалъ нѣмецкія слова какъ истый саксонецъ, напр. Kassenpup вмѣсто Gassenbub и т. п. Насчетъ же метрики онъ дѣйствительно, какъ говорится, „собаку съѣлъ". Весьма слабо, напротивъ того, шли уроки русскаго языка у младшаго учителя г. *Тихвинскаго,* малоросса и бывшаго питомца Кіевской семинаріи. Правда, впрочемъ, что правила русскаго языка въ то время вообще преимущественно изучались практическимъ путемъ, помощью чтенія и анализа твореній новѣйшихъ писаталей (Карамзина, Озерова, Гнѣдича, Крылова, Батюшкова, и только-что въ славу тогда входящаго Жуковскаго); но этимъ мы у г. Тихвинскаго не занимались.

А лучшей вообще русской грамматикою пока еще, кажется, считалось твореніе нѣмца на нѣмецкомъ же языкѣ: „Russische Sprachlehre von Dr. Wilhelm Tappe, Oberlehrer an der St. Peter-Pauls-Schule zu St. Petersbourg 1810. По этой грамматикѣ учили же и насъ въ Дерптской гимназіи*).

Сынъ упомянутаго выше г. Германна, Теодоръ, былъ почти двумя годами старше меня и сантиментально-поэтическаго настроенія. Вслѣдствіе прилежнаго изученія книги своего отца о метрикѣ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ стихотворцевъ, онъ пристрастился къ писанію виршей. Нашедши во мнѣ толикую же долю поэтической (хотя и не сантиментальной, а

---

*) Съ граматиками Н. Греча и А. Востокова я познакомился позже, въ 1828 г., когда я слушалъ лекціи профессора русской литературы г. Перевощикова.

болѣе къ веселому юмору клонящейся) натуры да нѣкую также страсть къ „виршествованію“, Теодоръ подружился со мною. А такъ какъ, по убѣжденію Теодора, главная суть стихотворства должна была заключаться въ „полномъ владѣніи всѣми возможными метрическими формами“, то мы съ нимъ и условились, всѣ наши разговоры, чего бы таковые не касались, всегда облекать въ различныя „по очереди“ метрическія формы, напр., одинъ день говорить все гексаметрами или дистихами, на другой день — тяжелыми Софокловыми анапестами, на третій Торквато-Тассовскими ottave-rime, на четвертый — стихами новѣйшихъ формъ à la Göthe, Schiller или Voss, и т. д.; и т. д.

Вотъ и начали мы, вмѣсто того напр., чтобы просто сказать: „Guten Morgen! wie hast du geschlafen?*)“ высокопарно другъ друга такъ „апострофировать:“

„Guten Morgen, mein Freund! es sei dir Phöbus geneiget!
„Hat dir die Göttin des Schlafs freundliche Träume gewährt? **)“

А иной разъ и такъ:

„Guten Morgen
„Sonder Sorgen
„Wünsch', o Freund, ich Dir!
„Glückt's zu thuhen
„Wohl zu ruhen,
„Ist's zur Freude mir!“ ***) и т. п.

Поупражнявшись въ теченіе почти года на таковомъ „парнасскомъ жаргонѣ“, мы съ Теодоромъ Германнъ получили такую рутину въ стихо- и риѳмо-плетеніи, что иной разъ даже крайне затруднялись говорить простою, обыкновенною рѣчью какъ всѣ прочіе смертные.

---

*) Доброе утро! какъ ты спалъ?

**) Доброе утро, мой другъ! будь Фебъ къ тебѣ благосклоненъ!
Сна богиня ль тебѣ сладковидѣнья дала?

***) Добро утро
Безъ заботы
Богъ пошли тебѣ!
Коль удался
Сонъ спокойный,
То отрадно мнѣ.

Тѣмъ временемъ наступилъ май мѣсяцъ 1824 года, а съ нимъ и годичные экзамены. Хорошо ихъ выдержавъ и будучи переведенъ въ „Терцію", я поѣхалъ домой, въ Петербургъ, на каникулы.

Затѣмъ насталъ и августъ мѣсяцъ, а съ нимъ и новый учебный годъ. Не „квартанеромъ", не „мальчуганомъ" глядѣлъ и выступалъ уже я, а „юношей-терціанеромъ", готовившимся, подъ руководствомъ самого директора гимназіи, г. д-ра Карла Розенбергера, читать и переводить „Caji Julii Caesaris commentarium de bello gallico".

Прошло нѣсколько недѣль пока дошла и до меня очередь быть вызваннымъ къ переводу. Въ это полугодіе предполагалось пройти три послѣднія книги (VI—VIII) комментарія. Пока читалась VI-я книга, я свои переводы готовилъ по принятому искони обычаю, т.-е. въ прозѣ; но когда мы дошли до геройскаго возстанія Арвернскаго князя Верцингеторикса, духъ „піитическаго тщеславія", зѣло меня искусивъ, натолкнулъ на мысль, подражать лавровѣнчанному поэту Торквату-Тассу и приготовить переводъ въ восьмистишіяхъ, которыя я твердо выдолбилъ наизусть.

Насталъ великій день ожидаемаго торжества, ибо по нѣкоторому, въ предшествующемъ урокѣ, сильному марганію глазами г. Розенбергера и грозному метанію взглядовъ въ мою сторону всѣ были увѣрены, что на сей разъ я непремѣнно буду вызванъ. И впрямь, едва г. Розенбергеръ занялъ свое мѣсто у каѳедры, какъ тотчасъ и возгласилъ: „Arnolde! Tibi hodie Caesaris commentarii continuationem germanicis nobis verbis reddere oportet. Ita, mi fili, incipe!" *)

Я всталъ и началъ: „Libri septimi, capitulum quartum. Simili ratione ibi Vercingetorix, Celtilli filius, Arvernus" **) и. т. д. Послѣ прочтенія оригинала надлежало дѣлать аналитическую переконструкцію, а когда и это было исполнено, послѣдовала команда: „Verte germanice" ***).

---

*) «Арнольдъ! сегодня тебѣ слѣдуетъ переводить намъ на нѣмецкій языкъ продолженіе комментарія Цезаря. Итакъ, сынъ мой, начинай!»

**) Начало 4-ой главы седьмой книги означеннаго творенія въ оригиналѣ.

***) «Переводи по-нѣмецки».

Собравшись съ духомъ, я началъ не безъ нѣкотораго паѳоса и съ отчетливой скандировкой:

„Damals geschah'es, dass zu gleichen Zwecken,
„Vercingetorix, des Celtillus Sohn,
„Arverner, — um den Aufruhr zu erwecken"... *)

Далѣе — увы! — продолжать не удалось! Чуть-чуть не поперхнулся я даже на послѣднемъ словѣ, ибо предо мною стояла съ покраснѣвшимъ грознымъ лицомъ, быстро, какъ молнія, соскочившая съ каѳедры маленькая фигурка д-ра Розенбергера. „Halt! halt! genug!"**) оралъ онъ самымъ гнѣвнымъ голосомъ, почти дискантомъ. „Это какіе вы еще стихи изволите намъ рецитировать? какимъ это вы новымъ воспользовались ослинымъ мостомъ? ***) По окончаніи уроковъ приказываю вамъ оставатся туть до самаго вечера подъ арестомъ!"

„Г. директоръ!" взмолился я: „это не чужое, — это не съ ослинаго моста, — это мой собственный переводъ, — извольте посмотрѣть!" И я быстро, выхвативъ изъ кармана тетрадь, въ которой находилась черновая рукопись, со всѣми сдѣланными въ стихахъ поправками, представилъ ее ему.

Г. Розенбергеръ, успѣвъ нѣсколько успокоиться, взялъ тетрадь и сталъ читать про себя, мурлыкая: „Zwecken, — — erwecken, — — decken"; hm! — „Sohn — — schon, — — Thron", hm! — „erhalten, — — Gewalten", hm! ****) Потомъ сказалъ совершенно спокойнымъ уже, но нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ: „Вижу, вижу, что стихи-то собственной вашей фабрикаціи, но рѣшеніе мое перемѣнить не могу. Pro primo: Юлій Цезарь своего комментарія стихами не писалъ, а pro secundo: еслибъ и писалъ его стихами, то уже навѣрно — не такими бы плохими виршами"...

---

*) „Во время оно, то жъ питавъ желанье,
„Верцингеториксъ, сынъ Цельтилла, самъ
„Арвернецъ, чтобы возжигать возстанье...

**) „Стойте! стойте! довольно!"

***) Ослинымъ мостомъ классическими педантами прошлаго вѣка былъ названъ всякій печатный переводъ творенія какого-либо античнаго автора. А почему дано такое названіе — само собою легко объяснимо.

****) Это онъ произносилъ слова составлявшія римѳы соотвѣтствующихъ строкъ перваго осмистишія злополучнаго моего перевода, сопровождая ихъ восклицаніями: *гмъ!*

Съ этого же втораго полугодія 1824-го года, въ награду за переходъ мой изъ Кварты въ Терцію, отецъ разрѣшилъ мнѣ не только вновь систематически заниматься фортепіанной игрою, но также и брать уроки пѣнія. Съ этой цѣлью г. Хахфельдъ пригласилъ лучшаго тогда въ Дерптѣ учителя, г. Августа Ф. Вейраухъ, родомъ саксонца. Какъ фортепіанистъ былъ онъ, кажется ученикомъ Лудвига Бергера, который съ своей стороны былъ ученикомъ Клементи. Пѣніе г. фонъ-Вейраухъ изучалъ у Ваккаи, а теорію музыки у Азіоли. Онъ былъ не только превосходнымъ музыкантомъ, но вообще многосторонне-образованнымъ человѣкомъ и даже нѣсколько выдающимся нѣмецкимъ поэтомъ. Изъ числа литературныхъ его произведеній драма „Die Stände von Blois“ была дана на дрезденской придворной сценѣ, а позже появилась и въ печати; а изъ музыкальныхъ его сочиненій романсъ (на собственныя слова) „Nach Osten hin, nach Osten“ получилъ большое распространеніе *).

Какъ учитель онъ выказалъ великую добросовѣстность, не безъ примѣси педантической строгости, при чемъ иногда горячился и доходилъ до ручной расправы. У меня, напр., ему, видно, въ особенности полюбился весьма густой тогда курчавый мой чубъ. Да проститъ его Богъ, ибо все-таки я многимъ ему обязанъ. Преимущественно хорошо умѣлъ онъ научить правильному положенію рукъ и методическому слѣдованію пальцевъ (doigter, аппликатура) и тщательно вырабатывалъ нормальную постановку голоса (mesa di voce). Лучшей и люби-

---

*) Текстъ этого романса былъ въ 20-хъ годахъ великолѣпно переведенъ В. А. Жуковскимъ на русскій языкъ, а мелодіею (съ русскимъ уже текстомъ „Къ востоку, все къ востоку“) воспользовался въ 30-хъ годахъ А. С. Даргомыжскій для прелестнаго его тріо (меццо-сопрано, теноръ и басъ). Въ 40-хъ годахъ появилось въ Парижѣ изданіе этого романса съ текстомъ Mr. *** „Adieu“, — при чемъ авторомъ музыки былъ выставленъ Францъ Шубертъ. Между тѣмъ ни въ вѣнскихъ (подлинныхъ), ни въ лейпцигскихъ (тщательнѣйшихъ) изданіяхъ полнѣйшаго сборника романсовъ Шуберта этой пѣсни нѣтъ, и, конечно, быть даже не могло. Каково же было мое удивленіе, когда въ 1871 году я въ Москвѣ увидѣлъ изданіе г. Юргенсона пѣсенъ Шуберта „подъ редакціею Н. Гр. Рубинштейна“, въ которомъ красовался также романсъ „Прости“ (въ переводѣ А. Н. Плещеева „Близка пора разлуки“) по стопамъ легкомысленнаго французскаго издателя столь же неосновательно приписанный Шуберту!!! Въ 1825-мъ году г. фонъ-Вейраухъ переселился въ Дрезденъ.

мѣйшей его ученицею считалась (какъ говорили тогда въ Дерптѣ) одна родственница профессора д-ра Мойера, пѣніе которой однакоже мнѣ слушать не приходилось.

10-го ноября получены были въ Дерптѣ первыя, не вполнѣ ясныя еще вѣсти о страшномъ 7-го числа наводненіи въ Петербургѣ и конечно сильно меня перепугали, потому что родители мои въ то время жили противъ новаго Адмиралтейства, на Мойкѣ, на углу Англійскаго проспекта (гдѣ нынѣ находится дворецъ Великаго Князя Алексѣя Александровича), а по распространившимся слухамъ, эта сторона также значительно пострадала. Дня черезъ два или три, наконецъ, появился въ Дерптѣ нумеръ St.-Petersburger Deutsche Zeitung съ подробнымъ описаніемъ наводненія, да и самъ я получилъ письмо отъ старшаго брата Александра. „Изъ Мойки, — писалъ онъ, — около обѣденнаго времени, т.-е. въ 4-мъ часу дня, на нашъ дворъ и въ садъ начала быстро приливать вода и поднималась все выше и выше, такъ что часа черезъ два дошла почти уже до балкона втораго этажа. Изъ сосѣдства притащились къ намъ нѣсколько семействъ съ своими пожитками. Отецъ вó-время еще успѣлъ пріѣхать изъ дворца, но колеса коляски до половины катились въ волнахъ. Отпряженныхъ лошадей кучеръ втащилъ вверхъ по парадной лѣстницѣ на площадку у входа въ квартиру“. Братъ Александръ, будучи задержаннымъ въ департаментѣ, вмѣстѣ съ другими чиновниками, живущими вблизи Офицерской и Екатерингофскаго проспекта, добылъ себѣ лодку, изъ которой и высадился онъ на балконъ нашего дома. Чтобы впустить его, пришлось выставить внутреннюю, зимнюю раму балконной двери. Сынъ же дяди Шпальте, Егоръ Густавовичъ, сослуживецъ Александра, жившій у отца, который пользовался помѣщеніемъ въ зданіи государственнаго банка, по набережной Екатерининскаго канала, нанялъ извощика съ дрожками малаго калибра, т.-е. съ такъ называемой „гитарою“. Пока онъ доѣхалъ по Невскому проспекту до Казанскаго моста, все болѣе и болѣе прибывавшая вода принудила его и возницу подняться и держаться на ногахъ. Когда же они повернули направо вдоль набережной канала, то имъ пришлось уже встать на самое сидѣніе, поддерживая другъ друга. Въ такомъ-то положеніи дотащились они шагомъ до банковскаго зданія, выходящаго

въ переулокъ, который ведетъ на Садовую, и встали подъ одно изъ оконъ квартиры. Тутъ молодой Шпальте постучалъ въ окно. Услыхавъ стукъ, отецъ отворилъ форточку и помогъ сыну влѣзть черезъ нее. Извощикъ же погналъ лошадку, сказавъ, что надѣется добраться до Измайловскихъ казармъ на свою квартиру.

XV.

Въ „Терціи" началось вообще болѣе серьезное изученіе предметовъ, которые по этой причинѣ исключительно преподавались одними только „старшими" учителями. По части латинскаго языка мы занимались у двухъ наставниковъ: у вышеупомянутаго директора *Розенбергера* и у г. *Мальмгрена*. Но первый считался какъ бы только адъюнктомъ, а главнымъ на самомъ дѣлѣ преподавателемъ латинскаго языка былъ второй. Г. *С. Мальмгренъ,* родомъ шведъ, имѣлъ весьма высоко въ то время чтимое званіе доктора филологіи всемірно славившагося Упсальскаго университета. Его выговоръ латинскаго языка звучалъ такъ элегантно и мелодично, какъ мнѣ позже не приходилось болѣе слышать ни отъ кого, не исключая даже многихъ знаменитыхъ германскихъ филологовъ *). Г. Мальмгренъ занимался съ нами четыре раза въ недѣлю по часу: два урока посвящались чтенію Овидіевыхъ „Метаморфозъ", а другіе два урока изученію подробнаго синтаксиса. Чтеніе Овидіевой поэмы производилось весьма тщательно: г. Мальмгренъ, строго требовалъ, чтобы мы читали стихи Овидія

„Не такъ какъ понамарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой",

да съ соблюденіемъ точнаго ритма стиховъ. Послѣ перевода какого-нибудь предложенія, особенно выдающагося поэтическими метафорами, мы должны были передать его по-латынѣ же, другою конструкціею и другими словами. А словосложеніе

---

*) Изъ числа всѣхъ латинистовъ, съ которыми впослѣдствіи свела меня судьба, по сужденію (музыкальнаго) моего слуха, къ д-ру Мальмгрену, относительно именно-то образцоваго выговора, ближе всего подходили только бывшій профессоръ Бернскаго университета д-ръ философіи *Лудвигъ Эккартъ* (уроженецъ г. Вѣны), да славный нашъ соотечественникъ, профессоръ прежде Московскаго, а нынѣ Новороссійскаго университета, д-ръ филологіи *Ѳеодоръ Евгеніевичъ Коршъ*.

преподавалъ г. Мальмгренъ не только теоретически, но и практически, заставляя насъ сочинять письма и коротенькія статейки. Вызванные переписывали на доску свои произведенія, а остальные должны были критиковать да поправлять. Однимъ словомъ, г. Мальмгренъ училъ насъ такъ-называемому „мертвому" языку, какъ хорошими преподавателями принято учить „живымъ", т.-е. современнымъ языкамъ.

Равномѣрно любили мы также уроки исторіи у г. *Хахфельдъ,* который своимъ лекціямъ умѣлъ придавать особенное оживленіе своимъ поэтическимъ направленіемъ. Въ подходящіе моменты онъ читывалъ намъ (конечно въ нѣмецкомъ переводѣ) относящіяся къ предмету мѣста изъ произведеній древнихъ поэтовъ или лѣтописцевъ.

Такъ, напр., говоря о древнихъ египтянахъ и ассирійцахъ онъ читывалъ намъ повѣствованія Геродота; упоминая о троянской войнѣ, приводилъ отборныя мѣста изъ Иліады Гомера; исторія Эдипа и его сыновей сопровождалась сценами изъ трагедій Софокла и Эсхила. Съ подробностями войнъ эллиновъ съ персами онъ насъ знакомилъ помощью Ѳукидида; съ характеристикою нѣкоторыхъ позднѣйшихъ героевъ — приведеніемъ мѣстъ изъ Плутарха; съ нравами аѳинянъ времени Перикла, — чтеніемъ изъ комедій Аристофана и т. п. Также и для вящшаго разъясненія средней исторіи онъ умѣлъ находить подходящій поэтическій матеріалъ. Исторія Карла Великаго иллюстрирована была имъ чтеніями изъ „Хроники" епископа Григорія Турскаго и изъ „Пѣсни о Роландѣ" *). Повѣствованіе объ окончательномъ дѣленіи владѣній Карла Великаго на Германію и Францію въ 842 г. сопровождалось сообщеніемъ въ оригинальныхъ нарѣчіяхъ торжественныхъ клятвъ Людовика Германца и Карла Лысаго, произнесенныхъ ими въ присутствіи ихъ воиновъ, на Страсбургскомъ полѣ **); кровавая борьба англійскихъ принцевъ Бѣлой и Алой розы добавлялась отрывками изъ трагедій Шекспира, (въ переводѣ Шлегеля); характеристика императора Максимиліана I, разъяснялась мѣ-

---

*) „Das Rolandslied", сочиненіе священника Конрада (Pfaffe Konrad) около 1175 года, подражаніе еще болѣе древней французской (франко-галльской) эпопеи.

**) Первый произнесъ клятву на франко-галльскомъ, второй на франко-германскомъ языкѣ.

стами изъ старинной поэмы „Theuerdank“ *), и т. д. Иногда г. Хахфельдъ приносилъ съ собою какую-нибудь средневѣковую хронику и читалъ намъ уже прямо изъ нея разсказы объ историческихъ происшествіяхъ, такъ что послѣднія, въ передачѣ ихъ на современномъ имъ нарѣчіи, получали какую-то особенную, увлекательную окраску. Во мнѣ же спеціально съ тѣхъ поръ и возродилась особенная страсть къ древнимъ трактатамъ и хроникамъ, такъ что и понынѣ еще не могу равнодушно видѣть лежащій на столѣ какой-нибудь, стариною отзывающійся, фоліантъ; невольно порываюсь открыть и хоть мелькомъ просмотрѣть его.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года умерла г-жа Хахфельдъ, а вслѣдствіе того домашняя обстановка этого семейства совершенно измѣнилась, такъ что г. Хахфельдъ не нашелъ болѣе ни удобнымъ, ни даже возможнымъ содержать у себя пансіонеровъ. По его же рекомендаціи я былъ помѣщенъ въ семейство пастора-адъюнкта г. Юлія Бубрихъ, младшаго брата, вышеупомянутаго гимназіальнаго учителя. Новый мой попечитель жительствовалъ неподалеку отъ гимназіи. Семейство его состояло изъ жены, сына Теодора, однихъ почти со мною лѣтъ, малютки дочери и пансіонера-гимназиста Генр. Тондорфъ. Послѣдняго я уже зналъ, такъ какъ онъ хотя и двумя годами старше меня, былъ моимъ товарищемъ по „Терціи“. Молодой же Бубрихъ былъ „квартанеромъ“ и весьма пустымъ малымъ.

Г. пасторъ былъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, брюнетъ, небольшаго роста, съ полнымъ румянымъ и довольно пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ баккенбардами и съ кругленькимъ, какъ нѣмцы говорятъ, „поповскимъ брюшкомъ“ (Pfaffenbäuchlein). Человѣкъ онъ былъ, можно сказать, разносторонне-образованный и обладалъ свѣтскими манерами тогдашнихъ лифляндскихъ нѣмцевъ интеллигентной сферы. Кромѣ того онъ очень любилъ музыку, съ литературою которой онъ былъ хорошо знакомъ, даже имѣлъ отборную музыкальную библіотеку, порядочно игралъ на фортепіано и пѣвалъ, не безъ вкуса, изряднымъ теноркомъ. Характера пасторъ Бубрихъ оказался мягкаго, а нрава веселаго, и вообще былъ милый, любезный

*) Поэма Мельхіора Пфинцингеръ, секретаря самого Максимиліана, сочиненная около 1515 года.

человѣкъ. Но такъ какъ на земномъ нашемъ шарѣ совершенствъ не бываетъ, то и у добраго нашего Юлія Бубриха нашелся маленькій недостаточекъ: онъ любилъ нѣсколько лелѣять свой мамончикъ и не имѣлъ даже силы отказать ему въ какой-нибудь сласти, что̀ иногда давало поводъ къ довольно забавнымъ сценамъ. Такъ, напр., я помню, разъ онъ возвратился домой изъ уѣзднаго училища, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ Закона Божія. Столъ къ обѣду былъ уже накрытъ, и мы всѣ стояли у своихъ стульевъ, выжидая появленія главы дома, перемѣнявшаго въ своей спальной выходное платье на домашній костюмъ. Наконецъ, выходитъ г. пасторъ и говоритъ меланхолическимъ голосомъ: „Садитесь, садитесь, мои любезные! Ты, мамочка, — обращается онъ къ женѣ, — разливай супъ, а я пока около васъ похожу. Мнѣ что-то не совсѣмъ можется“. — „Ахъ!“ восклицаетъ пасторша, придавая своей физіономіи соотвѣтственное выраженіе: „надѣюсь, что не опасно? Да, ужъ очень некстати!“ — „А что?“ любопытствуетъ г. Бубрихъ. — „А то“, отвѣчаетъ она, „что сегодня какъ разъ любимый твой супъ: mok-turtle! *) — не изготовить ли тебѣ наскоро хоть овсянаго отвара?“ — „Брръ!“ слышится со стороны мужа, „нѣтъ, душечка; налей мнѣ немножко mok-turtle, ну съ полтарелочки или хоть неполную тарелку; попробую, авось не повредитъ!“ И садится нашъ хозяинъ, и хотя все еще по временамъ охаетъ, а между тѣмъ налитая ему заботливою хозяйкою преполная даже порція черепашьей похлебки исправно опоражнивается. Но вотъ нашъ пасторъ встаетъ и опять прохаживается, охая. Между тѣмъ кухарка ставитъ на столъ второе уже блюдо. Хозяйка приступаетъ къ раздаванію поданнаго. Г. Бубрихъ пошевеливаетъ носомъ и вдыхаетъ въ себя несущійся ему навстрѣчу ароматъ. „Мамочка, это, кажется, фрикассе изъ зайца?“ — „Да, папочка, фрикассе изъ зайца“. — Хозяинъ все еще похаживаетъ, пока намъ раздаютъ, но похаживаетъ уже въ раздумьѣ; наконецъ не вытерпѣлъ: „Дай-ка, мамочка, кусочекъ и мнѣ. Попробую; авось не повредитъ!“ А на его тарелкѣ лежатъ уже два-три кусочка. Когда онъ съ ними покончилъ, то спросилъ уже самъ: „А третьимъ блюдомъ-то что у тебя?“ —

*) Черепашій супъ.

„Kirschtörtchen“ (пирожки съ вишневой начинкою). — „Знаешь что, мамочка, ты положи мнѣ немножко, а я пока подкрѣплю себя рюмочкой малаги; тогда оно будетъ безопаснѣе“. Сказано — сдѣлано, а между тѣмъ нѣжная супруга накладываетъ на его тарелку съ два десятка пирожковъ! — Ничего! недугъ г. Бубриха прошелъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Хотя и была у пастора Бубриха эта маленькая слабость, но вообще мы съ нимъ прекрасно ладили Къ тому же, такъ какъ въ книгѣ судебъ человѣческихъ вѣроятно въ то уже время мнѣ было написано сдѣлаться современемъ серьезнымъ музыкантомъ, то для раціональной подготовки къ этому поприщу едва ли можно было тогда найти болѣе подходящихъ руководителей для меня какъ двухъ братьевъ Бубрихъ. Выше уже я упоминалъ, что у пастора Бубриха была довольно отборная музыкальная библіотека и что самъ онъ порядочно игралъ на фортепіано, да пѣлъ теноромъ. Братъ же его владѣлъ довольно хорошимъ басомъ и сносно игралъ на скрипкѣ. Товарищъ мой, Тондорфъ, могъ, въ случаѣ необходимости, справляться съ баритонными партіями, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, а у меня былъ довольно объемистый, и моимъ маэстро Вейраухомъ нѣсколько уже выработанный, альтъ. У насъ нашелся даже сильный и высокій (хотя правду сказать, нѣсколько пискливый) сопрано, въ лицѣ двоюродной сестрицы нашей г-жи пасторши: она была учительницей городскаго женскаго училища (Städtische Töchterschule), дѣвица „необъявимыхъ лѣтъ“, но съ музыкальнымъ инстинктомъ и безъ чопорныхъ претензій. Такимъ образомъ, по вечерамъ, въ воскресенье и праздничные дни уже непремѣнно, а иногда и въ будни, составлялись свои концерты, по большей части экспромтомъ, т.-е. безъ всякаго приготовленія и безъ напередъ установленной программы. Исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта*) и увертюры тогдашняго репертуара (западной Европы) въ переложеніи для фортепіано въ 4 руки; это выпадало на долю г. пастора вмѣстѣ со мною. Сонаты тѣхъ же вѣнскихъ двухъ классиковъ, преимущественно для скрипки съ фортепіано, откачивали два брата Бубрихъ, а иногда и я замѣ-

---

*) Творенія Бетховена въ то время даже и въ Германіи находили себѣ весьма малое только еще распространеніе.

нялъ пастора-піаниста. Но преимущественно интересовали насъ исполненія (a prima vista) ораторій и оперъ, потому что въ этомъ участвовала вся честная компанія. Боже мой, чего только мы не перепѣвали въ теченіе полутора года. Тутъ были оперы и до-Моцартовской даже эпохи, и французской школы раньше Бойельде, и творенія послѣднихъ годовъ до Фрейщюца включительно. Изъ ораторій, кромѣ двухъ знаменитѣйшихъ твореній Гайдна, я такимъ образомъ познакомился также съ произведеніями: Грауна (Der Tod Jesu), Фридр. Шнейдера (Das Weltgericht), съ многоголосной кантатою Линдпайнтнера (Te Deum) и съ мелодрамою Георга Бенды (Ariadne auf Naxos). Что между пѣтыми нашимъ кругомъ операми были сочиненія Глюка (Alceste, Orpheus, Armida и обѣ Ифигеніи), Моцарта (Zauberflöte, Titus, Die Entführung aus dem Serail, Idomeneus), Керубини (Der Wasserträger, Lodoïska), Спонтини (Die Vestalin), Россини (Der Barbier von Seviglia, Der glückliche Betrogene, Aschenbrödel, Die diebische Elster) и Вебера (Abu-Hassan oder die drei Wünsche, Preziosa, Der Freischütz), конечно, никого не удивитъ, хотя и межъ этими операми встрѣчаются такія названія, которыя изрѣдка только доходятъ до свѣдѣнія нынѣшнихъ любителей музыки. Но на нашихъ домашнихъ концертахъ распѣвались и такія оперы, про которыя нынѣ даже изъ настоящихъ музыкантовъ развѣ двумъ-тремъ только случалось кое-гдѣ прочесть, но которыя въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ довольно часто встрѣчались въ репертуарѣ первѣйшихъ европейскихъ театровъ. Такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ репертуарѣ могутъ пополнить понятіе о музыкальномъ вкусѣ тогдашней публики, то я сообщаю здѣсь названія тѣхъ оперъ въ томъ же порядкѣ, какъ они записаны на старыхъ моихъ памятныхъ листкахъ: Ditters von Dittersdorf (Der Betrug durch Aberglauben, Die Liebe im Narrenhause); Jos. Weygl (Der Bergsturz, Die Schweizerfamilie); Cimarosa (Die heimliche Ehe); Naumann (Cora); Abt Vogler (Zamori, Hermann von Unna); Paisiello (Nina oder die Wahnsinnige aus Liebe, Die Herrin als Dienerin); Joh. Adam Hiller (Die Jagd; Die Liebe auf dem Lande; Der Erndtekranz); P. v. Winter (Die Pyramiden von Babylon, Das unterbrochene Opferfest, Der Sturm); Catel (Die Bayaderen); Mehul (Joseph in Egypten); Vincenz Martin (Cosa rara); Simon

Mayer (Telemach); Monsigny (Die Königin von Golkonda); Paër (Camilla); Grétry (Richard Löwenherz); Boyeldieu (Benjowskij; Tantchen Aurora); D'Alayrac (Die Zwei Savoyarden; Adolph und Clara, oder die beiden Gefangenen) *). Крайне интереснымъ и совершенно для меня новымъ родомъ музыки показались мнѣ баллады Іоанна Рудольфа Цумштега (Zumsteeg): „Ritter Toggenburg"; „Die Büssende"; „Die Entführung"; „Leonore"; „Des Pfarrers Tochter von Taubenhayn". Впослѣдствіи (въ 1839 г.) это случайно пріобрѣтенное знакомство съ формою музыкальной баллады оказалось даже весьма практически-полезнымъ для меня.

Но большее еще вліяніе вообще на интеллектуальное мое развитіе имѣло слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ за десять предъ тѣмъ, по предложенію вышеупомянутаго старшаго учителя Германна, была устроена гимназіальная библіотека для чтенія, которая поддерживалась и ремонтировалась изъ суммъ, собираемыхъ по ежегодной добровольной подпискѣ не только учениковъ, но и учителей. Эта библіотека помѣщалась въ самомъ зданіи гимназіи и состояла подъ надзоромъ и управленіемъ директора и двухъ учителей. Послѣдніе исполняли вмѣстѣ съ тѣмъ (безплатно) должность библіотекарей и засѣдали каждую субботу отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ въ библіотекѣ для раздачи гимназистамъ желаемыхъ и принятія обратно возвращаемыхъ ими книгъ. Должность эта была весьма логично возложена на двухъ учителей господствующаго, т.-е. нѣмецкаго, языка: гг. Германна и Бубриха (брата пастора). Но главнѣйшая суть дѣла не въ томъ, что оба эти достойные педагоги аккуратно записывали выдаваемыя и возвращаемыя книги, а въ томъ, что, соображаясь со степенью умственнаго развитія каждаго изъ учениковъ, они охотно и съ теплымъ даже участіемъ руководили ихъ въ выборѣ книгъ, и къ тому же безъ всякаго педантизма. Мнѣ лично было весьма удобно пользоваться просвѣщенными и на широко-поэтическомъ пониманіи основанными совѣтами старшаго г. Бубриха (т.-е. учителя), который, будучи холостякомъ, хотя и жилъ на отдѣльной квартирѣ, но обѣдалъ

*) Не должно удивлять, что въ этомъ спискѣ всѣ оперы, даже французскихъ и италіанскихъ маэстро, обозначены нѣмецкими названіями: я передаю послѣднія такъ, какъ онѣ значились на тѣхъ изданіяхъ, которыя были у пастора Бубриха, и какъ мы привыкли ихъ называть.

ежедневно у своего брата и проводилъ съ нами же свои вечера. Онъ всегда съ величайшею готовностью объяснялъ намъ, пасторскимъ пансіонерамъ, всѣ вопросы, съ какими мы къ нему обращались относительно какого-либо научнаго предмета. Такъ и насчетъ выбора для чтенія литературныхъ произведеній онъ мною руководилъ весьма раціонально и указывалъ сначала на болѣе легкихъ авторовъ, не забраковывая однако и тогдашнихъ модныхъ романистовъ и нувеллистовъ не только въ родѣ Вальтера Скотта, Іоганны Шоппенгауеръ*), Вилибальда Алексиса, Амедея Гофмана, Ламотъ-Фуке, Гауфа, Шамиссо и т. п., но даже и въ родѣ Каролины Пихлеръ и Клаурена. Точно такъ же и изъ стихотворныхъ произведеній онъ давалъ мнѣ читать сначала лирическія: Бюргера, Теод. Кёрнера, Шенкендорфа, Уланда и т. п., а затѣмъ уже Шиллера, Гёте, да эпопеи Гёте же (Hermann und Dorothea), Фосса, Тассо, Аріоста и т. п., а драмы и трагедіи великихъ германскихъ, испанскихъ и англійскихъ поэтовъ я проходилъ не раньше какъ чрезъ два года. Съ Фаустомъ—Гёте, да съ Жанъ-Пауломъ, Мильтономъ, Петраркою, Данте и пр. познакомился я только будучи уже студентомъ. И опять-таки выходитъ, что въ нормальномъ развитіи юношества весьма важную роль играютъ педагогическій талантъ и душевное настроеніе наставниковъ и преподавателей.

По случаю предстоявшаго, въ день 18-го декабря, одного экстреннаго семейнаго празднества, отецъ мой чрезъ профессора Паррота заранѣе исходатайствовалъ мнѣ отъ директора гимназіи дозволеніе выѣхать на рождественскіе праздники гораздо раньше обыкновеннаго отпускнаго срока. Положено мнѣ было отправиться 12-го декабря; и такъ, какъ разрѣшеніе послѣдовало уже въ половинѣ ноября, то я съ нетерпѣніемъ считалъ истекающіе дни и часы до ожидаемаго отъѣзда. Въ самое это время, въ исходѣ почти уже ноября, пришла совершенно неожиданная печальная вѣсть, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19 числа. Тотчасъ же по всѣмъ церквамъ были отслужены панихиды, а на другой день всѣ профессора университета и учителя гимназіи, а также и всѣхъ прочихъ училищъ, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ, собрались въ большой

*) Матери «пессимиста» послѣдующей эпохи — Артура Шопенгауера.

актовой залѣ университета для принесенія вѣрноподданической присяги новому Государю Императору, бывшему Великому Князю Цесаревичу, Константину Павловичу.

Приказаніе это, какъ тогда всѣ говорили, послѣдовало отъ Правительствующаго Сената, по распоряженію молодаго Великаго Князя Николая Павловича, который, за отсутствіемъ въ Петербургѣ новаго Государя Императора, имѣвшаго дотолѣ въ качествѣ Намѣстника Царства Польскаго постоянное свое мѣстопребываніе въ Варшавѣ, принялъ за него начальство въ столицѣ. Самъ же Великій Князь, по общему разсказу, тотчасъ по полученіи вѣсти о кончинѣ Государя Императора Александра I, былъ первымъ, который присягнулъ въ вѣрноподданствѣ старшему Августѣйшему своему брату-Цесаревичу.

Самая-то внезапная кончина столь боготворимаго своими подданными Царя, конечно, повергла всѣхъ въ неописуемое глубокое гореваніе, но никому и въ голову не пришло, что принесенная, по общему, всею Россіею тогда предполагаемому, законному порядку наслѣдія престола, присяга была преждевременна, и что она будетъ отвергнута самимъ Цесаревичемъ. И впрямь, всюду, повидимому по крайней мѣрѣ, царили полнѣйшее спокойствіе и обычный общественный порядокъ.

Итакъ ничто не препятствовало мнѣ отправиться домой, какъ предположено было, въ день 12-го декабря, такъ что 13-го декабря къ вечеру я былъ уже въ объятіяхъ своихъ родныхъ.

На другое утро, вставъ въ 9 часовъ, мы услышали отъ поднявшейся уже, противъ своего обычая, матушки, что ночью къ отцу прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ, прибыть ровно къ 9-ти часамъ въ придворную контору, въ парадной формѣ, для присяги на вѣрноподданство новому уже Государю Императору Николаю Павловичу, такъ какъ Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отказался отъ наслѣдія престола. Все это было такъ ясно и естественно, что не было никакого, хотя бы и малѣйшаго, повода для какого-либо душевнаго безпокойства. А потому матушка безъ всякаго сопротивленія разрѣшила мнѣ ѣхать къ бабушкѣ на Васильевскій островъ. Туда извощикъ повезъ меня чрезъ Неву (противъ 9-й линіи). У бабушки я встрѣтилъ Егора Шпальте, съ которымъ мы вмѣстѣ въ 1-мъ часу и отправились навѣстить

мою замужнюю сестру Юнгъ-Стиллингъ*), жившую на Гороховой улицѣ, между Адмиралтейской площадью и Малой Морской. Дорога туда намъ предстояла чрезъ существовавшій въ то время Исаакіевскій мостъ, мимо Сенатскаго зданія и монумента Петра Великаго. Когда мы доѣхали почти уже къ концу моста, мы наткнулись на стоявшій тутъ постъ солдатъ, которые насъ дальше не пустили. „Нельзя!“ да и только, безъ дальнѣйшихъ объясненій. „Да намъ неподалечку, въ Гороховую!“ возразили мы. — „Сказано: нельзя!“ отвѣчалъ старый унтеръ-офицеръ, „не велѣно!“ — „Да какъ же быть-то намъ?“ спрашивали мы: „вѣдь совсѣмъ близко!“ — „Нельзя!“— Тутъ мы замѣтили, что пѣшеходовъ не задерживаютъ. Мы снова адресовались къ унтеру: „А пѣшкомъ дозволено пройти?“ — „Пѣшкомъ ничего, пѣшкомъ можно!“ Нечего было дѣлать: отпустили мы извощика и пошли пѣшкомъ.

Хотя вся эта случившаяся съ нами процедура крайне озадачила Егора Шпальте и меня, хотя мы вообще никакъ не могли себѣ объяснить, съ какой это стати собрались полки именно въ этомъ мѣстѣ, тогда какъ (по объясненію Шпальте) недѣль около двухъ тому назадъ всѣ гвардейскія части присягали въ своихъ казармахъ, но мы все еще были далеко отъ настоящей догадки. Между тѣмъ, сколько мы ни торопились, а движеніе впередъ становилось все труднѣе: съ площади около монумента и тянувшейся вокругъ строившагося Исаакіевскаго собора дощатой ограды нахлыновали все болѣе и все гуще толпы народа. Вмѣсто того, чтобы намъ хотя какъ-нибудь выйти на площадь противъ Вознесенскаго проспекта, волны этого людскаго океана, въ которомъ бушевало вѣрно ужъ нѣсколько тысячъ головъ, тѣснили насъ все ближе и ближе къ самому зданію Адмиралтейства. Я обѣими руками прицѣпился къ лѣвой рукѣ Шпальте, который года на четыре былъ старше меня. „Протѣснимся-ка ужъ лучше къ воротамъ Адмиралтейства; тамъ все-таки свободнѣе“, предложилъ мой спутникъ. И начали мы дружнымъ натискомъ пропихиваться, такъ, что наконецъ достигли самой стѣны зданія, какъ разъ

---

*) Мужъ ея Ѳедоръ Юнгъ-Стиллингъ былъ сынъ знаменитаго нѣкогда мистика, гейдельберскаго профессора Юнгъ-Стиллинга, друга Гёте, Гердера, пресловутой г-жи фонъ-Крюденеръ и министра почтъ князя А. Н. Голицына.

подъ лѣвую изъ двухъ нишъ съ атлантами. Тутъ вздохнули мы уже посвободнѣе и стали оглядывать стоящихъ вблизи: это большею частью были люди средняго сословія, въ общеевропейской одеждѣ, да кой-какія лица въ лисьихъ тулупахъ, съ смирными, хотя и съ столь же испуганными, тревожными физіономіями, какъ и всѣ мы прочіе. Видно было, что это либо лавочники, либо ремесленики. Какъ разъ около насъ, прижавшись другъ къ другу, стояла группа изъ трехъ лицъ такого типа: сѣдовласый старикъ, молодецъ лѣтъ 30-ти и молодая женщина.

Съ Сенатской площади неслись неистовые, буйные крики; что̀ это именно кричали, нельзя было хорошенько разобрать.

„Дѣдушка! а дѣдушка! почтеннѣйшій!“ обратился Шпальте къ старику: „что это они орутъ? что все это значитъ?“

„Да вотъ давеча“, сообщилъ старикъ, „какъ мы вонъ тамъ около „мунаминта“-то проходили, московцы*) баили, будто хотятъ обидѣть Государя, кому намеднись мы присягнули; корону, значитъ, Богомъ данную, отнять у него. Вотъ они и кричатъ „ура“ Константину Павловичу: допущать его до обиды-то имъ нежелательно“.

„Да это все ложь“, разсердился Шпальте: „Цесаревичъ самъ отказался; письмо съ курьеромъ Сенату прислалъ прошлой ночью“.

„Такъ-то, такъ, милый господинъ! И самъ батюшка митрополитъ имъ то же самое говорилъ, и генералъ-губернаторъ нашъ, графъ Милорадовичъ; да подитка, не вѣрятъ! И высокопреосвященнѣйшаго напугали, едва успѣлъ уйти къ собору. А бѣднаго Милорадовича-то такъ-таки уложили. Я самъ видѣлъ, какъ онъ съ лошади-то упалъ“.

„Да баили еще“, вмѣшался тутъ молодецъ, искоса насъ оглядывая, „что Государь-то Константинъ Павловичъ съ аршавской своей-то съ гвардіей сюда идетъ расправу творить, и что ужъ онъ у Пулкова“.

„И супруга ихняя тоже съ ними“, прибавила робко молодая женщина.

„Да-съ! точно-съ и супруга Государева“, уже оживленнѣе

---

*) Т.-е. солдаты Московскаго полка.

сказалъ молодой парень; „вотъ, почему солдатики тѣ и кричатъ, кто Константинъ, а кто и Конституція!“

„Какъ конституція?“ воскликнулъ Шпальте: „да это вовсе не то значитъ!“

„Нѣтъ, господинъ милый! Это должно быть точно есть имя такое — то, значитъ Государева супруга!“

Вдругъ съ лѣвой стороны, на Дворцовой площади раздалось громогласное „ура!“ Въ первый моментъ мы съ Шпальте вздрогнули; но это „ура“ звучало совершенно другимъ тономъ: оно звучало свѣтло, тепло, радостно! Изъ любопытства мы взлѣзли въ находящуюся надъ нами нишу и присѣли около статуи атланта. Голые стволы деревьевъ на бульварѣ не очень-то мѣшали, такъ что чрезъ головы стоявшаго внизу народа всетаки довольно ясно можно было видѣть, что происходило на плацу. Видны были войска отчасти въ мундирахъ, отчасти же и въ шинеляхъ, разставленныя близъ дворца и вдоль бульвара и около угла Невскаго проспекта, а по серединѣ масса толпившагося народа, между которой выдавались треугольныя шляпы съ бѣлыми султанами. Крики „ура“ повторялись нѣсколько разъ, и каждый разъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось живое движеніе въ упомянутой толпѣ по срединѣ Дворцовой площади. На другой день ходила молва о томъ, что молодой Царь цѣловался тамъ съ окружавшимъ его добрымъ народомъ. Потомъ вся эта масса гражданъ исчезла изъ глазъ и видны были только густые ряды солдатъ, а въ срединѣ юный монархъ, окруженный генералами. Вскорѣ затѣмъ Императоръ показался верхомъ, а около него еще нѣсколько лицъ также на лошадяхъ, и всѣ они медленно направлялись впередъ къ Сенатской площади.

Тамъ въ это время тоже оказалась перемѣна: около забора строившагося храма тѣснилась весьма густая масса самаго чернаго народа, судя по одеждѣ на фигурахъ, а впереди ихъ волновались въ безпорядкѣ шеренги солдатъ, которыхъ вначалѣ тамъ не видно было. Внизу подъ нами находившіеся, какъ и мы, невольные зрители говорили, что это вновь прибыли роты гвардейскаго экипажа.

Противъ насъ же, вдали, по Гороховой улицѣ и по Вознесенскому проспекту, показались новые отряды пѣхоты. Императоръ Николай Павловичъ со свитою, частію верхомъ, частію

подъ лѣвую изъ двухъ нишъ съ атлантами. Тутъ вздохнули мы уже посвободнѣе и стали оглядывать стоящихъ вблизи: это большею частью были люди средняго сословія, въ общеевропейской одеждѣ, да кой-какія лица въ лисьихъ тулупахъ, съ смирными, хотя и съ столь же испуганными, тревожными физіономіями, какъ и всѣ мы прочіе. Видно было, что это либо лавочники, либо ремесленики. Какъ разъ около насъ, прижавшись другъ къ другу, стояла группа изъ трехъ лицъ такого типа: сѣдовласый старикъ, молодецъ лѣтъ 30-ти и молодая женщина.

Съ Сенатской площади неслись неистовые, буйные крики; что̀ это именно кричали, нельзя было хорошенько разобрать.

„Дѣдушка! а дѣдушка! почтеннѣйшій!" обратился Шпальте къ старику: „что это они орутъ? что все это значитъ?"

„Да вотъ давеча", сообщилъ старикъ, „какъ мы вонъ тамъ около „мунаминта"-то проходили, московцы*) баили, будто хотятъ обидѣть Государя, кому намеднись мы присягнули; корону, значитъ, Богомъ данную, отнять у него. Вотъ они и кричатъ „ура" Константину Павловичу: допущать его до обиды-то имъ нежелательно".

„Да это все ложь", разсердился Шпальте: „Цесаревичъ самъ отказался; письмо съ курьеромъ Сенату прислалъ прошлой ночью".

„Такъ-то, такъ, милый господинъ! И самъ батюшка митрополитъ имъ то же самое говорилъ, и генералъ-губернаторъ нашъ, графъ Милорадовичъ; да подитка, не вѣрятъ! И высокопреосвященнѣйшаго напугали, едва успѣлъ уйти къ собору. А бѣднаго Милорадовича-то такъ-таки уложили. Я самъ видѣлъ, какъ онъ съ лошади-то упалъ".

„Да баили еще", вмѣшался тутъ молодецъ, искоса насъ оглядывая, „что Государь-то Константинъ Павловичъ съ аршавской своей-то съ гвардіей сюда идетъ расправу творить, и что ужъ онъ у Пулкова".

„И супруга ихняя тоже съ ними", прибавила робко молодая женщина.

„Да-съ! точно-съ и супруга Государева", уже оживленнѣе

---

*) Т.-е. солдаты Московскаго полка.

сказалъ молодой парень; „вотъ, почему солдатики тѣ и кричатъ, кто Константинъ, а кто и Конституція!“

„Какъ конституція?“ воскликнулъ Шпальте: „да это вовсе не то значитъ!“

„Нѣтъ, господинъ милый! Это должно быть точно есть имя такое — то, значитъ Государева супруга!“

Вдругъ съ лѣвой стороны, на Дворцовой площади раздалось громогласное „ура!“ Въ первый моментъ мы съ Шпальте вздрогнули; но это „ура“ звучало совершенно другимъ тономъ: оно звучало свѣтло, тепло, радостно! Изъ любопытства мы взлѣзли въ находящуюся надъ нами нишу и присѣли около статуи атланта. Голые стволы деревьевъ на бульварѣ не очень-то мѣшали, такъ что чрезъ головы стоявшаго внизу народа все-таки довольно ясно можно было видѣть, что происходило на плацу. Видны были войска отчасти въ мундирахъ, отчасти же и въ шинеляхъ, разставленныя близъ дворца и вдоль бульвара и около угла Невскаго проспекта, а по серединѣ масса толпившагося народа, между которой выдавались треугольныя шляпы съ бѣлыми султанами. Крики „ура“ повторялись нѣсколько разъ, и каждый разъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось живое движеніе въ упомянутой толпѣ по срединѣ Дворцовой площади. На другой день ходила молва о томъ, что молодой Царь цѣловался тамъ съ окружавшимъ его добрымъ народомъ. Потомъ вся эта масса гражданъ исчезла изъ глазъ и видны были только густые ряды солдатъ, а въ срединѣ юный монархъ, окруженный генералами. Вскорѣ затѣмъ Императоръ показался верхомъ, а около него еще нѣсколько лицъ также на лошадяхъ, и всѣ они медленно направлялись впередъ къ Сенатской площади.

Тамъ въ это время тоже оказалась перемѣна: около забора строившагося храма тѣснилась весьма густая масса самаго чернаго народа, судя по одеждѣ на фигурахъ, а впереди ихъ волновались въ безпорядкѣ шеренги солдатъ, которыхъ вначалѣ тамъ не видно было. Внизу подъ нами находившіеся, какъ и мы, невольные зрители говорили, что это вновь прибыли роты гвардейскаго экипажа.

Противъ насъ же, вдали, по Гороховой улицѣ и по Вознесенскому проспекту, показались новые отряды пѣхоты. Императоръ Николай Павловичъ со свитою, частію верхомъ, частію

пѣшкомъ, тѣмъ временемъ все понемногу подвигался и уже поравнялся съ зданіемъ Губернскаго Правленія, какъ вдругъ, остановившись со всею своею свитою, посторонился, а мимо него промаршировала рота солдатъ, которая направилась къ мятежникамъ около Петровскаго монумента и тамъ, ставъ, повернулась лицомъ къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Государь Императоръ. Вслѣдъ за тѣмъ послышались по всей линіи бунтовщиковъ дикіе крики: „ура Константину!" а гдѣ и „ура Конституціи!" Это всѣхъ насъ озадачило.

Императоръ же Николай Павловичъ, какъ будто ничего особеннаго не было, подвигался спокойно все дальше впередъ, и поравнялся уже почти съ домомъ князя Лобанова, когда прибыли на плацъ подошедшія изъ Гороховой и съ синяго моста войска. Государь подъѣхалъ къ нимъ и что-то имъ сказалъ, на что солдаты отвѣтили восторженнымъ „ура!" Императоръ во главѣ ихъ подвинулся еще болѣе впередъ, почти вплоть до линіи мятежниковъ, и что-то говорилъ послѣднимъ; а потомъ, когда со стороны ихъ повторялись все тѣ же безумные крики, то повернулъ лошадь и медленно отъѣхалъ немного назадъ*). Около Лобанова дома и позади забора храма св. Исаакія показались эскадроны Конной гвардіи. Послѣдовавшихъ затѣмъ моментовъ въ подробностяхъ нынѣ уже не помню; но очень твердо осталось въ моей памяти, что я видѣлъ, какъ, прежде чѣмъ стоявшія на Адмиралтейской площади вѣрныя части гвардіи и подъѣхавшая между тѣмъ артиллерія начали дѣйствовать, молодой царь два раза еще приблизившись къ мятежникамъ, ихъ увѣщевалъ. Не раньше какъ послѣ третьяго увѣщанія, когда раздававшіеся въ отвѣтъ буйные крики сопровождались даже ружейными выстрѣ-

---

*) На другой день ходили о томъ различные слухи: нѣкоторые разсказывали, будто какой-то переодѣтый офицеръ (поручикъ Каховскій), другіе же будто какой-то статскій (учитель и поэтъ Вильгельмъ Кюхельбеккеръ), стоявшій близъ того мѣста, гдѣ сходились ряды экипажъ-гвардіи съ рядами Московскихъ ротъ, два раза поднималъ пистолетъ, чтобы стрѣлять въ Царя, но что оба раза стоявшіе около него старые солдаты изъ числа бунтовщиковъ же сильно ударили его по рукѣ такъ что онъ долженъ былъ опустить пистолетъ. Потомъ же оказалось, что Кохавскаго до того еще схватили за убійство графа Милорадовича, и что Кюхельбеккеръ покушался на жизнь не Государя Императора, а Великаго Князя Михаила Павловича.

лами, Государь, возвратившись за колонны вѣрныхъ защитниковъ священныхъ его правъ, уступилъ настоятельнымъ требованіямъ своихъ генераловъ, какъ потомъ всѣ находившіяся тогда около Императора лица подтвердили, и разрѣшилъ наступательныя дѣйствія. Всѣ эти свидѣтели разсказывали, что имъ больно и тяжко было видѣть на лицѣ Государя выраженіе сильнѣйшей борьбы его души между требованіями государственнаго разсудка и влеченіемъ любвеобильнаго сердца.

Двинулась наконецъ гвардейская артиллерія впередъ и выстрѣлила въ толпу мятежниковъ. Но этотъ залпъ произвелъ незначительное только смятеніе между бунтовщиками; зато, къ несчастію, онъ крайне напугалъ стоявшій на бульварѣ народъ. Вся эта безчисленная масса людей съ криками и воплями разомъ быстро отхлынула назадъ къ самой стѣнѣ адмиралтейскаго зданія, при чемъ (какъ потомъ говорили) многіе, въ особенности женщины и дѣти, сильно пострадали отъ давки и топтанія ногъ. Позже объяснилось, что этотъ залпъ былъ пущенъ холостыми зарядами. Не почувствовавъ на себѣ никакого вреда, бунтовщики начали еще свирѣпѣе стрѣлять изъ ружей; но такъ какъ все-таки между ними произошло смятеніе вообще, слѣдовательно и должнаго порядка очевидно уже не было, то и стрѣляли безъ опредѣлительной команды, лишь бы отстрѣливаться, не очень-то разбирая куда именно. Оттого-то не мало отъ нихъ шальныхъ пуль попало въ несчастный народъ, тѣснившійся около стѣнъ адмиралтейства.

Тогда подскакали еще двѣ другія артиллерійскія баттареи, да ближе еще къ монументу Петра, и пустили въ бунтовщиковъ залпы, настоящими уже зарядами, картечью; а вслѣдъ за тѣмъ со стороны Исаакіевскаго собора кавалерія (мнѣ помнятся бѣлые т.-е. кирассирскіе мундиры) произвела атаку. Потомъ послѣдовало еще два залпа артиллеріи. Мятежники обратились въ бѣгство и старались спасаться кто по набережной канала у казармъ конной гвардіи*), кто по Галерной улицѣ или по Англійской набережной и даже на Васильевскій

---

*) Этотъ каналъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ обращенъ въ подземный протокъ, а сверху надъ нимъ сдѣлана насыпь, да сооруженъ нынѣшній конногвардейскій бульваръ.

островъ по льду самой Невы. Ихъ преслѣдовали еще двумя выстрѣлами, а въ дальнѣйшую погоню за ними поскакала кавалерія, должно быть конные піонеры, потому, что за исключеніемъ кавалергардовъ и конной гвардіи въ самомъ Петербургѣ другіе кавалерійскіе отряды, кромѣ означенныхъ, не квартируютъ.

Въ 7-мъ часу все было покончено, и вѣрныя Государю войска расположились бивaками на Петровской, Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ, по Дворцовой набережной, по Невскому и Вознесенскому проспектамъ да по Гороховой улицѣ до мостовъ чрезъ Мойку.

Лишь только установился кой-какой порядокъ, такъ мы съ Шпальте поскорѣе дали тягу чрезъ Гороховую на Большую Морскую, а тамъ далѣе побѣжали по набережной Мойки прямо домой, гдѣ я, къ крайнему моему огорченію, нашелъ своихъ родителей въ ужасной тревогѣ обо мнѣ. Самъ же отецъ пріѣхалъ изъ дворца въ 4-мъ еще часу, сдѣлавъ не безъ труда крюкъ чрезъ Марсово поле и Большую Садовую. Ночью я очень долго заснуть не могъ: все вспоминалъ про ужасы проведенныхъ мною у адмиралтейства семи часовъ, и успокоился только, когда возсіяла въ памяти моей свѣтлоеличественная личность молодаго героя Императора. И по сію пору горячо и глубоко живетъ эта память въ сердцѣ 80-лѣтняго старца и отразилась въ словахъ и въ звукахъ гимна:

„Славенъ русскій бѣлый Царь
Православный Государь!
Славенъ милосердьемъ къ намъ,
Доблестью во страхъ врагамъ.
Святъ для насъ Царевъ вѣнецъ,
Царь отечества отецъ!
Боже нашъ, Царя храни,
Благодатью осѣни!
За Царя вся Русь стоитъ,
Онъ оплотъ намъ, мечъ и щитъ;
Отъ измѣны, отъ враговъ —
Боже! будь надъ нимъ покровъ!“

XVI.

Лѣтомъ 1826 года перешелъ я въ Секунду.

Слѣдующіе два классныхъ года могу я считать какъ бы предвѣщательными для моей жизни, какъ бы даже служившими подготовленіемъ къ той безконечной борьбѣ, которая ожидала меня потомъ на будущемъ моемъ, въ то время ни малѣйше еще не предполагаемомъ, поприщѣ музыкальнаго дѣятеля.

Уже въ Квартѣ и въ Терціи случалось мнѣ изрѣдка испытывать отъ старшихъ годами товарищей нѣкотораго рода насмѣшки и какое-то небрежное со мною обхожденіе изъ-за того, что я былъ не въ уровень имъ по лѣтамъ и по воззрѣніямъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, юноши переходнаго возраста гораздо менѣе снисходительны, чѣмъ общество зрѣлыхъ людей. Очень можетъ быть впрочемъ, что, кромѣ этихъ естественныхъ причинъ, холодность отношеній ко мнѣ товарищей усиливалась еще и довольно явно выказаннымъ учителями вниманіемъ ко мнѣ за небольшія, случайно мнѣ природою дарованныя способности. Не хочу наконецъ отрицать и возможности собственной моей вины въ томъ, что какъ вообще мальчики 14—15 лѣтъ подобнаго же калибера, статься можетъ и я также нѣсколько кичился упомянутымъ отличіемъ. А это школьными товарищами никакъ не прощается.

Однимъ словомъ, настоящихъ друзей у меня тогда не было*). Было три — четыре изъ секунданеровъ, съ которыми я состоялъ, какъ говорится, на пріятельской ногѣ. Остальные же относились ко мнѣ равнодушно, словно я для нихъ и не существовалъ. Но былъ между секунданерами также одинъ, который съ самого начала сталъ всячески ко мнѣ придираться, а когда, несмотря на его 18 лѣтъ, я не дозволялъ ему безвозмездно подтрунивать надо мною, то его нерасположеніе перешло въ озлобленіе противъ меня. Это былъ старшій изъ только-что въ нашу гимназію поступившихъ двухъ сыновей лейбъ-медика М***, по имени Александръ.

Въ двухъ высшихъ классахъ Дерптской гимназіи господство-

*) Упомянутый выше Теодоръ Германнъ былъ тогда своимъ отцомъ отправленъ въ Лейпцигъ.

валъ въ двадцатыхъ годахъ духъ подражанія обычаямъ и корпораціонному устройству студентовъ. На этомъ основаніи ученики „Примы“ и „Секунды“ соединились (втайнѣ, конечно, отъ гимназическаго и всякаго иного начальства) въ сомкнутое общество, которое не только отъ времени до времени собиралось на „коммерсы“ *) но и содержало особое помѣщеніе какъ для празднованія своихъ коммерсовъ, такъ и для упражненія въ фехтованіи эспадронами. Для этой цѣли каждый „буршъ“, т.-е. членъ этой корпораціи, вносилъ ежемѣсячно не менѣе четвертака серебромъ (1 рубль ассигнаціями) въ кассу общества, которой завѣдывали старшина (Senior) и два его адъюнкта. Въ тотъ годъ сеніоромъ гимназическихъ буршей состоялъ ученикъ Примы, Александръ Дерфельдтъ изъ Петербурга **), молодой человѣкъ лѣтъ 19-ти, пансіонеръ г. директора Розенбергера.

Чтобы сдѣлаться членомъ корпораціи буршей-гимназистовъ, надлежало, чтобы кто-нибудь изъ болѣе старыхъ буршей предложилъ кандидата къ принятію въ кружокъ. Самое рѣшеніе же принятія или непринятія рѣшалось тогда баллотировкой.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ холодныхъ ко мнѣ отношеній товарищей, само собой случилось, что не только никто не предложилъ меня въ кандидаты на вступленіе въ корпорацію, но даже самое-то существованіе этой корпораціи оставалось совершенной тайной для меня.

Тою же осенью умеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и самое управленіе Императорскимъ придворнымъ вѣдомствомъ было реорганизовано, почему и отецъ мой получилъ увольненіе отъ занимаемаго имъ поста въ бывшей придворной конторѣ. Одновременно съ этимъ событіемъ возникли какія-то недоразумѣнія между новымъ министромъ финансовъ генераломъ отъ инфантеріи (впослѣдствіи графомъ) Егоромъ Францевичемъ Канкринымъ и моимъ отцомъ, который служилъ начальникомъ Счетнаго отдѣленія также еще и въ департа-

---

*) Вечернія сходки, на которыхъ сидя вокругъ стола, бурши распѣваютъ пѣсни и пьютъ вино или „крамбамбули“ (жженку).

**) Сынъ тогдашняго генералъ-капельмейстера гвардейскаго корпуса и братъ (нынѣ уже умершаго) композитора Антона Антоновича Дерфельдта, позже наслѣдовавшаго должность отца.

ментѣ внѣшней торговли*). Вслѣдствіе этого мой отецъ вышелъ въ отставку и со всѣмъ семействомъ переселился въ Дерптъ. Само собою разумѣется, что и я также, оставивъ домъ милаго пастора Бубриха, сталъ жить у своихъ родителей. По искони принятому обычаю отецъ сдѣлалъ визиты нѣкоторымъ профессорамъ и дворянамъ, служившимъ прежде въ Петербургѣ по военной либо статской службѣ, съ которыми онъ во время оно имѣлъ случай познакомиться, а затѣмъ сталъ жить, по петербургскому своему обычаю, довольно открытымъ домомъ. Вслѣдствіе того и я свелъ знакомство съ нѣкоторыми юношами моихъ лѣтъ, сыновьями тамошнихъ дворянъ. Почти всѣ эти barончики воспитывались дома особенными своими „информаторами", и наибольшей частью готовились поступить въ петербургскія военно-учебныя заведенія (Пажескій корпусъ, Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ или Инженерное училище и др.).

По переселеніи нашего семейства въ Дерптъ, родители мои начали обходиться со мною какъ бы съ взрослымъ. Вслѣдствіе того я пользовался особой комнатою, находившейся совершенно отдѣльно отъ остальныхъ покоевъ, съ выходомъ въ общія сѣни и съ двумя окнами на улицу. Въ одну прекрасную апрѣльскую ночь 1827-го года я проснулся отъ какого-то необыкновеннаго шума на улицѣ, какъ разъ предъ нашимъ домомъ. Я поднялся и прислушался. Какая-то толпа людей кричала: „Pereat! pereat!"**) Конечно, я тотчасъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и, отстранивъ занавѣску, старался разглядѣть, какіе это нахалы такъ позорно относились къ дому моихъ родителей. При тускломъ свѣтѣ уличнаго фонаря, стоявшаго на углу нашего палисадника, я увидѣлъ человѣкъ болѣе двадцати, въ числѣ которыхъ я узналъ многихъ изъ нашихъ приманеровъ и секунданеровъ да между прочими, именно-то впереди всѣхъ, моихъ петербургскихъ земляковъ Дерфельдта и Александра М***. Я закипѣлъ неописуемой яростью и, схвативъ стоявшую тутъ же въ углу палку, выско-

*) Въ прежніе годы, когда Е. Ф. Канкринъ былъ еще провіантъ-мейстеромъ арміи, между нимъ и моимъ отцомъ существовали довольно интимныя дружескія отношенія.

**) „Да погибнетъ! да погибнетъ!"

чилъ въ сѣни и началъ судорожно отпирать дверь, выходившую на улицу. Извѣстно, однакоже, что въ 20-хъ годахъ „парадныя" двери и замки, да и самые ключи къ нимъ, далеко не были еще столь удобоуправляемыми, какъ въ настоящее время. Потребовалось по крайней мѣрѣ три минуты, пока удалось повернуть четырехвершковый и къ тому же нѣсколько заржавѣвшій ключъ да отомкнуть неуклюжую дверь. Визгъ замкà и скрипъ двери конечно не остались не замѣченными честной компаніею, и когда я вступилъ на порогъ дверей, то при мерцаніи плохихъ уличныхъ фонарей только и увидѣлъ вдали нѣсколько бѣгло двигавшихся тѣней. На другое утро прошелъ я, какъ и всегда, сперва къ отцу въ кабинетъ, поздороваться съ нимъ, а затѣмъ въ столовую, гдѣ матушка предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ. На „инциндентъ" прошлой ночи никакого даже и намека не было. Это меня немного успокоило. „Слава Богу! подумалъ я, они ничего не знаютъ, и я могу покончить дѣло безъ нихъ".

Съ этими мыслями отправился я въ гимназію, куда я едва не опоздалъ: не успѣлъ я усѣсться на свое мѣсто, какъ учитель уже взошелъ на каѳедру. Понятно, что утренніе уроки словно вовсе не существовали для меня: молча и угрюмо сидѣлъ я, блѣдный, глубоко въ сердцѣ снѣдаемый злобою, и тѣмъ болѣе, что я инстинктивно чувствовалъ, какъ во все время взоры товарищей съ любопытствомъ были устремлены въ мою сторону. Но вотъ пробило, наконецъ, двѣнадцать часовъ, и я скорѣе собралъ свою классную аммуницію. Какъ только учитель оставилъ классъ, тогда и я быстро подошедъ къ выходной двери, выпрямился во весь ростъ и, обернувшись лицомъ къ товарищамъ, зычнымъ голосомъ произнесъ: „Прошлой ночью предъ домомъ моихъ родителей раздалось „pereat" изъ устъ пьяной ватаги. Всѣ вы „dumme Jungens!" *) Съ этими словами я быстро вышелъ, оставивъ всѣхъ въ переполохѣ отъ неожиданнаго моего спича. Дома, конечно, я старался скрывать свое волненіе, и на вопросъ матушки за завтракомъ, почему я ничего не ѣмъ, — отговорился легонькимъ разстройствомъ желудка. Собираясь послѣ завтрака снова въ гим-

---

*) Выраженіе „dummer Junge" (глупый мальчишка) и понынѣ еще у нѣмецкихъ студентовъ служитъ формулою для принужденія противника къ вызову на дуэль.

назію, я, сколько возможно было при тревожномъ моемъ состояніи, обсуждалъ заварившееся дѣло, но ни малѣйше не сожалѣлъ о своемъ спичѣ. „Несомнѣнно, — размышлялъ я, — нѣсколько человѣкъ вызовутъ меня драться на „шлегерахъ“ (выточенные эспадроны). Ну, такъ что же? Буду драться; какъ-нибудь, вѣдь съумѣю, а тамъ что Богъ дастъ!“ На всякій случай однакоже взялъ я съ собой свой англійскій складной ножъ.

Когда я подходилъ къ гимназіи, я увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу Александра М***, и остановившись, невольно полѣзъ рукою въ карманъ, чтобы въ случаѣ нужды выхватить ножъ. Но М***, подошедъ съ самой сладчайшей улыбкою и, какъ бы дружески взявъ меня подъ руку, отвелъ меня нѣсколько шаговъ назадъ и началъ уговаривать оставить это дѣло въ покоѣ. „Видишь-ли (говорилъ онъ), все это было одно только недоразумѣніе: это „pereat“ собственно-то было назначено фонъ-деръ-Боргу *); но такъ какъ ночь была довольно темная, а мы всѣ немножко „angeduselt“ **), то и перепутали дома!“ Объясненія М*** показались мнѣ правдоподобными, и я началъ уже успокоиваться, почти даже готовъ былъ, въ свою очередь извиняться за мой утренній спичъ.

Тѣмъ временемъ мы воротились и какъ ходили рука объ руку, такъ и взошли въ гимназію. Классы наши находились въ бель-этажѣ. Когда мы съ М*** начали подниматься по лѣстницѣ, я увидѣлъ, что изъ отдѣленія высшихъ классовъ гуртомъ высыпали приманеры и секунданеры, а впереди ихъ Дерфельдтъ, спускавшійся внизъ по лѣстницѣ намъ навстрѣчу. Когда же онъ дошелъ до насъ, то М***, вдругъ схвативъ меня сзади за руки, скрутилъ ихъ назадъ, а Дерфельдтъ, приступивъ къ столь измѣннически обезоруженному, осыпалъ меня бранью и ударилъ меня по лицу, при дикомъ хохотѣ всей честной компаніи. Въ этотъ моментъ классные часы пробили два, и у входа внизу послышался скрипъ дверей. Гимназисты разомъ шмыгнули въ ввои классы.

Ошеломленный внезапнымъ измѣнническимъ нападеніемъ и

---

*) Г. фонъ-деръ-Боргъ, занимавшій домъ рядомъ съ нашимъ, былъ синдикъ (прокуроръ) университетскаго суда.

**) Подпившіе.

жестоко страдая отъ обиды и безсильной ярости, я упалъ и чуть не скатился съ лѣстницы. Меня удержали поднимающіеся по ней старшій учитель греческаго языка г. Гиргенсонъ и мой старый другъ, учитель исторіи г. Бубрихъ, и съ участіемъ освѣдомились, что̀ со мною случилось? Я отвѣтилъ, будто съ утра уже мнѣ нездоровилось, а теперь вдругъ приключился обморокъ, такъ что я ударился лицомъ о перила лѣстницы. Оба, очень соболѣзнуя мнѣ, совѣтовали отправиться домой, что, впрочемъ, я и самъ намѣревался сдѣлать.

Дома разсказалъ я родителямъ, конечно, ту же басню, не отказался отъ предложеннаго матушкою лѣкарства и легъ даже, по требованію ея, въ постель. Весь остатокъ этого дня и всю ночь размышлялъ я о средствахъ получить полное удовлетвореніе какъ за обиду отца, такъ и за лично мнѣ нанесенное оскорбленіе. Первое мое рѣшеніе было выписаться изъ гимназіи и вызвать Дерфельдта и М*** на дуэль на пистолетахъ. Но чтобы выписаться изъ гимназіи, потребовалось бы согласіе отца, а тогда пришлось бы разсказать родителямъ про все, что случилось, и тѣмъ потревожить ихъ покой. Къ тому же я соображалъ, что если 19-лѣтніе мои противники уже за обруганіе мною всѣхъ „глупыми мальчишками" отвѣтили мнѣ не вызовомъ на дуэль, а измѣнническимъ нападеніемъ и грубыми побоями, то вѣроятнѣе всего, что въ отвѣтъ на мой вызовъ послѣдуетъ какое-нибудь еще болѣе вѣроломное нападеніе съ худшимъ даже еще оскорбленіемъ. А при таковомъ враждебномъ противъ меня духѣ большинства товарищей оставлять гимназію безъ того, чтобы напередъ получить блестящую сатисфакцію, значило бы выказать подлую трусость. Все это ужасно мучило юную мою душу до самой почти зари слѣдующаго дня. Къ счастію, общая тѣлесная и моральная усталость повергла меня наконецъ въ снóподобное состояніе. Проснувшись въ обычное время, я почувствовалъ себя довольно спокойнымъ, и при ясномъ разумѣ рѣшилъ разомъ вопросъ, какъ мнѣ поступить.

Въ надлежащій часъ отправился я въ гимназію, уложивъ, однакоже, въ свой ранецъ вмѣстѣ съ книгами и тетрадями также и огромный ключище отъ параднаго входа. Занявъ молча свое мѣсто, я, въ виду всѣхъ, съ невозмутимой самоувѣренностью въ лицѣ, вынулъ классную свою амуницію, а

также и ключище, который такъ и не выпускалъ изъ рукъ, пока не взошелъ первый по очереди учитель. Во все продолженіе дополуденныхъ часовъ этого дня царила въ нашемъ классѣ какая-то удивительная тишина, даже въ самыхъ паузахъ между уроками, словно всѣ предчувствовали и ожидали, что будетъ какая-то необыденная развязка вчерашняго происшествія. Въ исходѣ 12-го часа долженъ былъ, какъ и всегда, проходить по классамъ директоръ гимназіи. Этого момента именно-то и выжидалъ я. Наконецъ изъ двери, введшей изъ нашего класса въ Приму, появился г. Розенбергеръ и прошелъ мѣрными медленными шагами по срединѣ класса между двумя рядами ученическихъ столовъ. Когда онъ поравнялся съ тѣмъ рядомъ, въ которомъ сидѣлъ я, то я, вставъ, громко сказалъ: „Г. директоръ, прошу у васъ позволенія сообщить неотлагаемое, крайне нужное объявленіе.“ Эта никогда еще небывалая выходка конечно озадачила всѣхъ: и директора, и преподававшаго учителя, а въ особенности моихъ одноклассниковъ. Г. Розенбергеръ остановился и, принявъ серьезный, недовольный видъ, отвѣтилъ: „Здѣсь не мѣсто и не время дѣлать объявленія; пожалуйте по окончаніи уроковъ въ директорскій кабинетъ“. — „Простите, г. директоръ, — возразилъ я, — но я вынужденъ всепочтительнѣйше просить васъ, выслушать меня именно-то въ присутствіи моихъ товарищей, дабы они не сочли меня трусливымъ доносчикомъ, такъ какъ мое объявленіе касается именно-то ихъ“.

Г. Розенбергеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ на прочихъ секунданеровъ, и такъ какъ нельзя было ему не замѣтить явнаго на ихъ лицахъ смущенія отъ моихъ словъ, то и сказалъ мнѣ: „Говорите!“

„Г. директоръ, — произнесъ я, — въ позапрошлую ночь ватага подгулявшихъ приманеровъ и секунданеровъ имѣла дерзость кричать „pereat!“ предъ домомъ моихъ родителей. А вчера, за то, что я, хотя и по праву, но — признаюсь — сильными выраженіями порицалъ этотъ безсовѣстный поступокъ, приманеръ Дерфельдтъ, при вѣроломномъ содѣйствіи секунданера Александра М***, въ присутствіи гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ, ударилъ меня по лицу. Я требую непремѣнно, чтобы Дерфельдтъ, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всѣхъ его соучастниковъ просилъ въ присутствіи

же этихъ самыхъ двухъ старшихъ классовъ, формально у меня прощенія. Въ противномъ случаѣ я сочту себя вынужденнымъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ г. куратору учебнаго округа".

Г. Розенбергеру, видимо, конецъ моего объявленія не очень-то пришелся по нраву, но законность и логичность онаго отрицать было нельзя. Директоръ пригласилъ меня тутъ же идти съ нимъ въ его кабинетъ для показанія дальнѣйшихъ подробностей, что я и исполнилъ. Потомъ онъ безъ замедленія распорядился о созваніи учительской экстренной конференціи на тотъ же вечеръ.

Послѣобѣденные уроки прошли безъ всякихъ приключеній; но на лицахъ большей части гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ явно выражались и тревожное выжиданіе рѣшенія вечерняго учительскаго засѣданія и скрытое озлобленіе противъ меня. Съ моей же стороны я тревожился лишь опасеніемъ, что, быть можетъ, не удастся, какъ вѣдь съ самаго начала я желалъ, не вмѣшивать моихъ родителей въ эту исторію, а вынести ее сполна на собственныхъ плечахъ.

Вечеромъ на конференціи, какъ мнѣ позже разсказали, происходило слѣдующее. Къ учительскому суду были призваны Дерфельдтъ, Александръ М*** и нѣсколько другихъ еще приманеровъ и секунданеровъ въ качествѣ свидѣтелей. Послѣдніе не могли не подтвердить объявленныхъ мною фактовъ. Вслѣдствіе того, по рѣшенію учительской конференціи, было предложено Дерфельдту или исполнить мое требованіе, или быть формально исключеннымъ изъ гимназіи. Дерфельдтъ, собственно-то отъ природы очень мягкій и симпатичный молодой человѣкъ, объявилъ предъ конференціею, что само по себѣ уже ему жаль и стыдно стало его поступка со мною, а потому онъ согласенъ на удовлетвореніе меня. Что же касалось М***, то его тутъ же отправили на трое сутокъ въ карцеръ.

Въ тотъ же вечеръ къ моему отцу явился старшій учитель Мальмгренъ, и они долго разговаривали въ кабинетѣ и даже пригласили матушку на это совѣщаніе. Меня въ тѣ часы не было дома; а когда я позже явился къ ужину, то мои родители были какъ-то въ особенности ласковы ко мнѣ. Черезъ годъ только матушка сообщила мнѣ, что г. Мальмгренъ разсказалъ имъ все происшествіе, котораго они даже и не подо-

зрѣвали. Г. Мальмгренъ совершенно одобрилъ мое поведеніе, сказалъ, что на другой день все дѣло окончательно уладится, и просилъ моихъ родителей, чтобы и они также удовлетворились тою сатисфакціею, какую я потребовалъ, потому что позорное исключеніе Дерфельдта, пансіонера директора Розенбергера, крайне огорчило бы послѣдняго. Затѣмъ онъ дружески посовѣтовалъ моимъ родителямъ скрыть отъ меня, что имъ извѣстна эта исторія, дабы не усиливать душевной моей тревоги.

На другой день, въ 12 часовъ, самъ директоръ растворилъ двери между двумя классами и вызвалъ Дерфельдта и меня. Первый формально просилъ прощенія и протянулъ руку; я подалъ ему свою и началъ было: „Мнѣ самому не легко...“ Но тутъ директоръ (вообще недовольный, что дѣло касалось его пансіонера) вдругъ перебилъ меня, сказавъ довольно ворчливымъ тономъ: „Вамъ тутъ нечего болѣе говорить; предъ вами извинились, какъ вы того требовали, и тѣмъ дѣло должно быть окончено. Ступайте домой, господа!“ Съ этими словами онъ вошелъ въ Приму и затворилъ двери. А мы всѣ вышли изъ класса, и каждый отправился восвояси.

Вся эта исторія однакоже такъ сильно подѣйствовала на меня, что я къ вечеру того же еще дня получилъ гастрическую горячку, которая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль приковала меня къ постели. Вслѣдствіе того я прогулялъ переводные экзамены. Родители мои, боясь за мое здоровье, не позволяли мнѣ заниматься во время каникулъ, и въ виду дѣйствительно слишкомъ юнаго моего возраста рѣшили, что лучше мнѣ оставаться еще годъ въ Секундѣ.

Предсказаніе г. Мальмгрена, будто всѣ недоумѣнія между мною и моими товарищами окончательно уладятся доставленною мнѣ сатисфакціею, оказалось несбывшимся съ самаго начала новаго учебнаго сезона. Напротивъ, тутъ-то и открылась между нами настоящая война. Наибольшее число секунданеровъ находилось подъ вліяніемъ М***, такъ какъ онъ не только былъ лѣтами однимъ изъ старшихъ въ классѣ, но также еще состоялъ и вторымъ адъюнктомъ сеніора „буршевой корпораціи“. Вслѣдствіе того на послѣдней сходкѣ буршей-гимназистовъ предъ каникулами, корпорація приманеровъ и секунданеровъ, по предложенію М***, изрекла преданіе меня „анаѳемѣ“, т.-е. совершенному отлученію отъ всякихъ това-

рищескихъ отношенiй. Но такъ какъ я заболѣлъ еще до наступленiя каникулъ, то „присужденiе гимназическаго фемгерихта“ могло быть мнѣ объявлено только по открытiи уже новаго учебнаго курса, что̀ и было исполнено, по обычаю древняго вестфальскаго тайнаго судилища, въ слѣдующей „таинственной“ формѣ.

Утромъ втораго дня, по начатiи новаго учебнаго сезона, пришелъ я въ гимназiю въ обычное время; къ моему удивленiю въ нашемъ классѣ никого еще не было. Подошедши къ моему мѣсту, я увидѣлъ, мѣломъ на столѣ написанное слово „анаѳема“. Не успѣлъ я еще стереть эту надпись, какъ разомъ вся ватага хлынула въ классъ и по всей комнатѣ прогудѣло то же самое слово. Я поблѣднѣлъ, но присутствiя духа не потерялъ и сохранилъ стоическое молчанiе, котораго и не нарушалъ до окончанiя уроковъ.

Дома сталъ я обсуждать мое положенiе. Виноватымъ предъ товарищами въ чемъ-либо я себя находить не могъ. Меня, видимо, желали унизить и угнетать единственно за то, что я моложе и меньше всѣхъ прочихъ ростомъ. „Ладно же! докажу я имъ, что крѣпостью духа я вполнѣ имъ ровесникъ; стану бороться одинъ противъ полсотни!“

Тотчасъ послѣ завтрака я отправился опять въ гимназiю, не дождавшись урочнаго часа; кромѣ книгъ и тетрадей захватилъ я съ собою извѣстный тяжеловѣсный ключъ отъ парадныхъ дверей да кусокъ мѣла. Не было еще и половины втораго часа, когда я вошелъ въ нашъ классъ, гдѣ, конечно, въ это время никого не было. Вынувъ мѣлъ, сталъ я по всѣмъ столамъ, противъ каждаго отдѣльнаго мѣста, большущими буквами вычерчивать слово „анаѳема“.

Затѣмъ, я отправился къ д-ру Мальмгрену, который всегда мнѣ оказывалъ особенное свое расположенiе, и, разсказавъ ему, что я учинилъ, просилъ его, въ случаѣ, если бы оно дошло до директора, разъяснить причину, которая меня къ тому вынудила; буде же дѣло не дойдетъ до учительской конференцiи, то убѣдилъ его, хранить мое сообщенiе въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ. Г. Мальмгренъ успокоилъ меня своимъ дружескимъ сочувствiемъ и обѣщалъ исполнить мою просьбу.

Въ классъ я вернулся какъ разъ во-время, даже не всѣ еще ученики собрались, а нѣкоторые были еще заняты сти-

раніемъ надписей на своихъ мѣстахъ. При входѣ моемъ гг. товарищи значительно переглянулись и потомъ съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за мною. А я, скорчивъ равнодушную мину, подошелъ къ своему мѣсту и притворился столь же удивленнымъ какъ они, и молча, такъ же какъ и они, стеръ надпись на моемъ столѣ. Позже приходившіе, конечно, были не менѣе поражены неожиданной выходкой, и шушуканье безпрестанно возобновлялось, пока не вошелъ учитель.

Итакъ первая атака была счастливо отбита: я расквитался съ моими антагонистами и выказалъ имъ, что не страшусь борьбы съ ними. Дурачество съ надписью болѣе не повторялось, и даже слово „анаѳема" никогда хоромъ не произносилось болѣе. Раза два, правда, отъявленные забіяки пробовали начать ссору и за мои далеко не боязливыя возраженія вздумали даже пуститься въ драку; но въ первый разъ я такъ сильно хватилъ своего противника вышереченнымъ ключищемъ по рукѣ, что онъ вскрикнулъ отъ боли и сначала думалъ, что рука его перешиблена; а въ другой разъ, такъ „примусъ" класса (бывшій мой сопансіонеръ Тондорфъ) и другіе товарищи вмѣшались въ ссору и заставили зачинщика прекратить свои придирки. Вообще, подъ конецъ того же 1827-го года, нѣкоторые изъ моихъ товарищей, да именно-то тѣ, которые считались лучшими по успѣхамъ и характеру, начали уже безпристрастнѣе и раціональнѣе глядѣть на мое дѣло, и видимо было, что стойкая выдержка моя въ этой, далеко не равной по матеріальной силѣ, борьбѣ, не осталась безъ вліянія на ихъ воззрѣнія.

Но и съ моей также стороны, я сталъ сильно тяготиться своимъ одиночествомъ. Это не въ томъ смыслѣ, будто у меня въ то время никакихъ уже не было знакомыхъ; напротивъ, молодые люди того круга, въ которомъ я тогда вращался по соціальнымъ отношеніямъ моихъ родителей, всѣ одобряли меня, но лишь съ точки односторонняго ихъ „баронскаго" воззрѣнія на „мѣщанское" общество гимназистовъ. А все-таки личныя отношенія между мною и молодыми „баронами" нашего знакомства никогда не переступали за предѣлы общежитейской учтивости: между нами не было никакой взаимной симпатіи, не было никакихъ общихъ идей и стремленій; существовалъ

рищескихъ отношеній. Но такъ какъ я заболѣлъ еще до наступленія каникулъ, то „присужденіе гимназическаго фемгерихта“ могло быть мнѣ объявлено только по открытіи уже новаго учебнаго курса, что̀ и было исполнено, по обычаю древняго вестфальскаго тайнаго судилища, въ слѣдующей „таинственной“ формѣ.

Утромъ втораго дня, по начатіи новаго учебнаго сезона, пришелъ я въ гимназію въ обычное время; къ моему удивленію въ нашемъ классѣ никого еще не было. Подошедши къ моему мѣсту, я увидѣлъ, мѣломъ на столѣ написанное слово „анаѳема“. Не успѣлъ я еще стереть эту надпись, какъ разомъ вся ватага хлынула въ классъ и по всей комнатѣ прогудѣло то же самое слово. Я поблѣднѣлъ, но присутствія духа не потерялъ и сохранилъ стоическое молчаніе, котораго и не нарушалъ до окончанія уроковъ.

Дома сталъ я обсуждать мое положеніе. Виноватымъ предъ товарищами въ чемъ-либо я себя находить не могъ. Меня, видимо, желали унизить и угнетать единственно за то, что я моложе и меньше всѣхъ прочихъ ростомъ. „Ладно же! докажу я имъ, что крѣпостью духа я вполнѣ имъ ровесникъ; стану бороться одинъ противъ полсотни!“

Тотчасъ послѣ завтрака я отправился опять въ гимназію, не дождавшись урочнаго часа; кромѣ книгъ и тетрадей захватилъ я съ собою извѣстный тяжеловѣсный ключъ отъ парадныхъ дверей да кусокъ мѣла. Не было еще и половины втораго часа, когда я вошелъ въ нашъ классъ, гдѣ, конечно, въ это время никого не было. Вынувъ мѣлъ, сталъ я по всѣмъ столамъ, противъ каждаго отдѣльнаго мѣста, большущими буквами вычерчивать слово „анаѳема“.

Затѣмъ, я отправился къ д-ру Мальмгрену, который всегда мнѣ оказывалъ особенное свое расположеніе, и, разсказавъ ему, что я учинилъ, просилъ его, въ случаѣ, если бы оно дошло до директора, разъяснить причину, которая меня къ тому вынудила; буде же дѣло не дойдетъ до учительской конференціи, то убѣдилъ его, хранить мое сообщеніе въ глубочайш[illegible] тайнѣ отъ всѣхъ. Г. Мальмгренъ успокоилъ меня своимъ [illegible]жескимъ сочувствіемъ и обѣщалъ исполнить мою просьб[illegible]

Въ классъ я вернулся какъ разъ во-время, еще ученики собрались, а нѣкоторые были ещ

раніемъ надписей на своихъ мѣстахъ. При входѣ моемъ гг. товарищи значительно переглянулись и потомъ съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за мною. А я, скорчивъ равнодушную мину, подошелъ къ своему мѣсту и притворился столь же удивленнымъ какъ они, и молча, такъ же какъ и они, стеръ надпись на моемъ столѣ. Позже приходившіе, конечно, были не менѣе поражены неожиданной выходкой, и шушуканье безпрестанно возобновлялось, пока не вошелъ учитель.

Итакъ первая атака была счастливо отбита: я расквитался съ моими антагонистами и выказалъ имъ, что не страшусь борьбы съ ними. Дурачество съ надписью болѣе не повторялось, и даже слово „анаѳема“ никогда хоромъ не произносилось болѣе. Раза два, правда, отъявленные забіяки пробовали начать ссору и за мои далеко не боязливыя возраженія вздумали даже пуститься въ драку; но въ первый разъ я такъ сильно хватилъ своего противника вышереченнымъ ключищемъ по рукѣ, что онъ вскрикнулъ отъ боли и сначала думалъ, что рука его перешиблена; а въ другой разъ, такъ „примусъ“ класса (бывшій мой сопансіонеръ Тондорфъ) и другіе товарищи вмѣшались въ ссору и заставили зачинщика прекратить свои придирки. Вообще, подъ конецъ того же 1827-го года, нѣкоторые изъ моихъ товарищей, да именно-то тѣ, которые считались лучшими по успѣхамъ и характеру, начали уже безпристрастнѣе и раціональнѣе глядѣть на мое дѣло, и видимо было, что стойкая выдержка моя въ этой, далеко не равной по матеріальной силѣ, борьбѣ, не осталась безъ вліянія на ихъ воззрѣнія.

Но и съ моей такж[illegible]роны, я сталъ сильно тяготиться своимъ одиночеством[illegible] не въ томъ смыслѣ, будто у меня въ то вр[illegible] никак[illegible] не было знакомыхъ; напротивъ, молоды[illegible] тог[illegible] котором[illegible]ъ я тогда вращался по соці[illegible]тно[illegible]хъ [illegible]ей, всѣ одобряли [illegible] но [illegible]очк[illegible] „баронскаго“ [illegible] [illegible]ъ. А все-таки [illegible] [illegible] „[illegible]аронами“ [illegible] [illegible]редѣлы [illegible] [illegible]кой [illegible] [illegible]

какой-то рутинный modus vivendi, и только. Да оно и быть иначе не могло: остзейскіе бароны никогда никакихъ русскихъ дворянъ себѣ равными не признавали.

Итакъ я душевно страдалъ, глубоко страдалъ отъ моего одиночества. Но я твердо переносилъ это состояніе, потому что гордое сознаніе моей правоты не допускало меня до сгибанія головы предъ матеріальною силою.

Мало-по-малу однакоже общее мнѣніе гимназическихъ моихъ товарищей все болѣе и болѣе повертывалось въ мою пользу. Находились даже нѣкоторые, которые перестали чуждаться меня, а иногда даже заговаривали со мною въ присутствіи прочихъ товарищей. Таковыми въ особенности выступали, кромѣ вышеупомянутаго Тондорфа, ближайшіе мои сосѣди по мѣсту въ классѣ: фонъ-Генъ*) и Эвертъ**).

Послѣдній былъ въ родствѣ съ вдовою пастора Рейтлингера, которая находилась въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ моей матушкою. Разъ (это было уже въ февралѣ 1828 года) г-жа Рейтлингеръ говорила мнѣ, что Эвертъ весьма сожалѣетъ о непріязненныхъ отношеніяхъ между мною и гимназистами, и что онъ желалъ бы знать, какъ я о томъ думаю? На это я отвѣтилъ, что отъ всей души желалъ бы помириться съ товарищами, но что, вѣдь, не я ихъ, а, наоборотъ, они меня обидѣли, а потому никакимъ образомъ отъ меня перваго шага къ примиренію быть не можетъ. Вслѣдствіе этого г-жа пасторша пригласила меня прійти къ ней вечеромъ другаго дня, прибавивъ, что будетъ и Эвертъ. Такъ мы тамъ и сошлись съ послѣднимъ, и было положено, что на вскорѣ предстоящемъ коммерсѣ буршей-гимназистовъ, Эвертъ предложилъ бы отмѣненіе „отлученія" моего, сообщивъ корпораціи отъ себя, но никакъ не отъ моего имени, что онъ ручается за мое согласіе на примиреніе.

Эвертъ такъ и сдѣлалъ. Корпорація буршей, за изъятіемъ одного лишь Александра М***, приняла предложеніе Эверта и рѣшила пригласить меня въ свои члены, для чего явиться мнѣ на слѣдующій коммерсъ. А насчетъ М*** было положено, чтобы мы съ нимъ покончили дѣло дуэлью на выточен-

*) Von Hähn, умершій въ прошломъ году, въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтн.; онъ состоялъ начальникомъ одного изъ отдѣленій Импер. публичной библіотеки въ Спб.

**) Впослѣдствіи лифляндскій генералъ-суперинтендентъ.

ныхъ эспадронахъ до трехъ „тушей“ *). Сообщеніе мнѣ этого рѣшенія корпораціи было поручено тремъ секунданерамъ: упомянутому уже Тондорфу, Эверту и нѣкоему Лантингу. Перваго и третьяго я попросилъ быть моими секундантами въ предложенной дуэли.

Въ назначенный день, въ 7 часовъ вечера, я зашелъ за Тондорфомъ, который повелъ меня во „святилище“ гимназическихъ буршей. Тамъ дружески встрѣтили меня первый адъюнктъ сеніора, приманеръ Платонъ Аккерманнъ **), и всѣ собравшіеся „бурши“, за исключоніемъ М*** и его двухъ секундантовъ, находившихся въ другой комнатѣ. Сеніора Дерфельдта не было по причинѣ траура по недавно умершемъ отцѣ. Пожавъ по очереди руку каждому изъ буршей, я отправился со своими секундантами въ назначенную для „вооруженія“ меня смежную комнату.

Тамъ я снялъ съ себя сертукъ и рубашку. На меня наложили широкій и толстый, краснымъ сукномъ крытый и тщательно выстеганный замшевый набрюшникъ; обвили шею галстучной машиною, въ четверть аршина вышиною, а на голову надѣли каску изъ толстой, лакированной кожи. Затѣмъ лѣвую мою руку слегка привязали назади, а на правую напялили по самый локоть, длинную перчатку изъ двойной замши, сунули въ эту руку эспадронъ съ рукояткою въ видѣ коробки и съ широкимъ стальнымъ клинкомъ, конецъ котораго, вершковъ на шесть, былъ выточенъ до остроты бритвы. Потомъ Тондорфъ и Лантингъ взяли меня подъ руки и повели обратно въ залъ, гдѣ находились „бурши“ и куда въ тотъ же моментъ вошелъ также и М*** въ сопровожденіи двухъ его секундантовъ и въ такомъ же, какъ и я, нарядѣ.

Секунданты провели мѣломъ поперекъ зала двѣ черты на разстояніи 5-ти шаговъ одна отъ другой и поставили насъ въ этомъ пространствѣ другъ противъ друга. Мы съ М*** скрестили наши эспадроны, а секунданты, занявъ свои мѣста,

---

*) „Тушъ“ (la touche) прикосновеніе. Такъ называется ударъ рапирою, эспадрономъ или саблею, который, не будучи отраженнымъ, болѣе или менѣе попадаетъ въ одного изъ фехтующихъ. Результатомъ „туша“ бываетъ или „шмиссъ“ (Schmiss, бойкій ударъ), т.-е. рана, или „кратцеръ“ (Kratzer), т.-е. царапина.

**) Впослѣдствіи старшій бургомистеръ города Дерпта.

скомандовали: „Los!“ *) И начали мы свою работу: то наступая наносили другъ другу удары, то, повертываясь вправо или влѣво, парировали ихъ. Вдругъ секунданты, простирая свои эспадроны, остановили дѣйствія нашихъ и произнесли: „Es sitzt!“ **) „У Арнольда!“ прибавилъ секундантъ моего противника. Стали освидѣтельствовать: дѣйствительно оказалось, что верхній край брюшнаго моего панцыря былъ разсѣченъ „квартою“ ***), которую нанесъ мнѣ М***, и которую я недостаточно отпарировалъ. Первый „Gang“ (ходъ) оконченъ; насъ вновь поставили въ позицію, и снова, по командѣ „Los!“ начали мы рубиться. Во второй разъ секунданты, разнявъ противниковъ, произнесли: „es sitzt!“ и во второй разъ послышалась прибавка: „у Арнольда“. По освидѣтельствованію оказалось, что и это была также плохо отпарированная мною кварта, такъ что клинокъ превосходившаго меня силою и ростомъ противника, перегнувшись чрезъ мой клинокъ, разсѣкъ мнѣ кожу въ верхней части груди. „Ein Kratzer“ ****), объявилъ Аккерманнъ, исправлявшій должность „Obmann'a“ *****).

Мы въ третій разъ заняли свои позиціи и, по командѣ „Los!“ пустились въ третій и послѣдній ходъ. Понявъ, что мой противникъ преимущественно налегаетъ на кварты, я старался быть предусмотрительнѣе и обращать главное свое вниманіе на отбиваніе во время и сполна ударовъ М***. Онъ же, увидѣвъ, что сильный квартовой ударъ ему два раза удался, былъ увѣренъ, что въ третій разъ еще лучше попадетъ мнѣ въ грудь, и сталъ горячиться. Но, слишкомъ уже стараясь перекинуть свой клинокъ черезъ мой, онъ черезъ мѣру подавался правымъ плечомъ впередъ. Тогда собравшись съ силою и отпарировавъ его кварту ловкимъ отбоемъ его клинка въ сторону, я ударилъ терціею по верхней части правой его руки.

---

*) Сокращенное выраженіе вмѣсто „Geht los“; по-французски; „allez!“ начинайте.

**) „Засѣло!“

***) Искусство эспадроннаго и сабельнаго фехтованія считаетъ пять главныхъ ударовъ (въ разныхъ направленіяхъ), которые именуются: примою, секундою, терціею, простою квартою и польскою квартою.

****) Царапина.

*****) Третейскій судья.

„Es sitzt!“ воскликнули секунданты, къ чему на сей разъ послѣдовала прибавака: „у М***!“ — „Ein kleiner Schmiss!“ *) рѣшилъ третейскій судья и затѣмъ объявилъ: „Die Paukerei ist aus! Vertragt euch!“ **) М*** и я подали другъ другу руки и пошли переодѣваться.

Когда я воротился въ залъ, то стоявшіе прежде у стѣнъ столы оказались придвинутыми одинъ къ другому посреди комнаты, и вся компанія сидѣла вокругъ нихъ, распѣвая студенческія пѣсни и потягивая „крамбамбули“ ***) изъ сосудцевъ разныхъ видовъ и величинъ. Мѣсто „презуса“ въ этотъ вечеръ занималъ вышереченный старшій адъюнктъ сеніора, Родерихъ Аккерманъ, а по срединѣ стола, предъ „оберщенкомъ“ Лантингомъ, стояла огромная съ горячимъ „нектаромъ“ кастрюля, изъ которой онъ, помощью ковша, разливалъ „den Stoff“ ****) въ подставляемые ему со всѣхъ сторонъ сосудцы.

Позже явился и сеніоръ Дерфельдтъ, но на нѣсколько лишь минутъ, и то собственно только для того, какъ онъ объяснилъ, чтобы уже самому отъ себя отъ души извиниться предо мною и дѣйствительно помириться. Мы чокнулись и горячо обнялись.

Такимъ образомъ окончилась первая моя житейская борьба.

По случаю однакоже всей этой глупой ссоры прогулялъ я въ предыдущемъ году переводъ въ Приму, вслѣдствіе чего, конечно, и не могъ я попасть въ число „абитуріентовъ“ *****) сего 1828 года. Мои родители вовсе и не требовали отъ меня непремѣннаго въ этомъ году поступленія въ университетъ; но, такъ какъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года, когда изъ-за неудовлетворительнаго экзамена по латинскому языку мнѣ пришлось остаться лишній годъ въ Терціи, я далъ отцу слово, что къ осени 1828 года я, во что бы ни стало, а буду студентомъ, то мнѣ и хотѣлось сдержать слово. А потому я, по благополучномъ окончаніи вышеописанной борьбы, убѣдительнѣйше просилъ родителей о позволеніи оставить гимназію, чтобы частными уроками приготовиться къ августовскому, при

---

*) Маленькая рана.

**) „Дуэли конецъ! Миритесь!“

***) Жжёнка изъ рейнвейна и рома.

****) Матерія, а также: химическій элементъ.

*****) Держащіе выходной экзаменъ

самомъ университетѣ, экзамену на поступленіе въ студенты. Получивъ наконецъ это разрѣшеніе, я, предъ Свѣтлымъ еще Христовымъ Воскресеньемъ, выписался изъ гимназіи, и подъ руководствомъ хорошихъ учителей изъ докторантовъ и кандидатовъ сталъ ревностно заниматься. Богъ помогъ, и къ 1-му сентября того же 1828 года я былъ, какъ и обѣщалъ отцу три года тому назадъ, „Almae matris Dorpatensis Academicorum in catalogum inscriptus studiosus philosophiae"*) по части камеральныхъ наукъ.

XVII.

Такъ какъ родители жили открыто, на петербургскій свой ладъ, то у насъ было не малое знакомство, и оттого въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ всегда собиралось довольно много гостей. Въ особенности любили насъ посѣщать молодые люди обоего пола: студенты и дочери знакомыхъ (преимущественно профессоровъ и отставныхъ военныхъ), потому что у насъ не господствовала рутинно-ложная, мелочная чопорность уѣздныхъ городковъ вообще, а нѣмецкихъ городковъ въ особенности. Занимались мы обыкновенно сначала музыкою и разными общественными играми и почти всегда кончали танцами, ибо моя матушка любила, когда молодежь веселилась, и всегда готова была брать на себя роль неусыпной тапёрши.

Изъ всего круга нашихъ знакомыхъ наше семейство ближе всѣхъ сошлось съ семействами: вдовы извѣстнаго въ свое время зеркальнаго фабриканта Амелунга, отставнаго полковника фонъ-Гебгардта и университетскаго синдика Фонъ-деръ-Боргъ.

Съ г-жею Амелунгъ матушка моя была дружнѣе всѣхъ, потому что она познакомилась съ нею уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда эта дама съ своею дочерью довольно долгое время гостила въ Петербургѣ у брата своего д-ра Вольфа, который былъ домашнимъ врачемъ нашего семейства. Кромѣ того, я самъ и раньше уже былъ хорошо принятъ въ домѣ Амелунговъ, такъ какъ и въ Квартѣ и въ Терціи меньшой сынъ былъ мнѣ хорошимъ товарищемъ, и только съ полгода

---

*) Дерптскаго университета имматрикулованный студентъ философскаго факультета

тому назадъ промѣнялъ Дерптскую гимназію на Инженерный корпусъ.

У нихъ же въ домѣ я, въ началѣ 1826 года, впервые встрѣтилъ 24-лѣтняго мичмана черноморскаго флота Владиміра Ивановича Даля, знаменитаго впослѣдствіи автора народныхъ разсказовъ и ученаго составителя „Толковаго словаря“. Даль не любилъ танцовать, но не скучалъ въ обществѣ молодыхъ дамъ и дѣвицъ и умѣлъ ихъ такъ занимать, что и онѣ даже забывали про танцы. Въ общественныхъ играхъ напр. онъ выказывалъ столько разнороднѣйшаго знанія, литературной начитанности и самороднаго остроумія и столь необыкновенный талантъ къ разсказамъ, что дамы нарочно плутовали противъ него, чтобы хотя бы одного, по крайней мѣрѣ, фанта добиться отъ него. А потомъ, при выниманіи фантовъ, такъ дамы, которымъ это поручалось, всякій разъ, когда вынимаемый фантъ принадлежалъ Далю, уже непремѣнно сопровождали вопросъ: „was soll das Pfand thun?“ *) особенной, всѣмъ понятной улыбкою. Тогда со всѣхъ сторонъ подымались радостныя восклицанія: „Erzählen, etwas erzählen!“ **) И вотъ съ еще болѣе веселой улыбкою, раздавательница фантовъ поднимаетъ свою руку и говоритъ: „Herr Dahl, Ihr Pfand!“ ***) Громкіе апплодисменты привѣтствуютъ эти слова, а иныя изъ барышень бѣгутъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ засѣдаютъ солидные старички и старушки и тогда слышатся два-три серебристыхъ голоска: „Papà“, или „Mamà“, komme doch; Herr Dahl wird etwas erzählen!“ ****) Затѣмъ изъ той же комнаты за возвращающимися дочками тащутся, не одни только папаши и мамаши, но и вся солидная компанія. А „Herr Dahl“, принявъ свой фантъ и усѣвшись въ средину круга, минуты на двѣ задумывается, а тамъ и начинаетъ разсказывать. Въ темахъ для разсказовъ у него недостатка никогда не было. То описываетъ онъ жизнь матросовъ на кораблѣ; то разсказываетъ про свою родину, про Луганскій заводъ; то передаетъ какой-нибудь анекдотъ про шалости молодыхъ мичмановъ въ Николаевѣ, или

---

*) „Что дѣлать фанту?“

**) „Разсказать, что-нибудь разсказать!“

***) „Г. Даль, вашъ фантъ“.

****) „Папа, мама, приди же; г. Даль будетъ разсказывать“.

самомъ университетѣ, экзамену на поступленіе въ студенты. Получивъ наконецъ это разрѣшеніе, я, предъ Свѣтлымъ еще Христовымъ Воскресеньемъ, выписался изъ гимназіи, и подъ руководствомъ хорошихъ учителей изъ докторантовъ и кандидатовъ сталъ ревностно заниматься. Богъ помогъ, и къ 1-му сентября того же 1828 года я былъ, какъ и обѣщалъ отцу три года тому назадъ, „Almae matris Dorpatensis Academicorum in catalogum inscriptus studiosus philosophiae"*) по части камеральныхъ наукъ.

XVII.

Такъ какъ родители жили открыто, на петербургскій свой ладъ, то у насъ было не малое знакомство, и оттого въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ всегда собиралось довольно много гостей. Въ особенности любили насъ посѣщать молодые люди обоего пола: студенты и дочери знакомыхъ (преимущественно профессоровъ и отставныхъ военныхъ), потому что у насъ не господствовала рутинно-ложная, мелочная чопорность уѣздныхъ городковъ вообще, а нѣмецкихъ городковъ въ особенности. Занимались мы обыкновенно сначала музыкою и разными общественными играми и почти всегда кончали танцами, ибо моя матушка любила, когда молодежь веселилась, и всегда готова была брать на себя роль неусыпной тапёрши.

Изъ всего круга нашихъ знакомыхъ наше семейство ближе всѣхъ сошлось съ семействами: вдовы извѣстнаго въ свое время зеркальнаго фабриканта Амелунга, отставнаго полковника Фонъ-Гебгардта и университетскаго синдика Фонъ-деръ-Боргъ.

Съ г-жею Амелунгъ матушка моя была дружнѣе всѣхъ, потому что она познакомилась съ нею уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда эта дама съ своею дочерью довольно долгое время гостила въ Петербургѣ у брата своего д-ра Вольфа, который былъ домашнимъ врачемъ нашего семейства. Кромѣ того, я самъ и раньше уже былъ хорошо принятъ въ домѣ Амелунговъ, такъ какъ и въ Квартѣ и въ Терціи меньшой сынъ былъ мнѣ хорошимъ товарищемъ, и только съ полгода

---

*) Дерптскаго университета имматрикулованный студентъ философскаго факультета

про чудака, стараго адмирала Самуила Самуиловича Грейга и т. п. Къ тому же онъ разсказывалъ живо, рельефно; ибо владѣлъ (по крайней мѣрѣ въ то время) нѣмецкимъ языкомъ на столько же, сколько и русскимъ. Отдѣльныя подробности этихъ разсказовъ, конечно, должны были вскорѣ улетучиться изъ моей памяти; но когда въ концѣ 30-хъ годовъ я сталъ читать разсказы „Казака Луганскаго", то повѣсти эти невольно вызвали во мнѣ вновь ту картину, которую я только что начертилъ, и мнѣ будто послышались серебристые голоски: „Mama, komme doch, Herr Dahl wird etwas erzählen!"

По своемъ пріѣздѣ въ Дерптъ, Даль первое время (кажется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ) являлся въ мичманскомъ мундирѣ. Помню очень твердо, что разъ какъ-то, пришедши вечеромъ къ Амелунгамъ, я увидѣлъ въ комнатѣ третьяго сына, студента-медика, сидѣвшаго около стола незнакомаго мнѣ морскаго офицера съ сухощавымъ лицомъ, съ выдающимся лбомъ и довольно большимъ, нѣсколько орлинымъ носомъ, котораго обступали человѣкъ до десяти студентовъ и гимназистовъ, съ любопытствомъ глазѣвшихъ на его занятіе. Предъ этимъ офицеромъ стояла какая-то машинка съ мѣдными трубочками, и предъ машинкою зажженная спиртовая лампочка, а по правую и по лѣвую сторону — коробочки, въ которыхъ лежатъ сломанныя, тоненькія стеклянныя трубочки различныхъ цвѣтовъ. Офицеръ бралъ въ каждую руку по одной изъ такихъ трубочекъ и, начиная дуть въ машинку (отчего огонекъ лампочки вытягивался горизонтально), то протягивалъ, то приближалъ, повертывалъ руками туда и сюда, сплеталъ, вытягивалъ трубочки на огнѣ и т. д. и т. д. Когда онъ окончилъ свои эволюціи, то стеклянныя трубочки стали меньше, а на кончикѣ одной изъ нихъ висѣла какая-то штучка. Онъ отломилъ и подалъ намъ эту штучку. Оказалось, что это была маленькая, микроскопическая коробочка, сплетенная изъ тончайшихъ двуцвѣтныхъ стеклянныхъ нитей. Этотъ-то офицеръ и былъ мичманъ Даль, впервые научившій дерптское общество пріятному, въ часы досуга, препровожденію времени — производству миленькихъ бездѣлушекъ изъ литаго, цвѣтнаго стекла. А самъ онъ былъ великій въ этомъ производствѣ искусникъ: у него выходили удивительныя по формѣ, по выдумкѣ и по исполненію, вполнѣ художественныя вещицы. У моей матушки долго

сохранялся премиленькій вѣночекъ розъ, около полдюйма въ діаметрѣ, работы Даля.

Осенью 1828 года Владиміръ Ивановичъ блестяще сдалъ докторскій экзаменъ и отправился въ дѣйствующую армію для поступленія въ полковые врачи.

За недѣлю до своего отъѣзда онъ вмѣстѣ съ Амелунгами былъ еще у насъ на маскарадной вечеринкѣ, которая давалась въ честь брата Александра, пріѣхавшаго изъ Петербурга погостить у насъ. При этомъ случаѣ Даль показалъ даже свою необычайную гимнастическую ловкость, да къ тому же въ самой оригинальной формѣ. Для понятія произведеннаго Вл. Ив. Далемъ эффекта надобно разсказать краткую топографію нашего зала. На улицу выходило 5 оконъ, а дверей было трое, изъ коихъ однѣ напротивъ средняго окна, а другія двѣ, однѣ противъ другихъ, вдоль зала; однѣ изъ этихъ послѣднихъ служили сообщеніемъ съ переднею. Половинки всѣхъ трехъ дверей, когда были открыты, то вдавались въ залъ.

Уже не мало собралось гостей и въ костюмахъ, и въ обыкновенной бальной одеждѣ, а изъ первыхъ кто въ маскѣ, кто и безъ маски. Вдругъ совершенно неслышной, легкой, скользящей походкою является Пьерро съ сухопарой, блѣдной физіономіей, обрамленной длинными, льнянаго цвѣта локонами, въ широчайшихъ шароварахъ, въ мѣшкѣ до половины икръ, на которомъ красуются шесть огромныхъ красныхъ пуговицъ, на головѣ — китайская широкая шляпа изъ сѣраго войлока, а на ногахъ башмаки, словно австралійскія каноэ, кончающіяся и впередъ и назадъ лодочкой. Пьерро поклонился, повернулся и поклонился еще разъ. Вотъ-те чудо! Да это двойникъ-Пьерро, о двухъ переднихъ лишь половинкахъ, сросшихся въ срединѣ! Пьерро подходитъ къ вдающейся въ залъ половинкѣ дверей, хочетъ пройти сквозь нее и, конечно, стукается головой. Дверь не поддается. Тогда упрямый Пьерро, безъ всякаго шума, и безъ малѣйшаго ломанія себя, словно настоящій горилла, взлѣзаетъ на дверь, а съ другой стороны тихонько сползаетъ. Пошелъ онъ затѣмъ вдоль стѣнъ, (да все поверткомъ, такъ что нельзя было разобрать, какая сторона обращена къ намъ) и набрелъ на среднія двери; тутъ ему противятся двѣ уже половинки. Нашему Пьерро это нипочемъ: онъ перелѣзъ чрезъ обѣ и побрелъ дальше, перелѣзъ такимъ же

камерамъ и черезъ третья двери. Само собою разумѣется, что вся наша публика, съ веселымъ хохотомъ слѣдила за всѣми продѣлками Пьерро. Послѣ послѣдняго перехода онъ пошелъ черезъ залу къ выходу, все время повертываясь и постоянно раскланиваясь на обѣ противоположныя стороны. Наконецъ онъ исчезъ за притворявшимися за нимъ дверьми выхода въ сѣни, при громкихъ аплодисментахъ всѣхъ гостей. Черезъ полчаса вошелъ въ залу „Herr Doctor Dahl“ въ мундирѣ полковаго врача*).

Семейства фонъ-Гебгардтъ и фонъ-деръ-Боргъ жили въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ. Но не столько по этой причинѣ установились дружескія отношенія между нашими домами, сколько потому, что „фрау“ фонъ-Гебгардтъ и „фрау“ фонъ-деръ-Боргъ болѣе прочихъ дамъ дерптскаго „bonne société“ оказались подходящими къ нечопорному естественно-общежительному, веселому и всегда ровному характеру моей матушки. Къ этому присоединялись еще и тѣ обстоятельства, что два сынка и дочка фонъ-деръ-Боргъ были сверстниками моихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ: а хорошенькая 15-лѣтняя дочь полковника фонъ-Гебгардтъ, „фрейлейнъ“ Луиза была хорошая піанистка, такъ что мнѣ чрезвычайно пріятно было играть съ нею въ 4 руки классическія и салонныя пьесы тогдашняго репертуара. Изъ этого весьма послѣдовательно вытекало, что на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ фрейлейнъ Луиза и я занимали не послѣднее мѣсто, а въ мазуркѣ и въ котильонѣ, который уже тогда началъ вытѣснять старый ан-

*) Въ ноябрѣ 1860 года, когда послѣ первой моей поѣздки по Волгѣ, я пріѣхалъ въ Москву, тогда, отыскавъ всѣхъ живыхъ тутъ старыхъ моихъ дерптскихъ знакомыхъ (напр. профессоровъ Иноземцева, Анке и Сем. Куторгу), навѣстилъ я, конечно, также и маститаго уже старца Владиміра Ивановича, который принялъ меня съ его обычной привѣтливостью. Я напомнилъ ему про дерптскія его продѣлки, и старикъ весело захохоталъ, вспомнивъ свою молодость. „Н—да!“ сказалъ онъ потомъ, съ невольнымъ вздохомъ, „мы были молоды тогда! Теперь мнѣ бы этого уже не продѣлать“. Когда же въ 1870 году, послѣ семилѣтней моей дѣятельности въ Германіи, я поселился въ Москвѣ навсегда, тогда въ теченіе трехъ цѣлыхъ лѣтъ моя борьба съ интригами любезныхъ моихъ собратьевъ по Аполлону поглощала до того все мое время и всѣ мои заботы, что о старыхъ дерптскихъ студентахъ и вспомнить было некогда. А въ 1873 году искренне- и высокоуважаемаго Владиміра Ивановича не было уже въ живыхъ. Онъ скончался осенью 1872 года.

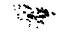
глезъ, — обыкновенно фигурировали вмѣстѣ въ первой парѣ. Но, il n'y avait que sympathie artistique.

Иногда случалось, что въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали и гораздо превосходившія насъ, поистинѣ артистическія силы, именно: одна фортепіанистка и одинъ скрипачъ. Первая была дочь весьма крупнаго негоціанта, m-elle Леонтина Тунъ, лѣтъ 18 — 19, собственно-то не красивая собою, но весьма симпатичная и очень образованная дѣвица. Своимъ инструментомъ она владѣла превосходно, а пьесы, въ особенности классическія, исполняла она съ разумомъ и съ поэтическимъ увлеченіемъ*).

Другой же былъ 23-лѣтній студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Davidhoff), сынъ митавскаго банкира-еврея**). Не вѣдаю я, кто именно былъ его учителемъ, но замѣчательная игра талантливаго студента явно отзывалась классической школою славнаго той эпохи скрипача Карла Липинскаго. Я совершенно свѣжо вспоминаю про эту игру, отличавшуюся, кромѣ чистоты звуковъ, въ особенности грандіозно-широкимъ веденіемъ смычка, результатомъ чего являлся весьма мощный и въ то же время пѣвучій, мягкій тонъ. Не мало, правда, способствовало тому также и превосходство имѣвшагося тогда у него инструмента. Это была настоящая скрипка „Nicolaï Amati", необыкновенно красивой формы, такъ что однѣ уже мягкія линіи выпуклостей обѣихъ декъ привлекали къ себѣ вниманіе знатоковъ. Элегантная, совершенно пропорціональная всему инструменту шейка и артистической работы рѣзная львиная головка довершали прелесть этого образцоваго произведенія знаменитаго

*) Въ 1840-мъ году мнѣ сказали, что m elle Леонтина въ 30-хъ годахъ давала концертъ въ Лондонѣ и что вслѣдствіе того она была назначена придворной фортепіанисткой при англійской королевѣ. Сообщила же мнѣ это родная сестра ея, жена моего университетскаго товарища д-ра Беренсъ. А далѣе справиться мнѣ тогда и въ голову не приходило, ибо невѣроятнаго тутъ я ничего не находилъ.

**) Въ 1860-мъ году я встрѣтилъ доктора Давидова (какъ онъ тогда назывался) въ Москвѣ. Въ семействѣ его музыка играла значительную роль. Младшій его сынъ, Карлъ Юліевичъ, тогда уже славился какъ одинъ изъ лучшихъ віолончелистовъ Европы; одна изъ дочерей, Паулина Юліевна, превосходно играла на фортепіано. Заслуги же двухъ старшихъ сыновей доктора Давидова, Ивана и Августа Юліевичей, въ сферахъ общественной и ученой дѣятельности, всѣмъ довольно извѣстны.

маперомъ и черезъ третьи двери. Само собою разумѣется, что вся наша публика, съ веселымъ хохотомъ слѣдила за всѣми продѣлками Пьерро. Послѣ послѣдняго перехода онъ пошелъ черезъ залу къ выходу, все время повертываясь и постоянно раскланиваясь на обѣ противоположныя стороны. Наконецъ онъ изчезъ за притворившимися за нимъ дверьми выхода въ сѣни, при громкихъ апплодисментахъ всѣхъ гостей. Чрезъ полчаса вошелъ въ залу „Herr Doctor Dahl“ въ мундирѣ полковаго врача*).

Семейства фонъ-Гебгардтъ и фонъ-деръ-Боргъ жили въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ. Но не столько по этой причинѣ установились дружескія отношенія между нашими домами, сколько потому, что „фрау“ фонъ-Гебгардтъ и „фрау“ фонъ-деръ-Боргъ болѣе прочихъ дамъ дерптскаго „bonne société“ выказались подходящими къ нечопорному естественно-общежительному, веселому и всегда ровному характеру моей матушки. Къ этому присоединились еще и тѣ обстоятельства, что два сынка и дочка фонъ-деръ-Боргъ были сверстниками моихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ; а хорошенькая 15-лѣтняя дочь полковника фонъ-Гебгардтъ, „фрейлейнъ“ Луиза была хорошая піанистка, такъ что мнѣ чрезвычайно пріятно было играть съ нею въ 4 руки классическія и салонныя пьесы тогдашняго репертуара. Изъ этого весьма послѣдовательно вытекало, что на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ фрейлейнъ Луиза и я занимали не послѣднее мѣсто, а въ мазуркѣ и въ котильонѣ, который уже тогда началъ вытѣснять старый ан-

*) Въ ноябрѣ 1860 года, когда послѣ первой моей поѣздки по Волгѣ, я пріѣхалъ въ Москву, тогда, отыскавъ всѣхъ жившихъ тутъ старыхъ моихъ дерптскихъ знакомыхъ (напр. профессоровъ Иноземцева, Анке и Сем. Куторгу), навѣстилъ я, конечно, также и маститаго уже старца Владиміра Ивановича, который принялъ меня съ его обычной привѣтливостью. Я напомнилъ ему про дерптскія его продѣлки, и старикъ весело захохоталъ, вспомнивъ свою молодость. „Н—да!“ сказалъ онъ потомъ, съ невольнымъ вздохомъ, „мы были молоды тогда! Теперь мнѣ бы этого уже не продѣлать“. Когда же въ 1870 году, послѣ семилѣтней моей дѣятельности въ Германіи, я поселился въ Москвѣ навсегда, тогда въ теченіе трехъ цѣлыхъ лѣтъ моя борьба съ интригами любезныхъ моихъ собратьевъ по Аполлону поглощала до того все мое время и всѣ мои заботы, что о старыхъ дерптскихъ студентахъ и вспомнить было некогда. А въ 1873 году искренне- и высокоуважаемаго Владиміра Ивановича не было уже въ живыхъ. Онъ скончался осенью 1872 года.

глезъ, — обыкновенно фигурировали вмѣстѣ въ первой парѣ. Но, il n'y avait que sympathie artistique.

Иногда случалось, что въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали и гораздо превосходившія насъ, поистинѣ артистическія силы, именно: одна фортепіанистка и одинъ скрипачъ. Первая была дочь весьма крупнаго негоціанта, m-elle Леонтина Тунъ, лѣтъ 18 — 19, собственно-то не красивая собою, но весьма симпатичная и очень образованная дѣвица. Своимъ инструментомъ она владѣла превосходно, а пьесы, въ особенности классическія, исполняла она съ разумомъ и съ поэтическимъ увлеченіемъ*).

Другой же былъ 23-лѣтній студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Davidhoff), сынъ митавскаго банкира-еврея**). Не вѣдаю я, кто именно былъ его учителемъ, но замѣчательная игра талантливаго студента явно отзывалась классической школою славнаго той эпохи скрипача Карла Липинскаго. Я совершенно свѣжо вспоминаю про эту игру, отличавшуюся, кромѣ чистоты звуковъ, въ особенности грандіозно-широкимъ веденіемъ смычка, результатомъ чего являлся весьма мощный и въ то же время пѣвучій, мягкій тонъ. Не мало, правда, способствовало тому также и превосходство имѣвшагося тогда у него инструмента. Это была настоящая скрипка „Nicolaï Amati", необыкновенно красивой формы, такъ что однѣ уже мягкія линіи выпуклостей обѣихъ декъ привлекали къ себѣ вниманіе знатоковъ. Элегантная, совершенно пропорціональная всему инструменту шейка и артистической работы рѣзная львиная головка довершали прелесть этого образцоваго произведенія знаменитаго

---

*) Въ 1840-мъ году мнѣ сказали, что m elle Леонтина въ 30-хъ годахъ давала концертъ въ Лондонѣ и что вслѣдствіе того она была назначена придворной фортепіанисткой при англійской королевѣ. Сообщила же мнѣ это родная сестра ея, жена моего университетскаго товарища д-ра Беренсъ. А далѣе справиться мнѣ тогда и въ голову не приходило, ибо невѣроятнаго тутъ я ничего не находилъ.

**) Въ 1860-мъ году я встрѣтилъ доктора Давидова (какъ онъ тогда назывался) въ Москвѣ. Въ семействѣ его музыка играла значительную роль. Младшій его сынъ, Карлъ Юліевичъ, тогда уже славился какъ одинъ изъ лучшихъ віолончелистовъ Европы; одна изъ дочерей, Паулина Юліевна, превосходно играла на фортепіано. Заслуги же двухъ старшихъ сыновей доктора Давидова, Ивана и Августа Юліевичей, въ сферахъ общественной и ученой дѣятельности, всѣмъ довольно извѣстны.

Кремонскаго мастера XVII вѣка. Любопытно бы знать, въ чьихъ рукахъ находится нынѣ этотъ замѣчательный инструментъ? Самъ г. Давидгофъ былъ, хотя далеко не красивый, но чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ. Несмотря на научные его, по медицинской части успѣхи, несмотря на обширное его знакомство съ европейской литературою, несмотря, наконецъ, на упомянутую высокую степень музыкальнаго его развитія, скромность его была такъ велика, что, когда я случайно съ нимъ познакомился у актуарія городскаго суда Вильде, весьма солиднаго віолончелиста любителя (у котораго квартировалъ г. Давидгофъ), то мнѣ стоило большаго труда и долговременнаго уговариванія, пока удалось притащить его въ домъ моихъ родителей. Съ искреннимъ уваженіемъ я и по сію пору вспоминаю объ этомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достопочтенномъ товарищѣ дерптской моей жизни.

Что музыкальные наши вечера не обходились безъ пѣнія, это само собою разумѣется. Странно только, что „примадоннъ"-то у насъ не было, хотя для хоровыхъ исполненій не было чувствительнаго недостатка въ женскихъ голосахъ. Въ моей памяти не осталось, ни образа, ни даже имени какой-либо пѣвицы-солистки изъ среды дамъ и дѣвицъ нашего круга знакомыхъ. Но между посѣщавшими насъ студентами встрѣчались любители пѣнія съ весьма порядочными голосами, въ особенности для квартетнаго пѣнія. Въ послѣднемъ родѣ отличались на нашихъ вечерахъ: два брата Гёппенеръ (Höppener) изъ Ревеля и три уроженца г. Риги, братья Жоржъ и Робертъ Пфаннштиль (Pfannstiel) *) и Кавитцель (Cawietzel)**). Самъ же я въ эти годы не пѣвалъ, потому что голосъ мой находился тогда въ стадіи мутаціи.

Отъ времени до времени устраивались у насъ также и сценическія представленія, которыми руководили университетскій лекторъ нѣмецкаго языка Раупахъ (племянникъ славившагося тогда нѣмецкаго драматическаго писателя Эрнста Раупаха), и молодой поэтъ, Баронъ Александръ фонъ-Унгернъ-Штерн-

*) Робертъ Пфаннштиль, немногимъ только старше меня, состоялъ впослѣдствіи чиновникомъ особыхъ порученій при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

**) Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, проѣздомъ въ Германію, я побывалъ въ Ригѣ, то навѣстилъ я также и Кавитцеля, занимавшаго тогда постъ втораго бургермейстера (товарища городскаго головы).

бергъ, впослѣдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) переселившійся въ Берлинъ и сдѣлавшійся однимъ изъ любимыхъ романистовъ той эпохи *).

Хотя послѣдній и былъ лѣтъ на шесть или на семь старше меня, но мы съ нимъ вскорѣ подружились. Часто бесѣдовали мы съ нимъ о техникѣ поэтическаго труда, и ему-то я преимущественно обязанъ здравымъ развитіемъ моего воззрѣнія на должное (серіозное) подготовленіе къ каждому задуманному сочиненію. Онъ первый обратилъ мое вниманіе на тѣ письма Шиллера и Гёте, въ которыхъ эти великіе поэты разсуждаютъ о планахъ своихъ твореній и о развитіи характера героя или героини будущихъ своихъ романовъ или драмъ; онъ же знакомилъ меня со статьями Лессинга о драматургіи и разъяснялъ мнѣ глубокое ихъ значеніе; онъ же, наконецъ, указалъ мнѣ на сочиненія Энгеля и барона Секкендорфа объ искусствѣ мимики и пантомимики, и на пользу изученія этой науки также для писателей, и не только драмъ, но и романовъ.

Репертуаръ былъ не великъ, но довольно разнообразный, и никогда не былъ тривіаленъ, хотя мы придерживались исключительно только жанра комедіи. Въ теченіи двухъ зимъ исполняли мы двѣ комедіи Гёте, двѣ — Шиллера; три одноактныя пьесы Теодора Кёрнера и одну комедію Мюлльнера, да два лучшихъ творенія Коцебу. Въ этихъ театральныхъ представленіяхъ участвовали также и дамы. Изъ нихъ въ особенности отличались талантливымъ, характеристически-живымъ исполненіемъ дѣвицы: Луиза фонъ-Бёлендорфъ, дочь профессора, и упомянутая выше Леонтина Тунъ.

Между мужскими участниками, лучшими членами нашей труппы оказались, конечно, Раупахъ и Унгернъ-Штернбергъ. Но весьма хорошими, т.-е. естественно-типическими, тонкими комиками являлись также два студента, оба медики: Анке (москвичъ) **) и Аккерманнъ (уроженецъ Петербурга); первый

*) Наиболѣе прославился онъ романомъ «Die gelbe Gräfin». Какъ литераторъ подписывался онъ: «A. von Sternberg».

**) Николай Богдановичъ Анке, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, былъ крестникомъ моего отца. Его отецъ состоялъ учителемъ и воспитателемъ при основанномъ моимъ отцомъ въ Москвѣ «Пансіонѣ коммерческихъ наукъ», въ 1810 году переформированномъ и переименованномъ въ «Академію коммерческихъ наукъ». Николай Богдановичъ владѣлъ необыкновеннымъ.

Кремонскаго мастера XVII вѣка. Любопытно бы знать, въ чьихъ рукахъ находится нынѣ этотъ замѣчательный инструментъ? Самъ г. Давидгофъ былъ, хотя далеко не красивый, но чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ. Несмотря на научные его, по медицинской части успѣхи, несмотря на обширное его знакомство съ европейской литературою, несмотря, наконецъ, на упомянутую высокую степень музыкальнаго его развитія, скромность его была такъ велика, что, когда я случайно съ нимъ познакомился у актуарія городскаго суда Вильде, весьма солиднаго віолончелиста-любителя (у котораго квартировалъ г. Давидгофъ), то мнѣ стоило большаго труда и долговременнаго уговариванія, пока удалось притащить его въ домъ моихъ родителей. Съ искреннимъ уваженіемъ я и по сію пору вспоминаю объ этомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достопочтенномъ товарищѣ дерптской моей жизни.

Что музыкальные наши вечера не обходились безъ пѣнія, это само собою разумѣется. Странно только, что „примадоннъ"-то у насъ не было, хотя для хоровыхъ исполненій не было чувствительнаго недостатка въ женскихъ голосахъ. Въ моей памяти не осталось, ни образа, ни даже имени какой-либо пѣвицы-солистки изъ среды дамъ и дѣвицъ нашего круга знакомыхъ. Но между посѣщавшими насъ студентами встрѣчались любители пѣнія съ весьма порядочными голосами, въ особенности для квартетнаго пѣнія. Въ послѣднемъ родѣ отличались на нашихъ вечерахъ: два брата Гёппенеръ (Höppener) изъ Ревеля и три уроженца г. Риги, братья Жоржъ и Робертъ Пфанштиль (Pfannstiel) *) и Кавитцель (Cawietzel)**). Самъ же я въ эти годы не пѣвалъ, потому что голосъ мой находился тогда въ стадіи мутаціи.

Отъ времени до времени устраивались у насъ также и сценическія представленія, которыми руководили универ[illegible] лекторъ нѣмецкаго языка Раупахъ (племянникъ [illegible] тогда нѣмецкаго драматическаго писателя Эрнста [illegible]), и молодой поэтъ, Баронъ Александръ [illegible] Унгер[illegible]

---

*) Робертъ Пфанштиль, немногимъ только [illegible] ства, [illegible] ствіи чиновникомъ особыхъ порученій при [illegible]

**) Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1863 [illegible] то навѣстилъ я также и Кавитц[illegible] стера (товарища городскаго [illegible]

бергъ, впослѣдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) переселившійся въ Берлинъ и сдѣлавшійся однимъ изъ любимыхъ романистовъ той эпохи *).

Хотя послѣдній и былъ лѣтъ на шесть или на семь старше меня, но мы съ нимъ вскорѣ подружились. Часто бесѣдовали мы съ нимъ о техникѣ поэтическаго труда, и ему-то я преимущественно обязанъ здравымъ развитіемъ моего воззрѣнія на должное (серіозное) подготовленіе къ каждому задуманному сочиненію. Онъ первый обратилъ мое вниманіе на тѣ письма Шиллера и Гёте, въ которыхъ эти великіе поэты разсуждаютъ о планахъ своихъ твореній и о развитіи характера героя или героини будущихъ своихъ романовъ или драмъ; онъ же знакомилъ меня со статьями Лессинга о драматургіи и разъяснялъ мнѣ глубокое ихъ значеніе; онъ же, наконецъ, указалъ мнѣ на сочиненія Энгеля и барона Секкендорфа объ искусствѣ мимики и пантомимики, и на пользу изученія этой науки также для писателей, и не только драмъ, но и романовъ.

Репертуаръ былъ не великъ, но довольно разнообразный, и никогда не былъ тривіаленъ, хотя мы придерживались исключительно только жанра комедіи. Въ теченіи двухъ зимъ исполняли мы двѣ комедіи Гёте, двѣ — Шиллера; три одноактныя пьесы Теодора Кёрнера и одну комедію Мюлльнера, да два лучшихъ творенія Коцебу. Въ этихъ театральныхъ представленіяхъ участвовали также и дамы. Изъ нихъ въ особенности отличались талантливымъ, характеристически-живымъ исполненіемъ дѣвицы: Луиза фонъ-Бёлендорфъ, дочь профессора, и упомянутая выше Леонтина Тунъ.

Между мужскими участниками, лучшими членами нашей труппы [illegible], конечно, Раупахъ и Унгернъ Штернбергъ. Но [illegible]ими, т.-е. естественно-типическими, тонкими комик[illegible] также два студента, оба медики: Анке ([illegible] Аккерманнъ (уроженецъ Петербурга); первый

[illegible] романомъ «Die gelbe Gräfin». Какъ литераторъ [illegible]berg».

[illegible], впослѣдствіи профессоръ Московскаго уни[illegible] отца. Его отецъ состоялъ учителемъ и вос[illegible] отцомъ въ Москвѣ «Пансіонѣ коммерче[illegible]рированномъ и переименованномъ въ «Ака[illegible]олай Богдановичъ владѣлъ необыкновеннымъ

Кремонскаго мастера XVII вѣка. Любопытно бы знать, въ чьихъ рукахъ находится нынѣ этотъ замѣчательный инструментъ? Самъ г. Давидгофъ былъ, хотя далеко не красивый, но чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ. Несмотря на научные его, по медицинской части успѣхи, несмотря на обширное его знакомство съ европейской литературою, несмотря, наконецъ, на упомянутую высокую степень музыкальнаго его развитія, скромность его была такъ велика, что, когда я случайно съ нимъ познакомился у актуарія городскаго суда Вильде, весьма солиднаго віолончелиста-любителя (у котораго квартировалъ г. Давидгофъ), то мнѣ стоило большаго труда и долговременнаго уговариванія, пока удалось притащить его въ домъ моихъ родителей. Съ искреннимъ уваженіемъ я и по сію пору вспоминаю объ этомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достопочтенномъ товарищѣ дерптской моей жизни.

Что музыкальные наши вечера не обходились безъ пѣнія, это само собою разумѣется. Странно только, что „примадоннъ"-то у насъ не было, хотя для хоровыхъ исполненій не было чувствительнаго недостатка въ женскихъ голосахъ. Въ моей памяти не осталось, ни образа, ни даже имени какой-либо пѣвицы-солистки изъ среды дамъ и дѣвицъ нашего круга знакомыхъ. Но между посѣщавшими насъ студентами встрѣчались любители пѣнія съ весьма порядочными голосами, въ особенности для квартетнаго пѣнія. Въ послѣднемъ родѣ отличались на нашихъ вечерахъ: два брата Гёппенеръ (Höppener) изъ Ревеля и три уроженца г. Риги, братья Жоржъ и Робертъ Пфанштиль (Pfannstiel) *) и Кавитцель (Cawietzel)**). Самъ же я въ эти годы не пѣвалъ, потому что голосъ мой находился тогда въ стадіи мутаціи.

Отъ времени до времени устраивались у насъ также и сценическія представленія, которыми руководили университетскій лекторъ нѣмецкаго языка Раупахъ (племянникъ славившагося тогда нѣмецкаго драматическаго писателя Эрнста Раупаха), и молодой поэтъ, Баронъ Александръ фонъ-Унгернъ-Штерн-

---

*) Робертъ Пфанштиль, немногимъ только старше меня, состоялъ впослѣдствіи чиновникомъ особыхъ порученій при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

**) Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, проѣздомъ въ Германію, я побывалъ въ Ригѣ, то навѣстилъ я также и Кавитцеля, занимавшаго тогда постъ втораго бюргермейстера (товарища городскаго головы).

бергъ, впослѣдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) переселившійся въ Берлинъ и сдѣлавшійся однимъ изъ любимыхъ романистовъ той эпохи *).

Хотя послѣдній и былъ лѣтъ на шесть или на семь старше меня, но мы съ нимъ вскорѣ подружились. Часто бесѣдовали мы съ нимъ о техникѣ поэтическаго труда, и ему-то я преимущественно обязанъ здравымъ развитіемъ моего воззрѣнія на должное (серіозное) подготовленіе къ каждому задуманному сочиненію. Онъ первый обратилъ мое вниманіе на тѣ письма Шиллера и Гёте, въ которыхъ эти великіе поэты разсуждаютъ о планахъ своихъ твореній и о развитіи характера героя или героини будущихъ своихъ романовъ или драмъ; онъ же знакомилъ меня со статьями Лессинга о драматургіи и разъяснялъ мнѣ глубокое ихъ значеніе; онъ же, наконецъ, указалъ мнѣ на сочиненія Энгеля и барона Секкендорфа объ искусствѣ мимики и пантомимики, и на пользу изученія этой науки также для писателей, и не только драмъ, но и романовъ.

Репертуаръ былъ не великъ, но довольно разнообразный, и никогда не былъ тривіаленъ, хотя мы придерживались исключительно только жанра комедіи. Въ теченіи двухъ зимъ исполняли мы двѣ комедіи Гёте, двѣ — Шиллера; три одноактныя пьесы Теодора Кёрнера и одну комедію Мюлльнера, да два лучшихъ творенія Коцебу. Въ этихъ театральныхъ представленіяхъ участвовали также и дамы. Изъ нихъ въ особенности отличались талантливымъ, характеристически-живымъ исполненіемъ дѣвицы: Луиза фонъ-Бёлендорфъ, дочь профессора, и упомянутая выше Леонтина Тунъ.

Между мужскими участниками, лучшими членами нашей труппы оказались, конечно, Раупахъ и Унгернъ Штернбергъ. Но весьма хорошими, т.-е. естественно-типическими, тонкими комиками являлись также два студента, оба медики: Анке (москвичъ) **) и Аккерманнъ (уроженецъ Петербурга); первый

---

*) Наиболѣе прославился онъ романомъ «Die gelbe Gräfin». Какъ литераторъ подписывался онъ: «A. von Sternberg».

**) Николай Богдановичъ Анке, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, былъ крестникомъ моего отца. Его отецъ состоялъ учителемъ и воспитателемъ при основанномъ моимъ отцомъ въ Москвѣ «Пансіонѣ коммерческихъ наукъ», въ 1810 году переформированномъ и переименованномъ въ «Академію коммерческихъ наукъ». Николай Богдановичъ владѣлъ необыкновеннымъ

изъ нихъ между прочимъ превосходно изобразилъ сонливаго, стараго помѣщика „Herr von Langsalm“ въ комедіи Коцебу „Der Wirtwarr“ (Суматоха), а другой глупаго плута: ночнаго сторожа въ пьесѣ Кёрнера того же названія („Der Nachtwächter“). Раупахъ игралъ всего одинъ только разъ, представивъ хитраго хозяина гостинницы въ классической комедіи Гёте (въ стихахъ) „Die Mitschuldigen“ (Совиновные), и потомъ участвовалъ только еще въ должности режиссера и суфлёра. Унгернъ-Штернбергъ избѣгалъ ролей „jeune premier, и я также, въ особенности послѣ того, какъ я провалился, изобразивъ съ чрезмѣрнымъ до смѣшнаго паѳосомъ любовника-студента въ простенькой пьескѣ Кёрнера „Der Nachtwächter“. Довольно значительный успѣхъ въ нашемъ кругу имѣло исполненіе одноактной блюэтки Коцебу: „Die Zerstreuten“ (Разсѣянные), именно по внѣшней забавности ея обстановки. Исполнителями являлись Унгернъ-Штернбергъ, упомянутый Аккерманнъ, одинъ студентъ-медикъ Лейтнеръ (изъ Казани) и я. Аккерманнъ да я были почти равны ростомъ (аршина въ два съ половиною), а Штернбергъ и Лейтнеръ на полголовы выше насъ. Унгернъ-Штернбергъ, помощью гримировки и костюма, представилъ стараго капитана донельзя тощимъ, отчего казался еще выше; Лейтнеръ заказалъ себѣ башмаки съ высокими каблуками, а Аккерманнъ, помощью подушекъ, изобразилъ маіора почти шарообразнымъ. Роль же дочери этого квадратнаго толстяка поручили мнѣ. Стоило большихъ хлопотъ найти подходящее къ моему росту женское платье „à décolleté“, да парикъ, который, хоть сколько-нибудь, придалъ бы мнѣ видъ „d'une jeune démoiselle de bonne famille“.

Сыграться мы такъ сыгрались, что обошлись безъ суфлера, и къ тому же въ своемъ исполненіи никто изъ насъ ни малѣйше не позволилъ себѣ утрировать комизмъ нехудожественнымъ себя ломаніемъ. Но самая-то пьеса уже содержала много остроумно составленныхъ, естественно-смѣшныхъ ситуацій, а на подборъ большой ростъ исполнителей прибавляло также своего рода эффектъ. Зрители много хохотали и долго, долго еще вспоминали объ этомъ представленіи, ко-

---

талантомъ подражать голосу и манерамъ различныхъ лицъ и великолѣпно умѣлъ сценически разсказывать юмористическія приключенія.

торое прозвали: „eine Riesenvorführung“ т.-е. выводъ на-показъ великановъ, а также и гигантское представленіе).

Публичнаго театра въ Дерптѣ не существовало, но бывали иногда публичные, съ платою за входъ, концерты. Такъ, напр., въ большой залѣ „Академической муссы“ *) раза по два въ зимніе сезоны устраивались концерты съ благотворительной цѣлью, съ участіемъ тамошнихъ любителей, преимущественно изъ студентовъ, а иногда также какой-нибудь оперной пѣвицы изъ Риги или изъ Ревеля. Устраивались эти музыкальныя торжества комитетомъ благотворителей изъ высшаго круга дерптскаго общества; дирижеромъ былъ „университетскій музыкдиректоръ“ Бидерманнъ**). Затѣмъ случалось иногда, что артисты-виртуозы, проѣздомъ изъ Риги въ Петербургъ, соглашались предстать также и предъ дерптской публикою въ собственно отъ себя даваемыхъ концертахъ. Эти послѣдніе давались обыкновенно въ залѣ „большой (или общественной) муссы“.

Помню я, въ особенности два случая, которые, пожалуй, имѣютъ даже нѣкоторое музыкально-историческое значеніе.

Это, во-первыхъ, былъ благотворительный концертъ, данный зимою 1826-го года, къ участію въ которомъ была приглашена изъ Ревеля, жившая тамъ великая прошлаго вѣка знаменитость, пѣвица Мàра.

Гертруда Елизавета Шмелингъ, какъ она называлась до замужества, родилась въ 1749-мъ году, и въ 1769-мъ году считалась уже одной изъ первѣйшихъ пѣвицъ всего міра. Съ 1771-го по 1780-й годъ состояла она примадонною при королевско-прусской оперѣ въ Берлинѣ и была высоко почитаема Фридрихомъ Великимъ. Жалованья получала по 3000 фридрихсдоровъ въ годъ, что въ то время составляло безпримѣрно-щедрое вознагражденіе. Затѣмъ пѣла она въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ и въ Венеціи, и вездѣ приводила слушателей въ безпредѣльный восторгъ. Но мужъ ея,

---

*) Musse, отдыхъ. Это слово означало также и клубъ.

**) Въ двухъ таковыхъ концертахъ участвовалъ и я. Въ 1824 г. осенью исполнялась ораторія „Die Glocke“ Андрея Ромберга, въ которой я пѣлъ (будучи гимназистомъ) солистную альтовую партію; а въ 1829 г., будучи уже студентомъ, я игралъ А-мольный концертъ Гуммеля, и исполнилъ баритонную арію: „Nun prangt in vollem Glanz“ изъ ораторіи: „Die Schöpfung“ Гайдна.

віолончелистъ Mȧра, за котораго она вышла въ 1773-мъ году, безхарактерный человѣкъ и дебоширъ, вскорѣ расточилъ состояніе жены и едва не довелъ ее до крайней нищеты. Наконецъ, въ 1790-мъ году, удалось ей избавиться отъ недостойнаго супруга. Послѣдніе свои тріумфы великая пѣвица стяжала себѣ въ нашей Россіи. Данные ею въ самомъ началѣ сего столѣтія, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, блестящіе концерты, должно быть, доставили ей весьма приличный капиталъ, такъ что она рѣшилась проститься съ своею карьерой, для какой цѣли, въ 1802-мъ году, пріобрѣла себѣ дачу близъ Москвы (около Калужскаго тракта), гдѣ она и поселилась было на покой. Послѣ десяти лѣтъ тихой и мирной жизни, злополучной артисткѣ суждено было лишиться своего пріюта: въ 1812-мъ году дача ея была разорена и сожжена французскими мародерами. Тогда она отправилась въ Петербургъ, а оттуда, по приглашенію нѣкоторыхъ лицъ изъ эстляндскихъ дворянъ, въ Ревель, гдѣ и поселилась въ качествѣ частной учительницы пѣнія. Тамъ же она умерла въ 1833-мъ году и погребена на тамошнемъ кладбищѣ.

Изъ этого краткаго очерка ея жизни выходитъ, слѣдовательно, что въ упомянутомъ концертѣ 1826-го года я слышалъ знаменитую пѣвицу на 77-мъ году ея жизни. Когда очередь по афишѣ дошла до нумера, подъ которымъ значилось: „Arie aus dem Oratorio „Der Tod Jesu", von Carl Heinrich Graun, gesungen von Madame Gertrude Elisabeth Mȧra aus Reval", то предсѣдатель благотворительнаго комитета вывелъ на эстраду худощавую, морщинистую старушку, въ позахъ которой, однакоже, несмотря на маститую ея старость, сохранились еще слѣды истинной величавости и прежней граціозности великой артистки.

Запѣла старушенка — и всѣ мы удивились. Голосъ ея, правда, былъ уже не сильный, скорѣе даже слабый; но не слышалось въ немъ дрожанія: звуки были чисты, серебристы, мягки. А какъ она владѣла этимъ голосомъ! какая мастерски сглаженная, выравненная была у ней колоратура! сколько ума и художественности въ фразировкѣ, сколько благородства и теплоты чувствъ въ выраженіи!

Нынѣшней публикѣ (конечно не безъ исключеній) „маститая" пѣвица Mȧра, вѣроятно, не понравилась бы. Нынѣшняя

публика цѣнитъ вѣдь въ пѣвцахъ единственно только силу легкихъ и лихое отмахиваніе пассажей; она отъ пѣвца требуетъ, чтобы голосъ заставилъ окна дрожать, хотя бы и тембръ звучалъ уже нѣсколько натряснутымъ, хотя бы на каждой ноткѣ слышалось уже дрожаніе. Эта публика отъ пѣвицы требуетъ прежде всего привлекательной красоты лица или хоть роскошныхъ формъ, да шикарности въ движеніяхъ. Но съ полвѣка тому назадъ оглушительное форте не выхваливалось еще какъ первенствующее достоинство пѣвца; безпрерывное тремулированіе считалось порокомъ; публика не восхищалась преимущественно кукольною миловидностью и богатствомъ женскихъ прелестей; но зато она была одарена инстинктивнымъ пониманіемъ искусства пѣнія и увлекалась даже пѣніемъ морщинистой старушки, коль скоро она умѣла такъ художественно пѣть, какъ пѣла Гертруда Елизавета Мȧра, урожденная Шмелингъ!

Другой случай относится къ появленію въ Дерптѣ въ 1828 году гражданина существовавшаго тогда еще „вольнаго города" Кракова, „маркиза де Контски", какъ значилось на визитныхъ его карточкахъ. Съ нимъ пріѣхали цѣлыхъ пять „дивъ музыкальнаго искусства", нарожденныхъ счастливымъ этимъ высокороднымъ отцомъ-импрессаріемъ. Семейство Контскихъ дало два концерта въ „большой муссѣ" и поэтому прожило въ Дерптѣ около двухъ недѣль. Это было осенью, и я былъ уже студентомъ*).

Вслѣдствіе неотразимаго моего влеченія къ музыкальному искусству и къ жрецамъ и жрицамъ его, я, послѣ перваго же объявленія о прибытіи цѣлой семьи „юныхъ первоклассныхъ виртуозовъ (какъ гласилось въ афишахъ), вездѣ возбудившихъ безпредѣльный восторгъ первѣйшихъ въ мірѣ знатоковъ и имѣвшихъ счастіе играть предъ такими и такими-то Величествами, Высочествами и Свѣтлостями", — тотчасъ же отправился къ нимъ съ визитомъ, заручившись напередъ позволеніемъ матушки**), подписаться на десять креслъ въ концертѣ и пригласить гг. Контскихъ къ обѣду у насъ на слѣдующій

---

*) Вотъ почему мнѣ такъ твердо и помнится годъ появленія Контскихъ въ Дерптѣ.

**) Отца моего тогда уже не было въ Дерптѣ, такъ какъ онъ въ началѣ еще года снова поступилъ на службу и уѣхалъ въ Петербургъ.

день. Затѣмъ мы еще нѣсколько разъ имѣли удовольствіе видѣть у себя дорогихъ гостей.

Маркизъ съ своимъ семействомъ помѣщался въ „гербергѣ“ *) того же фуръ-мейстера **), лошади и работникъ котораго привезли знаменитыхъ странствующихъ виртуозовъ изъ Риги въ Дерптъ и по договору должны были доставить ихъ въ Петербургъ. Матери при дѣтяхъ, кажется, тогда не было, по крайней мѣрѣ я ее рѣшительно не помню. Самъ же ясновельможный панъ Контскій былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, нѣсколько выше средняго роста, сухощавый, съ орлинымъ носомъ, съ безпокойными сѣрыми глазами, съ густой свѣтло-каштановой, съ просѣдью, живописно растрепанной шевелюрой и съ навощенными, на старинный польскій ладъ, лихо закрученными усами. Когда въ 1873-мъ году я въ Москвѣ, въ послѣдній разъ встрѣтился съ знаменитымъ польскимъ „Паганини“, Аполлинаріемъ Контскимъ, онъ мнѣ живо напомнилъ своего отца.

Изъ пятерыхъ „музыкальныхъ чудъ“ меньшому, т.-е. упомянутому Аполлинарію было около 5-ти лѣтъ ***); но онъ смѣло и храбро отмахивалъ уже на своей скрипчонкѣ нѣсколько выученныхъ пьесокъ бравурнаго содержанія, при чемъ отецъ-импрессаріо ставилъ его обыкновенно на столъ. Трое другихъ сыновей: Каролъ (18-ти лѣтъ), Станиславъ (14-ти лѣтъ) и Антонъ (10-ти лѣтъ) были піанистами, а дочь Евгенія (16-ти лѣтъ) была пѣвица. Послѣдняя, въ своемъ искусствѣ стояла не выше достопочтеннаго дилеттантизма; но голосокъ у ней былъ свѣженькій и пріятненькій и она обладала тонкимъ слухомъ да естественною дикціею; а главное: она была довольно красивенькая дѣвушка, съ роскошными свѣтлокаштановыми локонами ****).

---

*) Постоялый дворъ.

**) Цеховой хозяинъ-извозчикъ.

***) Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ я довольно часто видался съ Антономъ и Аполлинаріемъ Контскими, и мы вспоминали не разъ про дни нашего дерптскаго знакомства. Слѣдовательно Аполлинарій Контскій долженъ былъ родиться въ 1823 или 1824 году, а не въ 1826, какъ показано въ музыкальномъ словарѣ Н. Д. Перепелицына.

****) Ее въ Дерптѣ приняли съ снисходительнымъ интересомъ, какой выказывали къ семьѣ высокорожденныхъ странствующихъ артистовъ; дѣйствительное же признаніе таланта стяжалъ одинъ лишь Станиславъ.

Изъ трехъ піанистовъ Станиславъ выказывалъ наиболѣе истинную, художническую даровитость. Антонъ и тогда уже обнаруживалъ большой талантъ, клонившійся преимущественно къ бравурной техникѣ; а Карлъ былъ не что иное какъ уваженія достойный музыкальный труженикъ. Слышалъ я потомъ, что онъ сдѣлался хорошимъ фортепіаннымъ учителемъ (въ Парижѣ), чему вполнѣ вѣрю. Станиславъ же (какъ мнѣ впослѣдствіе говорили братья его) умеръ, не достигнувъ и 20-ти лѣтъ. Это очень жаль, потому что, по искреннему моему убѣжденію, изъ него навѣрное вышелъ бы истинно-геніальный художникъ-музыкантъ, между тѣмъ какъ все артистическое достоинство Антона и Аполлинарія Контскихъ, даже и въ то время, когда они находились въ зенитѣ ихъ славы, заключалось единственно только во внѣшней виртуозной техникѣ и въ лихой шикарности ихъ манеры исполненія. Съ этой стороны нельзя не причислить ихъ къ выдававшимся въ свое время музыкальнымъ талантамъ, но геніальной глубины въ нихъ не было. Въ этомъ самомъ и таится причина, что оба брата имѣли несчастіе пережить свою славу, и что дѣятельность ихъ не оставила слѣдовъ, дѣйствительно достойныхъ исторической памяти.

Но старый Дерптъ, относительно музыки, поступалъ какъ скряга, не любящій показывать всякому лучшія свои сокровища. Такъ, напр., жилъ тамъ одинъ, не молодой уже помѣщикъ, Baron Paul von Wulff, который смѣло могъ бы конкурировать со многими славившимися въ то времи иностранными піанистами. Но онъ былъ большой чудакъ и весьма неохотно садился играть въ присутствіи незнакомыхъ ему постороннихъ людей, такъ что услышать его игру считалось большой рѣдкостью. Съ самаго моего прибытія въ Дерптъ мнѣ довольно часто и много разсказывали про чудное его исполненіе Моцартовыхъ сонатъ, Гуммелевыхъ концертовъ и въ особенности Баховыхъ фугъ, но самому услышать его удалось мнѣ всего только одинъ разъ, когда въ 1826 или 1827 году насилу уговорили его участвовать въ одномъ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ въ академической муссѣ. Исполнилъ онъ тогда полонезъ Гуммеля „La bella capricciosa“ и двѣ прелюдіи съ фугами Баха — безспорно великолѣпно и въ строгомъ стилѣ классическаго направленія.

Другое еще болѣе цѣнное музыкальное сокровище храня-

лось въ роскошныхъ палатахъ богача Карла фонъ-Липгардтъ, на пригородной его мызѣ „Rathoff". Это былъ, содержимый имъ спеціально и исключительно для себя, превосходнѣйшій струнный квартетъ, въ которомъ амплуа перваго скрипача занималъ 18-лѣтній въ то время виртуозъ Фердинандъ Дáвидъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ всемірно-славившагося Луи Шпора*). Віолончельную же партію исполнялъ, немногимъ только старше Давида, Ципріянъ Ромбергъ, сынъ извѣстнаго скрипача и композитора Андрея Ромберга и ученикъ своего дяди, Бернгарда**). Самъ же фонъ-Липгардтъ игралъ (не помню уже хорошенько) или на скрипкѣ, или на альтѣ, и иногда также участвовалъ въ квартетныхъ исполненіяхъ. Пришлось ли когда-либо дерптскимъ жителямъ слышать исполненіе этого квартета въ публичномъ, за плату, концертѣ? о томъ моя память ничего не сохранила; но думаю, что нѣтъ, потому что г. фонъ-Липгардтъ, по всѣмъ извѣстной непомѣрной его гордости, на это, безсомнѣнно, никогда не далъ бы своего согласія. Но такъ какъ мой отецъ, чрезъ президента ландгерихта фонъ-Мензенкамфъ познакомился съ дерптскимъ крезомъ, то и я, по поступленіи въ университетъ имѣлъ честь быть ему представленнымъ и удостоивался потомъ не разъ приглашенія на балы и на музыкальные вечера. На послѣднихъ, разумѣется, главная доля исполненій выпадала всегда на квартетный ансамбль. Тутъ впервые я услышалъ сочиненія Бетховена и тогда началъ предчувствовать существованіе инаго, совершенно новаго, какого-то исполинскаго міра звуковъ, оживленнаго глубоко-поэтическими идеалами и выраженнаго прежде негаданными, смѣлыми гармоническими сочетаніями и оборотами. По моей просьбѣ, матушка моя, чрезъ музыкальный магазинъ Карла Пеца въ Петербургѣ, выписала

---

*) Съ Ф. Давидомъ, когда онъ жилъ въ Дерптѣ, я близко не сошелся. Въ 1863 г. мы встрѣтились опять въ Лейпцигѣ, но принадлежали къ различнымъ партіямъ. Онъ былъ противъ Листа и Вагнера, а я за нихъ. Несмотря на этотъ антагонизмъ, мы другъ друга уважали, и когда въ 1868 г. я оставилъ Лейпцигъ, мы обмѣнялись своими фотографіями.

**) Съ Ципр. Ромбергомъ мы тогда же дружески сошлись, а въ 1835 г. встрѣчались опять въ Петербургѣ. Принадлежа однакожъ къ различнымъ кружкамъ, мы не часто видались. Когда же послѣ моей женитьбы, я воротился въ Петербургъ въ 1839 году (осенью), то я Ромберга болѣе не встрѣчалъ.

для меня изъ-за границы фортепіанныя сочиненія Бетховена. Первыя сонаты, которыя Пецъ прислалъ, были Op. 109 и 110, да Op. 13 (Patetica) и Op. 27 (Quasi Fantasia). Что изъ нихъ двѣ первыя для меня тогда были непонятны и напугали своею трудностію, было весьма естественно; но двумя другими я сразу страстно увлекся, до нѣкотораго даже нервнаго возбужденія, въ родѣ бреда, такъ что матушка, по совѣту нашего домашняго доктора, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не допускала меня до фортепіано.

XVIII.

Еще въ началѣ 1828 года отецъ мой снова былъ призванъ на государственную службу для реформы отчетной части въ коммиссаріатскомъ департаментѣ военнаго министерства, при чемъ былъ назначенъ туда начальникомъ отдѣленія. Вслѣдствіе ли скораго и удовлетворительнаго исполненія этой реформы, или же въ награду за прежнюю его долголѣтнюю службу въ Придворной конторѣ и въ Министерствѣ Финансовъ (я ныне уже не помню), только къ концу того же года отецъ мой удостоился особой Монаршей милости, состоящей въ назначеніи отцу моему, изъ собственнаго Государя Императора Кабинета, ежегодной стипендіи въ 1500 рублей (ассигнаціями) на университетское образованіе его сына. Такимъ манеромъ я высшимъ научнымъ своимъ образованіемъ всецѣло обязанъ Монаршей щедротѣ незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича. Требовалось при этомъ, однакоже, чтобы я по прошествіи каждаго полугодія сдавалъ экзамены и о томъ представлялъ бы надлежащія свидѣтельства министру финансовъ графу Е. Фр. Канкрину.

Матушка же съ братомъ Иваномъ и съ многочисленными подростками нашей семьи оставались въ Дерптѣ еще до весны 1829 года, и тогда уже обратно переселились въ Петербургъ. Послѣ того я сталъ жить въ Дерптѣ одинъ, по-студентски.

Университеты наши въ то время имѣли особыя права: общій для всѣхъ прочихъ гражданъ судебный, по полицейскимъ дѣламъ, порядокъ тогда не касался университетскаго міра. Каждый университетъ пользовался собственною своею „юрисдикціею", т.-е. своею „управою благочинія". Всѣ вообще студентскія дѣла разбирались и обсуживались въ университетскомъ совѣтѣ

(Senatus Academiae) подъ предсѣдательствомъ ректора, который носилъ титулъ „Magnificus" (великолѣпный) или „Seine Magnificenz" (Его Великолѣпіе). Дѣлами академическаго сената по части „благочинія" (acta ad disciplinam morum attinentia) правилъ и о нихъ „сенату" докладывалъ синдикъ (прокуроръ) университета; онъ же наблюдалъ за порядкомъ исполненія рѣшеній совѣта. Когда дѣло по части благочинія касалось какого-нибудь простаго лишь нарушенія полицейскаго порядка или денежныхъ разсчетовъ студентовъ съ квартирными хозяевами, съ ремесленниками, магазинщиками и съ подобными лицами, тогда рѣшенія академическаго сената за подписью ректора и скрѣпою синдика считались окончательными; но когда дѣло касалось какого-нибудь дѣйствительнаго, т.-е. уголовнаго уже преступленія, такъ что виновнаго надлежало передать въ руки общаго правосудія, тогда рѣшенію университетскаго суда подлежало только исключеніе виновнаго изъ списковъ студентовъ (relegatio), которое могло быть временное или окончательное. Таковыя рѣшенія получали законную силу по утвердительной подписи (confirmatio sententiae) попечителя университета (curator academiae), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и попечителемъ всего учебнаго округа. Но этимъ, кажется, и ограничивалось тогдашнее вліяніе г. попечителя на дѣла академической юрисдикціи.

Вообще, сколько я могу нынѣ сообразить съ представлявшимися тогда случаями, попечитель учебнаго округа въ то время исполнялъ обязанность не столько феодальнаго сюзерена надъ судьбою преподавателей и учащихся, сколько ревностнаго блюстителя за распространеніемъ блага просвѣщенія въ ввѣренномъ ему округѣ, и въ этомъ отношеніи онъ поистинѣ бывалъ благотворнымъ посредникомъ между культурными нуждами края и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. На этомъ основаніи на его обязанности, какъ тогда не одинъ разъ поговаривали, лежала по возможности частая личная инспекція гимназій и школъ его округа. Собственно же въ университетскія-то дѣла если можетъ быть и было какое вмѣшательство г. попечителя, то оно, по крайней мѣрѣ, не доходило до свѣдѣнія нашего, т.-е. студентовъ, ибо всѣ вывѣшенныя въ университетскомъ вестибюлѣ „для общаго свѣдѣнія" объявленія отъ академическаго сената или были подписаны самимъ

ректоромъ, или начинались словами „отъ имени Его Великолѣпія господина ректора". А потому не удивительно, что во все время моего пребыванія студентомъ Дерптскаго университета мнѣ случалось не болѣе, кажется, четырехъ разъ увидѣть нашего г. „куратора", да и то лишь какъ участника въ академическихъ торжествахъ. Послѣдній моего времени попечитель, генералъ-адъютантъ баронъ фонъ-деръ Паленъ даже не живалъ въ Дерптѣ, такъ какъ онъ одновременно носилъ должность генералъ-губернатора остзейскихъ провинцій и поэтому постоянное свое пребываніе имѣлъ въ г. Ригѣ.

Команда „исполнительной полиціи" Дерптскаго университета состояла всего изъ четырехъ педелей подъ предводительстомъ старшаго или оберъ-педеля, и этого малаго числа служителей университетской германдади было тогда совершенно достаточно для полицейскаго надзора за тѣми слишкомъ 700 студентами, которыхъ въ мое время насчитывалось въ Дерптскомъ университетѣ.

Восемъ лѣтъ провелъ я въ Дерптѣ, и въ продолженіе всего времени ни разу не слышно было, чтобы университетскому начальству приходилось обратиться къ полицеймейстеру, а тѣмъ менѣе къ командиру расположеннаго въ городѣ полка, за помощію въ возстановленіи порядка среди студентскихъ сборищъ по случаю либо торжественныхъ ихъ факельцуговъ*), либо періодически устраиваемыхъ на главной (ярмарочной) площади, публичныхъ коммерсовъ. Когда уличный „скандальчикъ" производился въ дѣйствительно небольшомъ размѣрѣ, тогда обыкновенно достаточно было появленія одного, либо и двухъ педелей съ воззваніемъ „Im Namen Seiner Magnificenz, bitte, liebe Herren, auseinandergehen!"**) — чтобы возстановился порядокъ. Случалось, — спору нѣтъ, — что происходили (но весьма рѣдко) также и довольно шумныя сходки нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, подъ вліяніемъ излишнихъ вакхическихъ изліяній, но даже и съ таковыми „anständige"***) скандалами почти всегда благополучно, и притомъ безъ всякаго грубаго насилія, успѣвали управиться оберъ-педель и четыре его акко-

*) Fackelzug, — процессія съ факкелами.

**) Во имя Его Великолѣпія, пожалуйста, милые господа, разойдитесь!

***) Anständig, порядочный.

лита. Помню я всего только раза два, что „порядочный“ скандалъ возросъ до размѣровъ „большаго“ скандала тѣмъ, что на мѣсто сходки все вновь да вновь притекали цѣлые десятки буршей, и сборище начало принимать нѣсколько буйный уже характеръ. Дали знать ректору (профессору Густаву фонъ-Эверсъ), который, поспѣшивъ созвать нѣкоторыхъ самыхъ любимѣйшихъ студентами, профессоровъ (Блюма, Брёкера, Вильгельма Струве и др.), явился съ ними на мѣсто сходки. Лишь только студенты увидѣли своихъ любимыхъ профессороаъ, какъ вся громко шумѣвшая толпа мало-по-малу утихла. Эверсъ и его сподвижники проникли поодиночки въ разныя кучки и стали уговаривать студентовъ: „Meine Herren, bitte, beruhigen Sie sich! Thuen Sie uns persönlich die Liebe an, gehen Sie auseinander! Um der akademischen Ehre willen, gehen Sie auseinander!“*) Наконецъ толпа, совсѣмъ усмирившись, начала мало-по-малу рѣдѣть. Тогда Эверсъ всталъ на какое-то вблизи находившееся возвышеніе (тумба, наружная лѣстница или т. п.) и звучнымъ голосомъ произнесъ: „Господа, благодарю васъ! завтра ровно въ 12 часовъ я готовъ принять въ залѣ академическаго сената депутацію для разбора сегодняшняго дѣла. До свиданья!“ — Ректоръ и профессора удалились, сопровождаемые восклицаніями „Vivat Magnificus! vivat Academia! vivant professores! — Чрезъ четверть часа площадь оказалась молчаливой пустыней.

Весьма быть можетъ, что нынѣ найдутся люди, которые станутъ сомнѣваться въ справедливости моихъ воспоминаній: одни станутъ удивляться „снисхожденію“ ректора и профессоровъ, другіе не повѣрятъ „уступчивости“ студентовъ. А между тѣмъ дѣло объясняется весьма просто, стоитъ только анализировать обоюдныя отношенія дѣйствующихъ лицъ.

Ректоръ университета былъ главою академической „управы благочинія“, члены которой избирались изъ профессоровъ. Университетскій судъ, слѣдовательно, состоялъ не изъ односторонних толкователей одной лишь буквы закона, а изъ людей, морально болѣе или менѣе связанныхъ съ тѣми юношами, степень виновности которыхъ имъ приходилось обсужи-

---

*) Господа, пожалуйста, успокойтесь. Сдѣлайте намъ личное одолженіе, разойдитесь! Ради академической чести, разойдитесь.

вать. Ибо профессора 20-хъ годовъ (по крайней мѣрѣ Дерптскаго университета) наибольшей частію не чуждались академическаго юношества и охотно принимали у себя молодыхъ своихъ слушателей, коль скоро они мало-мальски умѣли вести себя, какъ принято въ кругахъ интеллигентныхъ людей. Наши дерптскіе ученые не только не забывали, но даже любили вспоминать о томъ, что и они когда-то были „лихими буршами“. Вслѣдствіе же этого душевнаго настроенія своихъ членовъ, университетскій судъ умѣлъ различать шалость молодости отъ дѣйствительно вреднаго обществу проступка и сообразно съ этимъ взглядомъ опредѣлялъ также и приговоры свои; по тому же поводу академическій сенатъ равномѣрно всегда готовъ былъ выслушивать желанія и жалобы подвѣдомственнаго ему юношества, и позаботился объ удовлетвореніи ихъ, буде они были основательны, а въ противномъ случаѣ убѣждалъ доказательно въ недопускаемости оныхъ. Избранные изъ среды таковыхъ профессоровъ ректоры, какъ оно само собою вытекало изъ общаго итога обстоятельствъ, поставляли себѣ не только за долгъ, но даже за честь поддерживать льготы и права университетскаго суда. Таковыми-то именно ректорами были Густавъ фонъ-Эверсъ (умершій въ началѣ 1829 года) и достойный его преемникъ Фридрихъ Парротъ*).

И вотъ почему тогдашніе дерптскіе студенты, пользовавшіеся преимущественными льготами относительно личной свободы, имѣли полное довѣріе къ своему ректору и къ своему академическому сенату; вотъ почему они уважали и любили ихъ, а оттого безъ малѣйшаго раболѣпія, въ минуты даже возбужденнаго состоянія головъ, охотно и безпрекословно имъ повиновались. Совершенно правъ, слѣдовательно, Шиллеръ, когда онъ говоритъ:

„Предъ рабомъ, разорвавшимъ цѣпи свои,
Не предъ мужемъ свободнымъ, ты трепещи!“ **)

Отношенія же между дерптскими студентами и педелями были столь оригинальны, что нынѣшнимъ студентамъ русскихъ университетовъ только придется удивляться. Прежде всего слѣ-

---

*) Знаменитый профессоръ физики, впослѣдствіи членъ Императ. Академіи.

**) „Vor dem Sklaven, wenn er die Kette bricht, —
„Vor dem freien Manne erzittre nicht!“

дуетъ упомянуть о томъ, что наши педели, или „пудели“ (какъ мы ихъ звали) бывали не изъ грубаго невѣжественнаго народа, а изъ горожанъ, и довольно грамотные, даже знакомые съ стихами Шиллера, съ сантиментальными романами Августа Лафонтена и съ разбойничьими повѣстями Лейброка. Они почти всегда бывали мягкаго, добродушнаго характера и всѣмъ сердцемъ срослись съ университетскимъ міромъ, а потому отечески расположенные къ молодымъ „буршамъ“. У нихъ была отличная память на физіономіи и имена студентовъ и всегда провѣдывали (Богъ ихъ знаетъ, какъ?) всю подноготную ихъ житья-бытья. Зато и не разъ они указывали одному — другому бѣдняку-буршу на то, чрезъ какого профессора какимъ путемъ ему добиться избавленія отъ платы за слушанье лекцій.

Мы всѣ хорошо ладили и дружески шутили съ нашими стариками-„пуделями“. Они же, съ своей стороны, всегда были готовы скрывать наши шалости, когда это оказывалось возможнымъ безъ риска собственной отвѣтственности. Шутки надъ „филистерами“ *) суть традиціонныя, ибо онѣ исполнялись уже встарину въ разныхъ западныхъ университетахъ, и хотя съ точки строгаго благочинія онѣ, конечно, должны были бы считаться нарушеніемъ покоя кого-нибудь изъ согражданъ, но съ другой стороны эти проказы выказывались столь наивно-шаловливыми и смѣхотворными, да и въ сущности безвредными, даже мало обидными, что и между филистерами онѣ обыкновенно возбуждали болѣе смѣха, чѣмъ гнѣва. Къ наиболѣе повторявшимся шалостямъ принадлежали слѣдующія.

Возвращается буршъ ночью домой. На одной улицѣ видитъ онъ, что у одного изъ оконъ какого-то дома ставни не притворены, а въ самомъ-то окнѣ имѣется форточка. Это его соблазняетъ. И вотъ онъ подходитъ и стучитъ въ окно, при чемъ подражая голосу плаксивой старушки, восклицаетъ: „Machen Sie auf! Um Gottes willen, machen Sie auf!“ **) И это продолжается crescendo до тѣхъ поръ, пока форточка не отворится и не появится кто-нибудь за нею съ вопросомъ: „Na, Herr Jesus, was giebt's denn da?“ ***) Тогда буршъ собственнымъ

---

*) Филистеромъ называется всякій, кто не членъ университетскаго міра, преимущественно же изъ сословія мѣщанъ.

**) Отворите! ради Бога, отворите!

***) Ну, Господи Іисусе, что же тамъ такое?

уже своимъ голосомъ отвѣчаетъ: „Ach, excusiren Sie! Ich wollte blos 'mal Ihnen eine schöne gute Nacht wünschen!“*) А затѣмъ спокойно уходитъ.

Иной разъ нѣсколько буршей, конечно также ночью, проходя по улицѣ, случайно поражены ярко освѣщенною лучами мѣсяца вывѣской кондитерской. Тутъ вдругъ припоминаютъ они, что на той же улицѣ, насупротивъ кондитерской, находится мясная лавка, вывѣска которой теперь едва замѣтна, потому что та сторона улицы совершенно въ тѣни. „Это не справедливо!“ (говорятъ бурши) „dulcedine caro utilior; utiliori praerogativa convenit!“**) Вслѣдствіе же этого присужденія бурши снимаютъ обѣ вывѣски и перевѣшиваютъ ихъ: вывѣску мясника подъ полное отраженіе мѣсячныхъ лучей надъ входомъ въ кондитерскую, а вывѣску послѣдней на темную сторону, надъ лавкой мясника.

Случалось также иногда, что какой-нибудь буршъ, возвращаясь съ товарищемъ съ торжества Вакха, впадаетъ въ сантиментальность: помнится ему, что его „Linchen“***), уступивъ настойчивой волѣ папаши „Schumachermeister“****), вышла замужъ за какого-то сорокапятилѣтняго „ehrbarn Bürger und Zunftvorsteher, Herrn Knopfmachermeister†) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup; а сей ревнивецъ держитъ ее-то „Linchen“ — вѣчно взаперти. „Bruderherz“††), обращается влюбленный буршъ къ товарищу, съ которымъ вмѣстѣ рука объ руку они невольно выписываютъ зигзаги по улицѣ, — „Bruderherz, помоги мнѣ какъ истый другъ! Хочу я учинить серенаду своей Linchen, да еще и наказать этого ledernen Kerl†††) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup“. — „Bene, benissime!“ отвѣчаетъ брудергерцъ: „накажемъ этого Зейденраупъ!“ И идутъ друзья домой. Влюбленный снимаетъ со стѣны свою гитару, а брудергерцъ беретъ старую метлу и перевернувъ ее, прикрѣпляетъ къ ней случайно валявшуюся

*) Ахъ, извините! я хотѣлъ только пожелать вамъ пріятной, доброй ночи!

**) Сластей полезнѣе мясо; полезнѣйшему подобаетъ преимущество.

***) Ласкательное сокращеніе имени Caroline.

****) Башмашный мастеръ.

†) Многопочтенный гражданинъ и цеховой глава, г. пуговичный мастеръ.

††) Братъ сердечный.

†††) Кожаный мужице, выраженіе, обозначающее никуда негоднаго, очень наскучившаго человѣка.

въ углу маску такъ, что вмѣсто волосъ торчатъ надъ ней прутья метлы. Вооружившись этимъ матеріаломъ друзья отправляются въ тотъ переулокъ, гдѣ во 2-мъ этажѣ одного изъ домовъ жительствуетъ ревнивый филистеръ „Knopfmachermeister Seidenraup". Кругомъ все тихо, и ночь довольно темная. Чрезъ кисейныя гардины одного окна слабо мерцаетъ свѣтъ ночной лампы: это спальня. Подъ этимъ-то окномъ влюбленный крѣпко уставившись въ позицію, упирается въ стѣну вытянутыми впередъ руками, а брудергерцъ, взобравшись ему на плечи, привязываетъ метлу, палкою внизъ и маскою обращенной къ окну, и затѣмъ спускается на мостовую. Потомъ подъ нѣжно дрожащіе звуки аккомпанирующей гитары раздается въ два голоса слащаво-сантиментальная пѣсенка. Тамъ и сямъ отворяются форточки, за которыми замѣчаются головки разныхъ „Trinchen, Minchen, Finchen"*) и т. д., то съ золотистыми, то съ свѣтлорыжими локонами: знать, серенада буршей производитъ эффектъ, и пѣвцы удвоиваютъ свое стараніе. Наконецъ просыпается и „Linchen", а съ нею же и ревнивецъ Зейденраупъ, который тотчасъ и угадываетъ значеніе серенады. Разозлившись, срывается онъ съ одра, бѣжитъ къ окну и торопясь его растворить, заранѣе уже начинаетъ кричать и ругаться, но въ мигъ умолкаетъ, весь объятый страхомъ: едва только успѣлъ онъ нѣсколько растворить окно, какъ кто-то извнѣ тотчасъ его опять захлопнулъ, а въ самыя-то стекла стучитъ, эхидно кланяясь, лохматая, огромная голова съ страшнымъ, блѣднымъ лицомъ и большими черными глазами. Въ то же время на улицѣ раздается смѣхъ молодыхъ голосовъ, а затѣмъ пѣніе удаляющихся трубадуровъ на извѣстный мотивъ „фуксовой пѣсни"**):

„Es ist der Seidenraup, (bis)
„Es ist der lederne Seidenraup,
„Ci-ça Seidenraup,
„Es ist der Seidenraup!"***)

---

*) Ласкательныя сокращенія именъ: Катерина, Минна, Софья.

**) „Fuchslied", многоизвѣстная студентская пѣсня, содержащая разныя насмѣшки надъ фуксами.

***) Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ, (два раза)
Вотъ самъ-онъ, кожаный Зейденраупъ,
Си-са Зейденраупъ,
Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ!

И въ таковомъ-то родѣ бывали вообще и всѣ прочія шутки, продѣлываемыя буршами надъ филистерами.

Наибольшей частью эти шалости проходили учинившимъ ихъ безнаказанно, такъ какъ сами филистеры, боясь хлопотъ и потери лишняго времени, не подавали жалобы въ академическій сенатъ. Къ тому же они знали, что когда бы они возбудили дѣло, то проказы надъ ними только стали бы повторяться и усиливаться. Для педелей же, казалось, никакая проказа, гдѣ и когда бы она ни исполнялась, тайною не оставалась, и доказательствомъ тому служило то, что, когда иной разъ слишкомъ уже обидившійся филистеръ на другой день донесъ о сыгранной съ нимъ шуткѣ, вслѣдствіе чего синдикъ университета педелямъ строго предписалъ, отыскать и представить виновнаго въ академическій судъ, то это и было исполнено безъ всякой малѣйшей остановки. Но въ таковыхъ случаяхъ, тотчасъ же вслѣдъ за формальной, однимъ изъ педелей лично объявленной виновному буршу „цитировкою" для предстанія предъ судъ, была ему таинственно доставлена копія съ рапорта донесшаго „ex officio" педеля, для его соображенія въ своихъ отвѣтахъ; а въ этомъ рапортѣ, по искони принятому обычаю, самое-то происшествіе всегда представлено было въ наивозможно смягченномъ и наиболѣе для отвѣтчика выгодномъ видѣ. А потому виновные за подобныя, въ сущности же дѣйствительно не зловредныя, юношески-наивныя шалости обыкновенно отдѣлывались карцернымъ арестомъ отъ двухъ до трехъ дней. Итакъ какъ подобной сатисфакціею всегда оказывались вполнѣ удовлетворенными самые даже сердитые челобитчики, то отъ этой нормы гуманной юрисдикціи отступать никакихъ поводовъ не представлялось. Вѣдь были же оттого, какъ говорится, и волки сыты и овцы цѣлы, а между тѣмъ не разбивались навѣки поистинѣ иногда цвѣтущія надежды цѣлыхъ семействъ изъ какихъ-нибудь пустыхъ проказъ всегда болѣе или менѣе къ шалостямъ расположенныхъ юношей. Такъ думали и разсуждали тогда въ Дерптѣ о студентскихъ дѣлахъ не только члены университетскаго суда, но и всѣ, чай, безъ изъятія горожане, а преимущественно, кажется, честные, ничѣмъ никогда не подкупные наши „полисмены", педели.

Ибо самъ отъ себя, по собственной иниціативѣ, о таковыхъ

шаловливыхъ шуткахъ никакой педель никогда не доносилъ. Напротивъ бывало даже, напр. дружище старый педель Мартини случайно какъ-то набредетъ на мѣсто шуточной продѣлки въ самый моментъ ея исполненія, — слѣдовательно, когда онъ могъ быть увѣренъ, что, кромѣ развѣ самихъ шалуновъ, никто его не замѣтитъ,—и что же? послѣ тихохонько и осторожно (на всякій случай) произведенной рекогносцировки, онъ быстро удаляется въ противоположную сторону. Насилу удерживая невольно захватывающій его смѣхъ, онъ будто про себя, но довольно внятно ворчитъ: „Kommen Sie mir nicht zu nah'! Ich seh' nichts! Ich will Sie nicht kennen!" *) А какъ пройдетъ нѣсколько дней и жалобы ни отъ кого не поступило, то, при встрѣчѣ съ проказникомъ, старикъ, весело улыбаясь, дружески грозитъ пальцемъ да шутливо приговариваетъ: „Nanu aber, lieber Herr X., 's nächste Mal muss ich Sie denn wohl wirklich fest kriegen!" **)

Такія же дружескія объясненія происходили и тогда, когда въ случаѣ неизбѣжныхъ послѣдствій отъ принесенной филистеромъ жалобы, педель рано утромъ являлся къ какому-нибудь буршу-проказнику „отъ имени Его Великолѣпія" съ цитировкою въ академическій сенатъ.

„Ну ужъ вы, Мартини (скажетъ примѣрно виновный), хорошо ли это съ вашей стороны? Сами тогда, знаете, говорили, что ничего не видѣли, что знать меня не знаете, а теперь все-таки выдали?"

„Ахъ, вы милый мой господинъ (возражаетъ обыкновенно тогда старикъ), да поймите же вы хорошенько. Я-то чѣмъ тутъ виноватъ? Самъ-то по себѣ, вѣдь, ни гугу! А вотъ проклятый филистеръ-то жаловался! Ну, г. синдикъ и приказали именно-то мнѣ открыть виновнаго, словно угадали, что чортъ меня тогда натолкнулъ на самое мѣсто происшествія. А сами вы вѣдь знаете г. синдика; у нихъ одинъ только конецъ: или подавай виновнаго, или получай отставку! Такъ какъ же мнѣ тутъ быть? Вѣдь вамъ, милый господинъ, ей Богу, особенно большаго труда не стóитъ, посидѣть маленько

---

*) Не подходите близко ко мнѣ! я ничего не вижу, я знать васъ не хочу!

**) А ну-ка, милый господинъ X., въ слѣдующій разъ ужъ и впрямь мнѣ надо будетъ васъ словить!

въ карцерѣ; дѣло, кажись, вамъ ужѐ привычное! А мнѣ-то, старику, каково будетъ хлѣба насущнаго-то лишиться при полдюжинѣ дѣтей!“

„А сколько дней-то мнѣ карцера будетъ за это?“

„Не много, ей Богу, не много! Больше трехъ дней не будетъ. Вѣдь шалость это была, а не преступленіе! Ну право, милый господинъ, не сердитесь!“

„Да ладно же, не сержусь я“.

„А въ сенатъ-то сегодня къ 12-ти часамъ явитесь?“

„Явлюсь!“

„То-то, милый вы мой господинъ! не забудьте только; а я въ другой разъ такъ и заслужу вамъ; какъ только примѣчу васъ издали, тотчасъ въ другую сторону и поверну!“

И вотъ старыя дружескія отношенія опять налажены.

Разберемъ же, наконецъ, также и суть третьяго, не менѣе, если не болѣе еще важнаго фактора тогдашней дерптской университетской жизни, т.-е. духъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ съ тѣхъ поръ протекло болѣе 60-ти лѣтъ, то я и знаю, что нынѣшнее поколѣніе a priori опредѣлитъ этотъ духъ единымъ, весьма любимымъ въ наше время, громогласнымъ словомъ: „отсталость.“ О словахъ и выраженіяхъ спорить я считаю напраснымъ трудомъ; а такъ какъ та эпоха, о которой я вспоминаю, по лѣтосчисленію дѣйствительно „далеко отстоитъ назадъ“ отъ текущаго 1891 года, то, пожалуй, и духъ дерптскихъ студентовъ тогдашней эпохи, можно (въ томъ же, конечно, лѣтосчислительномъ только смыслѣ) называть „отсталымъ.“ Съ другой же стороны, думаю я, что есть понятія, которыя никогда не старѣютъ, т.-е. такія, которыя искони въ одинаковомъ смыслѣ существовали у всѣхъ народовъ, да и впредь никогда не потеряютъ истиннаго своего значенія. Таковымъ понятіемъ считаю я, между прочимъ, понятіе: порядочный человѣкъ. Что обыкновенные — воръ, грабитель, разбойникъ и т. п. не принадлежатъ къ сонму порядочныхъ людей, въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ.

Столь же мало оспоримо, вѣроятно, и то, что лѣнь, шалость и виверство собственно-то еще не суть пороки, а только слабости, и что можно быть лѣнтяемъ, шалуномъ и виверомъ, все-таки не переставая быть порядочнымъ человѣкомъ. Къ какому же, однако, разряду людей слѣдуетъ относить тѣхъ инди-

видуумовъ, которые считая себя и свои матеріальныя (иначе сказать, животныя) влеченія центромъ всего соціальнаго міра, въ тайникѣ своей души не признаютъ ни воли ни правъ другихъ, и въявь только потому ихъ не нарушаютъ, что боятся преслѣдованія законовъ? Это тѣ самые индивидуумы, соціальный принципъ которыхъ гласитъ: „нраву моему препятствовать не моги". Ихъ бываетъ два разряда, которые другъ отъ друга ярко отличаются, но именно-то и единственно отличаются одною только внѣшностію: одни въ обществѣ иногда пользуются больше или меньше выдающимся положеніемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ утонченными удобствами культурной жизни; другіе же, какъ по своему положенію, такъ и по житью-бытью своему представляютъ прямую противоположность первыхъ. Подобное различіе, впрочемъ, ничего не значитъ, и существуетъ также между порядочными людьми разныхъ классовъ. Но между двумя разрядами непорядочныхъ людей существуетъ еще и другое, хотя также лишь внѣшнее, но весьма разительное различіе. Первый разрядъ всѣми усиліями старается на сколько можетъ, подражать внѣшнимъ соціальнымъ обычаямъ и манерамъ порядочныхъ людей интеллигентнаго міра и этимъ самымъ невольно высказываетъ признаніе высокаго моральнаго преимущества послѣднихъ. Другой же разрядъ слишкомъ тяготится этимъ моральнымъ перевѣсомъ разума и добра надъ животнымъ зломъ, а потому рѣшился возставать противъ всѣхъ обычаевъ цивилизаціи подъ предлогомъ, что будто „слѣдуетъ во всемъ сливаться съ простымъ народомъ." Но, къ сожалѣнію, они избрали себѣ образцомъ не настоящаго русскаго крестьянина-труженика, а фабричнаго разгульнаго лѣнтяя, т.-е. они являются — выражаясь словами графа Л. Толстого, — „плодами просвѣщенія", а еще вѣрнѣе сказать: „плодомъ преднамѣренно-изуродованнаго просвѣщенія". Это никакъ не типъ русскаго народа; это смѣсь завистливаго хищничества и надменнаго своеволія, напускнаго невѣжества, грубаго животнаго увлеченія и совершеннаго безбожничества подъ флагомъ кабачнаго либерализма.

И въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ называть „далеко отсталымъ" духъ дерптскихъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Правда, что и между ними также встрѣчались и лѣнтяи, и забубенныя головы, шалуны, и слабохарактерные ви-

веры, но всѣ они безъ исключенія были все-таки вѣрными, честными товарищами, и поэтому самому уже не могли не быть порядочными людьми, изъ какого бы сословія они ни происходили. Главнѣйшей же гарантіею противъ всякаго проникновенія въ кругъ тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ хотя бы даже однѣхъ лишь идей, руководящихъ „героевъ нашего времени,“ служили „землячества“ или „ландсманшафты“ съ ихъ принципами и уставами.

Принципомъ этихъ уставовъ служило убѣжденіе, что „буршу“ прежде всего слѣдуетъ быть „порядочнымъ человѣкомъ“, т.-е. такимъ, который умѣетъ не только поддерживать собственное свое достоинство, но также и не нарушать достоинства другихъ; другими словами: отъ бурша требовалось соблюденіе „рыцарской чести“ и „рыцарской учтивости“ *). По уставамъ всѣхъ корпорацій, всякаго рода перебранка, а тѣмъ паче ручная драка между буршами строжайше запрещалась. При возникновеніи всякой ссоры между двумя буршами, угрожавшей зайти за предѣлы простаго недоумѣнія, присутствовавшіе другіе товарищи обязаны были развести ссорившихся, и если не удалось уладить недоумѣнія примиреніемъ, то по крайней мѣрѣ прекратить дальнѣйшее личное столкновеніе антагонистовъ, предоставляя имъ единственно только право рѣшить возникную ссору правильной по уставу дуэлью (Paukerei).

Дуэли по внѣшней своей обстановкѣ раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ сообразно съ степенью обиды, а эти степени находились довольно ясно опредѣленными въ уставѣ корпораціи. Въ сомнительныхъ же случаяхъ столкновенія между буршами подвергались даже обсужденію и опредѣленію третейскимъ судомъ, который составлялся изъ трехъ сеніоровъ землячества и четырехъ секундантовъ.

Низшій разрядъ дуэли былъ установленъ за ссору изъ-за какого-нибудь колкаго, неприличнаго выраженія. Этого рода дуэль происходила на выточенныхъ эспадронахъ (или палашахъ) при полномъ предохранительномъ вооруженіи и бывала двухъ нюансовъ: въ рубахахъ и безъ рубахъ. Процедура подобнаго поединка была мною уже описана въ главѣ XVI. Въ случаѣ подобныхъ столкновеній, по предварительномъ раз-

*) Courtoisie.

борѣ обстоятельствъ ссоры вышерѣченнымъ судомъ, не считалось постыднымъ дѣломъ, когда, конечно до выхода еще „на мензуру" (на позицію между очерченными на полу предѣлами разстоянія), обидчикъ объявлялъ, что сказанное имъ было послѣдствіемъ необдуманной запальчивости, а не намѣренія дѣйствительно обидѣть товарища. Тогда, какъ само собою разумѣвается, дѣло оканчивалось частной „примирительной" пирушкою на счетъ кающагося обидчика. Если же объявленное извиненіе противникомъ не было принято, тогда третейскій судъ имѣлъ право сократить дуэль, опредѣливъ быть ей лишь „одноходною", т.-е. съ прекращеніемъ ея послѣ перваго уже „туша". Съ другой же стороны бывшему обидчику, за отказъ въ принятіи его извиненія, предоставлялось право вызвать противника на новую дуэль.

Изъ приведеннаго въ упомянутой главѣ описанія обычнаго разряда дуэли между буршами, можно легко убѣдиться въ томъ, что, благодаря полному предохранительному вооруженію, „пауканты" (т.-е. сражающіеся) никакъ не рисковали чѣмъ-либо болѣе, какъ только полученіемъ какого-нибудь „шмисса" или на верхней части груди, или на верхней части руки. А подобныя раночки, въ сущности всегда бывали такъ незначительны, что никогда не требовали ни тщательнаго за ними ухода, ни соблюденія строгой діэты, ни даже особеннаго покоя. Пишу я это по собственному опыту; ибо азъ грѣшный каюсь, что пять разъ былъ самъ „паукантомъ", а на 3-мъ разѣ отъ противника-лѣвши (имѣвшаго, слѣдовательно, значительный „фортель" надо мною) получилъ по правому плечу „порядочный" *) шмиссъ. Но этотъ шмиссъ, послѣ умѣлаго слѣпленія его, ни малѣйше не препятствовалъ мнѣ тотчасъ напялить форменный сертукъ, участвовать въ тотъ же вечеръ въ частной пирушкѣ, а затѣмъ ежедневно выходить какъ ни въ чемъ не бывало, что однакоже не мѣшало нормальному, не далѣе какъ чрезъ недѣлю времени, совершенному сростанію разсѣчки. Шрамъ конечно остался, да въ этомъ развѣ особенная какая бѣда?

Болѣе опасными, правда, являлись высшіе разряды дуэлей,

---

*) Порядочнымъ шмиссомъ называлась въ два дюйма длины и въ полдюйма глубины.

поводами къ которымъ бывали болѣе серьезныя ссоры. При каждомъ высшемъ разрядѣ поединковъ опасность для дуэлянтовъ возрастала отъ постепеннаго убавленія частей предохранительнаго вооруженія, а два наивысшихъ разряда были соединены также съ измѣненіемъ самаго рода оружія.

При поединкѣ 2-го разряда хотя набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка сохранялись, но шлемъ былъ замѣненъ ваттированной шапкою съ большимъ четыреугольнымъ кожанымъ козырькомъ.

Когда обида требовала еще болѣе строгаго удовлетворенія, тогда вызывавшему приходилось предварительно выписаться изъ числа студентовъ и тѣмъ вынудить противника послѣдовать его примѣру. Такъ какъ, слѣдовательно, эти дуэли происходили не между настоящими студентами, а между лицами, не принадлежащими уже къ университетскому міру, то таковые поединки назывались „филистерскими“ (Philisterpaukereien).

При филистерскихъ дуэляхъ низшаго разряда оружіемъ служили тѣ же студентскіе эспадроны и сохранились предохранительные набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка, но только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ особенности послѣдняя; а на голову надѣвался простой цилиндръ.

Высшимъ затѣмъ разрядомъ считалась обыкновенная, такъ называемая „французская“ дуэль на шпагахъ, а наивысшимъ разрядомъ — поединокъ на пистолетахъ.

Оставляя въ сторонѣ всякое разсужденіе объ исключительномъ допущеніи или безъисключительномъ воспрещеніи вообще землячествъ и дуэлей въ студентскомъ мірѣ, не могу я, однакоже, не указать на тотъ никѣмъ—какъ я увѣренъ —не отрицаемый фактъ, что въ описываемое мною время не только не слышно было про какой-либо случай грубой перебранки или того хуже кулачной расправы между студентами, но что дѣйствительно послѣдніе строго соблюдали между собою тотъ тонъ товарищества, который предписывался корпораціонными уставами. И это легко объясняется. Порядочный человѣкъ охотно подчинялся уставу, который, вполнѣ совпадая съ собственными его воззрѣніями на общественныя отношенія, гарантировалъ ему безъ всякихъ дальнихъ хлопотъ полное удовлетвореніе за нарушеніе личнаго его права на уваженіе

со стороны товарищей. А что касалось „непорядочныхъ“ людей, порывы грубой ихъ натуры обуздывались именно карою, установленною студентскими правилами о чести и товариществѣ, потому что „непорядочные люди“ почти безъ исключенія бываютъ трусами. Спросятъ, пожалуй, о томъ, неужели между дерптскими студентами никогда не проявлялись „бреттёры?“ и неужели я считаю бреттёровъ „порядочными людьми?“ На послѣдній вопросъ, конечно, я могу отвѣчать только отрицаніемъ; и этимъ я себѣ не противорѣчу, ибо въ сущности бреттёръ, несмотря на кажущуюся его „бравурность“, все тотъ же трусъ. Развивать въ себѣ фехтовальное искусство до наивысшаго совершенства можетъ безъсомнѣнія всякій, кто отъ природы одаренъ эластичнымъ, здоровымъ тѣломъ; это зависитъ отъ настойчиваго труда и отъ посвящаемаго ему времени. А кто овладѣлъ этимъ искусствомъ въ подобной степени, тотъ знаетъ, что, имѣя огромное преимущество, онъ ничѣмъ не рискуетъ. Изъ сего возрождается самоувѣренность въ непобѣдимости, которая при врожденной нахальности непремѣнно доводитъ до бреттёрства. Лучшимъ же доказательствомъ тому, что бреттёры не оживлены настоящею храбростію, служитъ съ одной стороны то, что въ военныхъ сраженіяхъ они постоянно выказывали себя легко растерявшимися трусами, а съ другой стороны, что они всегда придирались только къ такимъ лицамъ, которые имъ казались не довольно опытными въ фехтовальномъ искусствѣ. Въ мое время въ Дерптѣ бреттёровъ не оказывалось. Говорили, что прежде бывали такіе субъекты, но въ 1820-мъ или въ 1821 г. удалось положить конецъ нахальному бреттёрству благодаря солидарному дѣйствію земляческихъ корпорацій. Мнѣ вотъ что разсказывали. Поступилъ тогда въ Дерптскій университетъ нѣкій Зелинскій, изъ виленскихъ студентовъ, который былъ необычайный мастеръ въ фехтовальномъ искусствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нахалъ въ высшей степени. Этотъ господинъ началъ изъ всякихъ пустяковъ заводить грубыя ссоры съ вновь поступавшими фуксами, и тѣмъ заставлялъ ихъ вызывать его на дуэль. Эти „фуксы“, конечно, обыкновенно бывали также новичками и въ фехтовальномъ искусствѣ, а бреттёръ, пользуясь своимъ превосходствомъ въ ономъ, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы ранить ихъ именно въ лицо.

Въ особенности преслѣдовалъ онъ богослововъ, и хохоталъ надъ тѣмъ, что вотъ онъ „изсѣкъ имъ физіономіи“ и тѣмъ, конечно, портилъ имъ карьеру. Это продолжалось, можетъ быть, съ полгода, въ теченіе котораго удалось ему ни про что, ни за что изуродовать лица болѣе 20-ти молодымъ людямъ. Тогда сеніоры незадолго предъ тѣмъ образовавшихся трехъ землячествъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ, устроили общую сходку, на которой было рѣшено воспротивляться распространенію бреттёрства, а ради примѣра наказать этого Зелинскаго. Для этой цѣли каждая изъ трехъ названныхъ корпорацій, избравъ изъ своихъ членовъ по три лучшихъ фехтовальщика, поручила имъ вызвать онаго бреттёра на филистерскую дуэль „до трижды трехъ тушей“ съ каждымъ. Это равнялось 27-ми уставнымъ поединкамъ, а такъ какъ къ тому же эти поединки имѣли быть филистерскими, слѣдовательно довольно серьезными, то „храбрый“ бреттёръ струсилъ и удралъ навсегда ночью предъ тѣмъ днемъ, когда ему назначено было предстать предъ первымъ по жребію изъ назначенныхъ ему карателей.

XIX.

Позднѣе всѣхъ установилась корпорація „русскаго землячества“ подъ названіемъ „Ruthenia“. Это было въ 1826 году.

До того времени въ Дерптскій университетъ вообще мало поступало студентовъ изъ уроженцевъ дѣйствительно русскихъ (т.-е. не остзейскихъ и не польскихъ) губерній; а въ упомянутый годъ сразу оказалось ихъ около двухъ десятковъ, изъ числа которыхъ помнятся мнѣ еще имена только немногихъ.

Прежде всѣхъ, безсомнѣнно, слѣдуетъ назвать Николая Михайловича Языкова, ставшаго, въ концѣ тѣхъ же еще двадцатыхъ годовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ лирическихъ поэтовъ. Затѣмъ помню двухъ сыновей тогдашняго корпуснаго командира, графа (впослѣдствіи: фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя) Витгенштейна; двухъ сыновей извѣстнаго основателя газеты „Сѣверная пчела“ и журнала „Сынъ отечества“, Ник. Ив. Греча; сына бывшаго Московскаго генералъ-губернатора (предшественника графа Ростопчина) Тутолмина;

и двухъ братьевъ Прокофьевыхъ, сыновей директора Русско-Американской компаніи. Именно-то этихъ восемь лицъ и слѣдуетъ считать основателями дерптской корпораціи: „Ruthenia“, создавшейся, впрочемъ, преимущественно по идеѣ и иниціативѣ Языкова, который и былъ избранъ первымъ старшиною (senior) этого русскаго землячества.

Николая Михаиловича я впервые увидѣлъ 6-го декабря 1826 г. (когда я былъ секунданеромъ гимназіи); это было на торжественномъ обѣдѣ, а затѣмъ балѣ, данныхъ творцомъ недавно только появившагося перваго русскаго соціально-юмористическаго романа: „Похожденія Ивана Ивановича Выжигина“, т.-е. Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, въ подгородной своей мызѣ „Карловѣ“ (собственно-то „Karlhof“) въ честь пріѣзжаго „знаменитаго гостя, друга и покровителя своего“ (какъ онъ выразился въ тостѣ) Николая Ивановича Греча.

Тогдашній карловскій помѣщичій домъ былъ весьма просторный, двухъ-этажный: весь бель-этажъ, роскошно (на деньги пресловутой „тантхенъ“) отдѣланный и меблированный, занималъ самъ Булгаринъ съ „своей семьею“, а въ нижнемъ этажѣ (rez-de-chaussée) помѣщались его „пансіонеры“, русскіе студенты: Языковъ, братья Гречъ и братья Прокофьевы.

Н. М. Языкову въ то время было 22, либо 23 года. Наружностію своею представлялъ онъ настоящій типъ великорусскаго молодца приволжскаго края. Роста онъ былъ больше чѣмъ средняго, широкоплечъ и съ выдающеюся впередъ грудною клѣткою, а лицо у него было кровь съ молокомъ. Затѣмъ открытый широкій лобъ подъ густыми кудрями свѣтло-каштановаго цвѣта; слегка вздернутый носъ; добродушно улыбающійся, довольно широкій ротъ съ пухлыми губами и небольшіе, плутовски-веселые сѣрые глаза. Нрава онъ былъ отличнѣйшаго: острякъ и балагуръ отъ природы, любилъ онъ подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивныя и никогда не пошлыя, да и самъ онъ не обижался дружескимъ подтруниваніемъ, такъ что нельзя было не любить его. Вообще Языковъ былъ превосходный товарищъ, бравый буршъ всей душою, мастеръ фехтовать и далеко не врагъ веселыхъ пирушекъ. Очень многіе изъ распѣваемыхъ, во время коммерсовъ „Рутеніи“, въ русскомъ переводѣ, студентскихъ пѣсенъ были плодомъ Языковской музы. Помню, что между прочимъ онъ пере-

велъ также двѣ изъ любимѣйшихъ застольныхъ пѣсенъ того времени:

„Крамбамбули питье зовется",
и „Съ высотъ Олимпа боги дали радость" *).

Объ остальныхъ русскихъ достаточно сказать, что они были, чтò обыкновѐнно называется „славными ребятами", т.-е. бравыми буршами и товарищами. Съ нѣкоторыми изъ нихъ случалось мнѣ въ позднѣйшее время (между 1835-мъ и 1845-мъ годомъ) встрѣчаться въ Петербургѣ, напр. съ Алексѣемъ Гречемъ (1836) который и представилъ меня своему отцу **). Около того же времени видѣлся я также и съ старшимъ изъ упомянутыхъ выше двухъ братьевъ Витгенштейнъ, съ кн. Алексѣемъ Христофоровичемъ ***), а нѣсколько позже (1847) встрѣтилъ я случайно и младшаго кн. Николая Христофоровича ****). Изъ всѣхъ этихъ основателей „Рутеніи", кромѣ Языкова, увы! никто ничѣмъ не ознаменовалъ себя выдающимися трудами на пользу нашего отечества! Но зато въ числѣ буршей, нѣсколько позже поступившихъ въ русское землячество, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу въ этомъ отношеніи указать на двухъ, уже впрямь, моихъ сотоварищей-однолѣтковъ. Это

*) Послѣ болѣе чѣмъ 60-лѣтняго промежутка, въ продолженіе котораго мнѣ ни разу не приходилось не только самому пѣть, но даже хотя бы лишь услышать эти пѣсни, немудрено, что въ моей памяти ничего не сохранилось кромѣ заглавныхъ стиховъ. Имѣвшаяся же у меня „коммерсовая тетрадь" (т.-е. рукописный сборникъ нашихъ студентскихъ пѣсенъ) пропала у меня вмѣстѣ съ частію моего багажа, во время войны 1831 года.

**) Ал. Ник. Гречъ въ 40-выхъ годахъ, по разводѣ знаменитаго художника-живописца Карла Брюллова съ его женою, женился на послѣдней, но, къ сожалѣнію, года чрезъ два умеръ.

***) Князь Алексѣй Витгенштейнъ, по выходѣ изъ университета, поступивъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ 1836 году былъ уже поручикомъ, а чрезъ годъ заболѣлъ (кажется чахоткою) и вскорѣ скончался. Характеромъ онъ былъ весьма симпатичный молодой человѣкъ; лицомъ и фигурою онъ чрезвычайно походилъ на отца своего, который въ молодости своей считался однимъ изъ красивѣйшихъ гвардейцевъ временъ императрицы Екатерины Великой и императора Павла Петровича.

****) Это случилось у графа Вл. Ал. Соллогуба. Князь Николай Витгенштейнъ былъ высокаго роста, сухощавъ и съ угрюмою физіономіею. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ впрочемъ имѣлъ полный поводъ быть угрюмымъ, потому что его жена, открыто разставшись съ нимъ навсегда, уѣхала за границу, чтобы соединить свою судьбу съ судьбою Франца Листа.

были Викт. Ст. Порошинъ*) (внукъ бывшаго воспитателя императора Павла Петровича) и графъ Влад. Ал. Соллогубъ**).

Но наша русская „колонія“ (какъ ее по праву можно было называть) въ то время состояла не исключительно только изъ „буршей Рутеніи“; къ ней примыкало не малое число какъ вольныхъ слушателей, такъ и кандидатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Эти послѣдніе, по постановленію министерства народнаго просвѣщенія, были прикомандированы къ Дерптскому университету для окончательной подготовки себя на занятіе впослѣдствіи профессорскихъ каѳедръ, каждый въ своемъ университетѣ и по предмету своей науки. Они составляли особое, конечно временное только, учрежденіе, которое носило названіе „профессорскаго института“. Среди этихъ лицъ, число которыхъ простиралось, кажется, чуть ли не до трехъ десятковъ, встрѣчались очень и очень многіе, имена которыхъ нынѣ красуются на скрижалахъ исторіи развитія у насъ высшихъ наукъ. Со всѣми съ ними я лично не былъ знакомъ, а потому я помню имена тѣхъ только изъ числа гг. кандидатовъ русскаго профессорскаго института, съ которыми я имѣлъ честь, — искренно повторяю: честь, — болѣе или менѣе лично сближаться. Съ медиками: Николаемъ Пироговымъ***) и

---

*) Викторъ Степановичъ Порошинъ издалъ въ 1844 г. „Записки Семена Порошина о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ“. Пополненнымъ явилось 2-е изданіе при „Русской Старинѣ“ за 1881 годъ.

**) Извѣстный писатель, авторъ романа „Тарантасъ“ и повѣстей „На сонъ грядущій“, графъ Соллогубъ былъ добродушнѣйшій малый самаго веселаго нрава, большой острякъ и превосходный товарищъ, но беззаботенъ и легкомысленъ иногда до безалаберности. Повѣсничать доставляло ему высшее удовольствіе, и его крайне забавляло, если выкидываемые имъ сюрпризы нарушали китайскій этикетъ въ залахъ гордой его родни. Въ особенности приводилъ онъ этимъ въ отчаяніе матушку своей жены (Софія Михаиловны), т.-е. графиню Віельгорскую (урожденную принцессу Биронъ, дочь послѣдней герцогини Саганъ-Курляндской), хотя она, всегда обезоруживаемая неотрицаемымъ остроуміемъ его выходокъ, невольно разсмѣявшись, прощала „son grand terrible enfant“, и тѣмъ болѣе, что и тесть, графъ Михаилъ Юрьевичъ, будучи самъ веселаго характера и съ крайне либеральнымъ воззрѣніемъ на чопорно-этикетный формализмъ, всегда первый хохоталъ надъ этими нарушеніями строгихъ обычаевъ „прекраснѣйшаго“ общества.

***) Впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа. Пироговъ прославился не только какъ признанный всѣмъ міромъ первѣйшій операторъ, но также и своими глубокомысленными педагогическими статьями. Въ нашемъ студентскомъ кругу онъ (какъ и Иноземцевъ) выказывался симпатичнымъ „камрадомъ.“ Въ 1845 году

Иноземцевымъ*) познакомилъ меня упомянутый уже выше пріятель мой Н. Б. Анке**). О достоинствахъ и огромныхъ заслугахъ этихъ двухъ свѣтилъ Харьковскаго и Московскаго университетовъ мнѣ нѣтъ надобности распространяться: ихъ знаетъ вся Россія, а имя перваго извѣстно даже всей цивилизированной Европѣ. У профессоровъ римскаго права Брёкера и у ректора Эверса (читавшаго намъ лекціи о русскихъ законахъ и о политикѣ) я сошелся съ П. Гр. Рѣдкинымъ***) и съ Ивановскимъ****); у профессоровъ: статистики — Блума и исторіи — Крузе познакомился я съ Мих. Сем. Куторгою†), а чрезъ него и съ братомъ его Степаномъ††); наконецъ у профессоровъ: математики — Бартельса и астрономіи — Струве встрѣчался я съ гг. Остроградскимъ†††) и Филомафицкимъ††††).

я навѣстилъ его въ Петербургѣ и былъ весьма дружески имъ принятъ. Объ оригинальности его можетъ между прочимъ свидѣтельствовать и слѣдующій анекдотъ. Разъ, побывавъ въ Медицинской Академіи, на Выборгской сторонѣ, и возвращаясь оттуда пѣшкомъ, онъ, не дойдя до Самсоніевскаго моста, увидѣлъ шедшую по улицѣ старую бабу съ огромнымъ наростомъ на шеѣ; этотъ наростъ привлекъ его вниманіе, и онъ остановилъ бабу, предложивъ ей „продать ему этотъ наростъ, который онъ самъ желаетъ вырѣзать“. Баба, испугавшись, начинаетъ его ругать и бѣжитъ отъ него; а Пироговъ все за ней, да кричитъ: „Давай наростъ, четвертную дамъ!“ Всѣ прохожіе останавливаются: скандалъ! Будочники, наконецъ, хватаютъ и бабу и самого Пирогова; является даже квартальный. Дѣло объяснилось тутъ же, и его превосходительство, конечно, съ миромъ отпустили. Какъ и что̀ было насчетъ нароста, о томъ и самъ разсказчикъ (докторъ Тарасовъ) не сумѣлъ мнѣ сказать.

*) Онъ потомъ былъ профессоромъ Московскаго университета; въ 1860 и 1861 годахъ проживая въ Москвѣ, я довольно часто съ нимъ видался.

**) См. гл. XVII.

***) Впослѣдствіи профессоръ и даже ректоръ С.-Петербургскаго университета.

****) Г. Ивановскаго я впослѣдствіи (въ 1847 г.) встрѣтилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ университета по предмету публичнаго права.

†) Впослѣдствіи профессоръ исторіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

††) Онъ былъ въ сороковыхъ годахъ цензоромъ въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ состоялъ профессоромъ естественныхъ наукъ при Московскомъ университетѣ.

†††) Впослѣдствіи профессоръ математики при С.-Петербургскомъ университетѣ, директоръ тамошней обсерваторіи и членъ Академіи Наукъ; прославился всемірно своей теоріею волнъ.

††††) Онъ былъ потомъ профессоромъ астрономіи при Харьковскомъ университетѣ, но вскорѣ умеръ, не достигши, кажется, и сорока лѣтъ.

Изъ числа же вольныхъ слушателей помню я только трехъ: медика Александра Петровича Загорскаго*), который посѣщалъ еще и прежде домъ моихъ родителей, и числившихся по министерству иностранныхъ дѣлъ: барона Ник. Людв. Штиглица**) и товарища его Геймбюргера***), которые бывали постоянными моими сосѣдями въ аудиторіи на лекціяхъ ректора Эверса (о политикѣ).

Если, съ одной стороны, „буршамъ Рутеніи" центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора, т.-е. Языкова (а послѣ Ник. Прокофьева) въ нижнемъ этажѣ Карловскаго „дворца", то, съ другой стороны, общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности, Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разъ насупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы.

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ [illegible]центомъ, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ [illegible]хъ слушателяхъ любовь къ нашей литературѣ, но так[illegible]пособлять ихъ къ ясному,

---

*) Въ 50-тыхъ годахъ встрѣча[illegible] Петербургѣ доволь[illegible] часто; онъ состоялъ тогда профессоромъ [illegible] военно-медицинской [illegible] [illegible]уго) и предсѣдателемъ Совѣта медицин[illegible] [illegible] (или чѣмъ-то [illegible] Въ 1827 году, по иниціативѣ [illegible] Загорскаго, [illegible] владѣлъ пріятнымъ теноро[illegible] уроженецъ [illegible] любителей церковнаго [illegible] праздникахъ [illegible] въ исполненіи литургій [illegible] соборѣ. На[illegible] около 15 человѣкъ.

**) Старшій сынъ [illegible] банкарской [illegible] Штиглицъ и Кº, и бра[illegible] директо[illegible] наго банка барона Ал[illegible] года [illegible] по окончаніи университ[illegible]

***) Онъ былъ воспит[illegible] себя своими познаніям[illegible] товарищемъ министра [illegible]

логическому и сколь возможно популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкѣ*). Къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограниченно, потому что лекціи его посѣщались преимущественно, можно даже сказать: почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время геній Пушкина не вполнѣ еще распустилъ свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, хотя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго Парнасса, замѣтно уже начала меркнуть. Перевощиковъ, какъ само по себѣ разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствѣ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова.

Семейство Перевощикова, кромѣ жены, состояло изъ сына, котораго, однакоже, тогда въ Дерптѣ на лицо не было**), изъ дочери лѣтъ семнадцати (очень хорошенькой и къ тому же весьма умненькой брюнетки), да еще изъ 3-хъ или 4-хъ подростковъ, малъ мала меньше. У нихъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействѣ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т.-е. естественная непринужденность въ предѣлахъ столь же естественныхъ требованій приличія, въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріютно. Вслѣдствіе того воскресные посѣтители обыкновенно являлись къ Перевощиковымъ въ довольно числительномъ количествѣ, преимущественно изъ среды „рутенійцевъ“ и членовъ „профессорскаго института“.

Бывала русская колонія также и у карловскаго помѣщика, у Булгарина, но не вся: являлись къ Ѳаддею Венедиктовичу въ гости преимущественно его же „пансіонеры“ да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ (какъ напр. мой отецъ)

---

*) Съ глубокой признательностію я считаю долгомъ при этомъ случаѣ выска- ... безсомнѣнно только руководству этого достойнаго наставника я обязанъ, ...ѣхъ отечественнаго языка не содѣлались для меня чуждыми, не- ...тнее мое пребываніе среди остзейскихъ нѣмцевъ.

...) мнѣ помнится, находился въ Москвѣ, бывъ студентомъ тамош- ..., по математическому факультету. Въ 30-хъ же годахъ состоялъ ...же профессоромъ того же или Петерб. университета.

Изъ числа же вольныхъ слушателей помню я только трехъ: медика Александра Петровича Загорскаго*), который посѣщалъ еще и прежде домъ моихъ родителей, и числившихся по министерству иностранныхъ дѣлъ: барона Ник. Людв. Штиглица**) и товарища его Геймбюргера***), которые бывали постоянными моими сосѣдями въ аудиторіи на лекціяхъ ректора Эверса (о политикѣ),

Если, съ одной стороны, „буршамъ Рутеніи" центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора, т.-е. Языкова (а послѣ Ник. Прокофьева) въ нижнемъ этажѣ Карловскаго „дворца", то, съ другой стороны, общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности, Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разъ насупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы.

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ доцентомъ, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ нашей литературѣ, но также и приспособлять ихъ къ ясному,

---

*) Въ 50-тыхъ годахъ встрѣчался я съ нимъ въ Петербургѣ довольно часто; онъ состоялъ тогда профессоромъ Императорской военно-медицинской академіи и предсѣдателемъ Совѣта медицинскаго департамента (или чѣмъ-то въ родѣ того). Въ 1827 году, по инціативѣ и подъ дирижерствомъ Загорскаго, который самъ владѣлъ пріятнымъ теноромъ, составился изъ русскихъ уроженцевъ мужской хоръ любителей церковнаго пѣнія, который по большимъ праздникамъ участвовалъ въ исполненіи литургій въ городскомъ православномъ соборѣ. Насъ насчиталось около 15 человѣкъ.

**) Старшій сынъ основателя нѣкогда знаменитой банкирской фирмы, баронъ Штиглицъ и К°, и братъ (нынѣ также уже умершаго) директора государственнаго банка барона Александра Штиглица. Скончался года чрезъ два или три по окончаніи университетскаго курса.

***) Онъ былъ воспитанникъ стараго барона Людвига Штиглица. Ознаменовалъ себя своими познаніями по части государственныхъ наукъ и былъ впослѣдствіи товарищемъ министра иностраныхъ дѣлъ.

логическому и сколь возможно популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкѣ*). Къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограниченно, потому что лекціи его посѣщались преимущественно, можно даже сказать: почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время геній Пушкина не вполнѣ еще распустилъ свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, хотя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго Парнасса, замѣтно ужс начала меркнуть. Перевощиковъ, какъ само по себѣ разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствѣ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова.

Семейство Перевощикова, кромѣ жены, состояло изъ сына, котораго, однакоже, тогда въ Дерптѣ на лицо не было**), изъ дочери лѣтъ семнадцати (очень хорошенькой и къ тому же весьма умненькой брюнетки), да еще изъ 3-хъ или 4-хъ подростковъ, малъ мала меньше. У нихъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействѣ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т.-е. естественная непринужденность въ предѣлахъ столь же естественныхъ требованій приличія, въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріютно. Вслѣдствіе того воскресные посѣтители обыкновенно являлись къ Перевощниковымъ въ довольно числительномъ количествѣ, преимущественно изъ среды „рутенійцевъ“ и членовъ „профессорскаго института“.

Бывала русская колонія также и у карловскаго помѣщика, у Булгарина, но не вся: являлись къ Ѳаддею Венедиктовичу въ гости преимущественно его же „пансіонеры“ да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ (какъ напр. мой отецъ)

---

*) Съ глубокой признательностію я считаю долгомъ при этомъ случаѣ высказать, что безсомнѣнно только руководству этого достойнаго наставника я обязанъ, что исторія и духъ отечественнаго языка не содѣлались для меня чуждыми, несмотря на многолѣтнее мое пребываніе среди остзейскихъ нѣмцевъ.

**) Онъ, сколько мнѣ помнится, находился въ Москвѣ, бывъ студентомъ тамошняго университета, по математическому факультету. Въ 30-хъ же годахъ состоялъ онъ, кажется, даже профессоромъ того же или Петерб. университета.

Изъ числа же вольныхъ слушателей помню я только трехъ: медика Александра Петровича Загорскаго*), который посѣщалъ еще и прежде домъ моихъ родителей, и числившихся по министерству иностранныхъ дѣлъ: барона Ник. Людв. Штиглица**) и товарища его Геймбюргера***), которые бывали постоянными моими сосѣдями въ аудиторіи на лекціяхъ ректора Эверса (о политикѣ),

Если, съ одной стороны, „буршамъ Рутеніи" центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора, т.-е. Языкова (а послѣ Ник. Прокофьева) въ нижнемъ этажѣ Карловскаго „дворца", то, съ другой стороны, общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности, Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разъ насупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы.

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ доцентомъ, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ нашей литературѣ, но также и приспособлять ихъ къ ясному,

---

*) Въ 50-тыхъ годахъ встрѣчался я съ нимъ въ Петербургѣ довольно часто; онъ состоялъ тогда профессоромъ Императорской военно-медицинской академіи и предсѣдателемъ Совѣта медицинскаго департамента (или чѣмъ-то въ родѣ того). Въ 1827 году, по инипіативѣ и подъ дирижерствомъ Загорскаго, который самъ владѣлъ пріятнымъ теноромъ, составился изъ русскихъ уроженцевъ мужской хоръ любителей церковнаго пѣнія, который по большимъ праздникамъ участвовалъ въ исполненіи литургій въ городскомъ православномъ соборѣ. Насъ насчиталось около 15 человѣкъ.

**) Старшій сынъ основателя нѣкогда знаменитой банкирской фирмы, баронъ Штиглицъ и К°, и братъ (нынѣ также уже умершаго) директора государственнаго банка барона Александра Штиглица. Скончался года чрезъ два или три по окончаніи университетскаго курса.

***) Онъ былъ воспитанникъ стараго барона Людвига Штиглица. Ознаменовалъ себя своими позналіями по части государственныхъ наукъ и былъ впослѣдствіи товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

логическому и сколь возможно популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкѣ*). Къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограниченно, потому что лекціи его посѣщались преимущественно, можно даже сказать: почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время геній Пушкина не вполнѣ еще распустилъ свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, хотя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго Парнасса, замѣтно ужс начала меркнуть. Перевощиковъ, какъ само по себѣ разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствѣ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова.

Семейство Перевощикова, кромѣ жены, состояло изъ сына, котораго, однакоже, тогда въ Дерптѣ на лицо не было**), изъ дочери лѣтъ семнадцати (очень хорошенькой и къ тому же весьма умненькой брюнетки), да еще изъ 3-хъ или 4-хъ подростковъ, малъ мала меньше. У нихъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействѣ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т.-е. естественная непринужденность въ предѣлахъ столь же естественныхъ требованій приличія, въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріютно. Вслѣдствіе того воскресные посѣтители обыкновенно являлись къ Перевощиковымъ въ довольно числительномъ количествѣ, преимущественно изъ среды „рутенійцевъ“ и членовъ „профессорскаго института“.

Бывала русская колонія также и у карловскаго помѣщика, у Булгарина, но не вся: являлись къ Ѳаддею Венедиктовичу въ гости преимущественно его же „пансіонеры“ да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ (какъ напр. мой отецъ)

---

*) Съ глубокой признательностію я считаю долгомъ при этомъ случаѣ высказать, что безсомнѣнно только руководству этого достойнаго наставника я обязанъ, что исторія и духъ отечественнаго языка не содѣлались для меня чуждыми, несмотря на многолѣтнее мое пребываніе среди остзейскихъ нѣмцевъ.

**) Онъ, сколько мнѣ помнится, находился въ Москвѣ, бывъ студентомъ тамошняго университета, по математическому факультету. Въ 30-хъ же годахъ состоялъ онъ, кажется, даже профессоромъ того же или Петерб. университета.

состояли въ личномъ съ нимъ знакомствѣ. Бывали, впрочемъ, и такіе, которые не отказывались отъ его приглашеній по той причинѣ, что авторъ „Выжигина" любилъ и умѣлъ угощать на славу, и охотно щеголялъ и своимъ поваромъ и выборнымъ своимъ запасомъ иностранныхъ винъ. И впрямь, великій его талантъ относительно знанія гастрономическихъ тонкостей, по общему нашему тогда уже сужденію, превосходилъ даже его, въ сущности все-таки до извѣстной степени не отрицаемый, писательскій талантъ. Должному нормальному развитію послѣдняго очевидно мѣшало полное въ Булгаринѣ отсутствіе серьезной научной подготовки. Онъ владѣлъ быстрой, что называется, смѣкалкою, не мало читалъ образцовыхъ романовъ (въ особенности французскихъ)*), и имѣлъ большую житейскую опытность, такъ какъ прошелъ, какъ говорится, огонь и воду; а насчетъ литературной отшлифовки, орѳографіи и грамматической правильности, такъ дѣйствительно Н. И. Гречъ оказался ему необычайнымъ другомъ и покровителемъ. Булгарина можно было по всей справедливости сравнить съ „Жиль-Блазомъ де Сантильяна", на котораго онъ вполнѣ походилъ характеромъ, и въ особенности смѣлымъ самомнѣніемъ: сдѣлавшись редакторомъ „Сѣверной пчелы" и главнымъ фельетонистомъ ея, онъ весьма отважно взялся писать критики по части всѣхъ возможныхъ наукъ и искусствъ, и нималѣйше не конфузился безчисленными обличеніями его въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи самыхъ элементарныхъ познаній того, о чемъ онъ брался печатно разсуждать**). Внѣшность его какъ нельзя

*) Преимущественно, какъ не разъ я отъ него самого слыхивалъ, любилъ онъ сочиненія Ле-Сажа и Бомаршѐ.

**) Со времени вхожденія моего (въ 1840 г.) въ кругъ проживавшихъ тогда въ Петербургѣ русскихъ литераторовъ и музыкальныхъ дѣятелей, я возобновилъ также и прежнее знакомство съ Ѳ. В. Булгаринымъ, довольно часто встрѣчался съ нимъ и даже раза три или четыре заходилъ къ нему для „дружескихъ объясненій". Когда въ 1852 году, чрезъ рекомендацію Василька Петрова, я былъ приглашенъ А. Очкинымъ въ музыкальные фельетонисты русскихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, изложилъ я во вступительной моей статьѣ плохое состояніе тогдашней нашей музыкальной критики, находившейся въ рукахъ некомпетентныхъ судей и даже полныхъ неучей, какъ напр. Булгарина, нѣкоего Элькана (извѣстнаго фарсёра еврейскаго происхожденія) и т. п. Чрезъ нѣсколько дней по выходѣ моей филиппики встрѣтился я съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ остановилъ меня: „Эхъ, эхъ! что же ты, братецъ (Бургаринъ имѣлъ

болѣе соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ. Въ 50-тыхъ годахъ сталъ выходить альбомъ рисунковъ къ Гоголевской поэмѣ: „Мертвыя души"; такъ тамъ и поглядите на фигуру, лицо и позы героя этихъ похожденій; это, почти двѣ капли воды, живое изображеніе Ѳаддея Венедиктовича. Манеры, однакоже, у него были грубѣе чѣмъ у „деликатнаго Чичикова", и онъ старался по возможности прикрывать этотъ недостатокъ личиною добродушнаго простяка, въ родѣ тѣхъ, какихъ старинная французская комедія любила выводить въ роляхъ „aimables grondeurs", съ нарочитой брюзгливостію въ тонѣ и съ выговоромъ, будто ротъ наполненъ горохомъ.

Забавлялъ онъ насъ, это правда; но чуткое чувство прямодушной молодежи не обманывалось его личиною: мы его не любили, и онъ также насъ не любилъ. Студентскіе порядки и обычаи онъ ненавидѣлъ и не одинъ разъ нападалъ онъ и даже доносилъ на нихъ; но, конечно, неудачно, потому что нашъ ректоръ Magnificus Эверсъ пользовался безпредѣльнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ не только министра, но и самого Государя Императора.

Осенью 1826-го года, должно быть, Булгаринъ сдѣлалъ подобную же въ этомъ родѣ попытку, и это дошло до свѣдѣнія студентовъ. Устраивались сходки оскорбившейся молодежи, сначала частныя по отдѣльнымъ корпораціямъ, а затѣмъ всеобщая сходка, и было рѣшено учинить ему „Pereat monstruosum". На другой день на плацу предъ почтовой станціею собралось до трехсотъ буршей, а оттуда въ строжайшемъ порядкѣ отправились на близлежащую мызу Карлово. Дойдя до господскаго дома, бурши подъ самымъ балкономъ чинно выстроились полукругомъ, и по знаку, по-

---

привычку „тыкать" всѣхъ молодыхъ людей), сразу такъ и наткнулся на насъ стариковъ! Вѣдь ты только что начинаешь, а я-то, ты пойми, сколько уже лѣтъ пишу!" — „Что жъ мнѣ дѣлать, Ѳ. В.? это долгъ мой, доказать читающей публикѣ, что такія критики вздоръ да чепуха." — „Ну, ужъ и чепуха! будто не понимаю я музыки! вѣдь и я также музыкантъ". — „Полно-те, Ѳ. В.! Ну, какой же вы музыкантъ?" — „Да, братецъ! музыкантъ я, музыкантъ: на флажолетѣ поигрывалъ! Ты — смотри, не больно на меня нападай; вѣдь отвѣчать пожалуй, стану".— „Отвѣчайте! Вамъ же хуже будетъ, потому: споткнетесь на музыкѣ". — „Ладно ладно! вотъ жалѣючи развѣ только тебя: съ твоимъ батькой вѣдь хорошо мы были знакомы. Да ты, пожалуйста, и самъ меня-то старика не черезчуръ уже распекай! Помягче, слышишь?"

данному сеніораму существовавшихъ тогда пяти корпорацій*), три раза прокричали „pereat!“ Отъ громоваго гула раздавшихся трехсотъ молодецкихъ голосовъ затряслись зеркальныя окна карловскаго палаццо. Изъ-за длинныхъ кисейныхъ гардинъ мелкомъ виднѣлись испуганныя женскія лица. Изъ дверей нижняго этажа (подъ самымъ балкономъ) вышелъ лакей съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ: что приказываютъ многоуважаемые господа?**) — „Пускай выйдетъ самъ г. Булгаринъ!“ объявили спокойно стоявшіе впереди сеніоры. — „Господина „фонъ“ Булгарина дома нѣтъ!“ трусливо пробормоталъ лакей. „Bulgarin heraus!“ грохнулъ громогласно весь хоръ. Лакей, чуть ли не присѣвши на корточки, юркнулъ за двери. — „Bulgarin heraus!“ пронесся еще сильнѣе возгласъ трехсотъ голосовъ. Отворилась дверь на балконѣ, и показался Ѳаддей Венедиктовичъ, облеченный въ роскошный халатъ, съ вышитой золотомъ шапочкою на головѣ и съ необыкновенно сладкой улыбкой на пухломъ лицѣ. „Мейнэ геэртенъ Херренъ“, заговорилъ онъ, взявъ хриплымъ, бурливымъ своимъ басомъ наивозможно мягкую нотку, „мейнэ Херренъ... ***), но до спича дѣло не дошло, потому что онъ былъ прерванъ общимъ крикомъ: „Шапку долой!“ Булгаринъ побагровѣлъ, но шапку-то снялъ. И опять и еще слаще началъ: „Мейнэ Херренъ!“ И опять не дали ему продолжать, а закричали: „Въ шлафрокѣ неприлично! Одѣваться, одѣваться!“ Нечего было дѣлать! Пошелъ нашъ Ѳаддей Венедиктовичъ назадъ, а минутъ черезъ десять воротился одѣтый въ установленную по тогдашнему обычаю для визитовъ форму; тогда ему дозволили окончить свою рѣчь.

Булгаринъ всѣми средствами бурсовой реторики изощрялся увѣрять, что онъ себѣ объяснить не можетъ, чѣмъ онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ гг. студентовъ, который

---

*) Ruthenia, Livonia, Esthonia, Curonia, Fraternitas Rigensis и Corporatio academica (Allgemeine Burschenschaft).

**) „Was befehlen hochgeehrte Herrschaften“. Этотъ оборотъ у нѣмецкихъ лакеевъ служитъ обычной „деликатной“ формою для выраженія вопроса: „что вамъ угодно?“

***) Какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ Булгаринъ очень свободно объяснялся, но выговоръ у него былъ ужаснѣйшій, — впрямь, что называется, антиполицейскій!

несказано поражаетъ его сердце; что онъ глубоко уважаетъ достойныхъ сыновъ „almae matris Dorpatensis“; что онъ горячо имъ сочувствуетъ и т. д., и т. д. Студенты довольно терпѣливо его выслушали, хотя отъ времени до времени, да именно-то въ самые „трогательные“ моменты патетическаго этого спича, они не въ состояніи были удержаться отъ громкаго, довольно непочтительнаго хихиканья, которое никакъ не могло служить знакомъ одобренія и сочувствія. Это неодобреніе-то и было ясно и кратко высказано Ѳаддею Венидиктовичу сеніоромъ Ливоніи (фонъ-Энгельгардтомъ), который напередъ уже былъ избранъ „спикеромъ“ экспедиціи. Смыслъ его отвѣта заключался въ томъ, что рѣчь многопочтеннаго (vielehrenwerthen)*) г. Булгарина совершенно противорѣчитъ неоспоримымъ фактамъ, т.-е. доносоподобнымъ его статьямъ, а потому, несмотря на неотрицаемыя реторическія красоты его длиннаго спича, слова многопочтеннаго г. Булгарина, къ сожалѣнію все-таки никакой вѣры не заслуживаютъ, вслѣдствіе чего отвѣтомъ ему можетъ только служить: „Pereat calumniator!“ **) „Pereat! pereat! pereat!“ дружно и неистово грянулъ весь хоръ. А затѣмъ бурши повернулись задомъ къ фронту дома и къ находившемуся на балконѣ Булгарину и ровнымъ тихимъ шагомъ, съ соблюденіемъ прежняго церемоніальнаго порядка, возвратились опять въ городъ. Въ то время, извѣстно, свѣтописаніе вообще не было еще изобрѣтено, а способъ „минутнаго снятія“ и того менѣе. Объ этомъ стоитъ однакоже сожалѣть, потому что фигура и физіономія многопочтеннаго г. Булгарина при неожидаемомъ имъ, послѣ столь патетическаго его спича, повтореніи ему „оваціи“ поистинѣ заслуживали бы увѣковѣченія.

XX.

Домашняя обстановка студентовъ бывала, конечно, весьма различная. Тамошніе уроженцы, какъ само собою разумѣется, живали въ своихъ семействахъ; пріѣзжіе же изъ другихъ мѣстностей богачи нанимали отдѣльныя, более или менѣе комфор-

---

*) Это выраженіе въ парламентарныхъ спичахъ преимущественно употребляется въ ироническомъ смыслѣ.

**) „Да погибнетъ клеветникъ“.

табельно устроенныя, помѣщенія. Но всеобычная обстановка и тѣхъ и другихъ не дала бы никакого вѣрнаго понятія о настоящемъ студентскомъ „гнѣздѣ", а потому займемся домашнымъ устройствомъ настоящаго „вольнаго" бурша, да къ тому же такого, который, располагая кое-какими только средствами, могъ жить, хотя и не богато, но все-таки и не мизерно.

Про меблированныя комнаты, какія нынѣ содержатся многочисленными, спеціальными по этой части, аферистами и аферистками, въ то время и помину еще не было. Но у домовладѣльцевъ изъ мелкихъ мѣщанъ всегда имѣлись двѣ-три квартирки въ одну или въ двѣ комнатки, преимущественно въ мезонинахъ одно- или двухъ-этажныхъ домиковъ. Кромѣ того много находилось и ремесленниковъ и „будикеровъ"*), которые охотно отдавали въ наемъ студентамъ одну-другую имѣвшуюся въ собственномъ ихъ помѣщеніи излишнюю комнатку съ мебелью, а иногда и съ „прокормленіемъ"**).

Если отдѣльно нанимаемая у домовладѣльца квартирка не была омеблирована хозяиномъ, то нужная студенту мебель бралась напрокатъ за весьма небольшую ежемѣсячную плату. Устройство студентскаго жилища всегда оказывалось ad nec plus ultra***) простымъ. Да и до убранства ли комнаты было юношѣ-буршу, мечтавшему уже въ послѣдніе предъ тѣмъ годы только о томъ, когда же наконецъ онъ вырвется изъ все болѣе и болѣе стѣсняющихъ его стѣнъ родительскаго дома, чтобы зажить привольной студентской жизнью въ обществѣ бравыхъ и веселыхъ товарищей. Для него собственно-что же такое квартира-то? Берлога, гдѣ бъ ему можно спать ночью въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходится прогулять ее всю напролетъ на пирушкѣ съ товарищами, — келья уединенія, когда настанетъ необходимость „óксить"****) ради приближающагося времени экзаменовъ. Ну, да надо же, наконецъ, и имѣть свой уголъ, гдѣ можно бъ было спокойно пить утренній свой кофе и обѣдать. А для удовлетворенія столь скромныхъ претензій многаго ли нужно? Были бы кровать, столъ, два стула, полка для книгъ, комодикъ для бѣлья, вѣшалка для платья, тазъ съ кувшиномъ

*) Будикеръ (отъ слова „Bude", лавка), лавочникъ.

**) „Mit Kost". —

***) До-нельзя болѣе.

****) Слово „ochsen" означаетъ безустанно работать, какъ волъ (Ochs).

для умыванія, да шкапчикъ вмѣсто буфета — и все тутъ; а буде хозяева ставили еще диванчикъ (ein Sofa), лишній столикъ предъ нимъ, ширмочки около кровати, да вѣшали между окнами нѣчто въ родѣ тусклаго зеркальца, тогда и товарищи всѣ восклицаютъ: „Ein famoses Nest!"*)

Нанявши себѣ комнату, молодой буршъ принимается за размѣщеніе бо́льшаго или меньшаго скарба своего, а если позволяютъ его средства, такъ и за украшеніе своего пріюта. Прежде всего онъ вѣшаетъ надъ кроватью (а если есть диванчикъ, то надъ нимъ) крестообразно два эспадрона и пару фехтовальныхъ перчатокъ, а подъ ними коммерсовую свою трубку**). Потомъ, — но, конечно, только тогда, если буршъ особенный обожатель изящныхъ искусствъ, — помѣщаются на стѣнахъ нѣсколько гравюръ или литографическихъ картинъ***). Въ комодикъ укладываются мундиръ съ широкимъ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и принадлежности къ нему, да бѣлье (но за „оригинальность студентскаго порядка" не взыщите!); на полкѣ кое-какъ устанавливаются книги, а на столѣ между окнами

---

*) Преславное гнѣздо.

**) Трубка этого рода весьма достойна описанія, потому что такія трубки едва ли еще гдѣ обрѣтаются. Въ началѣ уже 60-ыхъ годовъ, когда я значительно долго прожилъ въ Лейпцигѣ, гдѣ преимущественно сохранилось очень много еще старинныхъ студентскихъ обрядовъ и обычаевъ, мнѣ ни разу однакоже не пришлось видѣть у какого-либо студента трубку реченнаго калибра. Самое главное и самое видное заключалось въ такъ называемой „головѣ" ея, т.-е. той части, во внутренность которой набивается табакъ. Эта голова, выточенная изъ толстаго корня корельской березы, желто-коричневаго цвѣта со множествомъ пятенъ разныхъ оттѣнковъ, имѣла обыкновенно съ боковыхъ сторонъ видъ цвѣточной вазы шириною отъ 3-хъ до 4-хъ, а вышиною отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ. Но ваза была не круглая, а сплющенная, такъ что въ поперечникѣ находящагося по срединѣ углубленія для набиванія табакомъ оказывалось не болѣе одного дюйма. Спереди, сзади и книзу это трубочная головища оканчивалась кантомъ, образуемымъ выпуклыми боковыми сторонами. Эти стороны служили въ родѣ памятныхъ скрижалей, потому что на нихъ находились собственноручныя подписи товарищей, весьма искуссно вырѣзанныя потомъ опытнымъ граверомъ, иногда изъ числа самихъ буршей. Чубукъ къ этой трубкѣ былъ коротенькій, эластичный, а самый мундштукъ длинный, круто согнутый, изъ свѣтло-сѣраго или чернаго рога. Къ чубуку привѣшивались всегда въ четыре ряда шелковые шнуры и пара толстыхъ кистей трехъ цвѣтовъ, составлявшихъ характеристическую эмблему той корпораціи, къ которой принадлежалъ владѣлецъ трубки.

***) Олеографія изобрѣтена была гораздо позже, въ 50-ыхъ годахъ; да и сама-то литографія въ то время существовала не болѣе какъ только около 10-ти лѣтъ.—

широко раскладываются тетради и прочія бумаги да весь приборъ для письма. Въ концѣ же концовъ (а бывало и прежде всякой другой уборки) наполняется и шкапчикъ самой необходимѣйшей посудою, между которою главное мѣсто занимаютъ старый жестяной портъ-менажъ и огромный кофейникъ-инвалидъ. Затѣмъ выглядываютъ изъ разныхъ угловъ на разныхъ полкахъ посудины, употребляемыя при утоленіи жажды, и строгій критикъ студентской морали, пожалуй, тотчасъ замѣтилъ бы несоразмѣрность въ числѣ, въ величинѣ и въ цѣнности посуды для различной цѣли: для воды имѣются небольшой глиняный кувшинъ да единный, весьма простенькій стаканчикъ, а для — вина довольно видный розовый стаканъ богемской работы съ вышлифованными на немъ прозрачными медальонами и четыре — пять красивыхъ „рёмеровъ“ *) весьма почтеннаго размѣра. Тутъ же лежатъ на старой газетѣ двѣ надломленныя булки и початый толстый ломоть ржанаго хлѣба, а возлѣ видны (непремѣнно треснувшіяся уже) тарелки съ остатками масла, да колбасы или ветчины и огромная фарфоровая чашка весьма затѣйливой формы.

Въ углу же у печки, торчитъ пара ботфортъ, къ которымъ прислоняется довольно толстая, изъ можжевельника, палка коричневаго цвѣта съ черными пятнами, такъ называемая „цигенгайнская дубинка“ (Ziegenhayner Knüppel).

Что касается вопроса: много ли, мало-ли буршъ наслаждался своимъ „buon retiro“? такъ это, конечно, зависѣло отъ его личнаго темперамента. А такъ какъ различнымъ оттѣнкамъ человѣческаго темперамента счету нѣтъ, и такъ какъ описаніе того, какъ препровождали свое время студенты различнаго темперамента, потребовало бы излишняго мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ, то я предпочитаю предоставить собственной фантазіи многоуважаемаго читателя разрисовать себѣ самыя разнороднѣйшія картины житья-бытья то бурша-холерика, то бурша-сангвиника или флегматика, то студента прилежнаго, то лѣнтяя или гуляки и т. д.

Конечно, всѣ они имѣли еще одну, общую, кромѣ спанья и пищи, потребность, а именно — потребность въ „какой

---

*) Рёмеръ есть шарообразный, на коротенькихъ ножкахъ, бокалъ зеленаго цвѣта, и употребляется для питья рейнвейна.

ни наесть“ прислугѣ: ибо надобно же было, чтобы кто-нибудь чистилъ ежедневно студѐнту сапоги да одежду, варилъ бы ему кофе по утрамъ, убиралъ бы комнату, носилъ бы ему обѣдъ изъ кухмистерской, да разнашивалъ бы городскую его корреспонденцію. Учрежденіе городскихъ почтъ тогда еще не существовало. Само собою разумѣется, что студенту-небогачу, обитающему въ одной только комнатѣ, невозможно было содержать особливую, спеціально одной его персонѣ себя посвятившую прислугу. Поэтому-то мало-по-малу въ теченіе четверти вѣка со времени возстановленія (въ 1802-мъ году) Дерптскаго университета, образовалось какое-то, точно особенное, сословіе „общей поденной“ студентской прислуги обоего пола.

Это сословіе, чтобы такъ ужъ и выразиться, было далеко не многочисленное; едва ли въ немъ насчитывалось и до полсотни лицъ. Но въ этихъ индивидуумахъ — ей, ей! — все было крайне оригинально, начиная отъ данныхъ имъ студентами сословныхъ наименованій до употребляемаго ими между собою и съ студентами жаргона*) включительно. Наиболѣе же характеристическою особенностію должно считаться то, что я никакъ не помню, случалось ли мнѣ дѣйствительно видѣть хоть кого-либо изъ числа этихъ индивидуумовъ съ лицомъ безъ несмѣтнаго количества морщинъ? Они, словно гномы, всѣ казались равныхъ лѣтъ неопредѣленнаго возраста. А такъ какъ тѣ, которые называли себя мужчинами, всѣ безъ исключенія тщательно брились, да обыкновенно пищали высокимъ теноровымъ фальцетомъ, между тѣмъ какъ у выдававшихъ себя за членовъ „прекраснаго“ пола у кого торчавшіе на губахъ и на подбородкѣ остатки подстриженныхъ волосъ, а у кого ворчливый басовой голосъ противорѣчили этому показанію, то и впрямь всѣ эти персонажи различались между собою единственно только своею одеждою. Индивидуумовъ этого рода въ мужской одеждѣ мы называли „лёфелями“ **), а въ женской одеждѣ — „бэзенами“ ***).

---

*) Jargon, исковерканное нарѣчіе. Это была смѣсь, основаніемъ которой служилъ неправильный нѣмецкій языкъ, съ прибавленіемъ произвольно созданныхъ словъ латышскаго, чухонскаго и даже русскаго корней.

**) Löffel, ложка.

***) Bèsen, метла.

Леффель являлся всегда въ широкой, темно-сѣрой курткѣ и въ широкихъ черныхъ панталонахъ, съ огромнымъ картузомъ на затылкѣ; бэзенъ всегда въ темно-синей съ красными цвѣточками коленкоровой юбкѣ и въ коричневой изъ шерстяной матеріи кофтѣ, съ огромнымъ изъ плотной кисеи чепцомъ на головѣ; сверхъ того и тотъ и другая съ привязаннымъ спереди, сверхъ платья, длиннымъ, широкимъ передникомъ. Несмотря на впрямъ комическую свою наружность, это были честнѣйшіе люди и самые заботливые слуги. Не бывало никогда случая, чтобы леффель или бэзенъ оказались ворами; даже случайно уроненную студентомъ и гдѣ-то въ углу валявшуюся мелкую монету, когда они ее находили при уборкѣ комнаты, даже и ту всегда возвращали „dem jungen Herrn" *), да еще съ порядочной, не очень-то церемонною нотаціею за легкомысленную небрежность. А въ отношеніи добросовѣстнаго убиранія комнаты и аккуратнаго исполненія порученій, такъ нынѣшняя, даже и самая дорогая, прислуга имъ и въ подметки не годится. Что же касалось чистки платья и сапоговъ, такъ не только послѣдніе всегда блистали какъ зеркала, а на первомъ и слѣдовъ не виднѣлось отъ пуха или пыли, но старательные леффель или бэзенъ каждое утро тщательно также осматривали платье и, гдѣ нужно да возможно было, либо пришивали недостающую пуговицу, либо чинили оказавшуюся дырку или распоровшійся шовъ. И при этомъ не должно забывать, что у каждаго леффеля или бэзена было на рукахъ до 12—15-ти студентовъ, живущихъ въ разныхъ домахъ! Да! это были крайне смѣшные по виду индивидуумы, но весьма достопочтенные, честные и добросовѣстные слуги!

Отношенія между студентами, жившими какъ квартиранты въ семействахъ „бюргеровъ" **), и этими ихъ хозяевами бывали самыя патріархальныя и дружескія. Жильца-бурша въ такомъ домѣ иначе не называли какъ „unser junge Herr" ***), и не только „Frau Meisterin" ****) и ея обыкновенно многочисленныя чада съ домочадцами, но и самъ

*) Молодому барину.

**) Bürger, горожанинъ, мѣщанинъ.

***) Нашъ молодой господинъ.

****) Хозяйка, жена (цеховаго) мастера.

„Herr Meister“ дорожили имъ, всячески старались ему угождать и вообще обходились какъ бы съ „возлюбленнымъ сыномъ дома, радостію и надеждою всего семейства“. Да и впрямь, не считая, хотя и небольшихъ, а все-таки пренебреженію не подлежавшихъ матеріальныхъ интерессовъ, вообще таковое квартированіе бурша у какого-нибудь „филистера“ доставляло послѣднему также и не мало выгодъ другаго рода.

Во-первыхъ, филистеръ, который имѣлъ студента своимъ квартирантомъ, этимъ самымъ обстоятельствомъ былъ болѣе или менѣе гарантированъ противъ всякихъ шуточныхъ студентскихъ продѣлокъ, потому что, по тогдашнимъ „отсталымъ“ нашимъ понятіямъ о требованіяхъ собственной чести, буршу-квартиранту, въ подобномъ случаѣ, надлежало бы вызвать шалуна на дуэль. А духъ товарищества и взаимнаго уваженія до того глубоко проникъ въ тогдашнее дерптское студенчество, что всякій буршъ, чувствовалъ несообразность подобныхъ послѣдствій, и изъ уваженія къ товарищу оказывалъ уваженія также и квартирному его хозяину. Бывали, конечно, исключительные случаи, но и тѣ большей частью не доводили товарищей до дуэли. Квартирантъ филистера посылалъ на другой день къ виновному другаго товарища за объясненіемъ случившагося и съ вопросомъ: помнитъ ли онъ то, что дѣлалъ, и какое его было при этомъ намѣреніе? Если виновный отвѣчалъ, что помнитъ и что ему такъ хотѣлось, то онъ тутъ же и бывалъ вызванъ на дуэль установленной формулою: „X. lässt dir sagen, du seist ein dummer Junge!“ *) Но, кромѣ двухъ какихъ-то особенныхъ случаевъ, въ которыхъ главной двигающей силою являлась любовная ревность, я не помню, чтобы въ мое время приходилось кому-либо выйти на дуэль изъ-за своего хозяина-филистера. Обыкновенно эти дѣла оканчивались очень дружелюбно. Виновный, объявивъ, что ничего не помнитъ и никого обидѣть не желалъ, отправлялся съ посланнымъ товарищемъ къ пославшему, и, послѣ не долгаго съ нимъ дружескаго объясненія, шелъ съ нимъ къ хозяину-филистеру. „Nun, lieber Meister! **) не сердитесь на меня; это вышло ненарокомъ! Сами, вѣдь, по-

*) X. велитъ тебѣ сказать, что ты глупый мальчишка!

**) Ну, любезный хозяинъ.

нимаете, — голова была не въ порядкѣ! Не сердитесь, дайте руку!“ этимъ все и улаживалось, и всѣ были довольны. „Der Herr Studente hat sich bei mir entschuldigt“ *), разсказываетъ самодовольный филистеръ своимъ сосѣдямъ; а тѣ одобрительно киваютъ головою: Nu, dann ist ja alles gar schöne in Ordnung! Nur man den richt'gen Respekt, das ist die Hauptsache!“ **) А, вѣдь, о „решпектѣ“ и помину даже не было! Но „блажены вѣрующіе!“

Бывала, наконецъ, отъ квартиранта-бурша еще и другая, напередъ уже ожидаемая и почти всегда удававшаяся польза. Дерптскіе зажиточные ремесленники тогдашняго времени были честолюбивѣе большей части, нынѣшнихъ даже, московскихъ мѣщанъ, и живя въ городѣ, который представлялся центромъ все болѣе и болѣе распространявшагося въ остзейскихъ провинціяхъ просвѣщенія, оказывались весьма податливыми вліянію общаго духа. Вслѣдствіе же того они посылали своихъ дѣтей въ школы. Если же они и считали, что для сына, долженствовавшаго нѣкогда поступить на мѣсто отца-мастера и хозяина ремесленной „фирмы“, совершенно достаточно пройти два класса уѣзднаго училища, то, съ другой стороны, за довольно рѣдкими только исключеніями, они не отказывали младшимъ сыновьямъ въ разрѣшеніи посвятить себя пасторской, докторской, адвокатской или учительской карьерѣ. А насчетъ дочекъ, такъ „Papà-Meister“, подъ вліяніемъ своей „Frau Meisterin“, ужъ совсѣмъ не скупился и непремѣнно отправлялъ ихъ учиться въ городскую „Töchterschule“ ***). Когда же эти дочки становились взрослыми невѣстами, тогда само собою, конечно, требовалось подыскать имъ подъ стать будущихъ муженьковъ, а для сего лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ оказывалось принятіе въ свой домъ квартирантами иногородныхъ студентовъ. Это однакоже устраивалось съ великой осмотри-

---

*) Г. студентъ извинился предо мною.

**) Ну, тогда вѣдь все въ прекраснѣйшемъ порядкѣ! Было бы только должное почтеніе, вотъ что главное!

***) Школа для дѣвицъ; въ буквальномъ же переводѣ „школа для дочерей“. Эти школы у нѣмцевъ впервые появились въ средней Германіи, послѣ освобожденія отъ французскаго ига; устройство ихъ, только конечно съ значительнымъ расширеніемъ программы научныхъ предметовъ, служило прототипомъ нашимъ женскимъ гимназіямъ.

тельностію. Квартирантами въ свой домъ дипломатъ-филистеръ ни за что не допускалъ сыновей ни дворянъ, ни богатыхъ купцовъ, ни чиновниковъ. Этой чести исключительно удостоивались лишь сыновья, прежде всего, цеховыхъ же „мейстеровъ", а затѣмъ „неважныхъ" купцовъ, да много, много, если еще школьныхъ учителей или деревенскихъ пасторовъ.

Не было однакоже никакихъ причинъ сожалѣть о судьбѣ товарищей, попавшихъ въ сѣти честолюбивыхъ филистеровъ, потому что большею частію дочки этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ быть можетъ способности „парлировать" на французскомъ языкѣ, не только не уступали, но даже иногда первенствовали надъ тамошними баронессами въ основательныхъ и практичныхъ познаніяхъ, а тѣмъ паче въ искусствѣ домашняго хозяйства и въ отсутствіи всякаго рода претензій. Относительно же естественности въ обхожденіи съ молодыми людьми и наивной, истинно дѣтской, чистосердечной веселости, да наконецъ же и относительно здоровыхъ миловидныхъ личиковъ, такъ, по правдѣ сказать, ни одна изъ высокородныхъ „фрейлинъ" тамошняго beau monde съ ними сравниться не могла.

Немудрено же послѣ того, что на балахъ „бюргермуссы" *) встрѣчалось несравненно болѣе студентовъ (изъ всѣхъ сословій) **) чѣмъ въ академической и большой муссѣ, куда являлись дамы и дѣвицы „отборнаго" дерптскаго общества. Насколько въ послѣднихъ господствовала скука, на столько царило въ мѣщанскомъ клубѣ искреннее веселье и истинная молодая жизнь!

Какъ бы строго и рѣзко ни отдѣлялись другъ отъ друга сословныя общества тогдашняго Дерпта, но я былъ свидѣтелемъ одного случая, когда весь городъ, безъ всякаго различія, словно подъ вліяніемъ сверхъестественной волшебной силы, былъ одушевленъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ общей радости и общаго восторга, и когда всѣ сословія одинаково были проникнуты мыслію и думою о томъ, чѣмъ и какъ бы поторжественнѣе выказать таковое свое чувство. Это было ранней

*) Bürgermusse, мѣщанскій клубъ. Musse, клубъ.

**) Не видно было тамъ никогда однихъ только нѣмецкихъ бароновъ; но мы, русскіе студенты, частехонько туда являлись, за что тамошній beau monde довольно косо и свысока на насъ поглядывалъ.

ротники студентскаго мундира украшались богатѣйшимъ золотымъ шитьемъ на манеръ шитья на воротникахъ л.-гв. Преображенскаго полка, съ тою только разницею, что на послѣднихъ изображены лавровыя вѣтки, а на нашихъ бывшихъ студентскихъ — вѣтки дубовыя. Запросто къ мундиру носились того же цвѣта длинныя панталоны и фуражка (нынѣшняго же покроя); но для „полной парадной" формы, при шпагѣ и съ треуголкою, надѣвались узкія штаны изъ бѣлаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то „принадлежности" къ парадной формѣ, конечно, имѣлись у немногихъ только изъ студентовъ; равномѣрно же оказывалась часто разница также и въ самыхъ-то мундирахъ, относительно большей или меньшей элегантности покроя и большей или меньшей полноты (т.-е. богатства) шитья. Что для почетнаго караула къ Императорской четѣ слѣдуетъ и будутъ выбирать не столько по личному достоинству, сколько по свѣжести и элегантности парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; кромѣ того, однакожъ, весьма многихъ (и преимущественно изъ числа тамошнихъ бароновъ) напугалъ еще быстро распространившійся слухъ, что участвующихъ въ караулѣ какой-то пріѣзжій офицеръ буде[illegible]рительно обучать всѣмъ караульнымъ пріемамъ [illegible]ричинамъ нашлось на другой день не болѣе [illegible]) человѣкъ, явившихся въ полной парадной [illegible]ей частію петербургскіе уроженцы и около 12-[illegible]офессорскаго института*). Когда мы вступили [illegible]-залъ академическаго сената, мы кромѣ обыч[illegible]ъ его, увидѣли собравшихся туда еще многихъ и [illegible]офессоровъ, да сидѣвшихъ возлѣ ректора Паррота [illegible]ъ знакомаго старика полицеймейстера и другаго [illegible]расиваго молодаго полковника въ военномъ сертукѣ [illegible]ъбантами**). Это и былъ тотъ „пріѣзжій" офицеръ. [illegible]дѣ мы, по долгу учтивости, расшаркались, но конечно, [illegible]атскому", да и подошли къ ректору, какъ само-собою

—

[illegible]ъ числѣ, какъ я очень живо помню: Пироговъ, Иноземцевъ и Рѣди[illegible]ъ, что это былъ единственный случай, когда этимъ достославнымъ [illegible]мъ приходилось прохаживаться въ ботфортахъ и шпорахъ да провѣ[illegible]: «на-краулъ!»

[illegible]флигель-адъютантъ ли, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ, Барановъ?

осенью 1829-го года, когда пришла оффиціальная вѣсть, что Государь Императоръ съ Государыней Императрицею, на своемъ пути изъ Риги въ Петербургъ, намѣрены посѣтить Дерптъ и даже пробыть въ немъ три дня.

Болѣе же всѣхъ это радостное волненіе охватило членовъ университета, такъ какъ изъ сообщенія рижскаго генералъ-губернатора барона фонъ-деръ-Паленъ (онъ же былъ, какъ выше уже упомянуто, вмѣстѣ съ тѣмъ и кураторомъ университета) оказалось, что главною цѣлью августѣйшей четы было обозрѣніе университетскихъ учрежденій, и что Императоръ Николай Павловичъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, соизволилъ на устройство, на время пребыванія Ихъ Величествъ въ Дерптѣ, почетнаго къ нимъ караула изъ студентовъ. Послѣднее-то, конечно, занимало насъ преимущественно: какъ и кѣмъ это устроится почетный караулъ изъ насъ, и въ чемъ будутъ состоять обязанности этого караула? Въ тотъ же еще день на публикаціонной въ университетѣ доскѣ появилось объявленіе „его великолѣпія г. ректора", что изъ „гг. студентовъ, у которыхъ имѣется полная парадная форма, со всѣми къ ней принадлежностями, желающіе участвовать въ чести составленія почетнаго къ Ихъ Величествамъ караула, приглашаются явиться на слѣдующее утро въ академическій сенатъ, облеченные въ реченную форму".

Выраженіе „полная парадная форма, со всѣми принадлежностями" въ настоящее время едва ли кому-либо будетъ понятно. Теперешняя форма студентовъ своею простотою, безъ всякаго спора, оказывается во всѣхъ отношеніяхъ несравненно цѣлеобразнѣе, чѣмъ та форма, которая была установлена въ описываемое мною время. Но это, съ другой же стороны, никакъ не мѣшаетъ признанію, что наша тогдашняя, и въ особенности „полная парадная" форма была столь же несравненно красивѣе и роскошнѣе. Цвѣтъ какъ мундира, такъ и сертука студентской формы былъ, какъ и нынѣ, общій для всѣхъ нашихъ университетовъ, только не зеленый, а синій. Воротники же были бархатные, и для нихъ каждому университету былъ присвоенъ особый отличительный цвѣтъ; такъ напр. у дерптскихъ студентовъ воротники были чернаго цвѣта, у петербургскихъ ярко-краснаго, у московскихъ темно-малиноваго и т. д. Вмѣсто нынѣшнихъ простыхъ петлицъ, въ то время во-

ротники студентскаго мундира украшались богатѣйшимъ золотымъ шитьемъ на манеръ шитья на воротникахъ л.-гв. Преображенскаго полка, съ тою только разницею, что на послѣднихъ изображены лавровыя вѣтки, а на нашихъ бывшихъ студентскихъ — вѣтки дубовыя. Запросто къ мундиру носились того же цвѣта длинныя панталоны и фуражка (нынѣшняго же покроя); но для „полной парадной" формы, при шпагѣ и съ треуголкою, надѣвались узкіе штаны изъ бѣлаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то „принадлежности" къ парадной формѣ, конечно, имѣлись у немногихъ только изъ студентовъ; равномѣрно же оказывалась часто разница также и въ самыхъ-то мундирахъ, относительно большей или меньшей элегантности покроя и большей или меньшей полноты (т.-е. богатства) шитья. Что для почетнаго караула къ Императорской четѣ слѣдуетъ и будутъ выбирать не столько по личному достоинству, сколько по свѣжести и элегантности парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; кромѣ того, однакожъ, весьма многихъ (и преимущественно изъ числа тамошнихъ бароновъ) напугалъ еще быстро распространившійся слухъ, что участвующихъ въ караулѣ какой-то пріѣзжій офицеръ будетъ предварительно обучать всѣмъ караульнымъ пріемамъ. По этимъ причинамъ нашлось на другой день не болѣе 60-ти (кажется) человѣкъ, явившихся въ полной парадной формѣ, большей частію петербургскіе уроженцы и около 12—15 изъ профессорскаго института*). Когда мы вступили въ конференцъ-залъ академическаго сената, мы кромѣ обычныхъ членовъ его, увидѣли собравшихся туда еще многихъ и другихъ профессоровъ, да сидѣвшихъ возлѣ ректора Паррота всѣмъ намъ знакомаго старика полицеймейстера и другаго какого-то красиваго молодаго полковника въ военномъ сертукѣ съ аксельбантами**). Это и былъ тотъ „пріѣзжій" офицеръ. При входѣ мы, по долгу учтивости, расшаркались, но конечно, по „штатскому", да и подошли къ ректору, какъ само-собою

*) Въ томъ числѣ, какъ я очень живо помню: Пироговъ, Иноземцевъ и Рѣдькинъ. Думаю, что это былъ единственный случай, когда этимъ достославнымъ нашимъ ученымъ приходилось прохаживаться въ ботфортахъ и шпорахъ да продѣлывать шпагою: «на-краулъ!»

**) Не флигель-адъютантъ ли, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ, Барановъ?

осенью 1829-го года, когда пришла оффиціальная вѣсть, что Государь Императоръ съ Государыней Императрицею, на своемъ пути изъ Риги въ Петербургъ, намѣрены посѣтить Дерптъ и даже пробыть въ немъ три дня.

Болѣе же всѣхъ это радостное волненіе охватило членовъ университета, такъ какъ изъ сообщенія рижскаго генералъ-губернатора барона фонъ-деръ-Паленъ (онъ же былъ, какъ выше уже упомянуто, вмѣстѣ съ тѣмъ и кураторомъ университета) оказалось, что главною цѣлью августѣйшей четы было обозрѣніе университетскихъ учрежденій, и что Императоръ Николай Павловичъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, соизволилъ на устройство, на время пребыванія Ихъ Величествъ въ Дерптѣ, почетнаго къ нимъ караула изъ студентовъ. Послѣднее-то, конечно, занимало насъ преимущественно: какъ и кѣмъ это устроится почетный караулъ изъ насъ, и въ чемъ будутъ состоять обязанности этого караула? Въ тотъ же еще день на публикаціонной въ университетѣ доскѣ появилось объявленіе „его великолѣпія г. ректора“, что изъ „гг. студентовъ, у которыхъ имѣется полная парадная форма, со всѣми къ ней принадлежностями, желающіе участвовать въ чести составленія почетнаго къ Ихъ Величествамъ караула, приглашаются явиться на слѣдующее утро въ академическій сенатъ, облеченные въ реченную форму“.

Выраженіе „полная парадная форма, со всѣми принадлежностями“ въ настоящее время едва ли кому-либо будетъ понятно. Теперешняя форма студентовъ своею простотою, безъ всякаго спора, оказывается во всѣхъ отношеніяхъ несравненно цѣлеобразнѣе, чѣмъ та форма, которая была установлена въ описываемое мною время. Но это, съ другой же стороны, никакъ не мѣшаетъ признанію, что наша тогдашняя, и въ особенности „полная парадная“ форма была столь же несравненно красивѣе и роскошнѣе. Цвѣтъ какъ мундира, такъ и сертука студентской формы былъ, какъ и нынѣ, общій для всѣхъ нашихъ университетовъ, только не зеленый, а синій. Воротники же были бархатные, и для нихъ каждому университету былъ присвоенъ особый отличительный цвѣтъ; такъ напр. у дерптскихъ студентовъ воротники были чернаго цвѣта, у петербургскихъ ярко-краснаго, у московскихъ темно-малиноваго и т. д. Вмѣсто нынѣшнихъ простыхъ петлицъ, въ то время во-

воротники студентскаго мундира украшались богатѣйшимъ золотымъ шитьемъ на манеръ шитья на воротникахъ л.-гв. Преображенскаго полка, съ тою только разницею, что на послѣднихъ изображены лавровыя вѣтки, а на нашихъ бывшихъ студентскихъ — вѣтки дубовыя. Запросто къ мундиру носились того же цвѣта длинныя панталоны и фуражка (нынѣшняго же покроя); но для „полной парадной" формы, при шпагѣ и съ треуголкою, надѣвались узкіе штаны изъ бѣлаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то „принадлежности" къ парадной формѣ, конечно, имѣлись у немногихъ только изъ студентовъ; равномѣрно же оказывалась часто разница также и въ самыхъ-то мундирахъ, относительно большей или меньшей элегантности покроя и большей или меньшей полноты (т.-е. богатства) шитья. Что для почетнаго караула къ Императорской четѣ слѣдуетъ и будутъ выбирать не столько по личному достоинству, сколько по свѣжести и элегантности парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; кромѣ того, однакожъ, весьма многихъ (и преимущественно изъ числа тамошнихъ бароновъ) напугалъ еще быстро распространившійся слухъ, что участвующихъ въ караулѣ какой-то пріѣзжій офицеръ будетъ предварительно обучать всѣмъ караульнымъ пріемамъ. По этимъ причинамъ нашлось на другой день не болѣе 60-ти (кажется) человѣкъ, явившихся въ полной парадной формѣ, большей частію петербургскіе уроженцы и около 12—15 изъ профессорскаго института*). Когда мы вступили въ конференцъ-залъ академическаго сената, мы кромѣ обычныхъ членовъ его, увидѣли собравшихся туда еще многихъ и другихъ профессоровъ, да сидѣвшихъ возлѣ ректора Паррота всѣмъ намъ знакомаго старика полицеймейстера и другаго какого-то красиваго молодаго полковника въ военномъ сертукѣ съ аксельбантами**). Это и былъ тотъ „пріѣзжій" офицеръ. При входѣ мы, по долгу учтивости, расшаркались, но конечно, по „штатскому", да и подошли къ ректору, какъ само-собою

*) Въ томъ числѣ, какъ я очень живо помню: Пироговъ, Иноземцевъ и Рѣдькинъ. Думаю, что это былъ единственный случай, когда этимъ достославнымъ нашимъ ученымъ приходилось прохаживаться въ ботфортахъ и шпорахъ да продѣлывать шпагою: «на-краулъ!»

**) Не флигель-адъютантъ ли, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ, Барановъ?

разумѣется, далеко не по „воинскому регламенту". Полковникъ отдавъ намъ въ отвѣтъ учтивый поклонъ, попросилъ насъ (на нѣмецкомъ языкѣ) „выстроиться въ двѣ шеренги". Хотя мы тутъ и встрепенулись, но съ мѣста не трогались и, переглянувшись сначала вопросительно между собою, въ недоумѣніи уставили на него наши взгляды. Онъ улыбнулся, а затѣмъ мигнулъ полицеймейстеру, и оба, подошедши къ намъ, начали намъ толковать значеніе этой команды, и тогда, помощію ихъ указаній и поправокъ, мы наконецъ благополучно встали въ желаемый „фронтъ". По осмотрѣ насъ, полковникъ ласковымъ тономъ выразилъ полное свое удовольствіе и просилъ, часа черезъ три опять собраться въ эту же залу, уже не въ формѣ, а въ сертукахъ, но при шпагахъ, дабы онъ могъ намъ показать пріемы „салютаціи" и „стоянія на посту". „Но я совѣтовалъ бы вамъ, мм. гг. (прибавилъ онъ), оставаться всѣ эти дни въ ботфортахъ, чтобы совершенно привыкнуть къ нимъ". На этомъ основаніи мы и прощеголяли цѣлую почти недѣлю въ нашихъ ботфортахъ и убѣдились, что совѣтъ флигель-адъютанта былъ весьма резонный и практичный. Караульнымъ и прочимъ пріемамъ полковникъ обучалъ насъ по два раза въ день, и мы вскорѣ ихъ переняли, такъ что на третій день, когда долженъ былъ прибыть Государь Императоръ мы всякую къ нашей должности относящуюся команду исполняли ловко и въ совершенномъ другъ съ другомъ согласіи.

Императорская чета остановилась въ покояхъ, приготовленныхъ для августѣйшихъ гостей въ домѣ г. фонъ-Липгардта на главной площади, близъ каменнаго моста*).

Обязанность наша состояла въ стояніи на караулѣ (насколько припоминаю) у шести дверей, по два человѣка у каждой, что при количествѣ нашей „роты" привело къ раздѣленію насъ на пять смѣнъ; а такъ какъ, Государь и Государыня пробыли въ Дерптѣ около 60-ти часовъ, и такъ какъ, каждое занятіе караула продолжалось два часа, то каждой смѣнѣ приходилось быть три раза въ караулѣ. Должность временнаго нашего командира исполнялъ полковникъ Барановъ, который при каждой смѣнѣ и разставлялъ насъ по по-

*) Сей домъ принадлежалъ прежде вдовѣ фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Барклая-де-Толли, которая умерла только за два или за три года предъ тѣмъ.

стамъ. По отбытіи очередной смѣны нась отпускали часовъ на шесть домой, съ тѣмъ, чтобы возвращаться ровно за 2 часа до вновь наступающей очереди нашей смѣны. Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ, возлѣ парадной лѣстницы, былъ обращенный въ „караульную" залъ съ нѣсколькими диванами и мягкими стульями для спокойнаго выжиданія очереди, а нашъ „командиръ" не забывалъ позаботиться о томъ, чтобы намъ подавали „кой-что" для утоленія случайнаго голода и жажды, такъ что намъ караульная наша должность очень понравилась.

Когда Государь и Государыня на третій день уѣзжали, тогда, (какъ впрочемъ и въ день пріѣзда) нашъ караулъ, выстроившись у подъѣзда въ двѣ шеренги, бравыми молодцами отсалютовалъ по всей формѣ, какъ насъ выучили.

Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна съ улыбкой на устахъ милостиво кивали намъ головою на прощаніе. Вообще Государь тогда очень былъ доволенъ университетскимъ порядкомъ, какъ потомъ сообщили намъ два формальныя объявленія на публикаціонной въ университетѣ доскѣ, отъ попечителя и отъ ректора.

Самъ же городъ въ честь августѣйшихъ гостей далъ вечеромъ втораго дня „блестящій" (какъ мнѣ разсказывали потомъ) *) балъ въ „большой муссѣ", а на 3-й день (по отъѣздѣ уже Императора и Императрицы) угощалъ простой народъ на большомъ „экзерциръ-плацѣ". И о томъ и о другомъ распространяться не буду: хотя и городской „ратъ" **) денегъ не жалѣлъ, хотя явились туда всѣ окрестные тузы-помѣщики съ супругами и дочками во всемъ блескѣ баронскаго своего величія, но удивить, конечно, этотъ балъ могъ развѣ только самихъ-то этихъ провинціаловъ. А про народный праздникъ помню только то, что пьяные чухонцы и чухонки и прочій дерптскій „plebs" ***) возбуждали во мнѣ лишь чувство сильнѣйшаго отвращенія. Распьяннѣйшій изъ нашихъ русскихъ мужиковъ и тотъ даже менѣе выказываетъ безобразія, чѣмъ то, какое тогда мнѣ приходилось видѣть.

Прошелъ годъ послѣ описаннаго радостнаго событія. Съ но-

---

*) Такъ какъ никому изъ участвовавшихъ въ почетномъ караулѣ недосужно было быть на этомъ балѣ, то конечно, и я также тамъ быть не могъ.

**) Дума.

***) Черный народъ.

ября мѣсяца 1830 года уже я началъ сдавать нѣкоторые изъ окончательныхъ экзаменовъ, напр. у Брёкера (римское право), и Фридлендера (политическая экономія), у Блума (международныя коммерческія отношенія: internationale Handelsbeziehungen) и т. д. Ну, слава Богу! противъ всякихъ собственныхъ ожиданій (ибо, по правдѣ сказать, такъ я былъ порядочный вертопрахъ, да не изъ самыхъ прилежныхъ) сдалъ я эти экзамены довольно удачно, такъ что, по прибытіи въ Петербургъ на рождественскія вакаціи, мнѣ не стыдно было явиться (какъ оно требовалось отъ меня) къ графу Е. Фр. Канкрину съ выданными мнѣ отъ гг. профессоровъ свидѣтельствами. Министръ, просмотрѣвъ ихъ, ласково выразилъ свое одобреніе и, пожавъ мнѣ руку, прибавилъ, что онъ оставляетъ эти аттестаты пока еще у себя и дастъ знать, когда мнѣ опять явиться за ними.

Дня чрезъ два послѣ того получилъ я изъ министерской канцеляріи предписаніе, явиться къ графу такого-то числа*), въ 8 часовъ утра, въ „полной парадной“ формѣ.

Въ парадной формѣ! А ботфортъ и бѣлыхъ то inexpressibles я, словно нарочито, въ этотъ разъ съ собою не привезъ, потому что, послѣ прошлогодняго моего участія въ почетномъ караулѣ, эти принадлежности къ парадной формѣ ни разу мнѣ не понадобились, вслѣдствіе чего, по обычному студентскому „порядку“, я и не заботился о чисткѣ бѣлыхъ „невыразимыхъ“. Про то, что въ Питерѣ могла бы приключится надобность въ нихъ, мнѣ и въ голову не приходило. Но въ нашей сѣверной столицѣ вѣдь такого рода обстоятельства не служатъ помѣхой: отецъ мой хотя и распекъ меня порядкомъ, но все-таки снабдилъ нужными деньгами.

Въ предписанный день и часъ я, наряженный въ указанную форму, стоялъ въ пріемной графа Канкрина и выжидалъ его выхода. Министръ вскорѣ вышелъ, одѣтый въ малую генеральскую форму, а за нимъ курьеръ съ портфелемъ и каммердинеръ съ генеральской шляпою графа и военными его бѣлыми перчатками въ рукахъ.

„Я имѣю сегодня докладъ у Государя, — сказалъ мнѣ министръ по-нѣмецки**), — и вы поѣдете со мной. Такъ какъ на

*) 20-го или 21-го декабря, въ точности нынѣ уже не помню.

**) Когда возможно было, графъ Егоръ Францовичъ предпочиталъ говорить понѣмецки.

сей разъ я очень доволенъ вами, то я и выпросилъ вамъ у Его Величества соизволеніе на счастіе быть представленнымъ августѣйшему вашему благодѣтелю".

Я почти обомлѣлъ отъ радостнаго испуга и едва былъ въ состояніи пробормотать несвязныя слова благодарности за милостивое вниманіе его сіятельства. Графъ, будучи крайне доволенъ эффектомъ своего сюрприза, добродушно засмѣялся, но ободрилъ меня и даже велѣлъ каммердинеру подать мнѣ стаканъ воды, дабы я успокоился. Затѣмъ мы поѣхали во дворецъ, и дорогой я успѣлъ овладѣть собою.

Немногіе и къ тому же сравнительно чрезвычайно просто меблированные покои, которые лично занималъ Императоръ Николай Павловичъ, не разъ уже были описаны и даже въ рисункахъ изображены, а потому и не для чего мнѣ говорить о нихъ. Объяснивъ въ немногихъ словахъ дежурному флигель-адъютанту, кто я и почему здѣсь, графъ Канкринъ приказалъ мнѣ обождать, пока меня не позовутъ, а самъ, посмотрѣвъ на часы, отправился въ кабинетъ Государя. Флигель-адъютантъ началъ было со мной разговоръ; но разговориться съ нимъ мы не успѣли, такъ какъ дверь въ кабинетъ вскорѣ растворилась и послышался голосъ графа, который меня звалъ.

Когда я вступилъ въ кабинетъ Монарха, то какая-то священная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, и сердце ёкнуло у меня невольно: мнѣ вѣдь всего было девятнадцать только лѣтъ. Николай Павловичъ стоялъ около письменнаго стола, одѣтый въ форменный сертукъ л.-гв. кавалергардскаго полка; я отвѣсилъ поклонъ, держа треуголку лѣвой рукою, по предписанному правилу, у шпаги, а правую руку по швамъ; прошлогоднія указанія полковника Баранова пригодились.

Государь знакомъ приказалъ мнѣ приблизиться.

„Графъ Егоръ Францовичъ сказалъ мнѣ, что онъ вами доволенъ. Я радъ тому".

Я низко поклонился; слезы у меня отъ умиленія выступили на глазахъ, и невольно приложилъ я правую руку къ сердцу.

„На какомъ вы факультетѣ?" спросилъ Государь.

„На философскомъ, Ваше Императорское Величество, по части камеральныхъ наукъ", отвѣтилъ я.

„Хорошо! быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ. Я вашему отцу, за усердную его службу, охотно раз-

рѣшилъ субсидію на воспитаніе сына. Помни же, юноша (тутъ Государь, сдѣлавъ шагъ впередъ, положилъ мнѣ свою руку на плечо), что лучшею съ твоей стороны благодарностію будетъ, если ты ненарушимо сохранишь вѣрность законному Государю, да пріобрѣтенными познаніями постараешься быть полезнымъ сыномъ своего отечества".

Затѣмъ Императоръ, милостиво кивнувъ головою, протянулъ руку и тѣмъ выразилъ, что аудіенція окончена. Я схватилъ эту руку отца отечества и отъ глубины сердца напечатлѣлъ на ней восторженный поцѣлуй пламеннаго благоговѣнія и безпредѣльной любви вѣрноподданнаго.

Выпуская меня изъ царскаго кабинета, графъ Канкринъ шепнулъ мнѣ, чтобы, не дожидаясь его, я отправился домой.

На моихъ родителей, конечно, приключившееся мнѣ никѣмъ неожиданное счастіе произвело весьма радостное впечатлѣніе, и на другой день отецъ со мною поѣхалъ къ министру благодарить его.

„Помните, мой милый, священныя слова Государя, — сказалъ мнѣ графъ,—сохраните вѣрность Царю, и постарайтесь сдѣлаться полезнымъ сыномъ вашего отечества"!

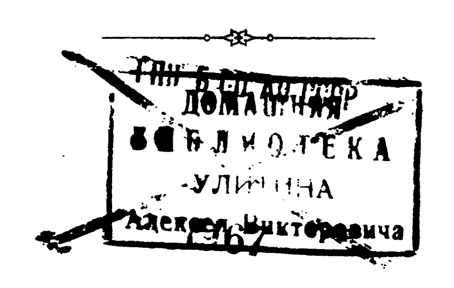
Это была послѣдняя моя встрѣча съ великимъ финансистомъ Россіи, память о заслугахъ котораго и теперь еще жива между тѣми, кто вникали въ дѣла нашей государственной экономіи. Что же касается меня, то я не забылъ и до гроба не забуду, какое необычайное счастіе онъ тогда исходатайствовалъ юношѣ-студенту!

„Сохранить вѣрность Царю"! „Сдѣлаться полезнымъ сыномъ своего отечества"! Первое не трудно для истаго русскаго сердца, потому что въ сущности оно всему нашему народу врождено, и одна только лжекультура, при подстрекателььтвѣ нашихъ завистниковъ, могла — да и то въ сравнительно весьма немногихъ безхарактерныхъ лишь слабоумцахъ — пошатнуть это основаніе русской жизни и русской силы. Тому же, кто, будучи почти еще отрокомъ, видѣлъ героя-царя въ злопамятный день 14-го декабря, тому, кому онъ былъ личнымъ благодѣтелемъ, тому, на комъ покоилась, какъ бы благословляя юношу, державная десница Отца отечества, да кому изъ устъ его глаголемо было ласковое, словно родительское, поученіе,—тому, говорю я, и подавно не можетъ быть вѣдомо никакое иное

чувство, кромѣ чувства глубоко вкоренившейся, ничѣмъ не поколебимой сердечной преданности Царю своему.

Иное дѣло вопросъ о томъ, какъ и насколько кто можетъ сдѣлаться полезнымъ сыномъ своего отечества? Это зависитъ не отъ насъ самихъ, а отъ благаго Провидѣнія, къ какому кого Оно предназначило земному пути; рѣшеніе же того, былъ ли и насколько всякій изъ насъ полезнымъ членомъ народной своей семьи, принадлежитъ не столько современникамъ, сколько потомству. Главное же тутъ кажется, внутреннее искреннее желаніе и стремленіе къ посильному труду на общую пользу, не изъ корысти, а по чувству лежащаго на каждомъ изъ насъ долга гражданина. Такъ, а не иначе, мнѣ всегда казалось, я долженъ былъ понять вѣщее поученіе великаго Государя; и какъ сладчайшее утѣшеніе не разъ, въ минуты унынія, раздавалось въ моей груди незабвенное, поистинѣ Царское изреченіе:

„Быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ“!

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
13	8 сверху	ворчалъ „Василій	ворчалъ Василій)
94	3 снизу	Кохавскаго	Каховскаго
111	11 и 12 сверху	Родерихъ	Платонъ
138	21 „	высказываетъ при-знаніе	выказываетъ признаніе
140	въ примѣчан.	называлась въ два дюйма	называлась рана въ два дюйма
144	4 снизу	пиршуекъ	пирушекъ.

1/2 15-00.

ВОСПОМИНАНІЯ

ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

„Wenn Einer eine Reise thut,
So kann er was erzählen“.

Matthias Claudius
(„Wandsbecker Bote“).

(„Кто путешествіе свершилъ,
тому есть что повѣдать“).

ВЫПУСКЪ III.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ **Ѳед. Адр. Богданова.**
Петровскія линіи. № 5.
1893.

Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни **А. А. Левенсонъ.** Москва.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ

И

БЫВШЕМУ УЧЕНИКУ

Петру Ивановичу

СЕРЕБРЯКОВУ.

Юрій Арнольдъ

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Юрій Арнольдъ.

Содержаніе третьяго выпуска.

XLIV.

Стр.

XLV.

XLVI.

XLVII.

XLVIII.

XLIX.

L.

XLI.

Стр.

LII.

LIII.

LIV.

ОТЪ АВТОРА.

„Воспоминанія“ были мною написаны только по неотступному желанію моихъ благоволителей и бывшихъ учениковъ. Преимущественно настаивали на томъ: изъ послѣднихъ, мой добрѣйшій и ближайшій другъ *Петръ Ивановичъ Серебряковъ*, а изъ первыхъ *Михаилъ Михаиловичъ Ивановъ*. Довольно долго я отнѣкивался, ибо въ подобныхъ воспоминаніяхъ непремѣнно приходится говорить о себѣ, и поневолѣ станешь говорить или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Первое смѣшно, второе какъ бы обидно, да и вообще излишнее уничиженіе паче гордости. Къ тому же я боялся, что не хватитъ у меня умѣнія справиться съ своею задачею. Иное, вѣдь, дѣло излагать свои мысли въ какомъ-нибудь теоретическомъ трактатѣ, либо въ критикѣ, а иное писать литературное произведеніе, гдѣ требуются легкій слогъ и оживленный разсказъ; я не могъ же не чувствовать, что нѣкоторымъ образомъ я уже отсталъ отъ нынѣшнихъ общепринятыхъ оборотовъ нашего языка. Но мои друзья не отступали, и я рѣшился наконецъ. За моей работою въ особенности строго слѣдилъ мой вѣрный Патроклъ—П. И. Серебряковъ, безпрестанно требовавъ: „Ничего не пропускать!“ И придерживаясь этого принципа, онъ наконецъ рѣшилъ издать самъ мои „воспоминанія“.

Чрезмѣрно (по моему собственному мнѣнію) лестный пріемъ, какой встрѣтили первый уже выпускъ, а болѣе еще второй со стороны гуманной нашей критики, ободрилъ меня. И за таковое явно-любезное снисхожденіе къ старику я считаю священнѣйшимъ своимъ долгомъ принести искреннѣйшія выраженія глубокой благодарности. Наша критика, повидимому, поняла, что я желалъ не рисоваться предъ читателями, а простымъ, немудренымъ раз-

ОТЪ АВТОРА.

„Воспоминанія“ были мною написаны только по неотступному желанію моихъ благоволителей и бывшихъ учениковъ. Преимущественно настаивали на томъ: изъ послѣднихъ, мой добрѣйшій и ближайшій другъ *Петръ Ивановичъ Серебряковъ*, а изъ первыхъ *Михаилъ Михаиловичъ Ивановъ*. Довольно долго я отнѣкивался, ибо въ подобныхъ воспоминаніяхъ непремѣнно приходится говорить о себѣ, и поневолѣ станешь говорить или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Первое смѣшно, второе какъ бы обидно, да и вообще излишнее уничиженіе паче гордости. Къ тому же я боялся, что не хватитъ у меня умѣнія справиться съ своею задачею. Иное, вѣдь, дѣло излагать свои мысли въ какомъ-нибудь теоретическомъ трактатѣ, либо въ критикѣ, а иное писать литературное произведеніе, гдѣ требуются легкій слогъ и оживленный разсказъ; я не могъ же не чувствовать, что нѣкоторымъ образомъ я уже отсталъ отъ нынѣшнихъ общепринятыхъ оборотовъ нашего языка. Но мои друзья не отступали, и я рѣшился наконецъ. За моей работою въ особенности строго слѣдилъ мой вѣрный Патроклъ—П. И. Серебряковъ, безпрестанно требовавъ: „Ничего не пропускать!“ И придерживаясь этого принципа, онъ наконецъ рѣшилъ издать самъ мои „воспоминанія“.

Чрезмѣрно (по моему собственному мнѣнію) лестный пріемъ, какой встрѣтили первый уже выпускъ, а болѣе еще второй со стороны гуманной нашей критики, ободрилъ меня. И за таковое явно-любезное снисхожденіе къ старику я считаю священнѣйшимъ своимъ долгомъ принести искреннѣйшія выраженія глубокой благодарности. Наша критика, повидимому, поняла, что я желалъ не рисоваться предъ читателями, а простымъ, немудренымъ раз-

сказомъ изобразить наше общество въ разныя эпохи многолѣтней моей жизни, да представить выдающихся личностей нашего отечества, съ которыми Богъ сподобилъ мнѣ встрѣтиться, въ томъ самомъ духѣ и видѣ, въ какомъ они являлись предо мною въ самое время жизненной ихъ дѣятельности. Не отрицаю, что я могъ ошибиться въ своихъ воззрѣніяхъ (человѣкъ бо есмь!), но имѣю полное право увѣрить, что я передавалъ видѣнное и слышанное прямо и вѣрно безъ всякихъ прикрасъ, на основаніи давнымъ давно уже начатыхъ мною, отъ времени до времени добавляемыхъ коротенькихъ отмѣтокъ.

Затѣмъ слѣдуетъ мнѣ объяснить, почему LIV-я глава вышла значительно короче другихъ главъ, видимо недоконченною, и что̀ означаютъ выставленныя въ концѣ точки и латинскія слова. Эта глава была совершенно уже окончена и приготовлена къ печати, когда я вспомнилъ, что существуетъ общепринятое правило, что обо всемъ, что̀ касается частныхъ нашихъ отношеній къ живымъ еще людямъ, въ особенности къ высокопоставленнымъ, а тѣмъ паче еще къ Высочайшимъ особамъ, не должно иначе упомянуть какъ только съ ихъ разрѣшенія. И вотъ почему я прерываю свои повѣствованія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они переходятъ къ разсказу о фактахъ текущей еще эпохи. Что въ этой LIV главѣ ни о чемъ, кромѣ хорошихъ, отрадныхъ, почетныхъ и даже милостиво-счастливыхъ для меня фактовъ я не говорю, явствуетъ изъ самого уже начала той главы. Но—„de vivis, quamvis bene, loqui generaliter non licet“,—о живыхъ, *хотя и хорошо*, говорить вообще не подобаетъ! Кто мнѣ когда-либо оказывалъ любезность или добро, кто меня ободрялъ ласковымъ вниманіемъ, кто осчастливилъ милостивымъ словомъ, и тѣмъ подтверждалъ сказанное мнѣ нѣкогда высоко-мудрое изреченіе: „быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ“, тотъ пойметъ, что и его также любезность и добро, его ласковое вниманіе, его милостивое слово живо и неизгладимо оставили вѣчные слѣды въ самой глубинѣ сердца у 82-хъ-лѣтняго старца.

Не излишнимъ считаю я, для пополненія моихъ воспоминаній, сообщить тутъ свѣдѣнія о кончинѣ душевно любимаго мною ротмистра Авксентія Петровича Манассеина *). Сынъ этого истаго

---

*) См. вып. II. гл. гл. XXII—XXVI.

русскаго дворянина и офицера, его высокопревосходительство Николай Авксентіевичъ Манассеинъ почтилъ меня весьма любезнымъ и сочувственнымъ письмомъ (отъ 5 Сент. прошлаго года), въ которомъ, между прочимъ, онъ пишетъ: „Какимъ Вы знали Авксентія Петровича въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, безконечно добрымъ, всегда отзывчивымъ къ чужому горю, прямымъ и честнымъ по убѣжденіямъ, готовымъ всегда „воевать“ противъ неправды и несправедливости, такимъ же онъ неизмѣнно оставался,—несмотря на всякія житейскія невзгоды (а онъ испыталъ ихъ не мало),—до послѣдняго дня своей трудовой жизни. Онъ скончался, на 79-мъ году, отъ воспаленія легкихъ, полученнаго во время разъѣздовъ (по военному—въ открытой телѣжкѣ), въ ростопель, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года, для раздачи пособій (по должности члена Земской Управы) крестьянамъ различныхъ селеній Казанскаго уѣзда“.

Миръ честному праху твоему, мой добрѣйшій и милѣйшій ротмистръ! Не долго еще, и авось свидимся въ лучшемъ, нетлѣнномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни неправды, ни зависти, ни другихъ невзгодъ и страданій земныхъ!

Наконецъ я долженъ извиниться предъ благосклонными читателями за все еще кой-гдѣ встрѣчаемыя ошибки и опечатки.

Послѣднія двѣ корректуры я дѣлалъ самъ, и хотя напрягалъ все свое стараніе, да, видно, прошла моя пора: духъ-то бодръ еще, но плоть-то уже немощна! Эти ошибки и опечатки, впрочемъ, не то чтобы многочислены, да *кромѣ одной*, сами собою легко узнаваемы и поправимы. Но та ошибка, которая составляетъ исключеніе, ошибка *цифровая* и ужасна тѣмъ, что можетъ навлечь на меня подозрѣніе, будто я когда-то возился съ духами и привидѣніями, чего однакоже, со мною никогда не бывало. А именно: на стр. 113 вып. III-го разсказано, какъ разъ, шедши вмѣстѣ съ *Л. А. Меемъ*, я встрѣтилъ *А. Н. Сѣрова*. Фактъ этотъ самъ по себѣ вѣрный; но невѣрно предыдущее указаніе на годъ. Случилось это не въ **1863**-мъ, а въ 18**62**-мъ году, ибо въ началѣ Апрѣля послѣдняго года Мей вдругъ сильно захворалъ и въ исходѣ весны умеръ, какъ и показано мною вѣрно на стр. 150. А потому всепокорнѣйше умоляю благосклоннаго читателя самому поправить эту ужасную цифровую ошибку, и не считать меня спиритомъ-духовидцемъ.

А затѣмъ остается старику только низко поклониться и, скромно сходя со сцены, просить у глубокоуважаемой публики: „Не поминайте меня лихомъ!“

Юрій Арнольдъ.

Москва,
16-го Января 1893.

XXXVII.

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

(1840—1865).

Осенью 1840-го года жилъ я въ домѣ, составляющемъ (и нынѣ еще) уголъ Владимирской и Колокольной улицъ: здѣсь то бывали у меня (о чемъ я уже упомянулъ) и Бѣлинскій съ Кольцовымъ, и Григоровичъ; здѣсь же и Некрасовъ взялъ у меня тогда несчастнаго „Рувима". Тутъ же въ одинъ прекрасный октябрскій вечеръ навѣстилъ меня, бывавшій уже и прежде, Дм. А. Струйскій, а съ нимъ и другой, незнакомый мнѣ еще гость, молодой человѣкъ почти одинхъ со мною лѣтъ. Ростомъ онъ былъ не выше Глинки, но не такъ строенъ, а голова его казалась еще болѣе превышавшею общую пропорцію, такъ какъ верхняя часть ея расходилась въ ширину. Выступающія скулы, немного вздернутый и притомъ слегка приплюснутый носъ, довольно толстыя губы, небольшіе, какъ бы нѣсколько прищуренные глаза, курчавые, но тщательно слѣва направо причесанные, темно-русые волосы, и весьма рѣденькіе, маленькіе усики придавали желтоматовому, какъ бы болѣзненному лицу какой-то особенный, весьма оригинальный характеръ; и тѣмъ болѣе, что въ чертахъ этого лица нельзя было не замѣтить сразу выраженія, какъ глубокаго мышленія, такъ и твердой воли. Манера держать себя обличала человѣка хорошаго тона; движенія его были естественны и свободны. Но голосъ этого новаго гостя, при первой встрѣчѣ съ нимъ, невольно поражалъ почти комически вслѣдствіе неожидаемаго пискливаго тембра фистульнаго теноришо. Это былъ Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій, уже извѣстный тогда, какъ композиторъ нѣсколькихъ очень хорошенькихъ русскихъ романсовъ въ новѣйшемъ французскомъ жанрѣ, которые въ то время были до-

вольно распространены между нашими любителями и любительницами пѣнія. Узнавъ отъ Струйскаго, что мы съ нимъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, Даргомыжскому также захотѣлось познакомиться съ невѣсть откуда на свѣтъ выскочившимъ *русскимъ* композиторомъ съ *нѣмецкой* фамиліей, который дотолѣ прозябалъ во мракѣ совершеннѣйшей неизвѣстности. Мы, конечно, разговорились о музыкѣ вообще, о нашихъ спеціальныхъ воззрѣніяхъ на это искусство и о нашихъ намѣреніяхъ относительно будущихъ твореній. Струйскій сообщилъ, что онъ года два уже разрабатываетъ большую оперу весьма серьезнаго стиля, подъ названіемъ „Колизей"; но теперь, ради развлеченія, пишетъ одноактную, съ эпилогомъ, оперу на русскій сюжетъ: „Параша Сибирячка", да къ тому же въ болѣе легкомъ жанрѣ. Даргомыжскій же разсказалъ, что у него уже готова романтическая опера на французскій текстъ Виктора Гюго: „Esmeralda" („Notre-Dame de Paris"); что онъ занятъ переводомъ либретто на русскій языкъ, и что надѣется въ будущемъ году передать ее въ дирекцію Императорскихъ театровъ. Затѣмъ, каждый изъ двухъ моихъ собесѣдниковъ съигралъ отрывки изъ своего сочиненія, толкуя гдѣ и какого рода контра-пунктъ или особенно замѣчательный гармоническій оборотъ онъ употребилъ, да почему именно, и такъ учено и глубоко-критически разсуждали, что я невольно задумался о томъ, на сколько я самъ-то еще невѣжда въ музыкальной наукѣ. Вслѣдствіе того, сталъ я весьма благоговѣйно глядѣть на моихъ новыхъ друзей, и искренно благодарилъ ихъ, когда они пригласили меня посѣщать ихъ почаще. Вѣдь не дерзалъ же я скрывать предъ ними, что я не докончилъ своей „Цыганки", и даже сжегъ всё, что уже было готово, потому что я убѣдился въ слабости своего созданія; я откровенно даже сознался, что самъ не понималъ, какъ мнѣ это удалось написать „Свѣтлану". Сообщилъ я также о томъ, какую идею внушила мнѣ картина Брюлова; но (прибавилъ я) „боюсь приступить! мнѣ, я чувствую, многаго еще знанія и умѣнія недостаетъ: приходится еще поучиться!"

Струйскій одобрилъ мое намѣреніе; но Даргомыжскій былъ иного мнѣнія. „Ну, какъ же! (сказалъ онъ), на что все учиться, да учиться? пишите, какъ вы задумали, а тамъ и привыкните".

Даргомыжскій мнѣ очень и очень понравился; онъ вѣдь (ви-

-48

димо) былъ такой естественно-простой, такой сердечно-теплый художникъ! Я съ радостію обѣщалъ бывать почаще у него; хотя онъ и былъ богатый барчукъ, но мнѣ и въ голову даже не приходило стыдиться своей бѣдности, въ которой, къ тому же, я самъ ни малѣйше не былъ виновенъ. Въ то время я, даже болѣе еще чѣмъ нынѣ, держался того мнѣнія, что бѣдность—не порокъ, и что скорѣе-то порокъ есть *истинная* бѣдность! Относительно же остальнаго положенія каждаго изъ насъ, такъ и разности никакой не было: отецъ его былъ, какъ и мой, чиновникъ, а именно—служилъ юрисконсультомъ при министерствѣ юстиціи. Ну, положимъ, что его величали „Вашимъ Превосходительствомъ"; но что же въ томъ? Вѣдь не смущало же меня, что самъ Александръ Сергѣевичъ, считавшійся „не у дѣлъ" въ томъ же министерствѣ юстиціи, носилъ титулъ „титулярнаго совѣтника", между тѣмъ какъ я парадировалъ въ чинѣ только „отставнаго коллежскаго регистратора". Правда, что любилъ Даргомыжскій подъ-часъ упоминать про *дѣда* своего (съ материнской стороны), про какого-де „князя Козловскаго", или про *дядю*, про таковаго же „князя Козловскаго", которому и посвященъ *первый печатный* романсъ племянника: „Дядя, дядя! чортъ попуталъ! я влюбленъ!"—Да мнѣ что? вѣдь были же и у меня какіе-то тамъ „предки съ коронами"! А не предки же насъ свели и сблизили; свели и сблизили насъ Богомъ дарованные намъ таланты. Ну, въ этомъ-то я a priori охотно и безъ зависти отдавалъ ему должное, по моему пониманію, предпочтеніе, да и надѣялся, что именно-то знакомство съ нимъ подвинетъ и меня на пути къ высотамъ излюбленнаго искусства! По моей тогдашней наивности [1]) я даже не замѣчалъ, что, съ самого начала уже нашего знакомства, камертонъ товарищескихъ между нами отношеній принялъ—со стороны Даргомыжскаго—какой-то призвукъ quasi-меценатства. Этому надоумился я не ранѣе, какъ въ дни уже маститой старости (слѣдовательно, „поумнѣлости") моей, когда, припоминая прожитое былое, сталъ я анализировать форму проявленія и настоящее значеніе нѣкоторыхъ выдававшихся фактовъ. Къ таковымъ случаямъ непремѣнно я долженъ причесть

---

[1]) Надъ этой безмѣрной будто моей наивностію и въ послѣдніе даже годы еще подтрунивали не разъ собственныя чада и добрые друзья мои.

напр. уже выше разсказанный эпизодъ съ моимъ болеро („о, дѣва, чудная моя“), или хотя и то обстоятельство, что, продолжая приглашать меня къ себѣ, Даргомыжскій весьма вскорѣ пересталъ самъ бывать у меня. Но первое я, послѣ полученной сатисфакціи, чистосердечно простилъ по искренней товарищеской привязанности, а второе я долженъ былъ самъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что жена моя къ несчастію, ни малѣйше не интересовалась ни поэзіею, ни музыкою.

Въ 1840 году родители Александра Сергѣевича занимали обширное (но нельзя сказать, чтобы элегантное) помѣщеніе въ бель-этажѣ того дома, который—кажется, и нынѣ еще—расположенъ четвертью круга противъ Обухова моста, на углу проспекта того же имени, близъ тогдашняго корпуса инженеровъ путей сообщенія. У Даргомыжскихъ въ то время положенными днями были четверги, и собирались на нихъ довольно аккуратно въ 9-мъ ужѐ часу вечеромъ. Общество преимущественно состояло изъ молодыхъ любительницъ пѣнія и ихъ мамашъ или сестеръ, и изъ молодыхъ же диллетантовъ-пѣвцовъ или-же и просто лишь „аматёровъ музыки“. Бывалъ иногда и Глинка и, конечно, всегда въ сопровожденіи Нестора Кукольника и нѣкоторыхъ членовъ „братіи“. Въ числѣ послѣднихъ бывали: Платонъ Кукольникъ, Павелъ Яненко, Ник. Ал. Степановъ и офицеры л.-гв. егерскаго полка: штабъ-капитанъ Пав. Ал. Степановъ, поручикъ Бартоломей и молоденькій прапорщикъ кн. Вл. Г. Кастріота-Скандербегъ. [1])

Само собою разумѣется, что на этихъ вечерахъ все происходило чинно, такъ, какъ оно сказано у „дѣдушки“ Крылова:

„Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ „сочинять“ любилъ,
И звалъ... *его романсы* слушать“.

Между исполнявшими эти романсы бывали любительницы и

[1]) Князь Кастріота вскорѣ потомъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно музыкѣ. Онъ написалъ нѣсколько миленькихъ романсовъ, а въ 1861 (или 1862?) году даже квартетъ для смычковыхъ инструментовъ. Послѣдняго творенія я не знаю, но—кажется—оно получило премію въ конкурсѣ отъ Русскаго музыкальнаго общества. Характера онъ былъ честнаго и добродушнаго, и вообще милѣйшій баричъ.

любители съ дѣйствительнымъ и даже замѣчательнымъ талантомъ, а именно: дѣвица Билибина [1]), А. А. Харитоновъ [2]) и Вл. Петр. Опочининъ. [3]) У первой былъ звонко-серебристый, чудный сопрано; у Харитонова полнозвучный, драматическій и въ то же время симпатическій теноръ, а у Опочинина прекрасный, бархатный баритонъ. У кого учились m-lle Билибина и г. Харитоновъ, мнѣ невѣдомо; но про г. Опочинина я знаю, что въ 40-хъ годахъ онъ пользовался уроками сначала Тамбурини, потомъ же и Ляблаша. Отличительною чертою въ пѣніи у m-lle Билибиной была задушевность, сердечность выраженія; у г. Харитонова — неподдѣльный огонь и убѣждающая, такъ сказать, глубокимъ чувствомъ окрашенная декламація; а у г. Опочинина — особенная какая-то красота тембра и элегантный шикъ итальянской школы. Всѣмъ намъ доставляло истинное наслажденіе, когда они, бывало, исполняли (между прочимъ) слѣдующіе романсы Даргомыжскаго: „Тучки" (m-lle Билибина); „Свадьба" (г. Харитоновъ); „Я помню чудное мгновенье" (г. Опочининъ); или дуэтъ „Рыцари" (двое послѣднихъ); или два тріо „Къ востоку, все къ востоку" и „Ночевала тучка золотая". Изъ всѣхъ трехъ встрѣчалъ я у Даргомыжскаго и потомъ—еще одного лишь Вл. Петр. Опочинина и не только до 1858-го года, когда я вторично отправился на житье въ Тамбовскія степи, но также и позже въ 1862 и 1863 году. Въ 50-тыхъ годахъ на вечерахъ Даргомыжскаго, вмѣсто уѣхавшаго на Кавказъ А. А. Харитонова, явился другой, также талантливый диллетантъ, Е. И. Молеріусъ [4]), умно владѣющій пріятнымъ лирическимъ теноромъ.

---

[1]) Дочь коммерціи совѣтника.

[2]) Въ то время маленькій чиновникъ военнаго, кажется, министерства. Въ началѣ 50-тыхъ годовъ перешелъ онъ на службу на Кавказъ и состоялъ въ канцеляріи тамошняго намѣстника. Въ 80-тыхъ же годахъ былъ онъ (какъ я слышалъ) въ чинѣ д. т. сов. и предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій государственнаго совѣта.

[3]) Онъ состоялъ адъютантомъ при адмиралѣ графѣ Гейденѣ (сначалѣ въ чинѣ гвардіи капитана, а потомъ полковника) и былъ женатъ на графинѣ Гейденъ (дочери или сестрѣ своего начальника, на сколько помню). Въ 1870-мъ году я его разъ встрѣтилъ у директора придворной капеллы Н. И. Бахметева. Вл. П. Опочининъ оказался тогда въ отставкѣ съ генеральскимъ чиномъ.

[4]) Онъ служилъ секретаремъ городской думы, и былъ весьма любезный молодой человѣкъ лѣтъ около 35-ти.

По временамъ являлись на этихъ вечерахъ и другіе еще исполнительницы и исполнители. Такъ, напр. въ 40-хъ годахъ, помню я, пріѣзжали двѣ очень симпатичныя и скромно себя державшія барышни Гирсъ, изъ которыхъ одна очень мило пѣла сопранныя вещицы, а другая владѣла весьма звучнымъ контральтомъ. Слышалъ я также на вечерахъ Даргомыжскаго и пѣніе нѣкой m-lle Вердеревской (Маріи Васильевны) [1]), у которой былъ отъ природы изрядный сопранный голосъ, но не доставало хорошей школы; за то обладала она немалымъ апломбомъ и храброю бойкостью. Къ тому же, она была довольно миловидна собою, и одарена той пикантностью, которой такъ увлекаются мужчины матеріально-сенсаціоннаго настроенія. И Даргомыжскій также, одно время, принадлежалъ къ числу ея „адоратёровъ" и восторгался ея пѣніемъ, хотя красавица, нерѣдко, замѣтно детонировала [2]).

Въ 40-хъ годахъ на вечерахъ Даргомыжскаго пѣвалъ еще и красивенькій молодой кн. Кастріота небольшимъ и сладкимъ нешколеннымъ теноркомъ; а въ 50-хъ годахъ одинъ баритонистъ, также диллетантъ, г. Шустовъ [3]), ученикъ Андр. П. Лоди.

Вообще, эти „музыкальные вечера" выказывали зѣло патріархальный характеръ стариннаго русскаго гостепріимства: хозяинъ (а хозяиномъ-то въ полномъ смыслѣ и во всемъ всегда

---

[1]) Дочь бывшаго въ то время гражданскимъ губернаторомъ одной изъ Сибирскихъ губерній. Позже m-lle Вердеревская вышла замужъ за богача, гвардейца-адъютанта Шиловскаго, а въ 60-тыхъ годахъ она вторымъ бракомъ сочеталась съ извѣстнымъ „красавцемъ", камеръ-юнкеромъ Бегичевымъ, состоявшимъ въ должности начальника по репертуарной части при Импер. театрахъ въ Москвѣ.

[2]) Въ томъ же музыкальномъ альбомѣ съ каррикатурами, изданномъ Н. А. Степановымъ, о которомъ я упомянулъ въ главѣ XXXVI (вып. II., стр. 226), романсъ Даргомыжскаго украшенъ виньеткою слѣдующаго содержанія: Опочининъ, полусидя на кругломъ столѣ, разговариваетъ съ стоящимъ предъ нимъ Александромъ Сергѣевичемъ. Позади ихъ, въ отдаленіи, (спиною обращенная къ двумъ первымъ) сидитъ за фортепіано барышня (т.-е. Вердеревская) и поетъ, а около нея, любезно увиваясь, апплодируетъ молодой человѣкъ съ бакенбардами (г. Пургольдъ младшій). Опочининъ, смѣясь, показываетъ на пѣвицу и говоритъ: „Какъ же это вы хвалили ея пѣніе? вѣдь она безбожно фальшивитъ!" А Даргомыжскій, весь растаявъ, отвѣчаетъ: „Ну, гдѣ же фальшивитъ? Она такая хорошенькая!"

[3]) Чиновникъ С.-Петербургской таможни.

являлся Александръ Сергѣевичъ) хлѣба-соли не жалѣлъ, да и на угощеніе своими музыкальными произведеніями не скупился, исполненіе которыхъ, вѣдь, и ему самому доставляло большое удовольствіе [1]). „Его превосходительство", т.-е. отецъ Александра Сергѣевича, не всегда присутствовалъ на этихъ вечерахъ, а когда бывалъ, то игралъ пассивную, декоративную только роль. Какъ истый, весь безпристрастіемъ глубоко проникнутый, строгій законникъ, онъ сохранялъ всегда положительнѣйшее молчаніе; но бывали иногда моменты, гдѣ удавалось мнѣ уловить на лицѣ и въ глазахъ его какое-то невольно-вопросительное выраженіе, какъ бы недоумѣніе чѣмъ-то озадаченнаго, по долгу своего званія недовѣрчиваго, юрисконсульта. За то, матушка Даргомыжскаго (рожденная княжна Козловская), сидя въ своемъ креслѣ (и, помнится мнѣ, въ теченіе всего вечера ни разу не покидая его), предсѣдательствовала на этихъ, музыкальному искусству посвященныхъ, вечерахъ въ качествѣ не только нарѣченной хозяйки, но и главнаго судьи, какъ надъ исполнителями, такъ и надъ исполняемымъ. Присужденіе бывало, однако же (какъ само собою легко объясняется), всегда шумно одобрительное, за весьма рѣдкими исключеніями [2]). Ареопагомъ же вокругъ ея превосходительства засѣдали гостьи дамы, да старшая дочь, Софья Сергѣевна, довольно зрѣлая уже барышня (лѣтъ за 30 съ „немалымъ хвостикомъ"), въ то время только что объявленная невѣста надворнаго совѣтника Н. А. Степанова (упомянутаго уже каррикатуриста). Софья Сергѣевна слыла въ *своемъ* кругу необычайно умною и многообразованною дѣвицею, и, поэтому, имѣла большое вліяніе на признаніе или непризнаніе въ комъ-нибудь таланта со стороны онаго „генеральскаго" круга. Вполнѣ готовый слѣпо вѣрить во всѣ приписывавшіяся ей, необычайно высокія, интеллектуальныя достоинства, — въ которыхъ я (какъ обыкновенный смертный, всегда державшійся на подобавшемъ мнѣ, самомъ отдаленнѣйшемъ отъ нея, разстояніи), къ крайнему сожалѣнію, лично удостовѣриться случая не находилъ, — я могъ замѣтить одно только обстоятельство, что всѣ,

---

[1]) Прошу сравнить далѣе сообщаемое, мнѣ лично въ Лейпцигъ адресованное, письмо Даргомыжскаго отъ 18-го августа 1863 г. и замѣчаніе къ нему.

[2]) См. главу XXXVI (вып. II, стр. 235).

По временамъ являлись на этихъ вечерахъ и другіе еще исполнительницы и исполнители. Такъ, напр. въ 40-хъ годахъ, помню я, пріѣзжали двѣ очень симпатичныя и скромно себя державшія барышни Гирсъ, изъ которыхъ одна очень мило пѣла сопранныя вещицы, а другая владѣла весьма звучнымъ контральтомъ. Слышалъ я также на вечерахъ Даргомыжскаго и пѣніе нѣкой m-lle Вердеревской (Маріи Васильевны) [1], у которой былъ отъ природы изрядный сопранный голосъ, но не доставало хорошей школы; за то обладала она немалымъ апломбомъ и храброю бойкостью. Къ тому же, она была довольно миловидна собою, и одарена той пикантностью, которой такъ увлекаются мужчины матеріально-сенсаціоннаго настроенія. И Даргомыжскій также, одно время, принадлежалъ къ числу ея „адоратёровъ“ и восторгался ея пѣніемъ, хотя красавица, нерѣдко, замѣтно детонировала [2].

Въ 40-хъ годахъ на вечерахъ Даргомыжскаго пѣвалъ еще и красивенькій молодой кн. Кастріота небольшимъ и сладкимъ нешколеннымъ теноркомъ; а въ 50-хъ годахъ одинъ баритонистъ, также диллетантъ, г. Шустовъ [3]), ученикъ Андр. П. Лоди.

Вообще, эти „музыкальные вечера“ выказывали зѣло патріархальный характеръ стариннаго русскаго гостепріимства: хозяинъ (а хозяиномъ-то въ полномъ смыслѣ и во всемъ всегда

---

[1]) Дочь бывшаго въ то время гражданскимъ губернаторомъ одной изъ Сибирскихъ губерній. Позже m-lle Вердеревская вышла замужъ за богача, гвардейца-адъютанта Шиловскаго, а въ 60-тыхъ годахъ она вторымъ бракомъ сочеталась съ извѣстнымъ „красавцемъ“, камеръ-юнкеромъ Бегичевымъ, состоявшимъ въ должности начальника по репертуарной части при Импер. театрахъ въ Москвѣ.

[2]) Въ томъ же музыкальномъ альбомѣ съ каррикатурами, изданномъ Н. А. Степановымъ, о которомъ я упомянулъ въ главѣ XXXVI (вып. II., стр. 226), романсъ Даргомыжскаго украшенъ виньеткою слѣдующаго содержанія: Опочининъ, полусидя на кругломъ столѣ, разговариваетъ съ стоящимъ предъ нимъ Александромъ Сергѣевичемъ. Позади ихъ, въ отдаленіи, (спиною обращенная къ двумъ первымъ) сидитъ за фортепіано барышня (т.-е. Вердеревская) и поетъ, а около нея, любезно увиваясь, аплодируетъ молодой человѣкъ съ бакенбардами (г. Пургольдъ младшій). Опочининъ, смѣясь, показываетъ на пѣвицу и говоритъ: „Какъ же это вы хвалили ея пѣніе? вѣдь она безбожно фальшивитъ!“ А Даргомыжскій, весь растаявъ, отвѣчаетъ: „Ну, гдѣ же фальшивитъ? Она такая хорошенькая!“

[3]) Чиновникъ С.-Петербургской таможни.

являлся Александръ Сергѣевичъ) хлѣба-соли не жалѣлъ, да и на угощеніе своими музыкальными произведеніями не скупился, исполненіе которыхъ, вѣдь, и ему самому доставляло большое удовольствіе [1]). „Его превосходительство“, т.-е. отецъ Александра Сергѣевича, не всегда присутствовалъ на этихъ вечерахъ, а когда бывалъ, то игралъ пассивную, декоративную только роль. Какъ истый, весь безпристрастіемъ глубоко проникнутый, строгій законникъ, онъ сохранялъ всегда положительнѣйшее молчаніе; но бывали иногда моменты, гдѣ удавалось мнѣ уловить на лицѣ и въ глазахъ его какое-то невольно-вопросительное выраженіе, какъ бы недоумѣніе чѣмъ-то озадаченнаго, по долгу своего званія недовѣрчиваго, юрисконсульта. За то, матушка Даргомыжскаго (рожденная княжна Козловская), сидя въ своемъ креслѣ (и, помнится мнѣ, въ теченіе всего вечера ни разу не покидая его), предсѣдательствовала на этихъ, музыкальному искусству посвященныхъ, вечерахъ въ качествѣ не только нарѣченной хозяйки, но и главнаго судьи, какъ надъ исполнителями, такъ и надъ исполняемымъ. Присужденіе бывало, однако же (какъ само собою легко объясняется), всегда шумно одобрительное, за весьма рѣдкими исключеніями [2]). Ареопагомъ же вокругъ ея превосходительства засѣдали гостьи дамы, да старшая дочь, Софья Сергѣевна, довольно зрѣлая уже барышня (лѣтъ за 30 съ „немалымъ хвостикомъ“), въ то время только что объявленная невѣста надворнаго совѣтника Н. А. Степанова (упомянутаго уже каррикатуриста). Софья Сергѣевна слыла въ *своемъ* кругу необычайно умною и многообразованною дѣвицею, и, поэтому, имѣла большое вліяніе на признаніе или непризнаніе въ комъ-нибудь таланта со стороны онаго „генеральскаго“ круга. Вполнѣ готовый слѣпо вѣрить во всѣ приписывавшіяся ей, необычайно высокія, интеллектуальныя достоинства, — въ которыхъ я (какъ обыкновенный смертный, всегда державшійся на подобавшемъ мнѣ, самомъ отдаленнѣйшемъ отъ нея, разстояніи), къ крайнему сожалѣнію, лично удостовѣриться случая не находилъ, — я могъ замѣтить одно только обстоятельство, что всѣ,

---

[1]) Прошу сравнить далѣе сообщаемое, мнѣ лично въ Лейпцигъ адресованное, письмо Даргомыжскаго отъ 18-го августа 1863 г. и замѣчаніе къ нему.

[2]) См. главу XXXVI (вып. II, стр. 235).

т.-е. рѣшительно *всѣ*, очень побаивались какъ-то многоуважаемой Софьи Сергѣевны, не исключая ни папаши юрисконсульта, ни мамаши, урожденной княжны Козловской, ни даже брата, столь же любезнаго, сколь и смиреннаго, Александра Сергѣевича, не смотря на то, что добрая сестричка весьма ласкательно ухаживала за нимъ, и, насколько зависѣло отъ нея, потакала всѣмъ его слабостямъ, бо и онъ былъ еси человѣкъ, иже отъ плоти родійся. Болѣе же всѣхъ, по моимъ наблюденіямъ, боялась сей зѣло умной и зѣло умствовавшей пиѳіи дома Даргомыжскихъ, десятка лѣтъ на полтора молодшая сестричка, 18-ти-или 19-тилѣтняя Ерминія Сергѣевна [1]). Вотъ эта младшая-то сестричка Александра Сергѣевича дѣйствительно была весьма милая барышня: образованная, но безъ претензій; здраворазсуждавшая, но безъ самомнѣнія; искренняя любительница литературы и музыки, но безъ самохвальства, хотя очень хорошо играла на арфѣ. Веселая и живая въ разговорѣ, она никогда не злословила и всегда ко всѣмъ выказывала равную привѣтливость. Когда по четвергамъ собирались молоденькія барышни, любительницы пѣнія и другія, то онѣ съ Ерминіей Сергѣевной всегда составляли отдѣльный отъ упомянутаго „ареопага", свой кругъ, около котораго группировались молодые люди, какъ пѣвцы-диллетанты, такъ и простые аматёры.

Уже выше я намекнулъ на то, что главнѣйшій и преимущественнѣйшій фондъ музыкальнаго репертуара этихъ вечеровъ состоялъ изъ произведеній самого Даргомыжскаго. Всякій новый романсъ былъ тщательно приготовленъ и разученъ. Этимъ Александръ Сергѣевичъ занимался съ особенною, не то, чтобы только любовью, но даже пассіею. Случалось не разъ, когда ненарокомъ я иногда въ дообѣденное время заѣзжалъ къ нему, заставать у него кого-нибудь изъ вышеназванныхъ любителей пѣвцовъ, ревностно изучающаго назначенный ему романсъ подъ руководствомъ неутомимаго композитора. А къ барышнямъ онъ уже самъ отправлялся на домъ.

---

[1]) Въ концѣ 50-тыхъ годовъ, кажется, вышла она замужъ за помѣщика, фамилію котораго я забылъ. Видѣлъ же я его одинъ только разъ у Александра Сергѣевича въ 1862 году, и своею паружностью онъ мнѣ понравился: это былъ цвѣтущаго здоровья молодой человѣкъ настоящаго русскаго типа, бѣлокурый, съ добродушнымъ, веселымъ, открытымъ, весьма симпатичнымъ лицомъ.

Въ 1845-мъ (или 1846-мъ) году (навѣрное не помню) скончалась матушка Даргомыжскаго, и вся семья переѣхала на Моховую улицу, въ домъ, находившійся между Симеоновскою и Пантелеймонскою улицами, гдѣ она и заняла двѣ квартиры во 2-мъ и въ 3-мъ этажѣ. Въ верхней квартирѣ помѣстились отецъ и сынъ, а въ нижайшей—Софья Сергѣевна Степанова съ своимъ семействомъ, и при нихъ Ерминія Сергѣевна. Тутъ музыкальные вечера хотя и продолжались, но физіономія ихъ, равно какъ и jours fixes измѣнились. Во 1-хъ, собирались у Александра Сергѣевича уже не по четвергамъ, а по понедѣльникамъ, и не ранѣе 10-го часа; во 2-хъ, старикъ Даргомыжскій крайне—крайне рѣдко присутствовалъ, а женскій персоналъ даже постоянно отсутствовалъ; и въ 3-хъ, наконецъ, даже мужской кругъ посѣтителей измѣнился: Глинка уѣхалъ въ 1844-мъ году за-границу, а когда въ 1847-мъ году возвратился, тогда, должно быть—по болѣзненному состоянію, мало выѣзжалъ. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы я его встрѣчалъ у Даргомыжскаго, когда послѣдній жилъ на Моховой; да и Кукольниковъ съ „братіею“ я тамъ не видывалъ. Надобно, однако же, и то сказать, что въ послѣднее время до 1852-го года я самъ довольно рѣдко бывалъ у Даргомыжскаго, отчасти по тому, что я тогда очень былъ заваленъ разными серьезными работами, а отчасти и отъ того, что (откровенно признаться) эти „музыкальныя оваціи“ хозяину-композитору, вознаграждающему какъ ревностныхъ исполнителей, такъ и терпѣливыхъ слушателей сытнымъ ужиномъ, мнѣ, наконецъ, надоѣли. Слова нѣтъ, романсы Даргомыжскаго можно слушать съ большимъ удовольствіемъ; но, сами посудите, все одно и одно да то же, какъ французы говорятъ: „Toujours perdrix!“ [1]) А тутъ еще и самъ Александръ Сергѣевичъ мнѣ высказалъ нѣкоторое, какъ будто, охлажденіе по случаю моей статьи въ „Пантеонѣ“ объ его оперѣ „Эсмеральда“, которая въ 1851-мъ году въ Александринскомъ театрѣ была исполнена въ бенефисъ О. А. Петрова. Хотя я весьма старательно и подробно составилъ свой разборъ (обширнѣе моей не появилась никакая другая статья), хотя я выставлялъ на видъ всѣ дѣйствительныя достоинства этого творенія и высказалъ непритворное уваженіе къ неотрицаемо замѣ-

---

[1]) Постоянно рябчики!

чательному таланту композитора, я, однако же, по долгу совѣсти долженъ же былъ указать также и на тѣ мѣста, которыя оказались слабѣе. Но, ей же, ей! мои замѣчанія были такъ деликатно и такъ дружески написаны, что многіе читатели изъ моихъ знакомыхъ даже упрекали меня въ пристрастномъ будто кадeніи лестью другу-композитору. Даргомыжскій же обидѣлся: онъ, повидимому, хотѣлъ, чтобы я написалъ ему абсолютное хвалебное слово, и только! Онъ, конечно, ничего не сказалъ,— но il me faisait la moue [1]), да такъ, что я не могъ не замѣтить того. Ну, вотъ я и перестал̀ъ навѣщать его.

Съ самаго начала 50-тыхъ годовъ Даргомыжскій принялся писать оперу на сюжетъ поэмы „Русалка", и къ концу 1852-го ужѐ года наибольшая часть этой оперы была готова. Тогда предложилъ онъ недавно только сформировавшемуся „русскому благотворительному обществу" устроить въ залѣ дворянскаго собранія, въ пользу онаго общества, концертъ, въ которомъ намѣревался онъ исполнить главнѣйшіе нумера новаго своего произведенія. Этотъ концертъ состоялся весною 1853-го года, подъ управленіемъ самого композитора, при необычайномъ стеченіи публики. Въ исполненіи пѣвческой части, даже въ хорахъ, участвовали исключительно только любительницы и любители, но кому именно изъ нихъ были поручены главныя (солистныя) партіи, я нынѣ съ положительною увѣренностію сказать не могу; помню единственно только, что партію Наташи исполнила М. В. Шиловская; да помню это не ради особенно какъ бы выдавшагося противъ другихъ исполненія (хотя оно и было весьма удовлетворительное), а по ниже упоминаемому участію ея въ оваціи автору музыки. Оркестръ же былъ составленъ изъ музыкантовъ Императорскихъ театровъ. Пѣснѣ „Наташи" во время свадебнаго пира аккомпанировала на арфѣ сестра Даргомыжскаго, Ерминія Сергѣевна. Успѣхъ новаго творенія былъ самый блестящій; восторженнымъ вызовамъ почти не было конца. Въ особенности раздавались энтузіастическіе аплодисменты, когда участвовавшіе въ исполненіи любители и любительницы, а во главѣ ихъ г-жа Шиловская, поднесли композитору на темно-голубой бархатной подушечкѣ серебряный, вызолоченный и доро-

[1]) Онъ дулся на меня.

гими каменьями украшенный капельмейстерскій жезлъ. А до высшаго еще апогея выросъ всеобщій восторгъ присутствовавшей публики, когда видимо нѣсколько растерявшійся композиторъ, въ избыткѣ волновавшихъ его чувствъ, схватилъ ручку, передавшую ему оваціонное приношеніе, и осыпалъ ее пламенными благодарственными поцѣлуями: ovation pour ovation! Такъ оно, вѣдь, водилось во времена идеальнаго рыцарства, когда, послѣ турнира, избранная „королева торжества“ возлагала вѣнокъ на главу побѣдителя!

Такъ какъ я въ то время состоялъ сотрудникомъ въ русскихъ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, то въ нихъ и появилась отъ меня небольшая статья объ этомъ концертѣ. Послѣдствіемъ того было, что Даргомыжскій пріѣхалъ ко мнѣ, весьма любезно напоминалъ мнѣ прежнюю дружбу и *жаловался* на то, что, „безъ всякаго повода съ его стороны“, я пересталъ бывать у него. И умѣлъ онъ такъ сладко говорить и такъ дипломатически перепутать и перевернуть всѣ бывшіе факты и рѣчи, что впрямь не онъ, а именно-то я самъ вышелъ виноватымъ въ разрывѣ нашей дружбы. Не даромъ же, знать, текла въ жилахъ его кровь искуснаго юрисконсульта. Въ 1856-мъ году, однако же, дружеское расположеніе Даргомыжскаго ко мнѣ снова поколебалось, когда, по случаю постановки „Русалки“ на сцену русской оперы, (помнится) въ журналѣ „Музыкальный и театральный вѣстникъ“ [1]) появился отъ меня (по совѣсти могу сказать) тщательный, cum magno studio et amore rei [2]) подробнѣйшій разборъ сказанной оперы. Но серьезнаго перерыва нашего добраго знакомства не послѣдовало.

Когда же, послѣ вторичнаго моего переселенія въ Тамбов-

---

[1]) Каюсь, что, по врожденной мнѣ безпечности, я никогда не заботился о собираніи и сохраненіи всего того, что̀ я сочинялъ и пописывалъ. Изъ полуторы сотни (по крайней мѣрѣ) русскихъ, и изъ сотни слишкомъ нѣмецкихъ моихъ статей у меня едва ли и десятокъ ихъ имѣется, равно какъ и весьма малое число старыхъ моихъ романсовъ, и то только благодаря любезной внимательности нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, разыскивавшихъ мои грѣховныя творенія у разныхъ букинистовъ. Поэтому, хотя я и ясно помню, что и когда я писалъ, но, по многочисленности журналовъ, въ которыхъ я участвовалъ, иногда путаюсь въ точномъ указаніи газеты или журнала, гдѣ именно что̀ я написалъ. Mea culpa! виноватъ!

[2]) Съ большимъ рвеніемъ и любовію къ предмету.

скую губернію (въ 1858-мъ году), я въ декабрѣ 1861-го года опять возвратился въ Петербургъ, то, между прочимъ, я также намѣревался прочесть публичныя лекціи объ исторіи европейской музыки. Четвертая же, т. е. послѣдняя лекція имѣла быть посвящена развитію музыкальнаго искусства въ Россіи, съ доведеніемъ фактовъ до послѣднихъ годовъ. А такъ какъ тутъ приходилось говорить и о Даргомыжскомъ, то я отправился къ нему, и, разсказавъ ему о своемъ намѣреніи, просилъ его о сообщеніи мнѣ біографическихъ о себѣ данныхъ. Александръ Сергѣевичъ, оцѣнивъ резонно мое искреннее вниманіе и уваженіе къ его заслугамъ въ качествѣ выдающагося русскаго композитора, весьма любезно исполнилъ мою просьбу и далъ мнѣ рукописную свою автобіографію, изъ которой я и сдѣлалъ себѣ точныя выписки. Въ это же мое пребываніе въ Петербургѣ, по его желанію, я перевелъ на нѣмецкій языкъ, въ стихахъ подъ музыку, не только около тридцати слишкомъ изъ сочиненныхъ имъ романсовъ, но и оперу его „Русалка". [1]) Даргомыжскій остался чрезвычайно доволенъ моими переводами и очень благодарнымъ, кромѣ того, за то, что я, изъ личной дружбы, сдѣлалъ ему весьма значительную уступку въ отношеніи слѣдуемаго мнѣ за труды гонорара.

Весною 1862-го года я, поступивъ въ сотрудники „Сѣверной пчелы" [2]), опять поселился въ Петербургѣ, и, конечно, послѣ выше упомянутаго сближенія вновь съ Даргомыжскимъ, сталъ опять постояннымъ посѣтителемъ его понедѣльниковъ. Физіономія этихъ вечеровъ совсѣмъ измѣнилась: изъ старыхъ знакомыхъ остался лишь полковн. Вл. П. Опочининъ, а изъ новыхъ для меня лицъ встрѣчалъ я молодого еще В. В. Энгельгардта, [3]) одного изъ самыхъ близкихъ приверженцевъ покойнаго М. И.

---

[1]) Кстати, я упомяну тутъ о томъ, что въ 1843 году, по *настоятельному требованію самого Глинки*, издатель оперы „Русланъ и Людмила" просилъ именно меня перевести текстъ ея на нѣмецкій языкъ, хотя у него на примѣтѣ имѣлся свой дешевенькій переводчикъ. Въ томъ же году, по личной просьбѣ бывшаго моего учителя И. И. Фукса перевелъ я на русскій языкъ (съ нѣмецкаго) его „Руководство къ сочиненію музыки".

[2]) Арендаторомъ и редакторомъ этой газеты былъ тогда П. И. Усовъ.

[3]) Это былъ сынъ извѣстнаго богача, Смоленскаго помѣщика, въ огромнѣйшемъ домѣ котораго въ Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Ка-

Глинки. Раза два или три въ зиму 1862 — 63 гг. явился и Ал. Н. Сѣровъ, съ которымъ лѣтъ пять предъ тѣмъ я познакомился у зятя его, штабсъ-капитана корпуса лѣсныхъ инженеровъ Дютуръ. Съ Сѣровымъ-то, при первой нашей встрѣчѣ у Даргомыжскаго (въ декабрѣ 1862-го года), вышла даже презабавная сцена. Пріѣхалъ Сѣровъ въ тотъ вечеръ раньше меня; а случайно вышло оно какъ разъ что или въ тотъ самый день, или наканунѣ того же дня появилась одна изъ грозныхъ филиппикъ его, которыя онъ любилъ-таки пускать противъ меня [1]), писавшаго въ „Сѣверной пчелѣ". Къ тому же онъ вообще очень любилъ говорить о своихъ чернильныхъ подвигахъ. Вотъ нашъ милый Александръ Николаевичъ, толико подстрекаемый еще (какъ мнѣ позже объяснилъ самъ Даргомыжскій) В. В. Энгельгардтомъ [2]) который, будто бы нечаянно, упомянулъ о томъ, что я, вѣроятно, также явлюсь на вечеръ, пришелъ въ воинственный азартъ и пообѣщалъ „потѣшить компанію" на мой счетъ. „То-то мы," усмѣхнулся онъ лукаво, „пускай не взыщетъ, потравимъ маненько этого нѣмца; таковой ужѐ норовъ-то у насъ! таки прямо къ стѣнкѣ и пригвоздимъ-съ!" Хозяинъ (Александръ Сергѣевичъ) и испугался этихъ хвастовскихъ угрозъ и вслѣдствіе того распорядился на счетъ предупрежденія могущаго (по его мнѣнію) вспыхнуть скандала. Когда чрезъ какіе-нибудь полчаса я пріѣхалъ, то лакей таинственно и передалъ мнѣ: „Александръ Сергѣевичъ, молъ, велѣли просить васъ въ столовую; [3]) они жела-

---

занскаго моста, напротивъ Милютиныхъ лавокъ, помѣщалось долгое время (по 1838-й годъ) Петербургское дворянское собраніе. В. В. Энгельгардтъ, страстный любитель астрономіи, и основательно изучившій этотъ предметъ (онъ былъ, кажется, ученикомъ знаменитаго академика В. Г. Струве), въ 1864-мъ году переселился въ Дрезденъ, гдѣ и велѣлъ выстроить себѣ частную, необычайно удобную, превосходную обсерваторію. Съ тѣхъ поръ посвятилъ онъ себя исключительно и ревностно любимой своей наукѣ и прославился немалыми своими, весьма дѣльными наблюденіями.

[1]) Сѣровъ участвовалъ тогда либо въ „Голосѣ", либо въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ" (навѣрное нынѣ я уже не помню; ибо обѣ газеты въ то время издавались А. А. Краевскимъ, а Сѣровъ именно-то у него сотрудничалъ).

[2]) А этотъ, повидимому—всегда молчаливый тихоня, былъ-таки охотникъ подтрунивать надъ критиками-брамарбасами.

[3]) Въ столовую велъ входъ въ иную сторону, чѣмъ въ залу.

ютъ поговорить съ вами на-единѣ". Хотя это, конечно, и весьма удивило меня, но я исполнилъ желаніе „хозяина". Пришелъ растерянный Даргомыжскій: „Голубчикъ, — какъ намъ быть? Сѣровъ, вѣдь, тутъ! Не выйдетъ ли скандалъ между вами?"—Я невольно расхохотался. „Успокойтесь, милый другъ! За какого же Ирокезца вы меня считаете? Пойдемте въ залу! Даю вамъ слово, что ничего не выйдетъ". Съ этими словами направился я къ дверямъ; Даргомыжскій съ недовѣрчивостію послѣдовалъ за мною. Вступивъ въ залу и привѣтствовавъ всѣхъ общимъ дружескимъ наклоненіемъ головы, я съ веселымъ видомъ прямо подошелъ къ Сѣрову, и, протянувъ ему руку, сказалъ громко: „Здравствуйте, Александръ Николаевичъ! Мы съ вами очутились тутъ у общаго пріятеля въ гостяхъ. J'aime à croire, que tous les deux nous sommes d'assez bons gentils-hommes pour ne pas vouloir scandaliser l'honorable sociétè-ci. Trève donc de guerre pour ce soir! Demain libre à vous de recommencer autant que le coeur vous en dira! [1]) Давайте руку!"—Милѣйшій Александръ Николаевичъ, скорчивъ кисло-сладкую минку, подалъ мнѣ любезно свою руку, и волею-неволею вошелъ въ предложенный мною тонъ отношеній: спокойствіе Даргомыжскаго не было нарушено. Не знаю я, остался ли Сѣровъ довольнымъ тѣмъ, что не удалось ему доставить честной компаніи потѣху обѣщанной „травли"; но Даргомыжскій сердечно меня обнялъ; а молчаливый нашъ философъ Энгельгардтъ пожалъ мнѣ тогда руку покрѣпче обыкновеннаго, такъ что мнѣ самому было въ тотъ вечеръ очень весело на душѣ.

Въ самомъ концѣ апрѣля 1863-го года я уѣхалъ въ Германію и поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ, близко познакомившись съ д-ромъ Бренделемъ, редакторомъ знаменитаго (еще Шуманомъ основаннаго) журнала „Neue Zeitschrift für Musik", я началъ участвовать въ послѣднемъ. Кромѣ того, Брендель былъ предсѣдателемъ двухъ вліятельныхъ музыкальныхъ обществъ: Лейпцигскаго мѣстнаго „Euterpe", и обще-германскаго „Allgemeiner Deutscher Tonkünstler-Verein" [2]). По предложенію его, въ одномъ изъ концертовъ „Euterpe"

---

[1]) Мнѣ пріятно думать, что оба мы достаточно благородные люди, чтобы желать не оскорблять здѣшней честной компаніи. Бросимъ же воевать на сей вечеръ! Завтра вы вольны снова начать, сколько вашей душѣ угодно будетъ!

[2]) Всеобщій союзъ нѣмецкихъ музыкальныхъ художниковъ.

(въ ноябрѣ 1863-го года)[1], а затѣмъ въ 1-мъ концертѣ другаго названнаго общества во время музыкальнаго фестиваля (въ августѣ 1864-го года) исполнялась моя увертюра къ Пушкинской драмѣ „Борисъ Годуновъ“, а во второмъ концертѣ того же празднества еще и „русская баллада“ моя на слова Л. А. Мея „Какъ у всѣхъ-то людей“. Вслѣдствіе того, что эти музыкальныя произведенія, а равно и первая моя статья „Die Entwickelung der russischen Nationaloper“ [2]) имѣли далеко не ожиданный мною успѣхъ, Брендель пригласилъ меня быть помощникомъ его по редакціи упомянутаго журнала, а д-ръ Дицманъ, редакторъ журнала „Leipziger Tageblatt“ (издаваемаго на счетъ Лейпцигской городской думы) предложилъ мнѣ завѣдываніе музыкально-критическою частью. Въ то же время „Всеобщее германское музыкальное общество“ избрало меня секретаремъ, т.-е. членомъ своей дирекціи. Такимъ образомъ, я пріобрѣлъ нѣкоторое довѣріе со стороны не малой части германской музыкальной публики, а въ особенности—со стороны означенныхъ редакцій и концертныхъ дирекцій.

Въ вышеупомянутой же статьѣ моей о русской оперѣ, я, между прочимъ, довольно подробно говорилъ о замѣчательномъ талантѣ Даргомыжскаго, *о которомъ до появленія оной статьи ни въ одномъ еще изъ нѣмецкихъ заграничныхъ журналовъ рѣшительно и помину даже не было.* А затѣмъ добился я отъ Бренделя обѣщанія исполнить въ концертахъ вышеназванныхъ обществъ сочиненія моего земляка, коль скоро удастся мнѣ уговорить его прислать мнѣ партитуры и выписанные голоса. На этомъ основаніи я и отправилъ къ Александру Сергѣевичу письмо, въ которомъ, изложивъ все вышесказанное, я просилъ его почтить меня полнымъ довѣріемъ къ моему дружескому рвенію и выслать мнѣ, по собственному его выбору, нѣкоторыя изъ твореній его, обѣщавъ, что къ постановкѣ, исполненіи и пропагандѣ ихъ я

---

[1]) Послѣ весьма блестящаго исполненія въ Зондерсгаузенѣ (въ августѣ того же года) придворною капеллою владѣтельнаго князя Шварцбургъ-Зондерсгаузенскаго подъ управленіемъ капельмейстера Эдуарда Штейна, одного изъ друзей Листа и Вагнера.

[2]) Развитіе русской національной оперы (Neue Zeitschrift für Musik, 1863, второе полугодіе, №№ 8—15).

приложу все свое стараніе. Вслѣдствіе того, я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ.

„Премного и преискренне благодаренъ вамъ, почтенный сотоварищъ, за добрую память обо мнѣ. Она мнѣ тѣмъ болѣе дорога, что я не избалованъ добрымъ участіемъ людей. Очень радъ, что труды ваши находятъ благодарное участіе на чужбинѣ. Современемъ надѣюсь и я пуститься за-границу, хотя не чисто съ артистическою цѣлью, но все-таки полагаю кое-когда столкнуться съ тамошнимъ міромъ искусствъ. Благодарю васъ отъ души за предложеніе исполнить въ Лейпцигѣ что-либо изъ моихъ произведеній. Хотя я увѣренъ, что вы, съ своей стороны, сдѣлаете все возможное къ опрятному исполненію ихъ, но заочное исполненіе не доставитъ мнѣ никакого удовольствія[1]). Вы знаете, что я люблю искусство, но за извѣстностью въ Европѣ не гонюсь[2]). Статьи ваши[3]) прочту съ удовольствіемъ. Не распространяюсь о здѣшнихъ музыкальныхъ дѣлахъ. Стараюсь, какъ и всегда, держать себя какъ можно далѣе отъ нихъ. Какъ истинный христіанинъ не можетъ помириться съ католицизмомъ и православіемъ, такъ и мнѣ трудно сойтись съ здѣшнимъ порядкомъ вещей въ дирекціи[4]) и мірѣ артистическомъ. Желая вамъ полнаго и заслуженнаго успѣха, остаюсь искренне уважающій васъ А. Даргомыжскій. Спб. 18-го августа 1863-го года“.

Несмотря на таковое отнѣкиваніе Александръ Сергѣевича, я въ послѣдующемъ году, когда еще болѣе укрѣпился въ занятой мною позиціи среди германской музыкальной литературы, все-таки настоятельно обновилъ свои предложенія, причемъ совѣтовалъ даже Даргомыжскому *лучше всего пріѣхать самому въ Лейпцигъ;* тогда, вѣдь, и исполненіе будетъ „не заочнымъ“; а что, по моему убѣжденію, русскимъ композиторамъ непремѣнно надобно заявить о себѣ въ Европѣ, чтобы получить вѣсъ въ глазахъ русской „музыкальной бюрократіи“. Послѣ двухъ таковыхъ моихъ писемъ получилъ я слѣдующій отвѣтъ:

„Добрый товарищъ! Очень отрадно было узнать, что вы, наконецъ, въ Германіи достигли той благородной цѣли, къ которой столько лѣтъ тщетно стремились въ Россіи,—цѣли служить искусству *честно.* Отъ души желаю вамъ въ этомъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Я совсѣмъ собрался къ вамъ въ Лейпцигъ чрезъ Варшаву, а отъ васъ намѣреваюсь пробраться въ Парижъ. Останавливаютъ меня два обстоятельства: во-первыхъ, дороговизна золота, на которомъ мы теперь уже теряемъ *третью долю* суммы.

---

1) Заочное *не* доставляетъ удовольствія; а *не-заочное?*

2) Позволяю себѣ поставить знакъ „?“.

3) Die Entwickelung der russischen Nationaloper.

4) Импер. театровъ въ Петербургѣ.

А кто поручится, что чрезъ мѣсяцъ мы не будемъ терять и половины? Второе обстоятельство—то, что Московская театральная дирекція никакъ не хочетъ согласиться съ Петербургской въ необходимости выключить меня изъ числа русскихъ композиторовъ, а ставитъ въ сію минуту обѣ оперы мои вмѣстѣ, и *Эсмеральду* и *Русалку.* Такъ какъ поѣздка за-границу теперь выводитъ меня изъ предполагаемыхъ разсчетовъ, то я покуда предполагаю съѣздить на дружеское приглашеніе Москвы. Но, во всякомъ случаѣ, если только финансовыя наши обстоятельства исправятся, я въ теченіе зимы имѣю твердое намѣреніе прикатить къ вамъ съ коекакими партитурами [1]). Такъ какъ я артистъ, уже Петербургскимъ невѣжествомъ обстрѣленный, то и не увлекаюсь пустыми мечтами. Ставлю себѣ первою цѣлью поѣздки отдыхъ и развлеченіе, а второю, побочною—искусство. Между тѣмъ, любезный товарищъ, будьте такъ добры, черкните мнѣ словечко, въ Лейпцигѣ ли Григорій Александровичъ Демидовъ и пребудетъ ли тамъ всю зиму? [2]) То же о г-жѣ Бронсаръ (урожденной Старкъ). Еще напишите мнѣ, можно ли привезти съ собою хоровъ, т.-е. имѣются ли при обществѣ средства къ исполненію ихъ? Засимъ обнимаю васъ и прошу передать радушное артистическое пожатіе руки г-ну Бренделю, о которомъ я уже много слыхалъ и котораго отъ души уважаю. Искренне преданный вамъ А. Даргомыжскій. Спб. 5-го октября 1864 г.“

Когда же Даргомыжскій, наконецъ, пріѣхалъ, тогда я самъ его повелъ къ Бренделю, жена котораго, дочь негоціанта Таутмана, нѣкогда торговавшаго въ Москвѣ, тамъ же выросла и воспитывалась, а потому довольно еще хорошо говорила порусски и сохранила большую привязанность къ Россіи. Брендели устроили въ честь Даргомыжскаго вечеръ у себя, на которомъ онъ съигралъ на фортепіано нѣсколько своихъ сочиненій, а я, на сколько еще тогда хватило у меня голоса, спѣлъ романсы его [3]). Творенія русскаго композитора понравились нѣмецкимъ слушателямъ; и Брендель предложилъ Даргомыжскому прислать увертюру и хороводъ изъ „Русалки“, да арію мельника („Sie hat solch ächt russischen Character“ [4]), прибавилъ онъ), а также „Казачекъ“. При этомъ, ***не скрывалъ*** онъ, что, по стро-

[1]) Слѣдовательно, явно, что Даргомыжскій намѣревался послѣдовать моимъ совѣтамъ.

[2]) Видимо, что Демидовъ, котораго я въ Петербургѣ и не встрѣчалъ у Даргомыжскаго, не имѣлъ съ нимъ никакой переписки и что *не онъ* ему внушилъ мысль „прикатить“ въ Лейпцигъ „къ нимъ“.

[3]) „Въ минуту нѣжности“; „Я васъ любилъ“; „Мнѣ грустно“ и „Не называй ее небесной“; а изъ „Русалки“—арію „Вотъ то-то! всѣ вы дѣвки“.

[4]) Въ ней слышенъ столь неподдѣльно-русскій характеръ.

гости *устава общества*, всякое, *безъ изъятія*, предлагаемое сочиненіе должно предварительно разсматриваться членами *исполнительнаго комитета*. „Das ist nun einmal die angenommene Form", сказалъ Брендель. „Ihre Compositionen indessen haben kein Ablehnen zu befürchten; ich garantire Ihnen deren Aufführung in den nächsten Vereins-concerten" [1]). То же самое повторилъ и я Даргомыжскому, и такъ какъ я, къ тому же, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ членами комитета, то и я также могъ смѣло ручаться за *безпремѣнное* внесеніе присылаемыхъ имъ сочиненій въ программу предстоящихъ концертовъ. При томъ, обязался я честнымъ словомъ тщательно слѣдить за наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ всѣхъ вполнѣ мнѣ знакомыхъ интенцій автора. Александръ Сергѣевичъ, повидимому, наконецъ, убѣдился, *и обѣщалъ* выслать на мое имя партитуры и голоса вышеобозначенныхъ сочиненій.

Даргомыжскій пробылъ въ Лейпцигѣ пять дней, въ теченіе которыхъ мы съ нимъ сходились ежедневно по два, по три раза, на сколько то дозволяли мои занятія. Въ журналѣ „Neue Zeitschrift für Musik", какъ и слѣдовало, имя Александра Сергѣевича было упомянуто въ спискѣ почетныхъ (иногородныхъ) посѣтителей нашей редакціи: „Herr Alexander von Dargomijski Componist aus St.-Petersburg" [2]). Къ тому же, чтобы о немъ писать особенную еще статью, не представлялось даже никакого *приличнаго* повода, такъ какъ Даргомыжскій во время своего пребыванія въ Лейпцигѣ *публичнымъ дѣятелемъ* не выступилъ; да и все, что возможно бы было о немъ сообщить, я вполнѣ уже высказалъ *кстати* въ упомянутой выше статьѣ моей, полтора лишь года тому назадъ, такъ что повтореніе онаго вышло бы весьма *некстати*, т.-е. просто въ видѣ *рекламы*, и повредило бы не только *моей*, но также и *его*, Даргомыжскаго, репутаціи.

Распрощались мы, — по крайней мѣрѣ азъ грѣшный, — съ искренними чувствами сердечной дружбы, и я крайне опечалился и душевно горевалъ, когда въ 1869-мъ году, переселившись уже

[1]) Это уже такая разъ навсегда принятая формальность. Но вашимъ сочиненіямъ нечего бояться отказа; я гарантирую вамъ ихъ исполненіе въ ближайшихъ по времени концертахъ общества.

[2]) См. назван. журналъ за 1865-й годъ № 49.

въ г. Грацъ (въ Штиріи), я получилъ письмо отъ О. К. Гунке съ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Сергѣевича на 56-мъ всего годѣ своей жизни. Даргомыжскій, безъ всякаго спора (о которомъ и мыслить даже не допускаемо), великій талантъ, владѣвшій богатымъ запасомъ свѣжей и выразительной мелодики и интересной, пикантной гармонизаціею, и умѣвшій необычайно правильно и умно декламировать тексты. При всемъ томъ, когда онъ разъ и при мнѣ также (въ 1862-мъ году), повторилъ любимую свою жалобу на непризнаваніе его таланта со стороны *публики*, да покончилъ обычной тогда своей фразою: „чѣмъ - же я хуже Глинки?“, я никакъ не могъ удержаться отъ откровеннаго (въ слѣдующемъ родѣ) отвѣта: „Вы имѣете полное право, дружище, жаловаться на несправедливость дирекціи Императорскихъ театровъ и на интриги извѣстнаго виртуоза-временщика съ цѣлымъ его хвостомъ нѣмецкихъ музыкантовъ; но не эти-то люди—*русская* наша публика, на которую жаловаться *вамъ*, ей-ей! сущій грѣхъ. А чѣмъ *Глинка* - то выше васъ? Эхъ! Сашенька милый! про то нечего намъ съ вами и разсуждать: вы такой умница, да и такой хорошій сердцемъ художникъ, что, право, вы сами это въ своей душѣ лучше всѣхъ и чувствуете и признаете; а за это же я и уважаю васъ!“

Даргомыжскій немножечко сконфузился, и замѣтилъ тотчасъ: „Да я не въ томъ смыслѣ“. „—Знаю я именно (перебилъ я его, обнимая съ улыбкою), что не въ томъ смыслѣ, и вполнѣ въ томъ увѣренъ; да и вы не сердитесь на меня, что такъ откровенно я ляпнулъ“. И дружба наша тогда, повидимому, не прервалась отъ этого разговора.

Поэтому я крайне былъ удивленъ, когда позже (въ 80-тыхъ только годахъ) мнѣ случилось прочесть появившіяся впрочемъ ужѐ ранѣе замѣтки и письма Даргомыжскаго. Оставляя въ сторонѣ и безъ вниманія все, касающееся личной моей „персоны“, я считаю, однакоже, не только умѣстнымъ и дозволеннымъ, но даже и должнымъ, указать на тѣ письма, въ которыхъ оказывается прямое и неотрицаемое, *рѣзкое* противорѣчіе смыслу тѣхъ писемъ, которыя многопочтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ *въ ту же эпоху* адресовалъ къ тому, кого онъ почтилъ названіемъ „почтеннаго“ и „добраго“ и „любезнаго товарища“, да самъ въ нихъ подписывался „искренно уважающимъ“ и „искренне предан-

гости *устава общества*, всякое, *безъ изъятія*, предлагаемое сочиненіе должно предварительно разсматриваться членами *исполнительнаго комитета*. „Das ist nun einmal die angenommene Form", сказалъ Брендель. „Ihre Compositionen indessen haben kein Ablehnen zu befürchten; ich garantire Ihnen deren Aufführung in den nächsten Vereins-concerten" [1]). То же самое повторилъ и я Даргомыжскому, и такъ какъ я, къ тому же, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ членами комитета, то и я также могъ смѣло ручаться за *безпремѣнное* внесеніе присылаемыхъ имъ сочиненій въ программу предстоящихъ концертовъ. При томъ, обязался я честнымъ словомъ тщательно слѣдить за наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ всѣхъ вполнѣ мнѣ знакомыхъ интенцій автора. Александръ Сергѣевичъ, повидимому, наконецъ, убѣдился, *и обѣщалъ* выслать на мое имя партитуры и голоса вышеобозначенныхъ сочиненій.

Даргомыжскій пробылъ въ Лейпцигѣ пять дней, въ теченіе которыхъ мы съ нимъ сходились ежедневно по два, по три раза, на сколько то дозволяли мои занятія. Въ журналѣ „Neue Zeitschrift für Musik", какъ и слѣдовало, имя Александра Сергѣевича было упомянуто въ спискѣ почетныхъ (иногородныхъ) посѣтителей нашей редакціи: „Herr Alexander von Dargomijski Componist aus St.-Petersburg" [2]). Къ тому же, чтобы о немъ писать особенную еще статью, не представлялось даже никакого *приличнаго* повода, такъ какъ Даргомыжскій во время своего пребыванія въ Лейпцигѣ *публичнымъ дѣятелемъ* не выступилъ; да и все, что возможно бы было о немъ сообщить, я вполнѣ уже высказалъ *кстати* въ упомянутой выше статьѣ моей, полтора лишь года тому назадъ, такъ что повтореніе онаго вышло бы весьма *некстати*, т.-е. просто въ видѣ *рекламы*, и повредило бы не только *моей*, но также и *его*, Даргомыжскаго, репутаціи.

Распрощались мы, — по крайней мѣрѣ азъ грѣшный, — съ искренними чувствами сердечной дружбы, и я крайне опечалился и душевно горевалъ, когда въ 1869-мъ году, переселившись уже

[1]) Это уже такая разъ навсегда принятая формальность. Но вашимъ сочиненіямъ нечего бояться отказа; я гарантирую вамъ ихъ исполненіе въ ближайшихъ по времени концертахъ общества.

[2]) См. назван. журналъ за 1865-й годъ № 49.

въ г. Грацъ (въ Штиріи), я получилъ письмо отъ О. К. Гунке съ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Сергѣевича на 56-мъ всего годѣ своей жизни. Даргомыжскій, безъ всякаго спора (о которомъ и мыслить даже не допускаемо), великій талантъ, владѣвшій богатымъ запасомъ свѣжей и выразительной мелодики и интересной, пикантной гармонизацiею, и умѣвшій необычайно правильно и умно декламировать тексты. При всемъ томъ, когда онъ разъ и при мнѣ также (въ 1862-мъ году), повторилъ любимую свою жалобу на непризнаванiе его таланта со стороны *публики*, да покончилъ обычной тогда своей фразою: „чѣмъ - же я хуже Глинки?", я никакъ не могъ удержаться отъ откровеннаго (въ слѣдующемъ родѣ) отвѣта: „Вы имѣете полное право, дружище, жаловаться на несправедливость дирекціи Императорскихъ театровъ и на интриги извѣстнаго виртуоза-временщика съ цѣлымъ его хвостомъ нѣмецкихъ музыкантовъ; но не эти-то люди—*русская* наша публика, на которую жаловаться *вамъ*, ей-ей! сущій грѣхъ. А чѣмъ *Глинка* - то выше васъ? Эхъ! Сашенька милый! про то нечего намъ съ вами и разсуждать: вы такой умница, да и такой хорошій сердцемъ художникъ, что, право, вы сами это въ своей душѣ лучше всѣхъ и чувствуете и признаете; а за это же я и уважаю васъ!"

Даргомыжскій немножечко сконфузился, и замѣтилъ тотчасъ: „Да я не въ томъ смыслѣ". „—Знаю я именно (перебилъ я его, обнимая съ улыбкою), что не въ томъ смыслѣ, и вполнѣ въ томъ увѣренъ; да и вы не сердитесь на меня, что такъ откровенно я ляпнулъ". И дружба наша тогда, повидимому, не прервалась отъ этого разговора.

Поэтому я крайне былъ удивленъ, когда позже (въ 80-тыхъ только годахъ) мнѣ случилось прочесть появившіяся впрочемъ ужѐ ранѣе замѣтки и письма Даргомыжскаго. Оставляя въ сторонѣ и безъ вниманія все, касающееся личной моей „персоны", я считаю, однакоже, не только умѣстнымъ и дозволеннымъ, но даже и должнымъ, указать на тѣ письма, въ которыхъ оказывается прямое и неотрицаемое, *рѣзкое* противорѣчіе смыслу тѣхъ писемъ, которыя многопочтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ *въ ту же эпоху* адресовалъ къ тому, кого онъ почтилъ названіемъ „почтеннаго" и „добраго" и „любезнаго товарища", да самъ въ нихъ подписывался „искренно уважающимъ" и „искренне предан-

нымъ". Вотъ что̀ писалъ Даргомыжскій своей сестрѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Степановой между прочимъ: отъ 14-го ноября 1864-го года, изъ Лейпцига:

„Не случись Демидовыхъ (?) здѣсь, я-бы не увлекся ни Бренделемъ, ни кренделемъ (?!), а махнулъ-бы прямо въ Брюссель".

2-е) отъ 1-го декабря того-же года, изъ Брюсселя-же:

„ О музыкальности Лейпцига и моихъ съ нимъ отношеніяхъ напишу когда нибудь на досугѣ. Одно только интересно знать русскому музыкальному кружку въ Петербургѣ [1])—это то, что русскія [2]) сочиненія, посланныя въ Лейпцигъ, еще, по разнымъ обстоятельствамъ, не исполнялись и обсуживаются знатоками. Изъ моихъ вещей они выбрали увертюру изъ *Русалки* [3]) и *Казачекъ*".

Въ противорѣчіе этому-же Даргомыжскій пишетъ, отъ 20-го декабря того-же года:

„Нѣтъ сомнѣнія, что и Лейпцигъ, при всей отсталости въ музыкѣ, если-бы я только могъ выжить въ немъ извѣстное время, охотно-бы принялъ меня въ число своихъ концертныхъ, а—можетъ быть—и оперныхъ дѣятелей. Все, что я ни игралъ профессорамъ изъ моихъ сочиненій, оказывалось или sehr neu (очень ново) или interessant (интересно).

А обо мнѣ, о моихъ стараніяхъ, о нашей корреспонденціи хорошо-ли было умалчивать? Охъ, Сашенька! Сашенька!!

Тогда невольно вспомнилъ я и про то, что̀ въ 1862-мъ году сообщилъ мнѣ извѣстный въ свое время гитарный виртуозъ Влад. Ив. Морковъ, но на что̀ я тогда никакого вниманія не обращалъ, потому, что считалъ это чистой ложью. Этотъ г. Морковъ-то принесъ мнѣ экземпляръ дополненнаго имъ 2-го изданія своей „школы для игры на гитарѣ" и просилъ о написаніи разбора этого сочиненія съ помѣщеніемъ въ „Сѣверной пчелѣ", въ которой я тогда состоялъ сотрудникомъ. А слѣдуетъ тутъ упомянуть о томъ, что ие за долго предъ тѣмъ вышла книга того са-

---

[1]) Не ясно мнѣ, о какомъ это *кружкѣ* Даргомыжскій говоритъ?

[2]) Какія это *русскія* сочиненія были посланы въ Лейпцигъ? Если же Даргомыжскій разумѣлъ увертюру М. А. Балакирева „Король Лиръ", и одно сочиненіе Н. Я. Аѳанасьева, присланныя недавно предъ пріѣздомъ Даргомыжскаго въ Лейпцигъ (*по моему же предложенію*) въ дирекцію всеобщаго Германскаго Музыкальнаго Общества, то эти сочиненія дѣйствительно, *на основаніи устава общества* были переданы въ *Исполнительный Комитетъ* на разсмотрѣніе. Г. Аѳанасьеву отказали, но увертюра г. Балакирева была исполнена въ 1865 году, въ концертѣ во время фестиваля въ г. Дессау.

[3]) Не *только одну* увертюру, какъ я выше уже изложилъ.

маго-же г. Моркова: „Историческій очеркъ русской оперы“, въ которой про дававшуюся въ 1853-мъ году на сценѣ Маріинскаго театра комическую мою оперетту: „Кладъ“ или „Ночь подъ Ивана-Купало“ сказано было, что „она потерпѣла рѣшительное фіаско“.—Я и замѣтилъ (съ улыбкою конечно) почтенному гитаристу, что я читалъ его любезную замѣтку, и что, пожалуй, ничто не помѣшаетъ мнѣ воспользоваться случаемъ, да отблагодарить его „соотвѣтственною монетою“, и тѣмъ болѣе что замѣтка его противорѣчитъ фактамъ [1]) и появившемуся въ то время отзыву

---

[1]) Считаю по этому случаю не безприличнымъ изложить, какъ поводъ къ созданію этой оперетты, такъ и обстоятельства ея постановки и исполненія. Нѣкто Ник. Ег. Дѣльфинъ, секретарь канцеляріи придворной егермейстерской конторы, написалъ нѣчто въ родѣ картины изъ народнаго быта въ водевильномъ жанрѣ, подъ названіемъ: „Кладъ“ или „За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ“, да и поднесъ свое произведеніе министру Императорскаго Двора, который и приказалъ дирекціи театровъ непремѣнно принять и поставить эту пьесу. Это было лѣтомъ 1852-го года. Дирекція же театровъ, повинуясь приказанію г. министра, объявила, однакоже, автору, что онъ самъ долженъ заботиться о пріисканіи композитора для написанія музыки на безчисленные куплеты, которыми г. Дѣльфинъ изукрасилъ свою мелодраму. Вотъ тутъ общій нашъ знакомый, докторъ А. А. Берндтъ, и рекомендовалъ меня почтеннѣйшему автору. Вмѣсто „водевиля“, однакоже, вышла у меня нѣчто въ родѣ „оперы съ діалогомъ“, ибо, гдѣ только у г. Дѣльфина являлись послѣдованія куплетовъ въ устахъ разныхъ лицъ, тамъ, не смотря на разный ритмъ отдѣльныхъ строфъ, написалъ я дуэты, тріо и большіе ансамбли. Г. авторъ сначала было возставалъ противъ этого „нарушенія его интенцій“, но такъ какъ я оказался еще упрямѣе его, и такъ какъ другія лица ему растолковали, что такъ несравненно лучше, то онъ угомонился. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1852-го года музыка была готова и представлена. Для исполненія назначенъ былъ *водевильный* персоналъ. Насилу выхлопоталъ я дозволеніе участвовать тѣмъ гг. членамъ большой русской оперы, которые *сами согласны принимать на себя этотъ трудъ безъ притязанія на обычно прибавочное разовое вознагражденіе*. Изъ личной *ко мнѣ* дружбы согласились, однакоже, *всѣ*, съ О. А. Петровымъ во главѣ: участвовали еще гг. Леоновъ, Васильевъ II (теноръ), Гулакъ-Артемовскій и Гумбинъ. Но М. И. Степановой и А. Я. Петровой г. директоръ Гедеоновъ таки *не разрѣшилъ* участвовать. Изъ водевильныхъ же пѣвицъ Н. В. Самойлова не захотѣла взять на себя „слишкомъ невыдающуюся“ роль. Главная сопранная партія была поручена г-жѣ Ивановой (исполнительницѣ роли „Наины“ въ оперѣ „Русланъ и Людмила“) и она-то оказалась „перломъ“ между прочимъ женскимъ персоналомъ. Первое представленіе было 20-го или 21-го Января 1853-го года. Нѣсколько нумеровъ были, *по требованію публики, повторены*, а именно „Разсказъ Сидорки“ (г. Леоновъ); дуэтъ старосты и прикащика (гг. Гумбинъ и Артемовскій); арія Инвалида (г. Петровъ); „Ссора“

извѣстнаго критика Ростислава (Ѳ. М. Толстаго) въ „Сѣверной пчелѣ". Г. Морковъ очень смѣшался и, наконецъ, признался, что онъ самъ на представленіяхъ моей оперы не былъ и реферата Ростислава не читалъ; но что *Дарюмыжскій* (будто) *его увѣрилъ*, что опера „Кладъ" *рѣшительно таки провалилась* [1]).

(большой ансамбль съ хоромъ, въ которомъ участвовали гг. Леоновъ, Гумбинъ, Артемовскій и Петровъ); дуэтъ Маши и Ивана (г-жа Иванова и Васильевъ II), и хоръ съ хороводной пляской: „Какъ у нашихъ у воротъ" (варіаціи для оркестра). Когда занавѣсь окончательно была опущена, начали вызывать „автора". Тогда въ директорской ложѣ явился г. Дѐльфинъ; но публика даже и времени ему не дала раскланиваться, а тотчасъ закричала: „нѣтъ! нѣтъ! не автора! а композитора, Арнѐльда! Арнольда!" Тогда я вышелъ. Вызывали меня до трехъ разъ. Г. Дѐльфинъ разсердился, и на второе представленіе не явился. А въ этотъ второй разъ' кромѣ показанныхъ уже выше нумеровъ, былъ потребованъ къ повторенію еще тріо 2-го дѣйствія (г-жа Иванова, г. Михайловъ II-й и альтистка). Меня же вызывали: послѣ увертюры, послѣ „ссоры" (финала 1-го дѣйствія) и по окончаніи оперы. Вдругъ О. А. Петровъ, къ которому я пришелъ благодарить за поддержку меня, сообщилъ мнѣ, что опера снята съ репертуара. Я, конечно, тотчасъ поспѣшилъ въ дирекцію, гдѣ я услышалъ слѣдующее. На другой день послѣ 1-го представленія, г. Дѐльфинъ явился къ начальнику по репертуарной части и объявилъ: что онъ беретъ представленную имъ пьесу назадъ, а потому проситъ болѣе не давать ея. На это ему было отвѣчено, что, по правиламъ, пьеса, мало-мальски благосклонно принятая публикою, должна безпремѣнно быть хоть разъ повторяема. Затѣмъ секретарь началъ уговаривать его, но г. авторъ все твердилъ одно и то-же: „не хочу, да не хочу! Пускай распѣваютъ музыку Арнольда, но не пользуясь моимъ (Дѐльфина) текстомъ и пьесою". Нечего было дѣлать! Оперу мою сняли съ репертуара; предъ дирекціею *офиціальнымъ собственникомъ* пьесы явился вѣдь не я, а г. Дѐльфинъ. Тогда я началъ самъ переработывать либретто, которое у меня вышло въ двухъ дѣйствіяхъ и было названо: „Ночь подъ Ивана-Купало". Партитура-же моя и оркестровые голоса оставались таки въ библіотекѣ Маріинскаго театра. Въ 1855-мъ году, наконецъ, окончилъ я либретто и передалъ его лично мнѣ знакомому тогдашнему начальнику репертуарной части П. Ст. Ѳедорову. Постановка оперы все откладывалась, какъ оно дѣлывалось при А. М. Гедеоновѣ со всѣми русскими операми; а въ 1859-мъ году сгорѣлъ Маріинскій театръ со всѣми своими библіотеками, а съ ними и партитуры двухъ моихъ оперъ и три нѣмецкія драмы мои. Отъ моихъ оперъ уцѣлѣли нѣсколько лишь нумеровъ и увертюры въ аррапжировкѣ для фортепіано. Увертюру къ оперѣ „Ночь подъ Ивана-Купала" я съ таковой аррапжировки вновь инструментовалъ въ 1865-мъ году, и въ этомъ видѣ она, чрезъ 25 лѣтъ, была исполнена въ Павловскѣ 15-го іюня 1890-го года.

[1]) Разборъ гитарной школы г. Моркова появился своевременно въ „Сѣверной пчелѣ",—и, кажется, автору не было повода жаловаться на меня.

Эхъ, дружище дорогой, Александръ Сергѣевичъ! не тѣмъ-бы желательно мнѣ было помянуть тебя,—но поневолѣ вспомнилось! Вѣдь и я же человѣкъ, и у меня же сердце-то наконецъ чрезъ мѣру заболѣваетъ! Да проститъ тебя Господь, и миръ праху твоему! Какъ художника *всегда* по достоинству я тебя почиталъ; ну, а какъ человѣка, какъ брата прощаю; вѣдь и азъ не безгрѣшенъ! [1]).

XXXVIII.

1841. Торжественный въѣздъ августѣйшей невѣсты Государя Великаго Князя Цесаревича. — Баллада „Свѣтлана“ съ живыми картинами художника Сѣрякова. — Діаконисса Волковскаго кладбищенскаго общества. Начало моихъ изслѣдованій по части древне-русскаго церковнаго пѣнія. — Императорская публичная библіотека. Баронъ М. А. Корфъ и Д-ръ Руд. Минцлафъ.

Упоминая про 1841-й годъ, нельзя не упомянуть о торжественномъ въ нашу столицу въѣздѣ Ея Высочества принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадтской, августѣйшей невѣсты Государя Великаго Князя Цесаревича Александра Николаевича. Случай благопріятствовалъ мнѣ: изъ оконъ бель-этажа дома, составляющаго правый уголъ Невскаго и Литейнаго проспекта (у знакомаго мнѣ капитана военныхъ инженеровъ Мельцера) могъ я весьма удобно насладиться этимъ великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Но описывать этотъ по истинѣ царскимъ своимъ блескомъ поражающій кортежъ считаю я излишнимъ, потому что описаніе его читатели найдутъ во всѣхъ журналахъ того времени, да съ такими интересными подробностями, какихъ память моя, конечно, не удержала, да для достойнаго изображенія которыхъ едва ли доставало бы у меня и надлежащаго умѣнія. Вечеромъ же наша „сѣверная Пальмира“ была—буквально: *вся*—иллюминована, да такъ роскошно, что и самые старѣйшіе изъ старожиловъ, современники публичныхъ празднествъ при „матушкѣ великой Ца-

---

[1]) О сочиненіяхъ Даргомыжскаго до 60-тыхъ годовъ я такъ много уже писалъ, что считаю излишнимъ здѣсь повторять. О томъ же, что писано имъ въ послѣдніе годы его жизни, будетъ умѣстно говорить, когда изложу факты музыкальной нашей жизни послѣ 1870-го года.

рицѣ“, даже и тѣ съ „ахами да охами на разныхъ ладахъ“ только удивлялись увидѣннымъ ими, небывалымъ еще дотолѣ, чудесамъ. А къ таковымъ чудесамъ, въ ту эпоху, по всей справедливости должно было отнести во-1-хъ большую, необычайно бѣлаго цвѣта огненную звѣзду на спицѣ Адмиралтейской башни, денный яркій свѣтъ которой не только освѣщалъ всю Адмиралтейскую площадь, но и далеко разливался по Гороховой улицѣ и по Невскому да Вознесенскому проспектамъ почти до самыхъ Фонтанкинскихъ мостовъ; а во-2-хъ два составленныхъ изъ сотенъ огненныхъ язычковъ, огромнѣйшихъ лавровыхъ вѣнка, имѣвшихъ безъ малаго по сажени въ поперечникѣ, съ вензелями именъ августѣйшихъ жениха и невѣсты подъ коронами, на балконѣ извѣстнаго, такъ называемаго Англійскаго магазина. Теперь и то, и другое никому ужѐ не въ диковину и не очень-то дорого обходится; но въ 1841-мъ году для произведенія солнечнаго свѣта употреблялась еще чистая платина, да въ немаломъ количествѣ, а для продолжительнаго газоваго освѣщенія требовалось весьма много наичистѣйшаго спиртоваго газа, ибо другаго еще не знавали. Кромѣ того, на балконахъ многихъ богатыхъ аристократовъ красовались большихъ размѣровъ эмблематическіе транспаранты, прелестные рисунки на которыхъ были произведеніями лучшихъ нашихъ художниковъ. Таковыми украшеніями отличались дома напр. Ан. Ник. Демидова и графа Рибопьера на Большой Морской, и графовъ Строганова и Браницкаго на Невскомъ проспектѣ, домъ перваго у Полицейскаго моста, а другаго—за началомъ Литейной улицы. На этихъ пунктахъ-то преимущественно и скучивались легіоны пѣшеходовъ и останавливались ряды экипажей, что неминуемо и производило общую, далеко небезопасную даже давку со всѣхъ сторонъ. Но все это и до сихъ поръ повторяется, и хотя характеризуетъ нравы нашей большой публики вообще, но никакъ не одной лишь той эпохи, про которую я разсказываю въ спеціальности. Or, passons donc là dessus, et en avant! [1]).

Этотъ 1841-й годъ былъ вообще необычайно знаменательнымъ для меня годомъ, какъ благосклонные мои читатели, впрочемъ, ужѐ могли замѣтить изъ предшествовавшихъ моихъ разсказовъ.

---

[1]) Итакъ, пропустимъ же это, и впередъ!

Электрическій толчекъ, которымъ созданіе „Свѣтланы“ поставило меня въ новыя соціальныя отношенія, продолжалъ довольно долго еще дѣйствовать. Самая даже баллада-то моя была въ этомъ году еще разъ выдвинута на судъ публики, да не въ видѣ однихъ мертвыхъ только нотныхъ знаковъ, но въ живыхъ звукахъ и, къ тому же, съ придачею сценической иллюстраціи; а именно—въ Мартѣ мѣсяцѣ 1841-го года, въ одномъ изъ концертовъ, даваемыхъ тогда дирекціею Императорскихъ театровъ была исполнено также и сказанное мое сочиненіе съ живыми картинами, поставленными помощникомъ театральнаго декоратора, молодымъ художникомъ Сѣряковымъ. А устроилось это дѣло очень просто, безъ всякихъ происковъ съ моей стороны. Сѣряковъ, бывшій воспитанникъ Императорской академіи художествъ, оказался однокашникомъ моего друга Павлуши Сѣмячкина, у котораго мы и встрѣчались съ нимъ иногда. Вотъ разъ, это было въ Январѣ упомянутаго года, мы также сошлись у Сѣмячкина. Сѣряковъ и разсказываетъ намъ, что директоръ Гедеоновъ ему разрѣшилъ въ бенефисъ одинъ изъ великопостныхъ концертовъ, и что онъ желалъ бы, между прочимъ, устроить пять большихъ картинъ изъ русской народной жизни, но находится въ раздуміи, какой бы ему избрать особеннаго эффекта сюжетъ для нихъ, да что, главнымъ образомъ, онъ не знаетъ, какую и откуда ему взять новую, соотвѣтствующую смыслу тѣхъ картинъ, музыку. Сѣмячкинъ, указывая на меня, и говоритъ ему: „А вотъ, чего же тебѣ еще искать? возьми его „Свѣтлану“, и устрой къ ней свои картины!“—Такъ какъ Сѣряковъ моей баллады не зналъ, то Павлуша вытащилъ изданную при Пантеонѣ за 1840-й годъ тетрадь, и взялъ свою скрипку, а я сѣлъ за рояль, и мы съиграли Сѣрякову всю „Свѣтлану“ мою. Будущій бенефиціантъ нашелъ дѣло весьма подходящимъ, и окончательно рѣшилъ поставить картины на сюжетъ этой баллады. Публикѣ понравились эти картины, и „Свѣтлана“ была повторена въ концертѣ на послѣдовавшей за тѣмъ недѣлѣ [1]).

Не могу промолчать про два забавныхъ случая, которымъ служило поводомъ это появленіе моей музыки въ концертахъ ди-

---

[1]) Въ 1842-мъ году эти картины съ моей же музыкою появились также и на сценѣ Московскаго театра.

рекціи Императорскихъ театровъ. Въ предисловіяхъ [illegible] нахъ моихъ было упомянуто о томъ, что постъ главнаго инспектора музыки при Императорскихъ театрахъ (послѣ смерти К. А. Кавоса) занималъ капельмейстеръ французскаго театра г. Луи Маурерь, одинъ изъ моихъ антагонистовъ по конкурсу филармоническаго общества, и что капельмейстеромъ русской оперы состоялъ г. Карлъ Альбрехтъ, также враждебно не благорасположенный вообще къ русскимъ композиторамъ. Послѣднему [illegible] поручено было дирижировать [illegible] собою разумѣется, что я [illegible], поставилъ на своемъ авторскомъ правѣ [illegible]

[illegible]

weder spielen, noch dirigiren“. [1])—Извините, возразилъ я,—это вамъ съиграютъ сразу во всякомъ полку, и продирижируетъ всякій штабсъ-трубачъ. [2])—Г. Альбрехтъ весь покраснѣлъ отъ злости. „Bitte, wollen Sie nicht lieber selbst dirigiren?“ [3]) сказалъ онъ съ желчной ироніею.—Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ я, и, подошедши быстро къ периламъ партера, хотѣлъ уже перескочить чрезъ нихъ, но меня удержалъ вдругъ подбѣжавшій старикъ Мауреръ: „Um Gottes willen, das geht nicht! das ist gegen die Statuten!“ [4]). Въ этотъ моментъ къ рампѣ подбѣжалъ Сраковъ, который былъ занятъ репетиціею своихъ картинъ, и которому кто-то успѣлъ уже сообщить о начавшемся скандалѣ. Увидѣвъ его, я обратился къ нему и во всеуслышаніе сказалъ: „Любезный г. Сраковъ, простите, но я беру свою балладу назадъ; г. капельмейстеръ меня вынуждаетъ къ тому“. На лицѣ Свракова выразились испугъ и недоумѣніе: „А что же станетъ съ моими картинами?“ Тутъ завязался новый диспутъ, и дѣло, казалось, никакъ не уладится. Мауреръ предложилъ „исправить“ „шокирующее“ г. Альбрехта ритмическое движеніе. Я, конечно, не согласился и, обратясь къ Мауреру, сказалъ: „Придать этому мѣсту иное движеніе въ аккомпанементѣ я и самъ съумѣю, но для выраженія подходящаго къ этимъ словамъ характера мнѣ нуженъ именно не тотъ ритмъ, который указанъ въ моемъ сочиненіи. Докажите прежде, г. инспекторъ, что мною написанное противорѣчитъ правиламъ музыкальной ритмики. Вы [illegible] капельмейстеръ.“ Мауреръ смѣшался и отошелъ. „Да какъ же теперь быть?“ спросилъ Сраковъ въ явномъ безпокой- ствѣ. „Не знаю; [illegible] капельмейстеръ [illegible] что

[1]) [illegible] дирижировать.
[2]) [illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

рекціи Императорскихъ театровъ. Въ предшедшихъ ужѐ разсказахъ моихъ было упомянуто о томъ, что постъ главнаго инспектора музыки при Императорскихъ театрахъ (послѣ смерти К. А. Кавоса) занималъ капельмейстеръ французскаго театра, г. Люи Мауреръ, одинъ изъ моихъ антагонистовъ по конкурсу филармоническаго общества, и что капельмейстеромъ русской оперы состоялъ г. Карлъ Альбрехтъ, также довольно не благоволившій вообще къ русскимъ композиторамъ. Послѣднему равномѣрно поручено было дирижировать дирекціонными концертами. Само собою разумѣется, что я, представивъ свою партитуру, настоялъ на своемъ авторскомъ правѣ присутствовать на репетиціи и указывать надлежащій ходъ темпа, да прочія интенціи мои. Съ самого уже начала исполненія моей баллады г. Альбрехтъ, либо нарочно, либо по,—конечно крайне удивлявшему меня,—непониманію, сталъ или чрезъ-чуръ замедлять, или чрезъ-чуръ ускорять всѣ темпы, такъ, что мнѣ (сидѣвшему въ креслахъ партера) постоянно приходилось его останавливать замѣчаніями и поправками. Почтеннѣйшему г. капельмейстеру это не понравилось, и онъ безсомнѣнно, тотчасъ охотно объявилъ бы мое сочиненіе неисполнимой музыкальной ерундою, если бы эта „ерунда“ случайно, прежде того, не была признана именно-то за „не-ерунду“ судьями конкурса отъ филармоническаго общества, и если бы тутъ же не присутствовалъ одинъ изъ директоровъ онаго общества, т. е. г. Мауреръ, въ качествѣ высшаго музыкальнаго начальника. А сей послѣдній, будучи самъ извѣстный превосходный музыкантъ, слишкомъ хорошо понималъ, что я правъ, а потому, стараясь предупредить скандалъ, то и дѣло уговаривалъ Альбрехта: „Nun, liebster Herr Kapellmeister! Thuen Sie schon dem jungen Autor den Gefallen; hat er doch nur allein dann auch die Verantwortung!“ [1]) Но г. Альбрехтъ не угомонился; ему непремѣнно хотѣлось найти какой-либо предлогъ, чтобы выставить мое сочиненіе неисполнимой ерундой. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ поется: „входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ“, то вдругъ, прервавъ свое дирижированіе, онъ положилъ палку на пультъ и воскликнулъ: „Das ist rein unmöglich! dàs lässt sich

[1]) Ну, милѣйшій г. капельмейстеръ! уступите ужѐ желанію молодаго автора; на немъ одномъ пусть и будетъ тогда вся отвѣтственность.

weder spielen, noch dirigiren". [1])—Извините, возразилъ я,—это вамъ съиграютъ сразу во всякомъ полку, и продирижируетъ всякій штабсъ-трубачъ. [2])—Г. Альбрехтъ весь покраснѣлъ отъ злости. „Bitte, wollen Sie nicht lieber selbst dirigiren?" [3]) сказалъ онъ съ желчной ироніею.—Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ я, и, подошедши быстро къириламъ партера, хотѣлъ уже перескочить чрезъ нихъ, но меня удержалъ вдругъ подбѣжавшій старикъ Мауреръ: „Um Gottes willen, das geht nicht! das ist gegen die Statuten!" [4]). Въ этотъ моментъ къ рампѣ подбѣжалъ Сѣряковъ, который былъ занятъ репетиціею своихъ картинъ, и которому кто-то успѣлъ уже сообщить о начавшемся скандалѣ. Увидѣвъ его, я обратился къ нему и во всеуслышаніе сказалъ: „Любезный г. Сѣряковъ, простите, но я беру свою балладу назадъ; г. капельмейстеръ меня вынуждаетъ къ тому". На лицѣ Сѣрякова выразились испугъ и недоумѣніе: „А что же станетъ съ моими картинами?" Тутъ завязался новый диспутъ, и дѣло, казалось, никакъ не уладится. Мауреръ предложилъ „исправить" „шокирующее" г. Альурехта ритмическое движеніе. Я, конечно, не согласился и, обратясь къ Мауреру, сказалъ: „Придать этому мѣсту иное движеніе въ аккомпаниментѣ я и самъ съумѣю; но для выраженія подходящаго къ этимъ словамъ характера мнѣ нуженъ именно же тотъ ритмъ, который указанъ въ моемъ сочиненіи. Докажите прежде, г. инспекторъ, что мною написанное противорѣчитъ правиламъ музыкальной ритмики. Вы, вѣдь, сами композиторъ." Мауреръ смѣшался и отошелъ. „Да какъ же теперь быть?" спросилъ Сѣряковъ въ явномъ безпокойствѣ. „Не знаю", отвѣтилъ я; „г. капельмейстеръ говоритъ, что

---

[1]) Это рѣшительно невозможно! Этого нельзя ни играть, ни дирижировать!

[2]) Въ этомъ мѣстѣ моей партитуры идутъ въ аккомпаниментъ, при ритмѣ въ $^6/_8$, *попеременно* удары то на бассахъ, то на скрипкахъ такъ:

Скрипки	$^6/_8$	—	I	—	I	—	I
Басы		I	—	I	—	I	—
		1.	2.	3.	4.	5.	6.

[3]) Прошу, не хотите ли вы лучше сами дирижировать.

[4]) Ради Бога, этого нельзя! Это противъ устава! (Дѣйствительно, по уставу Императорскихъ театровъ той эпохи композитору исполняемаго на сценѣ сочиненія, коли онъ не состоялъ *штатнымъ* капельмейстеромъ или дирижеромъ при Императорскихъ театрахъ, не разрѣшалось дирижировать самому свое произведеніе).

этого мѣста сдирижировать ему невозможно. „Я этого не сказалъ“, прервалъ меня Альбрехтъ; „я говорилъ—это невозможно въ исполненіи“. Г. Бемъ, г. Вейцманъ, signor Ferrero! [1]) (обратился я къ этимъ знаменитымъ членамъ оркестра), правда ли это, чтобы подобное ритмическое движеніе оказалось невозможнымъ для васъ?

Этимъ неожиданнымъ вопросомъ я разомъ всѣхъ ошеломилъ: вызванные авторомъ къ прямому отвѣту, гг. артисты были поставлены въ необходимость признать, что въ отговоркѣ ихъ капельмейстера содержится тяжкая личная для нихъ обида.

„Ich glaube, es kann gemacht werden!“ [2]) сказалъ всегда осторожный дипломатическій Бемъ. „Es ist ja ganz leicht!“ [3]) прибавилъ болѣе самостоятельный Вейцманъ, а итальянецъ, весь покраснѣвшій отъ досады, гаркнулъ: Ma che diavolo, certamente la cosa si farà!“ [4]) Тутъ снова подошелъ и Мауреръ: „Liebster Capellmeister, wollen keine Zeit verlieren; lassen Sie vom vorhergehenden Absatze wieder anfangen“ [5]). И репетиція прошла безъ всякихъ дальнѣйшихъ перерывовъ, а вечеромъ исполненіе оказалось превосходнымъ, благодаря, какъ соучаствовавшимъ въ пѣніи [6]), такъ и доброму ко мнѣ расположенію важнѣйшихъ членовъ оркестра, противъ которыхъ идти и самъ г. Альбрехтъ считалъ уже неудобнымъ.

Вечеромъ же, во время самаго концерта разъигралась слѣдующая равномѣрно анекдотическая сценка. Сѣряковъ Сѣмячкину и мнѣ далъ по два билета въ 5-мъ ряду креселъ, гдѣ мы и помѣстились съ своими женами. Мое кресло было второе отъ средняго прохода, а крайнее кресло было безъ нумера и оставалось незанятымъ во все время 1-й части концерта. Вскорѣ же по

---

[1]) Первый былъ концертмейстеромъ опернаго оркестра, а второй сидѣлъ у 1-го пюпитра вторыхъ скрипокъ. Ферреро же былъ извѣстный виртуозъ на контрабассѣ. Со всѣми тремя я былъ давно уже знакомъ.

[2]) Думаю, что возможно будетъ сдѣлать.

[3]) Оно совсѣмъ легко.

[4]) Но, кой-чортъ, конечно дѣло пойдетъ.

[5]) Милѣйшій капельмейстеръ, не станемъ терять время; заставьте повторить отъ послѣдняго колѣна.

[6]) Главнѣйшую (сопранную) партію исполняла М. И. Степанова, а небольшія теноровыя и бассовыя соло Л. И. Леоновъ и О. А. Петровъ.

начатіи 2-го отдѣленія вошелъ старикъ Мауреръ и сѣлъ на сказанное кресло. Увидѣвъ меня возлѣ себя, онъ, ласково наклонивъ голову, подалъ мнѣ руку, и въ полголоса разговорился со мною, дѣлая свои замѣчанія насчетъ исполняемыхъ пьесъ. Кстати должно, однако же, упомянуть, что Мауреръ принадлежалъ къ числу тѣхъ чудаковъ, которые, увлекаясь своимъ собственнымъ разговоромъ, забываютъ наконецъ про личность собесѣдника до того, что рѣшительно не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, съ кѣмъ именно они разговариваютъ. Безсомнѣнно онъ въ отношеніи меня дошелъ уже до подобнаго же неяснаго сознанія, когда настала очередь финальной пьесѣ, т.-е. моей балладѣ. По окончаніи перваго уже хора Мауреръ съ довольной улыбкой промурлыкалъ вполголоса: „Hm, hm! recht hübsch!“ [1]) и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „Meinen Sie nicht auch?“ [2]) Недоумѣвая, какъ мнѣ, въ качествѣ автора, понять столь странный вопросъ, я молча поклонился, думая выразить тѣмъ свою признательность за комплиментъ. Чѣмъ далѣе подвигалось затѣмъ исполненіе, тѣмъ болѣе прояснялось и улыбалось лицо стараго музыканта-композитора, и тѣмъ чаще повторялись отрывистыя его одобренія: „bravo“, или „hübscher Gedanke!“ [3]). А послѣ хора, рисующаго бурю, онъ, схвативъ меня за руку, сказалъ: „À la bonne-heure! hören Sie, Liebster, da war Zeug darin!“ [4]) Я ниже прежняго поклонился и отвѣтилъ, что подобную похвалу изъ устъ такого знаменитаго ветерана искусства я считаю самой лестной для себя наградою. Старикъ весьма удивленно выпучилъ глаза на меня, но затѣмъ словно вдругъ проснулся, сразу припомнилъ, что говоритъ онъ съ самимъ авторомъ исполняемаго сочиненія, да тихо и захихикалъ: „Ja so, das hatte ich ganz vergessen!“ [5]) Чрезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ и ушелъ. По неволѣ я взглянулъ на другаго моего сосѣда, на Сѣмячкина, и, видя усиленныя его старанія удержаться отъ смѣха, также улыбнулся.

---

[1]) Гмъ, гмъ! очень мило.
[2]) Не думаете ли вы тоже?
[3]) Хорошенькая мысль.
[4]) Въ добрый часъ! слышите, любезнѣйшій, въ этомъ-то былъ шикъ!
[5]) Да вотъ, объ этомъ-то, было, я совершенно забылъ!

* * *

Въ концѣ этого года я переѣхалъ на Грязную улицу [1]) въ домъ купчихи Ушаковой, которая была старовѣркою, да къ тому же—самой рьяной по фанатизму секты, а именно такъ называемой „безпоповщины". Молельня Петербургской безпоповщины находилась, въ то время, близъ Волковскаго кладбища, а потому Петербургскіе приверженцы этой секты называли себя „Волковскимъ старообрядческимъ обществомъ." Разъ (это было въ началѣ 1842-го уже года), пришедши къ хозяйкѣ дома, чтобы отдать ей деньги за квартиру, я увидѣлъ возлѣ кіота двѣ вызолоченныя рамки, а въ нихъ подъ стекломъ какія-то очень искусно исполненныя рукописи стариннаго славянскаго характера и крупнаго формата, съ какими-то разными особаго вида знаками надъ текстомъ. Между этими знаками преобладали формы палицы и большихъ четыреугольныхъ точекъ, но встрѣчались также и фигуры креста да буквы Ѳ. Я спросилъ хозяйку, что это такое? Старушка Ушакова отвѣтила, что это изображеніе весьма древнихъ кондаковъ, и что тѣ знаки не что иное, какъ „старообрядческія ноты", по которымъ-то и поются мелодіи тѣхъ кондаковъ; но подробное значеніе тѣхъ „нотныхъ" знаковъ мнѣ объяснить не сумѣла. „Вотъ, погодите, когда сестра Евдокея придетъ, тогда пожалуйте къ намъ; она-то съ своимъ удовольствіемъ объяснитъ. Большая уже охотница она о томъ бесѣду держать, и мастерица-то она пѣть вонъ тѣ кондаки да тропари разные, ухъ страсти, какая мастерица!" А эта „сестра Евдокея", какъ потомъ оказалось, была такъ называемой „діакониссой" того безпоповскаго общества. Вскорѣ послѣ того хозяюшка нашего дома и познакомила меня съ нею. Сестра Евдокея была дѣвица далеко не первой молодости и ходила въ черной одеждѣ, которая относительно формы представляла собою нѣчто среднее между рясой монахини и капотомъ небѣдной мѣщанки, а голову покрывала шелковой шапочкой, да сверхъ оной еще слегка накинутымъ чернымъ шерстянымъ платкомъ. Права она была веселаго и вообще сообщительная, а пѣть кондаки и тропари и впрямь мастерица. Она, безъ всякаго чопорнаго себяломанія, тотчасъ высказала свою готовность на истолкованіе мнѣ выше-

[1]) Нынѣ она называется Николаевскою.

упомянутыхъ нотныхъ знаковъ, которыхъ числомъ было до 15-ти, и которые, по ея толкованію, представляли двѣ октавы ля-минорной гаммы (съ малой секстой и малой септимою). Но, къ сожалѣнію, она дальнѣйшими свѣдѣніями сама не владѣла, а о значеніи осьми гласовъ и характеристическихъ ихъ различіяхъ никогда даже ни отъ кого не слыхала. Не менѣе же того эти древніе церковные напѣвы и знаменья меня сильно заинтересовали, и при первомъ, послѣ того, свиданіи съ княземъ Одоевскимъ, я не преминулъ разсказать ему про мое новое знакомство, да просилъ его совѣта, какимъ образомъ извлечь научную пользу изъ него, т.-е. возможно ли будетъ, изъ далеко недостаточныхъ толкованій „діакониссы" Евдокеи добиться точныхъ основъ нашего древняго церковнаго пѣнія? И тутъ же я объяснилъ Владиміру Ѳеодоровичу, почему этотъ вопросъ меня крайне занимаетъ, да и передалъ ему все содержаніе втораго письма преосвященнаго Арсенія ко мнѣ [1]). Князь Одоевскій, одобривъ мое намѣреніе посвятить себя преимущественно изслѣдованію основъ нашего древняго церковнаго пѣнія, спросилъ меня, однако же, знакомъ ли я съ музыкальными трактатами средневѣковыхъ писателей, и въ особенности съ твореніемъ знаменитаго толкователя XV-го вѣка, Генриха Глареана „Dodekachordon"? Когда же я, къ стыду своему, долженъ былъ признаться, что даже и не подозрѣвалъ о существованіи таковыхъ трактатовъ, тогда Владиміръ Ѳеодоровичъ предложилъ не только снабжать меня сочиненіями изъ собственной своей библіотеки, но и дать мнѣ рекомендательное письмо къ тогдашнему директору Императорской публичной библіотеки, барону Модесту Андреевичу Корфу. Кромѣ того, совѣтовалъ онъ мнѣ еще познакомиться съ о. протоіереемъ Петромъ Турчаниновымъ и съ регентомъ пѣвческой капеллы графа Шереметева, Гавріиломъ Іоакимовичемъ Ломакинымъ.

Баронъ Корфъ, по письму Одоевскаго, принялъ меня чрезвычайно любезно и тотчасъ же разрѣшивъ мнѣ входъ прямо въ самыя отдѣленія библіотеки, познакомилъ меня съ однимъ изъ старшихъ библіотекарей д-ромъ Рудольфомъ Минцлафомъ для того, чтобы онъ мнѣ указалъ, въ какомъ отдѣленіи и въ какихъ рядахъ находятся какого именно разряда сочиненія. Ибо не слѣ-

[1]) См. выпускъ II, стр. 144.

дуетъ забывать, что до поступленія барона Корфа на должность директора публичной библіотеки не существовало никакого систематическаго каталога содержащихся въ ней книгъ, и только въ 1837-мъ (кажется) году было приступлено къ составленію 1-й части таковаго каталола, т. е. къ полному списку книгъ по авторамъ ихъ, съ соблюденіемъ алфавитнаго порядка именъ. Но и этотъ даже каталогъ, имѣвшій служить самимъ гг. библіотекарямъ руководствомъ для отысканія книгъ, требуемыхъ приходившими читателями, въ 1842-мъ году еще не былъ вполнѣ оконченъ, такъ что въ то время нельзя было и думать еще о приступленіи къ составленію 2-й части каталога, т. е. къ систематическому списку книгъ съ классификаціею ихъ по предметамъ содержанія. Итакъ, въ 1842-мъ году представлялась возможность пользоваться необычайнымъ богатствомъ Императорской публичной библіотеки, въ такомъ лишь случаѣ, если вамъ извѣстно было *имя автора* желаемой книги и заглавія ея; но узнать, *какія вообще* имѣются въ библіотекѣ сочиненія по тому или другому предмету, было единственно только тогда возможно, когда вамъ посчастливилось получить дозволеніе самому прослѣдить ряды книгъ того разряда и отдѣленія, гдѣ уставлены были сочиненія, относящіяся къ изслѣдуемому вами предмету. Изъ этого и явствуетъ, сколь благодарнымъ я долженъ былъ себя чувствовать, какъ князю Одоевскому, такъ и барону Корфу.

Послѣдняго, впрочемъ, я всего только одинъ разъ и видѣлъ, т. е. когда я представился ему съ письмомъ отъ перваго, а потому почти ужѐ не помню его. За то я вскорѣ очень близко сошелся съ г. Минцлафомъ. Это былъ типъ цивилизированнаго нѣмецкаго ученаго: кромѣ весьма основательныхъ филологическихъ познаній, владѣлъ онъ также общепринятыми соціальными манерами и любилъ тщательно одѣваться, но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, видно, онъ не могъ достаточно освободиться отъ врожденной національной наклонности къ излишнему педантизму. Характера былъ онъ добродушнаго и веселаго съ оттѣнкомъ стараго бурша, пріятный по остроумію да и разносторонности своей собесѣдникъ и немножечко поэтъ, а по внѣшности также былъ весьма презентабельный. Съ богатымъ содержаніемъ Императорской публичной библіотеки онъ выказалъ себя вполнѣ знакомымъ и весьма любезно и предупредительно

указывалъ мнѣ не разъ на такія сочиненія, которыя вообще, даже и большинству спеціалистовъ, мало извѣстны [1]), а иныя выдавалъ онъ мнѣ въ первобытныхъ, рѣдкостныхъ изданіяхъ, которыя въ читальную (въ нижнемъ этажѣ) залу обычнымъ посѣтителямъ никогда не отпускались [2]). Подъ его же личной гарантіею имѣлъ я также доступъ и въ сокровеннѣйшую сокровищницу, т. е. въ отдѣленіе рукописей. Сдружился я таки съ публичной библіотекою и была она долгое время для меня благодѣтельницею, настоящею „alma mater", не менѣе, чѣмъ Дерптскій университетъ: послѣдній, правда, выучилъ меня, какъ надобно читать и переваривать мозгами то, что̀ я прочелъ; библіотека же давала моимъ мозгамъ обильную пищу, заставлявшую ихъ практически ужѐ работать, не для одного лишь умноженія матеріальнаго знанія, а для извлеченія изъ этого матеріальнаго знанія положительной пользы. Если на самомъ дѣлѣ правда (какъ въ позднѣйшіе годы стали меня любезно увѣрять нѣкоторые—немногочисленные, конечно—благоволительные ко мнѣ братья по искусству), что я имѣлъ счастье оказаться не совершенно излишнимъ труженникомъ на полѣ научной разработки музыкальнаго знанія, то я съ глубочайшей сердечной признательностію считаю долгомъ откровенно высказать, что таковымъ счастьемъ я преимущественно обязанъ вѣчно благословенія достойному учрежденію великодушныхъ нашихъ Царей, т. е. Императорской публичной библіотекѣ.

На сколько мнѣ извѣстно, такъ полный каталогъ всѣхъ сочи-

---

1) Напр. книга Мейбомія „Antiquae musicae auctores septem", или Іоанна Веллиса „opera mathematica" въ 3-мъ томѣ которыхъ—древніе трактаты о музыкѣ Клавдія Птоломея, Порфирія и Вріеннія и много другихъ еще сочиненій.

2) Напр. роскошнѣйшее изданіе знаменитаго собранія: „Description de l' Égypte ou recueil des observations et des recherches, qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française."

Наполеонъ Бонапарте, въ то время „первый консулъ французской республики", приказалъ изготовить всего только 100 экземпляровъ этого изданія, которые онъ разослалъ въ подарокъ коронованнымъ лицамъ и въ знаменитыя библіотеки. Изготовленіе обыкновеннаго изданія in 8-vo grosso съ прибавленіемъ неиллюминованныхъ, простыхъ гравюръ на мѣди принялъ на себя Парижскій книгопродавецъ Панкукъ (Pankouque). Оно было окончено къ 1826 г. Послѣдняго же изданія въ Императорской публичной библіотекѣ въ 40-хъ годахъ имѣлось (на сколько мнѣ помнится) два экземпляра.

дуетъ забывать, что до поступленія барона Корфа на должность директора публичной библіотеки не существовало никакого систематическаго каталога содержащихся въ ней книгъ, и только въ 1837-мъ (кажется) году было приступлено къ составленію 1-й части таковаго каталола, т. е. къ полному списку книгъ по авторамъ ихъ, съ соблюденіемъ алфавитнаго порядка именъ. Но и этотъ даже каталогъ, имѣвшій служить самимъ гг. библіотекарямъ руководствомъ для отысканія книгъ, требуемыхъ приходившими читателями, въ 1842-мъ году еще не былъ вполнѣ оконченъ, такъ что въ то время нельзя было и думать еще о приступленіи къ составленію 2-й части каталога, т. е. къ систематическому списку книгъ съ классификаціею ихъ по предметамъ содержанія. Итакъ, въ 1842-мъ году представлялась возможность пользоваться необычайнымъ богатствомъ Императорской публичной библіотеки, въ такомъ лишь случаѣ, если вамъ извѣстно было *имя автора* желаемой книги и заглавія ея; но узнать, *какія вообще* имѣются въ библіотекѣ сочиненія по тому или другому предмету, было единственно только тогда возможно, когда вамъ посчастливилось получить дозволеніе самому прослѣдить ряды книгъ того разряда и отдѣленія, гдѣ уставлены были сочиненія, относящіяся къ изслѣдуемому вами предмету. Изъ этого и явствуетъ, сколь благодарнымъ я долженъ былъ себя чувствовать, какъ князю Одоевскому, такъ и барону Корфу.

Послѣдняго, впрочемъ, я всего только одинъ разъ и видѣлъ, т. е. когда я представился ему съ письмомъ отъ перваго, а потому почти ужѐ не помню его. За то я вскорѣ очень близко сошелся съ г. Минцлафомъ. Это былъ типъ цивилизированнаго нѣмецкаго ученаго: кромѣ весьма основательныхъ филологическихъ познаній, владѣлъ онъ также общепринятыми соціальными манерами и любилъ тщательно одѣваться, но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, видно, онъ не могъ достаточно освободиться отъ врожденной національной наклонности къ излишнему педантизму. Характера былъ онъ добродушнаго и веселаго съ оттѣнкомъ стараго бурша, пріятный по остроумію да и разносторонности своей собесѣдникъ и немножечко поэтъ, а по внѣшности также былъ весьма презентабельный. Съ богатымъ содержаніемъ Императорской публичной библіотеки онъ выказалъ себя вполнѣ знакомымъ и весьма любезно и предупредительно

указывалъ мнѣ не разъ на такія сочиненія, которыя вообще, даже и большинству спеціалистовъ, мало извѣстны [1]), а иныя выдавалъ онъ мнѣ въ первобытныхъ, рѣдкостныхъ изданіяхъ, которыя въ читальную (въ нижнемъ этажѣ) залу обычнымъ посѣтителямъ никогда не отпускались [2]). Подъ его же личной гарантіею имѣлъ я также доступъ и въ сокровеннѣйшую сокровищницу, т. е. въ отдѣленіе рукописей. Сдружился я таки съ публичной библіотекою и была она долгое время для меня благодѣтельницею, настоящею „alma mater", не менѣе, чѣмъ Дерптскій университетъ: послѣдній, правда, выучилъ меня, какъ надобно читать и переваривать мозгами то, что̀ я прочелъ; библіотека же давала моимъ мозгамъ обильную пищу, заставлявшую ихъ практически ужѐ работать, не для одного лишь умноженія матеріальнаго знанія, а для извлеченія изъ этого матеріальнаго знанія положительной пользы. Если на самомъ дѣлѣ правда (какъ въ позднѣйшіе годы стали меня любезно увѣрять нѣкоторые—немногочисленные, конечно—благоволительные ко мнѣ братья по искусству), что я имѣлъ счастье оказаться не совершенно излишнимъ труженникомъ на полѣ научной разработки музыкальнаго знанія, то я съ глубочайшей сердечной признательностію считаю долгомъ откровенно высказать, что таковымъ счастьемъ я преимущественно обязанъ вѣчно благословенія достойному учрежденію великодушныхъ нашихъ Царей, т. е. Императорской публичной библіотекѣ.

На сколько мнѣ извѣстно, такъ полный каталогъ всѣхъ сочи-

---

[1]) Напр. книга Мейбомія „Antiquae musicae auctores septem", или Іоанна Веллиса „opera mathematica" въ 3-мъ томѣ которыхъ—древніе трактаты о музыкѣ Клавдія Птоломея, Порфирія и Вріеннія и много другихъ еще сочиненій.

[2]) Напр. роскошнѣйшее изданіе знаменитаго собранія: „Description de l' Égypte ou recueil des observations et des recherches, qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française."

Наполеонъ Бонапарте, въ то время „первый консулъ французской республики", приказалъ изготовить всего только 100 экземпляровъ этого изданія, которые онъ разослалъ въ подарокъ коронованнымъ лицамъ и въ знаменитыя библіотеки. Изготовленіе обыкновеннаго изданія in 8-vo grosso съ прибавленіемъ неиллюминованныхъ, простыхъ гравюръ на мѣди принялъ на себя Парижскій книгопродавецъ Панкукъ (Pankouque). Оно было окончено къ 1826 г. Послѣдняго же изданія въ Императорской публичной библіотекѣ въ 40-хъ годахъ имѣлось (на сколько мнѣ помнится) два экземпляра.

ненiй, содержимыхъ въ Императорской публичной библiотекѣ, и по сiю пору не былъ еще изданъ, т. е. не поступилъ еще въ число книгъ, передаваемыхъ во всеобращенiе путемъ общей книготорговли. Между тѣмъ, едва ли будетъ возможно отрицать пользу таковаго распространенiя онаго каталога, въ особенности для желающихъ заниматься изслѣдованiями по части исторiи или древностей. Старинныя, въ прошлыхъ вѣкахъ изданныя спецiальныя хроники и мѣстоописанiя вообще мало извѣстны, а того менѣе еще обрѣтаются въ продажѣ. Предположимъ теперь, что кому-либо понадобились бы вѣрныя и подробныя свѣдѣнiя напр. о средневѣковомъ житьѣ-бытьѣ Бискайцевъ, или горныхъ Шотландцевъ, или Марокканцевъ; а гдѣ ему найти эти свѣдѣнiя? Существуютъ, правда, за-границею такъ называемые „антикварные" каталоги, въ которыхъ показано, *какiя* и *гдѣ* именно *въ продажѣ* находятся книги *старинныхъ изданiй*; но во-1-хъ придется жителю Россiи *выписать себѣ изъ-за-границы* сначала *полную коллекцiю* этихъ каталоговъ, а затѣмъ и самыя *тѣ желаемыя книги,* т. е. *если только* таковыя *еще не проданы.* Не говоря уже о тратѣ *немалыхъ денегъ* (ибо и тѣ каталоги не дешевы, а старинныя книги бываютъ иногда баснословной цѣны), такъ и сама-то по себѣ процедура эта довольно *неудобна* и *ненадежна,* и требуетъ *непомѣрно много времени.* Будь же въ продажѣ каталогъ Императорской публичной библiотеки, то дѣло иногда на многое бы упростилось: купивъ каталогъ, тотчасъ бы узнать можно, *есть ли* въ этой библiотекѣ книги желаемаго содержанiя или *нѣтъ.* Эта справка ни въ какомъ случаѣ не потребуетъ ни многаго времени, ни чрезмѣрной денежной траты, а буде въ каталогѣ не окажется подходящихъ сочиненiй, тогда, вѣдь, все еще возможно прибѣгнуть къ другому, вышеуказанному пути. Но, если по счастливому случаю окажется, что въ Императорской публичной библiотекѣ дѣйствительно существуетъ подходящiй матерiалъ, то безсомнѣнно возможно имъ и воспользоваться: стоитъ только или самому отправиться въ Петербургъ, а тамъ и въ сказанную библiотеку, или поручить надежному человѣку побывать тамъ и сдѣлать нужныя выписки изъ указываемыхъ книгъ. И то, и другое, вѣроятно, потребуетъ меньшей траты времени и даже денегъ, чѣмъ вышеупомянутый способъ. Въ подтвержденiе моего воззрѣнiя на это дѣло я позволяю себѣ раз-

сказать про бывшій со мною подобный случай. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1855-го года прочелъ я въ одной изъ Берлинскихъ газетъ публикацію тогдашняго директора Кенигсбергскаго театра, г. Вольтерсдорфа, о выписываемомъ имъ, по случаю шестисотой годовщины основанія города Кенигсберга, конкурса на лучшую драму либо комедію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сюжетъ былъ взятъ изъ частной исторіи онаго города. Меня охватила неодолимая охота помѣриться силами съ гг. нѣмецкими писателями. Но что̀, однако же, зналъ я собственно-то про этотъ г. Кёнигсбергъ? Не болѣе, ни менѣе, какъ только то, что̀ показано въ общихъ учебныхъ географическихъ и историческихъ книгахъ, и что̀ безсомнѣнно хорошо извѣстно также и вамъ, благосклонный читатель. Положимъ, что оно достаточно для *русскаго* человѣка, претендующаго на причисленіе къ кругу образованныхъ людей, но, во всякомъ случаѣ, крайне мало для написанія драмы подъ упомянутымъ условіемъ. Все-таки я не унывалъ, а крѣпко надѣялся найти въ Императорской библіотекѣ весь нужный мнѣ матеріалъ. Надежда моя вполнѣ оправдалась. Д-ръ Минцлафъ, по моей просьбѣ, повелъ меня въ историческій отдѣлъ, спеціальнымъ „кустосомъ“ (смотрителемъ) котораго оказался бывшій мой товарищъ по гимназіи и по университету, фонъ-Генъ (см. выпускъ I, стр. 108), и оба, указавъ, на какой полкѣ помѣщены сочиненія, касающіяся спеціальной исторіи Прусскаго государства, предоставили затѣмъ ужѐ мнѣ самому, поискать между ними тѣ книги, которыя удовлетворяли бы моимъ цѣлямъ. Такихъ-то сочиненій дѣйствительно я и нашелъ, да и не мало, около полтора десятка. Были между ними, къ великой моей радости, и такія, въ которыхъ содержались весьма подробныя описанія отдѣльныхъ частей города Кёнигсберга, съ приложеніемъ спеціальныхъ плановъ разныхъ вѣковъ (XIV-го, XVI-го и XVII-го), съ изображеніями костюмовъ различныхъ сословій, а въ одной книгѣ открылъ я даже описаніе главныхъ двухъ кладбищъ и фамильныхъ на нихъ склеповъ знаменитѣйшихъ патриційскихъ семействъ былаго времени. Изучивъ основательно этотъ богатый и положительный матеріалъ, я мѣсяца чрезъ два увидѣлъ себя поставленнымъ въ возможность не только установить эпоху и историческое событіе для основы сюжета, но также придумать фабулу и даже характеры, соотвѣтствующіе духу разныхъ сословій Кёнигсберга

того же времени. Еще болѣе же мѣстнаго колорита удалось мнѣ придавать своей драмѣ тѣмъ, что, воспользовавшись вышеупомянутыми топографическими описаніями, не только наименовалъ я выдуманныхъ мною лицъ именами дѣйствительно существовавшихъ когда-то древнихъ Кёнигсбергскихъ фамилій, но и въ описаніи декорацій соображался я съ планами и съ изображеніями тѣхъ топографій, да въ разговорѣ иногда употреблялъ особенно выдающіяся мѣстныя выраженія былаго времени, которыя я встрѣчалъ въ сказанныхъ древнихъ хроникахъ. Эту драму (въ 5-ти дѣйствіяхъ и въ пятистопныхъ ямбахъ), я таки успѣлъ во время окончить и къ сроку (къ 1-му Мая по новому стилю, а по нашему къ 19-му Апрѣля) доставить въ Кёнигсбергъ. Она именовалась: „Andreas Brunau“ или „der Kampf um die Rechte“ (борьба о правахъ), потому что основнымъ сюжетомъ служило происходившее въ 1454-мъ году, неудачное впрочемъ, возстаніе города Кёнигсберга подъ предводительствомъ своего главы или бюргермейстера Андрея Брунау, противъ ига Тевтонскаго ордена. Моей драмѣ была присуждена вторая премія. Но не въ томъ собственно тутъ дѣло, а въ томъ курьезѣ, что, когда моя драма въ Мартѣ мѣсяцѣ была дана на Кёнигбергской сценѣ, то отъ тамошняго корреспондента Берлинской „Крестовой газеты“ (Kreutzzeitnng) въ послѣдней появился весьма пространный рефератъ, въ концѣ котораго, между прочимъ, было сказано: „Изъ всего, впрочемъ, должно предполагать, что авторъ, (русскій уроженецъ, какъ намъ сказали) болѣе или менѣе долгое время *проживалъ въ нашемъ городѣ*, и потому могъ столь основательно изучать нашу мѣстность, а равно и старинные обычаи нашихъ предковъ“.—Итакъ, вотъ чего возможно достигнуть помощію далеко еще недостаточно у насъ оцѣненнаго, необычайно богатаго клада Императорской публичной библіотеки! [1])

---

[1]) Думаю, что благосклонные читатели извинятъ, если я тутъ, относительно упомянутаго конкурса, разскажу любопытный фактъ, напоминающій рѣшеніе гг. директоровъ Петербургскаго филармоническаго общества по конкурсу 1839-го года. Послѣ того, какъ драма „Andreas Brunau“ была ужѣ дана на Кёнигсбергской сценѣ, получилъ я письмо отъ тамошняго режиссёра (лично мнѣ незнакомаго) г. Рейнгардта, въ которомъ онъ сообщаетъ о подробностяхъ

XXXIX.

О. протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ—Г. І. Ломакинъ.—„Абиссинскій маэстро, amico di Rossini".

Многоизвѣстный композиторъ русскихъ церковныхъ пѣснопѣній, о. протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ находился тогда еще въ зенитѣ своей славы, все еще считался въ кругу любителей этого пѣнія первымъ, послѣ (умершаго въ 1825-мъ году) Бортнянскаго, знатокомъ и дѣятелемъ по части русской церковной музыки. А. Ѳ. Львовъ и Г. І. Ломакинъ были въ то время начинающими только его соперниками. Само собою разумѣется, что, прежде того какъ отправиться къ знаменитому русскому церковному пѣснопѣвцу, я принялся за изученіе его твореній. На сколько они соотвѣтствуютъ или несоотвѣтствуютъ настоящему типу древняго нашего церковнаго пѣнія, я въ то время, конечно, еще не былъ въ состояніи разсудить, но я не могъ не замѣтить, что Турчаниновъ довольно строго придерживался мелодій изданнаго Святѣйшимъ Сѵнодомъ „Нотнаго обихода", которыя, большею частію, онъ поручалъ альту, такъ что сопранный голосъ оказывался у него настоящимъ „дискантомъ" (dis- или biscantus), т. е. *вторящимъ* голосомъ. [1]) На счетъ мелоди-

---

перваго представленія. А подъ конецъ упоминаетъ про засѣданіе гг. судей конкурса. „Изъ 27-ми сочиненій (писалъ онъ) признаны были двое достойными премій: комедія „Симонъ Дахъ" и драма „Андрей Брунау". Директоръ Вольтерсдорфъ и я рѣшили присудить *первую* премію *Вамъ*, но остальные три судьи, профессоры здѣшняго университета, настояли на томъ, чтобы *первая* премія была присуждена автору комедіи, которымъ оказался *уроженецъ Кёнигсберга*, а *„иностранцу"*, автору драмы, чтобы была опредѣлена *вторая* премія Contre force majeure (противъ большинства) наши два голоса должны были спасовать. Итакъ, къ сожалѣнію присуждена Вамъ только *вторая* премія."— Но и этой, даже второй преміи (по содержанію публикаціи: 75 фридрихсдоровъ) г. Вольтерсдорфъ не заблаговолилъ выслать „иностранцу". Оказалось, что и въ этомъ также „заграничномъ" конкурсѣ, подобно какъ и въ первомъ „доморощенномъ", мнѣ приходилось довольствоваться одною только честью „побѣдителя", да распѣваніемъ обычной окончательной строфы нашихъ сказокъ:

„И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ,
„По усамъ текло, въ ротъ не попало!"

[1]) Эта манера поручать *основную* мелодію разрабатываемаго хороваго сочиненія *среднему* голосу, съ *сопоставленіемъ* (contrapunctio) ей *собственной*

ческихъ и гармоническихъ же оборотовъ и, въ особенности, въ умѣніи естественнаго голосоведенія, конечно, я невольно долженъ былъ признавать первенство Бортнянскаго надъ Турчаниновымъ, въ переложеніяхъ котораго явно выказалось дилетантическое только знаніе и пониманіе. При всемъ томъ, однако же, довѣряя компетентности кн. Одоевскаго въ сужденіи о русскомъ церковномъ пѣніи, я крѣпко надѣялся на то, что получу отъ о. Петра Турчанинова ясныя указанія на основанія этого рода музыки, а потому и отправился къ нему.

О. протоіерей жилъ тогда на углу Кабинетской улицы, въ домѣ насупротивъ Владимірской церкви. Ему было всего только 62 года, и по широкимъ его плечамъ видно, что онъ нѣкогда былъ статнымъ и мощнымъ; но онъ держалъ себя до такой степени согнутымъ и ослабѣвшимъ, что сначала я думалъ, будто ему, по крайней мѣрѣ, далеко ужѐ за 70 лѣтъ. Онъ принялъ меня очень ласково, выслушалъ мое желаніе и, кажется, не безъ удовольствія; истолковать научно, однако же, онъ мнѣ ничего не истолковалъ, а проигралъ на позитивѣ, [1]) въ видѣ назидательныхъ примѣровъ, 3—4 изъ своихъ переложеній, съ которыми, впрочемъ, я былъ уже знакомъ изъ напечатанныхъ партитуръ. Повторилъ я еще два или три раза свои посѣщенія и разспросы о теоретическихъ основахъ древняго нашего пѣнія, но настоящаго толкованія не добился. Всю суть научныхъ принциповъ, руководившихъ о. Турчанинова въ переложеніяхъ древнихъ напѣвовъ на 4 голоса, маститый пѣснопѣвецъ выразилъ въ несложномъ изрѣченіи: „надобно *умѣть находить* (?) простѣйшіе подходящіе аккорды“. Хотя я и самъ давно ужѐ дошелъ до этой неоспоримой великой истины, все-таки я не преминулъ усердно благодарить за таковое, будто, мнѣ „откровеніе“. Но такъ какъ судя по его партитурамъ, многопочтенный о. Петръ, видимо свое „умѣніе находить аккорды, подходящіе къ *древнимъ русскимъ* цер-

---

автора мелодіи въ *верхнемъ* голосѣ, перешла въ XVI ужѐ вѣкѣ въ Кіевскую пѣвческую школу изъ западной Европы чрезъ Червонную Русь. Самъ же о. Турчаниновъ былъ Кіевлянинъ и тамъ же получилъ свое пѣвческое образованіе, а музыкальной теоріи обучался первоначально у Сарти, а окончательно у пресловутаго капитана Веделя.

[1]) Позитивомъ называется небольшой комнатный органъ.

ковнымъ мелодіямъ" черпалъ изъ *западныхъ* руководствъ музыкальной теоріи, и такъ какъ, между тѣмъ, я инстинктивно чувствовалъ, что эти мелодіи должны основываться на иныхъ научныхъ элементахъ, то и нашелъ я вообще излишнимъ, да и неприличнымъ далѣе еще обезпокоивать добродушнаго старца. И впрямъ: „найденная" имъ къ древнимъ нашимъ церковнымъ напѣвамъ гармонизація, если и подходитъ къ нимъ по общей *музыкальной грамматикѣ*, то не вполнѣ соотвѣтствуетъ *духу древняго осмогласія*.

Подобное также разочарованіе приносили мнѣ мои попытки у Гавріила Іоакимовича Ломакина получить удовлетвореніе моему любознанію на счетъ значенія и научныхъ основъ древняго осмогласія. Но, хотя я и тутъ вскорѣ пересталъ задавать ему безполезные вопросы, потому что никогда на нихъ не послѣдовало прямаго, путнаго отвѣта, такъ все же знакомство-то наше отъ того не прекратилось; да это иначе и быть не могло: мы были съ нимъ равныхъ лѣтъ и оба страстно преданы одному и тому же искусству. Кромѣ же того, насъ сближали еще и нѣкоторые другіе взаимные личные интересы. Ломакинъ предоставлялъ мнѣ право присутствовать на спѣвкахъ управляемой имъ пѣвческой капеллы графа Д. Н. Шереметева и исходатайствовалъ также дозволеніе послѣдняго посѣщать богослуженія въ домашней его церкви. Съ своей же стороны я всегда былъ радъ и готовъ служить Ломакину, на сколько я могъ, по части теоретическихъ вопросовъ, такъ какъ, благодаря совѣтамъ Фукса, графа Віельгорскаго и князя Одоевскаго, тогда ужѐ преимущественно и спеціально я посвятилъ себя этой спеціальной отрасли музыкальнаго знанія.

Гавріилъ Іоакимовичъ жилъ въ извѣстномъ старинномъ родовомъ домѣ графовъ Шереметевыхъ [1]) и занималъ выдающійся на набережную одноэтажный флигель. Онъ былъ сынъ, отпущеннаго покойнымъ еще графомъ Николаемъ Петровичемъ на волю, двороваго его служителя, и, по особенному къ нему благоволенію упомянутаго вельможи, получилъ изрядное домашнее воспитаніе, что и отзывалось въ внѣшней его, весьма презентабельной, фи-

---

[1]) На Фонтанкѣ, между Аничкинымъ и Симеоновскимъ мостами.

гурѣ [1]), и въ большомъ его умѣніи держать себя въ обществѣ. Учителемъ его въ пѣніи и въ музыкальной теоріи былъ Сапіенца, извѣстный въ свое время преподаватель по этой части при Императорской театральной школѣ. Графъ Дмитрій Николаевичъ, который былъ чрезвычайно добрый сердцемъ человѣкъ, и въ особенности любилъ Ломакина, поставилъ его регентомъ своей капеллы и, записавъ его куда-то въ государственную службу, исходатайствовалъ ему первый чинъ, а затѣмъ своею протекціею помогъ ему получить мѣсто штатнаго учителя хороваго пѣнія при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и дворянскомъ полку. Нѣсколько позже Ломакинъ занялъ ту же должность также и при институтѣ правовѣдѣнія [2]).

Какъ человѣкъ, Гавріилъ Іоакимовичъ отличался мягкосердечностью, любезной услужливостью, врожденнымъ тактомъ въ обхожденіи, честностью и добросовѣстностью. Какъ музыкантъ, онъ являлъ себя опытнымъ и мыслящимъ дирижеромъ, а дѣйствительную и долгопамятную пользу оказалъ онъ Петербургу основаніемъ въ 1861 году, на собственный свой счетъ, безплатной народной школы пѣнія. Кромѣ того, Ломакинъ выступалъ также еще и какъ сочинитель романсовъ и духовныхъ кантиковъ, но, къ сожалѣнію, долгъ совѣсти вынуждаетъ меня сказать, что по содержанію и по техникѣ романсы добрѣйшаго и милѣйшаго Гавріила Іоакимовича не могутъ считаться въ уровень даже дилетантическимъ романсамъ А. Е. Варламова, а духовныя его сочиненія, хотя и содержательнѣе и технически искуснѣе его романсовъ, обнаруживаютъ все-таки только рутинную снаровку многоопытнаго дирижера первоклассной пѣвческой капеллы.

Чрезъ Ломакина познакомился я, между прочимъ, съ однимъ весьма интереснымъ въ своемъ родѣ „субъектомъ“, а именно—съ прославившимся позже подъ прозваніемъ „Абиссинскаго маэстро“,

---

[1]) Ломакинъ лицомъ очень былъ похожъ на графа Дмитрія Николаевича, но былъ красивѣе его, къ тому же—блондинъ, да и ростомъ хотя только средняго, а все-таки повыше его сіятельства.

[2]) Главнѣйшей же протекторшей Ломакина, кажется, была бывшая когда-то другомъ еще графа Петра Борисовича и его супруги, т.-е. дѣда и бабушки графа Дмитрія Николаевича, знаменитая и вліятельная въ Шереметевскомъ кругу того времени, старушка лѣтъ подъ 80, Татьяна Васильевна Шлыкова.

а также „amico di Rossini“, повсемѣстно пресловутымъ „композиторомъ“ Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ. Но про это презабавное явленіе въ исторіи отечественной нашей музыки стоитъ разсказать ab ovo [1]) нашего знакомства.

Въ одинъ прекрасный апрѣльскій день 1842-го года зашелъ я къ Гавріилу Іоакимовичу, чтобы посовѣтываться съ нимъ на счетъ изданія второй серіи моихъ романсовъ. Я засталъ его въ залѣ за чайнымъ столомъ (онъ тогда не былъ еще женатымъ), а противъ него сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, какой-то незнакомый мнѣ мужчина. Первое, что меня поразило, было то, что хозяинъ былъ совсѣмъ уже одѣтъ, даже въ вицъ-мундирѣ [2]), а самый гость—въ какомъ-то старомъ черкесскомъ архалукѣ и въ шальварахъ изъ полинялой шерстяной матеріи, и что не только на немъ не было галстука, но что даже и пестрядинная (не совсѣмъ чистая) рубаха, которая виднѣлась изъ-подъ незастегнутаго архалука, была распахнута во всю его широкую грудь. Чрезъ раскрытую дверь гостинная, которая у Ломакина обыкновенно походила на уютненькій будуаръ кокетливой барыньки, на сей разъ представилась въ совершенномъ безпорядкѣ: на диванѣ валялись подушки и какое-то персидское одѣяло; на столѣ, возлѣ подсвѣчника, стояли двѣ бутылки и стаканъ; на нѣкоторыхъ стульяхъ было набросано разнаго рода бѣлье; на другихъ же, гдѣ лежало, а гдѣ было развѣшано платье, между прочимъ—также и офицерскій мундиръ какого-то армейскаго пѣхотнаго полка.

Ломакинъ, представивъ насъ другъ другу, разсказалъ мнѣ, что прапорщикъ (какого-то изъ кавказскихъ полковъ) Александръ Васильевичъ Лазаревъ когда-то былъ воспитанникомъ дворянскаго полка и принадлежалъ къ числу учениковъ его, Ломакина. Теперь же „храбрый воинъ“, по поводу „раненой въ локоть лѣвой руки“ [3]) получивъ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы

---

[1]) Отъ яйца, отъ самаго начала.

[2]) Было, вѣдь, часъ пополудни.

[3]) По этой причинѣ у каждой одежды г. Лазарева лѣвый рукавъ былъ разрѣзнымъ и завязывался на задней сторонѣ цѣлымъ рядомъ бантиковъ, причемъ, когда онъ выходилъ со двора, онъ нашивалъ лѣвую руку въ повязкѣ, изъ черной шелковой матеріи.

личнымъ ходатайствомъ ускорить „имѣющееся послѣдовать изъ комитета инвалидовъ обезпеченіе его будущности“, причемъ онъ надѣется на „обѣщанную“ ему поддержку со стороны вліятельнаго его „родственника“, извѣстнаго милліонера, камергера Лазарева [1]). Почтенный Александръ Васильевичъ же, почувствовавъ въ себѣ талантъ къ музыкальной композиціи, испробовалъ уже свои силы (какъ онъ намъ высказывалъ) на созданіи нѣсколькихъ романсовъ. Затѣмъ объяснилъ, что, буде удастся ему выхлопотать себѣ „пенсію“ (вмѣсто должности городничаго въ провинціи), то онъ намѣренъ поселиться въ Петербургѣ и „посвятить себя композиціи“.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Ломакина. Добродушнѣйшій Гавріилъ Іоакимовичъ, во время всего этого разговора, мнѣ показался столь довѣрявшимъ разсказамъ г. Лазарева и столь обрадуемымъ честію видѣть его у себя гостемъ, что и я невольно началъ вѣрить. Безсомнѣнно (думалъ я) Ломакинъ давнымъ давно уже и вѣрно очень близко знаетъ своего гостя и его музыкальныя способности. Затѣмъ сталъ я повнимательнѣе разглядывать самого г. прапорщика. Это былъ средняго роста, широкоплечій и коренастый парень, съ большой, шарообразной головой, покрытой матовыми, желтовато-рыжими, густыми и растрепанными волосами. Лобъ былъ широкій, но весьма низкій и морщинистый; носъ сидѣлъ, словно всунутый въ лице картофель, а скулы выдавались какъ у Калмыка. Главный же характеръ всей физіономіи сразу выказался въ маленькихъ глазахъ татарской формы, съ плутовато-дерзкимъ взглядомъ свѣтло-сѣрыхъ, стекловидныхъ зрачковъ, да въ большомъ ртѣ съ широкимъ, сильно развитымъ подбородкомъ. Предлинные ярко-рыжіе усы среди раздутаго и синевато-краснаго, много уже увядшаго лица служили дополненіемъ этого выраженія. Ломакинъ сказалъ мнѣ, что Лазареву всего 26 или 27 лѣтъ; но на видъ можно было дать ему и всѣ 35 лѣтъ. Помню очень хорошо, что, послѣ этого довольно тщательнаго осмотра Ломакинскаго гостя, вы-

---

[1]) Это былъ сынъ знаменитаго основателя Лазаревскаго института въ Москвѣ и честнаго соорудителя армянскихъ церквей въ нашихъ двухъ столицахъ.

сказываемыя первымъ дружба и довѣріе меня совершенно поставили въ тупикъ.

Этотъ загадочный субъектъ прожилъ у Ломакина болѣе мѣсяца, пока, наконецъ, онъ мнѣ не объявилъ, что ему „назначена пенсія“ и что, кромѣ того, его „родственникъ“-камергеръ ему станетъ выдавать „ежемѣсячную субсидію въ сто рублей“. И впрямъ, нашъ „инвалидъ“-прапорщикъ нанялъ шикарную квартиру на Владимірской улицѣ и началъ въ ней устраиваться, какъ говаривалъ онъ: „анъ-гранъ-сеньюръ!“

Въ это же самое время разбогатѣвшій сеньёръ Лазаревъ явился разъ и ко мнѣ съ предложеніемъ, чтобы я взялся обучать его композиціи и игрѣ на фортепіано, по три раза въ недѣлю, съ платою по 5 рублей за каждое мое посѣщеніе. Такъ какъ эта плата по тогдашнему времени была весьма удовлетворительная, то я, конечно, согласился, и тѣмъ болѣе, что мнѣ до Владимірской улицы приходилось вовсе не далеко путешествовать. По первомъ уже моемъ приходѣ къ новому моему ученику, мои сомнѣнія на счетъ состоянія умственныхъ его способностей невольно возобновились. Во-первыхъ озадачило меня, что въ комнатѣ, служившей вмѣстѣ и гостинной и кабинетомъ, я увидѣлъ флигель безъ ногъ на полу, а возлѣ его рабочаго, занятаго вызолачиваніемъ этихъ ногъ. Г. Лазаревъ объяснилъ мнѣ, что, такъ какъ, ради „аристократическаго шика“, онъ велѣлъ вызолотить рѣзныя украшенія во всей назначенной для этой комнаты остальной мебели (а мебель-то была довольно невзрачная, обыкновеннаго краснаго дерева и купленная въ гостинномъ дворѣ), то нашелъ онъ необходимымъ, дабы подъ стать ей вызолотить также всѣ рѣзныя украшенія у флигеля. Второе, что возродило мое недоумѣніе, было предложеніе почтеннѣйшаго Александра Васильевича, прежде чѣмъ начать настоящіе уроки, замѣнить ихъ занятіемъ *переложеніемъ* „сочиненныхъ имъ романсовъ“ *на ноты*, т.-е. онъ станетъ мнѣ „напѣвать“ свои мелодіи подъ аккомпаниментъ „гитары“, а я чтобы записывалъ ихъ со слуха, да присочинилъ бы соотвѣтствующее фортепіанное сопровожденіе. Отчасти изъ любопытства, отчасти же и по тому, что, въ сущности, оно, вѣдь, все равно, за какого рода подходящіе труды мнѣ получать вознагражденіе, я согласился. Но вышл что эти труды не совсѣмъ-то подходящіе, ибо почтеннѣйшій і

личнымъ ходатайствомъ ускорить „имѣющееся послѣдовать изъ комитета инвалидовъ обезпеченіе его будущности“, причемъ онъ надѣется на „обѣщанную“ ему поддержку со стороны вліятельнаго его „родственника“, извѣстнаго милліонера, камергера Лазарева [1]). Почтенный Александръ Васильевичъ же, почувствовавъ въ себѣ талантъ къ музыкальной композиціи, испробовалъ уже свои силы (какъ онъ намъ высказывалъ) на созданіи нѣсколькихъ романсовъ. Затѣмъ объяснилъ, что, буде удастся ему выхлопотать себѣ „пенсію“ (вмѣсто должности городничаго въ провинціи), то онъ намѣренъ поселиться въ Петербургѣ и „посвятить себя композиціи“.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Ломакина. Добродушнѣйшій Гавріилъ Іоакимовичъ, во время всего этого разговора, мнѣ показался столь довѣрявшимъ разсказамъ г. Лазарева и столь обрадуемымъ честію видѣть его у себя гостемъ, что и я невольно началъ вѣрить. Безсомнѣнно (думалъ я) Ломакинъ давнымъ давно уже и вѣрно очень близко знаетъ своего гостя и его музыкальныя способности. Затѣмъ сталъ я повнимательнѣе разглядывать самого г. прапорщика. Это былъ средняго роста, широкоплечій и коренастый парень, съ большой, шарообразной головой, покрытой матовыми, желтовато-рыжими, густыми и растрепанными волосами. Лобъ былъ широкій, но весьма низкій и морщинистый; носъ сидѣлъ, словно всунутый въ лице картофель, а скулы выдавались какъ у Калмыка. Главный же характеръ всей физіономіи сразу выказался въ маленькихъ глазахъ татарской формы, съ плутовато-дерзкимъ взглядомъ свѣтло-сѣрыхъ, стекловидныхъ зрачковъ, да въ большомъ ртѣ съ широкимъ, сильно развитымъ подбородкомъ. Предлинные ярко-рыжіе усы среди раздутаго и синевато-краснаго, много уже увядшаго лица служили дополненіемъ этого выраженія. Ломакинъ сказалъ мнѣ, что Лазареву всего 26 или 27 лѣтъ; но на видъ можно было дать ему и всѣ 35 лѣтъ. Помню очень хорошо, что, послѣ этого довольно тщательнаго осмотра Ломакинскаго гостя, вы-

---

[1]) Это былъ сынъ знаменитаго основателя Лазаревскаго института въ Москвѣ и честнаго соорудителя армянскихъ церквей въ нашихъ двухъ столицахъ.

сказываемыя первымъ дружба и довѣріе меня совершенно поставили въ тупикъ.

Этотъ загадочный субъектъ прожилъ у Ломакина болѣе мѣсяца, пока, наконецъ, онъ мнѣ не объявилъ, что ему „назначена пенсія" и что, кромѣ того, его „родственникъ"-камергеръ ему станетъ выдавать „ежемѣсячную субсидію въ сто рублей". И впрямъ, нашъ „инвалидъ"-прапорщикъ нанялъ шикарную квартиру на Владимірской улицѣ и началъ въ ней устраиваться, какъ говаривалъ онъ: „анъ-гранъ-сеньюръ!"

Въ это же самое время разбогатѣвшій сеньёръ Лазаревъ явился разъ и ко мнѣ съ предложеніемъ, чтобы я взялся обучать его композиціи и игрѣ на фортепіано, по три раза въ недѣлю, съ платою по 5 рублей за каждое мое посѣщеніе. Такъ какъ эта плата по тогдашнему времени была весьма удовлетворительная, то я, конечно, согласился, и тѣмъ болѣе, что мнѣ до Владимірской улицы приходилось вовсе не далеко путешествовать. По первомъ уже моемъ приходѣ къ новому моему ученику, мои сомнѣнія на счетъ состоянія умственныхъ его способностей невольно возобновились. Во-первыхъ озадачило меня, что въ комнатѣ, служившей вмѣстѣ и гостинной и кабинетомъ, я увидѣлъ флигель безъ ногъ на полу, а возлѣ его рабочаго, занятаго вызолачиваніемъ этихъ ногъ. Г. Лазаревъ объяснилъ мнѣ, что, такъ какъ, ради „аристократическаго шика", онъ велѣлъ вызолотить рѣзныя украшенія во всей назначенной для этой комнаты остальной мебели (а мебель-то была довольно невзрачная, обыкновеннаго краснаго дерева и купленная въ гостинномъ дворѣ), то нашелъ онъ необходимымъ, дабы подъ стать ей вызолотить также всѣ рѣзныя украшенія у флигеля. Второе, что возродило мое недоумѣніе, было предложеніе почтеннѣйшаго Александра Васильевича, прежде чѣмъ начать настоящіе уроки, замѣнить ихъ занятіемъ *переложеніемъ* „сочиненныхъ имъ романсовъ" *на ноты*, т.-е. онъ станетъ мнѣ „напѣвать" свои мелодіи подъ аккомпаниментъ „гитары", а я чтобы записывалъ ихъ со слуха, да присочинилъ бы соотвѣтствующее фортепіанное сопровожденіе. Отчасти изъ любопытства, отчасти же и по тому, что, въ сущности, оно, вѣдь, все равно, за какого рода подходящіе труды мнѣ получать вознагражденіе, я согласился. Но вышло, что эти труды не совсѣмъ-то подходящіе, ибо почтеннѣйшій маэ-

стро имѣлъ прескверный, сиплый голосишко и безпрестанно вралъ то въ мелодіи, то въ аккомпаниментѣ на гитарѣ; да и о тактѣ никакого понятія онъ не имѣлъ. Первый изъ „сочиненныхъ имъ“ (sic!) романсовъ въ письмѣ составилъ не болѣе двухъ страницъ, но стоилъ мнѣ полныхъ три часа непомѣрной возни съ безтолковымъ „композиторомъ“. Выдержалъ я, однако же, двѣ недѣли эту сущую каторгу; далѣе же не хватило болѣе моченьки моей. Я отказался письменно; причемъ, само собою разумѣется, просилъ объ уплатѣ слѣдующихъ мнѣ, за 6 посѣщеній, 30 рублей, но, конечно, ихъ не получилъ.

Увидѣвшись осенью съ Ломакинымъ, который на лѣто уѣхалъ съ своимъ графомъ, я разсказалъ ему про эту выходку его почтеннаго „друга“. Гавріилъ Іоакимовичъ разсмѣялся.

„Какой онъ мнѣ другъ!“—воскликнулъ онъ; „я, вѣдь, былъ имъ обманутъ не хуже вашего, дорогой Юрій Карловичъ!“ И тутъ-то онъ объяснилъ все дѣло. Наканунѣ того дня, какъ я впервые у него увидѣлъ синьора Лазарева, этотъ субъектъ, явившись къ нему и напомнивъ про то время, когда онъ, въ качествѣ кадета дворянскаго полка, учился у Ломакина (единственный правдивый фактъ изъ всѣхъ его розсказней), жаловался на постигшее его случайное, „безъ его вины“, злосчастье. Тутъ онъ и разсказалъ все то, что выше изложено было, да прибавилъ, что будто упомянутый каммергеръ и денегъ ему послалъ на пріѣздъ въ Петербургъ, да предложилъ жить у него до рѣшенія его дѣла въ инвалидномъ комитетѣ. Что вотъ, дескать, въ этой надеждѣ онъ и рискнулъ пріѣхать, но, къ несчастію, „родственникъ“ его уѣхалъ въ Москву, а хозяинъ постоялаго двора, гдѣ онъ остановился, его гонитъ съ квартиры. И вотъ, не имѣя здѣсь никакихъ знакомыхъ, онъ вспомнилъ про „обожаемаго“ Гавріила Іоакимовича и про безконечную его доброту. Подъ конецъ онъ горько разрыдался и просилъ, „ради Бога и всѣхъ Святыхъ“, пріютить его на „короткое“ хотя бы время, пока не возвратится его „родственникъ“. Ну, словомъ, субъектъ сумѣлъ растрогать Ломакина до того, что онъ изъ жалости и пріютилъ „несчастнаго“ у себя. Ломакинъ потомъ, но ужé поздно, раскусилъ, каковъ этотъ гусь; да и много стоило ему хлопотъ выжить его опять отъ себя. Что Лазаревъ къ нему, Ломакину, потомъ и глаза не показалъ, весьма понятно; а откуда Лазаревъ

добылъ денегъ для своихъ новыхъ затѣй, Гавріилу Іоакимовичу оставалось неизвѣстнымъ.

Въ томъ же, что ношеніе лѣвой руки въ перевязи, равно какъ и рукавъ съ бантиками, были только комедіею, это намъ стало безсомнѣннымъ; ибо, какъ Ломакинъ, такъ и я, не разъ могли убѣдиться въ томъ, что Лазаревъ совершенно свободно владѣлъ тою рукою, и даже всегда надѣвалъ платье, ни малѣйше не развязывая бантиковъ.

„Храбраго инвалида" во всю осень 1842-го года я болѣе не встрѣчалъ, и только случайно узналъ, что онъ долженъ былъ „выбраться" изъ „шикарной" своей квартиры и „проститься" съ своей позолоченной „аристократической" мебелью. Къ началу новаго 1843-го года я совсѣмъ было и забылъ, что существуетъ на свѣтѣ отставной прапорщикъ Лазаревъ. Вдругъ, въ одинъ Мартовскій день, въ 10-мъ ужѐ часу вечера, слышу: въѣзжаютъ къ намъ на дворъ дрожки, [1]) и вскорѣ затѣмъ раздался у насъ звонокъ. Немного погодя, вижу: въ комнату, гдѣ мы сидѣли за чаемъ, тяжело переваливаясь, входитъ самъ нашъ „инвалидъ", въ оборванномъ фракѣ, въ загрязненныхъ по колѣна панталонахъ и мокрыхъ сапогахъ, исхудалый, растрепанный.

„Голубчикъ-благодѣтель! добрѣйшій Юрій Карловичъ! Дайте, ради Бога, чего-нибудь поѣсть! Цѣлыхъ три дня ни крошки даже въ ротъ не попало!" закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, и, опустившись на стулъ, зарыдалъ, какъ малый ребенокъ. Мы съ женою перепугались, и поскорѣе подали ему чаю съ булками, да велѣли разогрѣть, что̀ осталось отъ обѣда. Вѣдь, это было впрямъ ужѐ не комедія; жалко очень что̀-то стало намъ этого человѣка. Между тѣмъ, кто-то опять у насъ позвонилъ: это былъ извощикъ. Хотѣлъ, было, несчастный голодалецъ изъ-за Екатерингофа пѣшкомъ до Грязной дойдти, да у Калинкина моста силы молодцу измѣнили; онъ и нанялъ ночнаго „ваньку". Я удовлетворилъ ваньку. Поправивъ свои силы, Лазаревъ повѣдалъ намъ про послѣднія свои похожденія, конечно, не безъ прибавки премногихъ прикрасъ; ибо этотъ субъектъ безъ того и сло́ва выговорить не могъ; слишкомъ, зна́ть, привыкъ ужѐ предъ самимъ собою завираться и похвастать. Суть дѣла состояла въ томъ, что онъ сво-

[1]) Въ тотъ годъ рано началась оттепель.

ею назойливостію надоѣдалъ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ что ему было воспрещено проживать въ Петербургѣ. Вслѣдствіе того помѣстился онъ за Нарвской заставой у какого-то огородника. Почему онъ не переселился куда-нибудь въ провинцію? и на какія средства онъ вообще существовалъ? чего онъ еще надѣялся въ самомъ Петербургѣ? это г. Лазаревъ почему-то скрывалъ; но разсказалъ только, что таки частенько приходилось ему страдать отъ голода и холода. Изъ всего, однако же, я убѣдился, что злосчастный Александръ Васильевичъ, въ сущности, отъ природы не глупъ, и не безъ добраго сердца, но, по неразвитости морали и ума, при непомѣрномъ матеріализмѣ и сильномъ самомнѣніи, сдѣлался мелкимъ плутомъ и маньякомъ. Вслѣдствіе того, онъ возбудилъ во мнѣ не исключительно одно только невольное отвращеніе, но также и столь же невольное сожалѣніе. Накормивъ до сыта, жена надѣлила его еще толикой частію съѣстныхъ припасовъ, а я далъ ему „на извощика" [1]). Въ теченіе послѣдующаго мѣсяца этотъ загадочный субъектъ раза два еще повторилъ свои вечерніе визиты, а затѣмъ снова пропалъ безъ вѣсти. Раннею весною 1847-го (кажется) года вдругъ видѣлъ я его опять раза два проѣзжавшимъ мимо меня въ барскомъ экипажѣ вмѣстѣ съ упомянутымъ ужѐ выше каммергеромъ Лазаревымъ, и оба раза горячо объясняющимъ что̀-то послѣднему при весьма оживленномъ размахиваніи рукъ. „Хе-хе-хе! (подумалъ я), успѣлъ же онъ, наконецъ, подцѣпить однофамильца-крёза!" Но въ существованіи какого-либо родства между этими двумя Лазаревыми все-таки я невольно сомнѣвался. Вскорѣ потомъ случилось мнѣ снова встрѣтить его шедшаго по набережной Мойки, въ концѣ Большой Морской. Онъ былъ одѣтъ въ пальто, изъ-за пазухи да изъ наружныхъ кармановъ котораго торчали толстыя тетради нотныхъ рукописей.

— „А, Юрій Карловичъ"!—остановилъ меня *герой-инвалидъ*,— „а я къ вамъ собираюсь".

— Очень жаль, что я воротиться не могу. Меня ожидаютъ по одному дѣлу.

— „Ну, и будете жалѣть! Я вотъ что̀ хотѣлъ вамъ показать".

---

[1]) Это было, однако же, не по скупости, а потому, что больше дать я находился не въ состояніи.

И онъ изъ-за пазухи вытащилъ огромнѣйшую тетрадь и раскрылъ ее предо мною. Это была какая-то партитура въ 36 нотныхъ строкъ, испещренныхъ едва разбираемыми нотными фигураціями.

— „Поглядите! вотъ музыка—такъ музыка! Чудо, да и только!"

— А что̀ же это именно?—спросилъ я, улыбнувшись; не выкопали ли вы гдѣ-нибудь какой-либо неизвѣстной еще партитуры Моцарта или Бетховена?

— „Что́ Моцартъ! Что́ Бетховенъ! Въ подметки не годятся! Другой геній возсталъ! Всѣ вы ему поклонитесь, господа! Теперь время настало и намъ! Лазареву, батенька, Лазареву вы поклонитесь!"—вскрикнулъ онъ патетически.

Словно огорошенный, подался я назадъ и взглянулъ на него: лицо „генія" показалось мнѣ еще краснѣе обыкновеннаго. Да, онъ пьянъ, либо рехнулся,— мелькнуло у меня въ головѣ;—пожалуй, еще и драку затѣетъ на улицѣ. И чтобы отдѣлаться, я сказалъ ему: А, въ самомъ дѣлѣ, жаль, что я теперь не свободенъ. Гдѣ вы живете, Александръ Васильевичъ? Я завтра пріѣду къ вамъ, подивиться на геніальную вашу партитуру.

Онъ въ восторгѣ такъ сильно пожалъ мнѣ руку, что я чуть не закричалъ, и назвалъ мнѣ какую-то гостинницу на самомъ концѣ Гончарной улицы; а я махнулъ извозчику, сѣлъ, да поскорѣе и удралъ отъ сумасшедшаго. Само собою, конечно, разумѣется, что я не отправился въ Гончарную улицу, да, слава Богу, и самъ „геніальный" Лазаревъ, видно, позабылъ про меня, не нарушилъ моего спокойствія своимъ появленіемъ. Увидѣвши чрезъ нѣкоторое время Ломакина, я ему разсказалъ про ту встрѣчу. Гавріилъ Іоакимовичъ разсмѣялся и повѣдалъ, что ему, напротивъ, не пришлось такъ дешево отдѣлаться; что, къ несчастію, Лазареву удалось застать Ломакина дома, и послѣдній съ женою должны были промучиться съ нимъ цѣлый вечеръ. Лазаревъ заставилъ ихъ не только разсмотрѣть такъ называемыя партитуры его такъ называемыхъ симфоній „Сотвореніе міра" и „Страшный судъ", но и выслушать нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, исполненныя на флигелѣ авторомъ, не имѣвшимъ никакого даже понятія о фортепіанной игрѣ. „У насъ съ женою,—прибавилъ Ломакинъ,— на другой день головы болѣли".

И опять исчезъ безслѣдно Лазаревъ; только разъ, не помню

нынѣ, кто-то на вечерѣ у Даргомыжскаго упомянулъ со смѣхомъ про „новаго композитора“ Лазарева, который будто сумѣлъ уломать своего „родственника“-богача на помогу ему крупною суммою, а затѣмъ полетѣлъ за-границу удивлять нѣмцевъ и французовъ своими „геніальными“ твореніями.

Не могу нынѣ положительно сказать, въ которомъ именно году, въ 1855-мъ или въ 1856-мъ ли, я, къ крайнему своему удивленію, прочелъ въ афишахъ извѣщеніе о концертѣ, даваемомъ въ залѣ дворянскаго собранія „извѣстнымъ русскимъ композиторомъ Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ“. Программа концерта состояла изъ трехъ сочиненій: „Сотвореніе міра“, „Боевая пѣснь черкесовъ“ (или что-то въ родѣ того) и „Страшный судъ“. Нѣсколько дней позже получилъ я конвертъ, въ которомъ оказались билетъ для входа на тотъ концертъ и визитная карточка концертанта: „*Mr. Alexandre de Lazareff, ami de Rossini*“. Таковые же конверты, какъ потомъ оказалось, были разосланы всѣмъ извѣстнымъ музыкальнымъ дѣятелямъ Петербурга, а мѣста-то были намъ назначены на трибунѣ, находящейся посреди зала противъ царской ложи. Настать день концерта, и мы, подстрекаемые величайшимъ любопытствомъ, явились всѣ съ рѣдкостной точностью. Были тутъ на трибунѣ и князь Одоевскій, и Толстой („Ростиславъ“), Даргомыжскій, Ломакинъ, и Сѣровъ, и др. Не видно было только гр. Віельгорскаго, который усѣлся на одной изъ заднихъ скамеекъ близъ входа въ залу, и Глинки, который въ то время былъ за-границею.

Дирижеромъ выступилъ самъ „геніальный“ композиторъ. Говорить о произведеніяхъ г. Лазарева я не стану; скажу только, что такой какофоніи—ей же, ей!—никогда ни прежде, ни послѣ въ этой залѣ не раздавалось. Удивленіе слушателей перешло въ полнѣйшее недоумѣніе, и, наконецъ, въ разнузданное веселье: смѣялись громко, и хлопали въ ладоши ради потѣхи; по окончаніи первой части даже вызывали Лазарева по нѣскольку разъ, но къ апплодисментамъ присоединялся откровенный хохотъ, а кое-гдѣ и шиканье. Мы съ трибуны всѣ пошли за оркестръ посмотрѣть на „amico di Rossini“, который, весь распотѣвшій отъ храбраго маханія палкою (къ несчастію, все время оказавшагося въ разладѣ съ оркестровымъ движеніемъ), не уставалъ являться на потѣшные вызовы развеселившейся публики. Всегда уже само по себѣ

красное лицо его сіяло пунцовымъ почти блескомъ, и внутреннее волненіе отъ воображаемаго торжества такъ сильно передергивало всѣ мускулы его, и безъ того некрасивой, физіономіи, что почти страшно даже было посмотрѣть на него. Нельзя было не признать въ немъ несчастнаго маньяка, и никто болѣе не сомнѣвался въ томъ. Но невольно насъ разсмѣшило, когда кн. Одоевскій, смотрѣвшій на неоднократно мимо пробѣгающаго Лазарева съ явнымъ безпокойствомъ, вдругъ спросилъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ: „А не дерется ли, не кусается ли онъ?“

Но этимъ забава далеко еще не кончилась. Время антракта истекло, члены оркестра снова усѣлись; надлежало приступить ко второй части. Публика не разошлась; ей, видимо, захотѣлось сполна натѣшиться за свои деньги. Выходитъ авторъ-дирижеръ, и его встрѣчаетъ гулъ аплодисмента, сливающагося съ хохотомъ и съ шиканьемъ. Храбрый нашъ „инвалидъ“ (лѣвый рукавъ былъ, вѣдь, украшенъ извѣстными бантиками), внимая единственно только первому, гордо раскланивается и подаетъ знакъ оркестру. Но едва грянули музыканты дружною какофоніею, какъ въ переднемъ углу трибуны выростаетъ на стулѣ небольшая, плотная фигура въ сѣромъ сюртукѣ, съ длинными и густыми сѣро-желтоватыми волосами, и раздаются на всю залу зычнымъ голосомъ брошенныя слова:

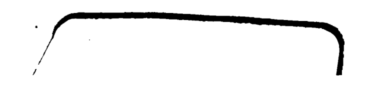
„Срамъ и стыдъ! Долой Лазарева! Пора окончить недостойную эту комедію!“

Это раздался голосъ Александра Николаевича Сѣрова, ибо фигура, столь неожиданно возвысившаяся надъ трибуною концертной залы, была фигура пресловутаго революціоннаго трибуна петербургской музыкальной критики. Публика пришла въ смятеніе; оркестръ разомъ смолкнулъ; авторъ-дирижеръ остолбенѣлъ, но только на одинъ мигъ. Лазаревъ тотчасъ узналъ своего противника, разсвирѣпѣлъ и потокъ самыхъ крѣпкихъ бранныхъ рѣчей излился изъ посинѣвшихъ его устъ на трибуннаго спикера. Сѣровъ не отступилъ, а надавалъ сдачу. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: поднялся гамъ и крикъ, раздались хохотъ, аплодисменты, постукиваніе каблуками и палками, шиканье и свистки. Оркестровые же музыканты, увлекаясь общимъ скандаломъ, начали каждый отдѣльно на своемъ инструментѣ и по своей фантазіи, производить отчаянное шаривари. Наконецъ,

нынѣ, кто-то на вечерѣ у Даргомыжскаго упомянулъ со смѣхомъ про „новаго композитора“ Лазарева, который будто сумѣлъ уломать своего „родственника“-богача на помогу ему крупною суммою, а затѣмъ полетѣлъ за-границу удивлять нѣмцевъ и французовъ своими „геніальными“ твореніями.

Не могу нынѣ положительно сказать, въ которомъ именно году, въ 1855-мъ или въ 1856-мъ ли, я, къ крайнему своему удивленію, прочелъ въ афишахъ извѣщеніе о концертѣ, даваемомъ въ залѣ дворянскаго собранія „извѣстнымъ русскимъ композиторомъ Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ“. Программа концерта состояла изъ трехъ сочиненій: „Сотвореніе міра“, „Боевая пѣснь черкесовъ“ (или что-то въ родѣ того) и „Страшный судъ“. Нѣсколько дней позже получилъ я конвертъ, въ которомъ оказались билетъ для входа на тотъ концертъ и визитная карточка концертанта: „*Mr. Alexandre de Lazareff, ami de Rossini*“. Таковые же конверты, какъ потомъ оказалось, были разосланы всѣмъ извѣстнымъ музыкальнымъ дѣятелямъ Петербурга, а мѣста-то были намъ назначены на трибунѣ, находящейся посреди зала противъ царской ложи. Насталъ день концерта, и мы, подстрекаемые величайшимъ любопытствомъ, явились всѣ съ рѣдкостной точностью. Были тутъ на трибунѣ и князь Одоевскій, и Толстой („Ростиславъ“), Даргомыжскій, Ломакинъ, и Сѣровъ, и др. Не видно было только гр. Віельгорскаго, который усѣлся на одной изъ заднихъ скамеекъ близъ входа въ залу, и Глинки, который въ то время былъ за-границею.

Дирижеромъ выступилъ самъ „геніальный“ композиторъ. Говорить о произведеніяхъ г. Лазарева я не стану; скажу только, что такой какофоніи—ей же, ей!—никогда ни прежде, ни послѣ въ этой залѣ не раздавалось. Удивленіе слушателей перешло въ полнѣйшее недоумѣніе, и, наконецъ, въ разнузданное веселье: смѣялись громко, и хлопали въ ладоши ради потѣхи; по окончаніи первой части даже вызывали Лазарева по нѣскольку разъ, но къ апплодисментамъ присоединялся откровенный хохотъ, а кое-гдѣ и шиканье. Мы съ трибуны всѣ пошли за оркестръ посмотрѣть на „amico di Rossini“, который, весь распотѣвшій отъ храбраго маханія палкою (къ несчастію, все время оказавшагося въ разладѣ съ оркестровымъ движеніемъ), не уставалъ являться на потѣшные вызовы развеселившейся публики. Всегда уже само по себѣ

красное лицо его сіяло пунцовымъ почти блескомъ, и внутреннее волненіе отъ воображаемаго торжества такъ сильно передергивало всѣ мускулы его, и безъ того некрасивой, физіономіи, что почти страшно даже было посмотрѣть на него. Нельзя было не признать въ немъ несчастнаго маньяка, и никто болѣе не сомнѣвался въ томъ. Но невольно насъ разсмѣшило, когда кн. Одоевскій, смотрѣвшій на неоднократно мимо пробѣгающаго Лазарева съ явнымъ безпокойствомъ, вдругъ спросилъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ: „А не дерется ли, не кусается ли онъ?“

Но этимъ забава далеко еще не кончилась. Время антракта истекло, члены оркестра снова усѣлись; надлежало приступить ко второй части. Публика не разошлась; ей, видимо, захотѣлось сполна натѣшиться за свои деньги. Выходитъ авторъ-дирижеръ, и его встрѣчаетъ гулъ аплодисмента, сливающагося съ хохотомъ и съ шиканьемъ. Храбрый нашъ „инвалидъ“ (лѣвый рукавъ былъ, вѣдь, украшенъ извѣстными бантиками), внимая единственно только первому, гордо раскланивается и подаетъ знакъ оркестру. Но едва грянули музыканты дружною какофоніею, какъ въ переднемъ углу трибуны выростаетъ на стулѣ небольшая, плотная фигура въ сѣромъ сюртукѣ, съ длинными и густыми сѣро-желтоватыми волосами, и раздаются на всю залу зычнымъ голосомъ брошенныя слова:

„Срамъ и стыдъ! Долой Лазарева! Пора окончить недостойную эту комедію!“

Это раздался голосъ Александра Николаевича Сѣрова, ибо фигура, столь неожиданно возвысившаяся надъ трибуною концертной залы, была фигура пресловутаго революціоннаго трибуна петербургской музыкальной критики. Публика пришла въ смятеніе; оркестръ разомъ смолкнулъ; авторъ-дирижеръ остолбенѣлъ, но только на одинъ мигъ. Лазаревъ тотчасъ узналъ своего противника, разсвирѣпѣлъ и потокъ самыхъ крѣпкихъ бранныхъ рѣчей излился изъ посинѣвшихъ его устъ на трибуннаго спикера. Сѣровъ не отступилъ, а надавалъ сдачу. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: поднялся гамъ и крикъ, раздались хохотъ, аплодисменты, постукиваніе каблуками и палками, шиканье и свистки. Оркестровые же музыканты, увлекаясь общимъ скандаломъ, начали каждый отдѣльно на своемъ инструментѣ и по своей фантазіи, производить отчаянное шаривари. Наконецъ,

Лазаревъ, задыхаясь отъ злости, швырнулъ толстой дирижерской палкою въ Сѣрова, а тотъ въ него подушкой отъ стула. Дамы и бо́льшая часть порядочныхъ людей изъ публики съ самаго возникновенія скандала оставили залу; другіе же, изъ любопытства оставшіеся, ретировались за колонны. Трибуну не оставлялъ одинъ только Сѣровъ, продолжавшій возбуждать публику противъ маньяка Лазарева. Охотники до дикихъ скандаловъ, какихъ всегда и вездѣ находится порядочно въ нашей публикѣ, пристали къ партіи Сѣрова и осыпали Лазарева ругательствами, а тотъ, отвѣчая тѣмъ же, началъ швырять въ нихъ пюпитрами. Тутъ-то музыканты поскорѣе убѣжали. Противники же Лазарева стали въ него бросать не только въ возвратъ брошенными имъ пюпитрами, но и схватили стулья да двинулись съ крикомъ къ эстрадѣ, съ видимымъ намѣреніемъ исколотить его. И Богъ вѣсть, чѣмъ бы дѣло кончилось, если бы не появилась команда жандармовъ, которая арестовала Лазарева, Сѣрова и еще пять-шесть человѣкъ изъ самыхъ ярыхъ крикуновъ. Позже я слышалъ, что всѣхъ ихъ продержали большее или меньшее время на гауптвахтѣ, а Лазареву, кромѣ того, приказано было отправиться въ отдаленныя губерніи.

О музыкальныхъ продѣлкахъ почтеннѣйшаго г. Лазарева заграницею впервые услышалъ я въ концѣ 1863-го года, въ Лейпцигѣ, когда я довольно уже близко сошелся съ д-ромъ Францомъ Бренделемъ [1]). Разговорившись разъ о тѣхъ, чрезвычайно немногихъ, русскихъ музыкальныхъ дѣятеляхъ, которые посѣтили Германію, мы вспоминали о Глинкѣ и кн. Юріи Николаевичѣ Голицынѣ. Про перваго онъ много слышалъ отъ Лисста и былъ весьма высокаго мнѣнія о немъ, а потому онъ очень обрадовался, что чрезъ меня могъ познакомиться съ клавираузцугами главнѣйшихъ произведеній Глинки: „Жизнь за царя“, „Русланъ и Людмила“ и „Князь Холмскій“, да получить достовѣрныя, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности и значеніи его для русской музыки. Князя Голицына же Брендель лично знавалъ и слышалъ знаменитый его хоръ пѣвчихъ въ Дрезденѣ. Затѣмъ,

[1]) Д-ръ Брендель былъ преемникомъ Роберта Шумана по изданію и редакторству лучшаго изъ спеціально-музыкальныхъ германскихъ журналовъ и одинъ изъ ближайшихъ друзей Лисста.

съ добродушно-лукавымъ смѣхомъ онъ прибавилъ, что имѣлъ „удовольствіе“ видѣть у себя еще одного „знаменитаго“ русскаго композитора, да, улыбнувшись, предложилъ угадать: кого именно? Я отвѣтилъ, что изъ нашего музыкальнаго круга вообще заграницу ѣзжали только графъ Віельгорскій, князь Одоевскій, Львовъ, Толстой и Сѣровъ; но что, вѣдь, изъ этихъ пяти русскихъ музыкальныхъ дѣятелей одинъ лишь послѣдній дѣйствительно (какъ самъ онъ мнѣ говорилъ) въ 1857 году имѣлъ честь познакомиться съ нимъ (Бренделемъ); въ то самое время, однако же, Сѣровъ композиторомъ вовсе еще не выступалъ. А потому (сказалъ я) и трудно угадать, о комъ это Брендель могъ бы разумѣть подъ названіемъ „знаменитаго“ русскаго композитора.

Получивъ такой отвѣтъ, Брендель только пуще того лукаво захихикалъ и, доставъ изъ столоваго ящика альбомъ съ массою визитныхъ карточекъ, наклеенныхъ на его страницахъ, указалъ мнѣ на одну изъ нихъ; я и прочелъ: „Le chévalier Alexandre de Lazareff, compositeur russe, amico di Rossini“.

— Такъ неужели же правда, что этотъ субъектъ дѣйствительно былъ за-границею?—воскликнулъ я невольно; столь сильно поразило меня это открытіе.

Тутъ-то Брендель и разсказалъ мнѣ, что этотъ маньякъ устраивалъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ концерты изъ своихъ (вышеупомянутыхъ) сочиненій, и, конечно, съ полнѣйшимъ фіаско: часть публики и тутъ, еще до окончанія перваго нумера, громко вознегодовала и демонстративно выходила изъ залы; но нѣкоторая часть слушателей безъ церемоній хохотала отъ всей души. Въ Дрезденѣ, впрочемъ, дальнѣйшаго скандала не случилось, такъ какъ Лазаревъ сполна уплатилъ оркестру условную сумму. Но въ Берлинѣ (какъ Брендель слышалъ отъ очевидцевъ) послѣ концерта, недоконченнаго ради ухода изъ залы вообще малочисленной публики, воспослѣдовалъ трагикомическій эпизодъ: будучи далеко не вполнѣ удовлетворены слѣдуемой имъ уплатою, гг. музыканты порядкомъ-таки поколотили несчастнаго композитора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Брендель объяснилъ мнѣ также комическое значеніе загадочной надписи: „amico di Rossini“ на билетахъ „Chévalier *de* Lazareff“, какъ оно въ свое время ему сообщено было Парижскимъ его корреспондентомъ. Обычной своею нагло-

4*

стію Лазаревъ добился-таки до того, что Россини его принялъ. Это было какъ-разъ предъ самымъ временемъ завтрака, и маститый маэстро, извѣстный шутникъ, былъ въ тотъ день въ особенно веселомъ расположеніи. Увидѣвъ предъ собою смѣшную физіономію Лазарева и услышавъ ломанные его комплименты на жесточайшемъ жаргонѣ (смѣси разныхъ языковъ, съ варварскимъ выговоромъ), онъ нашелъ его столь забавнымъ, что пожелалъ потѣшить имъ также и жену и интимныхъ друзей своихъ. Вотъ и потащилъ онъ этого курьезнаго клоуна съ собою въ свою столовую и представилъ „l'illustrissimo compositore russo, cavaliere di Lazareff". За завтракомъ же Россини безпрестанно заставлялъ маньяка все болтать да болтать на своемъ уродливѣйшемъ жаргонѣ, чтó, конечно, чрезвычайно забавляло всѣхъ; вполнѣ же понимать то, что собственно болталъ этотъ странный субъектъ, ни Россини, ни его жена, ни гости ихъ, вѣроятно, не могли понимать; но именно оттого-то они поневолѣ и должны были еще болѣе хохотать. Послѣ столь веселаго завтрака, само собою разумѣется, старикъ Россини почувствовалъ себя въ лучшемъ еще расположеніи духа. Такъ и неудивительно, что знаменитый маэстро не отказалъ развеселившему его маньяку, когда этотъ плутъ настоятельно сталъ выпрашивать у него фотографію съ надписью. И вотъ какъ случилось, что маститый маэстро, столько же, видимо, ради шутки, сколько же и ради вознагражденія за доставленное ему веселое развлеченіе, надписалъ: „Giacchino Rossini al suo buon amico". Лазаревъ съ особеннымъ тщеславіемъ показалъ Бренделю эту фотографію.

Въ послѣдній же разъ видѣлъ я синьора Лазарева въ Москвѣ въ 1871-мъ ужè году. Я занималъ тогда небольшое отдѣленіе въ меблированныхъ комнатахъ Руднева, въ домѣ Голяшкина, на Тверской улицѣ. Разъ вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда мы съ пріемной моею дочерью только-что сѣли въ гостинной за чайный столъ, служанка докладываетъ, что меня спрашиваетъ какой-то „чуднóй" господинъ. Я велѣлъ просить. Входитъ фигура, нѣсколько сгорбленная, но широкая въ плечахъ и съ непомѣрно большой, круглой, какъ шаръ, головою. Подъ рѣденькими, но длинными и разстрёпанными, рыжеватыми съ примѣсью сѣдины волосами выставляется широкая киргизская рожа съ нахальнымъ взглядомъ въ опухшихъ глазахъ, съ вялыми, раз-

дутыми темно-красными щеками и толстымъ синеватымъ носомъ, подъ которыми вытягиваются длинные ярко-рыжіе усы. Одѣта же эта фигура была въ обношенный суконный бекешъ, обложенный мерлушками.

— „Ну, отъискалъ же я васъ таки, наконецъ, многоуважаемый маэстро!“ заговорилъ „чуднóй“ посѣтитель.

— Съ кѣмъ же я имѣю честь...? спрашиваю я въ недоумѣніи.

Гость въ бекешѣ хохочетъ, моргая глазами и усами.

— „Неужели не узнаете? А, кажется, усы мои молодецкіе вѣдь не измѣнились“.

Я всматриваюсь; вдругъ вспомнилъ и спрашиваю: буде не ошибаюсь, вы—г. Лазаревъ?

— „Я-съ!—Какъ и есть Лазаревъ!—Александръ Васильевичъ, къ вашимъ услугамъ-съ! (Съ этими словами, не дожидаясь моего приглашенія, онъ прямо садится на диванъ. А дочь моя съ удивленіемъ глядитъ то на меня, то на него).

— „Давненько же таки мы съ вами не видались! (продолжалъ amico di Rossini). А есть, кажется, чтò поразсказать. Да что же вы, многопочтенный маэстро, изволите сами-то все стоять? Посидимьте-ка вмѣстѣ маленько, покалякаемъ-съ“!

Озадаченный неожиданностію этого посѣщенія, я пропустилъ удобную минуту, когда еще возможно было показать нахалу дверь; теперь (я зналъ, вѣдь, это по опыту) на сей вечеръ отъ него не отдѣлаешься безъ скандала. Пришлось терпѣть: я и сѣлъ на стулъ у чайнаго стола противъ дочери, и обратился къ посѣтителю:

— Вы нынѣ въ Москвѣ проживаете?

— „Недавно пріѣхалъ. — А позвольте спросить, многоуважаемый маэстро, кто молодая это особа“?

— Дочь моя.

Лазаревъ привсталъ и отвѣсилъ поклонъ. „Позвольте рекомендоваться, Мадмуазель! Старый пріятель вашего папаши, поручикъ Лазаревъ, также композиторъ, да и путешественникъ. А не будете ли такъ милостивы, Мадмуазель, угостить меня чайкомъ изъ вашихъ прекрасныхъ рукъ“.

Дочь подала ему стаканъ чаю и поставила корзинку съ булками на столъ предъ диваномъ.

И началъ онъ разсказывать, что въ послѣдніе годы онъ много путешествовалъ: посѣтилъ Іерусалимъ, помолился на гробѣ Господнемъ; бывалъ и на Синаѣ въ монастырѣ, и въ Каирѣ, и даже у Абиссинскаго владыки; [1]) а на возвратномъ пути—на горѣ Аѳонѣ; да потомъ исходилъ весь Балканскій полуостровъ, и не малое-то время живалъ среди тамошнихъ Славянъ. „Эти братья наши по племени—славный и храбрый народъ, и все, въ надеждѣ на великодушную Россію, думаютъ только объ освобожденіи отъ Туречины".—„Да, вотъ увидите вскорѣ,—всѣ тамъ подымутся,— и я самъ также туда отправлюсь. Тамъ ждутъ меня!"

И въ этомъ родѣ-то пошелъ да пошелъ онъ фантазировать. „Мнѣ тамъ, видите, предстоитъ будущность, — великая будущность!", говорилъ Лазаревъ. Точно далъ онъ тѣмъ понять, что Балканскіе Славяне будто его себѣ прочатъ въ цари; а затѣмъ объявилъ, что его вскорѣ потребуютъ въ Петербургъ, и что его ожидаетъ какая-то высокопоставленная невѣста и т. д., и т. д. И вдругъ прервалъ онъ свои сказочныя фантазіи вопросомъ:

— „А кажется, многопочтенный маэстро, вы прежде имѣли обыкновеніе ужинать?"

Я отвѣтилъ, что мы не имѣемъ этой привычки; но, (спросилъ я)—вы, можетъ быть, не обѣдали еще? Такъ я прикажу вамъ подать.

— „Обѣдать-то, я, конечно, обѣдалъ," возразилъ будущій Балканскій царь, — „но поужинать, пожалуй, не прочь. Только нельзя ли чего нибудь-постнаго: я строгій христіанинъ".

Я позвонилъ корридорному.

Строгій христіанинъ безцеремонно самъ адресовался къ явившемуся слугѣ: „Нельзя ли, голубчикъ, порцію принести постной солянки изъ рыбы, да порцію постнаго винегрету"?

(Дочь и я переглянулись и невольно улыбнулись).

Корридорный чрезъ полчаса пришелъ накрывать столъ и затѣмъ принесъ заказанное. Царь Балканіи, удовлетворяя потребностямъ своего желудка, продолжалъ все-таки далѣе еще фантазировать, и по милостивости своей обѣщалъ въ скоромъ будущемъ, какъ только онъ займетъ предназначенный ему судьбою тронъ, пригласить насъ къ учреждаемой имъ оперѣ: меня

[1]) Абиссинское слово „Негушъ" означаетъ: „монарха-святителя".

капельмейстеромъ, а дочь примадонною. Когда же его будущее величество изволило покончить ужиномъ, то оно благоволило благосклонно распрощаться съ нами и исчезло.

Всей корридорной прислугѣ затѣмъ отъ меня строжайше было наказано впредь не пускать къ намъ только-что ушедшаго индивидуума. Жаль было, правда, несчастнаго, но съ другой же стороны, я считалъ себя въ правѣ еще болѣе жалѣть себя самого.

XI.

Случайныя встрѣчи съ другими еще дѣятелями по разнымъ отраслямъ музыкальнаго искусства.—Иностранные концертанты и концертантки.—Замѣчательные солисты оркестровъ при Императорскихъ театрахъ.—Нѣмецкая опера.—Музыкальные хоры и генералъ-директоры музыки гвардейскаго корпуса. — Нѣкоторые выдающіеся изъ любителей знатоки музыки и виртуозы 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Желая изображать вообще музыкальную жизнь Петербурга сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, я думаю, что нельзя мнѣ умалчивать и про таковыхъ дѣятелей, съ которыми я лишь случайно, такъ сказать мимоходомъ, только встрѣчался. Не всякая изъ этихъ артистическихъ личностей, конечно, могла дѣйствительно считаться звѣздою первой величины; но у всякой изъ нихъ все-таки, безсомнѣнно, было нѣчто своеобразное, индивидуальное, былъ свой собственный, личный взглядъ на искусство, и я оказался бы крайне неблагодарнымъ и несправедливымъ, коли не признавалъ бы, что каждой изъ этихъ случайныхъ встрѣчъ я болѣе или менѣе обязанъ тѣмъ, что сколько-нибудь да сталъ я, кажется, не совсѣмъ-то стѣсненно и односторонне глядѣть на музыкальное искусство. Изъ нѣкоторыхъ отрывковъ перваго выпуска предлежащихъ воспоминаній благосклонному читателю, конечно, уже стало яснымъ, что по стеченію обстоятельствъ, мое, болѣе случайное, чѣмъ по систематически предначерченному плану веденное, музыкальное развитіе, согласно съ духомъ тогдашняго времени, хотя и было направлено къ классисизму по стопамъ Вѣнской школы, но съ другой же стороны непремѣнно должно было нѣсколько заражаться всеобщимъ тогда преклоненіемъ предъ все съ большимъ да большимъ блескомъ

выступавшей виртуозностью. Съ этой точки воззрѣнія-то слушалъ и воспринималъ я въ себя игру иностранныхъ виртуозовъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ въ концѣ 30-тыхъ годовъ, и тѣмъ болѣе, что, чувствуя неопредѣленность еще собственныхъ своихъ сужденій, я тогда не дерзалъ имъ вполнѣ довѣряться, а того менѣе высказывать ихъ. Единственно лишь инстинктивно я по временамъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ явленіями по части фортепіанной игры, потому что во мнѣ еще остались слишкомъ живыми глубокія впечатлѣнія отъ исполненія такихъ маэстро классической школы, какъ *Джонъ Фильдъ* и *Шарль Майеръ* [1]).

Въ 1836-мъ (кажется) году слышалъ я скрипача *Жозефа Артô*, віолончелиста *Франсоа Сервэ*, фортепіаниста *Рудольфа фонъ-Вильмерсъ*, кларнетиста *Блезъ* и волторниста *Вивье*. Первый изъ названныхъ, родной дядя знаменитой пѣвицы Дезирэ Арто, былъ ученикъ славнаго въ свое время скрипичнаго виртуоза Шарля де-Берріо. Игра его отзывалась этой школой, т.-е. отличалась необыкновенной чистотой, отчетливостью и легкостью, но сочнаго, широко-грандіознаго штриха (насколько я помню) у него не было. Самъ по себѣ г. Арто былъ очень милый молодой человѣкъ лѣтъ 23-хъ или 24-хъ, съ хорошими манерами, острякъ и веселый, весьма пріятный товарищъ въ кругу образованной молодежи. Собою онъ представлялъ элегантную фигуру небольшого роста; онъ былъ брюнетъ, и матовая блѣдность его лица придавала ему интересъ въ глазахъ дамъ, склонныхъ къ романтизму. Онъ умеръ весьма молодымъ еще въ 1845-мъ году. Совсѣмъ другимъ показался мнѣ Сервэ, который, безспорно, былъ самостоятельнымъ артистомъ; кромѣ неимовѣрной техники, игра его отличалась въ особенности сочной пѣвучестью и рѣдкой, словно магически дѣйствовавшей мягкостью звуковъ. Пониманіе (Auffassung) и исполненіе имъ сочиненій были глубоко прочувствованныя, образцовыя, поистинѣ художественныя. Помню я еще изъ 30-тыхъ годовъ пріѣздъ *Оле-Булля*, знаменитаго скрипача. Индивидуальность его игры преимущественно состояла въ многоголосномъ исполненіи, т.-е. онъ игралъ разомъ нѣсколько самостоятельныхъ партій. Въ сущности же выказалась у него

---

[1]) См. о концертахъ Леопольда ф.-Мейеръ выпускъ II, стр. 120.

наклонность къ эффектамъ, тонъ же его былъ полнозвучный и могучій.

Въ тѣ же года услышалъ я также замѣчательнаго валторниста Вивье (Viviers), который поражалъ слушателей въ особенности тѣмъ, что производилъ онъ надъ выдерживаемой нижней нотою еще верхнія мелодіи. Но, наконецъ, открыли мы этотъ секретъ: выходило, что г. Вивье приноровился, надъ выдерживаемымъ, дѣйствительно роговымъ звукомъ, *пѣть* слышимыя верхнія мелодіи. Это былъ, конечно, эффектный кунштюкъ, который не всякому удастся.

Въ 1841-мъ году встрѣчалъ я у Алексѣя Ѳеодоровича Львова на квартетныхъ вечерахъ, знаменитаго въ свое время, баварскаго скрипача и композитора *Вильгельма Мòликъ* (Molique). Это былъ солидный художникъ, чрезвычайно сильный въ квартетной игрѣ. На тѣхъ же вечерахъ случилось мнѣ разъ увидѣть и услышать также *Роберта Шумана* и его жену *Клару* (рожденную Викъ), которые, кажется, дали также одинъ публичный концертъ. Шуманъ поразилъ меня своимъ почти угрюмымъ молчаніемъ; за него говорила большею частью жена. Самъ же онъ сидѣлъ съ серьезнымъ лицомъ въ углу, держа губы какъ бы посвистывая и весь погруженный въ слушаніе. Этотъ вечеръ вообще былъ очень замѣчательный. Исполнялись октетъ Мендельсона и квинтетъ Шумана. Въ послѣднемъ играла фортепіанную партію г-жа Шуманъ, а въ партіяхъ смычковыхъ въ обѣихъ пьесахъ участвовали самъ Львовъ, Моликъ, Мауреры отецъ и сынъ, Кнехтъ, графъ Матв. Юр. Віельгорскій и др. Г-жа Клара Шуманъ, повидимому, охотно говорила и даже по-французски; но на послѣднемъ языкѣ она объяснялась слишкомъ уже тевтонскими оборотами и ужаснымъ выговоромъ.

Около того же времени (можетъ быть и раньше) пріѣхалъ въ Петербургъ кларнетистъ *Блезъ*, въ полномъ смыслѣ виртуозъ на своемъ инструментѣ, выказывавшій необыкновенную силу и бравурность въ игрѣ; но въ то же время владѣлъ онъ и замѣчательнымъ piano. Не могу я однако же умалчивать, что въ отношеніи этого piano, онъ доходилъ иногда до эксцентричности (чтобы выразиться помягче), такъ какъ не разъ приходилось мнѣ замѣчать, что, дошедши до крайняго уже pianissimo, онъ продолжалъ держать инструментъ у рта и надувать щеки какъ бы онъ дулъ

въ кларнетъ; между тѣмъ, какъ въ сущности онъ совсѣмъ уже пересталъ издавать звуки. Этимъ пріемомъ онъ заставлялъ диллетантовъ и диллетантокъ думать, будто его pianissimo еще продолжается, вслѣдствіе чего тѣ любители, и въ особенности любительницы, приходили обыкновенно въ неописуемое восхищеніе отъ воображаемаго ими себѣ „необычайнаго“ pianissimo вовсе несуществующихъ звуковъ, что и выражали всегда тихими вздохами и охами, да восторженнымъ шепотомъ: „délicieux! charmant! céleste!“

Съ начала 40-выхъ годовъ музыка вообще приняла другой характеръ и вообще даже другія формы. Перерожденіе это имѣло свое начало съ появленіи *Франца Листа*. Такъ какъ я намѣренъ поговорить о Листѣ въ особой главѣ, то я разскажу тутъ пока о другихъ музыкальныхъ артистахъ, которые въ эти же годы посѣщали нашъ Петербургъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о струнномъ квартетѣ *братьевъ Мюллеръ*, которые явились въ Петербургъ въ 1845-мъ году [1]). Это были превосходные не только артисты, но и дѣйствительные художники; игра ихъ отличалась не столько бравурной техникой, сколько чистотою, дружнымъ, обдуманнымъ ансамблемъ и теплотою выраженія. Меня, впрочемъ, этотъ квартетъ, хотя и приводилъ въ восхищеніе, но не удивлялъ, потому что я бывалъ въ то время всегдашнимъ посѣтителемъ домашнихъ квартетовъ у Алексѣя Ѳеодоровича Львова, о которыхъ я стану разсказывать въ слѣдующей главѣ.

Въ томъ же году пріѣхала молодая піанистка *Софья Бореръ*, вполнѣ высокоталантливая артистка. Бравурность ея техники, мощный тонъ ея аншлага и огненная выразительность ея игры заслужили ей вездѣ названіе женскаго Листа. Изъ пьесъ, ею производимыхъ, поразила меня (какъ я очень живо помню) прелестнѣйшая передача Мендельсоновской „Весенней пѣсни“ (безъ словъ). Болѣе красиваго исполненія этой пьесы я и позже никогда не слыхалъ. Съ нею вмѣстѣ пріѣхалъ дядя ея, *Максъ Бореръ*, очень хорошій, хотя и не перваго класса, віолончелистъ.

---

1) Для различія отъ позднѣе явившагося квартета также братьевъ Мюллеръ, сыновей старшаго изъ упомянутаго выше квартета, Карла Мюллера, первый называется обыкновенно „старшіе Мюллеръ“.

На той же недѣлѣ услышалъ я также „знаменитаго" фортепіаниста *Юлія Шульгофъ*. Откровенно сказать: несмотря на его изумительную бравурность, онъ не очень-то мнѣ понравился. Его шикарные эффекты не только не восхищали меня, но даже надоѣдали мнѣ; приторная же, слащавая его мазурка и подобныя тому другія его произведенія стоятъ не выше салоннаго диллетантизма. Ему подъ стать, считаю я, также пресловутаго въ свое время піаниста *Сеймуръ-Шиффъ*. Помню я довольно комическую выходку его въ одномъ концертѣ, въ которомъ онъ, взявшись импровизировать на заданные мотивы, просилъ присутствующихъ избрать какую-нибудь тему. Полковникъ Н. С. Мартыновъ (о которомъ сейчасъ ниже будетъ рѣчь) предложилъ имя любимицы тогдашнихъ посѣтителей французскаго театра, шикарной артистки Миля. Г. Сеймуръ-Шиффъ отвѣтилъ: „Mi-la, c'est la même chose, qui La-mi". Вслѣдствіе того онъ началъ импровизировать на мотивъ начальной аріи Лепорелло изъ „Донъ-Жуана" „Notto e giorno fatticar". Мы со старикомъ Улыбышевымъ, который также тутъ же присутствовалъ, и съ Мартыновымъ переглянулись и улыбнулись. Самая же импровизація, конечно, была весьма обыкновенная, рутинная.

За то восхищался я въ 50-хъ годахъ умною и характерною игрою піаниста *Мортье де-Фонтэнъ*, сына знаменитаго Наполеоновскаго маршала Мортье отъ брака (или просто любовной связи) съ одной (какъ разсказывали) весьма красивой Полькой Волынской губерніи. Это былъ дѣйствительный художникъ классической школы, солидно и прекрасно передававшій сочиненія старой Вѣнской фортепіанной школы. Къ несчастію, онъ имѣлъ одну слабость: любилъ выпивать; и эта несчастная страсть помѣшала ему дойти до заслуженной всемірной извѣстности. Онъ пережилъ свою кратковременную славу и умеръ, какъ я слышалъ, за-границей, въ крайней нищетѣ. Сердечно жалѣю объ этомъ, потому что Мортье былъ многосторонне образованнымъ художникомъ.

Въ 56-мъ году (кажется) давало концерты въ Петербургѣ семейство *Неруда*, состоящее изъ двухъ сестеръ и брата. Изъ нихъ вниманія, и къ тому же не малаго вниманія заслуживала старшая сестра, всемірно-извѣстная скрипачка *Вильма* (Вильгельмина). Чистота, бравурность и сила ея игры знакомы всей Европѣ; но главною ея чертою была огненная задушевность

истой славянки; съ этой стороны ее можно почти сравнять съ знаменитымъ (позднѣйшимъ) скрипачемъ *Фердинандомъ Лаубъ.*

О другомъ чехѣ, піанистѣ *Александръ Дрейшокъ*, можно вкратцѣ упомянуть, такъ какъ онъ долго жилъ въ Россіи и даже былъ профессоромъ Петербургской консерваторіи. Это, по моему мнѣнію, былъ добросовѣстный артистъ-труженикъ.

Не слѣдуетъ забывать, однако же, что тогдашній Петербургъ былъ богатъ чрезвычайно талантливыми любителями: поговоримъ здѣсь о самыхъ выдающихся. Таковыми, какъ самые старшіе, выказались два брата *графы Віельгорскіе* и *Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ.* Старшій *графъ Віельгорскій*, *Михаилъ Юрьевичъ*, былъ глубокій знатокъ музыкальнаго искусства и композиторъ [1]). Другой братъ, Матвѣй Юрьевичъ, сдѣлался извѣстнымъ какъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ віолончелистовъ. Это были люди высшаго образованія, идеально-артистическія натуры и всегда готовые поддерживать и научать младшіе таланты изъ нашей русской среды. *Г. Улыбышевъ* (отличный скрипачъ, но игравшій также и на фортепіано) прославился преимущественно въ 10—20-хъ годахъ своими музыкально-критическими статьями въ „Journal de S.-Pétérsbourg", а въ послѣдніе годы своей жизни двумя книгами: „La vie de Mozart" и „Beethoven et ses oeuvres". Первое изъ этихъ сочиненій заслужило всемірную одобрительную извѣстность; противъ второго же сочиненія, въ которомъ онъ дѣйствительно выказывалъ нѣкоторую отсталость и непониманіе великаго Вѣнскаго гиганта музыки, навлекало на него сильнѣйшіе, но только частью и относительно заслуженныя нападки [2]).

Изъ любителей скрипачей сдѣлались извѣстными *А. Ѳ. Львовъ* и *Н. И. Бахметевъ.* Первый, конечно, стоялъ на болѣе возвышенной степени артистическаго достоинства, чѣмъ послѣдній.

Какъ фортепіанисты, сдѣлались извѣстными вышеупомянутый л.-гв. артиллеріи полковникъ *Николай Саввичъ Мартыновъ* и въ особенности г-жа *Марія Калержисъ*, рожденная графиня Нессельроде, по второму замужеству *Муханова.* Это были настоящіе

---

[1]) О немъ подробно послѣдуетъ далѣе.

[2]) Въ особенности со стороны А. Н. Сѣрова, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

артисты высокаго полета, увлекавшіе своихъ слушателей восхитительнѣйшимъ своимъ исполненіемъ. Г-жа Муханова принадлежала, какъ извѣстно, къ кругу самыхъ близкихъ друзей Лисста и Шопена. Мартыновъ же былъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и хорошимъ учителемъ; обучать фортепіанной игрѣ доставляло ему удовольствіе, но своихъ уроковъ удостоивалъ онъ крайне немногихъ только молодыхъ талантовъ и, конечно, даромъ, такъ какъ онъ былъ очень богатый господинъ. Одною изъ его учениць была, между прочимъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка по имени *Ингеборгъ Старкъ*, прославившаяся впослѣдствіи, какъ одна изъ лучшихъ учениць Лисста, и вышедшая затѣмъ замужъ за одного изъ выдающихся учениковъ этого же маэстро, *барона Ганса фонъ-Бронзартъ*.

О томъ, что *Глинка, князь Одоевскій* и *Даргомыжскій* были хорошими піанистами упомянулъ я уже выше.

Во главѣ музыкальныхъ хоровъ гвардейскаго корпуса въ то время состоялъ со званіемъ генералъ-капельмейстера *Антонъ Антоновичъ Дерфельдъ*. Это былъ сынъ умершаго въ 20-хъ годахъ генералъ-капельмейстера Дерфельда, котораго обыкновенно считаютъ первымъ преобразователемъ гвардейской музыки при императорѣ Александрѣ I. Онъ былъ хорошій флейтистъ и получалъ свое образованіе: общее въ Дерптской гимназіи (до секунды), а музыкальное въ Парижской консерваторіи. Во время его пребыванія во Франціи (это было въ началѣ 30-хъ годовъ) открылась, какъ всѣмъ извѣстно, война Франціи съ Алжиромъ, и общій духъ французской молодежи охватилъ также и нашего Дерфельда. Не испросивъ разрѣшенія русскаго правительства, Дерфельдъ отправился волонтеромъ въ полкъ вновь сформированныхъ спагіевъ. Когда онъ воротился изъ кампаніи, наше посольство отправило его съ курьеромъ обратно въ отечество, а тутъ ему предложили или вступить въ дѣйствующую армію на Кавказѣ („такъ какъ онъ выказалъ себя охотникомъ воевать“) или быть высланнымъ навсегда изъ Россіи. Антонъ Антоновичъ избралъ первое и былъ посланъ солдатомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, который оставилъ не ранѣе 41-го года. Когда, по возвращеніи его въ Петербургъ въ сказанномъ году, я съ нимъ познакомился, онъ, бывъ награжденнымъ Георгіевскимъ крестомъ, находился уже въ отставкѣ въ чинѣ пра-

порщика. Вскорѣ затѣмъ былъ онъ назначенъ помощникомъ генералъ-капельмейстера гвардейскаго корпуса *Гаазе;* а послѣ смерти послѣдняго, въ 1845-мъ году, поступилъ на его мѣсто. Какъ дирижеръ и учитель по части духовыхъ инструментовъ, онъ зналъ и исполнялъ свое дѣло мастерски, но какъ композиторъ и вообще какъ знатокъ музыкальнаго искусства онъ оказалъ себя только рутинистомъ. Кстати слѣдуетъ упомянуть, что въ гвардейскомъ корпусѣ музыкальные хоры были доведены до весьма вниманія достойнаго состоянія. Между музыкантами, большею частью рекрутируемыми изъ кантонистовъ, бывало не мало талантливыхъ исполнителей, какъ напримѣръ: въ кавалергардскомъ полку кларнетистъ *Васильевъ*, ученикъ упомянутаго выше Блеза, и въ Павловскомъ гренадерскомъ полку флейтистъ *Лотаревъ*, ученикъ Дерфельда, которые нимало не уступали инымъ знаменитымъ виртуозамъ на ихъ инструментахъ [1]).

Много выдающихся виртуозовъ встрѣчалось тогда также (и даже преимущественно) въ оркестрахъ императорскихъ Петербургскихъ театровъ. Достаточно упомянуть о скрипачахъ *Іосифѣ Бёмъ*, *Генри Вьётанъ*, старикѣ *Луи Мауреръ* и его сынѣ *Всеволодѣ*, *Карлѣ Вейцманъ* и др., о флейтистахъ *Зусманъ*, *Ванъгенгеймъ* и *Гейнемейеръ*, корнетистѣ *Вильгельмѣ Вурмъ* (нынѣшнемъ генералъ-капельмейстерѣ гвардейскаго корпуса), о валторнистахъ *Гомиліусъ* и *Тейхъ*, віолончелистахъ *Карлѣ Гроссъ*, *Карлѣ Кнехтъ* и *Карлѣ Шубертъ*, да о контробассистѣ *Ферреро*.

Въ заключеніе этого обозрѣнія тогдашняго музыкальнаго состоянія въ Петербургѣ, считаю я удобнымъ разсказать кое-что о характерѣ, наружности и привычкахъ двухъ любителей музыкальнаго искусства изъ круга къ Двору приближенныхъ, а именно: объ упомянутомъ уже выше *графѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Віельгорскомъ* и о камергерѣ *Павлѣ Ивановичѣ Дубянскомъ*.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ по высокой степени своего образованія былъ по истинѣ ярко-выдающейся личностью. Что онъ владѣлъ въ превосходствѣ почти всѣми новыми языками, было уже упомянуто въ XXXIV-й главѣ, равно какъ въ началѣ этой

[1]) Помню я объ этихъ двухъ, потому что они были моими учениками по теоріи музыки, вслѣдствіе чего они въ свое время выдержали экзаменъ на музыкальныхъ чиновниковъ.

главы уже сказано о его глубокомъ знаніи музыкальной науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ также и многими другими еще познаніями и занималъ должность попечителя учрежденій императрицы Маріи Өеодоровны. Поэтому онъ находился постоянно въ безчисленныхъ занятіяхъ, что впрочемъ ему не препятствовало прилежно заниматься также и сочиненіемъ музыки. Онъ написалъ нѣсколько французскихъ и русскихъ романсовъ, да трудился въ теченіе многихъ лѣтъ надъ романтическою оперою „Цыгане" на сюжетъ Пушкинской поэмы. Эта опера, впрочемъ, такъ и осталась недоконченною. Ростомъ онъ былъ небольшой и довольно толстенькій, что однако не мѣшало ему въ граціозности движеній, насколько это соглашалось съ его лѣтами: а было ему по крайней мѣрѣ около 63-хъ лѣтъ. Лицо у него было весьма привлекательное, симпатичное и должно быть, что въ молодости онъ былъ даже красавцемъ. Выдающимися чертами его лица оказались тоненькій орлиный носъ, мягко улыбающійся небольшой ротъ и живые каріе глаза полные огня и добродушія. Носилъ онъ небольшой черный парикъ съ тщательно завитыми локонами. При этомъ не могу не вспомнить, что у графа была привычка, когда онъ находился въ бо̀льшемъ или меньшемъ душевномъ безпокойствѣ, поднимать безцеремонно этотъ парикъ и слегка почесывать свою лысинку, что ему придавало хотя и нѣсколько комическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень милое выраженіе. Бывалъ Михаилъ Юрьевичъ и не прочь отъ житейскихъ наслажденій, поэтому придерживался Лютерова изреченія: „Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang" [1]). На счетъ умѣнья его цѣнить вино, Глинка однажды разсказалъ мнѣ анекдотъ, случившійся съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ. Извѣстно, что при Николаѣ Павловичѣ императорскій Дворъ проживалъ обыкновенно также нѣсколько мѣсяцевъ въ Царскомъ Селѣ; поэтому Віельгорскій, какъ всегдашній участникъ въ интимныхъ вечерахъ императрицы Александры Өеодоровны, долженъ былъ также находиться въ томъ же городѣ. Въ 1836 году Глинка проводилъ медовое свое полугодіе въ Павловскѣ, которое, какъ извѣстно, находится отъ Царскаго Села въ самой близости. Тамъ же лѣтовали также и братья Кукольники, которые, конечно,

[2]) Кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія и т. д.

часто бывали у Глинки. Нерѣдко пріѣзжалъ обѣдать къ Глинкѣ также и графъ Віельгорскій. Вотъ и случилось въ одинъ прекрасный день, что съѣхались всѣ они у Михаила Ивановича. Послѣ обѣда компанія, по англійской модѣ, затѣяла un bon bowl de punch. Вдругъ прискакалъ придворный лакей звать графа къ императрицѣ для чтенія. Михаилъ Юрьевичъ вставая чувствуетъ однако же, что веселая бесѣда на него толико подѣйствовала, но онъ не теряетъ духа „Ça s'arrangera facilement", говоритъ онъ, снимаетъ свой паричекъ и приказываетъ лакею вылить ему на голову цѣлый кувшинъ ледяной воды; послѣ чего онъ нѣсколько поправилъ свой туалетъ и отправился, куда ему велѣно было.

Характера онъ былъ веселаго и очень добродушнаго; въ обращеніи своемъ съ младшими или съ низшими по положенію весьма гуманенъ и учтивъ, всегда готовый помочь въ чемъ только былъ въ состояніи; а къ музыкантамъ и литераторамъ выказывался всегда дружественно и почти коллегіально.

Помню я, что разъ (въ 1843 г.) пришелъ я къ нему утромъ показать послѣднее свое сочиненіе (псаломъ-симфонію) и онъ съ великой готовностью просмотрѣлъ ее, дѣлая мнѣ кое-гдѣ свои замѣчанія. Вдругъ докладываетъ ему лакей, что пришелъ секретарь съ бумагами. Графъ приказалъ просить чиновника немного еще обождать, но такъ углубился въ разборъ моей симфоніи, что прошло около двухъ часовъ, пока онъ вспомнилъ, что секретарь его ожидаетъ. Конечно бывало также и то, что когда Михаилъ Юрьевичъ былъ занятъ дѣлами, онъ насъ, музыкантовъ или литераторовъ, и вовсе не принималъ.

Павелъ Ивановичъ Дубянскій, также человѣкъ высокаго образованія, могъ поистинѣ быть названнымъ оригиналомъ. Онъ былъ воспитанникомъ Царскосельскаго лицея въ началѣ 10-хъ годовъ, слѣдовательно былъ, если не однокласникомъ, такъ во всякомъ случаѣ однокашникомъ Пушкина и другихъ поэтовъ того времени. Ему я преимущественно обязанъ тѣмъ, что основательно познакомился съ сочиненіями Пушкина и прочихъ поэтовъ, и это облегчилось въ особенности тѣмъ, что Дубянскій мнѣ много разсказывалъ про житье-бытье лицеистовъ своего времени. Самъ онъ свободно владѣлъ нѣсколькими европейскими языками и именно говорилъ и выражался по-французски какъ настоящій *парижанинъ*. Когда я съ нимъ познакомился, ему было уже за

40 лѣтъ и онъ состоялъ правителемъ канцеляріи департамента податей и сборовъ. Хотя онъ былъ не богатый, а только зажиточный баринъ, но своимъ жалованіемъ пользовался только для того, чтобы поддерживать бѣдныхъ и преимущественно семейныхъ чиновниковъ своей канцеляріи, а самъ довольствовался предоставленнымъ ему правомъ занимать квартиру въ казенномъ домѣ на Загородномъ проспектѣ. Но и тутъ выказалась оригинальность его характера: на томъ основаніи, что онъ холостой, онъ избралъ себѣ три комнаты въ подвальномъ этажѣ съ напросто выбѣленными стѣнами. Эта квартира была однако же загромождена множествомъ шкафовъ, въ которыхъ помѣщалось тысячъ до двухъ слишкомъ томовъ драгоцѣнныхъ книгъ, и прекраснымъ Виртовскимъ роялемъ, такъ какъ Дубянскій занимался также немного и музыкою. Небольшаго роста, но моцный и крѣпкій вслѣдствіе ежедневныхъ гимнастическихъ упражненій, онъ владѣлъ искусствомъ фехтованія и былъ хорошимъ танцоромъ. Благодаря послѣднему качеству, онъ, когда по должности своей, какъ камергеръ, присутствовалъ на придворныхъ балахъ, довольно часто удостоивался чести быть избраннымъ для танцевъ со стороны Высочайшихъ особъ и даже самой государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Красивымъ же нельзя было его назвать (лицо его напоминало нѣсколько Пушкинскія черты), но выраженіе лица обличало человѣка умнаго и онъ умѣлъ тонкостью своихъ разговоровъ занимать любаго слушателя или слушательницу. Его оригинальность выражалась также и во внѣшнемъ его проявленіи. Само собою разумѣется, что когда онъ наряжался въ парадную форму, то онъ былъ тщательно выбритъ, умытъ и съ причесанными бакенбардами à l'anglaise, и все платье на немъ блистало какъ съ иголочки; въ такихъ случаяхъ разъѣзжалъ онъ всегда въ экипажахъ отборнаго разряда; но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ ходилъ, или вѣрнѣе сказать, бѣжалъ всегда пѣшкомъ, хотя бы приходилось ему сдѣлать путь въ нѣсколько верстъ. Тогда нашивалъ онъ обыкновенно старые, широкіе панталоны и столь же старый или вицмундиръ или черный сюртукъ при широкомъ черномъ шарфѣ вокругъ шеи, изъ-за котораго торчали, большею частью, смятые и не всегда безукоризненно бѣлые воротнички, а голова была прикрыта дорогою Циммермановскою касторовою шляпою.

Сверхъ этого на плечи былъ накинутъ широкій плащъ-альмавива изъ тонкаго англійскаго сукна синяго цвѣта, подбитый шотландскою матеріею. Этотъ плащъ носилъ онъ также и зимою, но для отличія отъ лѣтняго сезона пристегивалъ къ нему бобровый воротникъ. Столь же оригинальнымъ оказывалось и домашнее его житье-бытье: спалъ онъ на широкой, длинной скамейкѣ изъ полированнаго ясеневаго дерева безъ матраца, но на простынѣ изъ голландскаго полотна и покрывался, хотя спальня его и зимою никогда не топилась, мягкимъ фланелевымъ одѣяломъ; подушка же его была резиновая, надувная. Волосы свои онъ носилъ донельзя коротко подстриженными.

Меня Дубянскій очень полюбилъ и мы часто, то у него, то у меня вели бесѣды о всевозможныхъ предметахъ научнаго содержанія. Многимъ, многимъ я обязанъ этому необыкновенно развитому, необыкновенно доброму да энергичному другу, заботы котораго, какъ старшаго меня лѣтами и опытностью, клонялись къ тому, чтобы развивать во мнѣ логическое мышленіе, многосторонность въ познаніяхъ и энергію въ дѣятельности. Библіотека его была во всякое время къ моимъ услугамъ и не малое было число трудно въ Россіи добываемыхъ книгъ по части музыкальной науки и исторіи, которыя я получалъ отъ него въ подарокъ. Весьма естественно, что я и понынѣ всею душою вспоминаю объ этомъ необыкновенномъ другѣ.

XLI.

Алексѣй Өеодоровичъ Львовъ.

Въ XXXVI-й главѣ я уже упомянулъ о томъ, что, по случаю конкурса на музыкальное сочиненіе баллады „Свѣтлана“, я представился всѣмъ судьямъ этого конкурса, а въ томъ числѣ и А. Ѳ. Львову; но ближайшаго знакомства въ то время еще не послѣдовало. Осенью же 1842-го услышалъ я, что Львовъ покончилъ первую свою оперу „Bianca e Gualtiero“ и собирается исполнить нѣсколько нумеровъ изъ нея въ домашнемъ у себя концертѣ. Тогда отправился я прямо къ нему и просилъ о позволеніи присутствовать на этомъ концертѣ. Львовъ принялъ меня очень ласково и пригласилъ не только на этотъ концертъ, но и

на еженедѣльные свои домашніе квартеты. Въ исполненіи оперныхъ нумеровъ участвовали синьора Фреццолини и знаменитые пѣвцы Рубини и Тамбурини, да другіе еще итальянскіе артисты, а присутствовали самъ государь Императоръ Николай Павловичъ, великая княгиня Марія Николаевна, великая княжна Александра Николаевна и почти вся придворная аристократія. Оркестръ былъ императорскій театральный, а дирижировалъ самъ Львовъ. Въ тотъ же вечеръ услышалъ я впервые также и игру Львова на скрипкѣ: онъ игралъ одно изъ своихъ собственныхъ сочиненій и игралъ какъ настоящій первостепенный скрипачъ. Я былъ восхищенъ и по правдѣ, откровенно сказать, болѣе его исполненіемъ, нежели его сочиненіями. О послѣднихъ, впрочемъ, намѣренъ я поговорить далѣе.

Послѣ этого вечера хаживалъ я аккуратно на квартетные вечера Алексѣя Өедоровича. Это была его настоящая стихія, гдѣ онъ могъ выказывать и дѣйствительно вполнѣ выказывалъ всю высокую свою художественность. Львовъ по истинѣ долженъ считаться однимъ изъ лучшихъ художниковъ старой солидной скрипачной школы, по мощности, чистотѣ и теплотѣ звуковъ, которые онъ вызывалъ изъ своей скрипки; это былъ настоящій, превосходнѣйшій инструментъ Андреа Гварнерія (Guarnerius) [1].

---

[1]) Знаменитый скрипичный мастеръ, жившій во 2-й половинѣ XVII-го столѣтія. Про этотъ любимый свой инструментъ Алексѣй Өеодоровичъ разсказалъ мнѣ слѣдующіе весьма интересные два факта. Скрипка досталась ему въ началѣ (кажется) еще 20-тыхъ годовъ, но не въ томъ видѣ, въ какомъ она была позже; а именно: корпусъ хотя и былъ дѣйствительно работы Гварнерія, въ чемъ свидѣтельствовала имѣвшаяся внутри, возлѣ подставки, обычная марка знаменитаго мастера, но шейка-то съ головкою оказались поддѣльными. Въ концѣ тѣхъ же 20-хъ годовъ приходилось Львову проживать въ Ригѣ и познакомиться, между прочимъ, съ оберъ-бюргермейстеромъ Бендеромъ, дочь котораго была также скрипачкою, ученицею (буде не обманываетъ меня память) всемірно нѣкогда славившагося виртуоза Роде. Оказалось, что шейка и головка той скрипки, на которой играла M-lle Бендеръ, также не подходившія къ корпусу, были собственно-то части именно Гварнеріинской скрипки Львова. Любезная скрипачка и согласилась уступить Алексѣю Өеодоровичу свой инструментъ, и вслѣдствіе того славное произведеніе Гварнерія получило наконецъ первобытный свой видъ. Другой же случай съ тою же скрипкою не менѣе любопытенъ перваго случая. Въ 30-хъ годахъ Львовъ разъ зимою ѣхалъ въ Казань, какъ и большая часть тогдашнихъ офицеровъ, на перекладныхъ, и между прочимъ багажемъ возилъ съ собою также и свою Гварнері-

Много случалось мнѣ слышать хорошихъ квартетовъ-ансамблей, напр., старшихъ и младшихъ братьевъ Мюллеръ, квартетъ Лейпцигскаго Гевандгауза съ Фердинандомъ Давидомъ во главѣ, Жана Беккера и др., но по справедливости и по убѣжденію я долженъ признаться, что въ отношеніи задушевнаго и до самыхъ тонкостей доведеннаго, художественнаго исполненія мнѣ не приходилось слышать квартета выше Львовскаго. Обычными соучастниками Алексѣя Ѳеодоровича на этихъ вечерахъ бывали Іосифъ Бемъ, Карлъ Вильде и Карлъ Кнехтъ; но игрывали иногда и старикъ Мауреръ и графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій.

Алексѣю Ѳеодоровичу видно понравился музыкальный энтузіазмъ, съ которымъ я прослѣживалъ его игру, и онъ приглашалъ меня держать корректуру переписки на-бѣло партитуры и клавираузцуга его оперы; клавираузцугъ предназначался для поднесенія великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Вслѣдствіе того началъ я каждое утро бывать у Львова и заниматься (конечно безвозмездно) часа по два, по три препорученнымъ мнѣ дѣломъ. Авторъ былъ очень доволенъ моимъ прилежаніемъ и представилъ меня своему семейству. Такимъ образомъ я вскорѣ сдѣлался у Львова своимъ человѣкомъ и нерѣдко обѣдывалъ у него.

Алексѣй Ѳеодоровичъ былъ средняго роста и довольно статнаго сложенія; въ пріемахъ его выказывался человѣкъ военный и вмѣстѣ съ тѣмъ придворный. Лицо у него было нѣсколько сухощаво и смугло-матоваго цвѣта, а волосы, усы и небольшія

инскую скрипку, конечно въ ящикѣ, хорошо завернутомъ въ суконный мѣшокъ. Послѣднюю часть пути пришлось ему прокатиться ночью. Вдругъ на одной станціи оказалось, что ящикъ со скрипкою потерянъ. Можете себѣ вообразить отчаяніе молодого офицера-скрипача. Послалъ онъ тотчасъ нарочныхъ людей съ фонарями искать по всей дорогѣ дорогую свою потерю, но безъ всякаго результата: ящика со скрипкою не нашли. Нечего было подѣлывать; пришлось Львову поѣхать въ Казань безъ своей скрипки, на что онъ наконецъ и рѣшился, но пославъ капитану-исправнику сообщеніе, въ которомъ просилъ объявить по всему околодку, что тотъ, кто найдетъ и привезетъ ему скрипку по данному адресу, будетъ щедро награжденъ. И впрямь, недѣли черезъ полторы дѣйствительно какой-то паршивенькій мужичекъ доставилъ ему нѣсколько перебитый ящикъ со скрипкою, которая сама же къ счастію оказалась въ совершенной цѣлости безъ малѣйшаго даже поврежденія.

бакенбарды черныя [2]). Черты этого лица были довольно правильныя, но въ нихъ выражалась нѣкоторая суровая строгость. Въ обхожденіи, впрочемъ, онъ былъ крайне вѣжливъ и даже любезенъ, а тѣмъ, съ кѣмъ онъ ближе былъ знакомъ, умѣлъ онъ даже выказывать нѣкоторую сердечную теплоту. Онъ былъ весьма образованъ и много начитанъ, а съ музыкальной наукою очень основательно знакомъ.

Домъ (на Караванной улицѣ), въ которомъ онъ тогда жилъ, былъ собственностью его жены, подаркомъ тестя его, извѣстнаго въ свое время богача-откупщика Абазы. Львовъ занималъ весь этотъ большой, но одноэтажный домъ. Памятны мнѣ прежде всего тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ происходили музыкальные вечера: одна, къ которую входили со стороны парадной лѣстницы черезъ пріемную; эта комната соединялась дверью налѣво съ большимъ заломъ, въ которомъ происходили оркестровыя исполненія, а двери направо вели черезъ небольшую площадку въ кабинетъ Алексѣя Өеодоровича, въ которомъ собирались на самыя интимныя квартетныя исполненія. На эту площадку вела лѣстница со двора. Въ этомъ-то кабинетѣ и проводилъ я немало дообѣденныхъ часовъ, когда я трудился надъ упомянутою корректурою переписки оперъ Львова.

Семейство Львова состояло изъ молодой его жены, *Прасковіи Агѣевны*, мачихи *Елисаветы Николаевны*, двухъ братьевъ: *Леонида* и *Өеодора Өеодоровичей* и двухъ сестеръ: *Маріи* и *Надежды Өеодоровенъ*. Были у него и другіе еще братья и сестры, но они въ Петербургѣ въ то время не живали, а потому я ихъ не знавалъ. Изъ числа же выше названныхъ одинъ только Леонидъ былъ ему единоутробнымъ братомъ, а остальные были дѣтьми мачихи его. Сама же мачиха была племянницею извѣстнаго поэта Димитріева. Вообще все это семейство оказывалось весьма симпатичнымъ и многосторонне образованнымъ, въ особенности по части литературы и искусствъ, въ томъ числѣ конечно и даже преимущественно музыки. Ближе всѣхъ сошелся я съ Леонидомъ Өеодоровичемъ и наши дружескія отношенія съ нимъ укрѣпились позже еще болѣе, когда въ 1860-мъ и 1861-мъ году

---

[1]) Волосы носилъ онъ короткіе и причесанные по военной формѣ и подстригалъ также усы и бакенбарды.

я проживалъ въ Москвѣ въ то самое время, какъ Леонидъ Львовъ былъ назначенъ директоромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ. Еще позднѣе (въ 80-хъ уже годахъ), встрѣтился я снова съ нимъ и мы тогда частенько таки вспоминали про блаженное время давно минувшей нашей молодости.

Марья Ѳеодоровна имѣла поэтическое дарованіе и написала нѣсколько весьма милыхъ стихотвореній. Для одного изъ нихъ, подъ названіемъ „Узникъ", она просила меня написать музыку для ея альбома; существуетъ ли еще это произведеніе у кого-либо изъ членовъ ея семейства, я не вѣдаю; но, конечно, было бы любопытно мнѣ знать, куда оно дѣвалось, такъ какъ у меня самого не осталось копіи съ него.

Помню я еще и другой случай, когда я имѣлъ удовольствіе оказаться полезнымъ Марьѣ и Надеждѣ Ѳеодоровнамъ; это было въ 1843-мъ году, когда обѣ барышни также получили приглашеніе на маскарадный праздникъ великой княгини Елены Павловны. А именно на этомъ праздникѣ предполагалось изобразить въ различныхъ залахъ Михайловскаго дворца различныя сцены изъ Виландовой поэмы „Оберонъ". Львовымъ поэма эта была незнакома; а вскорѣ достать ее было невозможно, такъ какъ всѣ имѣвшіеся тогда въ Петербургѣ экземпляры ея были тотчасъ разобраны. Львовы и спрашивали меня, знакома ли мнѣ эта поэма? и когда я далъ утвердительный отвѣтъ, то просили разсказать имъ сюжетъ этой поэмы. Я имъ объяснилъ, что для устнаго разсказа поэма слишкомъ длинна, а потому я вызвался изложить ее письменно, что я и исполнилъ, и конечно, по общегосподствующему тогда въ свѣтскихъ кругахъ обычаю, на французскомъ языкѣ. Эту тетрадку то я и поднесъ барышнямъ Львовымъ.

Теперь поговоримъ о Львовѣ, какъ композиторѣ. Алексѣй Ѳеодоровичъ написалъ не мало сочиненій для скрипки и для пѣнія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Всѣмъ безъ исключенія извѣстенъ, во-первыхъ, національный гимнъ „Боже, царя храни" на слова Жуковскаго; изъ романсовъ же сдѣлалась популярной пѣсня для двухъ голосовъ: „Мы двѣ дѣвицы". Оперъ написалъ онъ четыре: вышеупомянутую „Біанка и Гвалтьеро", „Ундина" „Эмма" и „Сельскій староста" или „Встрѣча незванныхъ гостей" (сюжетъ взятъ изъ войны 1812-го года). Эти творенія

Львова, хотя и свидѣтельствуютъ о серьезномъ его знаніи музыкальнаго языка, выказываютъ, однако-же, мало самобытной изобрѣтательности. Затѣмъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ переложилъ знаменитое „Stabat mater“ Перголезе для четырехголоснаго хора съ аккомпаниментомъ оркестра, да сочинилъ, кромѣ того, на тотъ же текстъ также еще и самостоятельную свою музыку. Эти два сочиненія, по моему мнѣнію, безпремѣнно самыя капитальныя изъ созданій Львова; въ нихъ выказалъ онъ всю свою композиторскую силу и знаніе оркестровки. Очень жаль, что нынѣшнее поколѣніе музыкальной Россіи не довольно оцѣниваетъ эти высоко почтенные труды Львова; по крайней мѣрѣ, послѣ смерти его, ни одно изъ этихъ двухъ твореній не появилось на программахъ даваемыхъ у насъ концертовъ различныхъ обществъ. Будучи директоромъ придворной капеллы, Львовъ, конечно, долженъ былъ заниматься также и переложеніемъ нашихъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній и на этомъ полѣ труды его почти безчисленны. Хотя нельзя сказать, чтобы эти переложенія, равно какъ и самостоятельные духовные кантики Львова, вполнѣ соотвѣтствовали духу *древняго* нашего церковнаго пѣнія, но нельзя также и отрицать, что они исполнены истинно религіознаго духа. Гармонизація этихъ пѣснопѣній всегда полнозвучна и сообразна съ текстами, но, конечно, основана на общеевропейскомъ, а не на спеціально-древне-русскомъ церковномъ стилѣ. Въ этомъ родѣ въ особенности отличаются его переложенія ирмосовъ, а изъ собственныхъ его созданій мнѣ лично болѣе всѣхъ по сердцу его Богородиченъ въ sol majeur.

Оканчиваю свои воспоминанія о Львовѣ признаніемъ, что я ему многимъ обязанъ по части развитія собственнаго моего музыкальнаго пониманія и что я до сихъ поръ еще храню теплѣйшую, сердечнѣйшую къ нему привязанность.

XLII.

Звѣзды пѣвческаго искусства.—Вновь поставленныя оперы.

Когда говорится о „звѣздахъ“ пѣвческаго искусства, то безспорно я долженъ прежде всего вспоминать о величайшей изъ нихъ, о *Генріеттѣ Зонтагъ*, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ счастіе

знавать ее не только какъ отмѣнную пѣвицу, но также и какъ привѣтливую, ласковую хозяйку семейнаго дома. Въ то время, когда я ей былъ представленъ (въ 1842-мъ году), она давно уже находилась замужемъ за *графомъ Росси*, который тогда состоялъ королевско-сардинскимъ посланникомъ при русскомъ императорскомъ дворѣ. Графинѣ было около 38 лѣтъ, но она сохранила еще всю миловидность и граціозность прежней молодости своей и пѣвала столь же очаровательно, какъ и во время своей сценической славы. Голосъ ея, про который впослѣдствіи мнѣ живо напоминалъ голосъ Аделины Патти, былъ однако же несравненно лучше выработанъ по всѣмъ правиламъ старо-италіянскаго пѣвческаго искусства; достаточно сказать, что графиня Росси владѣла въ совершенствѣ „вытягиваніемъ" продолжительныхъ нотъ (sons filés) въ теченіе болѣе полъ-минуты съ требуемымъ, по строгимъ правиламъ, crescendo и decrescendo. Не говоря уже о высокомъ достоинствѣ ея колоратуры, я считаю должнымъ въ особенности указать на необыкновенную фразировку и декламацію, какъ съ музыкальной, такъ и съ словесно-поэтической стороны: въ этомъ отношеніи я встрѣчалъ потомъ весьма немногихъ пѣвицъ, которыя могли бы сравняться съ нею, какъ напр. Пасту, Сабину Гейнефеттеръ, Гризи, Віардо́ и Арто́, да и только. Но что Генріэтта Росси въ особенности восхитительно пѣвала, такъ это были нѣмецкіе „Lieder", въ которые она вкладывала необыкновенно много души и выраженія. Какъ женщина, она всегда и вездѣ выказывала себя исполненною совершеннѣйшаго такта и личнаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно доброю и любезною, и всегда была готова участвовать въ благотворительныхъ концертахъ. Мнѣ разсказывали одинъ анекдотъ, который характеризуетъ деликатное отношеніе государя императора Николая Павловича къ бывшей примадоннѣ, явившейся къ императорскому двору въ качествѣ супруги посланника другой державы. Графъ Росси, какъ Сардинскій посланникъ, конечно, имѣлъ и получилъ право представить императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ также и супругу свою, вслѣдствіе чего послѣдняя иногда приглашалась и на интимные вечера государыни. И вотъ, когда это случилось въ первый разъ, то государю желалось послушать пѣніе знаменитой пѣвицы, почему онъ и обратился къ ней съ просьбою пропѣть что-нибудь.

Графиня Росси, думая, что императоръ, можетъ быть, этимъ хотѣлъ намекнуть на прежнее ее званіе, нѣсколько сконфузилась; тогда Николай Павловичъ прибавилъ: „seulement un petit duo, Madame, avec ma fille“ и подвелъ ее къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ.

Въ 1843 году пріѣхала въ Петербургъ знаменитая пѣвица *Джудитта Паста* и участвовала въ нѣсколькихъ представленіяхъ нѣмецкой оперы, между прочимъ и въ роли „Нормы“. Такого исполненія этой партіи я ни прежде, ни послѣ никогда болѣе не слыхивалъ. Извѣстно, что Беллини написалъ эту роль именно-то для Пасты; да и впрямь феноменальный ея голосъ и страстная игра шли къ этому характеру, какъ нельзя болѣе. Нѣсколько къ этому исполненію подходило только еще исполненіе также извѣстной въ свое время нѣмецкой примадонны *Сабины Гейнефеттеръ*. Обѣ были красивы лицами античнаго склада и одарены большимъ ростомъ и мощнымъ сложеніемъ, а потому представляли собою настоящій типъ Галльской друиды.

Немногимъ только позже Пасты явился къ намъ также и всеміpно тогда славившійся теноръ *Джанъ-Баттиста Рубини* и привелъ, конечно, весь Петербургскій музыкальный міръ въ неописанный восторгъ. Вслѣдствіе этихъ впечатлѣній Императоръ Николай Павловичъ приказалъ театральной дирекціи собрать на слѣдующій сезонъ итальянскую оперную труппу, въ которую, конечно, прежде всего пригласили Пасту и Рубини. Первая отказалась почему-то, а второй согласился и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на нѣкоторыхъ артистовъ, а именно: на *Марію Фрецолини* (сопрано), *Маріэтту Альбони* (контральто), *Антонія Тамбурини* (баритонъ) и *Тальяфико* (бассъ). Такимъ образомъ, начиная съ осени 1843-го года, устроилась въ Петербургѣ, въ соперничествѣ съ Парижемъ, отборнѣйшая итальянская опера. Если съ одной стороны это приносило пользу относительно развитія въ публикѣ болѣе тонкаго вкуса и пониманія хорошаго пѣнія, за то вредило оно (и не въ маломъ размѣрѣ) дальнѣйшему преуспѣянію русской оперы. Но объ этомъ предметѣ я уже такъ много писалъ въ разное время, что мнѣ, конечно, нынѣ болѣе уже не хочется повторять прежнія свои слова. Поэтому я стану говорить попросту только о впечатлѣніяхъ, какія на меня производили самыя-то представленія этой итальянской оперной труппы.

Надобно, однако же, прежде того упомянуть, что въ послѣдующіе затѣмъ годы являлись еще и другіе гости-пѣвцы и гостьи-пѣвицы. Самыми выдающимися изъ нихъ оказались: г-жи *Р. Персіани-Таккинарди*, *Джулія Гризи*, *Анна де-ля Гранжъ* и *Паулина Віардо-Гарціа* [1]) и гг. *Луиджи Ляблашъ*, *Джузеппе Маріо*, *Кальцоляри*, *Сальви*, *Эрнесто Тамберликъ*, *Ронкони* и нѣмецъ *Карлъ Формесъ*. Превосходное владѣніе этихъ лицъ пѣвческимъ искусствомъ достаточно уже извѣстно, а потому едва ли еще нужно распространяться подробно о немъ, да и тѣмъ болѣе, что, упоминая ниже объ исполняемыхъ ими операхъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ также намѣренъ указать на особенно выдававшееся исполненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ партій.

Такъ, напр., помню я о томъ полномъ восхищеніи, въ которое я пришелъ отъ одного изъ представленій старой, но никогда не устарѣющей оперы Россини „Il barbiere di Siviglia“, въ которомъ роль Розины исполнила Таккинарди, графа Альмавивы — Маріо, донъ-Бартоло — Ляблашъ, Фигаро — Тамбурини, а донъ-Базиліо — Тальяфико. Въ особенности отличались Маріо, Ляблашъ и Тамбурини. *Маріо*, который по рожденію своему (настоящее его имя было графъ di Candia) [2]), принадлежалъ къ Піемонтской аристократіи, изображалъ свою роль дѣйствительно en grand seigneur и даже въ сценѣ, гдѣ графъ Альмавива является представляющимъ изъ себя пьянаго солдата, пѣвецъ-художникъ оставался вѣренъ характеру настоящаго вельможи. Къ тому же Маріо былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ, какъ лицомъ, такъ и сложеніемъ. *Ляблашъ* же передалъ доктора Бартоло съ неимовѣрнымъ комизмомъ, но безъ малѣйшаго пошлаго шаржа. Наконецъ и *Тамбурини* также представилъ намъ Фигаро такимъ живымъ, тонкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ плутомъ, какого и самъ Бомарше не могъ желать лучшаго. Тогда только я нашелъ себя въ состоянія понимать и высоко цѣнить всю прелесть и вѣрность выраженія Россиніевскаго сочиненія.

Въ оперѣ Доницетти „Anna Bolena“ *Тамбурини* поразилъ

---

[1]) Многіе выговариваютъ это имя какъ „Гарчіà“, но это ошибочно, ибо имя это испанское, а на испанскомъ языкѣ буква С выговаривается какъ русское Ц.

[2]) Отецъ его, королевско-сардинскій генералъ-лейтенантъ Маркизъ di Candia, былъ губернаторомъ столичнаго города Турина.

меня своей вѣрною передачею историческаго типа англійскаго короля Генриха VIII; это былъ живой снимокъ съ извѣстныхъ портретовъ послѣдняго, а въ игрѣ своей выражалъ онъ не только всю гнусность характера этого тирана, но также и прирожденную абсолютному монарху величественную сановитость.

Глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня *Лаблашъ* въ роли сэра Джорджіо въ оперѣ Беллини „I Puritani". Въ ней явился онъ такимъ сердечнымъ и глубоко набожнымъ пуританиномъ, что доводилъ всѣхъ до слезъ. Вы можете, благосклонный читатель, представить себѣ, сколько нужно было имѣть высокаго таланта, чтобы съ полной правдивостью и въ совершенствѣ исполнять два столь противоположныхъ характера, какъ сэръ Джорджіо и докторъ Бартоло [1]).

По случаю заведенія въ Петербургѣ итальянской оперы мы тогда познакомились со многими новѣйшими того времени операми, которыхъ, вѣроятно, иначе не пришлось бы намъ услышать на нашей сценѣ. Таковыми операми явились „Guillaume Tell" Россини, „Gli Ughenotti" и „Il profeta" Мейербера и много другихъ произведеній итальянскихъ композиторовъ того времени. Въ первой изъ этихъ оперъ отличались въ роли Арнольда Мелькталя сначала *Сальви*, а затѣмъ *Тамберликъ*, а роль Телля выполнялъ въ первыя представленія *Тамбурини*, равно какъ роль Стауфахера исполнялъ сначала знаменитый нѣмецкій бассъ *Вильгельмъ Ферзингъ*, а потомъ *Формесъ*. Никогда не забуду я того могучаго впечатлѣнія, какое на меня произвели въ подобномъ мастерскомъ исполненіи извѣстное тріо третьяго дѣйствія своею правдивостью выраженія и послѣдующій затѣмъ хоръ заговора. Въ „Гугенотахъ" роль Валентины пѣвала *Гризи*, Рауля—*Маріо*, Невера — *Тальяфико*, а Марселя — *Формесъ*. Лучшими сценами, конечно, выходили арія Рауля въ I-мъ дѣйствіи, дуэтъ Валентины и Марселя и дуэтъ же первой съ Раулемъ; въ особенности удавался послѣдній нумеръ, въ которомъ *Гризи* и *Маріо* сорев-

---

[1]) Кстати упомяну я здѣсь о необычайномъ голосовомъ объемѣ этого замѣчательнаго артиста: Лаблашъ по тембру принадлежалъ къ низкимъ бассамъ и весьма отчетливо и ясно бралъ ноту *контра-до*; но онъ также легко и очень мягко даже доходилъ до высокаго *теноровато ля*, владѣя изумительно регистромъ voix mixte.

новали между собою въ передачѣ этой высоко-драматической сцены. Вотъ гдѣ являлась истинная жизнь и истинная страсть; это были живыя лица, а не просто актеры; выражали они свои чувста не только пѣніемъ и движеніями, но и превосходной мимикою. *Формесъ* же явился такимъ Марселемъ, какъ нынѣ едва-ли кто и воображать себѣ можетъ.

Съ равнымъ же художествомъ олицетворялъ *Маріо* также и Іоанна Лейденскаго въ „Профетѣ": красота и аристократическая фигура артиста по истинѣ дѣлали вѣроятными увѣренія трехъ лжепророковъ, будто „Іоаннъ" походитъ на изображеніе Давида. И, дѣйствительно, Маріо, стоя среди стана анабаптистовъ (въ третьемъ актѣ, когда восходитъ солнце) и въ сценѣ коронованія въ храмѣ (IV дѣйствіе), являлся столь величественной личностью, что нельзя было на него иначе глядѣть, какъ съ умилительнымъ содроганіемъ глубокаго благоговенія „Ieder Zoll ein König!"[1]) Изъ выше изложеннаго читатели легко поймутъ, на какой высотѣ стояло въ то время оперное искусство и почему для того, кто бывалъ свидѣтелемъ упомянутыхъ представленій, трудно мириться съ нынѣшней передачею тѣхъ же оперъ. Вообще должно замѣтить, что не только искусство пѣнія, но также и искусство сценическое, къ сожалѣнію, сдѣлали большой шагъ назадъ, а не впередъ. Хотя и проявляются еще пѣвцы и пѣвицы съ отмѣнными отъ природы голосовыми средствами, но истинныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ нынѣ крайне мало; нѣтъ уже болѣе (или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко) артистовъ и артистокъ, которые вполнѣ бы владѣли голосовыми своими средствами въ отношеніи издаванія правильныхъ нотокъ, но и понимающихъ, что для сценическаго и вообще выразительнаго пѣнія надобно обладать яснымъ, правильнымъ выговоромъ и вѣрными, многосторонними психическими оттѣнками голосоваго тембра. А безъ этихъ качествъ пѣваемая рѣчь выходитъ безцвѣтною, не характеристическою и, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Нынѣшніе оперные артисты и артистки большею частью помышляютъ только о произведеніи *эффекта* посредствомъ вліянія силы легкихъ на матеріальную чувствительность слушателей.

---

[1]) „Въ каждомъ дюймѣ его фигуры — король!" (Изъ трагедіи Шекспира „Король Лиръ").

Одно дѣйствительно усовершенствовалось въ нашихъ оперныхъ представленіяхъ: это *роскошь обстановки;* и на нее-то и надѣются преимущественно какъ гг. артисты съ артистками, такъ и гг. авторы и всѣ прочіе участники и содѣятели оперныхъ представленій. Это усовершенствованіе само по себѣ, конечно, похвально, но не оно вѣдь составляетъ основную цѣль настоящаго искусства.

XLIII.

Францъ Лисстъ.

Въ концѣ марта мѣсяца 1842 года пріѣхалъ Францъ Лисстъ, про котораго столь много было уже писано и говорено, что всѣ петербургскіе любители музыки его ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ и съ сильно настроеннымъ интересомъ. Въ день 8-го апрѣля далъ онъ первый свой концертъ въ большой залѣ дворянскаго собранія, которая была болѣе чѣмъ переполнена собравшимися слушателями; присутствовала тутъ также и государыня Александра Ѳеодоровна съ великими княгинями и со всѣмъ придворнымъ своимъ штатомъ. Что всѣ мы, принадлежащіе къ музыкальному міру Петербурга, не отсутствовали, разумѣется само собой. Лисстъ игралъ сочиненія Бетховена, Вебера и Шуберта и окончилъ своимъ переложеніемъ „Лѣснаго царя“ послѣдняго. О томъ, какъ игралъ Лисстъ, нечего и распространяться, равно какъ и о томъ, какъ приняла его до-нельзя восторженная публика. Помню только, что на меня лично игра Лисста и въ особенности его чудное исполненіе „Лѣснаго царя“ произвели такое сильное впечатлѣніе, что я, когда оставилъ концертную залу, побѣжалъ — можно сказать — стремглавъ домой, бросился на диванъ и зарыдалъ. Послѣ второго концерта я имѣлъ случай встрѣтить Лисста на одномъ вечерѣ у графа Мих. Юр. Віельгорскаго, который меня и представилъ геніальному піанисту, какъ начинающаго композитора. Лисстъ очень привѣтливо мнѣ подалъ руку и пригласилъ посѣщать его, чѣмъ я, конечно, съ большимъ восхищеніемъ воспользовался. Лисстъ квартировалъ у Михайловскаго же сквера, насупротивъ дворянскаго собранія, въ бельэтажѣ оттеля Кулонъ, въ комнатахъ, выходящихъ окнами на скверъ. У него же познакомился я тогда съ Адольфомъ Ген-

новали между собою въ передачѣ этой высоко-драматической сцены. Вотъ гдѣ являлась истинная жизнь и истинная страсть; это были живыя лица, а не просто актеры; выражали они свои чувста не только пѣніемъ и движеніями, но и превосходной мимикою. *Формесъ* же явился такимъ Марселемъ, какъ нынѣ едва-ли кто и воображать себѣ можетъ.

Съ равнымъ же художествомъ олицетворялъ *Маріо* также и Іоанна Лейденскаго въ „Профетѣ“: красота и аристократическая фигура артиста по истинѣ дѣлали вѣроятными увѣренія трехъ лжепророковъ, будто „Іоаннъ“ походитъ на изображеніе Давида. И, дѣйствительно, Маріо, стоя среди стана анабаптистовъ (въ третьемъ актѣ, когда восходитъ солнце) и въ сценѣ коронованія въ храмѣ (IV дѣйствіе), являлся столь величественной личностью, что нельзя было на него иначе глядѣть, какъ съ умилительнымъ содроганіемъ глубокаго благоговенія „Ieder Zoll ein König!“ [1]) Изъ выше изложеннаго читатели легко поймутъ, на какой высотѣ стояло въ то время оперное искусство и почему для того, кто бывалъ свидѣтелемъ упомянутыхъ представленій, трудно мириться съ нынѣшней передачею тѣхъ же оперъ. Вообще должно замѣтить, что не только искусство пѣнія, но также и искусство сценическое, къ сожалѣнію, сдѣлали большой шагъ назадъ, а не впередъ. Хотя и проявляются еще пѣвцы и пѣвицы съ отмѣнными отъ природы голосовыми средствами, но истинныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ нынѣ крайне мало; нѣтъ уже болѣе (или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко) артистовъ и артистокъ, которые вполнѣ бы владѣли голосовыми своими средствами въ отношеніи издаванія правильныхъ нотокъ, но и понимающихъ, что для сценическаго и вообще выразительнаго пѣнія надобно обладать яснымъ, правильнымъ выговоромъ и вѣрными, многосторонними психическими оттѣнками голосоваго тембра. А безъ этихъ качествъ пѣваемая рѣчь выходитъ безцвѣтною, не характеристическою и, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Нынѣшніе оперные артисты и артистки большею частью помышляютъ только о произведеніи *эффекта* посредствомъ вліянія силы легкихъ на матеріальную чувствительность слушателей.

---

[1]) „Въ каждомъ дюймѣ его фигуры — король!“ (Изъ трагедіи Шекспира „Король Лиръ“).

Одно дѣйствительно усовершенствовалось въ нашихъ оперныхъ представленіяхъ: это *роскошь обстановки;* и на нее-то и надѣются преимущественно какъ гг. артисты съ артистками, такъ и гг. авторы и всѣ прочіе участники и содѣятели оперныхъ представленій. Это усовершенствованіе само по себѣ, конечно, похвально, но не оно вѣдь составляетъ основную цѣль настоящаго искусства.

XLIII.

Францъ Листъ.

Въ концѣ марта мѣсяца 1842 года пріѣхалъ Францъ Листъ, про котораго столь много было уже писано и говорено, что всѣ петербургскіе любители музыки его ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ и съ сильно настроеннымъ интересомъ. Въ день 8-го апрѣля далъ онъ первый свой концертъ въ большой залѣ дворянскаго собранія, которая была болѣе чѣмъ переполнена собравшимися слушателями; присутствовала тутъ также и государыня Александра Ѳеодоровна съ великими княгинями и со всѣмъ придворнымъ своимъ штатомъ. Что всѣ мы, принадлежащіе къ музыкальному міру Петербурга, не отсутствовали, разумѣется само собой. Листъ игралъ сочиненія Бетховена, Вебера и Шуберта и окончилъ своимъ переложеніемъ „Лѣснаго царя“ послѣдняго. О томъ, какъ игралъ Листъ, нечего и распространяться, равно какъ и о томъ, какъ приняла его до-нельзя восторженная публика. Помню только, что на меня лично игра Листа и въ особенности его чудное исполненіе „Лѣснаго царя“ произвели такое сильное впечатлѣніе, что я, когда оставилъ концертную залу, побѣжалъ — можно сказать — стремглавъ домой, бросился на диванъ и зарыдалъ. Послѣ второго концерта я имѣлъ случай встрѣтить Листа на одномъ вечерѣ у графа Мих. Юр. Віельгорскаго, который меня и представилъ геніальному піанисту, какъ начинающаго композитора. Листъ очень привѣтливо мнѣ подалъ руку и пригласилъ посѣщать его, чѣмъ я, конечно, съ большимъ восхищеніемъ воспользовался. Листъ квартировалъ у Михайловскаго же сквера, насупротивъ дворянскаго собранія, въ бельэтажѣ оттеля Кулонъ, въ комнатахъ, выходящихъ окнами на скверъ. У него же познакомился я тогда съ Адольфомъ Гек-

зельтомъ, и мы оба обыкновенно провожали Лисста, когда онъ возвращался къ себѣ послѣ своихъ концертовъ изъ дворянскаго собранія. Лисстъ не находилъ мои частыя посѣщенія назойливыми, а напротивъ поощрялъ ихъ своими любезнѣйшими отвѣтами на мои вопросы по разнымъ предметамъ нашего искусства, да не побрезгалъ разсматривать, а иногда и проигрывать мои сочиненія, которыя я ему приносилъ на судъ. Разговоры наши происходили весьма часто даже глазъ на глазъ и тогда молодой, но уже великій маэстро высказывалъ много для меня новаго и крайне поучительнаго. Такъ, между прочимъ, принесъ я ему разъ приложенія къ извѣстному сочиненію Чарльса Бёрней „History of music", въ которомъ находятся примѣры токкатъ англійскихъ композиторовъ, напр. Томаса Теллиса, Уилльяма Бёрда и друг. (изъ музыкальнаго альбома „Queen Elisabeth's Virginal-Book") и спросилъ его, какъ должно понимать и исполнять эту музыку? Лисстъ съ сердечной готовностью сталъ мнѣ объяснять, что вообще при исполненіи клавесинныхъ піесъ той эпохи должно, сколько возможно, стараться о передачѣ характера этого стариннаго инструмента, вслѣдствіе чего необходимо модифицировать манеру ударенія и вообще всю механическую часть техники. При этомъ, конечно, какъ само собой разумѣется, слѣдуетъ употреблять лѣвую педаль (corde seule), а правая педаль вовсе не должна быть тронута. Для того же, чтобы мнѣ дать лучше еще понять эту манеру игры, Лисстъ, по великой своей снисходительности, сѣлъ за рояль и сыгралъ мнѣ одну изъ піесъ Бёрда, да такимъ чудеснымъ образомъ, что музыкальное искусство XVI вѣка сразу представилось мнѣ подъ совершенно новымъ освѣщеніемъ. Въ то же время я былъ озадаченъ совершенной перемѣною тембра звуковъ, какіе подъ пальцами Лисста издавались изъ Лихтентальскаго рояля. Двадцатью годами позже неподражаемый маэстро удостоилъ меня еще разъ подобнымъ практическимъ урокомъ исторіи фортепіанной игры. Это было въ Лейпцигѣ, весною 1868 года, когда Лисстъ проводилъ въ томъ городѣ около двухъ недѣль, и когда мы съ нимъ видались почти ежедневно. Разъ онъ зашелъ ко мнѣ и увидѣлъ на моемъ фортепіано нѣсколько тетрадей старинной музыки. По этому случаю у насъ зашелъ опять разговоръ о музыкальныхъ формахъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій, а между прочимъ также и о фор-

махъ сюиты и первобытной сонаты. Тогда Лисстъ взялъ нѣсколько тетрадей и съигралъ мнѣ примѣры изъ нихъ, а именно: сонату Іоганна Кунау (1616 г.), шаконну Жоржа Мюффата (1695 г.) и сарабанду Франсуа Куперона (1713 г.). Вотъ изъ этихъ-то поученій, данныхъ мнѣ первѣйшимъ въ мірѣ мастеромъ фортепіанной игры, я и научился-то понимать, какъ должно играть сочиненія прошлыхъ вѣковъ, и поэтому не мудрено, что всякое своевольное перекувырканіе этихъ піесъ на новомодный „шикарный" ладъ всегда производило на меня весьма дурное впечатлѣніе.

Само собою разумѣется, что въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ Лисста привѣтствовали съ великимъ почетомъ и другъ съ другомъ соревновали приглашеніями его на свои вечера, а онъ всегда и вездѣ выказывалъ любезную готовность усладить слухъ собравшагося общества. Какимъ образомъ познакомился онъ съ Глинкою и какой оригинальный вечеръ послѣдній для него устроилъ у себя, о томъ имѣлъ я уже выше случай повѣдать.

Не стану понапрасну только распространяться здѣсь еще объ извѣстныхъ всѣмъ достоинствахъ Лисста, какъ фортепіаннаго виртуоза; но считаю своимъ долгомъ освѣтить его великое значеніе въ исторіи развитія музыкальнаго искусства и тѣмъ болѣе, что съ этой стороны года три тому назадъ была публично, самымъ недостойнѣйшимъ образомъ, наброшена на Лисста весьма мрачная тѣнь: господствующій въ нашемъ отечествѣ музыкальный „оракулъ" назвалъ этого геніальнаго художника „комедіантомъ" предъ свѣтомъ и даже предъ Богомъ и сравнилъ творенія его съ „каррикатурою". Противъ подобнаго сужденія я протестую нынѣ и здѣсь на *русскомъ* языкѣ, точно также, какъ протестовалъ я въ свое время на *французскомъ* языкѣ въ Парижскомъ журналѣ: „Le guide musical" [1]).

Что Францъ Лисстъ съ самаго дѣтства своего и вслѣдствіе именно-то своеобразнаго своего развитія не былъ автоматомъ,

---

[1]) Въ №№ 45 по 48, 1889 года. Первобытно по-русски написанную статью свою предлагалъ я тогда редакціямъ нѣсколькихъ журналовъ и газетъ, но вездѣ получалъ я отказъ: „Могутъ выйдти непріятности: маэстро больно въ „силѣ".

который бы чувствовалъ, думалъ, дѣйствовалъ и выражался по рутиннымъ формуламъ филистерскихъ традицій, — это совершенно вѣрно. Но эта эксцентричность, — какъ бы она ни показалась малонормальною глазамъ обычныхъ членовъ нашего маріонетнаго общества, которое не знаетъ иного основанія въ себѣ, кромѣ искусственныхъ условій, преисполненныхъ полупедантизма и полуханжества, — все-таки никакъ не являлась у Лисста плодомъ какого либо разсчета, но вполнѣ и положительно изъ глубокой сути собственнаго его моральнаго и интеллектуальнаго „Я". Слѣдовательно Лисстъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, дѣйствовалъ и творилъ въ совершенномъ согласіи съ собственными, глубоко присущими ему идеями и привычками, т. е. съ горячею своей вѣрою въ религію, съ твердыми убѣжденіями художника-производителя и съ благородными чувствами искренне-откровеннаго человѣка.

Тѣ годы, въ теченіе которыхъ Лисстъ являлся преимущественно какъ виртуозъ, составляютъ не только свѣтлый періодъ частной его жизни, но они вмѣстѣ съ тѣмъ вообще означаютъ начало новой и замѣчательной эпохи въ историческомъ развитіи, какъ самой игры на фортепіано, такъ и въ сочиненіяхъ для этого инструмента. Великій переворотъ, который состоялся по этой части послѣ 40-выхъ годовъ, находитъ свой первоначальный исходъ и свои основанія въ торжественной поѣздѣ виртуоза Лисста по всѣмъ странамъ цивилизованнаго міра. Тогда-то и былъ положенъ конецъ тому приторному и дѣтски-наивному поигрыванію, которое, не утруждая требованіемъ мышленія, пріятно усыпляло слушателя своею ласкающе-текущею техникою, но не удовлетворяло ни души, ни интелегенціи его,—былъ положенъ конецъ той калейдоскопической забавѣ одними лишь внѣшними формами, конецъ той игрѣ, однимъ словомъ, которую намъ оставила въ наслѣдство гистріоническая виртуозность эпохи реставраціи. Этотъ сухой-то и пустой, лишь техническій формализмъ, который тормошилъ только поэтическій полетъ въ искусствѣ, Лисстъ замѣнилъ новымъ, животворнымъ принципомъ,—принципомъ передаванія мысли и душевныхъ ощущеній.

Была бы большая ошибка ограничить узкими предѣлами то великое вліяніе, которое имѣлъ *виртуозъ* Лисстъ на реформу современной виртуозности: вліяніе это простиралось не на одну

только фортепіанную игру; оно простиралось ясно и безъ противорѣчія далеко за предѣлы этого инструмента. Игра же самого Лисста находилась внѣ всякихъ предѣловъ извѣстной дотолѣ технической умѣлости, т. е. основанія и цѣли виртуозности въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Но точно также, какъ эта игра сама по себѣ уже должна была считаться признакомъ высшей музыкальной геніальности, которая оказывалась всеобъемлющею, а не частною только, спеціально-техническою, такъ и впечатлѣнія, произведенныя этой игрою, переходили далеко за ту черту, какая обыкновенно другъ отъ друга отличаетъ виртуозность на разныхъ инструментахъ. Общая музыкальная виртуозность, въ отношеніи желаемаго *идеальнаго*, столь же выраженія, сколь и внѣшняго исполненія, получила замѣчательный и, такъ сказать, на долго еще дѣйствующій толчекъ къ окончательному и болѣе широкому развитію. Всѣ индивидуальности различныхъ виртуозовъ, въ спеціальности своей болѣе или менѣе ограниченныя, могли себя узнавать и дѣйствительно узнавали себя въ всеобщей и безпредѣльной индивидуальности Лисста. Кто бы ни услыхалъ исполненія его какого-нибудь сочиненія на фортепьяно, хотя бы онъ самъ и былъ лишь пѣвцомъ, скрипачемъ, арфистомъ или гобоистомъ, но всякій почувствовалъ въ себѣ расширеніе своихъ воззрѣній на искусство. Однимъ словомъ, Лисстъ, во всѣхъ направленіяхъ, всегда и вездѣ оставлялъ за собою глубокіе и неизглаживаемые слѣды. Не говоря уже о томъ, что всякій виртуозъ, въ виду могучей игры Лисста, сталъ, по мѣрѣ возможности, усовершенствовать собственную свою технику, такъ и самый духовный-то элементъ этой игры, т. е. стремленіе къ поэтической интерпретаціи сочиненія, болѣе еще далъ поводъ къ совершенной перемѣнѣ цѣли, какую отнынѣ должна была себѣ поставить виртуозность. Характеристическій прогрессъ, который въ этомъ отношеніи совершился во второй половинѣ XIX-го вѣка, имѣетъ, по всей справедливости, быть приписаннымъ громадному вліянію, какое имѣлъ геніальный піанистъ на весь цивилизованный свѣтъ.

То же самое можно сказать также и про музыкальныя творенія Лисста изъ этой эпохи, хотя вліяніе ихъ было, такъ сказать, не болѣе какъ лишь приготовительнымъ. Они, впрочемъ, не заключаютъ въ себѣ однихъ только сочиненій исключительно

для фортепіано, потому что, кромѣ сказанныхъ работъ, Лисстъ въ то время сочинялъ еще весьма много „Lieder“ (романсовъ) и хоровъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Что касается его сочиненій для фортепіано, такъ они состоятъ изъ фантазій на оперные мотивы, изъ этюдовъ, парафразъ и транскрипцій. Никто нынѣ, думаю я, не станетъ оспаривать великое значеніе его транскрипцій многихъ „Lieder“ и разныхъ симфоническихъ партитуръ предшествовавшихъ классическихъ композиторовъ. Между самостоятельными же сочиненіями Лисста для фортепіано прежде всего должно упомянуть о его большихъ концертныхъ фантазіяхъ. Онѣ составляютъ совершенно новый жанръ музыкальной литературы; это образцовыя созданія, написанныя мастерскою рукою. Характеристическій, весьма выразительный колоритъ и драматическій элементъ этихъ фантазій сразу доказали всю пустоту рутинно-виртуозныхъ фразъ, какія содержались въ композиціяхъ большей части непосредственно предшествовавшихъ композиторовъ—фразъ, какія умѣли избѣгать одни только: во Франціи *Шопенъ*, равно какъ въ Германіи *Шуманъ*, да относительно, также *Мендельсонъ*. Съ этого времени рутинный жанръ сталъ невозможнымъ для будущей виртуозности. Можно, слѣдовательно, сказать, что въ этомъ смыслѣ это былъ именно-то Лисстъ, который указалъ дорогу къ новой формѣ, къ той формѣ, которая съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе расширялась и нынѣ приняла уже спеціальный и положительный видъ и стиль.

Нынѣ нѣтъ **ни единаго** *піаниста композитора, который (болѣе или менѣе удачно, конечно) не былъ бы подражателемъ Лисста, столько же въ отношеніи формы, сколько въ отношеніи придаванія смысла и выраженія своимъ сочиненіямъ для этого инструмента.*

То, что я сейчасъ сказалъ, не слѣдуетъ, однако-же, понимать какимъ-либо непризнаніемъ великихъ заслугъ, которыя нашему искусству приносили тѣ современники, или, вѣрнѣе сказать, непосредственные предшественники Лисста, о которыхъ я упомянулъ выше, т. е. Мендельсонъ, Шуманъ и Шопенъ. Но не должно забывать, что въ 1840-мъ году только одинъ изъ нихъ, Мендельсонъ пользовался всеобщей извѣстностью и то, благодаря столько же своему выдавшемуся соціальному положенію, сколько своему консерватизму въ искусствѣ. Ибо, хотя онъ и облагораживалъ и даже иногда идеализировалъ господствующій въ

то время въ композиціяхъ формализмъ, онъ все-таки никогда не позволялъ себѣ на сколько бы то ни было выходить изъ предѣловъ его. Между тѣмъ въ ту же эпоху другіе два музыкальныхъ поэта создавали свои рапсодіи на новомъ уже музыкальномъ языкѣ, исполненномъ поэтическаго духа и психологической правды; я разумѣю *Шопена* и *Шумана*, сочиненія которыхъ были извѣстны лишь въ малочисленныхъ, но избранныхъ кругахъ приверженцевъ ихъ, большей частью изъ личныхъ друзей композиторовъ. Ихъ сочиненія, хотя и существовали уже въ дѣйствительности, т. е. въ печати, но были тогда еще мало распространены и, конечно, далеко еще не получили того авторитетнаго значенія, которое за ними было признано десятью годами позже, а именно послѣ торжествъ Лисста въ его концертахъ по всей Европѣ.

И вотъ, Францъ Лисстъ,— тотъ самый Францъ Лисстъ, про котораго „оракулъ“ нашего русскаго музыкальнаго міра сказалъ, что онъ „какъ поэтъ и какъ романтикъ граничитъ съ каррикатурою“—тотъ самый Францъ Лисстъ, сказалъ я, возставши съ 1840-го года неутомимымъ и ревностнымъ пропагандистомъ того новаго музыкальнаго языка, зиждящагося на поэзіи, на лиризмѣ и романтизмѣ, сразу покоряетъ этому новому принципу всю музыкальную Европу, увлекая ее, даже противъ ея воли, грандіозною своею манерою интерпретировать съ неслыханнымъ дотолѣ музыкальнымъ краснорѣчіемъ, какъ творенія другихъ великихъ маэстро, такъ собственныя свои композиціи и импровизаціи.

Артистическія странствованія Лисста оказались сопровожденными зарницею громкой славы и высшихъ чествованій, оказавшихся до того внѣ всякихъ обычныхъ предѣловъ, что нельзя будетъ отыскать чего-либо подобнаго въ жизнеописаніяхъ славнѣйшихъ даже художниковъ какой бы то ни было эпохи. Къ тому же энтузіазмъ, предметомъ котораго былъ Лисстъ и который откликался во всѣхъ странахъ Европы, относился столько же *къ человѣку*, сколько *къ артисту*, что̀ и придавало его славѣ особенное обаяніе.

Великій человѣкъ и *великій художникъ*: эти два качества высказались нераздѣльными въ личности Лисста, цѣликомъ вылитыми, такъ сказать, изъ одного и того же металла. Натура его

въ качествѣ человѣка была столь же блестяща и столь же лучезарна, какъ натура его въ качествѣ художника. Ничего низкаго, а того менѣе еще пошлаго не омрачало сіянія того и другаго; и хотя романическіе эпизоды являлись таки частенько во время его перегринацій, хотя было много разсказано интересныхъ анекдотовъ и вымышленныхъ, самыхъ фантастическихъ идиллій, но во всѣхъ этихъ разсказахъ никто никогда не могъ находить чего-либо, что̀ унизило бы Лисста, какъ человѣка или художника, ничего даже такого, что могло бы омрачать идею, какую себѣ должно сотворять объ этомъ блестящемъ Беллерофоонѣ музыкальнаго искусства. Не смотря на эксцентричность его темперамента, личность Лисста, какъ человѣка, сохраняла всегда на себѣ печать художническаго идеала, рыцарскаго благородства и величія, достойнаго какъ бы царя [1]). Послѣ этого не удивительно, что одна изъ самыхъ высокопоставленныхъ особъ того времени разъ предложила своему интимному придворному кругу рѣшить вопросъ: кто изъ двухъ стоитъ выше, *Лисстъ человѣкъ* или *Лисстъ художникъ*?

По мѣрѣ того, какъ въ индивидуальности Лисста развивалась все болѣе и болѣе та оригинальность, которая составляла одну изъ чертъ его характера, вліяніе его личности на другихъ оказывалось все болѣе и болѣе обаятельнымъ и сильнымъ, а въ то же время утверждались также все шире и шире не только самыя дѣйствія этого вліянія, но также и сужденія о немъ. Между тѣмъ

---

[1]) Никогда никто, хотя бы даже изъ фаланги жесточайшихъ его антагонистовъ, не находилъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы обвинять Лисста въ какомъ-нибудь *порокѣ*. Оно и было, такъ сказать, невозможнымъ, чтобы великій этотъ человѣкъ оказался порочнымъ. Въ немъ любовь и сердечныя увлеченія не бывали послѣдствіями порочныхъ порывовъ: они составляли какъ бы неотдѣлимую частицу его своеобразной индивидуальности. Какъ художникъ, проникнутый восторженнымъ обоготвореніемъ идеаловъ всего прекраснаго, не только физическаго, но также, и даже преимущественно, интеллектуальнаго, — какъ поэтъ, одаренный живымъ и фантастическимъ воображеніемъ, какъ виртуозъ, вѣчно находившійся въ экзальтированномъ душевномъ состояніи, Лисстъ, весьма естественно, долженъ былъ въ любви сверхъобычной женщины видѣть „альфу и омегу“ земнаго счастія, высшую награду, какую небо только и можетъ ниспослать поэту-художнику. Но низкимъ и пошлымъ развратникомъ Лисстъ никогда не бывалъ и быть имъ даже никакъ не могъ!

какъ одни искренно, наивно и безпредѣльно предавались упомянутому обаянію, другіе старались анализировать это вліяніе, каждый, конечно, сообразно со своей собственной индивидуальностью. Человѣкъ тонкаго ума полагалъ находить основу оригинальности Лисста въ блестящей и необыкновенной интеллигенціи его; великодушный—въ душевномъ его благородствѣ; поэтъ—въ живой подвижности его воображенія; свѣтскій человѣкъ — въ совершенномъ и тонкомъ умѣніи его держать себя въ обществѣ; богачъ — въ безпредѣльной его щедрости; матеріалистъ, наконецъ,—въ утонченной его чувственности. Кто же изъ нихъ былъ правъ? Никто въ частности, а между тѣмъ всѣ вмѣстѣ.

При такомъ родѣ перекочующей жизни, какую велъ Лисстъ, всякая другая, менѣе крѣпкая и менѣе здоровая натура упала бы морально и матеріально среди урагана удовлетвореннаго самолюбія и постояннаго нервнаго возбужденія. Лисстъ же вышелъ съ невредимымъ, здравымъ и уцѣлѣвшимъ какъ тѣломъ, такъ и душою изъ этой вакханаліи славы и любви; натура его, напротивъ того, сдѣлалась оттого какъ бы еще крѣпче, его характеръ еще естественнѣе, его сердце еще чище и возвышеннѣе. Почести и отличія не отуманили его; художническій его идеалъ не погнулся подъ ихъ тяжестью и, вопреки всѣмъ этимъ искушеніямъ, священный огонь искусства продолжалъ ярко пламенѣть въ его сердцѣ. Хотя часто и упрекали Лисста въ чрезмѣрномъ будто самолюбіи, тѣмъ не менѣе правда, что онъ никакъ не свыше должныхъ предѣловъ цѣнилъ всѣ тѣ шумныя оваціи и спеціальныя почести и что онъ никогда не чванился ими предъ своими собратьями по искусству. Но съ другой стороны, изъ этого не слѣдуетъ заключать еще, будто бы Лисстъ былъ совершенно равнодушнымъ къ славѣ и къ почестямъ; напротивъ того, всякій отказъ ему въ симпатіи, на которую онъ имѣлъ полное право разсчитывать, онъ принялъ бы къ сердцу, какъ смертельную обиду. Пресловутое изреченіе: „и я также король“, вѣдь, должно считаться девизомъ каждаго истиннаго генія. Внутреннее самоубѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ вовсе не одно и то же, что высокомѣрное самомнѣніе талантовъ посредственнаго полета. Всегда готовый отъ всего сердца признавать производительные труды другихъ (иногда даже свыше настоящаго ихъ достоинства), всегда расположенный ихъ защищать противъ

всякихъ нападокъ, Лисстъ съ другой же стороны, какъ само собою разумѣется, не имѣлъ ничего общаго съ тѣми подленькими натурами, которыя скрываются или уступаютъ мѣсто вслѣдствіе только лицемѣрной лишь скромности. Не будучи сухимъ собственно эгоистомъ, онъ умѣлъ, однако же, поддерживать съ достоинствомъ тѣ права, которыя его заслуги ему пріобрѣли. И вотъ почему тѣ необычайныя почести и тѣ необычайныя отличія не вскружили ему голову; чрезвычайное никогда не было въ состояніи его изумлять, такъ какъ все необычайное было только въ уровень собственной его натурѣ.

Проникнутый полной непошатаемой вѣрою въ высокую и божественную задачу искусства и его жрецовъ, Лисстъ видѣлъ въ энтузіазмѣ публики единственно только отраженіе того священнаго пламени, который горѣлъ въ собственной его груди. Основываясь на этой точкѣ воззрѣнія, онъ среди самыхъ шумныхъ даже овацій выказывалъ всегда величайшее душевное спокойствіе, хотя иногда экстравагантный характеръ таковой оваціи ставилъ его болѣе или менѣе въ ложное положеніе [1]). Природная его скромность и очаровательная его простота являлись часто поразительнымъ контрастомъ съ доведенными, бывало, до изступленія оваціями его сумасбродныхъ поклонниковъ.

Вышеизложенная характеристика Франца Лисста, сознаюсь,

---

[1]) Противники Лисста въ свое время очень издѣвались между прочимъ и надъ экстравагантнымъ обожаніемъ его со стороны нѣкоторыхъ дамъ, которыя упорно добивались „счастія“ поцѣловать у него руку или которыя воспламенялись до того что, овладѣвъ его носовымъ платкомъ и изорвавъ, почти съ остервенѣніемъ другъ у друга оспаривали клочочки его. По моему мнѣнію, несправедливо было обратить эту глупую выходку нѣсколькихъ сумасбродныхъ женщинъ въ укоръ самому Лиссту. Онъ, вѣдь, въ этой смѣхотворной оваціи столь же мало былъ виноватымъ, сколь мало же виноватымъ былъ, напр., А. Гр. Рубинштейнъ въ томъ, что въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ, данныхъ имъ въ Москвѣ, нашлось нѣсколько „милыхъ“ москвитянокъ, которыя подкрались сзади къ великому піанисту и вдругъ бросились неистово цѣловать фалды его фрака; овація безсомнѣнно гораздо болѣе смѣхотворная и крайне пошлая. Если я позволилъ себѣ упомянуть объ этомъ, у насъ въ Москвѣ болѣе тысячи свидѣтелямъ извѣстномъ, а потому *неоспоримомъ* фактѣ, такъ это вовсе не для того, чтобы издѣваться надъ А. Гр. Рубинштейномъ, который, вѣдь, никакъ не отвѣтственъ за московскихъ самодурокъ, а для того, чтобы указать на нелогичность бывшихъ на Лисста нападокъ со стороны его недоброжелателей и завистниковъ.

написана, быть можетъ, отъ горячаго сердца, но все-таки безсомнѣнно по строгой совѣсти. Пускай же благосклонные читатели теперь сами разсудятъ, заслужилъ ли Лисстъ на самомъ дѣлѣ грубыхъ и жёлчныхъ названій „комедіанта“ и „каррикатуры“.

Не безъинтересно, я думаю, будетъ теперь повѣдать о нѣкоторыхъ эпизодахъ, которые съ Лисстомъ случались въ Петербургѣ и въ иныхъ мѣстахъ въ моемъ присутствіи, тѣмъ болѣе, что эти эпизоды могутъ еще болѣе служить освѣщеніемъ рѣдкаго характера этого великаго художника и великаго человѣка.

Разъ, въ одно утро, когда Гензельтъ и я находились у Лисста, явилась, между прочими случайными посѣтителями и посѣтительницами, также и одна нѣмка-гувернантка со своей десятилѣтней воспитанницею и представила Лиссту послѣднюю съ примѣчаніемъ, что эта дѣвочка играетъ вторую изъ его „Венгерскихъ національныхъ мелодій“ [1]). Мы (т.-е. самъ маэстро, Гензельтъ и я) съ удивленіемъ смотрѣли на стоявшую передъ нами худенькую и блѣдную крошку. Листъ, погладивъ ее по головкѣ, пригласилъ ее и гувернантку къ рояли и самъ усадилъ за него маленькую „виртуозку“. Гувернантка чинно встала возлѣ и съ важностью положила на пюпитръ инструмента привезенную съ собой нотную тетрадку. Дѣвочка съ видимой боязнью начала играть и, конечно, оказалась далеко не „виртуозкой“. Исполненіе было невообразимо медленное и совершенно безцвѣтное; это было видимо насилу и подъ гнетомъ безразсудной, но педантической учительницы выдолбленное удариваніе клавишей и конечно имѣло только служить предлогомъ для самолюбивой гувернантки къ добыванію себѣ чести предстать предъ великимъ маэстро. Само собою разумѣется, что Лиссту стало жаль бѣдной дѣвочки, и онъ послѣ немногихъ уже тактовъ, снова ласково погладивъ маленькую піанистку по головкѣ, сказалъ съ акцентомъ полнаго сожалѣнія къ мученіямъ дитяти: „Genug, genug!“ [2]), поцѣловалъ ее въ лобъ и выразилъ гувернанткѣ нѣчто въ родѣ весьма двусмысленнаго комплимента насчетъ ея „великаго умѣнья

---

[1]) № 1 и 2 этихъ мелодій, изданные въ 1840-мъ г. въ Вѣнѣ у Гаслингеръ, были въ числѣ первыхъ сочиненій Листа, которыя въ Петербургѣ появились въ продажѣ.

[2]) Довольно, довольно!

учить". Лисстъ конечно ожидалъ послѣ того, что посѣтительницы распростятся; но не то вышло. Возгордившаяся, вѣроятно, непонятымъ ею комплиментомъ Лисста, достойная представительница тогдашней въ среднихъ Петербургскихъ кругахъ музыкальной педагогики смѣло обратилась къ Лиссту съ вопросомъ о томъ, какими именно пальцами онъ совѣтуетъ исполнять одинъ изъ пассажей этой „Венгерской мелодіи?" Трудно описать то выраженіе величайшаго изумленія и насильно лишь удержаннаго гнѣва, который вдругъ появился на лицѣ Лисста.

— Вы желаете знать, какой doigté [1]) я употребляю? — спросилъ онъ рѣзкимъ тономъ и, подошедши къ рояли, прибавилъ: — вотъ видите, иногда вотъ такими пальцами, иногда же и другими, вотъ такъ, а когда мнѣ вздумается, даже и такимъ образомъ". И при этомъ онъ перевернулъ руку и перебиралъ клавиши какими попало пальцами, держа руку вверхъ ладонью. Потомъ обратился онъ къ ней и довольно сухо сказалъ: „Pardon, madame! но вы видите, у меня гости, а потому имѣю я честь кланяться". Чуть только барыня эта вышла за двери, Лисстъ болѣе не могъ удержать своего гнѣва. „И это она думаетъ быть учительницею! — воскликнулъ онъ; — она замучитъ эту бѣдненькую дѣвочку! Да и вопросъ-то ея хорошъ: какими пальцами я играю этотъ пассажъ! Какое ей до этого дѣло? Чего она въ этомъ даже въ состояніи понимать!" И трудно намъ было его успокоить.

Въ 1843-мъ году Лисстъ пріѣхалъ вторично въ Петербургъ и, между прочимъ, въ пятомъ своемъ концертѣ, для окончанія съигралъ импровизацію на заданныя ему темы изъ „Жизни за царя" и привелъ всѣхъ слушателей въ величайшій восторгъ. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, Гензельтъ и я проводили его домой. Уже на дорогѣ Лисстъ выказалъ пасмурнымъ своимъ молчаніемъ, что онъ не въ духѣ. Едва вступили мы въ его комнату, какъ онъ, словно взбѣшенный, бросилъ свою шубу на полъ, сорвалъ съ себя фракъ и началъ быстро шагать по комнатѣ, безпрестанно восклицая: Ich habe wie ein Schw...n phantasirt!" [2]) Сколько мы ни старались доказать ему, что импрови-

---

[1]) Аппликатура, положеніе пальцевъ на клавишахъ.

[1]) Я импровизировалъ какъ сви...!

зація его была восхитительною и что публика явно была вполнѣ довольна, но Лисстъ не угомонился, долгое время еще продолжалъ сердиться на самого себя, и только, какъ бы извиняясь предъ нами съ Гензельтомъ, прибавилъ: „Doch kann ich's besser, hundert mal besser! Ich kann's! ich kann's! [1])

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ же эпизодовъ изъ эпохи втораго пребыванія Лисста въ Петербургѣ долженъ безспорно считаться слѣдующій. Великія княгини Марія Николаевна и Елена Павловна, между прочимъ, выразили желаніе услышать игру Лисста съ аккомпаниментомъ оркестра, да именно указали на знаменитый концертъ *Es—dur* Бетховена. Для этой цѣли гр. Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій устроилъ у себя большой утренній концертъ, на которомъ Лисстъ обѣщалъ исполнить сказанное сочиненіе. Насталъ день концерта; Лисстъ и всѣ прочіе участвующіе въ концертѣ, а равно и приглашенные гости собрались уже заранѣе въ ожиданіи пріѣзда великихъ княгинь. Нѣкоторые гости усѣлись въ концертной залѣ, а иные прохаживались, разговаривая, въ смежной комнатѣ, дверь которой выходила на площадку парадной лѣстницы. Между послѣдними находился также и Лисстъ въ весьма оживленномъ, повидимому, хотя pianissimo веденномъ разговорѣ съ молодой княгиней Меньшиковой, рожденной княжной Гагариной. Вдругъ пріѣхали высочайшія гостьи, вслѣдствіе чего произошла обыкновенная маленькая суматоха, потому что прогуливающіеся въ проходной комнатѣ должны были посторониться. Во время же этой суматохи, конечно, нельзя было различить, кто изъ лицъ, бывшихъ въ этой комнатѣ, пробрался уже въ залу или же остался въ той же комнатѣ. По знаку гр. Віельгорскаго концертъ начался; оркестръ, подъ управленіемъ старика Маурера, началъ Моцартову увертюру къ „Волшебной Флейтѣ" и блестяще окончилъ ее. Слѣдующимъ нумеромъ имѣлъ быть Бетховенскій концертъ, но оказалось, что Лисста нѣтъ—онъ исчезъ и его нигдѣ не находили. Нечего было дѣлать. Віельгорскій долженъ былъ просить фрейлину Пр. Бартеневу выступить со своею аріею, которая собственно-то значилась третьимъ нумеромъ. Окончилась и арія, Лисста все-таки не нашли. Тогда А. Ѳ. Львовъ исполнилъ свое

---

[1]) Но я могу лучше, стократъ лучше! Могу! могу!

solo (соч. Шпора) на скрипкѣ. Между тѣмъ гр. Михаилъ Юрьевичъ, внѣ себя отъ волненія, шагалъ съ одного конца до другаго по проходной комнатѣ и по парадной лѣстницѣ и безпрестанно, съ отчаянія, поднималъ свой паричекъ, чтобы вытирать съ своего чела невольно выступающій отъ душевной тревоги обильный на немъ потъ. Но ничто не помогало: Лисста нѣтъ, какъ нѣтъ! Тогда измученный графъ Віельгорскій видѣлъ себя вынужденнымъ подойти къ великимъ княгинямъ съ горестнымъ объясненіемъ причинъ этой неожиданной перемѣны программы, да всенижайше испросить ихъ милостивѣйшаго терпѣнія и соизволенія на одинъ еще промежуточный нумеръ, который весьма любезно взялъ на себя А. Ѳ. Львовъ, исполнивъ собственное свое сочиненіе: „Le duel". Пока Львовъ игралъ, гр. Віельгорскій опять вышелъ на площадку у парадной лѣстницы и вдругъ—о счастье!—увидѣлъ поднимающагося по ней Лисста, ведущаго подъ руку весело болтающую съ нимъ княгиню Меньшикову.

Графъ такъ и набросился на виртуоза: „Grand Dieu, Mr- Liszt! Que vous est-il donc arrivé? Les Grand'-duchesses sont très—choquées!" [1]).

„Milles grâces, Mr. le comte! (возразилъ Лисстъ тономъ самой невиннѣйшей наивности и съ самой граціознѣйшей улыбкою), pcccavi! peccavi! mais y—avait-il donc quelque possibilité de résister á la trop aimable invitation de M-me la princesse à une petite tournée printanière avec elle dans sa carosse!" [2]).

Затѣмъ онъ свободно и развязно, какъ будто ни въ чемъ не виновенъ, послѣдовалъ за графомъ въ концертную залу, преклонился низко предъ высочайшими слушательницами, сѣлъ за рояль и началъ играть. Высочайшія гостьи, а по примѣру ихъ также и весь аристократическій кружокъ, сначала слушали съ выраженіемъ самого ледянаго равнодушія на лицахъ; но не долго. Противъ неотразимыхъ чаръ Лисстовской игры не устоялъ этотъ

---

[1]) Великій Боже, г. Лисстъ! что случилось съ вами? для великихъ княгинь это весьма оскорбительно!

[2]) Прошу тысячу разъ прощевія, г. графъ! виноватъ! виноватъ! Но была ли какая либо возможность устоять противъ слишкомъ любезнаго приглашенія г-жи княгини сопутствовать ей въ маленькой весенней прогулкѣ въ ея каретѣ. (Разсказывали потомъ, что они прокатились до самой стрѣлки на Елагинскій островъ).

лишь минутнымъ гнѣвомъ созданный холодъ въ сердцахъ высочайшихъ (истинныхъ) меценатокъ музыкальнаго искусства; отъ глубоко проникающаго огня его исполненія должна была растаять и послѣдняя даже ледяная корочка, если гдѣ либо таковая и хотѣла еще удержаться,—и не только великодушное прощеніе за легкомысленно имъ совершенное преступленіе, но и общій, искреннѣйшій восторгъ были наградою несравненному піанисту-художнику. Сердечнѣйшую свою благодарность Листъ выразилъ очаровательнымъ (придаточнымъ) исполненіемъ своего, по истинѣ классически образцоваго переложенія „Лѣснаго Царя“ [1]).

Этотъ конечно, не публичный, а домашній, избранному лишь кругу нашей столицы посвященный, концертъ былъ однимъ изъ послѣднихъ, въ которыхъ мы слышали Листа въ Петербургѣ. Въ томъ-же апрѣлѣ мѣсяцѣ, 13-го (кажется) уже числа, далъ онъ въ Москвѣ первый свой концертъ.

Чрезъ 21 годъ (въ 1864 г.) встрѣтились мы съ Листомъ снова, но не въ Россіи, а за границею. Это было въ августѣ мѣсяцѣ на музыкальномъ фестивалѣ (Tonkünstlerfest), устраиваемомъ въ Карлсруэ „всеобщимъ союзомъ германскихъ музыкальныхъ художниковъ“ (Allgemeiner deutscher Tonkünstler-Verein), въ управленіи котораго я тогда занималъ должность секретаря, а вслѣдствіе того былъ также и членомъ распорядительнаго комитета по дѣламъ этого фестиваля.

Мы съ д-ромъ Бренделемъ пріѣхали изъ Лейпцига недѣли двѣ заранѣе, равно какъ и прочіе члены комитета: д-ръ Гилле (весьма интимный другъ Листа), Карлъ Ридель и кассиръ нашъ К. Ф. Каантъ; Листъ же пріѣхалъ недѣлею позже изъ Рима и съ нимъ соотечественникъ его, извѣстный скрипачъ Эдуардъ Ременій. Листъ остановился на частной квартирѣ въ домѣ бюргермейстера города Карлсруэ, а нашъ комитетъ расположился въ нумерахъ лучшей гостинницы „Hôtel de l' Europe“. Такъ какъ Бренделя и Риделя сопровождали ихъ жены, а между тѣмъ Листъ поже-

---

[1]) Бесѣдуя разъ съ покойнымъ Леон. Өеод. Львовымъ (это было въ 1885 г. въ Москвѣ), мы вспоминали про годы нашей молодости, а между прочимъ и про Листа и про концертъ у графа Віельгорскаго. „А каково Листъ съигралъ концертъ Бетховена? (воскликнулъ Львовъ съ юношескимъ словно этузіазмомъ). Чуть ли не до ста разъ слышалъ я этотъ концертъ отъ различныхъ піанистовъ художниковъ,—но въ такомъ совершенствѣ—jamais,—oh! jamais plus!“

лалъ участвовать въ общемъ нашемъ обѣдѣ, то и было устроено такъ, что Лисстъ приходилъ обѣдать къ намъ въ отель, а послѣ обѣда бо́льшая часть изъ насъ провожала его домой и просиживали у него съ полчаса за бесѣдою. Если я упоминаю объ этомъ деталѣ, такъ это только для объясненія повода къ тѣмъ дружески-интимнымъ отношеніямъ, въ которыя я имѣлъ счастье стать къ Лиссту послѣ возобновленія нашего давнишняго Петербургскаго знакомства. Само собою разумѣется, что нашъ кружокъ всегда находился вмѣстѣ, какъ при посѣщеніи концертовъ, такъ и другихъ сходьбищъ. Поэтому Листъ въ шутку называлъ насъ своими рыцарями „Артусова круга“.

Когда я представился Лиссту, при встрѣчаніи его на платформѣ желѣзной дороги, онъ тотчасъ будто узналъ меня [1]). Нѣсколькими днями позже мы съ нимъ разговорились о нашихъ бывшихъ общихъ Петербургскихъ знакомыхъ, и я могъ ему сообщить многое такое, чето онъ еще не зналъ (между прочимъ напр. о переселеніи князя Вл. Ѳ. Одоевскаго въ Москву). Вспоминали мы, конечно, также про Глинку и я, увлекшись этими воспоминаніями, спросилъ его: „Et le tabor de tzygans, Maître, vous-en souvenez-vous encore? [2]).

„Oui, oh oui! (отвѣтилъ Лисстъ съ грустной какъ бы улыбкою), nous étions jeunes alors! Mais les temps ont changé; n'en parlons plus, mon ami!“ [3]).

Тутъ-то я спохватился, что я брякнулъ не впопадъ; я было забылъ совсѣмъ, что предо мной сидитъ уже не Лисстъ 40-хъ годовъ, а „camerіere его святѣйшества папы Римскаго и аббатъ“, съ которымъ, вѣдь, неловко говорить о подобныхъ, хотя само по себѣ весьма невинныхъ, „оргіяхъ“.

Лисстъ выказалъ много интересу относительно моихъ сочиненій, которыя были приняты въ программу концертовъ. Это были: увертюра къ драмѣ „Борисъ Годуновъ“ и баллада на слова Мея. Когда я пришелъ разъ къ пѣвицѣ г-жѣ Гаузеръ, которая должна

---

[1]) Брендель, впрочемъ, уже давно предупредилъ его письменно о томъ, что я нахожусь въ Германіи и какую должность я занялъ въ комитетѣ общегерманскаго союза музыкантовъ.

[2]) „А цыганскій таборъ, маэстро, помните-ли вы его еще?“

[3]) „Да, ахъ да! мы были молоды тогда! Но времена измѣнились; не станемъ болѣе говорить о томъ, мой другъ“!

была исполнить балладу, чтобы проходить ее съ нею, я засталъ у нея Лисста. „А! Вы хотите репетировать,—сказалъ онъ;—давайте-ка, я стану аккомпанировать г-жѣ Гаузеръ". Онъ такъ и сдѣлалъ и удивилъ меня своимъ необыкновеннымъ ясновидѣніемъ, съ которымъ онъ угадалъ сразу мельчайшія всѣ детали моихъ мыслей, даже и тѣ, которыя не были выражены въ нотахъ никакими знаками, ни словами.

Таковую же милѣйшую простоту выказывалъ Лисстъ также и весною 1868-го года, когда онъ по дѣламъ своимъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ. Слѣдуетъ однако-же, предварительно упомянуть о томъ, что недавно предъ тѣмъ я въ одномъ письмѣ къ извѣстному органисту *Александру Готшальгу* въ Веймарѣ, котораго мы обыкновенно звали „адъютантомъ Лисста", жаловался на Эдуарда Ременія, что онъ, бывъ въ Лейпцигѣ, не заглянулъ даже ко мнѣ, между тѣмъ, какъ въ общую нашу бытность въ Карлсруэ, онъ весьма и даже иногда черезчуръ ухаживалъ за мною и не иначе называлъ меня, какъ „mon adorable Hetmann" [1]). Это вѣроятно потому, что въ 1864-мъ году я былъ помощникомъ Бренделя по редакціи „Neue Zeitschrift für Musik" и секретаремъ упомянутаго комитета, слѣдовательно „пригоднымъ" человѣкомъ, а въ 1868-мъ году, я, разсорившись съ Бренделемъ еще въ 1866 г. [2]), отказался уже тогда отъ сказанныхъ занятій. По этому случаю я и выразился въ своемъ письмѣ: „что всѣ подобные гг. виртуозы болѣе или менѣе похожи на сви..., также только бѣгающіе туда, гдѣ знаютъ, что имъ поставлено корыто съ сладкимъ кормомъ". И вотъ пріѣхавъ въ Лейпцигъ, Лисстъ чрезвычайно пріятно изумилъ меня никакъ неожидаемымъ своимъ появленіемъ въ скромной моей келіи, и, когда я радостно бросился обнимать его, то онъ, добродушно-лукаво улыбнувшись сказалъ: „я хотѣлъ вамъ доказать, мой другъ, что я, по крайней мѣрѣ, умѣю и безъ корыта найти дорогу къ вамъ". Онъ въ то время прожилъ въ Лейпцигѣ около двухъ недѣль, и мы почти ежедневно видались у него и, конечно, не безъ великой пользы для расширенія моего воззрѣнія на значеніе и цѣль музыкальнаго искусства [3]). Въ дру-

---

[1]) У меня даже имѣется фотографія Ременія съ собственноручной его надписью: „Meinem lieben Hetmann".

[2]) Вслѣдствіе интригъ и наушничества нѣкоего д-ра Цопфа.

[3]) См. выше стр. 78.

гой разъ я *привелъ и представилъ* ему весьма молоденькую мою ученицу (дочь моего лучшаго Лейпцигскаго друга) Анжолетту Видеманъ, чтобы она ему пропѣла шесть изъ его романсовъ, которые я недавно предъ тѣмъ съ нею разучилъ. Въ это время сидѣли у Лисста д-ръ Брендель и Каантъ, издатель Лисстовыхъ сочиненій. Маэстро тотчасъ просилъ послѣдняго сказать швейцару, что онъ въ это утро никого не принимаетъ, а затѣмъ сѣлъ за рояль, прослушалъ молодую пѣвицу, похвалилъ соотвѣтственную ею передачу его „Lieder", а затѣмъ занялся въ теченіе почти двухъ часовъ весьма подробнымъ истолкованіемъ его интенцій, заставляя ее нѣкоторыя мѣста повторять по его указаніямъ. Лучшаго доказательства дружескаго его ко мнѣ расположенія, конечно, я и желать не могъ, и это утро глубоко и навсегда врѣзалось въ мою память; кажется мнѣ иногда, когда я вспоминаю объ этомъ эпизодѣ, будто я слышу его голосъ, когда онъ обращался ко мнѣ со словами: „Haben Sie verstanden, lieber Arnold? *So* möchte ich's haben,—lassen Sie's das kleine Fräulein *so* machen!" [1]) По окончаніи своего незабвеннаго урока, выразилъ онъ молодой дѣвушкѣ свое одобреніе за интеллигенцію, съ которою она столь легко воспріяла его указаніе на поэтическія оттѣнки въ выраженіи, и, благословивъ ее на артистическій путь, поцѣловалъ ее въ лобъ. И вотъ вамъ, благосклонный читатель, обращикъ того, какимъ образомъ по истинѣ великій Лисстъ обращался съ возникающими молодыми талантами.

Въ 1883-мъ году, наконецъ, когда мои занятія (въ Москвѣ) по случаю празднествъ коронаціи нынѣшняго Государя прекратились цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго, меня вдругъ какъ-то особенно тянуло къ Лиссту, словно я предчувствовалъ вскорѣ потомъ послѣдовавшую кончину его. Я и катнулъ въ Лейпцигъ, а оттуда нѣсколько разъ навѣщалъ обожаемаго моего друга и идеала въ Веймарѣ.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ нему, то старая прислужница его, которая меня еще не знала, довольно важно объявила мнѣ, что г. докторъ [2]) у себя, но едва-ли меня приметъ,

---

[1]) „Вы поняли, любезный Арнольдъ? вотъ *такъ* бы мнѣ желалось, — заставьте маленькую барышню, чтобы *такъ* и дѣлала".

[2]) Лисстъ предпочиталъ поднесенный ему Кёнигсбергскимъ университетомъ титулъ доктора титулу аббата и папскаго каммергера.

потому, что у него сидятъ „важные“ гости: какая-то старая ганноверская графиня и какой-то прусскій помѣщикъ-баронъ. Я просилъ ее передать г. доктору мою визитную карточку, а самъ вышелъ въ садъ, черезъ который лежалъ мнѣ путь на улицу. Вдругъ дверь снова отворилась и я услышалъ голосъ Лисста, поспѣшно спускающагося съ лѣстницы: „Arnold! Arnold! kommen Sie nur herauf! Meine Alte kennt Sie ja noch nicht!“ [1]) — Я воротился, и Лисстъ, дружески обнявши меня, да такъ обнятаго и ввелъ въ свою гостинную, гдѣ дѣйствительно засѣдали двѣ вышеупомянутыя служанкою „важныя“ личности. „Мой другъ г. „фонъ“-Арнольдъ, изъ Петербурга“, представилъ Лисстъ меня. Высокородные гости жеманно поклонились, на что я отвѣтилъ столь же чинно. Но Лисстъ тотчасъ посадилъ меня на диванъ, самъ сѣлъ противъ меня на кресло и началъ со мной разговаривать, не обращая никакого болѣе вниманія на г-жу графиню съ г. барономъ. Черезъ нѣсколько минутъ важные гости встали и откланялись Лиссту.

„Ну, теперь давайте бесѣдовать постарому на распашку, сказалъ Лисстъ. Слава Богу, что эти господа ушли! [2]) Вы не не повѣрите, мой другъ, какъ часто я вынужденъ принимать подобныхъ посѣтителей, и какъ они мнѣ надоѣдаютъ пустыми своими разговорами и назойливымъ своимъ любопытствомъ“.

Мы провели съ нимъ въ пріятной сердечной бесѣдѣ весь этотъ вечеръ. Когда я, прощаясь съ нимъ, высказалъ свое намѣреніе воротиться въ Лейпцигъ въ ту же ночь, Лисстъ живо протестовалъ, настаивая на томъ, что я на другой день непремѣнно долженъ обѣдать у него. „Я приглашу, прибавилъ онъ, еще нѣкоторыхъ соотечестkенниковъ вашихъ изъ моихъ учениковъ и учениць. Они очень талантливы“. Переночевавъ въ гостинницѣ, я на другой день явился къ маэстру въ указанный часъ, и Лисстъ представилъ мнѣ девятнадцатилѣтняго, довольно благообразнаго собою, но весьма блѣднаго и застѣнчиваго юношу, бывшаго ученика Николая Рубинштейна, *Александра Зилотти* изъ Москвы, да еще двухъ молоденькихъ сестеръ *Рагужинскихъ*

---

[1]) Арнольдъ! Арнольдъ! взойдите же на верхъ! Моя старуха, вѣдь, васъ еще не знаетъ!

[2]) „Diese Herrschaften“.

съ ихъ матерью. Послѣ обѣда Лисстъ, по обыкновенію своему, сѣлъ за вистъ, участниками въ которомъ на сей разъ были сказанные его ученикъ и ученицы. Кажется, что всѣ ученики Лисста были посвящены въ правила этой игры, дабы быть въ состояніи иногда составлять партію своему обожаемому учителю.

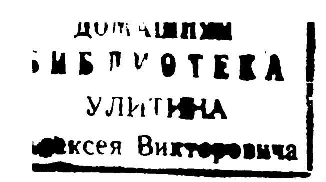
Въ теченіе прожитыхъ мною тогда въ Лейпцигѣ трехъ мѣсяцевъ повторялъ я нѣсколько разъ еще свои посѣщенія Лисста. Во время двухъ таковыхъ поѣздокъ моихъ въ Веймаръ присутствовалъ я также на урокахъ, которые Лисстъ давалъ своимъ ученикамъ. Таковое дозволеніе, какъ извѣстно, не всякому давалось. На одномъ изъ таковыхъ услышалъ я впервые пересозданную Лисстомъ игру молодого Зилотти и признаюсь, онъ *тогда* дѣйствительно многаго обѣщалъ...

Нѣсколько разъ въ теченіе этого лѣта Лисстъ пріѣзжалъ также и самъ въ Лейпцигъ; но всегда на нѣсколько лишь часовъ,—а именно, когда въ лейпцигскомъ театрѣ шли представленія вновь поставленныхъ, особенно его интересующихъ оперъ, какъ напр. „Benvenuto Cellini" Берліоза и „Meistersinger" Вагнера. Тогда для него и для „сюиты" его изъ приближенныхъ друзей всегда назначалась большая боковая ложа въ бельэтажѣ. Само собой разумѣется, что въ такіе дни мы всѣ, проживающіе тогда въ Лейпцигѣ, адепты его, ожидали нашего „Мейстера" уже на платформѣ Тюрингенской желѣзной дороги и туда же его провожали, когда онъ возвращался въ свой Веймаръ.

Въ началѣ Августа мѣсяца того же года я распростился съ Лисстомъ и, вопреки моей всегда довольно стойкой натуры, расплакался. Лисстъ, обнимая меня, улыбнулся и пошутилъ: „что же вы это? хотите развѣ бѣду на насъ накликать? Мы оба съ вами, вѣдь, весьма крѣпкіе еще молодцы, и слѣдовательно coraggio, edalrivederci, carissimo mio!" [1]) Но, видно, чуяло горе мое сердце: на слѣдующій годъ великаго моего друга и идеала не стало!

---

[1]) Ободритесь, и до свиданія, мой милѣйшій!

XLIV.

Русская опера при капельмейстерахъ послѣ К. А. Кавоса съ 40-выхъ до начала 60-ыхъ годовъ.—Музыкальная критика.

Послѣ постановки оперы „Русланъ и Людмила“ Государь Императоръ Николай Павловичъ, получивъ нѣкоторое бо́льшее ужѐ довѣріе къ русскимъ композиторамъ, неразъ выражалъ директору императорскихъ театровъ Александру Михаиловичу Гедеонову свое желаніе, чтобы не было стѣсненія этимъ авторамъ въ постановкѣ ихъ твореній на сцену, но конечно, съ предварительнымъ одобреніемъ знатоковъ. Г. Гедеоновъ не могъ, конечно, ослушаться воли Государя; но такъ какъ по личнымъ наклонностямъ и по своимъ дилеттантическимъ воззрѣніямъ, онъ все-таки въ душѣ своей менѣе чѣмъ только мало сочувствовалъ русскимъ произведеніямъ, то онъ и воспользовался придаточной оговоркою и составилъ нѣчто въ родѣ музыкальнаго при театрѣ ареопага, т. е. онъ передавалъ представляемыя сочиненія на судъ своихъ капельмейстеровъ, а именно: гг. Карла Альбрехта (дирижера русской оперы), Луи Маурера (дирижера французскаго театра) и Виктора Кажинскаго (дирижера Александринскаго театра) родомъ поляка. Эти господа, музыкально-ученаго достоинства которыхъ я ни малѣйше не отрицаю, были, однако же, болѣе извѣстны какъ педантическіе приверженцы господствовавшаго тогда въ Германіи рутиннаго формализма въ музыкальномъ искусствѣ, и потому не очень-то сочувствовали юной русской музѣ, явно желавшей встать на собственныя свои ноги.

Сами же по себѣ они оказывались весьма любезными, даже сердечными людьми, которые всегда готовы были сдѣлать пріятное своимъ добрымъ знакомымъ и, конечно, отдавали имъ болѣе или менѣе предпочтенія предъ незнакомыми.

Поэтому не мудрено, что въ теченіи десяти лѣтъ сунцествованія этого негласнаго ареопага при дирекціи императорскихъ театровъ (съ 1845—1855 гг.) появилось на Русской оперной нашей сценѣ весьма немного новыхъ произведеній Петербургскихъ композиторовъ. Это были слѣдующія оперы, данныя: въ 1845 г.

„Ольга дочь изгнанника“ *Михаила Бернара* (извѣстнаго основателя музыкально-торговой фирмы этого имени), и „Параша Сибирячка“ *Дм. А. Струйскаго*; въ 1847 г. „Эсмеральда“ *А. С. Даргомыжскаго*; а въ 1854-мъ и 1855-мъ гг. двѣ оперы *А. Г. Рубинштейна*, пятиактная „Дмитрій Донской“ или „Куликовская битва“, и одноактная „Ѳома дурачекъ“. Для болѣе точнаго объясненія положенія дѣлъ, слѣдуетъ однако-же прибавить, что оперы Струйскаго и Даргомыжскаго попали на сцену не вслѣдствіе рѣшенія капельмейстерскаго ареопага, а потому, что избралъ ихъ для своего бенефиса любимецъ публики *Осипъ Афонасьевичъ Петровъ*; между тѣмъ едва-ли возможно оспаривать, что изъ числа тѣхъ четырехъ композиторовъ, единственно только Струйскій да Даргомыжскій принадлежали къ кругу *дѣйствительно-русскаго* общества нашей столицы.

Также нельзя умалчивать о томъ, что по уставу императорскихъ театровъ піесы, принимаемыя на сцену по выбору артистовъ-бенефиціантовъ, не подлежали вознагражденію со стороны дирекціи. Этимъ простымъ сообщеніемъ фактовъ обрисовывается, какъ я полагаю, довольно ясно тогдашнее положеніе композиторовъ изъ среды русскаго общества.

Весьма вѣроятно, что благосклонный читатель станетъ ожидать отъ меня моего воззрѣнія на эти произведенія моихъ собратьевъ по искусству. Сознавая это ожиданіе само по себѣ справедливымъ и ради исторической полноты моихъ воспоминаній нѣкоторымъ образомъ даже основательнымъ, я долженъ однако признаться, что я неохотно повинуюсь этой необходимости. Но, дабы мои сужденія не подпали ложному истолкованію, я позволяю себѣ предварительно излагать здѣсь мое всегдашнее и неизмѣнное воззрѣніе на основанія и на форму критическаго сужденія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что прежде всего критика должна быть объективна и основываться на законахъ искусства, какъ съ поэтической, такъ и съ технической стороны. Но при всемъ строгомъ соблюденіи этихъ первенствующихъ принциповъ критики, кажется мнѣ возможнымъ, и даже должнымъ, соблюдать нѣкоторые оттѣнки въ сужденіяхъ, сообразно съ степенью художественнаго развитія, которую мы въ правѣ или не въ правѣ предполагать въ авторѣ разбираемаго творенія. Если, напр., пер-

вое созданіе начинающаго только еще композитора, не смотря на кой-какія погрѣшности противъ общепривычныхъ техническихъ формъ музыкальнаго творчества, выказываетъ несомнѣнные признаки крупнаго дарованія,—неужели (спрашиваю я) мы имѣемъ право примѣнять къ нему такую-же строгую мѣру абсолютной требовательности, какъ къ самоувѣренно выступающему предъ публикою художнику—не новичку?

То, чего критика дѣйствительно въ правѣ требовать отъ *каждаго*, безъ изъятія, музыкальнаго произведенія, заключается въ присущности ему слѣдующихъ элементовъ: 1) *поэтической инвенціи*, т. е. мелодически и гармонически *самостоятельно* созданнаго мотива, *вѣрно* выражающаго основную идею творенія; 2) *цѣльности общаго созданія*, т. е. музыкально- и психологически *послѣдовательнаго* развитія основной идеи и 3) *яснаго*, *грамотнаго изложенія* всей этой музыкальной рѣчи. Что же касается вопроса о *стилѣ* или о *формѣ* созданія, то вопросъ самъ собою рѣшается подтвержденіемъ или отрицаніемъ удовлетворенія предъидущихъ трехъ главныхъ условій; требовать же отъ самостоятельнаго творца, чтобы онъ, отказываясь отъ прирожденной своей индивидуальности, мыслилъ, разсуждалъ и выражался по господствующему какому-либо—*прежде* или *вновъ* установленному—„стилю“, т. е. *по данному шаблону*,—это (по глубокому моему убѣжденію) величайшій абсурдъ, выдуманный только завистью бездарныхъ ремесленниковъ искусства. *Бюффонъ* весьма справедливо опредѣлилъ: „le style c'est l'homme!“ [1]); а *Вольтеръ* сказалъ еще положительнѣе: „Tous les genres sont bons, hormis les ennuyeux“ [2]).

Искусная композиторская *техника*, т. е. детальное, какъ бы объяснительное, развитіе или сопоставленіе мотивовъ и умѣніе выбирать или мѣшать — для вящаго освѣщенія самой идеи, — вѣрно подходящія *музыкальныя краски*, безсомнѣнно возвышаютъ достоинства творенія, въ которомъ встрѣчаются выше сказанные три главныхъ признака истиннаго таланта. Но, по моему мнѣнію, *одна только*, хотя бы и самая мастерская, техника никогда не въ состояніи на самомъ дѣлѣ замѣнять тѣ главные элементы искусства, буде таковые отсутствуютъ. *Калейдоскопическое* лишь

[1]) Стиль—это человѣкъ.

[2]) Всѣ роды хороши, за исключеніемъ скучныхъ.

поигрываніе звуковыми красками и оттѣнками, безъ одухотворяющей ихъ, ясно выступающей основной идеи,—не соотвѣтствуетъ задачѣ истиннаго искусства.

Что, наконецъ, критика обязана всегда соблюдать *приличіе,* а потому и *воздерживаться отъ всякаго задѣванія частной личности*,—не можетъ подлежать никакому спору или сомнѣнію.

И вотъ, на этихъ-то вышеизложенныхъ началахъ готовъ я, ради пополненія только своихъ „воспоминаній"—клонящихся между прочимъ и къ освѣщенію состоянія у насъ музыкальнаго искусства въ извѣстныя эпохи,—сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ объ *обще-характерныхъ* достоинствахъ и недостаткахъ данныхъ (въ означенную эпоху) на русской оперной сценѣ драматико-музыкальныхъ твореній, созданныхъ *петербургскими* композиторами. Детальную же повѣрку ошибочности или неошибочности результатовъ отъ живо еще сохранившихся въ моей памяти, полученныхъ тогда впечатлѣній на меня, могу я, кажется, съ совершенно спокойной совѣстью предоставить всякому, кто пожелаетъ взять на себя трудъ тщательно *анализировать* сказанныя, и нынѣ еще легко добываемыя, оперныя творенія.

Для опредѣленія характерныхъ достоинствъ или недостатковъ какого-нибудь музыкальнаго творенія, весьма вѣрнымъ —по моему мнѣнію—руководствомъ можетъ служить также и ходъ развитія автора, такъ какъ именно-то отъ послѣдняго получилось все его направленіе. Вслѣдствіе того неизлишнимъ окажется, если я вкратцѣ изложу теченіе развитія вышоупомянутыхъ композиторовъ.

О Дм. А. Струйскомъ и о его музыкальномъ направленіи сообщилъ я уже въ главѣ XXXIII-й, а потому не для чего будетъ повторять здѣсь сказанное въ означенномъ мѣстѣ. *М. И. Бернаръ* (собственно-то *Бернгардъ*) былъ уроженецъ г. Митавы (сынъ еврейскаго купца) и получилъ свое образованіе (если не ошибаюсь) въ Митавской гимназіи. Позже былъ онъ домашнимъ фортепіаннымъ учителемъ у однаго богатаго помѣщика. Въ 20-хъ годахъ переселился онъ въ Петербургъ и основалъ тамъ извѣстную и понынѣ еще существующую музыкально-торговую фирму его имени. Въ то-же время издавалъ онъ музыкальный журналъ „Нувеллистъ", а также нѣсколько тетрадей первоначальныхъ этюдовъ и сборниковъ разныхъ оперныхъ мелодій и русскихъ пѣсенъ,

которые назначались для начинающихъ „маленькихъ піанистовъ", почему эти сборники и носили общее названіе „L'enfant-pianiste". Эти пьески изобличали знакомство съ оперной литературой и умѣніе арранжировать довольно опрятно и грамотно подобныя *легкія* мелодіи. Совершенно тому соотвѣтствующій характеръ выказался и въ созданной имъ оперѣ: это былъ плодъ *забавы* не совсѣмъ бездаровитаго *меломана*, пожелавшаго испробовать свои композиторскія силы также и на поприщѣ *оперы*, въ смыслѣ „сборника гладко и сладко распѣваемыхъ монологовъ и діалоговъ".

Въ XXXVII-й главѣ я, характеризировавъ личность А. С. Даргомыжскаго, вазвалъ его „богатымъ барчукомъ". Самое это, въ сущности-же *не къ укору* клонящееся, названіе довольно ясно указываетъ на то, что Даргомыжскій воспитывался по тѣмъ же педагогическимъ принципамъ, о которыхъ я упомянулъ при разсказѣ о воспитаніи Глинки. Александръ Сергѣевичъ получилъ *домашнее* воспитаніе, главный педагогическій принципъ котораго былъ направленъ всецѣло къ тому, чтобы создать изъ него благонравнаго *космополита*, конечно, по понятіямъ великосвѣтскаго общества. Изъ этого вытекаетъ, что основаніе домашняго образованія Даргомыжскаго составляли *французскій* языкъ и *французская* литература. Это—весьма естественно повліяло и на музыкальное его развитіе; а неоспоримымъ доказательствомъ тому служитъ, не только что первые романсы Даргомыжскаго носятъ характеръ модныхъ тогда французскихъ романсовъ *Лоизы Пюжѐ* и *Теодора Лябарра*, но также и тѣмъ въ особенности, что Даргомыжскій для первой своей оперы искалъ сюжета во французской литературѣ и наконецъ остановился на либреттѣ (на французскомъ даже *языкѣ*,) написанномъ Викторомъ Гюго собственно то (буде не ошибаюсь) для Лоизы Пюжѐ, на „Эсмеральдѣ". [1]). Подобное же французское направленіе выказывается также и въ характерѣ самой музыки. Неопровержимо видно, что Даргомыжскій находился тогда подъ полнымъ вліяніемъ дававшихся въ началѣ 30-хъ годовъ оперъ *Обера* и *Мейербера*. Основный стиль творенія Александра Сергѣевича напоминаетъ преимущественно Оберовскій лиризмъ, т. е. плавную, музыкально-оболь-

---

[1]). Первоначально Даргомыжскій прельщался сюжетомъ драмы того же автора: „Lucrèce Borgia".

щающую *мелодичность*, но съ болѣе драматичнымъ выраженiемъ и съ болѣе серьезной *гармоническою разработкою*, по стопамъ уже Мейербера, который равнымъ образомъ служилъ ему также и образцомъ относительно *инструментацiи*. Результатомъ этого анализа получается, что *первая* опера Даргомыжскаго, хотя и изобличала далеко недюжинный композиторскiй талантъ (въ особенности въ драматическомъ родѣ), не могла, однако же, еще считаться *самостоятельнымъ* произведенiемъ вполнѣ сформированнаго *субъективнаго стиля*. Но не привѣтствовать сердечнымъ признанiемъ этой *первой* попытки молодаго русскаго сочинителя оказалось бы большою несправедливостью: я и привѣтствовалъ ее тогда (въ „Пантеонѣ") отъ всей души и даже не безъ нѣкотораго восторга.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, какъ всѣмъ извѣстно, съ самого ранняго своего дѣтства, ради тогда уже явно выказывавшейся высоко-музыкальной его талантливости, былъ своими родителями назначенъ въ спецiальные фортепiанные виртуозы и сообразно съ этимъ, по понятiямъ того времени, получилъ также воспитанiе и образованiе: фортепiанная игра, по плану этого педагогическаго принципа, стояла въ первомъ ряду и все остальное должно было уступать этой цѣли. Если, въ чемъ сомнѣваться едва ли дозволено, въ глубинѣ его индивидуальности и существовали немалые задатки интеллектуальной и поэтической силы, то при болѣе или менѣе однообразномъ направленiи его развитiя, какъ само собой разумѣется, эти силы не въ состоянiи были развернуться до того, чтобы воззрѣнiя его на поэзiю и искусство дошли до уровня высшихъ воззрѣнiй. Вслѣдствiе того во всѣхъ его музыкальныхъ творенiяхъ болѣе преобладаетъ стремленiе къ матерiальной техникѣ, чѣмъ къ одухотворенiю этой техники поэтическою мыслiю. Играя, такъ сказать, калейдоскопически музыкальными красками и эффектами, ради этихъ самыхъ только красокъ и эффектовъ, Рубинштейнъ увлекается ими весьма часто до того, что не замѣчаетъ, какъ послѣ какой нибудь очаровательной музыкальной мысли являются весьма не рѣдко длинныя техническiя тирады безъ всякаго содержанiя хотя бы малѣйшей мысли. Эти достоинства и недостатки Рубинштейнской музыки, присущiе большей части его сочиненiй, выказывались также и въ оперѣ его „Дмитрiй Донской". Музыкально-

техническая часть этого творенія безспорно превышала техническую же часть „Эсмеральды“ въ отношеніи тогдашняго формализма въ „работахъ“ opернаго стиля; но относитеньно какъ вѣрности душевныхъ выраженій, такъ и естественнаго лиризма, опера Даргомыжскаго безсомнѣнно заслуживаетъ бо́льшей симпатіи и болѣе признанія выказаннаго въ ней *врожденнаго* композиторскаго таланта. Къ тому же „Дмитрій Донской“ не былъ первою оперою Рубинштейна, такъ какъ въ Германіи въ то время уже были даны его же музыкальныя драмы „die Kinder dèr Haide“ и „Ferramors“. [1]).

Въ 1855 году г. Рубинштейнъ снова выступилъ на русскую сцену съ одноактной комической оперой „Өома дурачекъ“, въ которой онъ, видимо, желалъ выказать себя *національно-русскимъ композиторомъ.* Въ этомъ „драматическомъ“ твореніи большую роль играютъ *кабакъ и водка*: это обстоятельство давало антагонистамъ Глинки и его приверженцевъ поводъ указать на „настоящее“ (по ихъ мнѣнію) значеніе Русскаго направленія въ музыкѣ. Но *Русской публикѣ* эта „попытка“ вовсе не понравилась и „комическая опера“ г. Рубинштейна была національно-отечественной партіею невольно принята за намѣренную пародію на оперы Глинки, да и потерпѣла сразу рѣшительное „крушеніе“. [2]). Это происходило весною сказаннаго года; вслѣдъ затѣмъ, осенью, и появились тѣ статьи въ нѣмецкихъ музыкальныхъ журналахъ, о которыхъ упоминается въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ по случаю разсказа о постановкѣ оперы „Жизнь за царя“ въ 1836 году.

Послѣ исполненія, въ концертѣ въ 1852-мъ году, нѣкоторыхъ частей „Русалки“ (о чемъ упомянуто на стр. 10 сего III-го выпуска), удалось Даргомыжскому добиться постановки этой оперы на Петербургской сценѣ въ 1856-мъ году. Сочиненіе эго нынѣ столь распространено по всей Россіи, что излишнее будетъ указать на ея не отрицаемыя музыкальныя достоинства. Но съ идеальной точки возрѣнія на требованія логики и эстетики отъ истинно-*національнаго Русскаго* стиля, самые

---

[1]) Какъ о замѣчательномъ курьезѣ должно упомянуть еще о появленіи незадолго предъ тѣмъ четырехъ *басенъ* Крылова, положенныхъ на музыку А. Гр. Рубинштейномъ для пѣнія съ фортопіано.

[2]) См. выпускъ II этихъ воспоминаній, стр. 134, 3 строка сверху

высокіе образцы котораго намъ представляются въ музыкальныхъ драмахъ Глинки, я позволяю себѣ выразить мой взглядъ на „Русалку“, какъ на твореніе, которое авторъ видимо желалъ создавать по тому же принципу. Не отрицая нималѣйше высоко цѣнимаго мною таланта покойнаго моего друга и товарища по музыкѣ, относительно глубокаго умѣнія его выражать вѣрно и мѣтко обще-человѣческіе аффекты, нельзя однако же отрицать и то, что „Русалка“ собственно-то не можетъ вполнѣ считаться представительницею національно-русскаго стиля. Даргомыжскій безспорно драматическій лирикъ, но лирикъ французско-нѣмецкаго (Мейерберовскаго) стиля. На это указываютъ не только (въ особенности) речитативы, которые всѣ носятъ на себѣ упомянутый мною отпечатокъ, [1]) но равномѣрно также и многіе мотивы арій и дуэтовъ и преимущественно окончательные ихъ обороты; а кромѣ того, есть и мотивы, которые цѣликомъ таки напоминаютъ стиль либо Мейербера, либо Обера. На манеру драматизма перваго довольно ясно указываютъ аріи княгини, князя и Наташи (въ послѣднемъ дѣйствіи); между тѣмъ какъ мотивъ князя въ дуэтѣ съ Наташей (въ 1-мъ дѣйствіи), повторяемый потомъ въ дуэтѣ Наташи съ отцомъ, ни чѣмъ не выше стоитъ легонькихъ мотивовъ другаго (французскаго) композитора. И опять таки долженъ я это приписывать только послѣдствіямъ упомянутаго выше домашняго воспитанія Даргомыжскаго. Не смотря на эти недостатки со стороны идеальнаго воззрѣнія на развитіе національно-русскаго стиля въ музыкѣ, я нималѣйше не задумываюсь и нынѣ еще, какъ и во время перваго появленія этой оперы на сценѣ, восторгаться ею какъ весьма да весьма замѣчательнымъ произведеніемъ соотечественнаго композитора.

Въ 1857-мъ и 58-мъ гг. (если память не обманываетъ) были на сценѣ Маріинскаго театра даны двѣ оперы А. Ѳ. Львова „Ундина“ и „Староста“, о которыхъ уже упомянуто въ XII-й главѣ. Музыкальный характеръ этихъ сочиненій соотвѣтствовалъ во всемъ общему характеру сочиненій этого композитора, который въ той главѣ довольно точно, кажется былъ опредѣленъ.

Въ послѣднемъ, т. е. въ 1858-мъ году, я переселился опять въ Тамбовскую губернію для поправленія разстроеннаго моего здо-

---

[1]) Стоитъ только сравнить съ ними речитативы Глинки.

ровія. Когда я снова пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1862-мъ году, тогда при Русской оперѣ состоялъ капельмейстеромъ *Константинъ Николаевичъ Лядовъ*, бывшій ученикъ Петербургскаго театральнаго училища, а по теоріи музыки спеціально профессора Солива. Лядовъ оказалъ себя энергично-дѣятельнымъ и свое дѣло хорошо знающимъ дирижеромъ и, кромѣ того, какъ Русскій человѣкъ, конечно, приверженцемъ принципа безпрепятственнаго допусканія къ постановкѣ на сценѣ твореній отечественныхъ композиторовъ. Вслѣдствіе того доступъ послѣднимъ сдѣлался гораздо легче. Такимъ образомъ въ теченіи 2-хъ зимнихъ сезоновъ мы познакомились съ 6-ю новыми произведеніями тамошнихъ композиторовъ. Раньше всѣхъ появилась опера „Кроатка“ хормейстера русской оперы, *Оттона Дютча*, бывшаго ученика Лейпцигской консерваторіи и самого Мендельсона. Сочинѣніе это вполнѣ носитъ характеръ нѣмецкой школы и къ тому же въ спеціальности манеры сказаннаго учителя-автора: тотъ же строгій формализмъ въ обработкѣ и тотъ же гладкій, ласкательный лиризмъ, какіе характеризируютъ созданія Мендельсона, до того, что даже большая часть мотивовъ такъ и напоминали оригиналы подражаній.

Въ слѣдующій сезонъ были поставлены двѣ оперы великосвѣтскихъ дилеттантовъ: „Чародѣй“ *кн. Вяземскаго* и „Мазепа“ барона *Шеля-Фитингофа*, да комическая оперетка артиста Русской оперы, *Гулака-Артемовскаго*, малороссійскаго уроженца. Если я довольствуюсь простымъ упоминаніемъ про эти сочиненія, не пускаясь въ характеристику ихъ, такъ это по той весьма понятной причинѣ, что о ясномъ характерѣ произведеній дилеттантовъ, не задававшихъ себѣ серьезной задачи, также и серьезно судить не приходится.

Въ концѣ этого сезона услышали мы драматико-музыкальное твореніе одного изъ членовъ бывшей „братіи“ Глинки и Кукольника, а именно *Константина Петровича Вильбоа*. Общую основную характеристику этой оперы я высказалъ уже на 251-й стр. II-го выпуска моихъ „Воспоминаній“. Здѣсь могу я только прибавить, что г. Вильбоа много, даже слишкомъ много сочинялъ по заказу; а потому, хотя онъ такимъ образомъ и набилъ себѣ, какъ говорится, руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ и впалъ въ манеру безхарактерной рутины.

Самымъ замѣчательнѣйшимъ твореніемъ изъ всей эпохи, послѣ постановки на сцену „Русалки“, безспорно появилась весьма серьезная—по либретту и по музыкѣ—опера *Александра Николаевича Сѣрова* „Юдиѳь“, которая была дана въ томъ же 1863-мъ году, но послѣ Пасхи. Тутъ кстати необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ композиторѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ исторіи дальнѣйшаго развитія въ Россіи музыкальнаго искуства игралъ весьма выдающуюся роль.

Не входя въ подробныя біографическія сообщенія, [1]) я считаю однако же неизбѣжнымъ поговорить о ходѣ музыкальнаго его развитія и сдѣлать потомъ изъ онаго логическія заключенія о характерѣ его музыкальныхъ произведеній, равно какъ о направленіи его музыкально - литературныхъ трудовъ. Александръ Николаевичъ, будучи воспитанникомъ Института Правовѣдовъ, занимался тогда фортепіанной игрою у г. Карелля, (довольно строгаго до мелочности педанта) подъ высшимъ надзоромъ *Адольфа Гензельта*, который при Институтѣ состоялъ главнымъ инспекторомъ музыкальнаго преподаванія. Вслѣдствіе того вышелъ изъ Сѣрова весьма порядочный піанистъ и послѣдователь серьезнаго направленія. Одною изъ главныхъ характеристическихъ чертъ Сѣрова была энергическая стойкость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и эта, безсомнѣнно сама-по-себѣ высокая, добродѣтель оказалась причиною всѣхъ впослѣдствіи обнаружившихся въ его дѣятельности достоинствъ, но и слабостей.

Изъ хода музыкальнаго развитія Сѣрова мы видимъ, что онъ изучалъ это искусство подъ вліяніемъ обще-европейскихъ образцовъ и преимущественно нѣмецкой музыки классическаго направленія. Трудился онъ серьезно и много, перекладывая оркестровыя сочиненія для фортепіано и наоборотъ. Но мы не находимъ слѣдовъ того, чтобы Сѣровъ съ юношескихъ лѣтъ почувствовалъ въ себѣ непобѣдимаго душевнаго порыванія къ выливанію въ звуки собственныхъ своихъ чувствованій. Первые лучи музыкальнаго романтизма освѣтили его изъ оперъ Мейербера и онъ сначала долго и горячо увлекался созданіями этого композитора; потомъ пораженный силою и правдою, да въ особенности народ-

[1]) Біографическія замѣтки объ А. Н. Сѣровѣ можно встрѣчать во многихъ журналахъ.

ностью Глинкинской музы, Сѣровъ сдѣлался исключительнымъ поклонникомъ Михаила Ивановича. Затѣмъ онъ снова бросился въ классицизмъ Вѣнской школы и специально привязался къ послѣднимъ твореніямъ Бетховена, причемъ счелъ необходимымъ взять на себя, словно миссію свыше, растолкованіе намъ тайнъ, сокровенныхъ въ этихъ созданіяхъ, будто онѣ, кромѣ него, никому изъ Русскаго музыкальнаго люда не были знакомы; наконецъ, съѣздивъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ Германію и имѣвшій случай тамъ лично познакомиться съ Вагнеромъ и съ Листомъ, переродился онъ въ яраго приверженца ново-германскаго романтическаго направленія, а подъ конецъ своей, безпрекословно весьма дѣятельной, жизни онъ, оказавшись уже недовольнымъ ни Бетховеномъ, ни Глинкою, ни Лисстомъ, ни Вагнеромъ, находилъ лишь въ самомъ себѣ „альфу и омегу музыкальнаго искусства". Этими перегринаціями воззрѣній и принциповъ Сѣрова относительно цѣлей и оформленія музыкальнаго творчества можно вѣрнѣе всего объяснять себѣ не малое число противорѣчій, которыя встрѣчались въ музыкально-литературныхъ его трудахъ. Что же касается оперы его „Юдиѳь", то самый планъ либретто, имъ же созданнаго, указываетъ на то, что Сѣровъ замышлялъ предстать въ ней, какъ приверженецъ строгаго классицизма; но такъ какъ во время созиданія музыкальной части этого творенія, онъ находился подъ вліяніемъ тогдашнихъ Вагнеровскихъ оперъ („Корабль-привидѣніе", „Тангейзеръ" и „Лоэнгринъ"), то весьма естественно, что „Юдиѳь" Сѣрова получила нѣкоторую также и ново-романтическую окраску. Стиль музыки этой оперы, слѣдовательно, зиждется всецѣло на *германской* школѣ. Ходили тогда слухи, будто Вагнеръ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1863-го года (т. е. мѣсяца за два до перваго появленія „Юдиѳи" на сценѣ), помогалъ Сѣрову въ кой-какихъ передѣлкахъ относительно речитативовъ и оркестровки, что впрочемъ не можетъ и не должно умалять дѣйствительныя достоинства этого творенія, которому я какъ тогда, такъ и нынѣ искренне отдаю полнѣйшую справедливость и вполнѣ сочувствую.

Высказавъ свой взглядъ на первую оперу А. Н. Сѣрова, полагаю довольно умѣстнымъ разсказать также про наши обоюдныя отношенія и сталкиванія въ то время, когда мы оба ору-

Самымъ замѣчательнѣйшимъ твореніемъ изъ всей эпохи, послѣ постановки на сцену „Русалки“, безспорно появилась весьма серьезная—по либретту и по музыкѣ—опера *Александра Николаевича Сѣрова* „Юдиѳь“, которая была дана въ томъ же 1863-мъ году, но послѣ Пасхи. Тутъ кстати необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ композиторѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ исторіи дальнѣйшаго развитія въ Россіи музыкальнаго искуства игралъ весьма выдающуюся роль.

Не входя въ подробныя біографическія сообщенія, [1]) я считаю однако же неизбѣжнымъ поговорить о ходѣ музыкальнаго его развитія и сдѣлать потомъ изъ онаго логическія заключенія о характерѣ его музыкальныхъ произведеній, равно какъ о направленіи его музыкально-литературныхъ трудовъ. Александръ Николаевичъ, будучи воспитанникомъ Института Правовѣдовъ, занимался тогда фортепіанной игрою у г. Карелля, (довольно строгаго до мелочности педанта) подъ высшимъ надзоромъ *Адольфа Гензельта*, который при Институтѣ состоялъ главнымъ инспекторомъ музыкальнаго преподаванія. Вслѣдствіе того вышелъ изъ Сѣрова весьма порядочный піанистъ и послѣдователь серьезнаго направленія. Одною изъ главныхъ характеристическихъ чертъ Сѣрова была энергическая стойкость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и эта, безсомнѣнно сама-по-себѣ высокая, добродѣтель оказалась причиною всѣхъ впослѣдствіи обнаружившихся въ его дѣятельности достоинствъ, но и слабостей.

Изъ хода музыкальнаго развитія Сѣрова мы видимъ, что онъ изучалъ это искусство подъ вліяніемъ обще-европейскихъ образцовъ и преимущественно нѣмецкой музыки классическаго направленія. Трудился онъ серьезно и много, перекладывая оркестровыя сочиненія для фортепіано и наоборотъ. Но мы не находимъ слѣдовъ того, чтобы Сѣровъ съ юношескихъ лѣтъ почувствовалъ въ себѣ непобѣдимаго душевнаго порыванія къ выливанію въ звуки собственныхъ своихъ чувствованій. Первые лучи музыкальнаго романтизма освѣтили его изъ оперъ Мейербера и онъ сначала долго и горячо увлекался созданіями этого композитора; потомъ пораженный силою и правдою, да въ особенности народ-

[1]) Біографическія замѣтки объ А. Н. Сѣровѣ можно встрѣчать во многихъ журналахъ.

ностью Глинкинской музы, Сѣровъ сдѣлался исключительнымъ поклонникомъ Михаила Ивановича. Затѣмъ онъ снова бросился въ классицизмъ Вѣнской школы и спеціально привязался къ послѣднимъ твореніямъ Бетховена, причемъ счелъ необходимымъ взять на себя, словно миссію свыше, растолкованіе намъ тайнъ, сокровенныхъ въ этихъ созданіяхъ, будто онѣ, кромѣ него, никому изъ Русскаго музыкальнаго люда не были знакомы; наконецъ, съѣздивъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ Германію и имѣвшій случай тамъ лично познакомиться съ Вагнеромъ и съ Лисстомъ, переродился онъ въ яраго приверженца ново-германскаго романтическаго направленія, а подъ конецъ своей, безпрекословно весьма дѣятельной, жизни онъ, оказавшись уже недовольнымъ ни Бетховеномъ, ни Глинкою, ни Лисстомъ, ни Вагнеромъ, находилъ лишь въ самомъ себѣ „альфу и омегу музыкальнаго искусства". Этими перегринаціями воззрѣній и принциповъ Сѣрова относительно цѣлей и оформленія музыкальнаго творчества можно вѣрнѣе всего объяснять себѣ не малое число противорѣчій, которыя встрѣчались въ музыкально-литературныхъ его трудахъ. Что же касается оперы его „Юдиѳь", то самый планъ либретто, имъ же созданнаго, указываетъ на то, что Сѣровъ замышлялъ предстать въ ней, какъ приверженецъ строгаго классицизма; но такъ какъ во время созиданія музыкальной части этого творенія, онъ находился подъ вліяніемъ тогдашнихъ Вагнеровскихъ оперъ („Корабль-привидѣніе", „Тангейзеръ" и „Лоэнгринъ"), то весьма естественно, что „Юдиѳь" Сѣрова получила нѣкоторую также и ново-романтическую окраску. Стиль музыки этой оперы, слѣдовательно, зиждется всецѣло на *германской* школѣ. Ходили тогда слухи, будто Вагнеръ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1863-го года (т. е. мѣсяца за два до перваго появленія „Юдиѳи" на сценѣ), помогалъ Сѣрову въ кой-какихъ передѣлкахъ относительно речитативовъ и оркестровки, что впрочемъ не можетъ и не должно умалпвать дѣйствительныя достоинства этого творенія, которому я какъ тогда, такъ и нынѣ искренне отдаю полнѣйшую справедливость и вполнѣ сочувствую.

Высказавъ свой взглядъ на первую оперу А. Н. Сѣрова, полагаю довольно умѣстнымъ разсказать также про наши обоюдныя отношенія и сталкиванія въ то время, когда мы оба ору-

довали на одномъ и томъ же полѣ, хотя въ различныхъ лагеряхъ, какъ музыкальные критикя.

Это обстоятельство, однако же, невольно приводитъ меня къ воспоминаніямъ о тогдашнемъ состояніи нашей музыкальной критики. Для того, чтобы быть музыкальнымъ критикомъ, кажется, первымъ условіемъ является основательное пониманіе требованій со стороны этого искусства; но когда вообще понятія объ этомъ искусствѣ еще слишкомъ мало распространены въ какомъ либо обществѣ, тогда не удивительно, что найдется и весьма мало людей способныхъ взять на себя отвѣтственную эту миссію; а потому до 30-хъ годовъ у насъ никакихъ музыкальныхъ критикъ и не появлялось въ Русскихъ журнальныхъ изданіяхъ. Да ихъ не требовалось со стороны публики, которая не чувствовала даже въ себѣ никакой надобности размышлять о томъ, что она слушала въ исполненіи. Одно только высшее, т. е. болѣе образованное общество хоть сколько-нибудь еще интересовалось таковыми вопросами; а такъ какъ въ этомъ обществѣ для разговора и для чтенія преимущественно былъ принятъ французскій языкъ, то естественно, что и тѣ личности, которыя оказывались въ состояніи довольно основательно разсуждать о музыкальныхъ сочиненіяхъ и исполненіяхъ, могли находить въ себѣ нѣкоторое еще побужденіе, подѣлиться своими взглядами и критическими разборами слушаемаго единственно только въ французскомъ журналѣ, именно-то въ С.-Петербургскихъ французскихъ вѣдомостяхъ, т. е. „Journal de S.-Pétersbourg“. И дѣйствительно появлялись на страницахъ послѣдняго, отъ времени до времени, замѣтки и разсужденія одного высоко-музыкально-образованнаго любителя великосвѣтскаго общества: я уразумѣваю *Александра Дмитріевича Улыбышева*, имя котораго и понынѣ еще пользуется съ одной стороны значительнымъ почетомъ, какъ одного изъ лучшихъ біографовъ и толкователей сочиненій Моцарта, но съ другой стороны подпало (въ нѣкоторой долѣ, какъ я, къ крайнему моему сожалѣнію, вынужденъ сознавать, заслуженно) многимъ, но иногда чрезмѣрнымъ уже нападкамъ за сочиненіе его о Бетховенѣ и его толкователяхъ. Въ сущности же нельзя не признавать въ немъ глубокаго знатока музыкальнаго искусства и науки, хотя съ другой стороны и нельзя отрицать, что онъ въ своихъ воззрѣніяхъ дѣйствительно остановился на той точкѣ, на которой

онъ находился во время зенита его критической дѣятельности. Поэтому же онъ, въ 40-хъ годахъ, и оказался уже не въ состояніи понять быстрый и гигантскій прогрессъ въ музыкально-поэтическомъ творчествѣ, который сотворился съ появленіемъ послѣднихъ созданій Бетховена. Должно было объ этомъ скорбѣть, но отрицать вообще всѣ заслуги Улыбышева, относительно развитія болѣе правильныхъ понятій о музыкальномъ искусствѣ въ нашемъ отечествѣ,—этого никакъ не слѣдуетъ.

Когда съ начала 30-хъ годовъ, какъ я уже изложилъ въ XXVII-й главѣ, Русская и Нѣмецкая оперныя сцены, а съ ними и исполнители наши стали все болѣе и болѣе интересовать Петербургскую публику, тогда и послѣдняя начала чувствовать потребность получать свѣдѣнія и указанія, которыя могли бы ей служить руководствомъ въ воззрѣніяхъ на музыкальное искусство. Извѣстно, что наша журналистика всегда жаждетъ воспользоваться, ради своихъ матеріальныхъ выгодъ, всѣми данными, которыя могутъ привлекать читателей; а потому не мудрено, что редакціи ежедневныхъ журналовъ нашли нужнымъ воспріять также и музыкальную критику въ программы своихъ изданій. О томъ же, кому препоручать подобныя статьи, о томъ, конечно, редакціи не слишкомъ ломали себѣ головы: являлись бы только фельетоны сказаннаго содержанія, въ этомъ то и состояла вся ихъ забота, но о томъ, какого достоинства оказывались бы эти разсужденія, онѣ и думать не думали. И вотъ выступили въ „Сѣверной пчелѣ“ гг. *Булгаринъ* и *Элькапъ*, въ „Сынѣ Отечества“ *Н. В. Кукольникъ*, въ „Библіотекѣ для чтенія“ *О. И. Сенковскій* и т. д.

Почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, игравшій когда то, по собственному его мнѣ лично сообщенію, на флажолетѣ и поэтому считая себя также „музыкантомъ“, немилосердно, какъ попало ему въ голову, угощалъ читателей невыразимо безтолковой ерундою, которой онъ старался придавать музыкально ученый видъ употребленіемъ впопадъ и не впопадъ, какъ случалось, выраженій нѣмецкой музыкальной терминологіи, напр., въ родѣ слѣдующихъ: квартсекстаккорды, терцквартаккорды, кверштанды, тругшлюссы и т. п., никому конечно изъ читателей непонятныя. Въ уровень ему отпускалъ водяныя и совершенно безсодержательныя фразы также и г. Эльканъ, преимущественно толкуя о

достоинствахъ или недостоинствахъ пѣвцовъ и пѣвицъ, да объ операхъ на единственномъ томъ основаніи, что жена его, дочь какого то малоизвѣстнаго Итальянскаго капельмейстера и композитора *Антонолини*, была также пѣвицей.

Согласенъ я, что и Сенковскій и Кукольникъ несравненно болѣе обладали общими музыкальными свѣдѣніями, чѣмъ вышереченные два „критика", и что они даже не только поигрывали немного на фортепіано, но даже были нѣсколько знакомы съ рутинною грамматикою западо-европейской музыки. Признавать, однако же, въ нихъ положительныхъ знатоковъ этого искусства, все-таки, по строгой справедливости, никакъ не возможно. Между тѣмъ и тотъ и другой стремились къ тому, чтобы высказывать читателямъ всю свою, набранную изъ разныхъ нѣмецкихъ музыкально-теорическихъ сочиненій, „великую эрудицію". Вслѣдствіе того разсужденія ихъ выходили явно искусственно составленными, по слогу тяжеловатыми, для простыхъ читателей непонятными и крайне скучными, такъ что публика-то, конечно, весьма мало читала эти словно „ученыя диссертаціи на докторское званіе", а того менѣе еще ихъ понимала.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что тогдашняя музыкальная критика зиждилась единственно только на многословіи и пустословіи, и слѣдовательно не приносила, и не могла приносить ни малѣйшей пользы для общаго развитія у насъ здравыхъ понятій о музыкальномъ искусствѣ.

Осенью 1851-го года (насколько еще помню) познакомился я съ помощникомъ редактора С. Петербурскихъ русскихъ вѣдомостей, г. *Василькомъ Петровымъ*, который мнѣ предложилъ, взять на себя рефераты по части италіянскихъ оперныхъ представленій, и такъ какъ главный редакторъ г. *Очкинъ* согласился на моѐ сотрудничество, то я и началъ исполнять свою обязанность съ Ноября уже мѣсяца. Въ Январѣ же послѣдовавшаго года также и редакція „Сѣверной пчелы" пригласила новую силу для музыкальныхъ рефератовъ: это былъ давнишній уже въ то время мой знакомый, *Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой* [1]), который выступилъ подъ псевдонимомъ *Ростислава*. Безъ всякаго хвастливаго намѣренія рисоваться предъ своими читателями, я все-таки

[1]) О моемъ знакомствѣ съ Ѳ. М. Толстымъ см. выпускъ II. стр. 207—210.

полагаю имѣть право, упомянуть о томъ, что появленіе Ростислава музыкальнымъ критикомъ въ „Сѣверной пчелѣ“ вмѣсто парадировавшихъ въ ней до того времени въ этомъ качествѣ, то самого Булгарина, то его адъютанта Элькана, послѣдовало какъ разъ послѣ двухъ статей моихъ, въ которыхъ я довольно ѣдко и мѣтко подсмѣивался надъ совершенной безсмысленностью, постоянными противорѣчьями и псевдо-научной терминологіею этихъ музыкальныхъ „Радамантовъ изъ Мѣщанской“ [2]). Какъ бы то ни было, только никто не станетъ отрицать, что съ этого самого времени *русская* музыкальная критика въ двухъ главныхъ тогда ежедневныхъ журналахъ Петербурга сразу приняла совершенно иную, болѣе серьезную, но и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе популярную физіономію. Какъ я, такъ и Ростиславъ поняли, что изъ не малаго числа нашихъ читателей едвали и одна десятая доля была достаточно подготовлена къ настоящему слушанію серьезной музыки. На этомъ основаніи, не пускаясь ни малѣйше въ мелочи *музыкально-грамматическаго* анализа сочиненій, мы разбирали ихъ только со стороны требованій логики, поэзіи и эстетики; разсуждали о томъ, на сколько музыка вѣрно или невѣрно выражала содержаніе текста, и насколько пѣвцы и пѣвицы удовлетворяли или неудовлетворяли требованія искусства. При этомъ старались по возможности ясно, но безъ педантическаго многословія, излагать, въ чемъ состоятъ эти требованія. Иногда, гдѣ оказывалось особенно нужнымъ или же и просто умѣстнымъ, прибавлялись коротенькія музыкально-историческія свѣдѣнія и т. п. Главное же чѣмъ мы задавались, было то, что-бы придавать нашимъ разсужденіямъ видъ, не сухихъ профессорскихъ диссертацій, а легкой, общепонятной бесѣды, т. е. форму настоящаго фельетона, на манеръ тѣхъ извѣстныхъ передовыхъ статей лучшихъ Парижскихъ ежедневныхъ журналовъ, которыя носятъ названіе „Premier Paris“.

Публика встрепенулась, и читая наши фельетоны—сначала, конечно, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ,—вошла мало-по-малу во вкусъ и стала интересоваться самымъ дѣломъ. Бывало, что посѣщая оперныя представленія и заходя въ антрактахъ въ Фойе

---

[2]) Къ этому самому-то времени относится встрѣча и разговоръ мой съ Булгаринымъ, о которомъ упоминается въ выпускѣ I. въ замѣткѣ на стр. 150.

достоинствахъ или недостоинствахъ пѣвцовъ и пѣвицъ, да объ операхъ на единственномъ томъ основаніи, что жена его, дочь какого то малоизвѣстнаго Итальянскаго капельмейстера и композитора *Антонолини*, была также пѣвицей.

Согласенъ я, что и Сенковскій и Кукольникъ несравненно болѣе обладали общими музыкальными свѣдѣніями, чѣмъ вышереченные два „критика", и что они даже не только поигрывали немного на фортепіано, но даже были нѣсколько знакомы съ рутинною грамматикою западо-европейской музыки. Признавать, однако же, въ нихъ положительныхъ знатоковъ этого искусства, все-таки, по строгой справедливости, никакъ не возможно. Между тѣмъ и тотъ и другой стремились къ тому, чтобы высказывать читателямъ всю свою, набранную изъ разныхъ нѣмецкихъ музыкально-теорическихъ сочиненій, „великую эрудицію". Вслѣдствіе того разсужденія ихъ выходили явно искусственно составленными, по слогу тяжеловатыми, для простыхъ читателей непонятными и крайне скучными, такъ что публика-то, конечно, весьма мало читала эти словно „ученыя диссертаціи на докторское званіе", а того менѣе еще ихъ понимала.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что тогдашняя музыкальная критика зиждилась единственно только на многословіи и пустословіи, и слѣдовательно не приносила, и не могла приносить ни малѣйшей пользы для общаго развитія у насъ здравыхъ понятій о музыкальномъ искусствѣ.

Осенью 1851-го года (насколько еще помню) познакомился я съ помощникомъ редактора С. Петербурскихъ русскихъ вѣдомостей, г. *Васильковъ Петровымъ*, который мнѣ предложилъ, взять на себя рефераты по части италіянскихъ оперныхъ представленій, и такъ какъ главный редакторъ г. *Очкинъ* согласился на мое сотрудничество, то я и началъ исполнять свою обязанность съ Ноября уже мѣсяца. Въ Январѣ же послѣдовавшаго года также и редакція „Сѣверной пчелы" пригласила новую силу для музыкальныхъ рефератовъ: это былъ давнишній уже въ то время мой знакомый, *Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой* [1]), который выступилъ подъ псевдонимомъ *Ростислава*. Безъ всякаго хвастливаго намѣренія рисоваться предъ своими читателями, я все-таки

---

[1]) О моемъ знакомствѣ съ Ѳ. М. Толстымъ см. выпускъ II. стр. 207—210.

полагаю имѣть право, упомянуть о томъ, что появленіе Ростислава музыкальнымъ критикомъ въ „Сѣверной пчелѣ“ вмѣсто парадировавшихъ въ ней до того времени въ этомъ качествѣ, то самого Булгарина, то его адъютанта Элькана, послѣдовало какъ разъ послѣ двухъ статей моихъ, въ которыхъ я довольно ѣдко и мѣтко подсмѣивался надъ совершенной безсмысленностью, постоянными противорѣчьями и псевдо-научной терминологіею этихъ музыкальныхъ „Радамантовъ изъ Мѣщанской“ [2]). Какъ бы то ни было, только никто не станетъ отрицать, что съ этого самого времени *русская* музыкальная критика въ двухъ главныхъ тогда ежедневныхъ журналахъ Петербурга сразу приняла совершенно иную, болѣе серьезную, но и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе популярную физіономію. Какъ я, такъ и Ростиславъ поняли, что изъ не малаго числа нашихъ читателей едвали и одна десятая доля была достаточно подготовлена къ настоящему слушанію серьезной музыки. На этомъ основаніи, не пускаясь ни малѣйше въ мелочи *музыкально-грамматическаго* анализа сочиненій, мы разбирали ихъ только со стороны требованій логики, поэзіи и эстетики; разсуждали о томъ, на сколько музыка вѣрно или невѣрно выражала содержаніе текста, и насколько пѣвцы и пѣвицы удовлеворяли или неудовлетворяли требованія искусства. При этомъ старались по возможности ясно, но безъ педантическаго многословія, излагать, въ чемъ состоятъ эти требованія. Иногда, гдѣ оказывалось особенно нужнымъ или же и просто умѣстнымъ, прибавлялись коротенькія музыкально-историческія свѣдѣнія и т. п. Главное же чѣмъ мы задавались, было то, что-бы придавать нашимъ разсужденіямъ видъ, не сухихъ профессорскихъ диссертацій, а легкой, общепонятной бесѣды, т. е. форму настоящаго фельетона, на манеръ тѣхъ извѣстныхъ передовыхъ статей лучшихъ Парижскихъ ежедневныхъ журналовъ, которыя носятъ названіе „Premier Paris“.

Публика встрепенулась, и читая наши фельетоны—сначала, конечно, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ,—вошла мало-по-малу во вкусъ и стала интересоваться самымъ дѣломъ. Бывало, что посѣщая оперныя представленія и заходя въ антрактахъ въ Фойе

---

[2]) Къ этому самому-то времени относится встрѣча и разговоръ мой съ Булгаринымъ, о которомъ упоминается въ выпускѣ I. въ замѣткѣ на стр. 150.

или буфетъ, заставалъ я нерѣдко посѣтителей въ разсужденіяхъ о томъ, что они только слышали, и невольно почувствовалъ весьма удовлетвореннымъ свое авторское самолюбіе (увы! участь всѣхъ смертныхъ, а тѣмъ паче писателей!), когда эти разсужденія откликались мѣстами изъ послѣдней моей статьи. Всетаки это означало, что публика присутствовала уже на оперныхъ представленіяхъ, не въ качествѣ пустыхъ, не мыслящихъ людей, посѣщающихъ эти представленія ради одного лишь матеріальнаго препровожденія времени или ради послѣобѣденнаго пищеваренія, а съ самосознательностью и съ желаніемъ вникать въ то, что видитъ и слышитъ. И этотъ самый фактъ служилъ намъ утѣшеніемъ и поощреніемъ въ добросовѣстномъ исполненіи нашей критической обязанности.

Во второй половинѣ того же 1852 года (кажется) присоединился къ кругу Петербургскихъ музыкальныхъ критиковъ, наконецъ также и *А. Н. Сѣровъ*, переведенный по службѣ изъ Крыма обратно въ родной свой городъ. Цѣлымъ рядомъ длинныхъ статей эпистолярной формы выступилъ онъ въ „Пантеонѣ" противъ сочиненій А. Д. Улыбышева и въ особенности противъ книги „Beethoven et ses glossateurs". Если, какъ выше уже сказано, и нельзя отрицать, что Улыбышевъ въ своихъ воззрѣніяхъ на музыку оказался отсталымъ, то все-таки прежнія его заслуги должны были гарантировать его отъ чрезмѣрныхъ нападокъ самаго грубо-ядовитаго характера. Но главная цѣль автора была достигнута. Своими смѣлыми сужденіями и рѣзкими приговорами, написанными „бойкимъ перомъ" новый критикъ произвелъ общую сенсацію и всѣ интересующіеся музыкальнымъ дѣломъ съ большимъ любопытствомъ другъ у друга распрашивали, откуда появилось вдругъ это „свѣтило" музыкальной критики?

Въ изложенномъ мною обзорѣ музыкальнаго развитія и перегринааціи воззрѣній Сѣрова на стили и на авторовъ нашего искусства нѣсколько уже указано на то, къ чему Сѣровъ преимущественно стремился. Для этой главной его цѣли онъ, съ самого уже начала своей музыкально-литературной дѣятельности, и принялъ-то таковую полемическую позу и такой полемическій тонъ. Еще опредѣленнѣе явствуютъ эта цѣль и это стремленіе изъ личнаго разговора его съ Ѳ. М. Толстымъ, который произошелъ на палубѣ парохода „Владиміръ" во время поѣздки обо-

ихъ упомянутыхъ лицъ въ Германію въ 1856 (кажется) году. [1]) Встрѣтясь разъ въ буфетѣ съ Сѣровымъ, Толстой откровенно спросилъ его, почему онъ (Сѣровъ) въ своихъ статьяхъ неустанно нападалъ на него (Толстаго) съ такимъ ожесточеніемъ? развѣ питаетъ, быть можетъ, противъ него какую-либо личную вражду? На этотъ вопросъ Сѣровъ еще откровеннѣе далъ слѣдующій отвѣтъ: „Личной вражды противъ васъ никакой не питаю; но тому, кто желаетъ вскарабкаться на верхъ, необходимо сѣсть другимъ на шею". Сѣровъ такъ и поступалъ. Онъ нападалъ, и не всегда слишкомъ-то разборчиво, на всякаго другаго музыкальнаго писателя, кто только мало-мальски обращалъ на себя въ то время вниманіе публики, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и на меня. Видно, девизомъ своимъ Сѣровъ избралъ предпочтительно извѣстную нѣмецкую поговорку: „Trommeln gehört zum Handwerk". [2]) Какъ мы съ Толстымъ глядѣли на этотъ воинственный духъ Сѣрова, это объясняется какъ изъ выше упомянутаго вопроса Толстаго, такъ и изъ слѣдующаго маленькаго эпизода, происходившаго между Сѣровымъ и мною. Это было, конечно, гораздо позже въ февралѣ (кажется) мѣсяцѣ 1863 года. Шелъ я разъ по Офицерской улицѣ (на которой жилъ тогда Сѣровъ), вмѣстѣ съ Л. А. Меемъ и Н. Ѳ. Щербиною, и встрѣтили мы выходящаго изъ своей квартиры Сѣрова въ сопровожденіи Григорія Максимова. Мы остановились и начали разговаривать. Вдругъ Сѣровъ обращается ко мнѣ и съ тономъ ѣдкой ироніи спрашиваетъ меня: „ну что, батенька, задѣло? Не взыщите, не гнѣвайтесь!" Это онъ намекалъ на недавно вышедшую свою статью, въ которой онъ напустился на меня ради одной критики моей о неудовлетворительной передачи Д. М. Леоновою роли „Азучены" въ оперѣ „Трубадуръ".

Въ этой статьѣ Сѣровъ, безъ всякихъ церемоній, обвинилъ меня въ намѣреніи *мстить* сказанной артисткѣ за то, что будто „она отказала мнѣ въ исполненіи какого-то моего романса", а я въ то время и вовсе еще не былъ лично знакомъ съ этой пѣвицей, [3]) да и вообще *никогда* ни о чемъ ее не просилъ, что я

---

[1]) Объ этомъ разговорѣ сообщилъ мнѣ позже самъ Ѳ. М. Толстой.

[2]) „Ремесло требуетъ барабаннаго боя".

[3]) Дѣйствительно указалъ я въ своей статьѣ на таковое неудовлетвореніе

и выяснилъ въ особомъ примѣчаніи къ первому послѣдующему за тѣмъ моему реферату. Выходка Сѣрова меня однако же нимало не сконфузила и я, съ своей стороны, весьма спокойно спросилъ: „да за что же именно-то мнѣ гнѣваться?“.

— „Ну на то, что мы написали-сь. Ужъ таковъ-то норовъ у меня“.

— Знаю, знаю! (возразилъ я съ иронической улыбкою); только тутъ и гнѣваться-то не стоитъ. Больнымъ-то людямъ и самъ Богъ велѣлъ грѣхи отпускать; а вы почтеннѣйшій другъ, крайне страдаете желчью;—ну и выливаете ее зря на-право да на-лѣво, куда попало. Богъ васъ проститъ, а я уже подавно!— Больной вы, любезнѣйшій, больной, и все тутъ.

Мы всѣ расхохотались и по неволѣ даже самъ Сѣровъ, да и разошлись.

Но по важности того положенія, какое Сѣровъ занималъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, онъ заслуживаетъ, чтобы его личности и характеру была посвящена особая глава.

XLV.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Передавъ свои воспоминанія о Сѣровѣ, какъ о музыкальномъ дѣятелѣ, я перехожу къ воспоминаніямъ о Сѣровѣ, какъ о человѣкѣ. Ростомъ былъ онъ небольшаго, сложеніемъ плотенъ и крѣпокъ, повидимому, а лицо его, выдававшееся вообще нѣсколько впередъ, выказывало необычайный умъ и необычайную энергію. Черты этого лица были довольно правильныя, но на нихъ лежала какая то печать сухой суровости и раздражительности, что въ особенности выражалось въ холодномъ, проницательномъ взглядѣ сѣрыхъ его глазъ, въ блѣдно-желтомъ цвѣтѣ его лица, въ какъ бы судорожно сжатыхъ губахъ, да въ выступающемъ широкомъ

ея игры и пѣнія; между тѣмъ, какъ нѣсколькими днями раньше выставлялъ достоинства ея въ передачѣ роли „Вани“ (или „Ратміра“; въ точности нынѣ не помню). Вообще, думаю я, что обязанность критика состоитъ въ томъ, чтобы не только все восхвалявать артистовъ, каково-бы нибыло ихъ исполненіе, но также и указать на недостатки, когда гдѣ оказываются таковые.

подбородкѣ. Волосы носилъ онъ длинные, причесанные назадъ, что не мѣшало имъ, впрочемъ, бывать почти всегда болѣе или менѣе взъерошенными. Усы, борода и бакенбарды были у него сбриты. Любилъ онъ преимущественно одѣваться въ сѣрый, нѣсколько мѣшковатый, сюртукъ, застегнутый сверху до низу при пантолонахъ того-же цвѣта, нѣкоимъ образомъ, какъ бы въ подражаніе Бетховену, который (говорятъ) также нашивалъ платье сѣраго цвѣта. Говорилъ же Сѣровъ нѣсколько протяжно съ особымъ удареніемъ на тѣ слова, которыми желалъ онъ произвести эффектъ; а самый-то голосъ его звучалъ рѣзкимъ и какъ бы на споръ вызывающимъ тембромъ. Въ походкѣ и въ движеніяхъ его обнаруживалось постоянное нервное безпокойство: явное послѣдствіе сильнаго разстройства его организма и въ особенности печени. Если я упоминаю объ этихъ наружныхъ примѣтахъ Сѣрова, то это не ради того, чтобы его унизить въ глазахъ читателя, а напротивъ того: чтобы ясно представить причины не всегда одобряемыхъ его поступковъ, рѣчей и литературныхъ выходокъ и этимъ самымъ указать на возможность находить имъ нѣкоторе извиненіе.

Съ моей, по крайней мѣрѣ, стороны я такъ и смотрѣлъ всегда на Сѣрова и, хотя въ нашихъ съ нимъ чернильныхъ поединкахъ я не задумывался сдавать ему сдачи той же ѣдкою монетою, какую онъ израсходывалъ въ своихъ аттакахъ на меня, то всетаки я могу увѣрить по совѣсти, что *личной* вражды къ нему я никогда не питалъ. При тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы взаимно находились, мы, конечно, никогда не состояли въ близкомъ знакомствѣ; но мы сталкивались не рѣдко, какъ у общихъ нашихъ знакомыхъ, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ.

Само собою разумѣется, что между нами (хотя мы и были антогонистами по своему „ремеслу“, но всетаки людьми принадлежащими къ интеллигентному обществу) грубыхъ стычекъ при личныхъ встрѣчахъ не происходило, да и происходить не могло. Бывали, однакоже, эпизоды частнаго воеванія, и объ этихъ-то эпизодахъ намѣренъ я повѣдать въ этой главѣ, такъ какъ они довольно ярко рисуютъ наши характеры и манеру каждаго изъ насъ, держать себя на мензурѣ литературныхъ поединковъ.

Извѣстно, что Сѣровъ послѣ своей поѣздки въ Германію, сдѣ-

лался ярымъ Вагнеріанцемъ. Вслѣдствіе того сталъ онъ, по примѣру своего кумира и магистра, воевать противъ Мейербера за дерзновенное его пріобрѣтеніе всемірной славы. Рѣзкость и неприличіе выраженій въ статьяхъ Сѣрова, при немалой шаткости доводовъ его и при невѣрности теоретическихъ опредѣленій, заставили меня, какъ изъ любви къ самому музыкальному искусству, такъ и изъ уваженія къ неоспоримымъ заслугамъ Мейербера, выяснить промахи въ сужденіяхъ этого критика, „бичующаго немилосердно разлюбленнаго имъ знаменитаго композитора". Сѣровъ напустился на меня за мои статьи: на двѣ—одновременно въ ходъ пущенныя;—аттаки его, изъ которыхъ одна подписана была настоящимъ его именемъ, а другая псевдонимомъ,— я не находилъ ни нужнымъ, ни приличнымъ отвѣчать печатно, потому что Сѣровъ превратилъ споръ о музыкѣ Мейербера въ мелочныя придирки къ моей личности; но я адресовалъ Сѣрову партикулярное письмо, въ которомъ весьма спокойно, хотя и не безъ соли, объяснилъ ему причины моего молчанія въ печати. Къ этому же прибавилъ я, однакоже, также и категорическія опроверженія всѣхъ его желчныхъ выходокъ. Вскорѣ послѣ того, весною 1857-го года, посѣтилъ меня пріѣхавшій въ Петербургъ А. Д. Улыбышевъ (почтенный старецъ 70-ти уже лѣтъ) и, представивъ мнѣ свои (упомянутыя въ предъидущей главѣ) два сочиненія, просилъ написать о нихъ разборъ, что я и исполнилъ охотно. Эта моя статья вышла въ началѣ Мая въ номерѣ 21-мъ „Музыкальнаго и театральнаго вѣстника". Между прочимъ сказалъ я въ этой статьѣ и слѣдующее:

„Читалъ я также книгу того же автора (т. е. А. Д. Улыбышева) о жизни и дѣяніяхъ Моцарта;—читалъ я и длинныя предлинныя филиппики *нѣкоего* господина противъ этого сочиненія,— филиппики, въ которыхъ авторъ какими-то парадоксами и софизмами, а, главное, *переиначиваніемъ* словъ и смысла книги г. Улыбышева, старался обвинить послѣдняго въ преступленіи laesae majestatis противъ великой тѣни творца музыки къ Гётевой трагедіи „Эгмонтъ" и „Девятой симфоніи" и т. д. „По прочтеніи книги г. Улыбышева, многое, и даже очень многое въ теоріи и въ эстетикѣ музыки стало мнѣ яснѣе; по прочтеніи же рѣзкихъ выходокъ *нѣкоего* господина, я только еще болѣе убѣдился во многихъ истинахъ, содержимыхъ въ книгѣ г. Улыбы-

шева, котораго къ тому же я сталъ еще болѣе уважать за то, что онъ не возражалъ на тѣ вызовы къ пустой чернильной дракѣ“.—„Этотъ *нѣкій* господинъ недавно еще доказалъ вновь, что любимая его система заключается въ нападеніи на извѣстныхъ артистовъ и сочинителей (даже на *афиши* и *программы* ихъ), да *не доказательствами*, основанными на теоріи или на истинныхъ фактахъ, а злонамѣреннымъ *искаженіемъ* содержанія сочиненій или фактовъ, *пропускомъ* главныхъ мѣстъ, а что важнѣе всего: совершенно *бездоказательнымъ пустословіемъ*, подъ предлогомъ такъ называемаго нынѣ „*краснорѣчія*“, „*бойкаго пера*“ и пр., и пр. Такъ не должно писать критику, цѣль которой не ругать, а *учить, исправлять*! Пускай уже лучше будетъ *слогъ* тяжеловатъ, чѣмъ *истина* и *наука* исковерканы. Не довольно сказать: это *дурно*, это *хорошо*, этого *вы не понимаете*,—а должно *просто*, *ясно* и *вѣрно* излагать и доказать, *почему* оно дурно или хорошо, и какое именно существуетъ *новое правило*, котораго мы „старики отсталые“ не знаемъ. Тогда охотно *всѣ* скажутъ *спасибо*, а *ложь* и *дерзкая рѣзкость* неумѣстны“.—Вотъ, что я высказалъ тогда и что поддерживаю донынѣ.

Вслѣдствіе этой моей статьи имѣлъ я честь 3-го іюня поздно вечеромъ получить отъ А. Н. Сѣрова слѣдующее письмо:

„М. Г. Юрій Карловичъ, чтобы писать объ чемъ-нибудь, о комъ-нибудь, хотя бы противъ „нѣкоего совсѣмъ безвѣстнаго господина“,—непремѣнно надобно въ подробности знать то дѣло, о которомъ рѣчь идетъ. Въ любопытной статьѣ вашей о книгѣ Улыбышева (въ № 21 „Музык. Вѣстника“) встрѣчаются выходки прямо противъ меня (хотя и безъ означенія моего имени), но къ сожалѣнію *съ непозволительнымъ извращеніемъ фактовъ*, т. е. моихъ убѣжденій,—всегда высказанныхъ мною на *русскомъ* и совершенно—*для русскихъ—понятномъ* языкѣ.

Приписывая такое искаженіе правды никакъ не злонамѣренности вашей, а, вѣроятнѣе, недостатку *данностей* (такъ какъ статьи мои въ Пантеонѣ не случились у васъ подъ руками) и желая послѣдовать превосходному совѣту вашему, что обязанность критика не *ругать*, а *учить, исправлять*, имѣю честь препроводить къ вамъ—собственно для поученія вашего на дальнѣйшіе случаи—мою новѣйшую филиппику противъ столько уважаемаго вами, *добросовѣстнаго* и *глубокоученаго* знатока музыки.

(„Московскія вѣдомости“ очень распространены *внутри* Россіи, что и заставило меня избрать ихъ органомъ на сей разъ;—въ Петербургѣ же эта газета довольно рѣдка и вами врядъ ли получается).—При этомъ считаю полезнымъ увѣдомить васъ, что до сихъ поръ, именно потому, что *когда-то* я писалъ въ „Музыкальномъ Вѣстникѣ“, я цѣлые *полгода* ни разу не упомянулъ въ печати о журналѣ, въ которомъ вы съ *такимъ успѣхомъ* подвизаетесь на моемъ мѣстѣ,—теперь же — такъ какъ „Вѣстникъ“ самъ поднялъ на меня оружіе, то не погнѣвайтесь, если на дняхъ встрѣтите и съ моей стороны кое-что не совсѣмъ утѣшительное ни для васъ, ни для редакціи. — Безъ дальнѣйшихъ формулъ—3 іюня 1857 г. А. Сѣровъ“.

На другой день (4-го іюня) послалъ я ему слѣдующій отвѣтъ:

„М. Г. Александръ Николаевичъ! Любезнѣйшее письмо Ваше отъ вчерашняго числа, съ приложеніемъ „новой филиппики“ противъ *дѣйствительно искренно* уважаемаго мною А. Д. Улыбышева, я имѣлъ честь получить и считаю непремѣннымъ своимъ долгомъ, для вящаго Вашего успокоенія, не замедлить отвѣтомъ. Какъ жаль, что не могу обрадовать Васъ потвержденіемъ „гипотезы“: будто я вашихъ статей не читалъ; напротивъ того, я *всѣ* ихъ читалъ, и *всегда* читаю, и читать *буду*; это для меня составляетъ нѣчто въ родѣ *психологическаго этюда!* Такъ напр., присланную Вами статью я давно уже прочелъ, *очинно-давно*, помнится 30-го апрѣля или 1-го мая.—За то, вѣроятно, Вамъ не будетъ безпріятно узнать, что собственно-то *письмо* Ваше меня крайне утѣшило, т.-е. *потѣшило!* Представьте себѣ,—что заботы о нѣкоторыхъ житейскихъ дѣлахъ до того, было, овладѣли моею душою, что я сталъ почти иппохондрикомъ, скучалъ, жестоко скучалъ! Вдругъ, въ 10-мъ часу вечера получаю письмо Ваше! Любезные, *наивно-шутливыя* (а то иначе что?) строки эти разогнали черныя тучи съ мрачной души моей, привели меня въ самое веселое, свѣтлое состояніе, и я въ эту ночь такую задалъ славную выхрапку, что, право, и не знаю, какъ и чѣмъ Васъ достойно благодарить! Спасибо, батюшка голубчикъ, ну вотъ, ей-ей, спасибо!—Еслибы я только не побоялся слишкомъ наскучить своею просьбою, вотъ такъ и попросилъ бы Васъ, не оставить меня и *впредь* присылкою такихъ миленькихъ фарсовъ.

О томъ, чтобы я не понималъ того, что написано *„по русски“* и *„для русскихъ“*,—Вы, А. Н., пожалуйста, ужъ и не безпокойтесь: вѣдь всѣмъ, окромѣ Васъ, извѣстно уже давно, что *впрямь я русскій*, не смотря на бывшій о томъ споръ со стороны *Нѣмецкаго* Общества.

Что же касается до нѣжнаго Вашего попеченія, съ какимъ изволите позаботиться о моемъ *„исправленіи“*, то я, батюшка ты мой, этимъ тронутъ до глубины души моей, и скорблю только объ одномъ, т.-е., что голова-то моя, дескать, уже старà,—что подъ рѣденькою сѣдиною, ее покрывающей, понятія-то музыкальныя таятся до того *отсталыя* и *потупившіяся*, что ничѣмъ ихъ не исправишь, какъ развѣ только *фактическою истиною*, да *логическими доказательствами* на основаніи *акустики* и *музыкальной грамматики*. Право такъ! да что мнѣ дѣлать? Вотъ нейдутъ, да и только, въ эту старою башку никакія *краснò* и *бойко* набросанныя *фразы* да *тири-тирадцы*, въ которыхъ сама-то наука какъ-бы вещь посторонняя! А, впрочемъ, нечего сказать, батюшка А. Н., *краснò* Вы пишите, *бойко* пишите,—молодецъ-молодцомъ! Гдѣ намъ-это, старикамъ отсталымъ потягаться съ Вашимъ слогомъ, съ Вашей остротою! Пасъ мы, батюшка, пасъ! и все тутъ!

И такъ не оставьте Вашими посланіями, — сдѣлайте одолженньице,—премного буду благодаренъ!—

Да—но—извините: самое *главное*-то я забылъ! О чемъ-же именно-то хлопочите вы? Изъ чего-же собственно, батюшка А. Н., родилось оно, желаніе-то Ваше, исправлять меня? Что-то темненько! Вы пишете: „будто въ статьѣ моей встрѣчаются выходки прямо противъ Васъ (хотя и безъ означенія Вашего имени)?“ — Да, позвольте, аттàнде-съ! Какъ-же это? Вѣдь говорилъ я въ своей статьѣ о *нѣкоемъ* господинѣ, *старавшемся* парадоксами и софизмами, а главное *злонамѣреннымъ* переиначеніемъ словъ и смысла книги г. Улыбышева обличить его предъ публикою будто въ невѣжествѣ музыкальномъ;—говорю о *дерзко-рѣзкихъ* выходкахъ этого барина, о страсти его къ пустой чернильной *дракѣ*; о бездоказательномъ *пустословіи* его статей: о сильной *тоскѣ его* по возбужденіи *собою* любопытства и quasi-ученаго пренія въ Россіи, а *еслибы* возможно и за-границею,—вотъ о какомъ-то баринѣ я писалъ!! А вдругъ Вы увѣряете, что этотъ „нѣкій

господинъ“ *Вы сами!*—„Неужели правы слухи...?“ [1])—Ну ужъ, батюшка А. Н.,—я бы, ей-ей, *ни за что* не сталъ *самъ* находить сходства межъ собой и *подобнымъ* бариномъ,—а ужъ *еслибъ* (прости Господи мое погрѣшеніе!) я и *нашелъ его,* такъ, по крайней мѣрѣ, никому бы въ томъ не признавался;—вѣдь *нечѣмъ,* право, тутъ похвастать-то! Ну, Богъ съ Вами! А писулочки все-таки присылайте! Презабавныя онѣ,—ей Богу, презабавныя!—Ut in litteris [2]),—Юрій Арнольдъ“.

Это была послѣдняя моя стычка съ Александромъ Николаевичемъ предъ вторичнымъ моимъ переселеніемъ (въ 1858-мъ г.) въ Тамбовскую губернію. Угрозы, выраженной въ письмѣ его, онъ не приводилъ въ исполненіе, хотя и послѣ нашей (только что приведенной) „дружеской“ корреспонденціи, въ „Театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ“ не мало еще появилось статей, изъ коихъ нѣкоторыя, съ точки воззрѣнія Сѣрова, могли бы давать бойкому его перу достаточно матеріала для изверженія на меня „смертоносныхъ своихъ громовъ“.

Война наша подымалась, однакоже, снова, когда, вернувшись въ Петербургъ въ концѣ 1861-го г., я съ весны слѣдующаго 1862-го г., по приглашенію П. П. Усова, тогдашняго арендатора [3]) и редактора „Сѣверной пчелы“, сталъ сотрудникомъ этого журнала. Музыкальные мои рефераты и разсужденія являлись тогда подъ заглавіемъ „Замѣтки стараго музыканта“. Нападенія Сѣрова на меня (либо въ одномъ изъ журналовъ, издаваемыхъ А. А. Краевскимъ, либо въ „Отечественныхъ запискахъ“,—нынѣ, по запамятованію, положительно сказать не могу) возобновились, однакоже, только осенью, и бывали не столько направлены противъ музыкальныхъ моихъ принциповъ, сколько противъ моихъ сужденій объ исполненіяхъ того—другаго артиста или той—другой артистки. Къ тому же нападки почтеннѣйшаго моего „коллеги“ принимали нерѣдко характеръ намѣреннаго *личнаго* задѣванія, да не всегда являлись въ формѣ, допускаемой въ кругу порядочныхъ людей. Объ одномъ таковомъ случаѣ, касающемся Д. М. Леоновой разсказалъ я въ предъидущей уже главѣ. Дру-

---

[1]) Начало извѣстной эпиграммы Пушкина на Ѳаддея Булгарина.

[2]) Какъ въ письмахъ.

[3]) Собственникомъ же газеты всетаки оставался попрежнему Н. И. Гречъ.

гой же случай былъ по поводу моего реферата о представленіи оперы Галеви „Жидовка", въ которой исполняли роли: „Елеазара" — г. Сѣтовъ [1]), а „Рахили"—г-жа Валентина Біанки [2]). И тотъ, и другая были безсомнѣнно весьма да весьма достоуважаемые артисты, какъ съ пѣвческой, такъ и съ сценической стороны, но никакъ еще не свѣтила перваго разряда, а потому и не изъяты отъ возможности, иногда ошибаться въ передачѣ нѣкоторыхъ характерныхъ нюансовъ. Элеазаръ — еврей; но еврей XV-го вѣка. Это—античнаго покроя патріархъ въ своей семьѣ и въ кругу своихъ единовѣрцевъ; заклятый врагъ—жестокихъ гонителей его племени и его вѣры, и поэтому онъ мститъ имъ тѣми средствами, которыя у него въ рукахъ. Средства эти съ одной стороны: его богатство, его торговыя, далеко простирающіяся сношенія, и его ремесло; а съ другой стороны: все болѣе и болѣе развивавшаяся тогда всеобщая страсть къ роскоши и къ блеску и безумная расточительность. Онъ исторгаетъ золото у христіанъ, когда и какъ ему только возможно; за свои услуги, за свой товаръ онъ требуетъ баснословныя цѣны. Но онъ этого требуетъ спокойно, съ достоинствомъ и съ стойкостью, ибо знаетъ, что ему уступятъ. Такимъ-то Елеазаръ и долженъ представляться въ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ сталкивается съ христіанами, и даже въ той, гдѣ онъ является продавцемъ дорогаго рыцарскаго ожерелья, которое принцесса желаетъ подарить своему жениху. Въ своемъ рефератѣ я указалъ на этотъ историческій типъ и сказалъ, что г. Сѣтовъ вслѣдствіе своей гримировки лица, которому онъ придалъ физіономію какъ бы злаго, хитраго и хищнаго коршуна, скорѣе походилъ на одного изъ тѣхъ арендаторовъ—корчмарей изъ евреевъ, какіе въ нынѣшнее время встрѣчаются въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, чѣмъ на „Елеазара" XV-го вѣка, и что это, вовсе не подходящее къ характеру роли, анти-историческое сходство еще болѣе поражало въ сценѣ съ принцессою тѣмъ, что г. Сѣтовъ не только явился въ обычномъ костюмѣ тѣхъ корчмарей [3]), да съ ужимками въ

---

[1]) Бывшій студентъ Московскаго университета, настоящее фамильное имя котораго было *Сетюфъ* или *Сетюфферъ*.

[2]) Петербургская уроженка, дочь учителя пѣнія, италіянца Біанки.

[3]) Какъ онъ описанъ мною на стр. 10 выпуска II. и котораго мы не

жестахъ, въ мимикѣ и въ голосѣ на манеръ безчисленно встрѣчаемыхъ на Литвѣ и въ Польшѣ назойливыхъ гешефтмахеровъ-факторовъ. Относительно же г-жи Біанки, проведшей въ общемъ партію Рахили даже болѣе чѣмъ только удовлетворительно, я сдѣлалъ только единое замѣчаніе, а именно: что въ сценѣ ожиданія ею Леопольда на ночное свиданіе, высоко уважаемая артистка вложила въ свое пѣніе и въ свою игру слишкомъ много страсти и огня. Рахиль—я сказалъ, дѣвушка воспитанная по тѣмъ необычайно строго-моральнымъ правиламъ антично-патріархальнаго быта евреевъ упомянутаго вѣка; [1]) а потому-то она, хотя по неопытности своей невинной души и увлекомая своимъ сердцемъ,—она, по причинѣ той же самой невинности души, все таки инстинктивно чуетъ какую-то ей невѣдомую опасность; естественный же дѣвичій стыдъ за какое-то ей неясное ощущеніе въ собственномъ ея сердцѣ долженъ, конечно, усилить это тревожное состояніе; въ ней *все* дрожитъ отъ этой тревоги: и тѣло, и душа. Но г-жа Біанки, видно, не такимъ поняла типъ Рахили: въ передачѣ указанной выше сцены мы слышали и видѣли ни одной изъ вышеизложенныхъ чертъ настоящей Рахили; напротивъ, „въ этой сценѣ представилась намъ пылающая полной страстію женщина, которой восторги любви не безвѣдомы". Изъ-за этихъ мѣстъ нашъ критикъ-громовержецъ, въ „защиту" (какъ онъ выразился) „оскорбленныхъ" артистовъ отъ „непристойныхъ нападковъ" референта „Сѣверной пчелы", метнулъ въ меня цѣлымъ пукомъ своихъ канифольныхъ молній. Въ особенности ратовалъ онъ противъ замѣчанія, сдѣланнаго мною г-жѣ Біанки, и не только находилъ его совершенно несправедливымъ, потому что артистка, по его мнѣнію, именно-то въ роли Рахили превосходно передала типъ страстной еврейки,—но и назвалъ его „гнуснымъ киданіемъ грязью" въ добрую славу безупречной артистки, а затѣмъ намекнулъ онъ на то, будто моя критика

встрѣчаемъ ни въ какомъ изъ средневѣковыхъ описаній обычаевъ и одеждъ народовъ и племенъ, обитавшихъ среднюю и западную Европу.

[1]) Не только всѣ сохранившіяся, безпристрастныя средне-вѣковыя хроники свидѣтельствуютъ о патріархальной строгости семейнаго быта средневѣковыхъ евреевъ; но я думаю также, что вообще чувства невинной дѣвушки я вѣрнѣе понялъ, чѣмъ мой антагонистъ.

ничто иное, какъ месть пристыженнаго ухаживателя [1]). Само собою разумѣется, съ моей стороны, вмѣсто всякаго отвѣта, послѣдовала самая коротенькая только въ послѣдующей моей статьѣ замѣточка, что месть безъ причинъ немыслимый фантомъ, а причинъ къ мести тутъ никакихъ быть не могло, такъ какъ я, что́ сама г-жа Біанки и всѣ гг. артисты никакъ не откажутся засвидѣтельствовать, не имѣлъ чести представиться достоуважаемой нашей примадоннѣ.

Вскорѣ затѣмъ на программѣ одного изъ „театральныхъ" концертовъ, во время Великаго поста, значались между прочимъ также и „маршъ и танцы изъ 2-го дѣйствія оперы „Юдиѳь" соч. А. Н. Сѣрова". Вмѣстѣ съ тѣмъ стало также извѣстнымъ, что эта опера принята дирекціею, что она уже разучивается и будетъ дана послѣ Пасхи, и что заглавная роль поручена г-жѣ Біанки. Тогда и стала мнѣ объяснима рыцарская ретивость Александра Николаевича къ „защитѣ" будто—артистовъ отъ всякаго, малѣйшаго даже, замѣчанія. Manus manum lavat! [2]).

Тѣмъ временемъ одинъ изъ моихъ московскихъ друзей, отставной гв. ротмистръ Александръ Александровичъ Рахмановъ, получивъ весьма значительное наслѣдство послѣ своего дяди милліонера, подарилъ мнѣ 500 рублей на поѣздку за-границу. Вслѣдствіе того я и началъ готовиться къ предстоящему вояжу; но такъ какъ меня всегда горячо интерессовало все, что́ касалось музыкальнаго искусства въ моемъ отечествѣ, то въ ожиданіи появленія „Юдиѳи" на сценѣ и отложилъ я свой отъѣздъ до конца мая мѣсяца. Наконецъ, 16-ро числа сказаннаго мѣсяца Петербургская публика услышала это первое произведеніе русскаго композитора, котораго до той поры знала единственно только какъ критика-воителя. Выше ужѐ сообщилъ я объ успѣхѣ Сѣрова и о томъ, какъ я въ своемъ рефератѣ отозвался объ этомъ его твореніи.

Немного дней спустя послѣ появленія моей статьи встрѣтился я съ Александромъ Николаевичемъ. Увидѣвъ меня еще издали, онъ перебѣжалъ чрезъ улицу ко мнѣ навстрѣчу и, протянувъ съ сіяюще-привѣтственной улыбкою обѣ руки, сердечно

---

[1]) Точныхъ выраженій громоносной этой статьи я нынѣ, конечно, помнить уже не могу; но смыслъ ея совершенно вѣрно переданъ.

[2]) Рука руку моетъ.

благодарилъ, да прибавилъ, что онъ никакъ не ожидалъ отъ меня таковаго тщательнаго и, главное, сочувственнаго разбора. На это я ему отвѣтилъ, что критику нѣтъ никакого дѣла до личныхъ отношеній; что противъ своихъ убѣжденій и противъ фактической правды писать Богъ таланта мнѣ не далъ; и что, слѣдовательно ему не за что̀ благодарить меня. Тутъ же я шутя присовокупилъ, что покой его впредъ, вѣроятно, на долгое время мною не будетъ нарушаемъ, такъ какъ чрезъ недѣлю я уѣзжаю за-границу. Сѣровъ совѣтовалъ мнѣ непремѣнно побывать въ Лейпцигѣ и, узнавъ, что я никого не знаю изъ заграничныхъ музыкальныхъ дѣятелей кромѣ Лисста, который тогда находился въ Римѣ,—пригласилъ меня зайти теперь же къ нему, гдѣ онъ дастъ мнѣ визитную свою (нѣмецкую) карточку съ рекомендательной надписью, для передачи д-ру Францу Бренделю [1]). Въ квартирѣ Сѣрова застали мы Григорія Максимова, который, кажется, тогда и жилъ съ нимъ или у него. „Вотъ,—(сказалъ ему Александръ Николаевичъ),—рекомендую честнѣйшаго рыцаря“! (При этихъ словахъ, онъ прослезившись, обнялъ меня). „Я его ругалъ, да ругалъ, — а онъ лучше отозвался о моемъ дѣтищѣ, нежели тѣ, которыхъ я по головкѣ гладилъ“.

Изъ послѣдующаго затѣмъ разговора объяснилось, что Сѣровъ имѣлъ намѣреніе хлопотать со временемъ о постановкѣ „Юдиѳи“ на Вѣнскую оперную сцену и затруднялся только въ нахожденіи переводчика либретто съ русскаго языка на нѣмецкій. Весьма естественно, что я ему предложилъ свои услуги. *Музыки* своей оперы Сѣровъ мнѣ дать не могъ, а далъ только печатное *русское либретто*, съ просьбою: „по возможности сохранять не только *строгій ритмъ*, но также и *всѣ знаки препинанія*, да и *самыя восклицанія*, и т. д.“, т. е. просилъ сдѣлать переводъ поэтичный, а вмѣстѣ съ тѣмъ *строго подстрочный*, *буквальный*,—однимъ словомъ un tour de force!! [2]).—За каждый актъ было условлено по 50-ти руб. сер. [3]); — „по бѣдности моей“— прибавилъ Сѣровъ.

Tour de force былъ учиненъ, по пріѣздѣ моемъ въ Лейпцигъ, среди другихъ, конечно, болѣе важныхъ для меня работъ,

[1]) См. выпускъ III, гл. XXXVII, стр. 14—18.

[2]) Кунштюкъ, выказываніе силы или ловкости.

[3]) За прежніе мои переводы оперъ подъ музыку получалъ я по 100 р.

въ теченіе не болѣе полугода. Я думаю, что моя рукопись гдѣ-нибудь-то и понынѣ еще существуетъ и что она можетъ доказать, какое я приложилъ необыкновенное стараніе. Сѣровъ, послѣ пересылки ему перваго акта, писалъ мнѣ, что онъ въ восхищеніи оттого, какъ ловко мои слова подходятъ подъ его музыку, и тутъ же выслалъ мнѣ условленные 50 руб. То же самое повторилось, когда былъ оконченъ второй актъ; но послѣ пересылки ему третьяго дѣйствія я не только не получилъ слѣдуемой мнѣ еще платы, но не удостоился даже ни единой строчки увѣдомленія о полученіи моего труда. Прождавъ мѣсяца два или три, написалъ я Сѣрову снова (въ мартѣ мѣсяцѣ 1864 г.), напомнилъ ему, что я вообще уже сдѣлалъ весьма значительную уступку въ цѣнѣ „по бѣдности" его, какъ онъ тогда выразился; что я теперь, будучи на чужбинѣ, нахожусь въ весьма стѣсненномъ положеніи, и потому-то „*моя* бѣдность", у „*его* бѣдности" (*получающей, однако-же, нынѣ царскую пенсію*) рѣшительно проситъ уплату оставшихся за нимъ денегъ. Письмо свое я заключилъ тѣмъ, что выразилъ сомнѣніе: можетъ ли поступокъ его со мною *по правѣ называться честнымъ*? Это письмо отправилъ я запечатаннымъ къ сыну своему, инженеръ-архитектору Максимиліану Арнольду, въ Петербургъ, для личной передачи Сѣрову. Сынъ мой исполнилъ мое порученіе. Когда онъ вручилъ мое письмо Александру Николаевичу, то послѣдній, по прочтеніи письма, набросился на него съ руганью и съ вызовомъ на дуэль за нанесенное будто бы ему отъ меня оскорбленіе. Сынъ отвѣтилъ ему весьма логично, что онъ содержанія письма вовсе не знаетъ, а потому Сѣровъ, ради объясненій, пусть адресуется ко мнѣ самому. Затѣмъ, уходя выразилъ, что болѣе чѣмъ странное поведеніе Сѣрова онъ приписываетъ единственно лишь совершенному разстройству его организма, а потому и прощаетъ его. Сынъ мой, конечно, сообщилъ мнѣ объ этой озадачившей его сценкѣ. И такъ мнѣ ничего не оставалось, какъ махнуть рукой, что́ я и сдѣлалъ.

Въ томъ же 1864 году „общегерманскій союзъ музыкальныхъ художниковъ" [1]) назначилъ быть большому музыкальному фестивалю въ срединѣ августа мѣсяца въ г. Карлсруэ. Такъ

[1]) Allgemeiner deutscher Tonkünster-Verein. (См. стр. 14).

какъ я состоялъ секретаремъ [1]) распорядительнаго по этому фестивалю комитета, то и находился я съ Іюня уже мѣсяца заваленнымъ приготовительными работами и корреспонденціею по этому дѣлу, а кромѣ того и обычными работами по редакціи журнала „Neue Zeitshrift für Musik". Вдругъ 2-го августа нов. ст. получаю я изъ Вѣны большой пакетъ и письмо—отъ Александра Николаевича Сѣрова! Послѣднее сообщаю я, какъ доказательство тому, сколь любезно и ласково умѣлъ выражаться Александръ Николаевичъ, когда ему *пожелалось*, да когда кто *ему понадобился*.

Вѣна (Neu-Waldegg, bei Dornbach). 30—18 Іюля 64.

Добрѣйшій и многоуважаемый
Юрій Карловичъ!

Опять долженъ начинать съ извиненій передъ Вами. Вѣчная моя неаккуратность въ дѣлахъ житейскихъ причиною тому, что я, быть можетъ, надѣлалъ уже Вамъ съ Бренделемъ нѣсколько хлопотъ касательно афишъ или программы предполагаемыхъ въ Карлсруэ торжествъ. Но въ одномъ обстоятельствѣ не я виноватъ, а виновата Вѣнская почта. Письмо Ваше [2]) (оффиціальное) отъ 28 Іюля съ приглашеніемъ ко мнѣ, чтобы я прочиталъ маленькую лекцію на Tonk. Versamml., пришло ко мнѣ (въ Дорнбахъ, гдѣ я живу на дачѣ съ послѣднихъ чиселъ мая) — только сегодня, 30-го іюля, прогулявшись по дорогѣ изъ Дорнбаха въ Вѣну, т. е. на пространствѣ семи верстъ разъ десять только отъ того, что въ отелѣ (Frankfurt), куда первоначально было адресовано письмо, по ошибкѣ вмѣсто № 33 (гдѣ я живу), выставили № 13. Это здѣсь случается; особенно съ пріѣзжими.—Печатное же отъ Бренделя приглашеніе дошло исправно еще 17 іюля, и я медлилъ отвѣтомъ чисто уже вслѣдствіе собственной безпечности. Сегодня, еслибъ даже я и не получилъ замѣшкавшагося посланія отъ Васъ, все-таки писалъ бы къ Вамъ, отправляя вмѣстѣ съ симъ копію съ партитуры и оркестровыя и хоровыя партіи одного отрывка изъ „Юдиѳи", именно маршъ и хоръ одалисокъ съ танцами (интродукцію 3-го акта). Другаго желаемаго Вами отрывка (фугато

---

[1]) См. стр. 15.

[2]) Т. е. отъ Комитета.

изъ 1-го акта) не посылаю; по тому соображенію, что этотъ отрывокъ, отдѣльно и безъ сцены, для исполненія не годится; въ концертѣ, полагаю, никакого эффекта не произведетъ и, слѣдовательно, будетъ плохою для моей оперы рекомендаціею.— Что же касается до марша и проч., то я посылаю партіи съ удовольствіемъ и съ двойною цѣлью: 1) для Вашего *Русскаго* концерта въ Лейпцигѣ [1]) и 2) по приглашенію Лисста (въ письмѣ ко мнѣ) для исполненія въ одномъ изъ концертовъ Tonk. Versamml.—Лисстъ мнѣ написалъ, что онъ снесся по этому случаю съ Бренделемъ, такъ что и Вамъ проектъ сей долженъ быть уже извѣстенъ [2]). Не думаю, чтобы отъ нѣкотораго [3]) замедленія съ моей стороны могло выйти въ составѣ программы въ Tonk. Versamml. какая-нибудь важная недомолвка или недоимка. Дѣло поправимое до окончательной программы, которая, вѣроятно, опредѣлится не раньше какъ за недѣлю до исполненія.—Нечего, думаю,—прибавлять, послѣ всего этого, что я постараюсь быть въ Карлсруэ ко времени. Свиданіе со многими лицами сильно меня интересуетъ, притомъ же Лисстъ обѣщаетъ быть непремѣнно. Вагнеръ не будетъ, какъ я слышалъ прямо изъ его собственныхъ устъ. (Онъ былъ на два дня въ Вѣнѣ, по дѣламъ, и не приминулъ посѣтить своего русскаго пріятеля въ дачной его келейкѣ).—Послѣ (а, быть можетъ, и до) Карлсруэ я проведу съ Вагнеромъ нѣсколько дней въ его палаццо на берегу Штарнбергскаго озера. Онъ горячо приглашалъ меня къ себѣ, съ женой.

Что касается моей лекціи, то я очень бы хотѣлъ прочитать съ каѳедры одну работку, которую предназначалъ для Neue Zeitschrift für Musik.—Въ газетѣ она, вѣроятно, будетъ помѣщена послѣ прочтенія. Названіе этой работки слѣдующее:

---

1) Дѣйствительно я мечталъ о томъ, чтобы устроить въ Лейпцигѣ концертъ (а буде удастся—и другой еще) изъ сочиненій *русскихъ* композиторовъ,—и, право, не *моя* вина, что идея эта не осуществилась: „на силу милъ не будешь!“ Ну, Богъ съ ними!

2) Вслѣдствіе именно же того и было послано упомянутое *оффиціальное* письмо.

3) Нѣкоторое?—Послѣ отправки письма комитета прошло болѣе мѣсяца. Брендель да я должны были выѣхать изъ Лейпцига *4 августа нов. ст.*, а потому *окончательное установленіе всѣхъ программъ* послѣдовало *на послѣднемъ засѣданіи комитета* (27-го или 28 *іюля нов. ст.)*.

О роли тона (Tonart) D—dur.
среди тона (Tonart) Cis—moll.
(По случаю Бетховенскаго квартета Ор. 131).

Редижировать ее для устнаго чтенія соберусь на дняхъ, но васъ буду просить, при свиданіи въ Carlsruhe—передать мнѣ мои мысли на нѣмецкомъ, такъ чтобы на семъ послѣднемъ языкѣ я могъ прочитать мой Aufsatz передъ публикою Tonk. Versamml.— Дѣло будетъ для всѣхъ музыкантовъ мыслящихъ, свойства очень курьезнаго. Другая работа—полемическая противъ Рубинштейна, оставлена мною теперь втунѣ. Сердце какъ-то не лежитъ больше къ этимъ дракамъ музыкальнымъ, въ сущности всетаки ничтожнымъ при всей задорности).

Переводъ моей оперы пришелъ ко мнѣ изъ Питера [1]) благополучно и своевременно. Теперь текстъ давно подписанъ и партитура находится въ разсмотрѣніи у одного изъ капельмейстеровъ Вѣнскаго придворнаго опернаго театра. Дальнѣйшія судьбы нѣмецкой „Юдиѳи“ для меня—во мракѣ будущаго.

До свиданія! — Спѣшу хлопотать по разнымъ дѣлишкамъ и оттого заканчиваю письмо.

Wien, bei Dornbach (мѣстечко) in Neu-Waldlegg (id) № 33.

Глубоко преданный вамъ А. Сѣровъ.

По нѣкоторой формальности въ Вѣнскомъ почтамтѣ, посылка нотъ дойдетъ къ вамъ днями двумя позже этого письма. Не поздно?

Насчетъ танцевъ изъ „Юдиѳи“ ему тотчасъ же было сообщено отъ имени *Распорядительнаго Комитета*, что онъ опоздалъ, такъ какъ программы всѣхъ концертовъ окончательно уже установлены. Относительно желанія его, участвовать въ публичныхъ чтеніяхъ во время фестиваля, пожалуй, возможно бы было еще распорядиться; но ясно, что, по вышеизложеннымъ причинамъ недосуга у меня времени, ни коимъ образомъ я не могъ взяться за переводъ предполагаемаго имъ чтенія. Къ тому же предметъ этого чтенія: „О роли тональности *Re majeur*

---

[1]) Стало-быть, Сѣровъ, уѣзжая изъ Питера, оставилъ тамъ переводъ, полученный имъ отъ меня *въ январѣ еще мѣсяцѣ*, либо нарочно, либо по разсѣянности. Это никакъ самого меня касаться не могло.

среди тональности *Do dièse mineur*“ [1]) — въ наше время никакого такого особеннаго интереса имѣть не могло, чтобы я, дѣйствительно ради общей пользы, могъ находить нужнымъ пожертвовать для него послѣдними минутами своего отдыха; наконецъ таки и прежніе (болѣе чѣмъ нелюбезные) поступки Сѣрова со мною—и въ особенности поступокъ его касательно перевода оперы, послѣ происходившаго между нами „якобы примиренія“, весьма естественно также не могли служить мнѣ побужденіемъ, снова оказать ему любезность принятіемъ на себя новаго еще труда, ради одного лишь удовлетворенія его личнаго самолюбія. Въ прибавленіе къ этому, я позволяю себѣ указать на одно другое еще обстоятельство, которое довольно ярко освѣщаетъ, какъ чрезчуръ уже халатно самъ Сѣровъ ко мнѣ относился.

Помѣщенная въ истекшемъ 1863 году въ упомянутомъ выше нѣмецкомъ музыкальномъ журналѣ статья моя „о развитіи Русской національной оперы“, такъ „понравилась“ Сѣрову, по вѣрному изложенію и богатому матеріалу, что онъ воспользовался ею для лекцій, которыя онъ читалъ въ Петербургѣ [2]). Къ этому факту я не нахожу никакого инаго примѣчанія, кромѣ простаго вопроса: „безъ разрѣшенія автора и безъ приведенія его имени!?!“

Въ Карлсруэ распорядительный комитетъ собрался недѣли за три до начала самого фестиваля. Дѣла намъ было конечно много; между прочимъ надлежало намъ отыскать и нанимать,—по предварительнымъ объявленіямъ посѣтителей изъ членовъ „союза музыкальныхъ художниковъ“, — помѣщеніе для *каждаго* изъ нихъ согласно съ назначенной имъ же самимъ цѣною; а затѣмъ, когда посѣтители начали пріѣзжать, проводить ихъ въ тѣ приготовленныя для нихъ помѣщенія. Такъ какъ Сѣровъ (недавно передъ тѣмъ женившійся) также объявилъ свой пріѣздъ съ молодой супругою и такъ какъ для нихъ нанятое помѣщеніе случайно оказалось въ районѣ, который подлежалъ моему попеченію, то я и встрѣтилъ моихъ земляковъ на перронѣ желѣзной до-

[1]) Подобный вопросъ, касающійся прямо и исключительно „музыкальной *метафизики*, едва ли оказался понятнымъ и интереснымъ для *музыкантовъ-практиковъ*.

[2]) А читалъ онъ эти лекціи въ то самое время, когда онъ получилъ мое письмо, изъ-за котораго сталъ вызывать моего сына на дуэль.

роги и привелъ ихъ въ приготовленную имъ квартиру. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что мнѣ, какъ „члену комитета“, пришлось выслушать не совсѣмъ-то мягкія выраженія неудовольствія относительно мѣстоположенія и недостаточной будто комфортабельности доставшагося молодой четѣ помѣщенія. Въ особенности была въ претензіи прекрасная половина супруговъ Сѣровыхъ, которая находила, что домъ этотъ вообще слишкомъ далекъ (всего только около четверти версты!) отъ центра города (т. е. отъ театра) и что вообще распорядительный комитетъ не оказываетъ должнаго вниманія извѣстному „русскому композитору“. Вмѣсто всякаго безполезнаго диспута я, любезно улыбаясь, поклонился и отвѣтилъ, что помѣщеніе было нанято согласно съ цѣною, письменно объявленной г. Сѣровымъ комитету.

Не могу я, право, похвастать также какимъ-либо мнѣ выказаннымъ сочувствіемъ со стороны супруговъ Сѣровыхъ, когда исполнялись въ концертахъ фестиваля, принятыя между прочимъ въ программу, два сочиненія моихъ: увертюра къ „Борису Годунову“ и баллада на слова Мея. По поводу первой г-жа Сѣрова, на другой день концерта, при встрѣчѣ со мною съ ироніею замѣтила: „вамъ, вѣдь, вчера ужасно какъ хлопали; это вѣроятно все новые знакомые?“ Я ей отвѣтилъ, что тутъ собралось слишкомъ 800 музыкантовъ со всѣхъ угловъ Германіи, а что я весь истекшій годъ постоянно проживалъ въ Лейпцигѣ, откуда сюда пріѣхали едва ли и 20 человѣкъ. Съ своей же стороны Александръ Николаевичъ столь же насмѣшливо спросилъ: „это въ началѣ-то увертюры вы трезвонъ что ли хотѣли изобразить?“ Я подтвердилъ. Тогда Сѣровъ прибавилъ: „никуда не годится, я бы иначе и лучше сдѣлалъ“. На это я отвѣтилъ спокойно: „очень вѣрю; но вы *отгадали* мою интенцію, и я хоть и этимъ уже довольствуюсь“.—Когда же на слѣдующій день въ концертѣ для каммерной музыки очередь дошла до моей баллады, тогда супруги Сѣровы встали и вышли изъ залы. Этому тогда удивились (и не безъ нѣкоторыхъ замѣчаній), многіе изъ присутствовавшихъ, напр. Лисстъ, Брендель, Ридель и др.

Но полагаю, что пора покончить съ воспоминаніями объ этихъ,—какъ я думаю, не мною вызванныхъ—обостренныхъ и непріятныхъ отношеніяхъ; но невольно приходитъ мнѣ на умъ, что нѣкоторымъ образомъ неудовольствіе Сѣрова и супруги его

было вызвано отчасти также и тѣмъ, что я находился тогда въ числѣ интимно-приближенныхъ къ Листу, между тѣмъ какъ великій маэстро не приглашалъ Сѣровыхъ присоединиться къ нашему кружку. Но въ чемъ же тутъ собственно моя-то вина?

Что Сѣровъ самъ (съ супругою ли или только одинъ, не помню) былъ у Листа съ визитомъ, это я слышалъ отъ послѣдняго. Листъ разсказалъ намъ съ Бренделемъ также, что Сѣровъ принесъ показать ему партитуру своей „Юдиѳи", и при этомъ не безъ самодовольнаго вида сказалъ маэстру: „chez nous on m'a surnommé le Wagner russe", [1])—на что Листъ, съ извѣстной всѣмъ, обычной своей въ подобныхъ случаяхъ, не выразимо-сладкой улыбкою, возразилъ: „Oh mon cher! je suis sûr de ce que vous serez toujours Sséroff!" [2]).

Еще разъ повторяю: Сѣровъ, видимо, былъ сильно боленъ разстройствомъ нервнаго организма и временнымъ расхожденіемъ желчи, и это естественно побуждаетъ къ извиненію и искреннему прощенію. Но забывать? — забывать я не могъ! Все же таки былъ онъ весьма достоуважаемый, трудолюбивый дѣятель на избранномъ имъ полѣ. Date Caesari, quod Caesaris! [3]).

XLVI.

1849—1852 г. Впечатлѣнія отъ Венгерской кампаніи. — Тяжелыя тучи на горизонтѣ общественнаго духа.—Двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Николая Павловича. — Я имѣю счастье поднести ему поэму „Августъ".—Послѣдствія этого поднесенія.—Вл. Ив. Панаевъ.

Мадьярамъ видно надоѣлъ Метернихскій режимъ и, вспомнивъ, что домъ Габсбурговъ сидѣлъ на тронѣ ихъ королей только вслѣдствіе народнаго избранія и клятвенно-утвержденнаго акта между монархомъ и народомъ, требовали настоятельно возстановленія древнихъ своихъ государственныхъ правъ. Возгорѣлось извѣстное возстаніе Венгровъ, не противъ самого своего государя, а противъ притѣснительнаго министерства кн. Метерниха, и военная фортуна сначала какъ бы была на сторонѣ возстанія.

---

[1]) У насъ прозвали меня русскимъ Вагнеромъ.

[2]) О любезнѣйшій! я увѣренъ въ томъ, что вы всегда будете Сѣровымъ.

[3]) Дайте Кесарю—что Кесарево!

Въ этотъ критическій для своей монархіи моментъ, Австрійскій императоръ обратился съ мольбою къ нашему государю о подачи ему военной помощи для спасенія его транслейтанскаго трона. По честному, высоко-рыцарскому характеру своему нашъ императоръ счелъ непремѣннымъ своимъ долгомъ, поддерживать принципы какъ легальности, такъ въ особенности „тройственнаго священнаго союза“ (la sainte alliance), и русское войско, съ гвардіею во главѣ, вступило въ предѣлы возмутившихся провинцій Австрійской монархіи. Послѣдствія извѣстны, а такъ какъ я не пишу европейской исторіи, а простыя свои воспоминанія, то и не для чего будетъ далѣе распространяться о нашихъ побѣдахъ и объ исходѣ этой кампаніи.

Впечатлѣніе, какое воспроизводила эта кампанія на наше отечественное общество, показалось мнѣ тогда же довольно неяснымъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ. Что наши офицеры, и въ особенности молодежь, обрадовались случаю отличаться въ военныхъ дѣйствіяхъ и заслуживать себѣ чины или ордена, это весьма естественно; точно также не безъ живаго участія слѣдили всѣ мы прочіе, невоенные люди, за блестящими успѣхами нашего русскаго оружія. Но на фондѣ всѣхъ этихъ чувствованій всетаки лежалъ вопросъ: какая же изъ того возродится для Россіи истинная польза? Это было, пожалуй, какое то предчувстствіе, которое въ то время уже не безболѣзненно отягощало наши сердца: къ Австрійцамъ и тогда не лежали наши симпатіи,а политической системѣ неоткровенности и лжи, какой болѣе тридцати лѣтъ слѣдовалъ пресловутый дипломатъ кн. Метернихъ, всякій Русскій, помнившій исторію предъидущихъ временъ, невольно долженъ былъ не довѣрять. Изъ этого вытекало, что общій духъ почти всѣхъ Русскихъ сословій находился подъ какимъ-то невольнымъ удрученіемъ и это тяжелое настроеніе нашего общественнаго духа не прояснялось и послѣ окончанія Венгерской кампаніи.

Многіе изъ русскихъ гражданъ надѣялись, что съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидаемыя всѣмъ народомъ празднества предстоящаго юбилея двадцатипятилѣтія славнаго царствованія нашего государя императора разсѣютъ эти черныя тучи на горизонтѣ будущности, но самъ государь императоръ, кажется, высказалъ свое нежеланіе относительно особенныхъ по этому случаю тор-

жествъ и этому нежеланію, конечно, всѣ должны были повиноваться.

Хотя, какъ и слѣдовало само собою, я всегда себя считалъ самой ничтожной спицей въ общественной колесницѣ, но все-таки полагалъ и за собою также право глядѣть на общественныя и государственныя происшествія съ точки собственнаго разсужденія и пониманія. Однимъ изъ тѣхъ девизовъ, которыми я стойко поддерживалъ всегда свое бодрствованіе духа въ борьбѣ съ жизнью, былъ между прочимъ и слѣдующій: „per crucem ad lucem“ [1]); къ тому же я взглядывалъ на Государя Николая Павловича (какъ не одинъ разъ я уже выразилъ въ этихъ воспоминаніяхъ) какъ на истиннаго отца отечества, всѣ заботы и попеченія котораго клонились именно-то къ тому, чтобы возвести нашу отчизну къ желаемому благоденствію и процвѣтанію: „ad lucem—etiamsi per crucem“ [2]). Да и въ самомъ дѣлѣ, если оглянуться назадъ на все то, что совершалось въ теченіи этихъ двадцати пяти лѣтъ, то, не смотря на нѣкоторыя какъ бы казавшіяся стѣсненія гражданскаго нашего общества, было бы величайшею несправедливостью отрицать, что весьма многое было подготовлено для наступленія позже, какъ государственнаго, такъ и общественнаго порядка. Позволяю себѣ указать на нѣкоторыя твердыя основы будущихъ надеждъ, которыя были упрочены именно-то въ теченіе этого двадцатипятилѣтія. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить о томъ, что до воцаренія Николая Павловича судебная часть представляла собой хаосъ цѣлыхъ грудъ другъ другу противорѣчащихъ указовъ разныхъ государей, начиная отъ Петра Великаго до Александра I-го: тутъ стряпчимъ-сутяжникамъ, тутъ судьямъ-лихопріимцамъ были оставлены настежъ открытыми не только заднія пролазки, но и всѣ парадныя двери во храмъ Θемиды, потому что для всякаго дѣла, праваго какъ и неправаго, можно было отыскать указы pro и contra. Свѣтомъ, пролившимся вдругъ на этотъ мракъ правосудія, Россія обязана императору Николаю, по воли котораго явился нынѣ существующій ясный Сводъ нашихъ законовъ. Второю основою будущаго благоденствія народа долженъ

---

1) Чрезъ крестъ ко свѣту!

2) Ко свѣту—хотя бы чрезъ крестъ!

быть почтенъ указъ (въ 30-хъ же годахъ) объ учрежденіи по всѣмъ имѣніямъ и сельскимъ обществамъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Если эти распоряженія царя мала-по-малу потомъ пришли въ забвеніе, вслѣдствіе неряшества въ надзорѣ и взятничества безсовѣстныхъ разныхъ начальниковъ, то ясно, что никакъ нельзя и не должно отрицать того, что слава почина этой идеи принадлежала императору Николаю Павловичу. Третье изъ великихъ дѣлъ того же царствованія состояло въ заботахъ о нижнихъ чинахъ нашего воинства: казармы, т. е. удобныя помѣщенія для солдатъ, какими Россія имѣетъ полное право гордиться предъ всѣми прочими государствами, наибольшею частію сооружены въ теченіе онаго двадцатипятилѣтія. Есть неизмѣримо много еще фактовъ той эпохи, на которые въ свое время болѣе спокойные, безпристрастные историки не применутъ указать и выяснить, но про что, конечно, въ непретензіонныхъ моихъ воспоминаніяхъ нѣту мѣста, а у самого у меня не хватаетъ умѣнія повѣдать, какъ бы слѣдовало. Не утерплю, однако же, напомнить, что во время этого двадцатипятилѣтія Россія въ общемъ Европейскомъ составѣ государствъ занимала такое высоко почетное мѣсто, что коммерція ея, въ которой безъ противорѣчія состоитъ сила всякаго государства, могла тогда свободно развиваться и возвыситься.

Всѣ эти разсужденія, тогда уже ясно носились въ моихъ думахъ и невольно воображеніе мое рисовало мнѣ картину параллели съ царствованіемъ перваго основателя нѣкогда столь славной Римской имперіи, Кесаря Октавіана, которому послѣ двадцатипятилѣтія счастливаго его царствованія народное собраніе Квиритовъ поднесло титулъ „Augustus“ [1]). Вслѣдствіе того возгорѣлось во мнѣ непобѣдимое желаніе поднести государю лично отъ себя выраженія искреннѣйшаго, потому что не безосновательнаго, боготворенія своего. Задумано—сдѣлано! Я написалъ въ стихахъ драматическую картину выше упомянутаго народнаго совѣщанія Квиритовъ, переписалъ ее тщательно набѣло, далъ переплесть какъ слѣдовало и отправился въ Царское Село, гдѣ въ то время (это было въ концѣ октября мѣсяца 1852 года) резидировалъ Императорскій дворъ.

---

[1]) Священно-величественный.

Государь императоръ въ сказанную эпоху велъ почти отшельническую жизнь, т. е. весьма рѣдко показывался въ Петербургѣ и, кромѣ министровъ и самыхъ необходимыхъ придворныхъ чиновъ, не соизволялъ никого принимать. Случалось однако же нѣкоторымъ просителямъ, чрезъ протекцію того или другаго генералъ-или флигель-адъютанта, добиться счастія предстать предъ царемъ. Это мнѣ было извѣстно; а потому я искалъ и нашелъ себѣ подобнаго протектора въ лицѣ флигель-адъютанта полковника графа Строганова, къ которому я и явился по своемъ пріѣздѣ въ Царское Село. Графъ принялъ меня очень ласково и велѣлъ бывшему тутъ же уряднику, изъ собственнаго Его Величества эскадрона конвойныхъ, провести меня въ верхній садъ, гдѣ въ эти часы государь имѣлъ привычку прогуливаться, да и поставить въ удобное для встрѣчи мѣсто. Дожидаться пришлось мнѣ недолго. Изъ аллеи по правую руку выбѣжалъ черный, красивый водолазъ и было бросился на меня съ лаемъ, но раздавшееся съ той же стороны строгое, звучное: „назадъ!“ заставило его воротиться. Тутъ показался самъ государь, шедшій довольно скорой походкой. Увидѣвъ меня, онъ сдвинулъ брови, направилъ шаги прямо на меня и спросилъ весьма недовольнымъ, повелительнымъ тономъ: „кто вы? чего хотите?“

Отдавъ, какъ предписано обычаемъ, всеподданнѣйшій поклонъ, я выпрямился, съ спокойною совѣстью твердо выдержалъ пытливый, строгій взглядъ монарха и отвѣтилъ: „отставной губернскій секретарь Арнольдъ падаетъ къ стопамъ Вашего Величетва“.

— Чего же вы желаете?—спросилъ государь уже болѣе смягченнымъ голосомъ.

— Ни прошеніемъ, ни жалобою не дерзаю я предстать передъ Вашимъ Величествомъ, а, какъ русскій дворянинъ, дерзаю поднести обожаемому отцу отечества всеподданнѣйшее, искреннѣйшее поздравленіе по случаю истекшаго двадцатипятилѣтія славнаго царствованія надъ счастливой Россіею, выраженное въ этой поэмѣ.

Императоръ взялъ тетрадь, открылъ ее и, мелькомъ взглянувъ на первую попавшуюся страницу, возвратилъ мнѣ ее, да сказалъ: „благодарю васъ! Идите къ флигель-адъютанту гр. Строганову и отдайте ему вашу тетрадь, чтобы онъ потомъ мнѣ представилъ ее. Еще разъ благодарю“.

Затѣмъ государь ласково кивнулъ мнѣ головой и сталъ продолжать свою прогулку.

Никогда не забылъ и не забуду я того до самой души проникающаго взгляда, ни того величественно строгаго голоса, которыми сопровождался вопросъ Николая Павловича: „кто вы?“ Подъ магически сильнымъ дѣйствіемъ этого взгляда и этого голоса можно бы содрогнуться, когда бы совѣсть представившагося была отягощена какимъ-нибудь дерзкимъ замысломъ Что однако же, болѣе еще неизгладимымъ осталось въ моей памяти, такъ это чудно-свѣтлый взглядъ и ласково-мягкій тембръ голоса, которыми сопровождалось милостивое слово государя: „благодарю васъ!“ Этотъ взглядъ и этотъ голосъ напомнили мнѣ опять образъ царя, отечески наставлявшаго когда-то юношу-студента,—взглядъ и голосъ, блескъ которыхъ я имѣлъ счастье встрѣтить снова, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1890 года, во взглядѣ и въ голосѣ Августѣйшаго Внука въ Бозѣ почившаго боготворяемаго мною царя-благодѣтеля моего.

Тетрадь свою я, какъ приказалъ государь, передалъ гр. Строганову, разсказавъ ему всѣ подробности моего представленія, а затѣмъ крайне довольный своей судьбою отправился обратно въ Питеръ.

Недѣли черезъ двѣ или три курьеръ императорской придворной конторы привезъ мнѣ приказаніе явиться къ директору канцеляріи Министерства Императорскаго Двора тайному совѣтнику Владиміру Ивановичу Панаеву.

Въ назначенный день и часъ предсталъ я предъ его превосходительствомъ. Г. Панаевъ, сидя нѣсколько развалившись въ своемъ креслѣ за письменнымъ столомъ, сдѣлалъ мнѣ рукою знакъ, чтобы я приблизился, но сѣсть не пригласилъ. „Вы государю императору поднесли поэму вашего сочиненія?“ спросилъ меня статскій генералъ,—„чего же вы желаете?“

Я сдѣлалъ шагъ впередъ и, упершись одной рукою на столъ, отвѣтилъ: „когда русскій дворянинъ отъ глубины своего сердца подноситъ своему царю поздравительное слово, тогда высшею ему наградою можетъ служить лишь только ласковое государево слово „благодарю“. Это слово я имѣлъ счастье услышать изъ устъ государя своего; и такъ бо́льшаго мнѣ ничего не остается желать. Истинная любовь русскаго дворянина къ своему царю

не можетъ имѣть корыстныхъ цѣлей. А потому всепочтительнѣйше прошу ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ, дабы не послѣдовало никакого дальнѣйшаго вознагражденія".

Г. тайный совѣтникъ послѣ этого нѣсколько выпрямился на своемъ креслѣ и съ тономъ любезнаго свѣтскаго человѣка предложилъ мнѣ присѣсть на креслѣ противъ него, да вступилъ со мною въ довольно продолжительный дружескій разговоръ. Впослѣдствіи мы съ нимъ ближе познакомились.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ принадлежитъ въ нашей литературѣ къ кругу поэтовъ эпохи Жуковскаго и извѣстенъ какъ писатель идиллическихъ стихотвореній въ „Аркадскомъ" духѣ, почему и получилъ отъ литераторовъ 40-выхъ годовъ полузаслуженное, но и полуироническое прозвище „Русскаго Гесснера". Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, пѣвецъ Аркадскихъ пастушковъ превратился уже въ важную чиновную особу; но по временамъ всплывало наверхъ и прежняя откровенность и простота поэта. Особенно выдающимся стихотворцемъ онъ, правда, не бывалъ, но идилліи его не лишены наивной граціозности изображаемыхъ картинъ и гладкаго стиха. Ему ужѐ было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Онъ былъ средняго роста и презентабельнаго вида съ свойственною его лѣтамъ и званію полнотою. Лицо носило еще слѣды прежней когда-то миловидности и имѣло выраженіе важности, природнымъ фондомъ котораго, однако же, служило добродушіе (bonhommie). Волосы имѣлъ онъ еще довольно густые, черные (прикрашенные, конечно) и тщательно причесанные, равно какъ и бакенбарды à l'anglaise. Владиміръ Ивановичъ тогда уже перемѣнилъ любовь къ поэзіи на любовь къ пластичнымъ искусствамъ и собиралъ, со знаніемъ и со вкусомъ, картины и гравюры прошлыхъ временъ. Я видѣлъ у него нѣсколько оригиналовъ испанской, итальянской и фламандской школы. Это его умѣніе цѣнить и дорожить мастерскими произведеніями живописи внушило мнѣ мысль, подарить ему на память одно имѣвшееся у меня произведеніе глухонѣмаго моего брата Ивана Карловича, а именно: копію съ картины Пауля Поттера [1] (находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ); но эта копія по своей манерѣ, прозрачной кисти и по искусству сочетанія и мѣшанія красокъ такъ близко подходила къ оригиналу, что, по

[1]) Подъ названіемъ „Собаки съ костью".

мнѣнію многихъ знатоковъ искусства живописи, нельзя было отличить копіи отъ оригинала. Такъ какъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я видѣлъ себя вынужденнымъ тогда переѣхать на болѣе скромную квартиру, а потому и уменьшить какъ библіотеку свою, такъ и число картинъ; и такъ какъ я изъ уваженія къ работѣ брата, желалъ ей достать случай сдѣлаться болѣе извѣстною, то я и предложилъ Владиміру Ивановичу присоединить эту картину къ своей галлереѣ. Сначала г. Панаевъ, не видавъ еще картины брата, отнѣкивался съ извиненіемъ, что онъ собираетъ только одни оригиналы. Но, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ посмотрѣть на эту копію, то онъ согласился, что она достойна того, чтобы висѣть среди оригинальныхъ картинъ, и сердечно благодарилъ меня за такое поднесеніе ему на память нашего знакомства. Въ 1878 году, когда я ужъ поселился окончательно въ Москвѣ, познакомился я случайно съ дочерью Владиміра Ивановича, съ Вѣрою Владиміровною Вальнеръ, которая въ то время, какъ я посѣщалъ отца ея, находилась еще въ Смольномъ институтѣ, почему я тогда и не могъ встрѣчать ее. Она мнѣ разсказывала, что она помнитъ эту картину и что отецъ ея высоко цѣнилъ эту работу русскаго художника.

Поднесеніе мое государю императору не осталось однако-же безъ благосклонныхъ для меня послѣдствій. Въ 1853 году подалъ я въ совѣтъ Петербургскаго Елисаветинскаго института для благородныхъ дѣвицъ прошеніе о принятіи старшей моей дочери въ число безплатныхъ воспитанницъ и она оказалась двадцать шестою кандидаткою при шести или семи только вакансіяхъ. Статсъ-секретарь Гофманъ, управлявшій въ то время отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества по учрежденіямъ императрицы Маріи Өеодоровны, при принятіи отъ меня прошенія, сказалъ мнѣ откровенно, что по большому числу кандидатокъ мало шансовъ у меня насчетъ поступленія дочери въ институтъ. Когда же черезъ нѣсколько недѣль мнѣ велѣно было явиться за отвѣтомъ, то г. Гофманъ обрадовалъ меня счастливымъ исходомъ дѣла, не скрывая однако же при этомъ собственнаго своего удивленія, какимъ это случаемъ дочь моя, вопреки тому обстоятельству, что была послѣднею въ спискѣ кандидаткою, принята въ число воспитанницъ Елисаветинскаго института по *собственному всемилостивѣйшему* назначенію самого государя императора.

XLVII.

1854—1855. Турко-англо-французская война.—Синопское морское сраженіе.—Австрійская благодарность.—Переворотъ военной фортуны.—Кончина государя императора Николая Павловича.—„Знаменитый англійскій герой“ сэръ Черльсъ Неппиръ и финляндскіе крестьяне.—Севастополь.

Тюльерійскій дворецъ, старинное сѣдалище правителей Франціи, съ 1849 года былъ занятъ фамиліею Бонапарте, „династическою“ главою которой явился *Людовикъ Наполеонъ*, сынъ бывшей королевы Голландской Гортензіи Богарнѐ, любимой падчерицы и невѣстки [1]) Наполеона I. Страсбургскій неудачный авантюристъ, Булонскій неловкій престидижитаторъ, Гаммскій узникъ, помилованный добродушіемъ „короля-буржуа“ достигъ-таки своей честолюбивой цѣли. Правда, что въ президенты вновь конституированной французской „республики“ былъ онъ избранъ изумительнымъ перевѣсомъ голосовъ въ избирательныхъ собраніяхъ французской „націи“. Случилось же это однако-же не ради собственныхъ его, никому пока неизвѣстныхъ еще качествъ (а того же менѣе какихъ-либо заслугъ), но вслѣдствіе усердно и искусно чрезъ мѣру усиленнаго, почти до священной легендарности доведеннаго, сіянія, которое въ глазахъ и въ понятіяхъ простонародной, далеко не развитой и до отупѣнія суевѣрной массы „самодержавной“ французской „націи“ окружало имя и личность перваго Галльскаго Кесаря. Добравшись до водворенія своего въ монархическихъ покояхъ Тюльерійскаго дворца, „*маленькій* племянникъ *великаго* дяди“ нашелъ, что гораздо удобнѣе и выгоднѣе для него будетъ, когда изъ отвѣтственнаго республиканскаго *перваго гражданина*, онъ превратится въ безотвѣтственнаго *монарха*, а потому и подготовилъ онъ исподтишка черезъ своихъ агитаторовъ извѣстное С. Антуанское возстаніе. Усмиривъ его, не безъ жестокаго, но въ сущности не трудно-бы избѣгаемаго кровопролитія, онъ воспользовался имъ же, чтобы обвинить въ немъ главъ настоящей республиканской партіи, которыя вслѣдствіе того были арестованы и отвезены въ цитадели. Затѣмъ онъ устроилъ, подъ предлогомъ узнанія „подлин-

---

[1]) Она была супруга Люи Бонапарте, втораго, по старшинству лѣтъ, изъ братьевъ міровоителя.

наго“ всеобщаго національнаго желанія, новое поголовное голосованіе. Исходомъ этой политической комедіи было якобы согласное всенародное „избраніе“ его въ *императоры* французовъ. Вновь испеченный, будто „Божьей милостью и народною волею“ монархъ Франціи назвалъ себя Наполеономъ III-мъ. Это была опять-таки комедія: — комедія претензій на значеніе и права *исторической династіи*. Ибо Наполеономъ II-мъ онъ, — на основаніи какихъ же имѣнно *историческихъ* данныхъ, не понятно, — признавалъ единственнаго сыня своего дяди, т.-е. никогда не царствовавшаго, а умершаго въ неволѣ подъ австрійскимъ надзоромъ, герцога Рейхштадтскаго. Слѣдовательно, онъ подражалъ въ этомъ только брату Людовика XVI-го, графу Провансальскому, который, признавъ также умершаго въ тюремномъ заключеніи племянника своего, будто предшествовавшаго ему на королевскомъ французскомъ тронѣ, дѣйствительнымъ монархомъ, назвалъ себя самого Людовикомъ, не XVII, а XVIII-мъ.

Этимъ однако же честолюбіе новаго императора-авантюриста не довольствовалось: онъ претендовалъ на полное этикетное равноправіе со всѣми монархами Европы, издревле считающимися „братьями“. Большинство монарховъ въ этомъ ему и не отказывало, исключая, однако же, нашего государя императора.

Русскій царь, по рыцарскому своему прямодушію, противъ своихъ убѣжденій поступать не хотѣлъ, и хотя признавалъ совершившійся историческій фактъ, всетаки въ своихъ собственноручныхъ письмахъ, когда такія потребовались, никакъ не давалъ новому французскому императору Наполеону III-му желаемаго имъ титула „Monsieur mon frère“, а называлъ его только „Monsieur mon bon ami“. Послѣдствія этого этикетнаго разногласія извѣстны: Люи Наполеонъ „dans son rage d'ambitieux“ [1] схватилъ со стѣны шпажище своего дяди міровоителя и пріискивалъ удобнаго случая обнажить его. Поводъ къ тому легко нашелся. Какъ и въ былое когда-то время французская дипломатія напустила на Россію давно враждебную намъ Высокую Порту, всегда готовую драться, коль скоро только она обнадежена поддержкою какихъ-либо другихъ европейскихъ державъ. Столь же извѣстно также, что и какъ попались на Наполеонов-

[1] Въ своемъ бѣшенствѣ честолюбца.

скую удочку Англійское и Итальянское королевства, а позже равномѣрно и Австрійская монархія. Сначала союзныя мослемамъ христіанскія государства скрывались еще за кулисами, и чтобы вызвать россійскій колоссъ къ перводѣйствію, совѣтывали султану турецкому притѣснять православныхъ христіанскихъ своихъ подданныхъ, которые по договорамъ состояли съ давнихъ временъ подъ покровительствомъ русскаго царя. Враги наши, вѣдь, знали напередъ, что императоръ Николай Павловичъ, какъ истый рыцарь чести и православія, потребуетъ непремѣнно отмѣненія этихъ притѣсненій; а буде послѣдуетъ отказъ на таковыя справедливыя его требованія, то непремѣнно объявитъ Турціи войну.

Такъ и случилось. Первымъ вѣроломнымъ дѣйствіемъ со стороны Франціи и Англіи была откомандировка военныхъ эскадръ въ Босфоръ, на что онѣ, какъ *нейтральныя* государства, не имѣли никакого права. Не смотря однако же на эту, какъ бы угрозу,—несмотря на столь же вѣроломный поступокъ, тѣхъ монархій, дозволенія своимъ офицерамъ поступить въ сухопутныя и морскія турецкія войска, твердый въ своихъ рѣшеніяхъ и ничѣмъ не устрашаемый русскій Царь приказалъ черноморскому флоту выступить и направиться къ Синопской гавани, которая недавно была исправлена и сильно укрѣплена Англійскими инженерами и въ которой была собрана довольно многочисленная эскадра, имѣвшая назначеніе напасть на южный нашъ берегъ. Послѣдовало славное Синопское морское сраженіе, послѣдствіемъ котораго было совершенное уничтоженіе турецкой эскадры и разрушеніе укрѣпленій г. Синопа. Весьма естественно, что когда это извѣстіе было привезено въ Петербургъ, всѣ сердца истинныхъ русскихъ людей возликовали, потому что война съ притѣснителями православной вѣры на Востокѣ всегда находило въ себѣ живѣйшее сочувствіе на Руси. Побѣда Синопская была публично отпразднована на разныя манеры, а также и воспѣта въ поэмахъ, между прочими: Кукольникомъ на русскомъ и мною на нѣмецкомъ языкѣ.

Поводомъ къ послѣднему послужило слѣдующее. Извѣстіе о побѣдѣ пришло, какъ само собой разумѣется, раньше чѣмъ въ другія государственныя учрежденія, въ Министерство иностранныхъ дѣлъ. А въ архивѣ этого Министерства я когда-то слу-

жилъ и сохранялъ еще дружескія отношенія съ однимъ бывшимъ товарищемъ, Лешновскимъ по имени. Зашедъ къ нему случайно утромъ того же самаго дня, въ мѣсто его служенія, узналъ я отъ него радостную новость о Синопскомъ дѣлѣ и тутъ же воспламенился идеею, описать ее стихами; но вышедши изъ архива, встрѣтилъ я въ сѣняхъ *Нестора Васильевича Кукольника*, равномѣрно только что узнавшаго эту вѣсть въ канцеляріи министерства. „Слышали ли вы о блестящей нашей побѣдѣ?“ закричалъ мнѣ, съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ, Кукольникъ, вмѣсто обычнаго привѣтствія, и тутъже прибавилъ, что у него въ головѣ уже завертѣлись цѣлые ряды самыхъ удачныхъ стиховъ. Вслѣдствіе того, конечно, я отложилъ попеченіе о своей идеѣ. Вечеромъ того же дня, однако же, посѣтилъ я нѣмецкаго актера Орловскаго, къ которому пришелъ позже и другой нѣмецкій же артистъ, извѣстный исполнитель геройскихъ ролей, *Ляддей* [1]). Сообщивъ объ упомянутой военной новости, разсказалъ я имъ также и о томъ, что я хотѣлъ было на эту тему написать стихотвореніе, но соперничаніемъ съ Кукольникомъ рисковать не рѣшаюсь. Тутъ-то Ляддей предложилъ мнѣ написать *нѣмецкую* поэму, которую онъ съ удовольствіемъ берется прочитать въ антрактѣ, на одномъ изъ ближайшихъ затѣмъ нредставленій. „Это, мнѣ кажется, было бы даже весьма умѣстнымъ“, продолжалъ онъ, „потому, что здѣшнее нѣмецкое общество слѣдуетъ немножечко поджигать въ слишкомъ невозмутимомъ его равнодушіи; народъ-то все капитально солидный, а оттого ужъ больно тяжеловатый на подъемъ“. Всѣ присутствующіе, наибольшей частью артисты и артистки нѣмецкаго театра, поддерживали мысль Ляддея, а г-жа Орловская таки прямо просила меня написать эту поэму для ея бенефиса, который имѣлъ быть на послѣдующей недѣлѣ. Я согласился и дня черезъ три вручилъ г-жѣ Орловской мое стихотвореніе подъ заглавіемъ „Die Seeschlacht bei Sinope“, ein Bardengesang, (Морское сраженіе при Синопѣ, пѣснь Баяна.) Моя поэма имѣла очень удовлетворительный для моего самолюбія успѣхъ, вслѣдствіе чего меня уговорили отдать её въ печать; но этому помѣшалъ отказъ въ разрѣшеніи со стороны цензора,

---

[1]) Laddey.

г. *Елагина*; и вотъ на какомъ будто бы основаніи. Въ 13-омъ восьмистишіи этой поэмы сказано [1]): „Ни страсть къ завоеваніямъ, ни жажда славы,—рекъ *Николай*,—не суть источникъ войны! Лавръ былъ и есть всегдашнее украшеніе Орла; въ царствѣ Моемъ не меркнетъ денной свѣтъ. Но быть покровомъ *Креста* издревле было святою обязанностью *Мономахова* вѣнца, которую вмѣстѣ съ трономъ предковъ Я унаслѣдовалъ! Болѣе Я не требую; но Свое право Я отстаиваю щитомъ и мечомъ!"—„Такъ раздалось изъ устъ Императора-Рыцаря, а отвѣтомъ было Ему радостное ликованіе Его народа". — Г. Елагинъ замѣтилъ мнѣ, что безспорно содержаніе стиховъ совершенно вѣрно передаетъ *смыслъ* высочайшаго указа; но что государевы указы должны не иначе быть повторяемы, какъ единственно только *буквально* точными словами ихъ. На мой вопросъ, почему же въ такомъ случаѣ театральный цензоръ г. *Гедерштремъ* (состоявшій по тогдашнему обычаю при третьемъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи) разрѣшилъ *публичное* чтеніе этихъ стиховъ на сценѣ *Императорскаго* театра?—онъ отвѣтилъ, что зто не его дѣло; а что онъ-то самъ можетъ только разрѣшить то, за что̀ онъ, по убѣжденію своему, въ правѣ отвѣчать передъ своимъ начальствомъ.

Не смотря на блестящее начало нашихъ военныхъ дѣйствій (ибо и сухопутная наша армія уже переправилась черезъ Дунай), пришлось однакоже вскорѣ перемѣнить весь планъ нашихъ дѣйствій. Этимъ Россія была обязана угрожающему положенію, какое приняла на нашей границѣ *нейтральная* монархія Габсбурговъ, выставивъ весьма значительную армію вдоль предѣловъ нашихъ юго-западныхъ губерній. Таковою-то оказалась благодарность Вѣнскаго кабинета; давно ли Россія развязала руки австрійскому императору, да кровью своихъ воиновъ оберегла

---

[1]) Въ буквальномъ переводѣ. А вотъ стихи подлинника:

XIII.

„Nicht Ländersucht, nach Ruhm nicht die Begierde"—
Sprach *Nicolaos*,—sind des Krieges Quell:
„Der Lorbeer war und bleibt des Adlers Zierde.—
„In Meinem Reiche schwindet nie das Tageshell!

его монархію отъ распаденія? А теперь *безъ войны воюя*, Австрія связала намъ руки въ то самое время, когда три другія выше упомянутыя державы намъ объявили и начали уже войну! Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого Маккіавелевскаго поступка Вѣнскаго кабинета было раздробленіе нашихъ силъ на югѣ. Россія увидѣла себя вынужденной вывести свои войска изъ-за Дуная, чтобы сосредоточить оборонительныя свои силы по берегамъ Чернаго моря, а сверхъ того и вытянуть еще, соотвѣтственно австрійскому отряду, сильный кордонъ вдоль юго-западной нашей границы. Не стану я вспоминать далѣе о тѣхъ злополучныхъ фактахъ, которыми сопровождалось продолженіе войны въ Крыму, ни о тѣхъ еще болѣе раздиравшихъ русскія сердца открытіяхъ, какія приходилось узнать великому царскому рыцарю чести, и которые къ безпредѣльному сокрушенію нашему до того болѣзненно уязвили высокую и непорочную душу его, что глубокое гореваніе о страданіяхъ отечества и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ русскому оружію безъ возможности должнаго отмщенія, довели въ преждевременную могилу обожаемаго нашего монарха, стоявшаго въ полномъ еще цвѣтѣ жизни и энергіи.

Хотя давно уже ходили тревожные слухи о томъ, что государь императоръ одержимъ недугомъ отъ простуды, но никто и даже, кажется, изъ приближенныхъ къ высочайшему двору, не подозрѣвалъ въ этомъ дѣйствительной опасности; а потому сто-

---

„Jedoch galt stets für *Monomachos'* Krone
„Des *Kreuzes Schutz* als Pflicht, die mit dem Throne
„Der Ahnen Ich geerbt! Nicht fodr' Ich mehr! —
„Doch für Mein Recht steh' Ich mit Schild und Wehr!"

XIV.

So tönt's aus ritterlichen Kaisers Munde, —
Und freudig Jauchzen Seines Volks erschallt, —

Позволяю себѣ прибавить еще и вольный переводъ въ стихахъ:

„Не страсть къ завоеваньямъ или къ славѣ", —
Рекъ *Николай*, — „войны источники:
„Не меркнетъ свѣтъ денной въ Моей державѣ, —
„И вѣдомы Орлу лавровые вѣнки!
„Но — древній долгъ короны *Мономаха*
„*Защита есть Креста*! И Я безъ страха
„Наслѣдье принялъ. Подъ Моимъ щитомъ
„Права христьянъ, — ихъ отстаю мечомъ!"

лица наша была какъ бы громомъ съ яснаго неба, поражена въ день 19-го февраля страшной вѣстью о послѣдовавшей утромъ кончинѣ государя Николая Павловича. Не стану я описывать тѣхъ глубоко потрясенныхъ чувствъ, которыя тогда отзывались въ нашихъ душахъ; нынѣ этому, пожалуй, не повѣрятъ и сочтутъ даже какимъ-то тартюфствомъ. Но указать я могу на то, что на прощальное поклоненіе парадному одру въ Бозѣ почившаго монарха въ продолженіе нѣсколькихъ дней стекались ежедневно многотысячныя массы искренно скорбящихъ русскихъ гражданъ всѣхъ сословій и званій. Былъ, конечно, и я тамъ, и поклонился высоко честнымъ бреннымъ остаткамъ царскаго своего благодѣтеля.

Парадный одръ былъ воздвигнутъ среди покоя, того же самаго, который служилъ въ Бозѣ почившему монарху не только рабочимъ кабинетомъ, но и спальнею! Да! могущественный царь великой Россіи довольствовался *единымъ* покоемъ для личной своей особы. Съ одной стороны параднаго одра я увидѣлъ близь окна рабочій столъ, у котораго Николай Павловичъ безустанно трудился для блага своего отечества въ теченіе болѣе четверти вѣка; а столъ этотъ былъ мнѣ знакомъ: у него-то двадцать три года предъ тѣмъ, только-что въ Бозѣ почившій государь сказалъ юношѣ-студенту неизгладимо въ мою душу запавшее слово: „Быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщѣ“.— По правую же сторону отъ параднаго одра (считая отъ входныхъ дверей) находилось обычное спальное ложе государя. Оно состояло изъ весьма простой желѣзной складной кровати, изъ сафьяннаго матраца, набитаго конскимъ волосомъ и покрытаго тонкою простыней; да изъ сафьяной же подушки, а вмѣсто одѣяла служило русскому царю простое его военное пальто тогдашней формы. Эта простота обстановки царскаго кабинета столь краснорѣчива, что не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Это ложе и этотъ столъ лучшія свидѣтельства о величіи характера отошедшаго къ предкамъ своимъ монарха, и настанетъ непремѣнно то время, когда исторія отдастъ императору Николаю І-му всю полную справедливость! А пока, въ то время, о которомъ я разсказываю, взоры русскихъ подданныхъ съ полною надеждою были обращены на вступающаго тогда на тронъ юнаго монарха.

Между тѣмъ военныя дѣла шли своей чередою: въ Крыму высадились легіоны союзныхъ армій нашихъ враговъ, вслѣдствіе чего русскій флотъ въ Севастопольской гавани долженъ былъ подвергнуться потопленію, а затѣмъ всѣ наши силы концентрировались къ Севастополю.

Въ Балтійскомъ же морѣ „прогуливалась" довольно сильная англійская эскадра подъ командою адмирала сэръ-Черльса Неппира. Я нарочно избралъ слово „прогуливалась", потому что настоящихъ *военныхъ* дѣйствій эта эскадра не производила: къ прочно и основательно укрѣпленному устью Невы, надъ которымъ господствовалъ грозный Кронштадтъ, адмиралъ „герой" подходить не отважился, а предпочелъ настращать наше Балтійское прибрежье бомбардировками маленькихъ *открытыхъ* городковъ, какъ напр. Либавы, или высадкою цѣлыхъ ротъ солдатъ для нападенія на беззащитныхъ обывателей, какъ напр. на Финляндскомъ прибрежьѣ Ботническаго залива. Послѣдніе подвиги англійскихъ храбрецовъ, однако же, не всегда были удачными; случалось, что боевыя оружія высаженныхъ пѣхотныхъ отрядовъ не спасали ихъ отъ постыднаго бѣгства предъ вилами и цѣпами; да дубинами нетрусливыхъ финскихъ крестьянъ. Одна изъ послѣднихъ стычекъ (кажется, на Аландскихъ островахъ) вышла столь безобидною для нашихъ финскяхъ рыбаковъ и столь трагикомическою для нападавшихъ героевъ Альбіона, что Василій Васильевичъ Самойловъ, воспользовавшись этимъ эпизодомъ, вышелъ на сцену въ роли одного вождя рыбаковъ, распѣвая весьма уморительные куплеты, на ломанномъ русскомъ языкѣ, про эту смѣхотворную аттаку „грозныхъ" воиновъ сэръ Черльса Неппира.

Зато въ Крыму дѣла наши шли далеко не смѣхотворно. Севастополь долженъ былъ выдержать многомѣсячную осаду и безчисленныя штурмовыя аттаки, и не смотря на неимовѣрныя усилія инженернаго искусства, не смотря на словно-античную храбрость, выказанную при защитѣ этой крѣпости нашими воинами, начиная съ генерала до самаго послѣдняго солдатика,—палъ наконецъ во власть враговъ. Но палъ не со стыдомъ, а *со славою*, да съ такою великою славою, что сами побѣдители,—собственно-то французы,—не могли не поклоняться побѣжденнымъ, отдавая полную честь и удивленіе военнымъ доблестямъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Крымская война, въ этомъ давно уже

согласился весь міръ, явилась не пятномъ, *а свѣтло сіяющей звѣздою* на имени русскаго воинства.

XLVIII.

1856—1858 г. Новыя литературныя и музыкальныя знакомства.

Въ исходѣ еще 1855 года пришлось мнѣ разъ, по одному препорученному мнѣ дѣлу, зайти въ канцелярію слѣдственнаго пристава II-й Адмиралтейской части, гдѣ я и увидѣлъ сидящаго у стола довольно высокаго ростомъ и дороднаго чиновника, важно разсматривающаго какое-то дѣло, содержаніе котораго толковалъ ему почтительно стоящій возлѣ приставъ. Въ тщательно бритомъ полнощекомъ съ бакенбардами лицѣ этого чиновника показались мнѣ будто знакомыя черты, и точно оказалось, что это былъ старинный мой другъ *Адріанъ Александровичъ Солнцевъ*, превратившійся изъ лихаго конно-артиллериста въ степеннаго чиновника по особымъ порученіямъ при нашемъ генералъ-губернаторѣ. Само собой разумѣется, что мы оба очень обрадовались этой встрѣчѣ и, конечно, возобновили прежнія свои интимно-дружескія отношенія.

Солнцевъ, какъ и прежде, выказалъ себя любителемъ поэзіи и искусствъ, въ особенности же литературы, и, какъ человѣкъ со средствами, принималъ у себя кружокъ изъ поэтовъ новаго поколѣнія. Такимъ образомъ мнѣ удалось познакомиться у него между прочимъ со *Львомъ Александровичемъ Меемъ*, *Николаемъ Θеодоровичемъ Щербиною*, *Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ*, *и Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ*, съ которыми затѣмъ и вступилъ я въ болѣе или менѣе дружескія связи.

Кстати (чтобы не забыть потомъ) долженъ я также упомянуть о томъ, что на одномъ изъ вечеровъ у Солнцева я имѣлъ случай услышать разсказы только что выступившаго тогда своими чтеніями комическаго актера *Горбунова*, родоначальника того же жанра изустныхъ разсказовъ, который впослѣдствіи (и въ особенности въ 70-хъ и 80-хъ годахъ) нашелъ себѣ неимовѣрное число иногда талантливыхъ, а чаще еще безталантныхъ профессіонистовъ. Помню я между прочимъ два разсказа Горбунова, въ которыхъ дѣйствительно онъ обнаружилъ необыкновенное свое дарованіе представлять, словно осязательно, лица самаго разнороднѣйшаго свойства и характера. Эти разсказы

(буде не ошибаюсь) носили названія: „Ямщикъ, возвращающійся на свою станцію по шоссе“ и „Умирающая старуха на предсмертной исповѣди“. Про талантъ г. Горбунова могу сказать только одно, что, сколько разъ мнѣ ни случалось потомъ слышать разныхъ разскащиковъ этого рода, но ни одинъ изъ нихъ не могъ сравняться съ нимъ насчетъ естественности въ выраженіяхъ и въ изгибахъ голоса; онъ умѣлъ смѣшить *безъ малѣйшаго шаржа*.

Изъ литераторовъ той эпохи ближе всѣхъ сошелся я съ *Мемъ* и съ *Щербиною*. Быть можетъ, что поэтому станутъ меня упрекать въ томъ, что мой взглядъ на ихъ литературныя достоинства находится нѣсколько подъ вліяніемъ дружескихъ моихъ къ нимъ чувствъ; но это подозрѣніе будетъ ошибочное. Судилъ и сужу я о произведеніяхъ этихъ поэтовъ столь же строго, какъ всегда судилъ я строго о собственныхъ также и своихъ произведеніяхъ, а что я на послѣднія дѣйствительно возрѣвалъ далеко не слегка, такъ это видно изъ моихъ предшедшихъ разсказовъ, въ которыхъ я упомянулъ, какъ безъ всякаго сожалѣнія сжигалъ я даже цѣлыя партитуры свои, и какъ насчетъ моихъ поэтическихъ попытокъ и другихъ литературныхъ трудовъ я не заботился о сохраненіи моихъ рукописей, или о собираніи напечатанныхъ уже статей. И если одно-либо другое что изъ моихъ, довольно таки не малочисленныхъ трудовъ, послѣ долголѣтнихъ разныхъ моихъ скитаній, нынѣ у меня еще нашлось, то я этимъ обязанъ, право, одному лишь слѣпому (какъ говорится) случаю, а никакъ не особенному авторскому самомнѣнію, которое щепетильно дорожитъ всякою строкою, даже малѣйшею шалостію пера.

По моему мнѣнію поэты пятидесятыхъ годовъ должны считаться отраженіемъ еще славной Жуковско-Пушкинской эпохи. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, подобныя стремленія къ возвышеннымъ цѣлямъ, къ поэзіи *ради поэзіи*, а не ради корысти [1]). Таковыми-то истинными поэтами были четыре вышеупомянутые, каждый, конечно, въ своемъ родѣ. Можно, пожалуй, даже опредѣлить характеръ трехъ изъ нихъ сравненіемъ съ какимъ либо

---

[1]) О томъ, что я считалъ и считаю Некрасова исключеніемъ, я высказалъ уже свое мнѣніе во II-мъ выпускѣ.

изъ поэтовъ античной или недавно прошлой французской эпохи; думаю, по крайней мѣрѣ, что благосклонные читатели мои не найдутъ слишкомъ ошибочнымъ, если я назову А. Н. Майкова русскимъ *Виргиліемъ*, Н. Ѳ. Щербину русскимъ *Ѳеокритомъ*, а В. С. Курочкина русскимъ *Беранжеромъ*; ибо едва ли можно будетъ оспаривать, что по духу содержанія и по стилю ихъ стихотвореній сказанные поэты дѣйствительно выказывали болѣе или менѣе сходства съ тѣми поэтами, имена которыхъ я позволилъ себѣ имъ придать. Благосклонные читатели безсомнѣнно поймутъ, что я говорю серьезно, отъ полнаго убѣжденія и съ симпатіею къ названнымъ отечественнымъ поэтамъ, а никакъ не въ ироническомъ смыслѣ. И впрямь, возможно ли отрицать въ Майковѣ дара изображать величественныя картины величественнымъ же, а въ то же время и мелодически льющимся языкомъ? Можно ли отрицать въ произведеніяхъ автора „греческой антологіи“ присущность античнo-граціозной наивности какъ въ самой темѣ, такъ и въ звучныхъ, увлекательныхъ стихахъ? И не находимъ ли мы, наконецъ, глубокихъ чувствъ, скрывающихся подъ личиною веселой пѣсни, исполненной самой тонкой аттической соли, въ переводахъ и въ подражаніяхъ Курочкина знаменитому французскому куплетисту? Только одному Мею не удалось мнѣ подыскать параллель: онъ былъ въ полномъ смыслѣ, что называется „русакъ“, который мыслилъ и выражался, какъ бы Баянъ древнихъ временъ; у него встрѣчаются даже выраженія, передѣланныя въ формы новаго русскаго языка, но по звуковой силѣ и по мѣткости значенія ихъ напоминающія древнюю славяно-русскую рѣчь; за исключеніемъ, конечно, его трагедіи „Сервилія“, которая строго выдержана въ античномъ характерѣ и стилѣ. Даже легенда въ стихахъ о монахѣ „Альфусѣ“, не смотря на Моравскій ея источникъ, носитъ на себѣ полный отпечатокъ коренной русской поэзіи, равно какъ и переложенія отрывковъ изъ „Пѣсни пѣсней“. Не скрою, что поэтическія произведенія Мея, какъ весьма сродныя моимъ индивидуальнымъ наклонностямъ и пониманію моему, производили на меня особое впечатлѣніе, такъ что не малое число изъ его стихотвореній переложено мною на музыку.

Наружность этихъ молодыхъ поэтовъ соотвѣтствовала характеру ихъ поэтическихъ направленій. *Аполлонъ Николаевичъ*

Майковъ былъ тогда статный, высокій брюнетъ съ красивымъ (какъ-бы античнаго склада и выраженія), серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ; походка, движенія и манера говорить были плавныя и сдержанныя, и подходили совершенно къ тому образу, подъ какимъ мы могли-бы представить себѣ Виргилія или Горація среди ихъ друзей-вельможъ Августовой имперіи. Нрава былъ онъ мягкаго и симпатичнаго и бесѣду вести съ нимъ доставляло мнѣ большое удовольствіе; но до откровенныхъ дружескихъ разговоровъ и отношеній у насъ не доходило. Съ *Щербиною*, напротивъ, и съ *Меемъ*, равно какъ и позже съ *Курочкинымъ* сошелся я довольно скоро; въ особенности же сдружился я съ двумя первыми. У обоихъ былъ характеръ подходящій подъ духъ Дерптскихъ студентовъ былаго добраго времени, хотя Мей оказалъ болѣе серьезный, а Щербина болѣе веселый нравъ; но серьезность перваго соединялась съ благодушіемъ истаго русака, между тѣмъ какъ веселость втораго иногда отзывалась ѣдкостью славянина-южака, что и проявлялось не въ маломъ числѣ расходившихся тогда въ Петербургскихъ кругахъ, довольно колкихъ его эпиграммъ. Характеръ же Курочкина соотвѣтствовалъ характеру его французскаго первообраза также и въ томъ, что веселая наружность его скрывала какъ будто лежащую на фонѣ души глубокую грусть.

Мей былъ средняго роста и плотнаго коренастаго сложенія. Черты его лица были весьма правильныя: носъ небольшой прямой, а на тоненькихъ губахъ царила почти всегда какая-то задумчивая улыбка; широкій лобъ, большей частью немного наморщенный, выказывалъ силу размышленія, которое отражалось также и въ карихъ его глазахъ. Это была теплая задушевная натура, исполненная безпредѣльной доброты; можно и должно было сожалѣть только объ одномъ, что этотъ возвышенный поэтъ и истинно добрый человѣкъ имѣлъ пагубную слабость къ дарамъ Вакха, что сильно подрывало его здоровье и низвело его въ раннюю могилу. Онъ умеръ (вслѣдствіе слишкомъ круто имъ вдругъ принятаго рѣшенія сразу бросить вредную свою привычку), весною 1862 года, и погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

Щербина, хотя также не врагъ ни Вакха, ни Эрота, зналъ однако-же мѣру и къ тому же былъ одаренъ несравненно болѣе

крѣпкимъ организмомъ тѣла. Роста былъ онъ небольшаго и довольно элегантно сложенъ (сознанія чего онъ таки не скрывалъ), но при этомъ не пропорціонально большая его голова, верхняя часть которой къ тому же расходилась нѣсколько въ ширину, мѣшала ему быть желаемымъ вполнѣ Адонисомъ и это, бывало, возбуждало въ немъ иногда немалую досаду на судьбу. Голову эту покрывали густые блестящіе, черные, курчавые волосы, съ которыми гармонизировало лицо южно-славянскаго типа и цвѣта. Походка и движенія выказывали живость его темперамента, но не были лишены граціозности и свѣтскаго приличія; симпатичный баритонъ его голоса придавалъ много пріятности его чтенію, въ которомъ онъ былъ весьма искуснымъ мастеромъ. О наклонности его къ насмѣшкамъ я уже упомянулъ выше; но въ сущности онъ былъ, что называется, добрый малый и хорошій, надежный товарищъ, всегда готовый на поддержку своихъ друзей чѣмъ могъ.

Черезъ Мея познакомился я также съ скрипачемъ *Минкусомъ* (родомъ чехъ), который состоялъ капельмейстеромъ домашняго оркестра извѣстнаго богача кн. Юсупова. Это былъ милый, любезный человѣкъ-музыкантъ, но довольно образованный и выказывающій интересъ не только къ своему, но и къ другимъ искусствамъ, въ особенности къ поэзіи. Черезъ нѣкоторое время, кагда мы ужѐ ближе познокомились, показалъ я ему партитуру въ то время уже совершенно оконченнаго перваго дѣйствія моей оперы „Послѣдній день Помпеи", и онъ подалъ мнѣ мысль устроить частную пробу этого сочиненія, причемъ предложилъ мнѣ пользоваться управляемымъ имъ оркестромъ. Надлежало только позаботиться заранѣе объ исполнителяхъ пѣвческихъ партій, а въ этомъ помогли мнѣ слѣдующія случайныя обстоятельства.

Во-первыхъ я возобновилъ знакомство съ *Андреемъ Петровичемъ Лоди*, [1]) котораго, бывало, я встрѣчалъ у Глинки. Хотя онъ и потерялъ прежній, прекрасный свой теноровой голосъ, превратившійся тогда уже въ баритонъ, но умѣніе его владѣть голосомъ и пѣвческая опытность при немъ остались. Затѣмъ открылъ я недюжинный талантъ въ дочери одного обрусѣвшаго ино-

---

[1]) Онъ былъ, но очень недолгое время, членомъ Русской оперной труппы.

странца, у котораго нанимали комнату два товарища моего сына Максимиліана. У *Анны Матвѣевны Вольфъ*, какъ звали эту молодую дѣвушку, оказался прекрасный сопрано—и я взялся учить ее. Ученіе наше мѣсяца черезъ три вышло столь удачнымъ, что я могъ разсчитывать на весьма изрядное исполненіе главной партіи въ моей оперѣ. Равнымъ образомъ нашелъ я еще подходящаго содѣятеля, въ упомянутомъ уже въ главѣ XXXVII, таможенномъ чиновникѣ, г. *Шустовѣ*, да и сынъ мой Максимиліанъ, пѣлъ недурнымъ басомъ и былъ очень музыкаленъ. Теноровую же партію поручилъ я одному молодому корифею Императорской оперы, котораго отыскалъ мой сынъ, а для хора пригласилъ я нѣсколько лицъ изъ Большой русской оперы. Такимъ образомъ могъ я приступить къ разученію перваго дѣйствія, причемъ мнѣ усердно помогали гг. Лоди и Минкусъ. Когда все было подготовлено, Минкусъ и Мей исходатайствовали мнѣ театральную залу молодаго *графа Григорія Александровича Кушелева-Безбородко*, съ которымъ они были въ дружескихъ отношеніяхъ, и, въ февралѣ мѣсяцѣ 1858 года, моя музыка была впервые тамъ исполнена, конечно, въ концертномъ, а не въ сценическомъ видѣ. Основнымъ составомъ оркестра служилъ оркестръ кн. Юсупова, а необходимые еще духовые инструменты, въ особенности мѣдные, я добылъ изъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, музыкальнымъ чиновникомъ (т. е. дирижеромъ) котораго состоялъ тогда бывшій мой ученикъ по теоріи, флейтистъ *Лотаревъ*. Слушателями и судьями, кромѣ родственниковъ и знакомыхъ моихъ, Мея и Минкуса, присутствовали еще приглашенные мною нѣкоторыя звѣзды Петербургскаго музыкальнаго міра, какъ то: *О. К. Гунке*, *кн. Одоевскій*, *Ѳ. М. Толстой*, *А. С. Даргомыжскій* и *А. Н. Сѣровъ*. Гр. М. Юр. Віельгорскій не пріѣхалъ по случаю нездоровья, но за то гр. Кушелевъ привелъ съ собою гостившаго въ то время у него старца-піаниста *Генри Гарца* изъ Парижа. Исполненіе прошло, хотя и не въ совершенствѣ (по малому времени къ подготовкѣ), но и не совсѣмъ дурно; а такъ какъ это былъ только частный опытъ, и равно такъ какъ всякій изъ опытныхъ знатоковъ музыки могъ и долженъ былъ отличать недостатки въ исполненіи отъ недостатковъ самаго сочиненія, то я и не опасался никакихъ особенно дурныхъ послѣдствій. И дѣйствительно, кн. Одоевскій, Толстой, Гунке и ста-

рый Герцъ, хотя и сдѣлали мнѣ нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія насчетъ одного-другого мѣста въ инструментовкѣ, но въ общемъ выразились довольно похвально о моемъ трудѣ. Даргомыжскій сказалъ мнѣ только нѣсколько общихъ комплиментовъ, а Сѣровъ уѣхалъ, не дождавшись даже моего выхода изъ-за театральныхъ подмостковъ; недѣли двѣ спустя, однако же онъ не утерпѣлъ, чтобы въ одной изъ своихъ статеекъ, по случаю какого-то опернаго представленія, не вспомнить ѣдко ироническими выраженіями объ этой—какъ онъ назвалъ—„неудачной попыткѣ несчастнаго композитора". Само сабою разумѣется, что я ничего не возразилъ потому, что о *частномъ* исполненіи въ *частномъ домѣ* я считалъ неприличнымъ пуститься въ дебаты. Въ маѣ же мѣсяцѣ того-же года я, для поправленія пошатнувшагося моего здоровія, уѣхалъ въ деревню.

XLIX.

1858—1860. Опять Тамбовскія степи.—Изученіе настоящаго строя и лада нашихъ народныхъ пѣсенъ.—Поѣздка въ Царицынъ, а оттуда медленнымъ рейсомъ до Нижнпго-Новгорода.—Приволжскіе крестьяне.—Нижній-Новгородъ.—Ярославль.—Москва.

Деревня, принадлежавшая моей женѣ, находилась среди самыхъ степей Тамбовской губерніи, слѣдовательно, въ округѣ, крестьяне которой не были заражены никакимъ еще западно-европейскимъ духомъ и гдѣ поэтому все еще, какъ говорится: пахло полной Русью. Само собой разумѣется, что не смотря на разныя сельскія работы, которыми приходилось мнѣ заниматься, я не забылъ своей музыки. Какъ и въ прежнее время, интересовался я преимущественно нашей русской деревенской пѣсnью и даже болѣе чѣмъ прежде, такъ какъ я теперь гораздо болѣе былъ подготовленъ къ пониманію ея. Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга получилъ я отъ Дубянскаго въ подарокъ мелодиконъ [1]) объемомъ въ три октавы и этотъ инструментъ приносилъ мнѣ немалую пользу при моихъ изслѣдованіяхъ деревен-

[1]) Это родъ гармоніума или фисгармоніи съ разными регистрами, на которой играютъ правой рукою на клавишахъ инструмента, между тѣмъ, какъ лѣвая управляетъ мѣхомъ. Самый же ящикъ инструмента или покоится на колѣнахъ играющаго, или же устанавливается на столѣ предъ играющимъ.

скихъ напѣвовъ; а для того, чтобы поближе познакомиться съ послѣдними, представлялось мнѣ довольно таки удобныхъ случаевъ. Надобно замѣтить, что послѣ раздѣла земель между моей женою и ея братьями и сестрами, первой пришлось переселить своихъ крестьянъ въ совершенно новое мѣсто, а, конечно, выстроить себѣ также новую барскую усадьбу. Предъ вновь выстроеннымъ, подъ моимъ надзоромъ, новымъ нашемъ домомъ задумалъ я разбить довольно обширный садъ помощью двухъ парней садовниковъ и бабъ. Вотъ эти бабы-то, по старинному русскому обычаю деревенскихъ работницъ, во время своихъ занятій любили коротать время хоровыми пѣснями. Тогда бралъ я обыкновенно свой мелодиконъ и сопроваживалъ ихъ пѣніе подходящими наипростѣйшими аккордами, на которое указывали раздававшіеся иногда въ хорѣ такъ называемые „вторы" или „приголоски". Эти мои аккомпанименты понравились нашимъ пѣвуньямъ до того, что, когда я иной разъ выходилъ на балконъ безъ мелодикона, то онѣ довольно частенько сами отъ себя уже приступали ко мнѣ съ просьбою: „баринъ, грай намъ на твоемъ штрументѣ, больно ладно выходитъ и веселѣе поется". А со старымъ Карпычомъ, который изъ садовника, какимъ онъ прежде бывалъ, превратился въ стараго скотника, я снова, да больше прежняго, еще сдружился и заставлялъ его угощать меня всѣмъ своимъ репертуаромъ старинныхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, на основаніи полученныхъ отъ Глинки намековъ на главныя примѣты кореннаго русскаго пѣнія, я знакомился съ настоящимъ характеромъ народной русской музыки; но записывать — я немного-то пѣсенъ записалъ, такъ какъ я въ то же время занимался преимущественно двумя другими музыкальными работами, а именно: окончаніемъ моей оперы „Послѣдній день Помпеи" и изложеніемъ „Теоріи музыкальныхъ звуковъ на основаніи акустическихъ началъ".

Въ 1860 году сынъ мой Максимиліанъ, который второй уже годъ занималъ должность одного изъ помощниковъ строителя Волжско-Донской желѣзной дороги, весною еще звалъ меня погостить у него въ городъ Царицынъ, гдѣ онъ жилъ съ молодой своей женою [1]). Вслѣдствіе того отправился я къ нему въ іюлѣ

[1]) Она была родная сестра молодаго литератора *Михаила Андреевича*

мѣсяцѣ того же года. Тутъ увидѣлъ я впервые нашу матушку Волгу. Видѣлъ я впослѣдствіи большія рѣки Германіи: Дунай и Рейнъ, и Эльбу, но все-таки долженъ я признаться, что не находилъ рѣки привольнѣе своей мѣстами необозримой шириною, какъ нашу Волгу. Это не преувеличиваніе квасного патріота, а сущая истина, такъ какъ не мало даже иностранцевъ того же мнѣнія, какъ и я.

Въ Царицынѣ прожилъ я мѣсяца два; да и тутъ не терялъ изъ виду нашей русской пѣсни. Между работниками на желѣзной дорогѣ и на пристани находилось много народа изъ всѣхъ возможныхъ губерній нашей Россіи, и между этимъ людомъ обрѣталось не мало пѣвцовъ. Поэтому любилъ я прогуливаться между ними и прислушиваться къ этимъ напѣвамъ, которые затѣмъ среди вольной, цвѣтами пестрѣющей степи я старался воспроизводить на почти всегда сопутствующемъ мнѣ мелодиконѣ. Какъ въ деревнѣ, такъ и тутъ имѣлъ я страсть пускаться въ разговоръ съ простымъ народомъ, потому что это доставило мнѣ возможность все болѣе и болѣе узнать характеръ нашего русскаго мужичка. Право, не таковъ онъ,—настоящій русскій мужичокъ,—каковымъ представляютъ намъ его большей частію въ романахъ и повѣстяхъ иныхъ „пресловутыхъ" писателей; а менѣе всего онъ таковъ, какъ описывалъ его когда-то Некрасовъ, а въ новѣйшее время авторъ драмы „Власть тьмы". Не отрицаю я, что интеллигенція его далеко еще не развита по масштабу господствующей между нѣмецкими крестьянами культуры, но онъ, безспорно, въ умственномъ, а того болѣе еще въ моральномъ отношеніи, стоитъ гораздо выше мужика глухихъ мѣстностей Франціи, Италіи и Испаніи. нашъ простой степной мужикъ разсуждаетъ не безъ естественной логики о своемъ житьѣ-бытьѣ, и понимаетъ, когда съ нимъ говоришь просто и невычурно, т. е. *не ломая русскаго языка на псевдо-деревенскій ладъ*. Что же

Загуляева, начавшаго повѣстью обличительнаго содержанія. Въ 1862 году была на Александрійской сценѣ, въ бенефисъ В. В. Самойлова, поставлена трагедія Шекспира „Гамлетъ", въ переводѣ М. А. Загуляева (см. выпускъ II, стр. 125). Нѣсколько лѣтъ сряду былъ онъ корреспондентомъ издаваемой въ Брюсселѣ газеты „Le Nord", а позже сотрудникомъ сначала „Голоса", а затѣмъ „Новаго Времени" по части фельетона о французскихъ представленіяхъ въ Михайловскомъ театрѣ.

касается природной доброты, душевной сердечности его, такъ эта черта у большей части нашихъ степныхъ крестьянъ гораздо болѣе развита, чѣмъ у инаго горожанина или даже у инаго надменнаго члена такъ называемаго „интеллигентнаго" общества. Приведу немного примѣровъ. Встрѣтилъ я разъ сгорбившагося старичка, одѣтаго въ плохенькій армячекъ, и плетущагося насилу въ истасканныхъ своихъ лаптяхъ по большой дорогѣ. Фигура его показалась мнѣ очень жалкою, и я принялъ его за нищаго. Снявъ шапку, онъ мнѣ низко поклонился. Я подошелъ къ нему и подалъ ему три пятака. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ: „по што?" Когда же я ему сказалъ, что ради посильной помоги его старости, то онъ улыбнулся, положилъ монету въ висящую у него на поясѣ сумочку и снова спросилъ: „а ты, баринъ, изъ тутошнихъ что ли?"—Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—заѣзжій. „Ладно,—возразилъ старичокъ,—знать, ты мужичковъ-то любишь? Пойдемъ-ко со мной на мой пчельникъ; медкомъ тебя угощу. Въ твоей монетѣ я хоть и не нуждаюсь; но хочу на память хранить о тебѣ". Мы пришли на пчельникъ его и тамъ побесѣдовали; оказалось, что онъ былъ мужикъ довольно зажиточный и доволенъ своими господами, а отъ моего не впопадъ поданнаго ему подаянія только для того не отказался, чтобы не обидить меня; но взамѣнъ моихъ 15-ти копѣекъ онъ угостилъ меня наилучшимъ медомъ и вкуснымъ сдобникомъ да бражкою по крайней мѣрѣ, на два сорока копѣекъ по стоимости. Какой-нибудь мужикъ подгорожанинъ или просто взялъ бы мое подаяніе, посмѣиваясь потомъ надо мною, или же съ грубой надменностью выругалъ бы меня на чемъ свѣтъ стоитъ, да и только. Мораль этого разсказа не требуетъ дальнѣйшаго вывода.

Другой случай относится уже къ тому времени, когда я изъ Царицына ѣхалъ вверхъ по Волгѣ въ Нижній-Новгородъ съ тѣмъ, чтобы возвратьея въ Москву. Имѣя полный досугъ времени и желая воспользоваться этой поѣздкой для дальнѣйшаго изслѣдованія нашей русской пѣсни, именно-то по Волгѣ, протекающей какъ разъ по краю, въ которомъ сохранились еще слѣды *настоящей, неиспорченной русской жизни,* я сѣлъ не на обыкновенный пассажирскій, а на буксирный пароходъ, потому что послѣдній часто и надолго останавливается на пристаняхъ. Мой мелодиконъ и тутъ мнѣ сопутствовалъ. И вотъ случалось раза

два—три, что на такихъ остановкахъ, что помѣщаясь вмѣстѣ съ капитаномъ парохода у какого-нибудь крестьянина, я садился подъ вечеръ на крыльцо и забавлялся, ради препровожденія времени, игрою на мелодиконѣ. Весьма понятно, что вслѣдствіе настроенія, подъ которымъ я все это время преимущественно находился, я игралъ все русскія пѣсни, варіируя ихъ по своему. Моя игра обращала на себя невольное вниманіе деревенскаго населенія, и почти всегда вокругъ крыльца мало-по-малу, образовались цѣлыя кучки любопытныхъ. Сначала слушали молча; потомъ начали подтягивать кой-какіе то мужскіе, то женскіе голоса; а наконецъ, когда я заигрывалъ какую-нибудь плясовую пѣсню, подхватывали общимъ хоромъ при образованіи оживленнаго хоровода. Иногда расходились плясуны и плясуньи до того, что, когда я, переставъ играть, хотѣлъ удалиться въ избу, поднялась общая просьба со всѣхъ сторонъ: „баринъ, грай намъ еще: не скоро опять намъ такъ веселиться; больно добре пѣвать-то подъ твое гранье“. Нечего было дѣлать: надо удовлетворять просьбу добродушной публики. Потомъ, когда наконецъ они вдоволь напѣвались и наплясались, самые-то старики и старухи стали угомонивать развеселившуюся молодежь, такъ что наконецъ мнѣ возможно было уйти въ избу. Тогда являлись разныя депутаціи, которыя стали меня угощать кто медомъ, кто деренскими сайками, разными фруктами или какимъ-либо другимъ деревенскимъ лакомствомъ, при чемъ съ добродушнѣйшимъ усердіемъ кланялись и благодарили за доставленное имъ удовольствіе. А нѣкоторые старики оставались „поколякать“ со мною и умныя разсудительныя ихъ бесѣды доставляли мнѣ не менѣе удовольствія и поученія.

Въ теченіе этого рейса посѣтилъ я также города Самару и Казань; въ послѣднемъ городѣ я пробылъ цѣлый день и насмотрѣлся на житье-бытье тамошнихъ татаръ, что мнѣ разъяснило то, что прежде бывало читывалъ я про нихъ. Въ Самарѣ же, гдѣ намъ пришлось ночевать, присутствовалъ я въ тамошнемъ театрѣ на какомъ-то оперномъ представленіи; но, либо по моему тогдашнему настроенію, либо по дѣйствительно плохому исполненію пѣвцовъ и пѣвицъ этой труппы, только пѣніе ихъ не слишкомъ-то усладительно подѣйствовало на меня. Изъ Нижняго-Новгорода (описаніемъ котораго я не желаю утруждать читате-

лей, такъ какъ мѣстныя красоты этого города почти всѣмъ уже извѣстны) отправился я на обыкновенномъ пароходѣ въ Ярославль, а оттуда въ дилижансѣ въ Москву.

Знаете ли вы, благосклонный читатель, что такое *дилижансъ*, этотъ „допотопнаго времени" способъ перевозки путешественниковъ? Представьте себѣ тяжелую карету, въ которой по расчету *городской* ѣзды могутъ только помѣщаться четыре человѣка, но въ которую, по тогдашнему почтовому уставу, впихивали по шести особъ, да еще въ придѣланныя спереди и сзади сидѣнія въ видѣ ящиковъ по два человѣка. Въ этотъ ковчегъ запрягались шесть лошадей, изъ коихъ двѣ переднія подъ управленіемъ форейтора. Для совершенія же пути изъ Ярославля до Москвы требовалось болѣе двухъ сутокъ. Можно себѣ представить удовольствіе, какое испытывали въ теченіе этихъ 36 часовъ сколоченные въ этой каретѣ (точно сельди въ боченкѣ) несчастные путешественники. Только и было отдыха, что въ Переяславѣ, гдѣ мы обѣдали на вторыя сутки. Памятна мнѣ эта станція потому, что въ тамошнемъ озерѣ находятся сельди особаго большаго рода и что въ то время считалось какъ бы обязанностью каждаго проѣзжающаго угощаться жаренными свѣжими таковыми рыбами. Наконецъ, пріѣхалъ я въ Москву, но къ несчастью на другой же день почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Это не помѣшало мнѣ, однакоже, тотчасъ отыскать старшаго брата своего Ивана, который годъ передъ тѣмъ переселился въ Москву съ своею школою глухонѣмыхъ, а равно и навѣщать давно живущихъ тутъ же, бывшихъ своихъ университетскихъ товарищей: профессоровъ-докторовъ *Анке* и *Иноземцева* [1]). Когда я пришелъ къ послѣднему на его квартиру (гдѣ-то около Патріаршихъ прудовъ), я засталъ его за какими-то изысканіями по своей части, съ большимъ увеличительнымъ стекломъ въ рукѣ и одѣтымъ въ длиннополый, черный и сверху до низу застегнутый сюртукъ. Онъ меня очень любезно принялъ и мы стали припоминать наши студентческіе годы. Вдругъ Иноземцевъ, схвативъ снова увеличительное свое стекло, неожиданно адрессовался ко мнѣ съ приказаніемъ: „покажи языкъ!" Я въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него, а онъ повторилъ: „покажи языкъ!"—Я пови-

---

[1]) См, выпускъ I, стр. 119 и 147.

новался. Тогда онъ посмотрѣлъ на мой языкъ черезъ свою большую лупу и объявилъ мнѣ, что я одержимъ лихорадкою, которую обыкновенно называютъ молдавскою. И вьпрямъ пролежалъ я нѣсколько недѣль. Таково было мнѣ привѣтствіе отъ матушки Москвы. Къ чему же клонится это зловѣщее предзнаменованіе? подумалъ я тогда. Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ лѣтъ десять спустя.

L.

1860—1862. Н. Гр. Рубинштейнъ.—Князь Юр. А. Оболенскій.—Русское музыкальное Общество.—Антонъ Доор̌ъ.—Профессоръ математики Н. Зерновъ.—Я читаю публичныя лекціи въ актовой залѣ университета.—А. А. Рахмановъ.—Директоръ Московскихъ театровъ Леон. Ѳеод. Львовъ.—М. Н. Катковъ и Леонтьевъ.—Мое участіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Приложеніяхъ“ къ нимъ.

Между тѣмъ какъ я жилъ въ деревнѣ, образовалось въ Москвѣ отдѣленіе Русскаго музыкальнаго Общества, во главѣ котораго былъ поставленъ младшій братъ А. Гр. Рубинштейна московскій уроженецъ, *Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ*. Весьма естественно, что я спѣшилъ представиться ему какъ музыкальный любитель и дѣятель. По любезному его пріему можно было полагать, что мое имя было ему не совсѣмъ незнакомо; сначала мнѣ даже показалось, будто мы съ нимъ сошлись и что была надежда еще болѣе сблизиться съ нимъ. Онъ познакомилъ меня съ кн. *Юріемъ Александровичемъ Оболенскимъ*, однимъ изъ директоровъ упомянутаго музыкальнаго общества и снабдилъ входнымъ билетомъ на концерты этого общества.

Н. Гр. Рубинштейну было тогда около 25 лѣтъ. Не очень большаго роста, но крѣпкаго сложенія; съ красивымъ его лицомъ, украшеннымъ небольшими усиками и вьющимися слегка свѣтло-каштановыми волосами, этотъ молодой артистъ производилъ на первый взглядъ весьма пріятное впечатлѣніе. Но всматриваясь повнимательнѣе въ голубосѣрые его глаза съ довольно холоднымъ взглядомъ и на пренебрежительную улыбку пресыщеннаго словно человѣка, которая почти постоянно играла около угловъ его губъ, я поневолѣ чувствовалъ иногда въ сердцѣ какое-то вѣяніе отъ него холоднаго эгоизма.

Какъ піанистъ Николай Григорьевичъ уступалъ своему брату пожалуй въ виртуозной техникѣ, да и то только, по мнѣнію моему, что онъ менѣе усидчиво трудился надъ нею. Это я полагаю на томъ основаніи, что руки меньшаго брата и въ особенности пальцы его подходили болѣе еще подъ типъ того анатомическаго устройства, которое по толкованію знатоковъ фортепіанной техники требуется для идеальной игры. Я всегда былъ того убѣжденія, что если бы Николай Григорьевичъ трудился бы и по выходѣ изъ юношескихд лѣтъ столько, сколько заставлялъ его прежде трудиться учитель его Виллоэнъ, то онъ навѣрное бы превосходилъ брата своего въ виртуозной техникѣ. Что же касается до исполненія, то никто, я думаю, не станетъ отрицать, что у младшаго Рубинштейна оказалось не только болѣе пѣвучести въ тонѣ, но и болѣе того, что мы понимаемъ подъ словомъ „поэзія исполненія", а иные: „задушевность". Другое доказательство моему мнѣнію находилъ я въ томъ, что когда Николаю Григорьевичу приходилось готовиться къ концертному исполненію и онъ поэтому засѣлъ, какъ говориться, за фортепіано, то въ какія нибудь два-три дня піеса была имъ разучена въ высшей степени виртуознаго мастерства, при чемъ, конечно, ему много помогала чрезвычайно необыкновенная музыкальная его память. Къ этому надобно прибавить, что его природное эстетическое чувство получило немалое развитіе вслѣдствіе общаго развитія его интеллегенціи, такъ какъ онъ имѣлъ счастье проходить гимназическій и университетскій курсы; хотя поговаривали, что Рубинштейнъ не принадлежалъ къ числу прилежныхъ гимназистовъ и студентовъ, но всетаки науки, какъ бы слабо онъ ихъ ни изучалъ, должны были имѣть болѣе или менѣе вліянія на развитіе его интеллигенціи. И впрямь я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что наша Русская, а отчасти и нѣмецкая и французская литература была для него вовсе не terra incognita. Относительно душевныхъ качествъ Николая Григорьевича должно сознаться, что въ немъ была нѣкоторая степень добродушія, но такъ какъ собственно-то у него не оказалось положительныхъ моральныхъ принциповъ, вслѣдствіе чего неминуемо должна была явиться немалая шаткость воли, то и добродушіе его получило сильный оттѣнокъ случайныхъ фантазій. Эта же шаткость воли вводила его весьма нерѣдко въ зависи-

мость отъ влiянiя постороннихъ, когда послѣднiе сумѣли повернуть дѣло такимъ образомъ, что окончательное рѣшенiе выходило какъ-бы отъ собственной его инициативы; ибо по врожденному ему абсолютному автократизму Рубинштейнъ любилъ казаться полнымъ властелиномъ во всѣхъ касающихся его дѣлахъ. Не слѣдуетъ, наконецъ, обойти молчанiемъ одну дѣйствительно хорошую черту Николая Григорьевича: онъ крѣпко былъ привязанъ къ своему семейству, т. е. къ матери да къ братьямъ и сестрамъ своимъ и (какъ мнѣ разсказывали не разъ) матерiально поддерживалъ первую на сколько могъ [1]).

Вполнѣ признаю я также доброту Николая Григорьевича относительно всегдашней готовности помогать ближнимъ своимъ учавствiемъ въ концертахъ. Данные же имъ самимъ концерты по всей Россiи въ пользу разныхъ благотворительныхъ обществъ доставляли послѣднимъ весьма значительныя суммы, и эти подвиги великаго артиста заслуживаютъ глубокой благодарности друзей человѣчества на вѣчныя времена. И этимъ самымъ оправдывается то, что я сказалъ выше:—въ Николаѣ Григорьевичѣ было доброе сердце, но влiянiе постороннихъ лицъ не рѣдко то сбивало его съ пути, то направляло къ иному исходу. Гдѣ внутреннее его влеченiе совпадало съ влiянiемъ постороннихъ, тамъ и плоды бывали благотворительны.

У Рубинштейна познакомился я также съ фортепiанистомъ *Антономъ Дооромъ*, съ которымъ затѣмъ встрѣчался также у бывшаго моего университетскаго товарища, доктора медицины *Юлiя Петровича Давидова* (см. вып. I, стр. 117). Г. Дооръ, австрiйскiй уроженецъ, былъ пiанистъ классической школы и весьма образованный молодой человѣкъ, который интересовался не только всѣми новостями музыкальной литературы, но также и прогрессомъ въ музыкальной теорiи. Поэтому онъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ разсматривалъ мои болѣе серьезныя музыкальныя сочиненiя и вникалъ съ участiемъ въ суть моихъ

---

[1]) Когда я познакомился съ Н. Гр. Рубинштейномъ, тогда онъ уже годъ какъ разошелся съ своею женою, а такъ какъ я никогда не любилъ ни слушать дрязгъ, ни освѣдомляться о нихъ, то и до сихъ поръ ничего не знаю ни объ обстоятельствахъ его женидьбы, ни о причинахъ размолвки между супругами Рубинштейнъ.

теоретическихъ изысканій, а это самое-то и привело насъ къ взаимнымъ дружескимъ отношеніямъ [2]).

Такъ какъ главною цѣлью моего тогдашняго пребыванія въ Москвѣ было желаніе познакомить музыкальный нашъ міръ съ основаніемъ новой моей теоріи звуковъ на акустическихъ и эстетическихъ началахъ, а удобнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли считалъ я публичныя лекціи въ университетской залѣ (какъ это дѣлывалось всегда заграницею), то я по совѣту профессора Н. Б. Анке подалъ прошеніе университетскому начальству о дозволеніи мнѣ читать публичный курсъ въ главной залѣ, при чемъ представилъ я рукописное свое сочиненіе. Университетскій совѣтъ препоручилъ тремъ профессорамъ математическаго факультета разсмотрѣть мое сочиненіе и доложить о допущеніи или не допущеніи моего желанія. Однимъ изъ этихъ гг. профессоровъ былъ тогдашній деканъ факультета, извѣстный своей ученостью математикъ *Н. Зерновъ*, почему я и имѣлъ удовольствіе иознакомиться съ нимъ. Гг. профессора весьма добросовѣстно и тщательно анализировали мой трудъ, который даже болѣе или менѣе ихъ заинтересовалъ. Въ особенности понравился онъ г. Зернову, который, для лучшей провѣрки моихъ исчисленій и выводовъ относительно звуковыхъ комбинацій и разрѣшенія ихъ, сталъ даже изучать ноты и элементарную теорію музыки. Поэтому поводу я весьма нерѣдко бывалъ у него для желаемыхъ имъ объясненій нѣкоторыхъ мѣстъ. Онъ повидимому находилъ даже удовольствіе въ этомъ разсмотрѣніи моей рукописи, не разъ высказывалъ мнѣ свое одобреніе и совѣтывалъ наконецъ дать моему сочиненію добавочное еще заглавіе: „Прикладная акустика". По докладу этой коммиссіи было мнѣ наконецъ разрѣшено читать публичныя лекціи о сказанномъ предметѣ въ актовой залѣ университета, вслѣдствіе чего я публиковалъ объ открытіи этого курса, а для большаго удобства слушателей издалъ печатную программу. На слушаніе лекцій

[2]) Позже (въ 1868 году) я встрѣтился съ нимъ въ послѣдній разъ на музыкальномъ фестивалѣ въ Альтенбургѣ и мы вспоминали тогда о нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ въ Москвѣ. Въ 1874 году послалъ я ему монускриптъ моей большой сонаты для фортепьяно, которую онъ и исполнилъ на одномъ вечерѣ кружка Вѣнскихъ музыкантовъ, какъ онъ мнѣ писалъ.

сначала собралось около 30 лицъ, но чтенія эти видно были еще не по плечамъ большинству ихъ, такъ что аудиторія моя съ четвертой уже лекціи стала быстро уменьшаться, а послѣ десятой оказалось у меня не болѣе четырехъ или пяти слушателей. Но это не обезкураживало меня, потому что я тогда уже пришелъ къ убѣжденію, что вездѣ и всегда піонерамъ науки или искусства приходится терпѣть сначала внѣшнія неудачи: чтенія объ ученомъ предметѣ, вѣдь, не концерты, — никого не забавляютъ. Съ однимъ же изъ числа слушателей, оставшихся вѣрными мнѣ до конца, который въ особенности интересовался новыми мною поднятыми вопросами по теоріи музыки, я черезъ нѣсколько времени даже очень подружился. Это былъ отставной л.-гв. кирасирскаго Ея Величества полка штабсъ-ротмистръ *Александръ Александровачъ Рахмановъ*. Онъ приглашалъ меня къ себѣ, познакомилъ со своимъ семействомъ и посѣщалъ столь же часто мою также берлогу, такъ что, до окончанія еще моего курса, я сталъ уже какъ бы роднымъ членомъ его дома. Рахмановъ былъ весьма ярый любитель музыки, непремѣнный посѣтитель всѣхъ концертовъ и оперныхъ представленій и любилъ, для расширенія своихъ воззрѣній на музыкальное искусство, не только бесѣдовать, но и читать серьезныя книги объ этомъ предметѣ.

Семейство Александра Александра Александровича состояло изъ молодой еще его жены, *Варвары Васильевны*, двухъ сыновей и двухъ дочерей и всѣ они интересовались искусствами и литературой. У нихъ было мнѣ всегда уютно и пріятно проводить досужное свое время и тѣмъ болѣе, что я не былъ вынужденъ все время торчать церемоннымъ гостемъ въ гостинной, а пользовался свободой удаляться, когда мнѣ вздумалось, въ кабинетъ Рахманова и заниматься тамъ на единѣ чтеніемъ книгъ или даже иногда своими сочиненіями, какъ бы дома у самаго себя. Эти сердечно любезныя ко мнѣ отношенія семейства Рахмановыхъ остались въ моей памяти, какъ случайные свѣтлые лучи среди бурнаго моего скитанія по землѣ.

Александру Александровичу было тогда около 45 лѣтъ; фигурою онъ былъ средняго роста, не худенькій и не толстенькій, и имѣлъ пріятныя черты лица, которое украшалось небольшою бородкою. Вообще же выказывались во всемъ его внѣшнемъ уже

явленіи чрезвычайная доброта и сердечность, такъ что тѣмъ, кто знавалъ его, нельзя было не полюбить его.

Въ то время какъ я познакомился съ нимъ, онъ хотя, кажется, и имѣлъ изрядный достатокъ, но богатымъ далеко не былъ. Былъ, однако же, у него какой-то дядюшка однофамилецъ, очень уже старый и больной, послѣ смерти котораго къ Рахманову съ братомъ и сестрою должно было перейти весьма значительное наслѣдство. Въ концѣ 1862 года, когда я уже снова переселился въ Петербургъ, оно такъ и случилось. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года Александръ Александровичъ, по дѣламъ этого наслѣдства, пріѣхалъ въ Петербургъ и конечно, между прочимъ бывалъ и у меня. Сообщивъ мнѣ о перемѣнѣ его судьбы, онъ сказалъ, что и про меня онъ не забылъ; что мнѣ непремѣнно нужно съѣздить заграницу и что для этой цѣли онъ предлагаетъ мнѣ получить отъ него 500 руб., какъ скоро онъ вполнѣ вступитъ въ права своего наслѣдства. Онъ такъ и сдѣлалъ, и вслѣдствіе того исполнилось наконецъ всегдашнее мое желаніе съѣздить въ Германію для собиранія матерьялу по задуманнымъ мною музыкально-литературнымъ работамъ.

Но, воротимся къ моему пребыванію въ Москвѣ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ.

Само собой разумѣется, что живя въ Москвѣ, я посѣщалъ оперныя представленія. Московскіе Императорскіе театры существовали тогда довольно самостоятельно, т. е. послѣ Александра Михаиловича Гедеонова, который держалъ и Московское управленіе театрами въ строго-абсолютной зависимости отъ себя, послѣдовавшіе за нимъ главные директоры Императорскихъ театровъ давали директорамъ Московскихъ театровъ болѣе свободы, вести дѣла по собственному своему усмотрѣнію и умѣнію.

Въ концѣ 1860 года директоромъ Московскихъ театровъ былъ назначенъ старый мой знакомый, камергеръ *Леонидъ Ѳеодоровичъ Львовъ* (см. стр. 69), къ которому, конечно, я поспѣшилъ тотчасъ, какъ только узналъ о его пріѣздѣ. Первое время, пока Львовъ не осмотрѣлся и входилъ въ дѣла управленія театрами, онъ жилъ въ Москвѣ безъ семейства своего, что однако же не мѣшало ему завести у себя квартетные вечера, въ которыхъ

---

[1]) Леонидъ Ѳеодоровичъ игралъ очень хорошо на этомъ инструментѣ.

участвовали лучшіе тогда члены Московскаго опернаго оркестра, между тѣмъ какъ Львовъ самъ игралъ на альтѣ [1]). Помню я, что первую скрипку игралъ г. *Карлъ Кламротъ*, а партію віолончеля г. *Робертъ Эзеръ* (Oeser). Исполнялись преимущественно сочиненія классиковъ Вѣнской школы, да еще и Мендельсона. Новѣйшихъ же сочинителей, по собственному своему признанію, Леонидъ Өеодоровичъ, хотя никакъ не отрицалъ ихъ таланта, напр. Шумана, но въ особенности не жаловалъ. Мои посѣщенія оперы тогда стали еще чаще, потому что я пользовался любезнымъ позволеніемъ новаго директора сидѣть въ его ложѣ, въ которой, слѣдуя за исполненіемъ, мы другъ другу обыкновенно сообщали свои замѣчанія. Это были не только минуты пріятнаго препровожденія времени, но и полезные уроки для меня, потому что ничто не расширяетъ наши воззрѣнія такъ, какъ подобныя разсужденія, взаимно сообщаемыя другъ другу, между двумя искренними любителями искусства: „du choc des oppinions jaillit la vérité“.

Леонидъ Өеодоровичъ Львовъ былъ не только разносторонне образованнымъ человѣкомъ, но имѣлъ также даръ умно и пріятно говорить; а во всей его фигурѣ, въ манерахъ и въ мышленіи своемъ всегда, какъ и прежде, такъ и позже, выказывался истиннымъ джентельменомъ, такъ что онъ могъ всякаго очаровывать, кому только приходилось имѣть какія-либо отношенія къ нему.

Львовъ, жалуясь разъ на то, что критическія замѣтки въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не умѣло пишутся, спросилъ меня, не хочу ли я взять на себя эту часть, и когда я отвѣтилъ, что собственно я-то готовъ заняться этимъ дѣломъ, да не знакомъ съ г. Катковымъ, то сказалъ, что онъ меня отрекомендуетъ редакціи этихъ вѣдомостей. Кто въ то время былъ музыкальнымъ *репортеромъ* или *критикомъ*, я нынѣ уже не помню, редакція же газеты была въ рукахъ *Михаила Никифоровича Каткова*, сообща съ *Павломъ Михаиловичемъ Леонтьевымъ*. Оба эти туза тогдашней журналистики приняли меня весьма привѣтливо, когда я явился съ запискою отъ Леонида Өедоровича и согласились тотчасъ же на мое сотрудничество. Статей объ оперныхъ представленіяхъ на Московской сценѣ писалъ я, впрочемъ, не много, потому что считалъ достаточнымъ анализиро-

вать только первыя лишь исполненія вновь поставленныхъ твореній. Опера, однакоже, была тогда въ Москвѣ далеко не перваго достоинства [1]), такъ что я, изъ числа всего тогдашняго персонала помню нынѣ только имя примадонны, г-жи Семеновой, которая была дѣйствительно довольно замѣчательной пѣвицею. Сопранный голосъ ея былъ весьма объемистый, полнозвучный и хорошо поставленный (такъ какъ она была ученицею К. Л. Кавоса), а техническая выработка его сдѣлали бы честь артисткѣ всякаго опернаго театра. Кромѣ того она имѣла статную фигуру и довольно красивое, симпатичное лицо. Капельмейстеромъ состоялъ г. *Штуцманъ* (чехъ или нѣмецъ, навѣрное не помню), недурный музыкантъ и дирижеръ, но который оказался уже нѣсколько небрежнымъ и устарѣлымъ въ своемъ дѣлѣ, да, къ сожалѣнію, имѣлъ слабость иногда черезчуръ дружиться съ Вакхомъ. За исключеніемъ же этихъ недостаточковъ былъ онъ весьма любезный и добрый малый и персоналъ оперы его любилъ. Что же касается оркестра, то, хотя въ немъ и находилось не мало выдающихся артистовъ, какъ напр., скрипачи гг. *Крамлотъ* и *Шрадекъ*, віолончелисты гг. *Эзеръ* и *Гёшель*, флейтистъ г. *Бюхнеръ* и др., но настоящаго ансамбля не было, быть можетъ оттого, что г. Штуцманъ уже находился внѣ состоянія справляться со своимъ дѣломъ, или же и оттого, что въ составѣ оркестра, по прежде господствовавшему общему безпорядку во время предшественника Львова въ управленіи Московскими театрами (А. Н. Верстовскаго) [1]), обрѣталось также еще и не мало „артистовъ“ не только посредственныхъ, но даже и ниже посредственности. Львовъ и началъ мало по малу исправлять найденные имъ безпорядки эти, но дѣло не могло совершиться такъ скоро; къ тому же мѣшало ему иногда и само высшее его начальство въ Петербургѣ, къ протекціи котораго нѣкоторые изъ тѣхъ индивидуумовъ съумѣли таки найти заднія дверцы. Леонидъ Ѳеодоровичъ въ позднѣйшіе годы далъ мнѣ читать свои „Замѣтки“ о времени его управленія Московскими

---

[1]) Тенора *Бантышева* и басса *Лаврова* тогда уже не было въ живыхъ, равно какъ и высокоталантливаго капельмейстера *Іоганниса*.

[1]) Онъ вышелъ въ отставку осенью 1861-го года, а чрезъ годъ умеръ на 64-мъ году своей жизни.

театрами, и тамъ встрѣчались многіе весьма любопытные факты въ отношеніи вышеупомянутаго. Было бы очень желательно, увидѣть эту тетрадку помѣщенною въ какомъ-нибудь изъ нашихъ историческихъ журналовъ.

Съ редакціею „Московскихъ Вѣдомостей“ я во время моего, впрочемъ не долгаго, сотрудничества находился въ хорошихъ ладахъ; Михаилъ Никифоровичъ бывалъ очень привѣтливъ, а Павелъ Михаиловичъ оказывалъ мнѣ даже нѣкоторое расположеніе. Это послѣднее было отчасти послѣдствіемъ одной моей статьи о мѣрѣ участія и значеніи музыки въ древнихъ эллинскихъ театрахъ во время Перикловской эпохи. Статья эта была напечатана въ „прибавленіяхъ“ къ Московскимъ Вѣдомостямъ [2]). Говорить о внѣшности и о характерахъ этихъ двухъ всей Россіи хорошо знакомыхъ литераторовъ недавно прошедшаго времени, считаю я излишнимъ, такъ какъ о томъ очень много уже написано гораздо болѣе меня компетентными людьми. О политическихъ дѣлахъ я съ ними никогда не разговаривалъ; но разсужденія ихъ съ другими лицами въ моемъ присутствіи по неволѣ слышалъ и казалось мнѣ (какъ и нынѣ еще мнѣ кажется), что воззрѣнія ихъ на политическія дѣла, должно быть, клонились не всегда къ одному и тому же принципу. Впрочемъ, это не мое дѣло!

Втеченіе этихъ двухъ лѣтъ жилъ я у старшаго брата своего Ивана, занимая въ нанятомъ имъ, для своей тогда еще частной школы глухонѣмыхъ, небольшую комнатку. Ивану Карловичу желалось усовершенствовать свой методъ обученія глухонѣмыхъ мальчиковъ живому разговору и онъ поэтому спросилъ совѣта моего, такъ какъ онъ зналъ, что я въ качествѣ учителя пѣнія занимался, вѣдь, толико изслѣдованіемъ естественныхъ законовъ правильнаго произношенія. Я и взялся, механически указывать мальчикамъ, какъ должно правильно дышать и ударять выдыхаемымъ воздухомъ въ глотку для воспроизведенія ясныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, и въ особенности для воспроизведенія гласныхъ буквъ; а затѣмъ объяснялъ имъ есте-

[2]) Извѣстно, что Леонтьевъ преимущественно занимался изысканіями по части древней эллинской культуры. Это было его любимымъ конькомъ. О необычайной его эрудиціи по этой части явно свидѣтельствуетъ издававшійся подъ его редакціею сборникъ (въ многихъ томахъ) подъ названіемъ „Пропилеи“.

ственное произношеніе согласныхъ буквъ помощью разнаго положенія губъ, языка и проч. Для вящщей наглядности братъ мой задумалъ нарисовать изображенія этихъ разныхъ положеній, и я долженъ былъ, ради этой цѣли, позировать предъ нимъ втеченіе нѣскольких дней, т. е. служить ему „моделью“ или „натурой,“ для рисованія тѣхъ положеній внѣшнихъ и внутреннихъ частей рта. Эти таблицы (ибо ихъ было нѣсколько) съ упомянутыми изображеніями вѣроятно и теперь еще хранятся въ библіотекѣ нынѣшняго „Московскаго Арнольдовскаго училища для глухонѣмыхъ дѣтей“. Вотъ и приступили мы, вдвоемъ съ братомъ, къ дѣлу слѣдующимъ порядкомъ. Я брату объяснялъ, чего я требую, а онъ переводилъ мальчикамъ мои слова на пантомимный языкъ, какой обыкновенно употребляется глухонѣмыми для взаимныхъ объясненій; затѣмъ я, подходя отдѣльно къ каждому мальчику, налагалъ палецъ на внѣшнюю часть кадыка, какъ разъ противъ той внутренней точки, въ которую слѣдуетъ ударять вздыхаемымъ воздухомъ, и заставлялъ повторять эти удары [1]) до тѣхъ поръ, пока не получался ясный, отчетливый звукъ на букву *а* или *о*, безъ различія. Тогда я кивалъ имъ головою въ знакъ, что я доволенъ; а братъ ихъ спрашивалъ, поняли ли и помнятъ ли то, что имъ объяснено? Когда послѣдовалъ утвердительный знакъ, то онъ имъ приказывалъ упражняться въ голосовыхъ удареніяхъ. Эти упражненія исполнялись при мнѣ, и если что-либо у кого выходило не хорошо, то я тѣмъ же механическимъ способомъ поправлялъ ошибку въ дѣйствіи ударенія воздуха, пока мальчики наконецъ не привыкли къ издаванію твердаго звука. Такимъ образомъ добились мы, конечно съ не малымъ трудомъ, что ученики школы чрезъ годъ могли, хотя медленно и нѣсколько глухимъ, какъ бы сиплымъ голосомъ, ясно и внятно говорить [2]). Это не арабскія сказки, потому что, какъ я думаю, есть еще въ Москвѣ не мало стариковъ, которые въ то время слышали, какъ ученики брата говорили и какъ они наконецъ даже привыкли къ различенію, зрѣніемъ, разныхъ положеній и дѣйствій губъ, и языка до того,

---

1) Coups de glotte, удары въ связки.

2) Таково было начало развитаго мною позже въ систему. *Физіологическаго метода постановки пѣвческаго голоса* (il metter la voce).

что даже свободно „улавливали“ *однимъ лишь зрѣніемъ* слова съ выговора другихъ лицъ, если послѣдніе произнашивали правильно и не скоро [3]).

Этими опытами наученія произношенію словъ механическимъ способомъ указанія интересовался, между прочимъ, также и тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа, свиты Его Величества генералъ-майоръ *Николай Васильевичъ Исаковъ*, бывшій впослѣдствіи главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. По этому поводу я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ и вести иногда разговоры о музыкальной педагогіи. Послѣдствіемъ того было, что Николай Васильевичъ предложилъ мнѣ, изложить письменно планъ музыкальнаго института для образованія не только виртуозовъ, но также (и преимущественно) хорошихъ, основательныхъ *учителей и учительницъ музыки*. Само собой разумѣется, что я съ восторгомъ ухватился за эту идею и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль,—конечно, не безъ совѣщательныхъ переговоровъ съ высоко уважаемымъ Николаемъ Васильевичемъ,—составилъ подробный планъ и уставъ подобнаго института, который имѣлъ состоять подъ высшимъ надзоромъ попечителя Московскаго округа народнаго просвѣщенія. Называться же этотъ институтъ долженъ былъ *музыкальной академіею* и состоять изъ двухъ *совершенно разрозненныхъ* отдѣленій, мужскаго и женскаго, каждое съ особеннымъ планомъ распредѣленія уроковъ Я даже имѣлъ уже въ виду подходящій подъ эти условія домъ (близь Патріаршихъ прудовъ), который состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ флигелей съ особенными входами, да и въ самомъ проектѣ строго соблюдалось намѣреніе, чтобы этого рода *общее* преподаваніе учебныхъ предметовъ не могло подавать ни малѣйшаго повода къ интимному сближенію учениковъ

---

[3]) Одного изъ этихъ бывшихъ тогда учениковъ брата, Ивана Филипповича Изотова встрѣчалъ я позже (въ 80-тыхъ годахъ) довольно часто въ Петербургѣ, когда я туда пріѣзжалъ. Онъ служилъ чиновникомъ въ III отдѣленіи собств. Е. И. В. канцеляріи и былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства и до сихъ поръ еще *говоритъ*, хотя уже не такъ ясно и отчетливо, какъ когда былъ 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. И. Ф. Изотовъ, вѣроятно помнитъ еще тѣ *механическіе пріемы* обученія, и какъ мы, съ братомъ, заставляли ихъ говорить хоромъ гимнъ „Боже Царя храни“ въ тактъ подъ моимъ дирижерствомъ.

одного отдѣленія съ ученицами другаго отдѣленія. Этотъ проэктъ Николай Васильевичъ Исаковъ представилъ при поданномъ мною формальномъ прошеніи тогдашнему министру народнаго просвѣщенія кн. *Ширинскому-Шихматову*, препровождая свое представленіе съ весьма тепло-сочувственнымъ одобреніемъ съ своей стороны. Его сіятельство, г. министръ изволилъ отказать на отрѣзъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „отъ общаго для обоего пола заведенія угрожаетъ опасность моральному состоянію учащихся.“— Въ 1862-мъ же году министерства внутреннихъ дѣлъ департаментъ *исполнительной полиціи* разрѣшилъ Русскому музыкальному обществу, учредить музыкальныя консерваторіи и школы *безъ всякаго раздѣленія по полу*, какъ онѣ и по сію пору еще существуютъ—и здравствуютъ.

LI.

1861—1863 г. Любопытная исторія моей увертюры къ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ.“—Віолончелистъ Карлъ Шубертъ.—Студенческіе безпорядки въ Петербургѣ. — Мой разговоръ съ графомъ П. А. Шуваловымъ —Переселеніе въ Петербургъ.—П. П. Усовъ, редакторъ „Сѣверной Пчелы“ приглашаетъ меня въ музыкальные критики. — Оперы Итальянская и Русская. — Мои лекціи объ исторіи музыки.—Концертъ Рихарда Вагнера.—Я уѣзжаю за границу.

Еще, когда я жилъ въ деревнѣ, мнѣ пришла мысль написать музыкальныя картины къ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“; но такъ какъ для созрѣнія какихъ либо идей всегда нужно извѣстное время, то и не приходилось исполнить мое намѣреніе. По пріѣздѣ же въ въ Москву мое творчество получило немалый толчекъ отъ слушанія оперныхъ исполненій и вслѣдствіе того еще осенью 1860 года написалъ я увертюру къ оной драмѣ, въ которой я постарался выразить звуками главные моменты Пушкинскаго творенія. Для этой цѣли составилъ я себѣ напередъ нѣчто въ родѣ краткаго письменнаго изложенія, которое должно было мнѣ служить руководствомъ въ изображеніи моей музыкальной картины. Такимъ образомъ вышло сочиненіе, какое нынѣ называютъ „програмною музыкою“. Но это не было подражаніе *Вагнеровскому стилю*, о которомъ я тогда не имѣлъ еще ни-

какого понятія, а скорѣе подражаніе *Глинкѣ*, который, вѣдь, также въ своей музыкѣ къ драмѣ Кукольника „Князь Холмскій" старался передавать главные моменты самой драмы. Эту увертюру просилъ я Н. Гр. Рубинштейна исполнить въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ Московскаго Отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества. Николай Григорьевичъ далъ мнѣ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „по уставу Русскаго Музыкальнаго Общества, кромѣ сочиненій *извѣстнѣйшихъ* Европейскихъ композиторовъ, положено исполнять творенія также *Русскихъ* сочинителей. Отъ исполненія же *моей* музыки, по его мнѣнію, могло бы выйти нѣкоторое недоразумѣніе со стороны публики, такъ какъ *отчество-то и фамилія* моя слишкомъ уже указываютъ на *иностранное мое происхожденіе*; но онъ не прочь, прибавилъ онъ, продирижировать самъ лично эту увертюру въ какомъ нибудь, когда представится случай, *частномъ* концертѣ [1]". Противъ какихъ-бы то ни было „резоновъ" я не имѣлъ и не имѣю привычки возставать, хотя въ мысляхъ своихъ я и не удерживаюсь отъ *логическаго* ихъ разбора. Увертюра моя такъ и осталась безъ всякой надежды, быть исполненою въ концертахъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Нѣсколько недѣль позже Московская публика была однако же, угощена сочиненіями г. *Карла Карловича Альбрехта* (какое-то Larghetto) и г. *Франца Бюхнера* (увертюра къ драмѣ же Пушкина „*Борисъ Годуновъ*"). Оба же безсомнѣнно многопочтенные гг. композиторы были, однакоже, безъ всякаго спора уже впрямъ, не только *нѣмцы* но и *подданные иностранныхъ* государствъ, да и не слыхалъ я никогда и ни отъ кого, чтобы они имѣли дѣйствительное право считаться „извѣстными Европейскими" музыкальными творцами. Дѣлать коментарій, къ этому эпизоду, считаю излишнимъ; это я предоставляю многоуважаемымъ моимъ читателямъ. Затѣмъ весною 1862 года, въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Петербургъ, имѣлъ я честь представить г. директору С.-Петербургской консерваторіи и председателю дирекціи С.-Петербургскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго Общества г. *Антону Григорьевичу Рубинштейну* ту же увер-

---

[1]) Это обѣщаніе было имъ исполнено въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года съ весьма большой любезноктью съ его стороны, когда *я самъ* устроилъ частный концертъ.

тюру „Борисъ Годуновъ“ на разсмотрѣніе, съ просьбую таки опять о допущеніи этого сочиненія къ исполненію въ одномъ изъ концертовъ сказаннаго отдѣленія. Г. Рубиштейнъ, съ всегдашней его любезной учтивостью, обѣщалъ сообщить мою просьбу дирекціи Русскаго музыкальнаго общества и увѣдомить меня въ свое время о послѣдуемомъ рѣшеніи. Дѣйствительно, получилъ я черезъ нѣсколько нѣдѣль приглашеніе явиться на назначенную „*испытательную репитицію*“ какъ моей увертюры, такъ и сочиненій нѣкоторыхъ другихъ Русскихъ композиторовъ, которая (т. е. репитиція) должна была состояться въ одной изъ залъ Михайловскаго дворца. Репетиція состоялась въ свое время, и по окончаніи ея г. Рубинштейнъ спросилъ присутствовавшихъ тутъ же композиторовъ (въ томъ числѣ и меня): „довольны ли вы“? Не знаю я, что отвѣтили другіе, но я сказалъ откровенно, что я доволенъ настолько, насколько вообще можно ожидать удовлетворенія отъ какой-нибудь *первой* репетиціи a prima vista. Этимъ пока дѣло и кончилось, а затѣмъ сочиненія поступили на обсужденіе комитета. Когда я, вскорѣ послѣ того, окончательно переѣхалъ въ Петербургъ, то получилъ оффиціальное отъ дирекціи Русскаго Музыкальнаго Общества сообщеніе, что мое сочиненіе комитетомъ найдено „неудобнымъ къ исполненію“. Такъ какъ сказанное выраженіе этого рѣшенія мнѣ показалось слишкомъ *темнымъ* для моего понятія, то я отправился къ г. Рубинштейну и прямо спросилъ о смыслѣ этого загадочнаго рѣшенія, а именно: заключается ли таковое „неудобство“ въ какой либо безграмотности музыкальной, или же въ какихъ либо техническихъ неудобствахъ? Антонъ Григорьевичъ весьма коротко и категорически мнѣ отвѣтилъ: „комитетъ не обязанъ входить въ объясненія“.—Этимъ величественно соизволеннымъ отвѣтомъ,— конечно, пришлось мнѣ невольно довольствоваться!

Между тѣмъ одинъ изъ членовъ комитета, много извѣстный віолончелистъ *Карлъ Шубертъ*, выразивъ мнѣ сожалѣніе свое объ этомъ рѣшеніи комитета Русскаго Музыкальнаго Общества, просилъ меня посѣтить его. Выбравъ досужную минуту я и зашелъ къ нему. Шубертъ сказалъ мнѣ, что увертюра ему очень понравилась и чтобы я не унывалъ, а хлопоталъ бы, если я найду къ тому возможность, объ исполненіи моего сочиненія гдѣ нибудь заграницей, напр. въ Лейпцигѣ, гдѣ живетъ родной братъ

его, Юлій Шубертъ, представитель весьма извѣстной музыкально-торговой фирмы. При этомъ онъ совѣтывалъ мнѣ, сдѣлать кой какія сокращенія въ моей увертюрѣ, напр. замѣнить повтореніе фугато какою нибудь другою мыслією, отчего сочиненіе много бы выиграло. Я благодарилъ за истинно дружескій совѣтъ, и вмѣсто онаго повторенія фугато вставилъ эпизодъ ларгетто, имѣющее изобразить канонизацію умерщвленнаго царевича Дмитрія. Въ этомъ то видѣ увертюра и была исполнена, въ 1863 году, сначала въ Зондерсгаузенѣ и въ Лейпцигѣ, а позже еще и во многихъ другихъ городахъ [1]) да и судя по отзывамъ разныхъ мѣстныхъ газетъ, кажется, не безъ нѣкотораго успѣха.

Въ началѣ весны 1862 года получилъ я изъ Петербурга отъ своей сестры сообщеніе, что по случаю бывшихъ студентскихъ какихъ-то безпорядковъ было арестовано много студентовъ, въ томъ числѣ вѣроятно и сынъ мой Владиміръ, такъ какъ нѣсколько дней уже онъ не приходилъ домой. Вслѣдствіе того, конечно, поскакалъ я опрометью въ Петербургъ и прямо на квартиру сына. Квартирная его хозяйка подтвердила фактъ, что вотъ уже цѣлую недѣлю нѣтъ Владиміра Юрьевича, и что комната его была обыскана и заперта квартальнымъ надзирателемъ, который и взялъ ключъ съ собою. Отправился я къ г. надзирателю и попросилъ отпереть мнѣ комнату, такъ какъ я желаю помѣститься въ ней. Г. надзиратель отвѣтилъ, что ключа мнѣ дать онъ не имѣетъ права, а на вопросъ мой: гдѣ же мой сынъ? сказалъ, что онъ ничего не знаетъ и не угодно ли мнѣ справляться въ канцеляріи г. оберъ-полицеймейстера. Нечего было дѣлать, а пришлось поѣхать, куда указано было; но и тамъ я получилъ отвѣтъ, что знать ничего они не знаютъ, и что отвѣтъ я могу получить токько въ III-мъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества, начальникомъ каковаго управленія въ то вре-

[1]) Между прочимъ также два раза въ Петербургѣ и раза три въ Москвѣ въ послѣднихъ предъ симъ годахъ, и я могу только благодарить какъ гг. членовъ оркестровъ, такъ и публику и гг. репортеровъ: первые не находили ничего „неудобнаго“ въ этой увертюрѣ, вторая вознаградила автора обильными рукоплесканіями, а послѣдніе даже весьма недурно отзывались о моемъ музыкальномъ продуктѣ. Не признавать же меня настоящимъ сыномъ матушки Россіи и подавно никому въ голову не приходило.

мя былъ генералъ-адъютантъ гр. *П. А. Шуваловъ.* Отправился я къ его сіятельству и даже въ томъ же самомъ костюмѣ, въ которомъ я совершилъ свой проѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ, т. е. въ національно-русской одеждѣ, какая тогда была въ модѣ въ нашемъ литературномъ кругу. Графа еще не было въ канцеляріи, и потому я дожидался его вмѣстѣ съ другими просителями въ общей пріемной залѣ. Наконецъ пріѣхалъ генералъ и вѣроятно мой костюмъ его поразилъ болѣе всего, такъ какъ онъ прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ, чего мнѣ угодно? Я объяснилъ ему все вышеизложенное, и почтительнѣйше просилъ, дать мнѣ свѣдѣнія, гдѣ находится мой сынъ. Графъ весьма учтиво, но категорически сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, а затѣмъ, повидимому, желая прекратить всякій дальнѣйшій разговоръ со мною, хотѣлъ направиться къ дверямъ, ведущимъ въ его кабинетъ. Здѣсь я долженъ спросить у многоуважаемаго читателя, чтó сдѣлалъ бы онъ на моемъ мѣстѣ? т. е. на мѣстѣ *отца*, сильно встревоженнаго вѣстію объ исчезнувшемъ сынѣ и нарочно прикатившаго изъ Москвы для узнанія, куда дѣвался молодой человѣкъ пропавшій вдругъ безъ вѣсти? По крайней мѣрѣ у меня въ тѣ минуты на умѣ ничего другаго не было, кромѣ твердаго рѣшенія: непремѣнно и во что бы то ни стало узнать, гдѣ мой сынъ. По этой причинѣ я и не задумался, перебить дорогу гр. Шувалову (готовъ я каяться въ этомъ, если какой-либо *отецъ* и впрямь найдетъ мой поступокъ излишне дерзкимъ!) и сказалъ: ваше сіятельство, не только по Божьему велѣнію, но и по сущему смыслу нашихъ государственныхъ законовъ—всякій отецъ обязанъ заботиться о пропавшемъ безъ вѣсти своемъ сынѣ, а потому и имѣетъ полное право, требовать свѣдѣній о немъ у тѣхъ лицъ, на которыхъ ему указано, что единственно они могутъ дать ему эти свѣдѣнія. По этому да проститъ мнѣ ваше сіятельство, если я рѣшительно объявлю, что не иначе уйду отсюда, какъ только получивши положительный отвѣтъ. Графъ пытливо, но не сердито, посмотрѣлъ на меня и потомъ весьма учтиво мягкимъ голосомъ пригласилъ меня за собою въ его кабинетъ. Тутъ объяснилъ онъ, что вслѣдствіе извѣстныхъ студентскихъ безпорядковъ предъ университетскимъ зданіемъ часть бывшихъ тамъ студентовъ была отправлена въ крѣпость; но что вѣроятно, послѣ вскорѣ ожидавшагося тогда пріѣзда Государя Императора изъ Крыма, они

будутъ выпущены на поруки. Къ этому онъ прибавилъ, что вспомнилъ теперь, будто сына моего взяли между прочимъ за то, что онъ за недѣлю передъ тѣмъ читалъ печатный циркуляръ, который былъ разосланъ, нѣсколько времени тому назадъ, отъ какого-то тайнаго общества по городской почтѣ разнымъ обывателямъ Петербурга. На это позволилъ я себѣ замѣтить графу, что экземпляръ читанный моимъ сыномъ, безсомнѣнно только могъ быть тотъ самый, который былъ адресованъ не на имя его,—а *ко мнѣ*; ибо циркуляры эти, какъ его сіятельству не безъизвѣстно, были разосланы именно ко всѣмъ лицамъ, которыя или занимали какое-либо извѣстное положеніе, или которыя принадлежали къ литературнымъ дѣятелямъ; а такъ какъ именно-то двѣ недѣли тому назадъ я былъ въ Петербургѣ по дѣламъ и квартировалъ тогда у моего сына, то письмо съ тѣмъ циркуляромъ и было адресовано по мѣсту моего жительства, т. е. на квартиру моего сына. Но въ такомъ же случаѣ (прибавилъ я) слѣдуетъ, по всей точности законной буквы, арестовать *всѣхъ*, кто получали, конечно, *безъ* и даже *противъ* ихъ желанія, экземпляры того циркуляра; слѣдовательно и меня, и весьма многихъ другихъ еще, а равномѣрно — да проститъ меня ваше сіятельство!—и васъ самихъ; ибо, безъ всякаго сомнѣнія, и вы также, какъ лицо занимающее важный постъ, изволили получить, *безъ* и *противъ* вашего желанія, экземпляръ того гнуснаго циркуляра. Графъ разсмѣялся и, повторяя выше имъ сказанное, весьма любезно старался меня успокоить. На мою просьбу, могу ли я хоть снабжать моего сына бѣльемъ и теплой одеждой? графъ съ удовольствіемъ согласился и сказалъ, чтобы я приготовилъ все нужное, да представилъ бы въ канцелярію его; а для того, чтобы отперли мнѣ комнату сына, снабдилъ меня запискою къ г. оберъ-полицеймейстеру. Извѣстно, что все это студентское дѣло, тотчасъ по пріѣздѣ Государя Императора, было улажено и отъ всей этой исторіи не осталось въ моей памяти ничего такого, о чемъ бы приходилось мнѣ скорбѣть; напротивъ того, я всегда съ удовольствіемъ и съ искренной благодарностью вспоминаю о гуманной любезности *гр. П. А. Шувалова* и питаю къ нему высокое уваженіе, какъ къ настоящему въ полномъ смыслѣ джентельмену.

Въ этотъ самый пріѣздъ мой въ Петербургъ случилось, что

новый редакторъ газеты „Сѣверная Пчела“ *Павелъ Петровичъ Усовъ* предложилъ мнѣ поступить къ нему сотрудникомъ по части рефератовъ объ оперныхъ представленіяхъ, вслѣдствіе чего я окончательно поселился въ Петербургѣ [1]). Г. Усовъ былъ только арендаторомъ газеты, собственникомъ которой всетаки оставался жившій еще въ то время самъ *Николай Ивановичъ Гречъ*. Новая моя должность была какъ разъ мнѣ по нраву, потому что давала мнѣ возможность часто посѣщать Итальянскую и Русскую оперы, до чего я въ то время былъ ярымъ охотникомъ. Итальянская труппа блистала тогда все еще своимъ тщательно избраннымъ составомъ,—хотя этотъ составъ и долженъ былъ нѣсколько уже уступить прежнему 40-хъ годовъ. Изъ пѣвцовъ послѣдне-упомянутой эпохи остался одинъ лишь *г. Тамберликъ*. Новыми же выдававшимися членами этой труппы явились г-жи: *Барбó* и *Нантье-Дидье*, и гг.: *Граціани* (баритонъ), *Эверарди* (бассо-кантанте), *Де-Бассини* (бассо-профондо) и др. Это были уже пѣвицы и пѣвцы *ново-итальянской* школы. Чтобы читателямъ стало понятнымъ это выраженіе, я считаю себя обязаннымъ дать маленькое объясненіе на счетъ разницы между старой и новой итальянской пѣвческой школою. Цѣлью старой школы, — принципы которой какъ извѣстно, возъимѣли свое начало съ XVII-го еще вѣка,—было сколь возможное развитіе *красоты* и *полноты* звука и *совершенной техники*, при *естественной* выразительности относительно аффектовъ; ново-итальянская же школа, хотя и стремится также къ сценической выразительности, но съ прибавкою нѣкоторой доли *разсчета на внѣшній эффектъ*, отчего обращаетъ свое вниманіе не столько на красоту самыхъ звуковъ и на высшее усовершенствованіе техники, сколько на *усиливаніе звуковъ* помощію умножаемой работы легкихъ. Послѣдствіемъ этой манеры оказалось не то, чтобы голосъ получалъ *болѣе полноты въ звучаніи*, а только то, что звучаніе это выказываетъ болѣе *рѣзкій характеръ*, да кромѣ того, эта новая манера звукорожденія приводитъ пѣвца или пѣвицу къ излишнему *дрожанію* звуковъ, т. е. къ *постоянному тремолированію* [1]) отъ слишкомъ сильнаго *напора*

---

[1]) Въ началѣ жилъ я нѣсколько недѣль у упомянутаго уже выше шурина моего сына Максимиліана, т, е. у литератора *М. А. Загуляева*.

[1]) Что тѣмъ, кто не знакомъ съ *эстетическими* требованіями искусства

большаго количества издыхаемаго воздуха на голосовыя связи и отъ послѣдующаго, вслѣдствіе того, *напряженія верхне-грудныхъ мускуловъ.* Таковое *неправильное* удареніе въ голосовыя связки имѣетъ, кромѣ того, то злополучное послѣдствіе, что, требуя свыше мѣры сильнаго дѣйствія легкихъ и голосовыхъ связокъ, оно ослабляетъ пѣвческіе органы ранѣе естественнаго срока, вслѣдствіе чего эти органы не въ состояніи долго удерживать первородныя способности къ производству чистыхъ звуковъ должнаго тембра. Оттого мы и видимъ, что послѣдователи *новой* школы наибольшей частію послѣ сороковыхъ уже годовъ своей жизни (а иногда и раньше еще) должны распрощаться съ своей карьерою, между тѣмъ, какъ послѣдователи *старой* школы, переступивъ и за предѣлы шестаго даже десятка лѣтъ, все еще умѣли восхищать своихъ слушателей. Не говорю я уже о самой техникѣ, настоящее сглаживаніе и отчетливость которой возможны единственно только *при безупречной постановкѣ голоса, безъ всякаго излишняго содѣйствія верхне-грудныхъ мускуловъ.*

Изъ вновь поставленныхъ на сценѣ Итальянской оперы твореній обратило на себя мое особенное вниманіе явившаяся, кажется въ январѣ мѣсяцѣ 1863 года, опера Верди „La Sforza del destino;“ но не тѣмъ, чтобы она отличалась новизною и особымъ эстетическимъ или техническимъ достоинствомъ, а тѣмъ, что не говоря уже о стоимости богатѣйшей, роскошной постановки ея, было заплачено чистыми деньгами автору *иностранцу двадцать двѣ тысячи рублей серебромъ* за право исполненія ея на сценѣ, между тѣмъ какъ высшей цѣною за *Русское* произведеніе, по уставу Императорскихъ театровъ, значилось не болѣе *полторы тысячи* рублей. Какого собственнаго-то калибера была эта, столь расточительно вознагражденная и обставленная музыкально-драматико-фабричная работа, явствуетъ изъ того, что эта опера, не смотря на безпощадныя рекламы, *ни на какой сценѣ* нашего европейскаго материка, разъ *болѣе двухъ-трехъ не давали*, а лѣтъ чрезъ пятнадцать по рожденіи сего „творенія“ даже и названіе его оказалось совершенно уже забытымъ!

и съ *устройствомъ* пѣвческихъ органовъ, ошибочно принимается за признакъ „пѣнія съ *чувствомъ*“ и „высокаго *драматизма*“.—*Истинное* драматическое *vibrato* звучитъ *иначе*, да пѣвцы настоящей *великой* школы имъ *не злоупотребляютъ.*

Въ Русской оперной труппѣ изъ старыхъ артистовъ прежнихъ годовъ остались еще двое только: вѣчный любимецъ публики *О. А. Петровъ* и г. *Гулакъ-Артемовскій*. Въ 40-хъ же годахъ поступили на нашу оперную сцену не мало новыхъ лицъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ талантомъ, между которыми слѣдуетъ упомянуть контральтистку *Д. М. Леонову*; теноровъ гг. *Булахова* и *Сѣтова*; бассо-профондо г. *Васильева 1-го*, да высокаго баритона г. *Гумбина*. Сопранистокъ дѣйствительно въ тѣ годы не оказалось: г-жа *Латышева* была полезная артистка-труженица, а у г-жи *Булаховой* былъ слабенькій и жиденькій, словно дѣтскій голосокъ, но она была очень мила лицемъ; помню я только ихъ старанія исполнять добросовѣстно свои роли по силѣ возможности. Не знаю и даже не слыхалъ никогда, у кого обучалась пѣнію г-жа *Леонова*; знаю только, что партіи въ операхъ Глинки и Даргомыжскаго авторы сами проходили съ нею; и должно отдать ей справедливость, что она довольно талантливо и довольно вѣрно сумѣла передавать то, чему Глинка и Даргомыжскій ее выучили; а такъ какъ у нея отъ природы голосъ былъ богатый какъ объемомъ и тембромъ, такъ и полнозвучностью, то она ярко отличалась отъ другаго женскаго персонала. Но случалось мнѣ слышать отъ нея также и такія партіи, которыя она сама отъ себя разучивала; тогда (какъ я въ свое время не преминулъ упомянуть въ своихъ рефератахъ) исполненіе ея не такъ соотвѣтствовало видимымъ интенціямъ композиторовъ, хотя голосовыми средствами она не хуже располагала, какъ и въ партіяхъ изъ оперъ Глинки и Даргомыжскаго. Этого-то самого обстоятельства нельзя, кажется, иначе объяснить, какъ только тѣмъ предположеніемъ, что г-жа Леонова настоящаго основательнаго пѣвчески-образовательнаго курса не проходила. Г. *Сѣтовъ* (собственно-то по фамиліи Сетгоферъ) уроженецъ г. Москвы и бывшій студентъ тамошняго университета, владѣлъ довольно объемистымъ теноровымъ голосомъ и довольно ловкой сценической игрою; но тембръ голоса имѣлъ нѣкоторый носовой оттѣнокъ, который скрывался только на нотахъ forté. Онъ также показался мнѣ скорѣе пѣвцомъ-натуралистомъ, чѣмъ правильно вышколеннымъ, такъ какъ, однако же, онъ былъ хорошій музыкантъ и человѣкъ образованный, то можно было слушать его даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. У г. *Булахова* былъ небольшой лирическій теноръ и голосъ его былъ

довольно правильно поставленъ (онъ былъ ученикомъ театральной школы); тембръ этого голоса былъ пріятный, нѣсколько слащавый, но слабый, да и пѣвалъ онъ, хотя съ музыкальной аккуратностію, но безжизненно, равно какъ и сценическая игра его отзывалась апатичнымъ исполненіемъ принятой на себя должности, которой не любишь. У басса г. *Васильева* напротивъ былъ голосъ превосходный; онъ кажется былъ также ученикомъ Петербургской театральной школы и потому поступилъ на сцену довольно хорошо подготовленнымъ для нея; кромѣ того любилъ свое артистическое поприще, и такъ какъ онъ могъ пользоваться, и сколько я помню, дѣйствительно пользовался дружескими совѣтами нашего опернаго ветерана г. Петрова, то исполняемыя имъ партіи бывали передаваемы со стараніемъ и не безсознательно въ музыкальномъ и сценическомъ отношеніи. Наконецъ г. *Гумбинъ*, баритонный голосъ котораго былъ тенороваго характера, и къ тому же весьма обширный, да пріятнаго тембра, хотя и не могъ считаться между особенно выдававшимися пѣвцами, но онъ имѣлъ талантъ поддѣлываться подъ всякіе сценическіе характеры. Поэтому онъ оказался для нашей оперы чрезвычайно полезнымъ или, какъ выражаются театрально техническимъ словомъ, онъ былъ „grande utilité“, т. е. способнымъ и готовымъ на всѣ бо̀льшія или ме́ньшія „выходныя роли“, и тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ состояніи исполнять таковыя роли даже и тогда, когда онѣ написаны собственно-то хоть для втораго тенора, хоть для перваго басса.

Не смотря на то, что тогдашній составъ Русской оперной труппы, какъ видно, не былъ богатъ первенствующими талантами, все таки представленія національной нашей оперы были далеко не плохія, а скорѣе заслуживали вниманія и симпатіи; дѣло въ томъ, что *ансамбль представленій* бывалъ чрезвычайно аккуратный, дружно сведенный, а потому-то и хорошій; а участвующіе такъ старались, что никто изъ нихъ не заслуживалъ упрека въ совершенной порчѣ своей роли. Это конечно весьма не малой частью оказывалось дѣйствительной заслугою гг. капельмейстера *Лядова* и главнаго режиссера *Кондратьева*. Объ одномъ только нельзя умолчать: на обстановку сценъ и на костюмы для *Русской* оперы Дирекція театровъ на столько же высказывала себя скупою мачехою, на сколько она была безразсчетно

[illegible] въ *Итальянской* оперѣ: а затѣмъ, [illegible] переводныя оперы были ужъ очень плохи, [illegible] и нынѣ еще часто встрѣчается.

Въ началѣ 60-хъ годовъ появились на Русской оперной сценѣ нѣсколько другихъ еще новыхъ силъ, изъ которыхъ либо сценическимъ талантомъ, либо голосомъ ярко выдавались: г-жа *[illegible]*, о которой уже выше было упомянуто, да гг. *[illegible]* и *[illegible]*. Первоназванная артистка отличалась [illegible] звучнымъ сопраннымъ голосомъ, хорошей пѣвче[illegible] и [illegible] одушевленiи, а кромѣ того и сцениче[illegible], она по заслугамъ считалась украшенiемъ на[illegible] хотя иногда артистическiй ея энтузiазмъ увлекалъ [illegible] въ передачѣ патетическихъ мѣстъ. [illegible] разсказывали, что она пѣвческое и [illegible] образованiе получила въ Вѣнѣ, но у кого [illegible] Въ особенности осталась у меня въ па[illegible] роли Юдиѳи въ оперѣ Сѣрова, въ [illegible] 22-хъ или 23-хъ [illegible]

[illegible]

потому что онъ, кажется, надсадилъ (какъ говорится) свой голосъ на ней; мнѣ по крайней мѣрѣ позже разсказывали, что онъ потерялъ вскорѣ свой голосъ вслѣдствіе именно-то этой роли, и оттого долженъ былъ отказаться отъ сцены. Буде не ошибаюсь, такъ г. Саріоти умеръ весьма еще молодымъ отъ чахотки. По моемъ возвращеніи изъ заграницы въ 1870 году я его уже не встрѣчалъ среди опернаго нашего персонала.

Что же касается *г. Никольскаго*, то драматически-теноровый его голосъ долженъ считаться однимъ изъ тѣхъ необыкновенно рѣдкихъ феноменальныхъ явленій, которыя какъ кометы отъ времени до времени встрѣчаются въ пѣвческомъ мірѣ; но, къ сожалѣнію, изъ него не вышелъ и не могъ даже выйти тотъ великій художникъ, какого бы сталъ ожидать, отъ него, всякій, кто впервые услышалъ этотъ чудный голосъ. Карьера г. Никольскаго довольно любопытная, но у насъ въ Россіи легко встрѣчаемая. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ псаломщикомъ при одной изъ Московскихъ церквей и отличался тогда уже громадной силою своего органа. Кто-то услышавъ его (въ 50-хъ годахъ) сообщилъ Алексѣю Ѳеодоровичу Львову о необычайномъ этомъ голосѣ и тогда предложили г. Никольскому перейти въ свѣтское сословіе и поступить въ Императорскую придворную капеллу, гдѣ онъ и получилъ музыкальное образованіе на сколько того требуется отъ солистовъ оной капеллы; но о прочемъ развитіи его интилигенціи никто не заботился, такъ какъ оно отъ церковныхъ пѣвцовъ обыкновенно и не требуется. Правильной пѣвческой техникѣ онъ довольно скоро, кажется, выучился, но безъ руководства опытнаго учителя всетаки небылъ въ состояніи исполнять что либо съ должнымъ сознаніемъ и этотъ недостатокъ такъ и остался при немъ до конца его карьеры. Не помню я, по чьему совѣту онъ перешелъ на сцену Петербургской Русской оперы, и какимъ образомъ ему удалось, получить разрѣшеніе на оставленіе своего поста въ Императорской придворной капеллѣ. Встрѣтилъ я г. Никольскаго впервые въ концѣ 1861 г., когда онъ, будучи года два уже артистомъ Петербургской оперы, пріѣхалъ въ Москву участвовать въ какомъ-то (не помню) концертѣ, а затѣмъ видѣлся я съ нимъ въ одно утро у Леонида Ѳеодоровича Львова. Голосъ его, въ которомъ звучала какая-то инстинктивная теплота, обворожилъ меня съ перваго раза: тутъ

расточительною въ отношеніи къ *Итальянской* оперѣ; а затѣмъ, признаться, тексты переводныхъ оперъ были ужъ очень плохи, это впрочемъ и нынѣ еще часто встрѣчается.

Въ началѣ 60-хъ годовъ появились на Русской оперной сценѣ нѣсколько другихъ еще новыхъ силъ, изъ которыхъ либо сценическимъ талантомъ, либо голосомъ ярко выдавались: г-жа *Валентина Біанки*, о которой уже выше было упомянуто, да гг. *Саріотти* и *Никольскій*. Первоназванная артистка отличалась прекраснымъ звучнымъ сопраннымъ голосомъ, хорошей пѣвческой школою и огнемъ одушевленія, а кромѣ того и сценическимъ талантомъ; она по заслугамъ считалась украшеніемъ нашей сцены, хотя иногда артистическій ея энтузіазмъ увлекалъ ее до нѣкотораго излишества въ передачѣ патетическихъ мѣстъ. Насколько я помню, то разсказывали, что она пѣвческое и сценическое свое образованіе получила въ Вѣнѣ, но у кого именно, я не слыхалъ. Въ особенности осталась у меня въ памяти передача *г-жею Біанки* роли Юдиѳи въ оперѣ Сѣрова, въ которой она могла удобно выказать и дѣйствительно вполнѣ выказала далеко не малый свой талантъ драматической пѣвицы. *Г. Саріотти* былъ молодой человѣкъ всего только 22-хъ или 23-хъ лѣтъ и родомъ петербуржецъ, хотя изъ итальянскаго семейства. Обладалъ онъ могучимъ бассовымъ голосомъ съ почти бархатнымъ тембромъ; но этотъ голосъ слышимо не былъ правильно обработанъ, да и самъ г. Саріотти оказался довольно слабымъ музыкантомъ, такъ что приходилось ему разучивать свою партію непремѣнно подъ чьимъ-либо тщательнымъ руководствомъ. Для таковаго разучиванія, однакоже, требовалось немалаго времени, потому что сначала г. Саріотти могъ только разучивать по слуха на память, т. е. почти механически. Поэтому я видѣлъ и слышалъ его въ единой только роли, а именно въ роли „Олоферна“ изъ выше упомянутой оперы Сѣрова. Тутъ помогали ему не только капельмейстеръ, но и самъ авторъ и не мало также (въ особенности на счетъ игры) О. А. Петровъ. И впрямь не даромъ пропали труды упомянутыхъ знатоковъ искусства: г. Саріотти, помощію врожденнаго ему таланта, воли и интеллигентной пріимчивости, прекрасно передалъ, какъ пѣніемъ такъ игрою, характеръ разгульнаго вождя Ассирянъ. Но съ другой стороны трудная партія эта оказалась пагубною для молодаго дебютанта,

потому что онъ, кажется, надсадилъ (какъ говорится) свой голосъ на ней; мнѣ по крайней мѣрѣ позже разсказывали, что онъ потерялъ вскорѣ свой голосъ вслѣдствіе именно-то этой роли, и оттого долженъ былъ отказаться отъ сцены. Буде не ошибаюсь, такъ г. Саріоти умеръ весьма еще молодымъ отъ чахотки. По моемъ возвращеніи изъ заграницы въ 1870 году я его уже не встрѣчалъ среди опернаго нашего персонала.

Что же касается *г. Никольскаго*, то драматически-теноровый его голосъ долженъ считаться однимъ изъ тѣхъ необыкновенно рѣдкихъ феноменальныхъ явленій, которыя какъ кометы отъ времени до времени встрѣчаются въ пѣвческомъ мірѣ; но, къ сожалѣнію, изъ него не вышелъ и не могъ даже выйти тотъ великій художникъ, какого бы сталъ ожидать, отъ него, всякій, кто впервые услышалъ этотъ чудный голосъ. Карьера г. Никольскаго довольно любопытная, но у насъ въ Россіи легко встрѣчаемая. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ псаломщикомъ при одной изъ Московскихъ церквей и отличался тогда уже громадной силою своего органа. Кто-то услышавъ его (въ 50-хъ годахъ) сообщилъ Алексѣю Ѳеодоровичу Львову о необычайномъ этомъ голосѣ и тогда предложили г. Никольскому перейти въ свѣтское сословіе и поступить въ Императорскую придворную капеллу, гдѣ онъ и получилъ музыкальное образованіе на сколько того требуется отъ солистовъ оной капеллы; но о прочемъ развитіи его интилигенціи никто не заботился, такъ какъ оно отъ церковныхъ пѣвцовъ обыкновенно и не требуется. Правильной пѣвческой техникѣ онъ довольно скоро, кажется, выучился, но безъ руководства опытнаго учителя всетаки небылъ въ состояніи исполнять что либо съ должнымъ сознаніемъ и этотъ недостатокъ такъ и остался при немъ до конца его карьеры. Не помню я, по чьему совѣту онъ перешелъ на сцену Петербургской Русской оперы, и какимъ образомъ ему удалось, получить разрѣшеніе на оставленіе своего поста въ Императорской придворной капеллѣ. Встрѣтилъ я г. Никольскаго впервые въ концѣ 1861 г., когда онъ, будучи года два уже артистомъ Петербургской оперы, пріѣхалъ въ Москву участвовать въ какомъ-то (не помню) концертѣ, а затѣмъ видѣлся я съ нимъ въ одно утро у Леонида Ѳеодоровича Львова. Голосъ его, въ которомъ звучала какая-то инстинктивная теплота, обворожилъ меня съ перваго раза: тутъ

было все, чего только возможно требовать отъ тенороваго голоса, а именно: необычный объемъ (отъ нижняго La бассоваго до Re сопраннаго на четвертой линейкѣ ключа Sol), необычайная сила при необычайной мягкости, необычайная звуковая полнота темнаго тембра и необычайная отъ природы плавность и ровность регистровъ. Къ сожалѣнію однако же, иногда, въ особенности когда онъ пѣвалъ пѣсни, которыхъ не проходилъ съ нимъ опытный руководитель, слышалось еще нѣсколько вульгарное произношеніе словъ, невольно напоминающаго прежняго дьячка. Когда по переселеніи моемъ опять въ Петербургъ въ 1862-мъ году, какъ уже упомянуто было я переѣхалъ на Большую Мастерскую улицу, то оказалось, что напротивъ меня квартировалъ г. Никольскій, такъ что мы часто встрѣчались на улицѣ. Вотъ разъ встрѣтившись со мною, онъ просилъ меня зайти къ нему и между прочимъ разсказалъ о томъ, что ему приходится разучить роли „Макса" въ оперѣ „Волшебный стрѣлокъ" и „Страделлы" въ оперѣ того же имени (соч. Флотова), но что ему нуженъ руководитель аккомпаніаторъ; что онъ просилъ К. Н. Лядова пройти съ нимъ эти партіи, а тотъ запросилъ по 500 р. за каждую партію, чего онъ не въ состояніи платить, такъ что онъ теперь и не знаетъ, какъ ему быть. Я въ то время ничѣмъ не былъ занятъ, кромѣ своихъ рефератовъ объ оперѣ, и слѣдовательно по утрамъ былъ свободенъ, мнѣ жаль стало Никольскаго и потому я предложилъ ему разучить съ нимъ эти роли, не требуя никакого вознагражденія. Такимъ образомъ я и началъ хаживать къ нему каждое утро и въ теченіе пяти или шести недѣль (какъ не помню въ точности) Никольскій отлично зналъ свои обѣ партіи. Затѣмъ приступилъ я къ пріученію его къ сценической игрѣ при исполненіи пѣнія. По этому то [illegible] мнѣ приходилось много возиться съ нимъ, такъ какъ онъ о позахъ и жестахъ ничего не понималъ, да и довольно трудно передвигался [illegible]; однако же, я довелъ его до того, что движенія его и жесты были не чересчуръ угловаты и вполнѣ оживленны; кромѣ того я раза два сводилъ съ нимъ къ В. В. Самойлову, который, по дружбѣ ко мнѣ, не отказался дать Никольскому и съ своей стороны добрые совѣты. Когда потомъ были въ театрѣ исполнены [illegible] обѣ оперы, тогда въ рефератахъ [illegible] было сказано и о томъ, что замѣтно [illegible]-

кіе успѣхи сдѣлалъ г. Никольскій относительно передачи партій съ неожидаемымъ оживленіемъ какъ въ пѣніи, такъ и въ игрѣ; а г. Рапопортъ въ „Театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ“ упомянулъ кромѣ того еще и о томъ, что г. Никольскій „разучилъ эти роли подъ руководствомъ Юр. К. Арнольда“. Но за эту именно-то замѣтку „пріятель“ т. е. г. Никольскій зѣло разсердился на Ропопорта, да и на меня: „зачѣмъ публикѣ знать про тайну моихъ трудовъ? публикѣ вѣдь дѣла нѣтъ до того, самъ ли онъ, г. Никольскій, дошелъ до успѣха или съ помощью другаго лица!“ Онъ пересталъ даже мнѣ кланяться при встрѣчахъ. Мнѣ, конечно, было это все равно, но забыть про „признательность“ „великаго“ пѣвца я все таки не забылъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ къ намъ въ Петербургъ знаменитый *Рихардъ Вагнеръ* и далъ два концерта въ Большомъ театрѣ, въ одномъ изъ которыхъ былъ и я. Исполнялись отрывки изъ его оперъ; между прочимъ слѣдуетъ упомянуть о „Feuerzauber“, „Sigfried's „Schmiedelied“, „Walkürenritt“ [1]), и увертюру къ оперѣ Tristan und Isolde“. Сказать что либо объ этой музыкѣ, будетъ излишнимъ, такъ какъ музыкальный міръ давно уже оцѣнилъ ее и кромѣ того она не осталась невѣдомой также и для Россіи; но въ то время стиль Вагнера и великое искусство его въ употребленіи подходящихъ оркестровыхъ красокъ не обычайно поражали всѣхъ насъ, кто болѣе или менѣе были въ состояніи слѣдить за этой новизною въ оборотахъ какъ мелодическихъ, такъ и гармоническихъ и въ особенности за тонкостями въ деталяхъ технической обработки. Вагнеръ безсомнѣнно и безспорно геніальный новаторъ, но онъ до того единственъ въ своемъ родѣ, что, по моему убѣжденію, хотя и непремѣнно слѣдуетъ изучать замѣчательныя его творенія и, насколько возможно, присвоивать себѣ данный имъ новый матеріалъ для музыкальной техники, но слѣпо и рабски подражать ему по стилю не слѣдуетъ, потому что всякое подражаніе такого рода выйдетъ всегда неуклюжимъ, слѣдовательно и некрасивымъ, а иной разъ даже и смѣшнымъ.

Мѣсяца черезъ два я, получивъ отъ А. А. Рахманова обѣщанную имъ дружескую субсидію, отправился заграницу.

---

[1]) Всѣ четыре піесы изъ неоконченной тогда еще трилогіи Вагнера „Der Ring der Nibelungen“.

было все, чего только возможно требовать отъ тенороваго голоса, а именно: необычный объемъ (отъ нижняго La бассоваго до Re сопраннаго на четвертой линейкѣ ключа Sol), необычайная сила при необычайной мягкости, необычайная звуковая полнота темнаго тембра и необычайная отъ природы плавность и ровность регистровъ. Къ сожалѣнію однако же, иногда, въ особенности когда онъ пѣвалъ піесы, которыхъ не проходилъ съ нимъ опытный руководитель, слышалось еще нѣсколько вульгарное произношеніе словъ, невольно напоминающаго прежняго дьячка. Когда по переселеніи моемъ опять въ Петербургъ въ 1862-мъ году, какъ уже упомянуто было я переѣхалъ на Большую Мастерскую улицу, то оказалось, что напротивъ меня квартировалъ г. Никольскій, такъ что мы часто встрѣчались на улицѣ. Вотъ разъ встрѣтившись со мною, онъ просилъ меня зайти къ нему и между прочимъ разсказалъ о томъ, что ему приходится разучить роли „Макса" въ оперѣ „Волшебный стрѣлокъ" и „Страделлы" въ оперѣ того же имени (соч. Флотова), но что ему нуженъ руководитель—аккомпаньяторъ; что онъ просилъ К. П. Лядова пройти съ нимъ эти партіи, а тотъ запросилъ по 500 р. за каждую партію, чего онъ не въ состояніи платить, такъ что онъ теперь и не знаетъ, какъ ему быть. Я въ то время ничѣмъ не былъ занятъ, кромѣ своихъ рефератовъ объ оперѣ, и слѣдовательно по утрамъ былъ свободенъ; мнѣ жаль стало Никольскаго и потому я предложилъ ему разучить съ нимъ эти роли, не требуя никакого вознагражденія, Такимъ образомъ я и началъ хаживать къ нему каждое утро и въ теченіе пяти или шести недѣль (нынѣ не помню въ точности) Никольскій отлично зналъ свои двѣ партіи. Затѣмъ приступилъ я къ пріученію его къ сценической игрѣ при исполненіи пѣнія. По этому то дѣлу мнѣ приходилось много возиться съ нимъ, такъ какъ онъ о позахъ и жестахъ ничего не понималъ, да и довольно трудно перенималъ; кой-какъ, однако же, я довелъ его до того, что движенія его и жесты были не черезчуръ угловаты и изрядно оживленны; кромѣ того я раза два съѣздилъ съ нимъ къ *В. В. Самойлову*, который, по дружбѣ ко мнѣ, не отказался дать Никольскому и со своей стороны добрые совѣты. Когда потомъ были въ театрѣ исполнены означенныя двѣ оперы, тогда въ рефератахъ разныхъ газетъ было сказано и о томъ, что замѣтно ка-

кіе успѣхи сдѣлалъ г. Никольскій относительно передачи партій съ неожидаемымъ оживленіемъ какъ въ пѣніи, такъ и въ игрѣ; а г. Рапопортъ въ „Театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ" упомянулъ кромѣ того еще и о томъ, что г. Никольскій „разучилъ эти роли подъ руководствомъ Юр. К. Арнольда". Но за эту именно-то замѣтку „пріятель" т. е. г. Никольскій зѣло разсердился на Ропопорта, да и на меня: „зачѣмъ публикѣ знать про тайну моихъ трудовъ? публикѣ вѣдь дѣла нѣтъ до того, самъ ли онъ, г. Никольскій, дошелъ до успѣха или съ помощью другаго лица!" Онъ пересталъ даже мнѣ кланяться при встрѣчахъ. Мнѣ, конечно, было это все равно, но забыть про „признательность" „великаго" пѣвца я все таки не забылъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ къ намъ въ Петербургъ знаменитый *Рихардъ Вагнеръ* и далъ два концерта въ Большомъ театрѣ, въ одномъ изъ которыхъ былъ и я. Исполнялись отрывки изъ его оперъ; между прочимъ слѣдуетъ упомянуть о „Feuerzauber", „Sigfried's „Schmiedelied", „Walkürenritt" [1]), и увертюру къ оперѣ Tristan und Isolde". Сказать что либо объ этой музыкѣ, будетъ излишнимъ, такъ какъ музыкальный міръ давно уже оцѣнилъ ее и кромѣ того она не осталась невѣдомой также и для Россіи; но въ то время стиль Вагнера и великое искусство его въ употребленіи подходящихъ оркестровыхъ красокъ не обычайно поражали всѣхъ насъ, кто болѣе или менѣе были въ состояніи слѣдить за этой новизною въ оборотахъ какъ мелодическихъ, такъ и гармоническихъ и въ особенности за тонкостями въ деталяхъ технической обработки. Вагнеръ безсомнѣнно и безспорно геніальный новаторъ, но онъ до того единственъ въ своемъ родѣ, что, по моему убѣжденію, хотя и непремѣнно слѣдуетъ изучать замѣчательныя его творенія и, насколько возможно, присвоивать себѣ данный имъ новый матеріалъ для музыкаль ной техники, но слѣпо и рабски подражать ему по стилю не слѣдуетъ, потому что всякое подражаніе такого рода выйдетъ всегда неуклюжимъ, слѣдовательно и некрасивымъ, а иной разъ даже и смѣшнымъ.

Мѣсяца черезъ два я, получивъ отъ А. А. Рахманова обѣщанную имъ дружескую субсидію, отправился заграницу.

---

[1]) Всѣ четыре піесы изъ неоконченной тогда еще трилогіи Вагнера „Der Ring der Nibelungen".

LII.

1870 и 1871 г. Возвращеніе на родину и побужденія къ сему возвращенію раньше чѣмъ я намѣревался.—Я имѣю счастье представиться великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.—Телеграмма Московской консерваторіи и послѣдствія ея.—Я пріѣзжаю въ Москву.—Загадочное поведеніе гг. директора и профессоровъ консерваторіи.—Я смѣло разсѣкаю гордіевъ узелъ.—Открытіе мною музыкальныхъ классовъ.—„Доброжелательныя“ къ нимъ отношенія консерваторской партіи „Тысяча и одна милая штучка:“ не Арабскія, а Московскія волшебныя сказки.

О моей дѣятельности заграницей я говорить здѣсь не стану; для не музыкантовъ она не можетъ имѣть никакого интереса, такъ какъ та дѣятельность не касалась нашего Русскаго общества и тѣ лица, съ которыми я тамъ знакомился и сталкивался, хотя они играли и еще играютъ болѣе или менѣе выдающіяся роли въ Германскомъ музыкальномъ мірѣ, все-таки мало извѣстны въ Россіи. Скажу только вкратцѣ, что я жилъ пять лѣтъ сряду въ Лейпцигѣ и пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность какъ музыкальный писатель и въ особенности какъ сотрудникъ въ „Neue Zeitschrift für Musik“, одномъ изъ главнѣйшихъ музыкальныхъ органовъ всей Европы. Потрудившись таки довольно много на этомъ поприщѣ, я почувствовалъ крайнюю необходимость поправить свое здоровье, почему, по совѣту докторовъ, я отправился въ болѣе южный и къ тому же гористый край, а именно въ городъ Грацъ въ Штиріи. Для объясненія, однакоже, нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ Московской моей жизни, о которыхъ придется начать разсказы, въ этой же главѣ, я нахожу неизбѣжно нужнымъ упомянуть о томъ, что въ Лейпцигѣ я очень близко-дружески сошелся съ однимъ весьма образованнымъ старикомъ, большимъ любителемъ музыки, т.-е. съ г. *Карломъ Видеманомъ*, который состоялъ помощникомъ кассира Лейпцигскаго городскаго банка. Г. Видеманъ очень хорошо игралъ на флейтѣ, а на гитарѣ былъ онъ даже виртуозомъ. Въ молодости своей бывалъ онъ также большимъ охотникомъ играть на театрѣ и по этому устроилъ даже цѣлое общество любителей и любительницъ сценическаго искусства, которое пригласило опытнаго наставника, извѣстнаго нѣмецкаго писателя-драматурга *Гут-*

мутъ. Впослѣдствіи г. Видеманъ былъ даже избранъ директоромъ этого драматическаго кружка. Онъ былъ вдовецъ и лѣтами старше меня. Семейство его состояло тогда изъ одного сына и четырехъ дочерей; сынъ служилъ кассиромъ въ одной большой банкирской конторѣ [1]), а изъ дочерей двѣ были замужемъ, старшая за товарищемъ главнаго судьи [2]) уголовнаго суда, а другая за купцомъ. Третья же дочь занималась музыкою и готовилась поступить въ консерваторію; у ней былъ необыкновенно тонкій слухъ и явное дарованіе къ пѣнію, а потому, хотя она была еще очень молода, но я взялся руководить развитіемъ ея голоса и продолжалъ ее учить пѣнію даже тогда, когда черезъ годъ она поступила въ консерваторію въ классъ фортепіанной педагогіи. Когда я собирался уже уѣхать изъ Лейпцига въ Грацъ, г. Видеманъ заболѣлъ опасно, почему я и отложилъ на время свой отъѣздъ. Къ прискорбію его семейства и моему мой старый другъ не вынесъ своей болѣзни и умеръ. Предъ смертію своею онъ горевалъ всего болѣе о томъ, что станетъ послѣ моего отъѣзда съ его *Маріею Анжолеттою,* которой придется вѣроятно прекратить столь удачно начатую музыкальную карьеру и, отчасти ради того чтобы успокоить умирающаго старика, отчасти же и потому, что мнѣ самому очень жаль было оставить мой трудъ недоконченнымъ, я далъ ему честное слово принять мою ученицу вмѣсто дочери. Послѣ смерти г. Видемана такъ было и сдѣлано, и съ согласія всего остальнаго семейства молоденькая моя ученица была мною принята въ пріемыши и переѣхала со мною въ Грацъ.

Въ 1870 году весною черезъ одну даму почтенныхъ лѣтъ (супругу извѣстнаго банкира *Грейницъ*, родомъ итальянка изъ города Падуи) имѣли мы съ моей пріемышей рекомендацію къ импрессаріо Падуанской оперы и вступили съ нимъ въ корреспонденцію относительно нашего ангажимента, моего какъ второго капельмейстера, а моей пріемной дочери какъ пѣвицы. Пока тянулись еще наши переговоры объ условіяхъ и проч., получилъ я въ маѣ мѣсяцѣ того же года телеграмму отъ Н. Гр. Ру-

---

[1]) Позже въ 70-хъ годахъ онъ состоялъ одно время въ числѣ директоровъ Берлинскаго Лендербанка и умеръ въ 1880 году въ Вѣнѣ.

[2]) Что у насъ называется: товарищъ предсѣдателя суда.

бинштейна съ предложеніемъ каѳедры по контрапункту и фугѣ въ Московскую консерваторію и съ требованіемъ немедленнаго отвѣта. Предвидя возможность быть полезнымъ своему отечеству, я конечно ни малѣйше не колебался: написавъ тотчасъ Падуанскому импрессаріо, что я отмѣнилъ свое намѣреніе, отвѣтилъ г. Рубинштейну, что я согласенъ. Вслѣдствіе того получилъ я затѣмъ формальное письмо отъ г. инспектора Московской консерваторіи г. Карла Альбрехта, который „по порученію г. директора оной консерваторіи“ мнѣ сообщилъ, что они считаютъ дѣло это *окончательно рѣшеннымъ* и потому *ожидаютъ меня въ Москву къ послѣдней недѣлѣ августа мѣсяца* того же года. Въ припискѣ къ этому *оффиціальному* сообщенію г. Альбрехтъ сообщилъ, что г. Рубинштейнъ ѣдетъ заграницу и намѣревается быть въ Лейпцигѣ 9-го іюня (нов. ст.), а оттуда поѣдетъ къ своему брату Антону Григорьевичу на вилладжатуру близь Вартбурга и что Николаю Григорьевичу было бы желательно видѣться со мною, *буде это воможно*. На это я видѣлъ себя вынужденнымъ ниже слѣдующими обстоятельствами отвѣтить, что въ назначенный мнѣ срокъ я непремѣнно буду въ Москвѣ, но видѣться съ г. директоромъ мнѣ невозможно по двумъ причинамъ: во 1-хъ) я обязанъ окончить начатый курсъ преподаванія „музыкальной эстетики“ въ частной консерваторіи г. *Яна Бувы* и потому ранѣе 1 августа (20 іюля) оставить г. Грацъ не могу и во 2-хъ) что поѣздка изъ Граца въ Лейпцигъ и назадъ (такъ какъ мнѣ необходимо бы было вернуться въ Грацъ для распродажи заведеннаго мною хозяйства) обошлось бы въ 300 талеровъ, которыхъ излишнихъ у меня нѣтъ и что я напишу объ этомъ г. Рубинштейну. Такъ какъ оба письма были отправлены заказными, то они дошли по своимъ адресамъ, въ чемъ я впрочемъ и получилъ позже, когда мнѣ это понадобилось, оффиціальное подтвержденіе. Не получивъ дальнѣйшаго отвѣта, я имѣлъ, кажется, право считать мое опредѣленіе въ Московскую консерваторію совершенно рѣшеннымъ и неотмѣнимымъ дѣломъ, а потому я и отправился въ самомъ началѣ августа мѣсяца (стар. ст..) конечно въ сопровожденіи моей пріемыши. Хотя, такимъ образомъ, я долженъ былъ пресѣчь имѣвшуюся въ виду театральную карьеру послѣдней, но я надѣялся, ибо повидимому дѣйствительно могъ надѣяться, что возможно будетъ

открыть ей таковую карьеру въ Россіи, и потому не сожалѣлъ о брошенныхъ нами переговорахъ съ Падуанскимъ театромъ.

Благополучно пріѣхавъ въ Петербургъ 16 августа стар. ст., написалъ я въ Московскую консерваторію о моемъ пріѣздѣ на родину и что 25-го числа, т. е. къ началу послѣдней недѣли августа мѣсяца, я непремѣнно явлюсь къ принятію своей должности. Между тѣмъ временемъ я остановился въ Петербургѣ въ Лондонской гостинницѣ, занимая, конечно, два нумера (одинъ для себя, а другой для пріемной моей дочери). Затѣмъ отыскалъ я знакомаго своего, *Александра Сергѣевича Фаминцына* [1]), который состоялъ тогда профессоромъ исторіи музыки при С.-Петербургской консерваторіи, а также секретаремъ главнаго управленія Русскимъ Музыкальнымъ Обществомъ, Высочайшей попечительницею котораго соизволила быть великая княгиня Елена Павловна. По этой послѣдней причинѣ г. Фаминцынъ сказалъ мнѣ, что я обязанъ представиться Ея Высочеству какъ новый профессоръ Московской консерваторіи и тѣмъ болѣе, что о таковомъ моемъ назначеніи было уже (безъ моего впрочемъ вѣдома) сообщено въ „Neue Zeitschrift für Musik,“ какую газету великая княгиня получала. Вслѣдствіе доклада г. Фаминцына великая княгиня соизволила мнѣ всемилостивѣйше назначить аудіенцію у себя въ Ораніенбаумѣ, гдѣ я и имѣлъ счастье Ей представиться и получить приглашеніе къ неоффиціальному, обыкновенному обѣденному столу. Ея Высочество удостоила меня всемилостивѣйшаго разговора съ нею и я долженъ былъ повѣдать о Листѣ и Вагнерѣ и вообще о результатахъ новѣйшаго музыкальнаго направленія, а затѣмъ Ея Высочество соизволила разрѣшить мнѣ счастье представленія Ей моей пріемыши какъ пѣвицы на всемилостивѣйшій судъ. Вслѣдствіе того былъ мнѣ назначенъ день, когда я имѣлъ пріѣхать въ Ораніенбаумъ въ сопровожденіи моей ученицы для участія послѣдней въ частномъ музыкальномъ вечерѣ, на которомъ Ея Высочество изъявила соизволеніе послушать ее. Въ назначенный день мы съ пріемной дочерью и прибыли въ Ораніенбаумъ. Въ самый день концерта,

---

[1]) Съ которымъ я подружился во время нашего, обоихъ пребыванія въ Лейпцигѣ (въ 1863—1866 гг.), гдѣ Александръ Сергѣевичъ у гг. профессоровъ Гауптмана и Рихтера изучалъ высшую теорію, а у Бренделя исторію музыки.

когда мы сидѣли еще за обѣдомъ въ кавалерскомъ отдѣленіи, пріѣхалъ А. С. Фаминцынъ. Съ явной тревогою на лицѣ отвелъ онъ меня въ сторону и сказалъ: „какъ мнѣ быть? Сейчасъ я получилъ телеграмму изъ Москвы отъ г. Альбрехта, о которой я считаю своимъ долгомъ доложить Ея Высочеству, такъ какъ теперь выходитъ, что вы вовсе не профессоръ Московской консерваторіи.“ Я съ полнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ: какъ же могло случиться, что я не профессоръ того института, когда у меня есть оффиціальная телеграмма съ предложеніемъ директора и столь же оффиціальное письмо объ окончательномъ рѣшеніи дѣла и съ сообщеніемъ, что меня непремѣнно ожидаютъ въ Москву? Г. Фаминцынъ предъявилъ мнѣ телеграмму, въ которой дѣйствительно значилось *слово въ слово:* „скажите Арнольду не для чего пріѣзжать ему въ Москву: вакансія отдана другому.“ Г. Фаминцынъ совѣтывалъ мнѣ тотчасъ отправиться въ Петербургъ за телеграммой г. Рубинштейна и письмомъ г. Альбрехта и непремѣнно привести эти документы въ тотъ же вечеръ въ Ораніенбаумъ, чтобы онъ могъ ихъ представить великой княгинѣ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Ея Высочество изволила найти всю правоту на моей сторонѣ, почему и приказала мнѣ „подать Ей жалобу на Московскую консерваторію“. Ослушаться высочайшей таковой воли великой княгини я не могъ, потому что этимъ я самъ себя призналъ бы неправымъ. Слѣдовательно я и подалъ на имя Высочайшей Покровительницы Русскаго Музыкальнаго Общества и его консерваторій жалобу на Московское отдѣленіе онаго общества съ представленіемъ упомянутыхъ выше документовъ и получилъ приказаніе явиться за рѣшеніемъ къ вице-президенту Общества кн. Д. А. Оболенскому, министру государственныхъ имуществъ. Въ свое время г. вице-президентъ сказаннаго общества сказалъ мнѣ, что онъ получилъ изъ Москвы два отвѣта, одинъ оффиціальный отъ дирекціи Московскаго отдѣленія, а другой частный отъ самого г. Рубинштейна. Въ первомъ значилось, что дирекція Московскаго Отдѣленія Русскаго Общества „*ничего не знаетъ про опредѣленіе г. Арнольда*,“ и этотъ отвѣтъ былъ подписанъ всѣми гг. директорами, во главѣ же самимъ г. Рубинштейномъ. Въ частномъ же своемъ письмѣ послѣдній сообщилъ: что дѣйствительно онъ пригласилъ г. Арнольда и приказалъ

г. Альбрехту извѣстить его объ окончательномъ его опредѣленіи, но что „онъ потомъ раздумалъ; а не писалъ ему потому, что не зналъ (будто?) куда адресовать ему письмо.“ Эти курьезные (а иначе какъ?) отвѣты были доложены великой княгинѣ, которая соизволила дать черезъ кн. Д. А. Оболенскаго приказаніе Московскому отдѣленію Русскаго Музыкальнаго Общества уладить это дѣло миромъ, а мнѣ было приказано выжидать предложенія оной дирекціи. Обратный отвѣтъ Московскаго отдѣленія что-то затянулся и мнѣ приходилось ждать цѣлыя пять недѣль, пока не пришло приглашеніе мнѣ ѣхать въ Москву на мировую сдѣлку. Эти пять недѣль, даромъ и безъ моей воли проведенныя въ ежедневномъ ожиданіи отвѣта, не только повліяли на мое здоровіе, но и стоили мнѣ не мало неожиданныхъ и совершенно излишнихъ издержекъ, такъ какъ я долженъ былъ платить въ гостинницѣ за два нумера по 4 руб. въ сутки, да кромѣ того, тратиться еще на содержаніе насъ двухъ и на разныя другія неизбѣжныя издержки.

Наконецъ-то мы отправились въ Москву и я тотчасъ сообщилъ г. Рубинштейну, что я ожидаю назначенія дня для свиданія съ нимъ. Я долженъ отдать Николаю Григорьевичу ту справедливость, что онъ тотчасъ пригласилъ меня къ себѣ на другой день и тогда мы имѣли съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Послѣ обмѣна этикетныхъ привѣтствій Николай Григорьевичъ съ неудовольствіемъ въ тонѣ сказалъ мнѣ: „вы изволили жаловаться великой княгинѣ? это напрасно. Вамъ придется затѣвать процессъ, а процессъ то вы проиграете“.

— Тотъ процессъ, на который, единственно въ случаѣ необходимости, я буду вынужденъ, столь вѣренъ, что я никакъ его проиграть не могу.

„Какой же этотъ процессъ? другаго, само собой разумѣется, какъ у мироваго судьи и быть не можетъ“.

— Извините, г. Рубинштейнъ. Къ мировому судьи я не обращусь, такъ какъ я тутъ въ Москвѣ ни съ кѣмъ не знакомъ, а васъ, какъ здѣшнюю знаменитость, всѣ знаютъ. Такой процессъ, конечно, я долженъ проиграть. Но есть процессъ другаго рода и тотъ проиграете *вы*, а не я.

„Какой же это такой курьезный процессъ?“

— Процессъ на весь образованный міръ. Вамъ не безъиз-

вѣстно, что я владѣю нѣкоторыми иностранными языками; такъ мой процессъ будетъ состоять въ томъ, что я помѣщу въ самыхъ обще-распространенныхъ газетахъ Германіи, Франціи и Италіи вашъ поступокъ со мной, то будьте увѣрены, что осудятъ не меня, а васъ.

„Вы хотите стращать?"

— Ни мало; я объясняю только, такъ какъ вы сами начали говорить о процессѣ, какого рода процессъ я думаю затѣять.— Однимъ словомъ г. Рубинштейнъ, убѣдившись, что я не принадлежу къ числу привычныхъ ему лакейскихъ низкопоклонниковъ, спросилъ наконецъ меня, на какихъ условіяхъ я согласенъ мириться? На это я отвѣтилъ: такъ какъ я имѣлъ счастье быть представленнымъ Ея Высочеству попечительницѣ Русскаго Музыкальнаго Общества въ качествѣ „профессора консерваторіи", и такъ какъ я на старости лѣтъ не желаю оказаться самозванцемъ, то прежде всего требую званія таковаго профессора и что только послѣ исполненія этого условія будетъ мнѣ прилично говорить о вознагражденіи моихъ матеріальныхъ убытковъ.

Короче сказать: такъ какъ я настоялъ на этомъ неизмѣнномъ условіи, то по моему и сдѣлалось, т. е. я получилъ свидѣтельство объ утвержденіи меня профессоромъ консерваторіи и часть моихъ убытковъ; кромѣ того г. Рубинштейнъ, также по моему требованію, обязался *честнымъ словомъ*, что онъ исполнитъ въ симфоническихъ концертахъ музыкальныя мои произведенія и что допуститъ мою пріемышу и ученицу А. К. Видеманъ къ участію пѣніемъ въ тѣхъ же концертахъ. На этихъ условіяхъ мы помирились. Нынѣ сожалѣю, что я условія эти не заключилъ письменно, потому что г. Рубинштейнъ ни одного изъ нихъ не сдержалъ, какъ видно будетъ далѣе.

Каѳедра по контрапункту и фугѣ была отдана другу и бывшему соученику г. профессора П. И. Чайковскаго. Условія съ нимъ были заключены 26 августа, слѣдовательно, *послѣ* того какъ консерваторія должна была непремѣнно получить уже мое письмо отъ 16 числа изъ Петербурга съ сообщеніемъ о моемъ пріѣздѣ. Кто вліялъ на г. Рубинштейна во всемъ этомъ дѣлѣ, мнѣ не извѣстно; но когда я сдѣлалъ визитъ г. директору консерваторіи, да гг. профессорамъ П. И. Чайковскому, Г. А. Ларошу, то единственный только послѣдній мнѣ отплатилъ общепринятой

учтивостью. Недружелюбная встрѣча по примѣру двухъ первыхъ была мнѣ также и со стороны другихъ профессоровъ, за исключеніемъ *А. Д. Александровой-Кочетовой*, отъ которой, конечно, какъ отъ дамы я контравизита ожидать не могъ, но которая пригласила меня и мою пріемышу къ себѣ. Отъ времени до времени я всетаки навѣщалъ Николая Григорьевича, преимущественно для того, чтобы справляться о томъ, когда онъ допуститъ мою ученицу къ участію въ концертѣ и тѣмъ болѣе, что онъ самъ ее уже прослушалъ (она исполняла подъ его аккомпаниментъ арію. изъ оперы „Фиделіо" Бетховена) и даже одобрилъ. Г. Рубинштейнъ наконецъ сказалъ мнѣ, что надобно, чтобы также и другіе гг. профессора ее прослушали. Тогда я устроилъ вечеръ въ залѣ моего друга А. А. Рахманова и пригласилъ кромѣ г. директора еще нѣкоторыхъ гг. профессоровъ консерваторіи, въ томъ числѣ всѣхъ уже выше упомянутыхъ. Она пѣла имъ піесы всѣхъ возможныхъ стилей. О сужденіяхъ своихъ никто, правда, мнѣ *лично* не говорилъ—никто изъ гг. профессоровъ, но они мнѣ были переданы полуоффиціально и расходились таки порядочно. Кто говорилъ, что у молодой пѣвицы есть хорошій голосъ, но умѣнія нѣтъ, а кто—что школа слышна, но голосъ не поставленъ; кто утверждалъ, что она хорошо выговариваетъ и фразируетъ, а кто самое противоположное и т. д. въ томъ же родѣ. Когда же я пришелъ къ г. Рубинштейну за отвѣтомъ, тогда онъ объявилъ мнѣ, что та проба должна считаться лишь частною, а что для настоящей пробы г-жѣ Видеманъ слѣдуетъ пѣть на одномъ изъ консерваторскихъ вечеровъ, почему и приглашаетъ насъ пріѣхать на одинъ изъ такихъ вечеровъ. Мы послѣдовали этому совѣту и пріѣхали въ консерваторію, но безъ нотъ; вмѣсто того я на вопросъ г. директора, что будетъ пѣть моя ученица, подалъ ему списокъ ея репертуара, прося выбирать по собственному усмотрѣнію, такъ какъ вѣроятно, назначаемое сочиненіе найдется въ консерваторской библіотекѣ. Была назначена большая арія изъ кантаты Шумана „Парадизъ и Пери", а аккомпанировать я просилъ г. преподавателя на фортепіано *Рафаэля Іозеффи*. Прежде чѣмъ начала дебютантка, всѣ четыре гг. профессора пѣнія встали со своихъ мѣстъ и вышли изъ залы. Когда г-жа Видеманъ кончила, слушатели (т. е. консерватористы и нѣкоторые гг. учителя), не бывъ предупрежденными, апплодировали,

а одинъ изъ гг. учителей на фортепіано, старикъ г. *Леопольдъ Лангеръ* сказалъ мнѣ даже, что пѣніе молодой дебютантки ему весьма понравилось. Господинъ же директоръ довольствовался тѣмъ, какъ, конечно, и слѣдовало по формальной строгости, что объявилъ мнѣ, что о рѣшеніи совѣта гг. профессоровъ мнѣ будетъ сообщено въ свое время; но это сообщеніе откладывалось отъ недѣли до недѣли. Наконецъ недѣль черезъ шесть или семь на одномъ изъ концертныхъ вечеровъ Русскаго Музыкальнаго Общества узналъ я, что наканунѣ состоялось засѣданіе гг. профессоровъ консерваторіи, на которомъ по предложенному г. Рубинштейномъ вопросу: „*желаютъ* ли гг. профессора, чтобы была допущена г-жа Видеманъ къ участію въ концертахъ?" они рѣшили большинствомъ черныхъ балловъ, т. е. рѣшили, что *не желаютъ*. Мнѣ сказали, что нашелся вложеннымъ *одинъ* только бѣлый шаръ. Страннымъ однако же показалось мнѣ, что нѣсколько гг. профессоровъ, которые потомъ подтвердили оное сообщеніе о рѣшеніи, увѣряли меня, что этотъ *единственный* бѣлый баллъ былъ положенъ именно ими самими. Весьма естественно, что таковая манера дѣйствовать со стороны г. директора консерваторіи меня взбѣсила и потому я въ антрактѣ отправился къ г. Рубинштейну и спросилъ его: таковъ ли былъ на самомъ дѣлѣ предложенный имъ вопросъ? а на. подтвержденіе его сказалъ (каюсь!), что такъ порядочные люди не поступаютъ, послѣ чего я повернулся и ушелъ и конечно прервалъ съ того времени всякое отношеніе съ консерваторіею, враждебность которой ко мнѣ не могла уже подлежать никакому сомнѣнію.

Годъ спустя былъ изданъ годовой отчетъ консерваторіи. Въ изложеніи о дѣятельности этого учрежденія были также упомянуты имена лицъ приглашенныхъ въ профессора, но моего имени не было въ спискѣ ихъ; я отправился въ консерваторію и спросилъ лично г. директора: съ намѣреніемъ или нечаянно-ли оказался этотъ пропускъ? Г. Рубинштейнъ отвѣтилъ, что это случилось нечаянно, потому что у меня класса-то собственно не было въ дѣйствительности, такъ что составитель отчета легко могъ забыть про меня; а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ напечатать въ газетахъ протестъ, на который консерваторія со своей стороны въ знакъ (будто) подтвержденія не станетъ возражать. На такое предложеніе я конечно не согласился, а выска-

залъ свое намѣреніе отнестись къ консерваторіи съ оффиціальнымъ вопросомъ, на который и прошу дать мнѣ столь же оффиціальный отвѣтъ. Г. директоръ консерваторіи былъ вынужденъ согласиться на мое раціональное дѣйствіе и въ скоромъ времени требуемое мною извиненіе послѣдовало оффиціально.

Въ началѣ 1873 года поступилъ ко мнѣ въ ученики по пѣнію одинъ весьма способный гимназистъ, *Алексѣй Петровичъ Павловъ* [1]), котораго воспитывала крестная его мать, вдова подполковника, *Софья Васильевна Чернявская*. Эта дама, будучи весьма довольною успѣхами своего питомца, спросила меня однажды, почему я не открываю публичные курсы? Въ отвѣтъ разсказалъ я ей о неудавшейся нашей попыткѣ съ бывшимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа Н. В. Исаковымъ и прибавилъ, что подобное предпріятіе было бы нынѣ менѣе затруднительнымъ, но что у меня не имѣется капитала для него. Тогда она предложила мнѣ дать денегъ взаймы на таковое дѣло. Вслѣдствіе того я и началъ хлопотать и во время лѣтнихъ каникулъ получилъ отъ г. оберъ-полицеймейстера дозволеніе на открытіе „общихъ музыкальныхъ классовъ", которые должны были начаться съ 1-го сентября. Г-жа Чернявская полагала нужнымъ, чтобы на открытіе этихъ классовъ я пригласилъ гг. директора и профессоровъ консерваторіи. Такъ какъ я не могъ не согласиться, что Софья Васильевна права, то я отправился, хотя (признаться) и не очень охотно, къ Николаю Григорьевичу и объявилъ ему, что я открываю музыкальные классы.

„Слышалъ я (отвѣтилъ онъ мнѣ); но это недолго продолжится. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы закроете свои классы".

Я возразилъ, что это зависитъ отъ того, каково будетъ ученіе и что я надѣюсь на успѣхъ. Затѣмъ объяснилъ я ему, что отдавая должное уваженіе консерваторіи, я прошу его и гг. профессоровъ, сдѣлать мнѣ честь своимъ присутствіемъ при открытіи моей школы. Быть можетъ, конечно, (прибавилъ я), что г. директоръ и гг. профессора консерваторіи, вслѣдствіе извѣстныхъ печальныхъ недоразумѣній, не пожелаютъ принять моего приглашенія; но, по моему пониманію, едва ли это окажется практич-

[1]) Нынѣ ординарный профессоръ Московскаго Университета и авторъ многихъ весьма извѣстныхъ сочиненій по части геологіи.

нымъ. Ибо тогда (прошу вѣрить, что къ крайнему сожалѣнію моему) я вынужденъ буду, объяснить тѣмъ лицамъ, которыя, быть можетъ, меня спросятъ, отчего именно наши отношенія сдѣлались столь проблематическими. Но такъ какъ я не думаю, чтобы таковыя объясненія могли быть желательными г. директору консерваторіи, то не лучше ли будетъ, сдѣлать мнѣ удовольствіе, увидѣть у себя почетными гостями Николая Григорьевича съ его товарищами. Г. Рубинштейнъ былъ такъ любезенъ и разсудителенъ, что обѣщалъ присутствовать на открытіи моей школы и дѣствительно пріѣхалъ въ сопровожденіи *Петра Ильича Чайковскаго*. Открытіе моихъ классовъ состоялось 2-го сентября 1873-го года. Изъ прочихъ гг. профессоровъ консерваторіи явился только еще протоіерей о. *Димитрій Васильевичъ Разумовскій*, о которомъ я стану далѣе подробно разсказать. Послѣ обычнаго молебствія былъ сервированъ завтракъ, во время котораго Николай Григорьевичъ, по предложенію г-жи Чернявской, былъ даже столь снисходителенъ, что возгласилъ тостъ на благоденствіе новаго учрежденія и за здоровье учредителя. Моимъ отвѣтомъ, конечно, былъ тостъ за славу консерваторіи и въ особенности ея директора и профессоровъ.

Черезъ годъ г. Рубинштейнъ, по подобному же моему приглашенію, сдѣлалъ мнѣ опять честь присутствовать на празднествѣ годовщины моихъ классовъ.

Эти наружныя наши, будто дружелюбныя, отношенія не мѣшали однако же консерваторіи совершенно игнорировать не только мою школу, но даже и самое мое существованіе въ Москвѣ. Такъ напримѣръ, вскорѣ послѣ открытія моихъ классовъ, *Александръ Сергѣевичъ Фамицынъ*, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, справлялся въ консерваторіи о моемъ жилищѣ и получилъ отвѣтъ: что въ консерваторіи ничего не знаютъ и что кажется, я будто оставилъ Москву.

Въ 1875-мъ году, когда мои классы возросли числомъ учениковъ до слишкомъ полутораста человѣкъ, составилось общество для поддержанія моего учрежденія, вслѣдствіе чего былъ изготовленъ проектъ устава и подано прошеніе г. генералъ-губернатору кн. Вл. А. Долгорукову, объ исходатайствованіи намъ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ дѣлъ. Когда правитель канцеляріи генералъ-губернатора, тайный совѣтникъ Егоровъ

мнѣ объявилъ, что князь рѣшилъ отправить проектъ новаго общества къ г. министру, при сообщеніи о его согласіи, тогда я, по совѣту г. Егорова же, поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать въ департаментѣ исполнительной полиціи о скорѣйшемъ ходѣ дѣла. Г. Егоровъ къ тому же сказалъ мнѣ, что представленіе г. генералъ-губернатора уже подписано и въ тотъ же день имѣло быть отправлено. Но когда я, на другой день по моемъ прибытіи въ Петербургъ, справлялся въ департаментѣ, то сказали мнѣ, что таковая бумага еще не пришла; а дня черезъ три, когда я опять явился за справкою, самъ г. начальникъ отдѣленія объявилъ мнѣ, что г. Московскій генералъ-губернаторъ хотя и препроводилъ къ нимъ проектъ въ департаментъ, однако-же никакъ не съ согласіемъ его на таковое дѣло со своей стороны, а напротивъ, съ примѣчаніемъ, что онъ находитъ учрежденіе подобнаго новаго общества совершенно излишнимъ, потому что въ Москвѣ существуетъ уже отличнѣйшая консерваторія. Это объяснило мнѣ, по какому случаю я встрѣтилъ г. Рубинштейна на томъ-же поѣздѣ желѣзной дороги, на которомъ я поѣхалъ въ Петербургъ. Впослѣдствіи узналъ я, что въ тотъ самый день, въ который я отправился въ Питеръ, одинъ изъ учителей моихъ классовъ, г. К. К. Веберъ былъ у Николая Григорьевича съ сообщеніемъ ему моихъ плановъ и моей поѣздки. Мѣсяца черезъ два такъ и послѣдовалъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ рѣшительный мнѣ отказъ въ учрежденіи общества для поддержки моей школы.

Кстати полагаю, что дозволительно упомянуть, что въ эти два года дѣйствительно мои классы процвѣтали и ежемѣсячные домашніе наши концерты, на которые желающимъ открытъ былъ безплатный входъ, всегда были переполнены лицами (до 200 персонъ), пожаловавшими, чтобы послушать исполненія нашихъ учениковъ и ученицъ. Преимущественно отличались классы солистнаго и хороваго пѣнія, между которыми въ особенности обращали на себя вниманіе слушателей г-жи *Успенская* (*нынѣ Е. В. Серебрякова*), *Александрова*, *Тугаринова*, *Квашнина-Самарина*, *Кудрявцева* и др., и гг. *Гинцбургъ*, *Хохловъ*, *Махаловъ*, *Гетцеръ*, *д-ръ Солнцевъ* и др. Это удачное проявленіе молодыхъ талантовъ не оставалось, однако-же, безъ довольно куріозныхъ послѣдствій: начали (какія именно личности, мнѣ, конечно, не передано) уго-

варивать изъ послѣдне упомянутыхъ моихъ учениковъ, переходить въ консерваторію, съ предложеніемъ имъ всѣхъ льготъ, какія только разрѣшаемы уставомъ этого учрежденія. Затѣмъ-же послѣдовали довольно удивительныя метаморфозы относительно ихъ голосовъ: изъ баритоновъ (Гинцбурга и Махалова) [1]) разжаловали въ бассы профондо, а изъ баса (cantante) [2]) (Хохлова) воспроизвели баритонъ. А. П. Самарина и В. А. Солнцевъ не поддались, однако же, уговорамъ. Считаю, впрочемъ, своимъ долгомъ прибавить, что мнѣ осталось неизвѣстнымъ, учинялось-ли это на самомъ дѣлѣ по иниціативѣ самой консерваторіи; ради чести ея я непремѣнно предпочитаю думать, что начальство консерваторіи не знавало про упомянутые—*наотрицаемые—факты* уговариванія. Другой-же не менѣе любопытный фактъ представляетъ слѣдующій эпизодъ. Въ началѣ 1874-го года знаменитый артистъ Итальянской оперы г. *Ноденъ* посѣтилъ мои классы и остался довольнымъ моимъ методомъ постановки пѣвческаго голоса. Объ этомъ было сказано въ одной статьѣ, трактующей вообще о моей школѣ; а статья эта была написана и помѣщена въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" однимъ изъ обычныхъ ихъ сотрудниковъ. Черезъ нѣкоторое время авторъ этой статьи сообщилъ мнѣ, что ему было сдѣлано „замѣчаніе" отъ редакціи и внушено не помѣщать болѣе статьи ни обо мнѣ, ни о моей школѣ. Но довольно говорить объ этихъ, „*не* арабскихъ волшебныхъ сказкахъ"; хотя я, по полному своему убѣжденію, и счелъ, не только умѣстнымъ, но даже совершенно необходимымъ не умалчивать про нихъ, а всетаки не легки-же моему сердцу эти воспоминанія.

Позже, послѣ смерти г. Рубинштейна, новые гг. директора, съ которыми я пытался входить въ болѣе дружелюбныя отношенія, встрѣчали меня—повидимому—сь чрезвычайною любезностью, и согласились будто даже на мое предложеніе, исполнить что либо изъ моихъ сочиненій. Но, какъ-то къ моему несчастію, это никакъ не удавалось. По случаю напр. всероссійской въ Москвѣ выставки (въ 1882-мъ году) въ программахъ будто „не оказалось *вообще мѣста* для моихъ сочиненій" [1]), а въ нынѣшнемъ

---

[1]) Голосъ послѣдняго былъ даже *теноровымъ* баритономъ чуднаго тембра.

[2]) Пѣвучій бассъ.

[1]) Увертюра „Ночь подъ Ивана-Купала", представленная въ *маѣ мѣсяцѣ*,

году мнѣ было дано въ отвѣтъ, что „столько уже назначено къ исполненію сочиненій *русскихъ* композиторовъ, что (опять таки) не нашлось *возможнымъ*, думать объ исполненіи какого-нибудь изъ моихъ сочиненій“ [2]). Это словно какъ будто бы я-то *не* принадлежу къ числу *русскихъ* музыкальныхъ дѣятелей; а между тѣмъ, я лѣтъ шесть тому назадъ, въ день своего 50-ти лѣтняго юбилея былъ почтенъ многими любезными письмами и телеграммами отъ извѣстныхъ *русскихъ*-же дѣятелей, *именно-то въ качествѣ русскаго композитора*. Что - же, впрочемъ, дѣлать? такова, видно, ужь всегдашняя участь моя. Я покоряюсь своей судьбѣ; но простое указаніе въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ на постоянно выказываемое мнѣ, едва-ли мною на самомъ дѣлѣ заслуженное, пренебреженіе, кажется, не можетъ подлежать упреку въ нескромности.

LIII.

Свѣтлыя воспоминанія о Москвѣ. — Сочувствія нѣкоторыхъ Русскихъ дѣятелей къ моимъ трудамъ. — Теорія Русскаго церковнаго пѣнія. — Издатель—редакторъ журнала „Православное Обозрѣніе“ о. П. А. Преображенскій.—Публичный диступъ въ залѣ Румянцевскаго музея.—Профессоръ консерваторіи, протоіерей о. Дм. В. Разумовскій.

Разсказавъ про бури и тревоги, какія я переживалъ во первопрестольномъ нашемъ градѣ, я не долженъ, однакоже, забывать про лучезарные дни моей Московской жизни.

Вскорѣ по открытіи моихъ музыкальныхъ классовъ, записался по отдѣлу теоріи также одинъ любитель музыки *Рафаилъ Михаиловичъ Павловъ*, человѣкъ уже не молодой, служащій тогда въ Румянцевскомъ музеѣ по отдѣлу литературы и искусствъ.

была мнѣ, при упомянутомъ отвѣтѣ, возвращена въ *сентябрѣ* мѣсяцѣ. Пріѣхавъ въ 1891-мъ году лѣтомъ въ Петербургъ на *короткое* время, я продирижировалъ эту увертюру въ Павловскѣ, *два раза* въ теченіи двухъ недѣль, по приглашенію г. *Лауба*.

[2]) Увертюра „Борисъ Годуновъ“ *пролежала подъ сукномъ* отъ мая 1891 г. по 8 сентября нынѣшняго года. Въ послѣдне сказанный день я предложилъ это сочиненіе *И. В. Главачу* для его концертовъ на электрической выставкѣ а 12-го уже числа она была исполнена подъ моимъ же управленіемъ.

Мы съ нимъ вскорѣ сблизились, такъ какъ у насъ съ нимъ оказались довольно сходные взгляды на жизнь и на искусство Къ тому же былъ онъ человѣкъ много образованный, да привѣтливаго, любезнаго характера. Ему очень понравились мои воззрѣнія на музыкальную теорію и на историческое начало, да на строй нашего православнаго церковнаго пѣнія. Вслѣдствіе того онъ предложилъ мнѣ, сдѣлаться членомъ „Общества любителей древняго Русскаго искусства", для какой цѣли онъ и познакомилъ меня съ секретаремъ онаго, извѣстнымъ сочинителемъ брошюръ о разныхъ памятникахъ древняго Русскаго искусства". *Юріемъ Дмитріевичемъ Филимоновымъ* Такимъ образомъ я въ началѣ 1874 года поступилъ членомъ въ упомянутое общество, а такъ какъ въ послѣднемъ находились также нѣсколько библіотекарей Румянцевскаго музея, то я имѣлъ удовольствіе съ ними познакомиться и оттого получить свободный входъ въ самую библіотеку музея помимо читальной залы, что мнѣ впослѣдствіи оказалось большимъ облегченіемъ въ отыскиваніи требуемаго матеріала для моихъ работъ.

Главнымъ предметомъ моихъ занятій въ то время, по окончаніи сочиненія объ общей „Теоріи музыки на основаніи акустическихъ и эстетическихъ законовъ", было систематическое изложеніе „теоріи нашего православнаго церковнаго пѣнія". Эту работу окончилъ я въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 года. Въ теченіе этихъ годовъ познакомился я также съ профессоромъ консерваторіи по части исторіи Русскаго церковнаго пѣнія протоіереемъ *о. Дмитріемъ Васильевичемъ Разумовскимъ* съ которымъ, равномѣрно вслѣдствіе полнаго согласія нашимъ воззрѣній, мы скоро подружились. О нашихъ дружескихъ отношеніяхъ и о томъ, какую поддержку въ своихъ работахъ по общему нашему предмету изслѣдованія я находилъ въ этомъ высоко достойномъ мужѣ, я намѣренъ далѣе подробно говорить. Само собой разумѣется, что по окончаніи моего труда, я первому ему представилъ мою рукопись на обсужденіе, а онъ сообщилъ о ней издателю-редактору журнала „Православное обозрѣніе", священнику церкви во имя Св. Θеодора Студита, многоуважаемому *о. Петру Алексѣевичу Преображенскому*, [1]) который и предложилъ мнѣ издать пер-

---

[1]) Также нынѣ уже умершему.

вое отдѣленіе моего труда т.-е. книгу: „Теорія древне-Русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа; выпускъ I: теорія православнаго церковнаго пѣнія вообще, по ученію Эллинскихъ и Византійскихъ писателей.“ Это сочиненіе было напечатано въ 1880 г.

Но прежде чѣмъ было издано мое сочиненіе, а именно осенью 1879 года, я въ качествѣ члена Общества любителей древняго Русскаго искусства, сообщилъ гг. членамъ (въ одномъ изъ нашихъ засѣданій) о моемъ трудѣ; а такъ какъ возникло нѣкоторое разногласіе на счетъ Греческаго источника нашего церковнаго пѣнія, то я предложилъ устроить публичный диспутъ о спорныхъ вопросахъ въ залѣ Румянцевскаго музея, въ которомъ наше общество собиралось всегда на свои засѣданія. Диспутъ состоялся подъ предсѣдательствомъ члена же общества *преосвященнѣйшаго Порфирія*, настоятеля Ново-Спасскаго монастыря. Главнымъ оппонентомъ оказался самъ г. предсѣдатель, мужъ необыкновенной учености и въ особенности прославившійся своимъ глубокимъ изученіемъ священныхъ пѣснопѣній греческихъ авторовъ первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, но далеко не спеціалистъ относительно музыкальныхъ познаній, а по Русскому церковному пѣнію-то знакомый только съ произведеніями эпохъ государей императоровъ Павла I и Александра I, т.-е. съ произведеніями *Бортнянскаго и его современниковъ*. Главнымъ образомъ онъ отрицалъ безпрерывную связь нашего Русскаго церковнаго пѣнія съ античной греческой музыкою, которую именно то напротивъ я признаю какъ основаніе всего православнаго пѣнія, а слѣдовательно и Русскаго. Когда-же я сталъ излагать древне-греческое ученье о церковныхъ гласахъ, [1]) тогда преосвященный Порфирій высказалъ мнѣніе, что будто это ученіе неподходяще къ дѣлу о Русскомъ церковномъ пѣніи. Тутъ-то поднялся съ своего мѣста о. Дмитрій Васильевичъ Разумовскій и поддержалъ мои доводы прекрасной, столь же ученой, сколько и одушевленной рѣчью, послѣ которой былъ объявленъ конецъ диспуту, хотя самый вопросъ-то такъ и остался не рѣшеннымъ окончательно.

---

[1]) Это ученіе большею частію рѣзко расходится съ ученіемъ средневѣковыхъ трактатовъ о гласахъ *Григоріанскаго* (Римско-католическаго) церковнаго пѣнія.

Съ о. Разумовскимъ познакомились мы довольно оригинальнымъ образомъ. Послѣ того недружелюбнаго пріема, какой мнѣ былъ сдѣланъ со стороны консерваторіи по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я, по обычной слабости глубоко уязвленнаго художника (homo sum!), конечно, не могъ возлюбить этотъ кружокъ и въ особенности сначала считалъ всякаго члена этого кружка явнымъ своимъ врагомъ, съ которымъ мнѣ не только дозволено, но и слѣдуетъ, по необходимости самоохраненія, бороться, гдѣ и когда представляется къ тому случай.

Находившись въ такомъ воинственномъ настроеніи духа, читалъ я первое изданіе книги „Церковное пѣніе въ Россіи.“ Самого существеннаго содержанія этого сочиненія я, конечно, не могъ не признавать дѣйствительно образцовымъ трудомъ; но въ спеціально-*музыкальныхъ* толкованіяхъ автора я нашелъ нѣкоторыя выраженія и объясненія, которыя должны привести читателя къ неясному пониманію сути дѣла. Сочинителемъ этой книги значился, мнѣ тогда лично еще не знакомый, профессоръ *Московской консерваторіи* о. Дмитрій Разумовскій. Этотъ титулъ показался мнѣ совершенно нормальнымъ поводомъ къ тому, чтобы отнестись къ этому сочиненію съ особенною критическою строгостію.

Въ концѣ декабря 1872 и въ началѣ января 1873 года прочелъ я,—съ разрѣшенія въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго *митрополита Иннокентія*,—въ здѣшней духовной семинаріи двѣ лекціи объ историческомъ происхожденіи, мелодическомъ значеніи и акустическомъ устройствѣ нашего древне-церковнаго осмогласія. При этомъ случаѣ напалъ я, между прочимъ, (откровенно сказать: довольно ѣдко) на „*профессора* Московской консерваторіи“ за вышеупомянутыя ошибки по части музыкально-техническихъ разъясненій.

Тутъ-то именно и объявилось рѣдкостное, удивленія достойное величіе характера отца Дмитрія, какъ безкорыстнаго, до самозабвенія преданнаго своему излюбленному предмету, ученаго. Спустя нѣсколько лишь дней послѣ моихъ лекцій, необыкновенный этотъ, по своему смиренію, истый послѣдователь Іисуса Христа самъ отыскалъ мою обитель, и входя ко мнѣ съ извѣстной всѣмъ, кто знавали его, добродушно-иронической улыбкою на устахъ и въ глазахъ, привѣтствовалъ меня словами: „прі-

идохъ ко врагу моему!“ Онъ прямо предложилъ мнѣ свою дружбу и свою поддержку въ начатомъ мною трудѣ относительно возстановленія теоретическихъ основъ нашего древняго православнаго церковнаго пѣнія.

И дѣйствительно, дружба ко мнѣ отца Дмитрія, въ теченіе цѣлыхъ 16 лѣтъ ни разу ничѣмъ не помрачавшаяся, была мнѣ сильной, во всѣхъ отношеніяхъ, поддежкою.

Въ нынѣшній вѣкъ мелкаго задора и низкой зависти мы вокругъ себя зримъ, даже въ наукѣ и въ искусствѣ,—кучки временщиковъ, забравшихъ все въ свои руки и не допускающихъ ни малѣйшаго соперничества. Они всѣми средствами мѣшаютъ неподдающемуея ихъ господству собрату, не стыдятся оклеветать его предъ публикою, или подставлять ему, какъ говорится, ножку.

Отецъ же Дмитрій не только утѣшалъ и ободрялъ меня, — бывшаго его антагониста, — въ тяжелыя минуты унынія, — не только поддерживалъ мой духъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ, но и не одинъ лишь разъ, а довольно часто горячо заступался за стараго труженика. Вмѣсто того, чтобы (какъ это дѣлывали, и постоянно еще дѣлаютъ другіе) мѣшать труду соперника, онъ, напротивъ, сколько могъ, облегчалъ этотъ трудъ. Съ этой цѣлію онъ снабжалъ меня собранными имъ самимъ за дорогую цѣну копіями съ рѣдкихъ древнихъ рукописей, да собственноручно имъ самимъ, вслѣдствіе многолѣтнихъ трудовъ, составленными выборками и сравнительными таблицами. Онъ сдѣлалъ гораздо болѣе еще: онъ указалъ прямо на предметы, преимущественно требующіе теоретическаго изслѣдованія и разъясненія; помогалъ въ доискиваніи настоящаго смысла толкованій древнихъ Греческихъ и въ особенности Византійскихъ авторовъ, такъ какъ онъ, безъ всякаго сравненія, зналъ эти языки гораздо лучше меня; онъ моральнымъ своимъ вліяніемъ заставлялъ меня написать мои изслѣдованія, а затѣмъ вознаграждалъ мой трудъ, какъ бы заказанный имъ; наконецъ онъ же издалъ мое сочиненіе [1]) въ роскошномъ видѣ на собственныя свои деньги, хотя онъ никакъ не могъ разсчитывать на успѣшную распродажу книги слишкомъ спеціальнаго содержанія, наибольшую часть

---

[1]) „Гармонизація древне-русскаго церковнаго пѣнія.“ Москва, 1886.

экземпляровъ которой онъ даже разослалъ даромъ разнымъ лицамъ, да въ разныя библіотеки и заведенія для вящаго распространенія извѣстности о трудѣ и о предметѣ.

Вотъ какъ поступалъ отецъ протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій Quisnam alter? [1]).

Личность отца Разумовскаго была вообще крайне симпатичная. Онъ былъ небольшаго роста, худенькій и болѣзненнаго вида, вслѣдствіе многолѣтнихъ, безустанныхъ трудовъ, какъ по своему званію и по своей должности (онъ былъ приходскимъ священникомъ церкви св. Георгія „на всполье“), такъ и по научнымъ предметамъ. Лѣтъ ему тогда было около 50-ти, но онъ казался старѣе. Образованіе свое получилъ онъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ по окончаніи курса онъ вначалѣ и оставался преподавателемъ математики, а затѣмъ въ томъ же городѣ, кажется, рукоположенъ въ священники. Позже начальство его перевело въ Москву. Жизнь велъ онъ весьма строгую, можно сказать: истинно постническую и во всякое время дня и ночи былъ готовъ отпрявляться къ своимъ прихожанамъ, когда они нуждались въ его присутствіи для исправленія ли требъ, или для совѣщанія съ нимъ о какихъ либо духовныхъ или матеріальныхъ своихъ нуждахъ. Христіанскій стоикъ, въ высшемъ смыслѣ этого понятія, онъ, съ величайшимъ смиреніемъ предъ Господомъ Богомъ, перенашивалъ ниспосланныя на него невзгоды, а горя случалось ему не мало въ его жизни. Никогда о. Дмитрій Васильевичъ не терялъ надежды на Св. Провидѣніе и улыбка смиренника и человѣка съ спокойной совѣстью никогда не исчезала съ устъ его. Въ самыя тяжелыя минуты собственной жизни, онъ всегда, поборовъ въ себѣ собственное горе, умѣлъ утѣшить страдающаго ближняго и никогда не отказывалъ никому въ своей, какъ духовной, такъ и (по мѣрѣ силъ своихъ) матеріальной помощи [2]). Церковныя службы отправлялъ онъ съ глубокой преданностью священному дѣйствію и съ полнѣйшимъ достоинствомъ священнослужителя. Таковыя дорогія, рѣдкія качества духовнаго отца и истиннаго человѣка сдѣлали о. Дмитрія дорогимъ любимцемъ всего своего прихода, безъ всякаго изъятія. О немъ отзы-

---

[1]) Гдѣ же другой подобный ему?

[2]) Покойный директоръ Московской консерваторіи Н. Г. Рубинштейнъ